

-
- [- Что нравится? Не знаю...](#)
- [- Отец. Любовь животворит, любовь лечит раны души ...](#)
- [- Внутри меня? Тут нужно подумать...](#)

С. Юрченко
Скопец, сын Неба

ISBN 978-5-9973-1767-6

«Спутник +», Москва, 2012

*...И есть скопцы, которые сами себя
сделали скопцами ради Царства Небесного.
Матфей 19,20.*

Предисловие

Христианская доктрина Агнца, приносящего себя в жертву, есть, если говорить без эвфемизмов, история о том, как Иисус осознанно привел себя к суду и смерти на кресте в Иерусалиме. Именно такое буквальное прочтение Евангелий представляет данная книга. В целом этот роман следует каноническому сюжету, (хотя, разумеется, книга содержит элементы художественного вымысла, а также некоторые отступления от фактов), но теологически это – совершенно еретическое сочинение. Я мог бы назвать его «Хроникой предумышленного самоубийства». Э.Ренан в предисловии к своей «Жизни Иисуса» написал: «История не заслуживает названия истории, если, читая ее, мы не будем попеременно то восхищаться, то возмущаться, то приходить в уныние, то испытывать утешение».

Когда мы читаем Евангелия, у нас возникает ощущение, что мы попали в дремучий мир, где есть только Моисей и пророки. Между тем, античный мир вокруг Иисуса блистал красками. Многие ли сознают, что во времена Иисуса знаменитые пирамиды выглядели примерно точно так же, как и сейчас? То есть уже тогда они были далекой древностью. За пятьсот лет до Иисуса на земле побывали Гаутама, Лао-Цзы, Гераклит и оставили после себя великие учения: буддизм, даосизм и гностицизм соответственно. А еще существовали древние культы: египетской Изиды,

персидского Митры, фригийской Кибелы. И не следует думать, как уверяла всех Церковь, что это были глупые, дикие религии. Не более глупые, чем культ еврейского бога Яхве. А что может быть более диким, чем культ сына этого бога Яхве, которого родила дева в результате непорочного зачатия?

За триста лет до Иисуса закончился золотой век эллинской философии, и школы последователей Платона, Аристотеля, Эпикура, киников и стоиков распространились по всему Средиземноморью. Их можно было найти не только в Греции и Риме, но и в Испании, в Ливии, в Египте, в Сирии, в Каппадокии, в Галлии и Германии. Конечно, их не было в Иерусалиме, там процветал ортодоксальный иудаизм. Не было таких школ и в захолустном Назарете. Но, несомненно, они были в Цезаре, в административной столице колониальной Иудеи. Достаточно было Иисусу спуститься с горы, на которой находился его родной городок, и проделать двухдневную пешую прогулку, чтобы оказаться в Цезарее и остановиться у ворот какой-нибудь школы софистов. Я полагаю, что Иисус именно так и поступил. Исторически самое первое и самое бесхитростное из четырех евангелий, евангелие от Марка простодушно сообщает, что у Иисуса было четыре брата и, по крайней мере, две сестры. В самом позднем и самом фальшивом евангелии от Иоанна даже отец Иисуса Иосиф не упоминается. Есть лишь Мессия и Божья Матерь.

Однажды Иисус под осуждающими взглядами своей большой семьи собрал суму, завязал сандалии и покинул отчий дом на многие годы, чтобы познать мир. Ни семья, ни город ему этого не простили. Ведь первенец – опора родителей. По первенцам пересчитывал Моисей свой народ перед Богом. Именно этим может объясняться тот странный факт, что евангелисты практически ничего не сообщают о юности и молодости Иисуса.

Что же он делал до своих сорока лет? Строгал дверные рамы в Назарете? А потом на него упала балка, и он начал пророчествовать? Природа не терпит скачков, говорил Лейбниц. Чтобы природа совершила скачок, необходимо чудо. Конечно, если вы падки до всяческих чудес, то вам следует именно так и думать: жил-был Иисус, плотничал с отцом, присматривал за своими братьями и сестрами, а по вечерам сидел на завалинке с приятелями, потягивал винцо и обсуждал деревенские новости. Но однажды утром Иисус проснулся и вдруг понял, что не сын он плотнику Иосифу, он – Сын богу Яхве. Но даже если допустить эту невероятную и пошлую выдумку, остается, по крайней мере, один вопрос. Почему Иисус не успел жениться прежде, чем осознал свою божественную сущность? В том мире, где он жил, холостяки не были в почете. Достигшие половозрелого возраста юноши и девушки должны были жениться. Бог велел: плодитесь и размножайтесь. В такой деревне, какой был Назарет, добрые соседи должны были замучить Иосифа и Марию вопросами. Почему их первенец не женится? Что с ним не так? Иисус ушел из Назарета еще в юности. И скорее всего – без родительского благословения. Возможно даже, что Иосиф от него отрекся.

Никто не знает, что он делал последующие пятнадцать-двадцать лет, прежде чем опять появился на евангельской сцене. Есть даже версия, что он посетил Индию. Почему бы и нет? Гулять – так гулять. Если тем более тебя уже нигде не ждут.

Евангелия оставляют даже не очень пытливого читателя в недоумении и с множеством вопросов. Но есть два самых главных вопроса, которые могут прояснить все остальные. Первый: за что Синедрион хотел судить Иисуса? И второй: почему он не умертвил Иисуса по закону Моисея, если признал его виновным, но стал добиваться того, чтобы его казнили согласно римскому правосудию?

Евангелисты объясняют арест Иисуса его возрастающей славой, но сами же проговариваются, что его слава была не столь велика, как у Иохонана Крестителя - нашрита (в русском синодальном переводе – Иоанна назорея). Иисуса принимают за воскресшего Иохонана.

Если вас принимают за другого человека, это значит, что он гораздо более известен, чем вы. Но Синедрион не преследовал Крестителя при всей его огромной славе. Его казнил царь Антипа, сын Ирода Великого (который якобы в свое время устроил резню младенцев в поисках новорожденного Иисуса, - и этой фантазии Луки есть объяснение в книге Иосифа Флавия). И сделал это Антипа по своим собственным причинам: Иохонан его публично позорил. Но Синедрион этого пророка не трогал.

Зачем же Синедриону понадобился какой-то бродячий проповедник? Синедрион – это высший духовный, законодательный, судебный и политический орган древнего Израиля. Палата пэров. Парламент. Он состоит из интеллектуальной элиты, из людей привычных к достатку и власти. Это – не свора псов, чтобы гоняться по Израилю за всевозможными лжепророками, которые регулярно появляются среди народа. Нужно очень постараться, чтобы эти люди вас заметили.

И тогда евангелисты рассказывают совершенно невероятную историю о том, как Иисус вошел в Храм и устроил там беспорядки. Иерусалимский Храм – не приходская церковь, в которой можно безнаказанно нахулиганить. Иерусалимский Храм – это целый город, современным аналогом которого можно считать католический Ватикан. Этот город обслуживают 20 тысяч жрецов, у него есть собственная храмовая полиция, тысячи чернорабочих – ниттим. Великое множество паломников приносят свои пожертвования в Храмовую казну. А поскольку в иудаизме запрещены изображения живых существ, то языческие монеты с ликами императоров и царей конвертируются у храмовых менял с их столами-биржами. Эти люди занимаются необходимым, законным и почетным бизнесом, и у каждого из них есть лицензия от Храма. Они вполне сопоставимы с современными служителями мамоны – банкирами. Если принять все это во внимание, то рассказ о том, как некий бродяга разогнал менял, переломал клетки с жертвенными животными, распугал полицию и устрасил благочестивую толпу, выглядит абсолютной выдумкой. Очень быстро этого человека скрутили бы и посадили в колодки, которые находились здесь же, возле бойни на Храмовом дворе. В таких колодках когда-то сидел Иеремия еще при первом Храме до его разрушения Навуходоносором.

Еще одна странность заключается в том, что Иисус в какой-то момент запретил своим ученикам рассказывать о себе. Цель Мессии – великая слава в народе. Представьте себе кандидата в президенты, который запрещает своему избирательному штабу заниматься пропагандой. Быть может, этот кандидат в президенты вовсе не хочет быть президентом? Быть может, у него совсем другие цели? Похоже, он ищет смерти...

И для этого Иисус идет в Иерусалим. Петр просит его одуматься и отказаться от своего безумного плана и слышит в ответ: отойди от меня, сатана! Иисус входит в Храм, поднимается в портик Соломона напротив Красотных ворот, которые ведут к Святилищу Яхве, и начинает говорить. Нужно очень постараться, чтобы тебя заметили. Разогнать менял невозможно. Да и кто они такие? Жалкие буржуа. Есть священники, есть Синедрион, есть Верховный Жрец, есть, наконец, бог Яхве. Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто ты. А теперь догадайтесь, кого избрал Иисус своим врагом. И тогда вы поймете, почему так рассвирепели эти люди. По всему Иерусалиму через глашатаев было объявлено: Требуется Иисус, сын Иосифа из Назарета. Вознаграждение – тридцать серебряных шекелей. И им не пришлось его долго искать.

Наиболее странную историю предательства рассказывает Матфей, самый образованный и талантливый из евангелистов. На последней вечере Иисус фактически приказывает Иуде предать себя. Елеонская гора достаточно велика, она засажена оливами, и там нет парковых аллей с фонарями. К тому же в Пасху она заполнена паломниками, которым не нашлось место для ночлега в городе. Искать в темноте среди тысяч паломников одного человека – все равно, что искать иголку в стогу сена. Но Иуда совершенно точно знает, где находится Иисус, и

приветствует его неуместной фразой: радуйся, учитель. Чему должен радоваться тот, кто послал человека на тяжелое, позорное дело? Очевидно, тому, что этот человек выполнил свой долг. В англоязычной Библии (которая постоянно редактируется в отличие от скверного синодального перевода) Иисус отвечает на эти слова своего предателя не менее странно. Поторопись, друг (be quick about it, friend), – говорит он, словно устал ждать Иуду. Похоже, только эти двое понимают, что происходит, поскольку все остальные ученики Иисуса дремлют. Петр хватается за меч (где он его взял?), но Иисус его останавливает. В его планы это не входит. Он хочет своего ареста. И вот его ведут по ночному Иерусалиму сначала в дом первосвященника Анны, а затем к Каифе, где наскоро собирается Малый совет.

Уже в конце своего повествования Матфей вдруг опять вспоминает об Иуде. Он сообщает, что тот раскаялся в содеянном поступке, вернул деньги (а брал ли он их вообще?) и покончил с собою. И это говорится им скорее в оправдание Иуде, чем в осуждение. Иуда симпатичен Матфею. Марк и Лука, например, вообще ничего не говорят о смерти Иуды, забыв о нем сразу же после сцены в саду. Самым черным Иуда оказывается у Иоанна: вор, скряга, завистник, в которого к тому же вселился дьявол. И с большим удовольствием этот напыщенный евангелист уточняет, что предатель умер самой нехорошей по иудейским меркам смертью. Проклят повешенный на дереве, – сказано в Торе. Но вот мы открываем Деяния апостолов, написанные все тем же Лукой, и в первой же главе слышим нечто странное. Буквально: Иуда низвергся вниз, чрево его лопнуло, и внутренности вывалились наружу. С повешенными обычно такое не происходит. Низвержение, конечно, можно считать нравственной гиперболой, но упоминание «кишок» выглядит каким-то подчеркнутым натурализмом. А поскольку Лука – более добросовестный летописец, чем Иоанн, то естественнее всего предположить, что Иуда избрал себе ту самую смерть, какой дьявол искушал Иисуса: прыгни в пропасть и разбейся о камни.

Если Иисус обвинялся в богохульстве (а в чем же еще?), то вполне понятно, почему против него не могли найти свидетелей. Подобный свидетель сам станет богохульником. Такие дела Синедрион всегда рассматривал при закрытых дверях. Церковь тоже судила еретиков не публично, а вот сжигала она их в назидание всем на площадях. Поэтому все, что сообщают евангелисты об этом суде, следует полностью отнести к их фантазии, равно как и разговор Иисуса с Пилатом. Об этом мог бы поведать только сам Пилат, но вряд ли римский прокуратор общался с галилейскими рыбаками. Они знали об этом не больше, чем мы.

По закону Моисея за богохульство была только одна кара – смерть. Почему же Синедрион не казнил Иисуса? Зачем Верховному Жрецу Яхве понадобилось подвергать себя такому унижению: просить римского суда у идолопоклонника, оккупанта и антисемита Пилата? Что-то произошло на этом суде, после чего для Каифы стало принципиально важным, чтобы Иисус умер именно от руки этого ненавистного ему римлянина. И, угрожая отправить в Рим жалобу на казнокрадство прокуратора, он своего добился. Ответная месть Пилата свелась лишь к тому, что он приказал написать на кресте Иисуса оскорбительный для евреев комментарий: Царь иудейский. Разительным контрастом к этой надписи является известное мнение Талмуда: Иисус не был евреем, Мария родила его от сирийца по имени Пандера. Сыну блудницы нет места в народе Израиля.

Так был ли Иисус гностиком? Иудаистом он точно не был. Не был он связан и с ессеями (хасидами), поскольку Кумранская община была монастырской версией фарисейского учения Гиллеля и Шаммая. А Иисус, как следует из Евангелий, терпеть не мог фарисеев с их доктриной бессмертной души и Страшным судом. Само название «ессей» есть искажение от Хесседека – Праведника. По сути, им и должен быть Мессия – Помазанник. Эти люди почитали Яхве-Творца, проводили жизнь в постах и молитвах, и носили на поясе лопатку, чтобы закапывать свои экскременты, ибо Всевышнему противна мерзость человеческая (Иосиф Флавий).

Конечно, ничего в этой истории уже нельзя доказать. Да и нужно ли? Остается только предполагать. Я полагаю, что Иисус был гностиком, но не в смысле того мистического гностицизма, который возник вместе с христианством в 1-2 веках. Это учение с его Эонами – детский лепет античности. Исторически его выводят из зороастризма. А там главное – неотвратимый дуализм добра и зла. Из этого пессимизма и возникли гностические школы Валентина, Василида, Карпократа, архонтиков, каинитов, валезиан и вообще все суицидальные секты средневековых катаров, альбигойцев, хлыстов вплоть до нынешних самосжигателей (даже если они сами не догадываются об этом).

Некогда, задолго до Иисуса, в храме Артемиды в Эфесе хранилась книга Гераклита «О природе». С нее и начался эллинистический гностицизм, учение о Софии как высшем мире и Логосе как низшем. Продолжателями этого учения были стоики с их учением об Огне (Святом Духе?), телом которого является Космос (Царство Небесное?). Именно в этом смысле я называю Иисуса гностиком, и этот эллинистический гностицизм имеет весьма отдаленное отношение к иудео-христианскому гностицизму, чья метафизика Эонов очень похожа на древо Сфирот в Каббале. В Эфесе невежественный левит Иоанн и подхватил идею Логоса, который он ассоциировал с Сыном Божьим. С точки зрения гностицизма вышло очень глупо и смешно. Но гностики поплатились за свое ученое высокомерие. Нам от них почти ничего не осталось. Их книги сгорели в церковных аутодафе. Тем не менее эта Церковь почему-то воздвигла храм Софии в Византии.

Библеисты, обсуждая историчность Иисуса, часто говорят, что его современник Филон, будучи сам евреем, ни словом не упомянул об этом человеке. Во-первых, эта история вовсе не была такой уж шумной, как принято ее представлять, хотя знаменитый теолог Филон скорее всего не пропускал ни одну Пасху в Иерусалиме. Во-вторых, Филон ненавидел гностиков, которые «с помощью какого-то Неба низвергают Творца и его мироздание» («О потомках надменного Каина»). А в-третьих, зачем александрийскому раввину вспоминать богохульника?

Именно о Царстве Небесном говорил Иисус. А Святой Дух – и есть София. И этот Дух Иисус ставил выше себя, когда говорил: «Простится хула на сына человеческого (меня), но не простится хула на Духа Святого». Это непощение не подразумевает фарисейский ад. Не простится дурак и умрет дураком. Но прежде этот дурак распнет меня. Я сам подставлю ему щеку. У скопца впереди только Царство Небесное! Что ему терять? Ни отца, ни матери, ни жены, ни детей, ни дома, ни бога, ни черта. Только свобода! И смерть освобождает от последнего – от себя самого.

Иисус – не Сын Божий. Правы иудаисты и мусульмане: это - мерзость. Он – сын Неба. Дело тут даже не в том, что бог-элои и небо-шам'аим созвучны, а в том, что для древнего человека небо было священным. Сын Бога и сын Неба могли восприниматься им как синонимы. Но Сын Бога – исключение из правил, а сын Неба – это один из сынов человеческих, которым может стать каждый. В этом смысл благой вести. Что благого в вести о Страшном суде, согласно которому всех следует отправить в ад, ибо «без греха только Бог»?

Синекдоха (др.-греч. σινεκδοχή) – выражение большего через меньшее, замена слова, обозначающего известный предмет или группу предметов, словом, обозначающим часть названного предмета или единичный предмет; отсюда и латинское наименование этого тропа – *pars pro toto* (часть взамен целого). Язык философии, если упрощать его для образности, становится синекдохическим. И вот Иисус произносит одну из таких синекдох: «Должно вам родиться заново». Ведь сам он переродился: он был одним из сынов человеческих и стал одним из сынов Неба. Но эта фигура речи вызывает у галилейских рыбаков, привыкших пользоваться языком по его прямому бытовому назначению, лишь недоумение. Разве возможно человеку вновь войти в материнское лоно? – вопрошают апостолы. Иисус им что-то объясняет в своем

словоупотреблении (поскольку эти рыбаки «как дети»: им играют на свирели, – они не радуются, им поют песни, – они не плачут). Но результатом всего этого смыслового одиночества Мессии (ведь «мысль изреченная есть ложь», а глас вопиющего в пустыне – это крик отчаяния в глухом мире) становятся лишь два христианских мифа: о непорочном зачатии Сына Божьего, который родился не так как все, и о Царстве Небесном, в котором праведники рождаются вновь для вечной жизни.

Что касается первого мифа, то практика обожествления некоторых личностей была широко распространена в античном мире. Напомню лишь самые известные: фараон Эхнатон, сын бога Атона, Александр Македонский, сын Зевса и Роксаны, император Август, сын Юпитера. А еще по этому миру бродила армия шарлатанов – потомков блудливого пантеона. Из глубочайшей симпатии к Иисусу (не хочу использовать искаженное слово «любовь») я отказываюсь верить, что он причастен к этой пошлой выдумке.

Очевидно, Иисус выступал с речами в вызывающей манере. Марк и Матфей сообщают, что в родном Назарете Иисуса чуть не сбросили в ущелье, а в Капернауме его хотели побить камнями. Были у него конфликты в Хоразине, в Вифсаиде, после которых родилась надменная фраза: «не давайте святыню псам». В Храме было сказано что-то ужасное. Это – самоубийство. А потом последний выкрик на кресте: Небо, Небо, зачем я был здесь?

Они так ничего и не поняли. И через семь недель шабуота на пятидесятницу было состряпано христианство, по сути своей абсолютно фарисейское. В номинальном смысле это слово подразумевает учение о бессмертной душе и загробной жизни, которого не было в Торе Моисея. Знаменитая скорбь Соломона заключается именно в том, что саддукеи не признавали загробный мир. Поэтому «участь человека и участь скота – одна участь». Христианство было теологическим продолжением фарисейства. А первым епископом Иерусалимской церкви стал нашрит Иамес, тот самый родной брат Иисуса, который вместе со всем святым семейством считал его бесноватым. Надо полагать, именно этим вызваны его горькие фразы: «Враги человека – домашние его» и «Нет пророку чести в своем отечестве».

Можно предположить (совершенно бездоказательно), что стало с телом, возле которого не оказалось ни одного из учеников, ни одного из евангелистов. Идиллический рассказ Иоанна о том, как он с Божьей Матерью стоял у креста и был благословлен оттуда Сыном Божьим, синоптическими евангелистами не подтвержден. Но все трое, упомянув в отдалении Марию из Магдалы, сообщают о появлении неизвестного лица – Иосифа из Аримафеи, «члена Совета», который и берет на себя заботу о погребении Мессии. Думаю, он был послан Иудой – единственным другом Иисуса, который тоже не остался жить, но разбил на Тофете свое тело о камни. И в это же время тело Иисуса исчезло... в какой-нибудь пещере на том же проклятом Тофете, где во времена Соломона приносили человеческие жертвы финикийскому богу Молоху, и сам царь-мудрец отдал одного из своих сыновей на сожжение.

Традиционно Иуда именуется сыном Симона Искарриота. Это принято понимать как указание на город – Кариот. Но буквально такого города, кажется, в Иудее не было. Поэтому считается, что допущена ошибка при переписывании (в плохой истории Булгакова этот город – Кириаф). Имеется версия (Кульман), что Искарриот есть *Сикариот* по названию фригийского змеевидного кинжала – *сика*. Террористическое крыло национал-патриотической партии зелотов (ревнителеей) именно так и называлось: «*сикариями*» – кинжалщиками. Очевидно, одним из таких террористов-сикариев был *бар Аббас* («разбойник Варавва»). Сикариот можно перевести как Соратник, Воитель. Я думаю, что Иуда был чудовищно оклеветан Иоанном, который, очевидно, терпеть его не мог. Возможно, зелот Иуда презирал этого юнца, которому в ту пору было лет 18.

Ницше был прав: Евангелия следует читать в перчатках, чтобы не запачкаться. Но вот уже

на протяжении двух тысяч лет люди читают их, независимо от того, верят они в эту историю или нет. Потому что среди всего этого мусора вдруг встречаются потрясающие, пронзительные строки. Кто-то же произнес эти строки в том дремучем Израиле. И тот, кто их произнес, был великий умница! Настоящий скопец.

Хронология

Часть первая. ИОАНН (октябрь – декабрь 32 г.)

Часть вторая. ПЕТР (декабрь 32 г. – февраль 33 г.)

Часть третья. ИУДА (март 33 г.)

Часть четвертая. ПИЛАТ (апрель 33 г.)

Часть первая

Иоанн

Октябрь, полдень.

По дороге, ведущей из Каны к Галилейскому озеру, идут трое:

Иоанн, сын Зеведея левита;

Иисус, сын Иосифа плотника;

Иуда, сын Симона Соратника.

Они кажутся компанией случайных попутчиков, которые без сожалений расстанутся друг с другом, как только достигнут места, где пути их расходятся. Эта троица явно состоит не из отца, сына и доброго соседа. После сбора урожая и дней осеннего равноденствия по Палестине бродит много паломников, возвращающихся домой с великого праздника покаяния и очищения Йом Киппур, сопровождающегося иллюминацией Иерусалима и торжественной литургией в Храме Яхве. Многие еврейские общины со всей Римской империи присылают к этому дню в Иерусалим свои посольства, везущие деньги от продажи десятины урожая, которая предназначена Богу Израиля. Римские денарии, греческие драхмы, вавилонские дарики и парфянское золото, - все эти монеты с ликами царей и зверей стекаются во внешний двор Храма, где биржевые менялы превращают их в еврейские шекели, которые и лягут в Храмовую сокровищницу чистым серебром, ибо противны Господу Израиля все изображения живых существ. Возможно, и эти трое в числе посольств или сами по себе присутствовали на празднике искупления, задержались

в дороге и теперь возвращаются домой.

Иоанну нет еще и двадцати. Его юного и живого лица, поросшего первым пухом, не касались ни бритва, ни скорбь. Одет он очень нарядно: хитон из синей шерсти, под ним белоснежный гиматий, перехваченный в талии поясом, на котором висит расшитый пальмовыми листьями кошель. Все это, включая гордую осанку, выдает в нем юношу из состоятельного и благородного семейства. Новые сандалии с медными скрепами завершают его костюм. Он очень доволен своим нарядом, самим собой и всем миром... ну, почти всем.

Напротив, идущий в центре этого сообщества Иисус одет бедно и небрежно. На нем рубаха из грубого льна и финикийский плащ, выкрашенный с помощью сукровицы морских моллюсков в царский пурпур и украшенный по подолу кистями. Однако этот некогда дорогой алый плащ от времени обветшал и приобрел бурый оттенок, а бахрома истрепалась, превратившись в грязные лохмотья. Иисус намного старше Иоанна и годится ему скорее в отцы, чем в товарищи. У него длинные, несвежие волосы, разделенные прямым пробором, остриженная коротко борода, аскетичное лицо с впалыми щеками и каким-то особенным, сложным выражением глаз.

Печальный взгляд этого сурового человека и пленил Иоанна при первой же их встрече. Взрослея, юноши обычно выстраивают перед собой некий образ мужественности, которого хотят достичь сами. Скорее бессознательно, чем осознано Иоанн почувствовал, что хочет больше походить на Иисуса, чем на своего отца Зеведея, никак еще не связывая это желание ни с жизненным опытом, ни с социальным статусом обоих. Так можно по-мальчишески мечтать о чужих шрамах, не отдавая себе отчета в том, что этим шрамам предшествуют боль и унижения.

Идущий слева от Иисуса Иуда, заросший седой бородой до самых глаз, в шапке, покрывающей его плешивую голову, с хмурым, даже мрачным взором выглядит здесь и вовсе лишним. Одет он не бедно, но неряшливо, в какую-то грязную охру, будто сшил свои рубаху и халат из опавших листьев, устилающих их путь по осенней Галилее. Он прихрамывает на левую ногу, которая в результате давней травмы стала у него короче правой. Мрачного Иуду об этом не спросишь. Иоанну кажется, что хромым спутник Иисуса - злобный старик. Он смотрит пронизывающим взглядом на всех вокруг и почти не говорит. Если его спросить о чем-то, он может и не ответить. Между Иоанном и Иудой быстро установились холодные отношения, вроде негласного договора: юноша не лезет к калек с ребяческими разговорами, старик не делает ему в ответ никаких замечаний. Иоанн догадывается, что этот немолодой человек, хранящий в своем сердце какие-то горькие тайны, презирает его юностью. Их связывает только Иисус, без него они и минуты не провели бы вместе. Откуда взялся этот Иуда?

Иоанн подчинился установленному порядку, но тут же начал свою необъявленную войну против Иуды за место в сердце возлюбленного учителя. Так, например, он сразу же закрепил за собой право быть одесную Иисуса (и позже, когда окружение Иисуса умножится, Иоанн будет ревниво всем показывать, что он и только он должен сидеть, лежать и ходить справа от учителя как любимый ученик). Одержав эту победу, Иоанн не заметил очевидного факта: хромому Иуде удобнее идти слева от своего спутника, кем бы он ни был, ведь при каждом шаге его тело припадает на левую ногу. По этой же причине он носит на левом бедре кожаную портупею, на которой вместо меча у него висит пенал из эбенового дерева, хлопающий его при каждом шаге по кривой ноге. Выдвижная крышка пенала подогнана так плотно, что его содержимому не грозят грязь и вода. В таких походных пеналах - от самых простых из дешевого дерева до очень дорогих с инкрустациями из камней - обычно хранят деловые бумаги, личную почту, благовония, реликвии, драгоценности и все, что нужно уберечь от превратностей путешествия. Ими пользуются купцы, чиновники, вельможи, бродячие жрецы и дамы разных сословий.

Иоанн подозревает, что Иуда хранит в своем ящике деньги. Чем еще может дорожить старый калека, которого никто не любит? Уж, конечно, деньгами, на которые можно купить

внимание и заботу людей. А вот юному, обаятельному Иоанну не нужны деньги, чтобы завоевать симпатии окружающих. Он любит людей, и любим ими. И хотя в его расшитом кошельке лежит несколько шекелей (его отец Зеведей как истый фарисей не признает римских денег с чеканным кумиром на них), он не дорожит ими. Попросите у него, и если причина у вас достойная, он поделится с вами деньгами. Он не станет их прятать в ящик и скрывать от всех.

С чувством превосходства Иоанн оглядывает Иуду, затем Иисуса и высокопарно произносит:

- Учитель, позволь мне понести твою тяжесть.

Иисус, погруженный в какие-то свои мысли, на мгновение задумывается, и затем легко смеется.

- Понести мою тяжесть? Как благородно сказано! Вот только разве это тяжесть, мой мальчик? Это всего лишь сума.

Иоанн смущается от собственного порыва, но сохраняет задор.

- Все равно. Позволь мне взять ее у тебя.

- Что ж, начни с этого. Но говорю тебе, что будет в жизни тяжесть и побольше.

- Я готов!

Иисус снимает с плеча холщовую суму и передает ему. Водрузив ее на себя, точно хоругвь, Иоанн тут же задает нескромный, но милый, как это у него всегда получается, вопрос:

- А что в ней?

- Посмотри, - охотно разрешает Иисус.

Дважды повторять это не нужно. Юноша мгновенно распахивает ее и, чуть отстав от своих спутников, жадно разглядывает поклажу. Его любопытство вполне удовлетворено: в багаже учителя нет ни гроша, зато там есть алебастровый флакон со снадобьем, мешочки с травами и кореньями, смена белья и два свитка: Когелет - Проповедник, приписываемый мудрому царю Соломону, и какой-то греческий манускрипт. Вот поклажа, достойная бродячего мудреца! Теперь ее несет Иоанн.

Он гордо оглядывается по сторонам. Никто его не видит. Дорога из Каны к Галилейскому озеру пролегает меж холмов. В месяце Эфаним воздух в Галилее уже по-осеннему свеж. Недавно закончился праздник куш - Суккот, следующий сразу за днем искупления, и на склонах среди опустевших виноградников, гранатовых плантаций и оливковых рощ попадаются уже завядшие шалаша и шесты от палаток, в которых народ справлял праздник после сбора урожая. Ныне все вернулись в свои дома. Настала пора свадеб.

- Правда, учитель, хорошо в нашей Галилее? - впитывая полной грудью в себя окружающую атмосферу, вопрошает Иоанн.

- Хорошо, - соглашается Иисус.

- А Иуда из наших? - громко продолжает он, не обращаясь по заведенному порядку прямо к их хромому спутнику.

Тот лишь хмуро косится на юнца и отворачивается.

- Иуда из Иудеи, - отвечает за него Иисус.

- Понятно, - многозначительно произносит он, будто только галилеяне отличаются добрым нравом, а в Иудее живет лишь сборище мрачных существ.

- Что тебе понятно? - резко одергивает его Иуда.

Иоанн сознает, что нарушил шаткое перемирие, да и сказать ему нечего.

- Так... вообще... понятно.

- Впредь понимай про себя!

Иоанн не может стерпеть, что его одергивают как мальчишку.

- Но ведь я к вам не обращался.

- Но говорил обо мне.

- Достаточно, - останавливает их обоих Иисус.

Наступает молчание. И опять черед холмов безмолвно оплывает спутников с двух сторон. Тянутся все те же рощи, виноградники, фисташковые деревья на скалистых вершинах. Это однообразие утомляет Иоанна, он не выдерживает больше окружающей их со всех сторон тишины, в которой слышен лишь шелест листьев и постукивание пенала при каждом шаге Иуды.

- А куда мы идем, учитель?

- Мы просто идем. Дорога нас ведет, в ней смысл.

- Но дорога ведь нас куда-то приведет?

- Несомненно.

- А там, куда она нас приведет, нас никто не ждет? - Иоанн тщательно подбирает слова и выстраивает вопросы, ибо всякий разговор с учителем воспринимается им как философская беседа, а не как праздная болтовня. Весомое немногословие Иисуса стало вторым искушением Иоанна. Ему бы научиться так значительно и просто хранить молчание. Теперь ему приходится следить за своей речью, умнея на своих собственных глазах. Язык Иоанна выровнялся, стал глубокомысленнее. - Ведь в дорогу отправляются ради встречи, - мудро заключает он.

- Встречи будут. Но нас никто не ждет.

- Значит, мы идем, чтобы идти, - рассуждает он дальше. - Но так можно уйти очень далеко. На край света, где кончается земля и начинается Океан.

- Не дальше Царства Небесного, мой мальчик. Никому не уйти дальше него.

- Так мы идем в Царство Небесное?

- Именно. Все туда идут.

- Все.

Иисус кивает головой.

- Все-все? И праведники, и грешники?

- Все, в ком есть душа.

- Расскажи, учитель.

- Все кончается для человеческих душ Царством Небесным.

- Расскажи.

Иисус ласково взглядывает на юношу и, наконец, после нескольких часов молчания с того момента, как они вышли утром из Канны, начинает говорить. Иоанн превращается во вдохновенного слушателя. Он обожает речи Иисуса, ради их небесной музыки, он готов идти и на край света. Нужно лишь питать его все это время молоком премудрости.

- Людям кажется, что мир полон дорог, и каждый идет по своей дороге. Поэтому они говорят, что пути их сходятся и расходятся, сплетаются и пересекаются. А когда кто-то умирает, говорят, что его путь оборвался.

- Еще говорят: на его пути было много препятствий, - живо откликается на эту игру Иоанн.

- А про целеустремленного человека говорят: он не свернет с избранного пути.

- А про слабого и грешного: он сбился с пути. А еще говорят: он шел вверх, но скатился вниз. Или: он оступился и упал. А вот еще: он шел извилистой дорожкой. Мой отец часто такое говорит мне и брату, - тут Иоанн осекается, упомянув отца, против воли которого он сегодня ушел за ненавистным тому Иисусом. Некстати он вспомнил своего отца, но учитель, словно не заметив ничего, продолжает:

- Люди думают, что жизнь состоит из множества дорог, по которым можно идти вправо и влево, вверх и вниз, вперед и назад. Но говорю тебе, что есть лишь одна дорога в этом мире и все мы с рождения вступаем на нее. А вступив, идем вместе со всеми по ней до смерти. И у этой дороги есть важная особенность: по ней нельзя идти назад, можно лишь продолжать свой путь

вперед или сойти с нее и остаться на обочине. Если бы эта дорога была обнесена стенами с двух сторон, то человек был бы обречен идти по ней до конца или, по крайней мере, до своей смерти. Но стен нет, хотя иные люди хотели бы их возвести. Порою я сам этого хочу, - иронично признается Иисус. - Но дорога открыта и пролегает по всему миру. И человек, идя по ней от рождения, видит слева и справа от дороги леса и луга, горы и озера, дворцы и сады, моря и пустыни. И в том месте, которое окажется по сердцу человеку, сходит он с дороги и часто уже больше не идет никуда. Он закончил свой путь и стал все равно что мертвый. Он и есть мертвец для Святого Духа. Он возлежит в своем дворце, или блаженствует у озера в саду. Возможно, ему так хорошо, что и мечтать больше не о чем, но говорю тебе: он мертвец отныне. Чтобы воскреснуть, должно ему все бросить и опять выйти на дорогу. Все живое и воскресшее из мертвого находится в пути. Посох и сума - вот его собственность.

Воображение Иоанна рисует широкую как море и длинную как человеческая жизнь дорогу, утопанную миллионами ног. Она уходит в сказочную даль, покрывая все земные просторы, и там за горизонтом сливается с голубым небом, по которому плывет Храм, сотканный из белых облаков и переливающийся драгоценными камнями. Золотая крыша его блистает вместо солнца, получая свет от божественного источника. С исходной высоты, на которую мысленно поставил себя Иоанн, все перед ним как на ладони. Он видит движущуюся массу смертного человечества. Порой из нее выходят отдельные существа и останавливаются восхищенно в прекрасных краях. В этих краях, в листве деревьев, в густой траве, под водой и за дворцовыми колоннами скрывается дьявол-змей, который обольщает людей, чтобы не шли они дальше к Небесному Храму, который ждет их вдали.

- Трудно же человеку оставить прекрасные места. Правда, учитель? - вслух рассуждает он.

- Трудно, Иоанн. Тем более трудно, что вместе с человеком часто живут в этих местах близкие его, которым вовсе не хочется покидать их и выходить на дорогу. Ведь недаром они получили свои места, чтобы расстаться с ними запросто. Но кто не оставит отца и мать своих, и брата, и жену свою ради Царства Небесного, тот мертв для Духа Святого. Первые враги человека - домашние его. И не простится им хула на Духа Святого, ибо, когда ты берешь посох свой и суму, чтобы идти, а они говорят: это безумие, - безумным они называют то, что их породило. Дух Святой! Всякая душа происходит из Духа, но не помнит и не может помнить об этом. Когда-нибудь я расскажу тебе, почему. А пока помни одно: немногие похвалят тебя за праведный выбор, но многие осудят. И первыми будут твои родные. Вовек им не простится это! - добавляет Иисус.

И на лице его проступает холодное, упрямое выражение, которое Иоанну уже довелось видеть несколько раз. Он понимает, что последняя фраза относится уже не к метафизической доктрине, а к личным высказываниям Иисуса, направленным против его младшего брата Иамеса. Иоанну становится даже неловко от своей догадливости и вообще от воспоминаний о сцене разлада Иисуса со своей семьей в Назарете, невольным свидетелем которой он стал. Именно такое холодное, упрямое лицо было тогда у Иисуса. Юноша понимает, что его возлюбленный учитель ранен этой историей в самое сердце, но ему уже хватает чуткости не трогать эту рану. Та же деликатность не позволяет ему пересказать учителю сцену своего собственного расставания с отцом сегодняшним утром. Он сказал, что его отец был недоволен желанием Иоанна пойти с Иисусом, но это была ложь. Зеведей пришел в ярость от этой новости. Когда сын в максимально уклончивой форме заявил отцу, что хочет всего лишь посмотреть Галилею вместе с Иисусом, отец побагровел. Он затопал бы ногами, если бы они не были у него опухшими от водянки. Тем сильнее был его гнев, нашедший себе выход в крике. Иоанн испугался, что его отца хватит удар, и одновременно почувствовал раздражение против тирании семейных уз. Если ты поступишь по-своему, твоим близким будет плохо, и поэтому ты должен

жить по их правилам. Но ведь это твоя жизнь! Иоанн чтит сыновний долг, но он против сыновнего рабства.

Судья Зеведей невзлюбил Иисуса с того дня, как тот появился в Назарете после многих лет странствий. Ведь Зеведей чуть не погубил учителя, и это стало первым ударом по сыновним чувствам Иоанна. До тех пор он лишь мысленно не соглашался с отцом, в тот день он его осудил сердцем.

А сегодня утром Зеведей тоже назвал Иисуса безумцем.

- Ты хочешь идти к гибели за этим безумцем? - кричал в бешенстве он.- За этим безумным, который набрался ереси у язычников! Он ослепил тебя звонкими фразами. Когда слепой ведет слепого, оба упадут в яму. Я запрещаю тебе идти с этим плотничьим отродьем!

Рядом стоял старший брат Иоанна Иаков, и был согласен с отцом. Он осуждающе молча. На его лице словно была написана пятая заповедь Моисея: почитай отца и мать своих.

А судья продолжал:

- Мой сын превратился в дурака. Опозорил меня на свадьбе. А теперь хочет позорить еще дальше. Я не для того тебя родил и вырастил, чтобы отдать на погибель какому-то прощелью!

Иоанн хлопнул дверью. Нашел Иисуса и напросился в спутники. "А как же твой отец?" - спросил учитель. Он соврал. Иисус все понял и лишь сказал, глядя с улыбкой в глаза Иоанну:

- Человек делает свой выбор, даже когда ничего не выбирает. Ты сделал свой выбор.

И вот теперь, шагая по избранному им пути, юноша со вздохом повторяет:

- Да, трудно человеку покинуть обжитые места.

Холодное упрямство на лице Иисуса сменилось уже его обычным печально-ласковым выражением, которое и околдовало юношу своим одиночеством.

- Странность, мой мальчик, в том, - продолжает разговор Иисус,- что человек не всегда выбирает, как ты говоришь, прекрасные места и обживает их. Некоторые места тебе совсем не понравились бы, ибо человек порою сходит с дороги не в садах, а в пустынях.

- А пустыни тоже есть! - живо отзывается Иоанн и тут же добавляет к своему воображаемому пейзажу безжизненные пески. - Но кто же предпочтет дворцу пустыню?

- Есть и такие.

- А ты знаешь этих странных людей?

- Да, - коротко отвечает Иисус и бросает взгляд на своего спутника слева. - Знаю одного.

Иуда ловит этот взгляд, покашливает, но отмалчивается.

Иоанн не замечает их бессловесного диалога.

- Может быть, это Иохонан Креститель? - задумчиво спрашивает он. - Он живет в пустыне и очищает людей в Иордане.

- Он тоже.

- А кто еще?

- Чтобы жить в пустыне, совсем не обязательно уходить в настоящую пустыню. Иногда человек создает её вокруг себя. Живущий с тобой по соседству может быть из этой пустыни.

- А ты из пустыни? - простодушно вопрошает юноша.

- Я тот, кто идет по дороге к Царству Небесному. Всякий сошедший с дороги становится мертв для Духа и сошедший в пустыне - тоже. Но ему воскреснуть легче других. Он - уже один. Его никто не удерживает там, а пустыня сама гонит прочь. Ты прав, Иохонан Креститель из пустыни, как и все пророки до него. Заслуга его в том, что он сошел с дороги не в садах, а во мрачном месте. И голос его - голос кричащего в пустыне. Но тому, кто идет по дороге, заслуга еще больше. Он наследует Небо. Со мной ли ты, Иоанн?

- С тобой, учитель! - горячо отзывается юноша.

Он не замечает скептического взгляда Иуды в свою сторону, увлеченный новой игрой:

теперь он будет смотреть на каждого встречного новым взглядом, разгадывая место его душевного пребывания. Как назло вокруг нет ни души. И тогда первым объектом своего исследования он решает сделать их третьего спутника. Он чуть отстает от группы, чтобы взглянуть на Иуду сквозь приобретенную им волшебную призму. Хромой, старый, нелюдимый. Он точно не из дворца. Смешно воображать его посреди цветущего сада срывающим плоды жизни или лежащим на лугу со свирелью и венком на лысой голове. Не хочется помещать его и в пустыню. Из слов учителя Иоанн понял, что пустыня - самое престижное место. От нее рукой подать до Царства Небесного.

- А пещеры вдоль дороги есть? - обращается он к Иисусу.

- Есть все, что можешь вообразить.

Значит, Иуда - из пещеры, удовлетворенно решает Иоанн. И денежный ящик у него как пещера, в которой он хранит свои сокровища. Юноша весьма доволен своим умозаключением.

А кто же он сам? О, тут нет сомнений! Он, как и возлюбленный учитель, идет по дороге к Небесному Храму. Иоанн вдыхает полной грудью осенний воздух и оглядывается по сторонам. Вокруг по-прежнему Галилейские холмы. Как хорошо, когда знаешь куда идешь. Впереди Царство Небесное. Он ровняет шаг, чтобы идти в ногу с Иисусом как одно целое. Где хрому Иуде так идти!

- Я люблю дороги, - философски изрекает Иоанн.

- И не одни дороги, похоже, - подшучивает Иисус. - Вчера мы слышали замечательную речь в защиту любви.

Юноша мгновенно смущается. Он ловит беззвучную усмешку Иуды и начинает сердиться. Что позволительно Иисусу, не позволительно Иуде: смеяться над ним. На вчерашней свадьбе он, конечно, оплошал, почти опозорился, но именно учитель пришел к нему на помощь, совершив для него маленькое чудо. Именно так. По-другому это не назовешь - маленькое чудо в Кане Галилейской...

Чудо. Чудеса. Это то, чего больше всего желает душа Иоанна. Он живет в постоянном ожидании чуда, его сердце открыто для всего необыкновенного. Говорят, самое лучшее в празднике - его предвкушение. Это тем более справедливо для чуда, которое не привязано к месту и времени. Чудо большей частью состоит из ожидания чуда. Когда живешь в готовности увидеть его, оно, в конце концов, совершается.

Вот дорога, по которой они сейчас идут. Все холмы и холмы. Но там впереди она поворачивает на север и скрывается из виду. Что ждет Иоанна за поворотом? Почему бы там не оказаться чуду? Вдруг там обнаружатся люди с конскими ногами или кони с человеческими телами? Он слышал о таких существах, о них пишут в греческих книгах. Разумный человек испугался бы такой встречи с чудовищами, но ожидание чуда, за которым стоит безусловная любовь к себе и к этому миру, придает человеку бесстрашие. Вот что лежит в основе чуда - любовь. Кто недостаточно любит себя в этом мире и этот мир в себе, тот не удостоится чуда. Ведь чудо должно содержать в себе что-то непривычное, странное, невероятное. Страхом его можно только испортить. Когда Яхве заговорил с Моисеем из горящего куста громовым голосом, Моисей не бросился бежать вниз с горы и не сорвал тем самым торжественную встречу с Творцом. Моисей любил Бога, любил себя и свой народ, и Господь открылся ему за его любовь. Также и Иезекииль, когда явились ему ангелы - четырехкрылые и четырехликие, горящие как угли и снующие на колесах как молнии, пророк не превратился от ужаса в соляной столб, подобно жене Лота, которая без любви взглянула на гнев Господень и осудила в сердце своем Божью жестокость. Нет, Иезекииль выслушал долгие наставления Бога и записал их в свою книгу. Любовь дала ему силы на это.

Когда-нибудь перед Иоанном тоже развернется небо и будет ему голос свыше, и любовь,

которой так много в нем, что ему порой трудно дышать, не позволит ему онеметь от страха и пропустить этот час. Он запомнит все и подробно опишет это в своем откровении. Так будет.

Иоанн привычно взглядывает вверх. Осеннее небо над ним затянуто тучами, как Святая-Святых Храма - завесой. Так, наверное, и есть: облака – это завеса Небесного Града. Бог создает их, чтобы скрывать там своих ангелов. Небо безмолвствует пока и не подает знака юноше. Но когда-нибудь Иоанн увидит свои небеса, ведь он много возлюбил и шагает с учителем в ногу к Царству Небесному. Откуда-то же внушено ему с отрочества, что он рожден для необыкновенных дел, что его жизнь не может пройти без чудес.

Меж тем уже вечерет.

Трое спутников проходят за поворот дороги, им открывается широкая лощина между гор. Увы, никаких чудовищ нет там, чтобы восхитить Иоанна могуществом и фантазией Творца, есть лишь обычная галилейская деревушка на два десятка дворов. Они приближаются к самому крайнему из них, входят и стучатся в двери дома. Им долго никто не отзывается. Наконец, раздается голос:

- Что нужно?

- Мы путники. Просим пустить на ночлег.

- Откуда вы?

- Мы из Канны, были на свадьбе, идем теперь в Капернаум, - терпеливо объясняет Иисус.

Дверь приоткрывается и показывается дряхлый старик.

- Ныне много лихих людей бродит по дорогам, - ворчит он, внимательно разглядывая стоящих на крыльце людей. - Израиль уже не тот. Язычники в нем поселились. Да и наши zeloty теперь свирепствуют.

- Мы не причиним вреда.

- В дом пустить не могу. А в сарае ночуйте, если хотите.

- Ты бы нам, старик, хоть одеял дал, - вступает в разговор Иуда. - Холодно в твоём сарае. А zelotov не ругай. Они за твою свободу сражаются.

- Там сено есть. Им и укроетесь.

- Ну а поесть у тебя что-нибудь найдется? Мы заплатим.

Старик недовольно смотрит на Иуду.

- Видно, господин. Одеяло ему, ужин подай. У меня не постоянный двор.

- Мы устали и голодны, - мирно объясняет Иисус. - Но если ничего нет, спасибо и на том.

- Сейчас посмотрю. Может, что и найдется. - И старик закрывает перед ними дверь на засов.

Они идут в сарай. Кроме пустых яслей, сена и груды навоза там ничего нет. Иуда сразу же принимается за разведение костра. Его покалеченная нога начинает ныть при малейшем похолодании. Он быстро и привычно с помощью взявшегося откуда-то кремния запаливает охапку сена и крошит на нее сухой навоз. Помещение наполняется кислым дымом.

Вскоре появляется старик с кувшином воды, хлебом и сушеными смоквами. После вчерашнего свадебного изобилия этот ужин выглядит более чем скромно.

- Старик, мы заплатим вдвойне за твой сыр и масло, - предлагает Иуда.

- Нет у меня ничего. Что было... вот, даю.

- А что так тихо в деревне? - спрашивает Иисус.

- Так многие ушли на заработки в Тибериаду, а иные натрудились за день и отдыхают. Не всем же по дорогам шастать и мирных людей беспокоить. Ну ладно, некогда мне с вами говорить, меня дома ждут.

Он неодобрительно косится на то, как Иуда щедро накладывает в костер куски деревенского топлива.

- Вы мне сарай не спалите.

- Ничего с твоим сараем не случится, только суше станет.

Качая головой, старик уходит.

Наскоро поужинав, они устраиваются на ночлег. Иуда ложится ближе к огню, обмотав свою искалеченную ногу толстым платком из козьего пуха и поставив эбеновый пенал под голову, Иоанн - на сене справа от Иисуса.

- Старик мог пустить нас на ночь хотя бы в сени, - ворчит Иуда.

- Может, он и пустил бы, будь ты с ним поласковее, - добродушно замечает Иисус.

- Нет. Просто нужно было постучать в другой дом. На окраинах деревни всегда живут самые вредные. Добрый, сытый народ живет в центре, - уверенно заявляет Иуда.- Так всегда и у людей, и у зверей.

“Вот бы бросить его ящик в костер, - злорадно думает Иоанн, - долго бы он горел”.

Ему совсем не хочется спать. Такое часто с ним случается. День прожит, на дворе ночь, но есть ощущение какой-то незавершенности, будто не хватает последнего штриха в картине прожитого дня. Необходимо сделать что-то еще и лишь потом отправить этот день в копилку небытия. Он нащупывает под рукой суму Иисуса и находит в ней недостающее звено.

- Учитель, давай почитаем Когелет.

- Здесь темно, - замечает Иисус.

- Я смогу.

- Что ж, тогда читай.

Юноша вскакивает с места, достает свиток из сумы и садится боком к огню напротив Иуды, который не реагирует на их разговор.

- Что мне читать?

- Ты хорошо его знаешь?

- Конечно. Мы с Иаковом с детства знаем его наизусть.

- Тогда читай то, что тебе больше всего нравится.

Больше всего Иоанну нравится самые горькие пассажи разочарованного царя. Юность любит пессимизм, который ей ничего не стоил. Мудрость даром, печаль на прокат. Они как уксус и соль к пресному обеду: платишь за обед, их получаешь бесплатно. Он начинает читать так, как его учили в синагоге: нараспев и чуть покачиваясь всем телом в такт стихам.

“Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог и чтобы они видели, что они сами по себе - животные. Потому что участь сынов человеческих и участь животных - одна участь: как те умирают, так умирают и эти; и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все суета! Все идет в одно место, все произошло из праха и все возвращается в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?”

Иоанн продолжает читать о суете сует и томлении духа, о страдальческой и безнадежной участи сынов человеческих, погруженный в музыку скорби, а когда, наконец, отрывается, то обнаруживает, что Иисус задремал под его монотонную декламацию.

- Учитель, ты спишь? - разочарованный не меньше Соломона, спрашивает он.

Иисус открывает глаза и встряхивает головой.

- Нет. Но признаюсь тебе, чуть не уснул. Что же тебе нравится в этой книге?

- Что нравится? Не знаю...

- Но ведь ты для чего-то читал это. Как понимаешь эти строки?

- Как понимаю? - юноша впервые задумывается над тем, что привлекает его в чужой печали. - Когда я читаю это, мне становится жаль всех людей. И себя жаль. Ведь я тоже умру. Вот, как здесь сказано: а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что память о них предана забвению; и любовь их, и ненависть их, и ревность их уже исчезли; и нет им более части во веки ни в чем, что делается под солнцем. Учитель, неужели так?

- Так.

- А как же воскресение?

- Воскресение не для сынов человеческих, но для сынов Неба.

- А кто они?

- Те, которые не сошли с дороги к Царству Небесному. Надеюсь, ты станешь одним из них.

- Обещаю, учитель, я никогда тебя не оставлю!

- Вот и хорошо. Кто, по-твоему, язычники и грешники?

- Язычники не почитают Бога Единого, а грешники почитают, но не исполняют его заповеди, - не задумываясь, как затверженный урок, докладывает он.

- А я говорю, что все сошедшие с дороги - язычники и грешники. Но должно нам позвать их с собою, ибо все они - сыны человеческие и все свободны, но не знают этого сами. Они свободны стать сынами Неба.

- Все?

- Абсолютно. Им нужно только захотеть.

- Захотеть?

- Ты думаешь, этого мало? Но захотеть надо не человеческого, как всегда хочет человек. Захотеть надо превыше всего свободу. Свободу, которая и не снилась людям. Свободу от человеческого.

- Я хочу.

- Нет еще.

- Но почему, учитель? Я хочу свободу.

- Если я спрошу тебя, из чего состоит желаемая тобой свобода, то окажется, что она состоит из человеческого. Ведь и богатство люди желают не ради богатства, но ради той свободы, которую оно дает им. И власть, и слава, и покой нужны им ради свободы. Ради свободы делать человеческое. Я же говорю о той свободе, которая не снилась человеку.

- Как же пожелать того, чего не знаешь?

- Именно так. Сначала нужно узнать. Говорят, Бог совершенен. Но совершенство это должно быть в свободе. Хочет ли Бог чего-нибудь из человеческого?

- Не знаю, учитель, - бормочет Иоанн.

Воспитанного в ортодоксальном, фарисейском благочестии, его смущает сама постановка вопроса. Рассуждение о том, что нужно Богу, напоминает ему поступок Хама, который вошел в шатер отца и бесстыдно узрел его наготу. Но Иисус, похоже, не затрудняется раздеть Бога и осмотреть его.

- Нужны ли Богу человеческие ценности? Что любит Бог? Повелевать или отдыхать? Размышлять или развлекаться? Смотрит ли Бог ристалища? Или он отворачивается от них? Или они ему безразличны?

Иоанна это шокирует. Возможно, прав был его отец, говоря, что учитель набрался ереси у язычников? Нельзя смотреть в лицо Господу! Моисей прикрывался, когда Всевышний говорил с

ним. Иоанну, который не боялся встречи с чудовищами, становится жутковато от речей учителя.

- Чтобы понимать кого-то, нужно разделять его вкусы и мнения. Но даже цари не разделяют вкусы простолюдинов, а умные не разделяют мнения глупых. Не должен ли Бог быть тем более далек от этого? Я скажу тебе, мой мальчик, что больше всего желает человек и чего больше всего боится. Это - свобода. Все, чего желает человек, он желает ради своей свободы быть человеком, но безграничная свобода страшит его, ибо в ней нет человеческого. Думаешь, преисподняя - это самое бесчеловечное место? Воздаяние за грехи и вечные муки? Это как раз очень по-человечески. Ведь и вечные муки - это вечная жизнь. Плохая жизнь, но все же жизнь, которая понятна и близка человеку. Да и не привыкать ему к преисподней. Он уже знаком с нею в этой жизни и не бросает ее, дорожит ею. Царство Небесное - вот абсолютно бесчеловечное место, место Святого Духа и безграничной свободы.

- Потому, что там только Бог и ангелы? - догадывается Иоанн, спасая свое пошатнувшееся мировоззрение.

Иисус пытливо всматривается в его лицо и соглашается:

- Можно сказать и так. Мне кажется, Иоанн, на сегодня достаточно разговоров. Тебе не вместить все сразу. Давай спать.

- Конечно, учитель. У меня даже голова заболела.

- Сильно болит?

Юноша не хочет признаваться, что голова у него заболела от недобрых сомнений.

- Не очень.

- Там в суме есть флакон с уксусом. Натри им виски и станет легче.

- Мне уже лучше.

- Тогда ляг и постарайся уснуть. Для тебя это был непростой день. Дай ему закончиться.

Завтра к тебе вернутся силы.

- Да, учитель.

Он послушно ложится и затихает. Но голова продолжает болеть, к ней прибавляется легкая нервная дрожь. Он слышал, что греки имеют обыкновение рассуждать о своих богах запросто как о старых знакомых, чьи привычки и помыслы давно изучили. Иоанн воспитывался в образцовой фарисейской семье, где подобная вольность приравнивалась к смертному греху. И фарисейское чутье подсказывает ему сейчас, что он только что в сопровождении Иисуса пролетел над черной пастью зверя, который алчет поглотить грешные души. Благочестие юноши столкнулось с его обожанием учителя, и разболевшийся мозг его лихорадочно ищет выхода из возникшего противостояния.

Смена взглядов - не смена белья. Даже частичная их правка сопровождается нервным потрясением, а смена мировоззрения может окончиться безумием. Человек не лжет себе, почти не лжет. Лжет его мозг, лжет сотни раз на дню, отчаянно защищая свое непротиворечивое пространство. Чтобы жить и действовать, сознанию необходима вера в свою правоту. Человек крадет и убивает, предает и подличает, а его сознание всегда находит этому оправдание.

В этом сарае на окраине захолустной деревни под Канной Иоанн переживает то, что через несколько лет в еще более тяжелой форме придется пережить апостолу Павлу. Этот ревностный фарисей будет преследовать первых христиан за отступничество от отеческой веры, за неслыханную дерзость - едиnorodного Сына Божьего. И все это время его сознание будет накапливать в себе мелкие сомнения. Тем яростнее Павел будет гнать вероотступников на истязания и казни, словно делая это с собственными противоречиями. Однажды он отправится из Иерусалима в Дамаск с очередной карательной миссией. Дорога вынуждает к безделью и располагает к размышлениям. Этого хватит, чтобы мозг Павла взорвался. Он ослепнет и начнет галлюцинировать. Физическое зрение вернется к нему с новым душевным мировоззрением.

Именно так меняются взгляды. Переоценка ценностей, вообще говоря, не имеет отношения к истине, но душевное потрясение, которое сопровождает ее, делает человека фанатиком новых ценностей. То, что досталось с болью, должно быть настоящим. Невыносимо признать, что ты жил и умирал за фальшивку. Кто раскается на Страшном Суде? Все сражались за правду!

Иоанну, лежащему на сене, кажется, что он слегка занемог, а озноб - от ночной прохлады, но в действительности лихорадит его сознание, а не тело. Его мозг восстанавливает свое непротиворечивое пространство, заново чистит и форматирует себя.

- Учитель, - слабым голосом зовет он. - Учитель.

- Что? - спросонья отзывается Иисус.

- Голова не проходит. Помажь, пожалуйста, мне виски уксусом.

Иисус поднимается, находит флакон в суме и натирает виски юноши. Для Иоанна это не врачебная помощь, а ритуальный акт примирения с самим собой. Ему сразу же становится лучше.

- Постарайся уснуть, - произносит Иисус, отечески погладив его по голове и прикрывая охапкой сена.

Умиротворение нисходит на душу Иоанна, но это грустное умиротворение. В пережитом катарсисе, как называют это состояние греки, он словно чего-то лишился - некой девственности сознания. Отныне его мозг будет слышать только то, что хочет, и пропускать все, что не вмещается в его обновленный формат. Иоанн не ослеп. Он слегка оглох. Он будет слушать речи Иисуса, но уже никогда не станет объективным свидетелем в этом деле. Такой свидетель не просто лжет, - он не сознает своей лжи. Истина - это то, что человек думает. Никакой детектор не уличит его.

Смиренная печаль ложится на сердце Иоанна. Еще сегодня утром, уйдя из дома, он вовсе не думал, что это так принципиально. Он лишь хотел пойти своей дорогой, но, оказывается, есть лишь одна единственная дорога, и кто не идет по ней, тот мертв. Он может позвать на путь своего брата Иакова. Но его отец никогда не пойдет с ним, а значит, он - фарисей, который ставит свое благочестие и праведность очень высоко, много выше морали бродячего учителя, на деле есть грешник, которому не воскреснуть никогда. Его отец Зеведей не наследует вечную жизнь. Как сказал учитель в Назаретской синагоге, разозлив всех горожан: "Кто не оставит своих близких ради Царства Небесного, тот мертв для Духа Святого. Двое будут на постели, и один возьмется, а другой останется". И вот теперь Иоанн стоит перед печальнейшим выбором: погибнуть вместе с отцом или оставить его ради вечной жизни. Какая безжалостная альтернатива!

Иоанн скорбит обо всем смертном человечестве. Если бы он был богат, он раздал бы свое имущество нищим. Если бы у него была власть, он бы вершил справедливость. Если бы у него была слава, он учил бы людей истине. Если бы у него было всемогущество, он спас бы своего отца для Царства Небесного. Потрескивают угли в костре, бросая причудливые блики на стены сарая, сквозь оконце видно черное, затянутое завесой небо, пахнет сеном и дымом. Радуйся во все дни жизни своей, сказал мудрый царь Соломон. Как тут радоваться? Плакать хочется.

Чтобы отвлечься от горьких дум, Иоанн начинает ворошить прошлое. На память ему приходит злополучная свадьба, а вслед за ней и все, что ей предшествовало...

В Назарете никогда не было пророков. В Священном Писании упоминались многие города - израильские и иноплеменные, но Назарета там не было. Слава всегда обходила его стороной. Этот маленький галилейский городок, расположенный на вершине горы, обрывающейся ущельями с двух сторон, был природной цитаделью и жил своей замкнутой жизнью как в крепости. Греко-сирийские колонисты не заходили в эту глухомань, предпочитая селиться близ рек и торговых путей. Оккупанты римляне тоже не сочли нужным ставить гарнизон в таком

захолустье. Назарет сохранил этническую чистоту со времен Селевкидов и не любил чужаков.

Назаритяне проживали свою жизнь на поверхности горы, а когда умирали, их хоронили в родовом склепе, выдолбленном в одном из двух покатых склонов, так что всякий горожанин был связан с Назаретом вечными узами - не только пожизненно, но и посмертно. Город-могильник никого не хотел отпускать от себя. В нем процветало фарисейство. Здесь даже не признавали чужие деньги. Случайный путник, забредший в этот город со своими денариями или драхмами (хотя такого никогда не бывало), скорее умер бы с голоду, чем купил за свои монеты с изображениями цезарей и зверей кусок хлеба у фарисея, свято чтящего вторую заповедь Моисея.

Отец Иоанна и Иакова Зеведей левит был председателем городского суда и одним из лидеров фарисейской партии. Разумеется, он был по всему прочему и членом городского совета. В маленьком городке, где все друг друга знали, а любая семейная тайна тут же становилась общественным достоянием, судейских забот у Зеведея было немного. Иногда приходилось разбирать имущественные тяжбы, а чаще это были административные взыскания. И Зеведей охотно штрафовал провинившихся в пользу казны, с которой сам и кормился.

Большую часть своего времени он проводил в контроле за тем, насколько строго сограждане соблюдают предписания Гиллеля и Шаммая, основоположников фарисейства, в котором была регламентирована вся жизнь праведного израильянина: как есть и как спать, как входить и как выходить, как женить и как хоронить, кланяться, дышать, умирать. Такая приверженность ритуалам, несомненно, восхитила бы китайского законоучителя Конфуция, но она была тяжелой ношей в повседневной жизни простого труженика, которому кроме ритуалов нужен был еще хлеб, а в Галилее его не раздавали даром, как в Риме.

Сытого Зеведея не беспокоили желудки горожан, он пекся об их грешных, невежественных душах. Если он не заседал в суде и не следил в домах за омовением чаш и скамей, то ходил по улочкам Назарета и наставлял в Законе каждого встречного. Когда он шел по городу в своих судейских ризах, с молитвенными ремешками на лбу и левой руке, в сопровождении двух нарядных сыновей, он чувствовал себя тем, кто получил все, чего заслуживает праведный человек: хорошую семью, почтение сограждан и благоволение в очах Божьих. Вышагивая с гордо поднятой головой, он не замечал, как люди, приметив его издали, стремятся проскочить мимо него или вовсе спрятаться за углом. Это видели его сыновья, и братьям становилось неловко за их невыносимого отца. И совсем уж было стыдно, когда Зеведей, отличавшийся хорошей памятью, останавливал прохожего и, начав с вежливых расспросов о его жизни во всех мелочах, переходил к наставлениям и поучениям. Бедный горшечник или садовник переминался с ноги на ногу и тоскливо поглядывал по сторонам, но сохранял почтительную позу и не смел оборвать судью, ибо тот, кто не заботился должным образом о спасении своей души, становился врагом Зеведея. Никто не хотел стать врагом такого влиятельного человека в городе. В конце концов, он отпускал беднягу, которого, возможно, давно заждались в цеху или на винограднике и теперь осыпали упреками в нерадивости.

Иоанна и Иакова очень тяготили эти показательные прогулки с отцом, но они тоже не смели восстать против судейского авторитета и покорно сопровождали его в качестве почетного эскорта. Иногда братья сговаривались и, ссылаясь поочередно на недомогание, сопровождали отца поодионочке. Младший Иоанн чаще прибегал к этой хитрости, а судья, ничего не подозревая, только повторял, что его младший отрок с детства отличался более слабым здоровьем, чем первенец Иаков, ибо допустить не мог мысли, что его сыновья могут стыдиться такого достойнейшего во всех отношениях родителя.

Зеведей был всем доволен, пока с ним не случилось невероятное: он заболел водянкой. Его ноги распухли и стали похожи на винные мехи. Прекратились прогулки по городу и даже заседания в суде и синагоге. Зеведей мог лишь лежать. Он искренне не понимал, за что ему

такое наказание и вопрошал об этом своего Господа, которому служил верой и правдой. Бог безмолвствовал. Минуло жаркое лето, проведенное им в постели, которая стала ему ненавистна вместе с потолком и стенами собственного дома. А ведь он любил свой дом, расширял и обустроивал его долгие годы. Все это время сыновья с матерью не отходили от него и обнаружили, что их строгий родитель капризен и сварлив. Еда ему не нравилась, света не хватало, воздух был нехорош. Он гонял прислугу и покрикивал на мать. Его покинуло обычное самодовольство, а вместе с ним ушло и хорошее настроение.

Осенью Зеведей почувствовал себя лучше. Приближался праздник очищения, Иом Киппур, день священной службы в Иерусалиме. За свою жизнь он не пропустил ни одного праздника и каждый год в этот день стоял во дворе Храма в месте, отведенном для равных ему, среди левитов. И ныне, несмотря на болезнь, он хотел опять быть в строю, тем более, что теперь день очищения приобрел для него новый смысл. Он хотел очиститься от той скверны, которая раздула его тело. До сих пор Зеведей любил этот праздник за чувство единства со своим грешным, но избранным народом. В этот день Верховный Жрец исповедовал перед Богом грехи Израиля и приносил жертву покаяния за весь народ. Десятки тысяч паломников заполняли все дворы Храма, все его приделы и каялись в своих грехах. Зеведей с трудом находил, в чем ему каяться, ведь для того и был дан ему разум и знание, чтобы воздерживаться от греха, но, стоя в толпе, он проникался чувством общей греховности и каялся истово, со слезами на глазах. “Прости, Господи Всевышний, если в чем я согрешил пред тобою, - шептали его фарисейские уста.

Только священники на самом внутреннем дворе перед святилищем участвовали в жертвоприношении у алтаря, и только они видели процедуру собственными глазами. Все прочие тысячи и тысячи стояли за стенами священнического двора и видеть все могли лишь мысленным взором. Зеведею, знающему ритуал во всех тонкостях, видеть это было легче других. Он легко угадывал, как Верховный Жрец, одетый в белый лен, бросает жребий о двух козлах, приведенных к алтарю, и одного из них, на которого пал жребий, он отправляет с нарочным левитом в пустыню, чтобы отпустить его там во власть демона Азазела, а другого закалывает в жертву искупления, обливая его алой кровью алтарь и сжигая жир его с благовониями во славу Господу.

За две недели до праздника Зеведей заспешил в дорогу. Он боялся опоздать на событие, которое стало самым важным для него. От этой встречи с Всевышним зависела его жизнь. На такие встречи лучше отправляться загодя. Там наверху ждать не станут.

Судья не мог ехать верхом, и сыновья приготовили для него крытую повозку. Он потребовал снять тент, чтобы видеть родину во время паломничества, впитывать в себя ее целебные краски, запахи, узнавать ландшафты и города, мимо которых столько раз проезжал. Звериный инстинкт подсказывал ему, что он в последний раз едет по Святой земле. В повозку наложили сена и матрацев, но мягче она стала не намного. Издавая стоны на каждом ухабе, он готовил себя к настоящему подвигу: выстоять на своих раздутых, слоноподобных ногах многочасовую службу. Только тогда воздастся ему.

Дорога была длинная, а Зеведей любил послушать самого себя. Он гордился своими продуманными и аргументированными мнениями. Память иных людей устроена как мусорная свалка. Когда у них в разговоре возникает потребность в каком-то собственном мнении, они начинают лихорадочно искать его в памяти, а время уходит, и вот запоздалое мнение уже никому не нужно. Глядя на своих собеседников в этих ситуациях, Зеведей так себе и говорил: “Ну вот, пошел на свою свалку и затерялся”. Сам Зеведей никогда не лез за словом в карман. В судебных дебатах и теологических диспутах такое поведение было непростительным. Разумный человек всегда знает, что ему ответить. Умственный багаж судьи представлял собой архивированную библиотеку с ячейками, в которых хранились мнения, законы и притчи. Они были сгруппированы в подразделы, подразделы объединены в разделы и т.д. Когда в разговоре

поднималась та или иная тема, судья мог, не отрываясь ни на мгновение от беседы, достать нужную ячейку и вынуть из нее необходимое суждение, подкрепленное Писанием и его собственным житейским опытом. Человек - сам себе мера, и собственный ум не может казаться ему поверхностным, - ведь для понимания этого нужно прежде поумнеть, но прохождение такого процесса как раз и свидетельствуют о глубокомыслии. Человек может сказать о себе лишь в прошедшем времени: “Я был глуп”, - но не в настоящем. В мире нет невежд и дураков.

Дорога была длинная, а Зеведей любил послушать самого себя. Он рассказал сыновьям историю из собственной практики, рассказал как притчу, у которой есть мудрое заключение. Как-то раз к нему пришла молодая бездетная вдова и стала просить судебной защиты от родственников мужа, которые стали попросту выживать ее из дому. Профессиональная интуиция сразу же подсказала судье, что дело это хлопотное и неприятное. Левиратный брак, предписывающий брату умершего жениться на его вдове, чтобы восстановить ему семья, исключался из-за отсутствия братьев у умершего. А поскольку эта женщина не произвела на свет наследника, то исключались и обычные наследные права. Дом, из которого изгоняли вдову, принадлежал знатному по-назаретским меркам семейству. Его глава была старейшиной и заседал вместе с Зеведеем в городском совете. Вдове даже не желали вернуть приданное, объясняя это тем, что его потратили на бесполезную и напрасную свадьбу. Быстро уразумев все это, судья спровадил ее обещанием, которое тут же забыл. Но вдова оказалась очень докучливой. Она приходила каждый день и просила защиты. Похоже, ей больше нечем было заняться.

- Знайте, сыновья мои, - поучал Зеведей, трясаясь в повозке, - Закон написан для человека, но один человек не точно такой же, как другой. В Законе не сказано, должен ли человек быть красивый или уродливый, добрый или злой. Не сказано и то, что покорный заслуживает больше справедливости, чем строптивый. Вдова же это была женщиной строптивой. За гордый нрав ее невзлюбили в доме мужа, а за неуживчивый характер хотели выгнать ни с чем. И я в сердце своем считал это справедливым. Но вдова так долго докучала мне, что я решил: пока я ей не помогу, она мне покоя не даст. Я поговорил с семьей, и усовестил их, и пригрозил, и упрямил расстаться с невесткой полюбовно. Тем все и кончилось. Теперь вы спросите, зачем нам отец рассказал эту историю? - Зеведей сделал торжественную паузу и назидательно произнес: - А вот зачем! Если даже человек, когда его долго просят, готов оказать милость, то тем более Господь слышит наши молитвы. И если человек просит его всем сердцем, то Господь даст ему то, что он так истово просит. Поняли вы эту притчу, сыны мои? Тогда повторите, - Зеведей всегда добивался, чтобы сыновья затверживали его уроки.

Зеведею, который ехал в Иерусалим за исцелением, вера в мораль этой притчи была жизненно необходима. Бог дал ему в жизни достаточно, чтобы не просить уже ничего лишнего. До сих пор судья возносил только свои благодарения небу, но теперь он ехал в Дом Господа с личной просьбой – излечить его водянку. Иоанну притча показалась сомнительной. Получалось: если хочешь чего-то от Бога, бери его на измор. Он не посмел возразить отцу.

Больше года Зеведей страдал водянкой и за это время перепробовал все человеческие средства. Осталось последнее, самое человеческое: просить милости свыше. Зеведей даже сформулировал для себя короткую молитву: после восхваления Всевышнего он просил Господа избавить от мучений благочестивого левита Зеведея. Последняя фраза молитвы стала для него повседневной присказкой, идиомой, как сквернословие, которую он бормотал, морщась от боли на ухабах: “Помоги мне, Господи”.

Проезжая через Самарию, судья велел сыновьям опять натянуть тент на повозку, чтобы не видеть местное население. По крайней мере, два раза в год, на Пасху и Киппур, он проходил по этой территории и всякий раз воспринимал как национальное оскорбление многовековое присутствие этих переселенцев из Вавилона на земле Израиля. Почему бы им не убраться на

свою родину? Двести лет назад великий борец за независимость Израиля Иуда Хасмонеи, прозванный Маккавеем – Молотом, пытался согнать этих чужаков со Святой земли и даже сжег их храм на горе Гаризим. У самаритян нет чести: им плюнули в лицо, чтобы они ушли, но они остались. Зеведей не желал понимать, каково быть народом без родины, ибо их давно уже нигде не ждали. Судья полагал, что они просто должны убраться куда-нибудь. Израиль – для евреев.

По приезду в Иерусалим за несколько дней до праздника он дважды посещал священную купальню Вифезда близ Храмовой горы, где сотни горемык искали чудесного исцеления. Вместе с паралитиками, эпилептиками, слепыми, чахоточными, сухоруками и заеденными вшами он ждал, когда подземные газы забурлят в купальне и взволнуют гладь своим духом. Тогда все устремлялись в воду, чтобы обрести благоволение и милость Божью. В этой давке не считались с чинами и очень сердили тем Зеведей. Пять крытых галерей вели к источнику, и все они были заполнены человеческими телами – жалкими, бурыми, костлявыми, – судья брезгливо отворачивался и большую часть своего ожидания проводил снаружи на свежем воздухе.

Величественный из белого камня Храм возвышался на вершине горы совсем рядом. Золотая крыша святилища блистала над его огромными стенами. Царь Ирод Великий, построивший эту гордость Израиля, поднял рядом с ним и другое сооружение – крепость, названную им в честь своего римского покровителя триумвира Марка Антония, конкурента цезаря Августа и сожителя последней египетской царицы Клеопатры. И сейчас между Зеведейем и Храмом стояла эта крепость с четырьмя угловыми башнями, две из которых возвышались над Храмовым двором, как караульные вышки над тюремным лагерем. С них римские дозорные круглые сутки наблюдали за внутренней жизнью Храма. И в любую минуту римский гарнизон, квартировавший в крепости, мог через подвесные мосты войти на стены Храма и оттуда спуститься во двор, минуя естественные входы, по которым проходили все паломники. Римские патрули в алых плащах, поблескивая оружием, хозяйски ходили по городу, и каждые три часа сменялись у ворот претории как раз недалеко от купальни, где сидел Зеведей. Иногда конница, поднимая пыль, скакала от крепости к дворцу Хасмонеев, который оккупанты также сделали своим опорным пунктом. А еще западнее на горе Сион возвышался величественный дворец Ирода с тремя башнями, словно огромный каменный ковчег с тремя мачтами, занесенный потоком на гору Арарат. Но и там правил чужак – сын идумейца Ирода, Антипа Ирод.

Благочестивого фарисея душила желчь. В его родном Назарете многие женщины и дети даже не знали, как выглядят оккупанты. Здесь же, в городе Господа эти безбожники держались как у себя дома. В эту минуту судья понимал зелотов – *ревнителей* с их призывами к мятежу. Придет день гнева Божьего, не будут эти идолопоклонники топтать Святую землю.

Прибывая в Иерусалим, Зеведей всегда останавливался у своего дальнего родственника Алфея, левита, как и он. Алфей, впрочем, год назад умер, оставив после себя двух сыновей, которые были сверстниками его сыновей, и даже имена имели те же: Иоанн и Иаков. Незадолго

до смерти Алфей с помощью брата Иосии бар-Набаса, живущего на Кипре, купил своим сыновьям римское гражданство, переименовав их в Марка и Клеона. Гражданство давало его обладателю множество преимуществ. В частности, ни Зеведей, ни даже Синедрион не могли судить такого человека: гражданин имел право требовать защиты и суда Цезаря (и спустя годы этим правом воспользуется апостол Павел, избежав суда соотечественников). Зеведей в душе осуждал своего родственника. Как можно получать гражданство из рук язычников, даже если оно выгодно?

Ставший старшим в доме Иоанн - Марк принимал двоюродного дядю и кузенов радушно, как и прежде. Это было очень кстати, особенно в праздничные дни, когда Иерусалим наводнялся паломниками. Все дома, постоянные дворы, караван-сарай были переполнены. Людей в них оказывалось больше, чем квадратных метров.

В этот раз Зеведей почти не покидал дома, если не считать походов к купальне и официального визита к первосвященнику Анне, второму лицу в Синедрионе после его зятя Каифы. Анна заведовал работой местных судов Иудеи и Галилеи, он был, выражаясь по-римски, главным цензором Израиля. Его богатый дом находился в элитном квартале саддукеев на горе Сион южнее дворца Ирода, в котором ныне обитал его сын Антипа, тетрарх Галилеи и Переи. Галилейские суды формально были подотчетны ему, но тетрарх, мечтающий со временем стать царем всего Израиля, как его отец, избегал конфликтов с Синедрионом, желая иметь его на своей стороне в политической борьбе с тетрархом Иудеи - Понтием Пилатом. Он надеялся, что римский прокуратор своей солдафонской политикой окончательно провалит собственную миссию, и тогда Антипа убедит Рим присоединить Иудею к его Галилее.

Во дворе дома Анны Зеведей встретил многих своих коллег - левитов, занимающих должности судей, которые явились засвидетельствовать свое почтение первосвященнику. Седой старец, большую часть своей жизни проведший на вершинах власти, с вельможной мягкостью отмахнулся от доклада Назаретского судьи, а узнав, что Зеведей болен, посочувствовал ему и ласково отпустил. Возвращаясь с аудиенции верхом на осле, которого предоставил Марк, судья очень хвалил сыновьям благочестие, ученость и патриотизм первосвященника Анны.

- Вот только жаль, что такой ученый человек не верит в воскресение и вечную жизнь, - заключил он. - Родовая гордыня мешает саддукеям принять учение Гиллеля.

- По-гречески они называются аристократами, - тихо пояснил Иоанн.

- Твоя тяга к знаниям похвальна, сын мой, но помни: вся мудрость в Торе и пророках, ибо их устами говорит Бог.

- А как же александрийский раввин Филон, который пишет о греческой философии?

- Раввин плохого не напишет. И все равно я не одобряю эти модные увлечения. Евреи говорят по-гречески, носят римские тоги и живут среди статуй. А это уже грех.

В день очищения, 10 тишри Зеведей был во дворе Храма на своих ногах, поддерживаемый сзади сыновьями. Толпы повсюду стояли плотно, как колосья в снопе. Тысячи голов, покрытых платками, мерно покачивались, будто пшеничное поле на ветру. Зеведей держался изо всех сил. Ноги горели раскаленным железом. День покаяния стал для него днем боли. Вокруг люди с молитвенным выражением лиц беззвучно шептали псалмы восхваления, их взоры были направлены вверх за стены жреческого двора, где совершалось таинство. В полуобморочном состоянии он шептал псалмы вместе со всеми, смутно различая происходящее. Боль, которую он испытывал, была такой пронизывающей и всеобъемлющей, что этот не могло быть явью. Это было во сне.

Наконец, поднявшиеся клубы дыма над алтарем возвестили всем в Храме и за его пределами, что жертва искупления принесена. Настало время Божьей жатвы. Десятки тысяч людей, как подкошенные серпом, разом пали ниц и приложили головы свои к земле. В это время

Верховный жрец Каифа в золоченом наплечнике с драгоценными застежками и подвесками, с каминойницей в руке входил в Свята-Святых за вавилонскую завесу. На голове его была диадема, на диадеме выбиты четыре буквы (тетраграмматон) запретного имени Господа, которое открылось Моисею на горе Синай - Яхве (Иегова, Суций). Именно это имя в этот день единственный раз в году Верховный Жрец смел произнести, войдя в обитель Бога. Мертвая тишина стояла в Храмовом пространстве и в пространстве всего Иерусалима. Творца Вселенной называли по имени.

Для Зеведея получасовое выстаивание на коленях стало последней мукой. В нескольких местах кожа на его раздутых ногах лопнула, из трещин сочилась кровь и липкая жидкость. Он ждал, когда Верховный Жрец войдет в Свята-Святых и произнесет магическое слово, и весь народ благоговейно повторит его про себя. Слезы текли из глаз его. И этот момент настал. И Зеведей простонал имя Господа, и кожа трещала на его ногах, и слезы человеческой ничтожности лились из него, и он потерял сознание. А потом Иоанн с Иаковым вынесли его безжизненное тело будто камень из Храма.

Торжественная служба закончилась. Паломники из иудейских и галилейских городов, из Египта, из Азии, из Греции и Рима праздновали день очищения по всему городу. Дозорные на башнях Антоньевой крепости в своих алых плащах с любопытством или пренебрежением наблюдали за ликованием покоренного ими народа, который принес в этот мир своего незримого бога и вместе с ним - религиозный фанатизм.

К празднику Суккот через пять дней Зеведей был уже дома в родном Назарете. Дорогу назад он почти не помнил, так как все это время лежал в бессильном забытии и уже не чувствовал дорожной тряски.

Дома судьбе стало легче. Чудо свершилось. Он почувствовал себя так хорошо, что захотел вместе со своим народом пожить несколько дней в шалашах на сырой земле, чтобы набраться от нее жизненных сил. Сыновья отвезли его к подножию города-могильника, где у Зеведея имелся небольшой виноградник, приобретенный им по случаю почти задаром. За виноградником смотрел и ухаживал круглый год безропотный и малословный человек по имени Захария. Рядом находился его собственный клочок земли, так что Зеведей легко мог сравнить состояние двух участков, и каждый раз он убеждался, что Захария радуется о его урожае не меньше, чем о своем. Виноградарь жил здесь же в полуразвалившейся лачуге. Жилистый, худой, прожженный солнцем он сам походил на виноградную лозу. Живя среди этих лоз, он почти научился говорить с людьми и, кажется, не страдал от одиночества. На Зеведея он работал за символическую плату. Судья почти искренне верил, что таким труженикам, как его безропотный виноградарь, деньги не нужны. Зачем бедным людям деньги? Дай хорошей овце или доброму коню мешок серебра. Они не станут его есть. Он им не нужен. У Захарии нет дома, нет семьи, нет должности, которые требуют расходов. Он одет и накормлен. Чего же еще ему желать?

- Захария, тебе что-нибудь нужно? - каждый раз по приезде спрашивал судья. - Скажи, не стесняйся.

- Благодарю, господин. Ничего не нужно.

- Если кто тебя обижает в деревне, скажи - не бойся. Я разберусь.

- Благодарю, господин. Никто не обижает.

- Может, тебе какую-нибудь вдову приискать?

- Благодарю, господин. Не нужно.

Зеведей дарил ему свое покровительство, но для тихого, одинокого, почти нищего Захарии его покровительство было ненужной роскошью. Он ни с кем не судился, никому не мешал. Он воспринимал бессовестную эксплуатацию судьбы как должное и не осуждал его даже в сердце

своим. Он давно привык к тому, что богатые любят получать свое даром. Богатым людям всегда не хватает денег.

И все же это невероятное смирение, словно растворяющее личность виноградаря в окружающей среде, казалось судье подозрительным. Он пытливо всматривался в его безропотное лицо, вслушивался в его равнодушное молчание: уж не смеется ли над ним это человеческое подобие? Зеведей мог понять того, кто несет свою нищету с гордостью. Но в этом существе не было гордости. Он действительно ни в чем не нуждался. Что можно дать камню? Ему даже другой камень не нужен.

Захария, как всегда, встретил судью почтительным безразличием. И Зеведей каким-то новоприобретенным в болезни чувством понял, что дело вовсе не в нем. Явись виноградарю ангел смерти - и тогда в нем ничто не дрогнет. Поистине, - овца, Божья тварь. Сидя в повозке, он наблюдал за тем, как виноградарь невозмутимо сооружал из пальмовых листьев шалаш, удовлетворяя его прихоть.

- Великий праздник, Захария.
- Великий, - эхом повторил тот.
- А себе ты сделал кущи?
- Вот мои кущи, - он указал на виноградник.
- Не скучно тебе так жить, Захария?
- Благодарю, господин. Не скучно.
- Что же ты делаешь по вечерам?
- Ничего не делаю, господин. Я рано ложусь.

Ночи уже были прохладные, а ложе в шалаше оказалось не слишком мягкое. Промучившись двое суток, Зеведей вернулся в свой дом и постель. Из ног по-прежнему текла сукровица, но отеки уменьшились. В ближайшую субботу он впервые за многие месяцы пришел в синагогу собственными ногами, где был встречен с большим уважением, бальзамом пролившимся на его усталую душу. Тут он был среди своих фарисеев.

А вечером его восторженный сын Иоанн сообщил ему новость, которая на взгляд судьи не заслуживала внимания: в город после многих лет странствий вернулся Иисус, сын Иосифа плотника.

- Что ж, - равнодушно произнес он, - блудный сын решил взяться за ум. Только он опоздал. Иосиф умер и отрекся от своего первенца.
- Но, отец, всякий грешник имеет право на раскаяния.
- Если осознал свою вину.
- Он лишь хотел посмотреть мир. Велик ли грех?
- Он не исполнил родительскую волю. Как сказано в Законе? – рассердился Зеведей.
- Почитай отца и мать своих.
- Он нарушил Божью заповедь.
- Возможно, он сожалеет.
- Что тебе до него, сын мой?

Иоанн смутился. Он едва помнил Иисуса.

- Я заходил к его братьям и говорил с ним. Он мне показался добрым человеком.
- Добрый человек, - проворчал судья. - Добрый человек не оставляет родителей, не бросает младших братьев и сестер, но заботится о своих близких. Первенец продолжает свой род. По первенцам считал Моисей наш народ пред Богом. Он - семя семьи. А этот бродяга всем пренебрег. Я уверен, что он и ест неумытыми руками.

Зеведей разгорячился. Он хорошо знал Иосифа. Расширяя свой дом, он не раз пользовался услугами покладистого и расторопного плотника. В суде тот чинил кровлю, для синагоги сделал

новые скамьи. Иосиф был благочестивым человеком, его жена Мария отличалась чрезвычайной набожностью. Зачав своего второго сына Иамеса, она дала обет посвятить его Богу. На восьмой день после рождения ребенка обрезали и публично нарекли нащритом. Отныне до самой смерти уделом его было монашество. Не всякая женщина была способна обречь своего сына на такую участь. По Закону нащрит не смел пить вина, жениться и прикасаться к мертвым. Обычно это делали женщины, отчаявшиеся родить ребенка. Данный ими обет еще ничего их не лишал, но мог дать сына, хоть и посвященного Богу. Это лучше, чем ничего. Но у Марии уже был сын, Иисус. И было немного странным то, что при такой набожности она не пожертвовала Богу своего первого сына, ибо Господу особенно угодны первенцы.

Зеведей думал об этом. Возможно, набожность пришла к Марии позже и даже была как-то связана с рождением Иисуса. Он родился не в Назарете. В городских записях были зарегистрированы четыре его брата и две сестры в роду Иосифа. Сам Иосиф был сыном Иакова из Вифлеема, в иудейской области. В галилейский город Назарет плотник с женой и отроком пришли из Египта. Что за страсть к переездам? Впрочем, тысячи евреев разъезжались во все стороны света, и самым излюбленным местом был Египет. У египетских евреев было собственное писание, переведенное на греческий, - "Септуагинта", у них даже был собственный Храм Яхве в Леонтополе, и это особенно возмущало Зеведея. Главная синагога Александрии отличалась огромными размерами и вызывающей роскошью. Они одевались по имперской моде, их женщины посещали театры, их дети учились у греческих риторов и софистов, а некий раввин Филон перетолковывал Тору на платоновский лад. Словом, Зеведей не ждал ничего хорошего из Египта.

Что же касается плотника Иосифа и его жены, то, возможно, они потому и вернулись оттуда, что им не понравилось в Египте. И с тех пор как они поселились в Назарете, Зеведей ничего предосудительного за ним не замечал. Наверное, они следовали простому родительскому эгоизму, когда оставили первого сына себе, а второго отдали Богу, и не было тут никакого скрытого смысла. Но если Иосиф и Мария сохранили своего первенца для себя, то они просчитались. Достигнув зрелого возраста, Иисус не хотел поступать, как заведено у людей. Мать присматривала ему невест, но он и не думал жениться. Добрые соседи уже замучили плотника и его жену расспросами. Почему их первенец не женится? Что с ним не так? Бог сказал: плодитесь и размножайтесь. Таков человеческий удел: жениться, произвести потомство, взрастить его, женить и затем умереть с чувством исполненного долга. В конце концов, молодой Иисус заявил, что хочет посмотреть мир и многое узнать, раз уж его родили на свет, словно в чем-то упрекая своих родителей. А затем покинул город-могильник Назарет.

Все в доме Иосифа шло наперекосяк. Его первый сын, оставленный для обычной человеческой жизни, не пожелал жить как все, а его второй сын, нареченный нащритом, отказывался понимать, почему ему нельзя жить как все. Подрастая, этот ребенок с большим удивлением узнавал, что ему многое запрещено. Пока другие дети резвились, он заучивал псалмы, когда другие беззаботно проводили свою юность, он проникался чувством греховности и сутками стоял в молитве на коленях, которые стали у него мозолистыми как у верблюда. Иамес был раб Божий в полной мере, он родился рабом. Живя в виноградном крае, он никогда не пробовал винограда, золотая кисть которого украшала стены Храма как эмблема Израиля. Юный Иамес не понимал, почему ему нельзя есть виноград. Чем выше нормы благочестия, тем ближе грех. Он совершил свой детский грех, тайком от всех вкусив черные с сизым налетом ягоды, и не нашел в них ничего преступного. Но грех остался с ним.

Неприкаянно он скитался от родного дома, в котором ему не было удела, к Храму, где на юродивого смотрели с почтением, но без всякого человеческого участия. Он был нащрит, исключенный из жизни. Недели и месяцы он проводил на коленях во внутреннем дворе перед

святыищем. Священники и левиты, служащие при Храме посменно, все двадцать четыре череды знали его в лицо. Его называли Иамес Праведник. Еще более знаменитым нащритом был, пожалуй, только Иохонан, прозванный позже Крестителем. Он был из священнического рода. Это его родственники каждый день отпирали и запирали двадцатиметровые двери Святыища с грохотом, который слышал весь Иерусалим, и приносили жертвы на алтаре. Каста жрецов происходила от первого жреца Аарона, брата Моисея, и была абсолютно замкнутой. Ни один мужчина не мог войти в нее по собственному желанию, ни один не мог выйти, - до Иохонана.

Много дней Иамес и Иохонан провели в совместных молениях во внутреннем дворе, не покидая его неделями. Внутренний двор был закрытой территорией. Он находился на более высокой террасе, из нижнего языческого двора к нему по всему периметру вели четырнадцать ступеней. На этих ступенях круглый год сидели больные, увечные, нищие и собирали подаяние. Стены внутреннего двора имели девять арок, главная арка в восточной стене называлась Красными воротами - за отделку из коринфской меди - и выходила к портику Соломона во внешнем дворе. И на всех девяти входах висели таблички с надписями на греческом и латыни, запрещающие вход во внутренний двор увечным, больным и язычникам. Калека и чужак должны были здесь остановиться.

Два нащрита подолгу беседовали друг с другом. Наблюдая с детства за храмовой жизнью, Иохонан пришел к ее нравственному отрицанию, - именно к нравственному, а не к теологическому и тем более не к метафизическому. Он не отступил от Яхве и стал даже большим фарисеем, чем сами фарисеи: он жаждал скорого Судного дня и воскресения, и быт священнослужителей возмущал его своей рутинной и обыденностью. Зачем все эти ритуалы, мессы и молебны, если нет в них никакого трепета? Иохонан, сын священника, начал откровенно осуждать свой родовой клан, а затем демонстративно покинул Иерусалим, ушел за Иордан, словно проведя демаркационную линию между собой и Синедрионом, и начал собственную проповедь очищения. Больные и увечные, которых не допускали к Богу, толпами устремились к нему. Раскольник-нащрит принимал всех. И призыв покаяться, ибо приблизилось Царство Божье, распространился по всей Палестине.

А Иамес по-прежнему сидел на своем месте и созерцал золотой фасад Святыища и вавилонский занавес перед Святая-Святых, символизирующий небо. Усердствуя перед Богом, он никогда не получал свою человеческую награду. Он вспоминал строки царя Соломона о том, что мертвым нет воздаяния, и чувствовал, что это про него. Он словно родился мертвым, и не было ему части среди живых. Люди ели, пили, ласкали жен и растили детей. У него же был только Бог. Но ему этого стало недостаточно, - и это был чудовищный грех. Глубокая неудовлетворенность жизнью толкала к протесту, но он не смел взять на себя пророческую миссию Иохонана, и его потребность в действии обратилась на него самого. Ему захотелось новых страданий. Он искал средств самоистязания: стоял своими мозолистыми коленями на острых камнях, сек себя плетью до крови, а затем, в подражании древнему пророку Иеремии, надел на себя ярмо воловье и стал ходить в нем по Храму.

Таким его увидел Верховный Жрец Каифа, обходящий Храм в сопровождении свиты, и пришел в ярость. Он ударил Иамеса жреческим посохом и велел левитам снять ярмо и посадить юродствующего нащрита в колодки на месяц. Начальник храмовой стражи, хорошо знавший Иамеса как местную достопримечательность, сделал вид, что впервые его видит. Иамеса вывели во внешний двор к северной стене, близ Овечьих ворот и бойни, и посадили в колодки рядом с другими горемыками, которые так или иначе нарушили внутренний распорядок Храма.

Сидя на этой церковной гауптвахте, Иамес как-то раз увидел своего старшего брата Иисуса, но не стал его окликать. Ему не хотелось предстать перед ним в колодках, хотя родственное чувство в нем встрепенулось. Они не виделись более десяти лет. С Иисусом был какой-то

мрачный, хромо́й спутник с черным пеналом на боку. Они не пошли во внутренний двор к Святилищу, т.е. Иисус не пошел туда, поскольку его спутник и не должен был этого делать, если не хотел оказаться рядом с Иамесом на цепи. Ведь он был калекой. Они прошли вдоль портика Соломона мимо торговцев жертвенными животными и менял и затерялись в людской массе. Иамес давно смирился со своей участью, но он не понимал своего старшего брата, который сам себя превратил в скопца - без дома, без родины, без жены и будущего, без веры и надежды. Даже лисы имеют норы, а этому бродяге негде голову преклонить. Зачем ему такая жизнь?

Их отец Иосиф умер, так и не увидев своего первенца. Перед смертью этот скромный, непритязательный человек сильно разочаровался в жизни. Его старший сын оставил его и не продолжил род Иосифа, его второй сын, нащрит, тоже не дал ему потомков, а трое других, Иосия, Иуда и Симон, были еще слишком малы, чтобы возлагать на них надежды. Когда Иосиф умрет, его опора и гордость - Иисус и Иамес - не положат своего отца в гроб, ибо один из них затерялся в мире, а другому нельзя прикасаться к мертвым. Воистину, все - суета сует!

Зеведей присутствовал на погребении Иосифа и сочувствовал несчастному плотнику, сочувствовал тем охотнее, что совершенно исключал подобную историю в своем благополучном доме. А теперь этот бесстыдный сын вернулся в Назарет, и хорошие юноши, вроде его Иоанна, ходили посмотреть на него, как на диковину.

- Незачем тебе разговаривать с этим человеком! Не смей больше ходить в дом плотника! - запретил он.

Иоанн не привык прекословить отцу, но остался при своем мнении. На следующее утро он уже был в запретном доме, благо судья теперь больше сидел в своем обширном доме, чем ходил по городу и совал во все свой нос. Не нужно было сопровождать его в пешеходных прогулках и видеть, как изнывают горожане от его поучений.

Иисус держался скромно в отеческом доме, как гость. Он ласково улыбался младшим братьям. Иосия и Иуда были сверстниками Иоанна и плохо помнили своего старшего брата, младший Симон и вовсе не видел его прежде. Иамес, единственный, кто по-настоящему знал Иисуса, находился в Иерусалиме. Даже самым близким людям после долгой разлуки не о чем бывает говорить, ведь разговоры рождаются в пересечении жизней, в том общем, что у них есть. Ничего общего у юношей с Иисусом не было. Он сознавал это и не пытался пробиться сквозь стену отчуждения.

Мария, немолодая, увядшая женщина, мать семерых детей, хлопотала вокруг своего первенца, всячески стараясь разрядить холодную обстановку. Она ни словом не упрекнула Иисуса и не упомянула предсмертного отречения Иосифа. Она задавала вопросы, тут же их сама забывала и повторяла опять, подталкивала младших сыновей к открытому контакту с Иисусом. Ведь они могли завалить этого путешественника вопросами о дальних странах, могли похвастать перед ним своими успехами, даже упрекнуть своего старшего брата, и с упреков началось бы их сближение. Но он был для них чужой. Семья не приняла его, и тут Мария ничего не могла поделать.

Чуткая натура Иоанна сразу почувствовала, что этот немногословный мужчина с печальными глазами и ласковой улыбкой очень одинок. Душа Иисуса, несомненно, много страдала, а глаза его видели все чудеса света. Их не связывало кровное родство, но именно поэтому Иисусу говорить с Иоанном было легче, чем с братьями. Более всего юношу очаровала манера речи чужака. Иоанн не знал греческого слова "пафос" и не мог найти подходящего определения в арамейском языке. Никто вокруг не говорил так. Подобным образом выражались только пророки. "Злодеи злодействуют, и злодействуют злодеи злодейски". В этой аллитерации Исаяи было столько страсти. Или: "Око мое, око мое изливает воды, ибо далеко от меня утешение". Читая или слушая эти строки, Иоанн испытывал трепет, и мороз проходил по коже.

Иисус говорил как пророк. Иисус говорил как “имеющий власть”, но в отличие от речей Зеведея, его изречения не были общеизвестными и ожидаемыми.

Иоанн не заметил, как по-мальчишески влюбился в этого сурового человека с каким-то особенным, сложным выражением глаз. С первого взгляда юноша потянулся к этому человеку с чуть виноватой улыбкой и встретил столько теплого внимания к своей суматошной юности, какого не получал от самых близких людей. И точно также с первого взгляда он невзлюбил хромого спутника Иисуса. Лицо Иуды было замкнутым, будто ворота на засове, а глаза из густых бровей и бороды смотрели на мир хмуро и пронзительно. Иоанн почти физически ощутил, как эти колючие глаза прожгли его, превратили в пепел и развеяли по ветру.

В Назарете не любили чужаков. Город-могильник никого не отпускал от себя, а вырвавшегося не принимал обратно. Собrania в синагоге проходили почти как семейные встречи. Все знали друг друга, все приветствовали друг друга, все садились на одни и те же места с одними и теми же соседями. Зеведей вместе с фарисейскими старейшинами занимал первый ряд. Они держались как добрые пастыри своего стада. Это была их вотчина - маленькая, но своя. Никто не смел тут устанавливать свои правила. Поэтому появление Иисуса в синагоге было встречено весьма прохладно. Пока он и Иуда осматривались в дверях, как осматриваются гости в чужом доме, ожидая, что их заметят и пригласят сесть, никто не обратил на них внимания, т.е. их очень даже заметили, но проигнорировали. Иуда невозмутимо огляделся и усмешливо шепнул: “Эти фарисеи тебе не рады”. Лишь Иоанн из первых рядов поднялся и невнятно махнул Иисусу через весь зал. Чужаки сели в последнем ряду. Собрание началось. Все бы тем и кончилось: пели бы псалмы, читали пророков, обсуждали и толковали, это была бы обычная суббота, если бы Зеведей вдруг не предложил послушать “сына плотника Иосифа, который обошел весь мир”. Возможно, так он рассчитывал смутить блудного сына и вынудить его к оправданиям, но он ошибся.

Иисус вышел к месту чтения, где был развернут свиток пророка Исаяи, и сотни глаз выжидающе впились в него. Это был экзамен. Только публичное покаяние могло вернуть Иисусу членство в этом обществе. У Исаяи было много покаянных строк, читая которые он мог бы расположить к себе собрание, но он выбрал другой стих. С точки зрения Иоанна это был очень неудачный выбор. Юноше хотелось, чтобы город помирился с Иисусом. Но Иисус не каялся и даже не защищался, он нападал. Кто сеет ветер, тот пожнет бурю. В притихшем, настороженном зале он начал читать.

- Вот вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте. Таков ли тот пост, который Я избрал, - день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу? Вот пост, который Я избрал: разбей оковы неправды, развяжи узы ярма и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодными хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого - одень его, и от единокровного твоего не укрывайся...

Это был очень неудачный выбор. В собрании начался тихий ропот. Зеведей из первого ряда смотрел на чтеца с холодным презрением, а его сын, сидящий позади, начинал горько сожалеть, что Иисус вообще пришел в их синагогу. Шансы к примирению с городом таяли на глазах.

-... И отдашь голодному душу твою, и напиташь душу страдальца: тогда твой свет взойдет во тьме, и мрак твой будет как полдень.

Когда Иисус вновь поднял глаза на аудиторию, то встретил только враждебные лица.

- Как понимаешь эти строки? - спросил со своего места Зеведей.

- Это правда, что я чужак в вашем городе, чужак, который повидал много мест. И что же я видел? Я видел мертвых, которые ели и пили, мертвых, которые женились и размножились. Я

видел истлевших, которые собирали богатства и хвалили Бога, истлевших, которые делали все, что делают человеки. Ибо человек и есть мертвец! Пока он всего лишь человек, он мертв для Духа Святого. Человек - это звучит порочно! Мясо - имя ему. Мясо, наполняющие города и земли. Думаете, Царство Божие - это место, где правит Бог? Нет! Царство Божие - это место, где нет Бога. Потому что там все - Боги.

- Кто ты такой, чтобы такое говорить? - раздается из зала.

- Я тот, кто не хочет больше быть человеком.

- И кто же ты? Ты - сын плотника.

- Всякий сын человеческий, поступающий, как учит Исая, есть воскресающий для Духа Святого. Имя ему - сын Неба.

Зал стих, пытаясь осмыслить столь невероятное притязание.

Древний мир - это не уютный голубой шар, упасть с которого мешает его же собственное притяжение. Древний мир - это плоская земля, самим небом раздавленная в лепешку. Под этим гравитирующим Небом, под тяжелой дланью Высших сил живет человек. Небо - престол богов. Человек говорит о Небе как о Боге, и о Боге - как о Небе. Небо и Бог едины. Языческие боги обитают на горах, и Господь Израиля говорил Моисею с горы. Человек воздвигает алтари на возвышенностях и тянет свои храмы ввысь, чтобы как-то подпереть это невыносимое Небо. На древнем Востоке сынами Неба называют императоров, в древнем Риме цезарей причисляют к потомкам богов, Так было в Египте и Азии, но в древнем Израиле сын Неба - это Сын Господа, Творца Вселенной.

Мертвую тишину нарушил голос Зеведея:

- Ты называешь себя Сыном Неба?

- Да, - жестко ответил Иисус, и в этом не было ни капли наивности.

В синагоге благочестивого фарисейского города Назарета поднялся дикий рев:

- Он богохульствует!

Оглушенный Иоанн вскочил со своего места и растерянно смотрел на происходящее вокруг безумие. Он впервые видел своих степенных сограждан в таком бешенстве. Неспособный сам к звериным проявлениям человеческой природы он вообще не представлял, что люди могут приходить в такое состояние. Десятки рук хватали Иисуса, и рвали его на части, и тащили вон из синагоги. "Смерть! Смерть ему!" - кричала толпа.

Иоанн оглянулся на отца. Зеведей сидел на своем месте и хладнокровно наблюдал за расправой. Как городской судья, он мог пресечь самоуправство. В другое время он непременно сделал бы это - из принципа, в подтверждение торжества Закона и своих полномочий этот Закон выражать. Иоанн хорошо знал права и обязанности своего отца - судьи. Он должен был остановить произвол, передать Иисуса приставам и отправить под конвоем в Иерусалим, ибо вопросы религиозных преступлений, если уж Иисуса обвинили в богохульстве, входили в юрисдикцию Синедриона. Гражданские суды не рассматривали таких дел.

- Отец, - вскричал юноша, - разве это по Закону?

- Воля народа - тоже в Законе.

Иоанн был потрясен этим жестокосердием. Он бросился вдогонку за толпой. Чем реальнее представлялся ему ужас происходящего, тем больше он чувствовал себя пребывающим во сне. Только во снах сознание допускает самые невероятные события. И как это бывает во снах, он обрел какую-то фрагментарную, фотографическую зоркость. Перевернутые скамьи синагоги отпечатывались в его сознании. Распахнутые двери. На улице стоял забытый всеми хромой спутник Иисуса. Глаза Иоанна отметили каждую деталь на его мрачном и надменном лице. Неподвижный, как камень, он смотрел вслед разъяренной толпе. А горожане стихийно решали судьбу Иисуса. "Сбросить его вниз! - кричали они. - В ущелье его! Смерть! Смерть!" Отчетливые

звериные лица мелькали в объективе глаз Иоанна. Он щелкал и щелкал их в своей памяти. Это был кошмарный сон, пир демонов, страшный суд. Он никак не мог увидеть Иисуса. Спины, затылки демонов мешали ему. Толпа повела Иисуса в конец улицы, которая упиралась в невысокий метровый вал, отделяющий в этом месте город от обрывающегося вниз ущелья. Иоанн хорошо знал этот вал. Дети они взбирались на него, чтобы заглянуть в бездну, и взрослые строго запрещали им подходить к нему. С этого вала открывался прекрасный вид на восход солнца, которое осенью поднималось как раз над вершиной горы Фавор, расположенной на юго-востоке от Назарета. Иисуса вели именно туда. Иоанн забежал вперед и, наконец, увидел его. Он не сопротивлялся и покорно сносил толчки, рывки и оскорбления. На его лице застыло упрямое и отрешенное выражение, словно его уже не было здесь, словно он находился в другом мире. Глаза его смотрели поверх всего. Иоанн хотел закричать - и не мог. Закричать нужно было, чтобы проснуться. Он хотел проснуться. Эти демоны вели на смерть человека с ласковой улыбкой и печальными глазами, говорящего как пророк. Нужно было закричать.

- Стойте! - вдруг раздался крик.

И юноша, наконец, проснулся.

- Стойте! - дорогу толпе преградил Иамес.

- Остановитесь, мужи - братья, и выслушайте меня, - просил он. - Вы все знаете меня. Я брат этого человека, которого вы хотите убить. Вот мать и братья его. Вы знаете нас. Отец наш Иосиф и мать наша Мария - богобоязненные люди. В почитании к Богу они растили всех нас. Я был еще в утробе материнской посвящен Господу нашему, и я храню себя на этом пути. Послушайте нас. Было ли вам до сих пор в чем нам упрекнуть? Сделал ли кто из нас дурное? Скажите!

- Нет, - раздалось голоса.

- И брата моего Иисуса растили в благочестии.

- Зачем же он назвал себя Сыном Божьим?

- Мужи - братья, разве человек в здравом уме способен такое сказать? Посудите сами. Мой брат не в себе. Не по своей воле он говорит это. В нем дьявол говорит, чтобы искушать вас.

- Он богохульствовал!

- То дьявол богохульствовал. Дьявол входит в человека и говорит его устами, сеет распри, а когда люди убивают друг друга, он радуется. Не посмеет человек богохульствовать, если сатана не сделает с ним этого.

Иоанн видел, как Иисус вышел из своего отрешения и теперь пронзительно строго смотрел на своего брата. Ему не нравилось то, что говорил Иамес.

А нащрит продолжал увещать толпу.

- Дьявол искушает нас и хулит Господа, ибо отвергнут был Господом от лица его. Кто посмеет хулить Бога Всевышнего, Создателя земли и небес? Разве наша семья давала вам повод усомниться в нас? Денно и ночью я молюсь пред Господом за грехи свои и всего Израиля. Не убивайте этого человека. Позвольте нам увести его. Вся семья наша будет молить Бога о милости к нашему брату. На коленях прошу вас быть милостивыми, как Господь милостив ко всем нам.

При этих словах Иамес упал на свои мозолистые колени и склонил голову. Вид преклоненного нащрита, который, как сказано в писании, "свят для Бога", произвел на горожан сильное впечатление, а его аргументы охладили их пыл. Во всем виноват дьявол, а не этот безумный сын плотника.

По тому, как смягчалась толпа, Мария поняла, что пришла ее очередь. Со слезами на глазах она вышла вперед и стала просить:

- Люди добрые, пощадите моего сына. Позвольте мне увести его домой и положить в постель. Я буду молиться за него, и Господь услышит материнскую молитву. Не лишайте меня

моего первенца.

Материнские слезы и просьбы окончательно смутили горожан.

- Пусть уведет его, - слышались голоса. - Отдайте его семье.

Теперь Иисус смотрел на Марию, к нему вернулась печаль. Его мать слезно выпрашивала его жизнь у этих мертвецов.

- Мать! - начал он говорить.

- Молчи, молчи, сын мой, - и она проложила ладони к его губам.

- Не нужно, мать, - печально произнес Иисус.

- Молчи! Молчи!

И он позволил ей увести себя.

- Храни вас Господь, мужи - братия, - благодарил Иамес, отступая в поклонах, словно прикрывал собою мать и брата.

- Не пускайте его в синагогу, пока не излечится, - кричали им вслед. - Держите его взаперти.

На разрядившихся от фанатического напряжения горожан, которые к тому же вовсе не были убийцами, нашло даже какое-то легкомыслие.

- А лучше посадите на цепь, - смеялись они. - Пусть не беспокоит благочестивых людей.

Иоанн вдруг осознал, что смеется вместе со всеми над оскорбительными репликами в адрес Иисуса. Он не знал, зачем это делает, но продолжал смеяться. Когда, наконец, его грудь перестала содрогаться, выталкивая из себя булькающие звуки, он почувствовал себя разбитым, раздавленным, опустошенным. Ему хотелось добрести до дома и рухнуть в постель.

Вечером за ужином он спросил отца:

- Почему вы позволили эту расправу? Вы ведь сами учили меня Закону, и горожане не смели совершать самосуд. Они смотрели на вас, но вы молчали, Они не стали бы...

- Богохульство карается смертью. Если не вдаваться в тонкости судопроизводства, они исполняли Закон.

- Тогда почему вы теперь не арестуете его? Он подлежит суду Синедриона.

- Город отпустил его. Было бы хлопотно арестовывать его и везти в Иерусалим. Если всех безумцев отправлять Синедриону, у него не останется времени на более важные дела. Завтра этот бродяга уберется отсюда и найдет свою смерть в другом городе, где его не спасут мать и братья.

- Завтра? - у Иоанна упало сердце.

- Конечно же. Ему здесь нечего делать. И что тебе за дело до него?

- Это было жестоко.

Судья всмотрелся в него.

- Забудь его.

- Он ведь все равно уйдет.

- Вот именно. Он уйдет, а ты забудешь эту историю.

- Вы ведь не считаете его безумным?

Зеведей нахмурился.

- Сын мой, меня не интересуется этот плотницкий выродок. Перестань упоминать его в моем доме!

На следующее утро Иоанн примчался к дому плотника чуть свет и сразу же понял, что его отец был прав. Во дворе стоял Иуда, облаченный в рыжий хитон, с пеналом на боку вместо меча. Иоанн поприветствовал его, и он холодно кивнул. Из дома вышел Иисус, тоже собранный в дорогу, в буро-пурпурном финикийском плаще и с холщовой сумой в руках. Он продолжал разговор, который начался в доме и никак не мог кончиться.

- Прости меня, мать, но я не могу остаться в доме с тем, кто назвал меня безумным.

- Сын мой, Иамес защищал тебя, - послышался голос Марии, и она появилась в дверях. - Он твой брат. Он спасал твою жизнь.

- Мне не нужна жизнь, которую называют безумной. Этот мир безумен, оглянись вокруг. Не я! Я потратил жизнь на поиски истины, которая, кажется, здесь никому не нужна. У мира хватает его человеческих забот. А я сыт человеческим. Мне нужно больше.

Мария, женщина своего времени и своего народа, не привыкла смотреть поверх человечества и до сих пор не встречала таких, кто бы это делал. Ее собственный сын пугал ее. В глубине души она была готова согласиться с Иамесом, что ее первенец не в себе. Они простые люди. Зачем же так задирать голову? Так жили до них тысячи, и так будут жить после них. Она не смогла бы понять, что ее аргумент про тысячи оказывался контраргументом для ее безумного сына. Он - не со всеми, он - против всех. Ей хотелось одного: вернуть себе сына и помирить его с братом.

- Иамес, - обратилась она ко второму сыну, вышедшему вслед за ней во двор, - скажи ты ему что-нибудь.

Но тот лишь угрюмо молчал.

- Ты не можешь простить брату, что он назвал тебя безумным, - продолжала она. - Где же твоя любовь? Разве не должно прощать брата своего?

- Я прощаю Иамеса за то, что он назвал меня безумным. До семидесяти семи раз прощаю брату своему.

Марии показалось, что она достучалась до сердца Иисуса, и сейчас братья обнимутся.

- Но безумным он назвал вместе со мной то, что больше меня. Дух Святой! Я прощаю хулу на меня, но не могу простить хулу на Духа Святого. Можно оскорблять человека, нельзя оскорблять то, что выше его - истину.

Мария смотрела на него с печалью.

- Но Иамес ничего не говорил о Святом Духе.

- Потому что он его не знает!

- Только ты все знаешь, - не выдержал нащрит.

- Увы! Это так!

Марии хотелось что-то сказать еще, но Иисус коротко обнял ее, поцеловал и решительно произнес:

- Прощай, мать. Я сожалею, что так вышло. Тебе пришлось унизиться перед этими людьми ради меня. Больше я этого не допущу. Извини. Прощай, Иамес. Прощайте, братья.

- Сын мой, кто высоко возносится, тому падать будет больно, - почти простонала Мария.

Иисус печально и ласково улыбнулся ей:

- Я давно уже упал и разбился об эту землю. Худшее со мной уже случилось, мать. Я оказался в этой преисподней. Не беспокойся за меня.

Он повернулся и двинулся к выходу со двора и только тогда увидел Иоанна. Ласковая улыбка не появилась на его лице, но он обнял и поцеловал юношу, не сделав этого с родными братьями.

- Прощай, Иоанн.

В плавное течение жизни, к которому привык юноша, Иисус внес стремительность и новые чувства. Он только появился и уже исчезал, словно заезжий волшебник. По родству душ, которое и рождает понимание между людьми, Иоанн догадывался, что мог бы стать Иисусу ближе, чем все братья на свете, но теперь это становилось невозможным: Иисус стряхнул прах этого города со своих сандалий и больше в него никогда не вернется.

- Вы уходите? - глупо пробормотал он.

Иисус кивнул головой.

- Я провожу вас.

- Не стоит, Иоанн. Твой отец узнает об этом.

- Мне все равно.

- Не должно быть так. У тебя впереди жизнь. Распорядись ею получше.

- Я провожу вас, - упрямо повторил Иоанн и пошел с ним.

Ему многое хотелось сказать. Чувства переполняли его, но именно поэтому все слова казались слишком ничтожны. Они шли по просыпающемуся городу. Во дворах слышались голоса, мычание коров. Перед домами женщины кое-где мели улицу, уже встречались горожане. Они проходили без приветствий. Иоанну было неловко.

- Они хорошие люди, - наконец, выговорил он, - просто вчера взбесились.

Иисус снисходительно улыбнулся.

- Только из хороших людей и состоит мир. Почему же он так плох?

Это был не вопрос. Иоанн понял, что ему не нужно отвечать на него.

На окраине города они остановились. Иисус еще раз коротко обнял юношу.

- Прощай, Иоанн. Не стану тебе желать хорошего. Не хочу пожелать и плохого. Сам разберешься.

- Прощайте, учитель.

Он в первый раз назвал Иисуса учителем. В первый - и в последний. Противоречивые желания разрывали его: верность родительскому дому и страсть к неизведанному. Вероятно, когда-то так же стоял Иисус на перепутье между прошлым и будущим. Но он ушел, как ушел сейчас во второй раз вместе с хромым Иудой. Глядя им вслед, Иоанн загадал: "Если учитель обернется и позовет меня, я пойду с ним. Пусть же он обернется!" Но Иисус не обернулся. Они спускались все ниже и ниже по пологому склону, исчезая за горизонтом: сначала их ноги, потом тела и затем головы - словно провалились под землю.

До сих пор Назарет казался Иоанну достаточно вместительным, теперь он стал тесен для него. Милые сограждане перестали быть милыми ему. Он видел демонов и отпечатал их в своем сознании. Отец возобновил свои прогулки, но теперь, когда он ловил очередного прохожего и начинал его мучить своими судейскими нравоучениями, юноша злорадно думал: "Так тебе и надо!" И эти жалкие, трусливые шакалы чуть не загрызли льва! Душно стало Иоанну в городе-могильнике. Он не находил себе места. Это были муки любви, умноженные интеллектуальным голодом. Возлюбленный учитель имел глаголы истины. Дни тянулись, и тянулись, и не хотели кончаться.

Зеведей смотрел на сына с недоумением. Если бы мальчишка сох по девушке, это было бы понятно, но он тосковал после исчезновения плотницкого сына. Это оскорбляло судьбу.

Однажды в дом явился посыльный с приглашением на свадьбу от дальнего родственника из Канны. Зеведей призвал сыновей.

- Собирайтесь. Заодно и вам присмотрим невест. Кана славится в Галилее своими невестами. Подыщем вам Ребекку и Рашель.

Иоанн лишь кисло поморщился.

- Пусть Иаков женится.

- Почему я?

- Ты старше.

- Сыны мои, - вмешался судья, - вам обоим пора жениться, чтобы тоска не заедала вас. Так определил Господь людям, чтоб не исчез их род с земли.

Иоанн без всякого энтузиазма стал собираться. За свою жизнь он навидался достаточно свадеб. Сначала среди детворы, которая рассматривала всякую свадьбу как увеселение для нее

самой и спешила первой на призывы труб и бубнов. Там они совали во все свои носы, шныряли меж столами, мешались у всех под ногами, крутились среди танцующих, получали шлепки, подзатыльники и, наконец, сытые, падающие с ног от усталости, отправлялись спать, счастливые больше, чем все остальные участники свадьбы. Старше он чинно стоял среди подростков, набирающихся опыта взрослого поведения, и впервые задумывался, зачем мужчины и женщины женятся и что происходит в шатре жениха. Еще позже он сидел за столом в числе друзей жениха и находил всю процедуру глупой и скучной. Многолюдье его сковывало, суэта раздражала. В отличие от своего отца, он не любил пиры и собрания. И в очередной свадьбе Иоанн не предвидел ничего нового. Старики и старухи будут ревниво следить за соблюдением ритуалов, которым тысяча лет, чтобы все было, как у них в молодости и чтобы из века в век сохранялись неизменными народные традиции. И, конечно же, найдут чем быть недовольными: жених не так стоял, невеста не так смотрела, стол был небогат, вино было плохое.

Они запрягли коня в повозку и отправились в Кану. Иоанн ехал навстречу своей судьбе, но не мог об этом знать. Свадьба в Кане станет главным чудом его жизни. Старейший, большой Зеведей хотел лишь порадовать себя еще одним торжественным развлечением и сыграть роль “свадебного генерала”, которая тешила его самолюбие. Если бы он знал, чем окончится эта поездка ...

Зеведей не любил опаздывать и потом занимать оставшиеся места. Пир не начинают до прихода царей, но он царем не являлся. Поэтому судья предпочитал приходить заранее на все торжества, занимать приличествующее ему место и затем взирать на вновь прибывающих, чувствуя себя главным гостем. Он остался доволен приемом. Отец жениха приветствовал его по-родственному и усадил за верхний стол в самых почетных местах. Зеведей критически обозрел просторный двор, столы, убранство, шатер жениха. Все было пристойно и по-фарисейски. Гости только начинали собираться. Распорядитель пира рассаживал их согласно статусу и родству.

Свадьба уже шла своим чередом, музыканты играли, новобрачные принимали поздравления, гости ели и пили, Зеведей вел застольные разговоры с хозяином дома, Иоанн умирал от скуки, когда во двор вошли Иисус с Иудой в сопровождении какого-то человека.

При виде того, кого уж не надеялся увидеть, Иоанн просиял от восторга и приветственно замахал рукой. Ему хотелось закричать через весь двор: “Учитель! Учитель! Я здесь!”

Иисус увидел его и ласковой улыбкой ответил на его призывы. Зеведей заметил жестикуляцию сына, тоже увидел Иисуса и отставил чашу. Это был очень неприятный сюрприз для него. Вторым, еще более неприятным, стало то, что распорядитель пира, встретив с поклоном новых гостей и переглянувшись с хозяином дома, повел их к почетным местам и усадил как раз напротив Зеведея.

Его сын Иоанн улыбался во все лицо. Злая ревность кольнула судью. Менее всего он желал сидеть на равных рядом с этим человеком. Но здесь был не Назарет. Как он попал сюда? Если Иоанну казалось вполне естественным, что его возлюбленного учителя сажают за престижный стол, то его отец вовсе не считал это очевидным. С какой стати оказывается такая честь плотницкому сыну, бродяге и нищему? И вскоре он это понял. Объектом уважения был вовсе не Иисус, а его хромой спутник. Именно ему улыбался хозяин дома и справлялся о его здоровье, к нему почтительно склонялся распорядитель пира. Он предлагал Иуде снять и передать ему на временное хранение его деревянный ящик, но тот лишь покачал головой.

До сих пор Зеведей видел его мельком в синагоге и не обратил на него внимание. Теперь он стал присматриваться к нему. Иуда был сдержан и не кичлив, но оказываемый ему почет принимал достойно, как человек, привычный к лучшим местам, и смотрел вокруг себя спокойно и уверенно. Его дорожный пенал был сделан из дорогого эбенового дерева. Судья был уверен, что внутри он обшит красным самшитом. Лишенный всяких украшений, этот пенал тем не менее

свидетельствовал, что его владелец знает толк в хороших и дорогих предметах. Одет Иуда был не бедно, но небрежно.

Зеведей наклонился к хозяину дома и тихо спросил:

- Кто эти люди?

- Симон - живет тут неподалеку, он в лидерах у местных zelотов. А Иуда - он из иерусалимских саддукеев. Очень влиятельный человек, - также тихо ответил ему тот.

- А третий?

- Его не знаю. Эти люди, друг, не любят себя открывать.

Судья на мгновение испугался. Уж не связался ли он с тайными силами, которые много могущественнее его? Он по-новому взглянул на своего врага. Иисус ведь тоже держался с большим достоинством и даже надменно. Надменность - это атрибут власти. Зеведей не находил других причин для человеческого высокомерия. Только власть дает это людям.

Как раз к этому времени виночерпий наполнил чаши прибывших. По традиции кто-то из них должен был произнести здравницу. Иуда поднял чашу, чтобы выпить за процветание этого дома. Он был скуп на слова и не стал произносить обычного похвального тоста. Но хозяин дома и этим был весьма польщен. Он охотно подхватил свою чашу. Все выпили.

Иоанн не помнил себя от радости и проглотил вино залпом. От его скуки и раздражения не осталось ни капли, как и вина в его чаше. Пир продолжался. Юноша пил за процветание этого дома, за его доброго хозяина, за цветущего жениха, за невесту - "запертый колодец", за всех присутствующих. Он прихлебывал вино как воду, старался смотреть на свадьбу, но глаза его возвращались к Иисусу. Поистине, это судьба привела их обоих в этот дом. Он еще не знал, как поступит, но просто так он уже не расстанется с возлюбленным учителем.

Тот сдержано ел, пил, переговаривался с Иудой, глядел на танцующих, даже прихлопывал им в ладоши, а когда ловил на себе взгляды Иоанна, дружески ему кивал.

"Переглядываются как любовники", - сердито думал Зеведей. Свадьба для него была испорчена. Он желал унижить, оскорбить этого плотницкого сына, выгнать прочь отсюда, но это была не его свадьба и не его город-могильник. Тогда ему захотелось вызвать Иисуса на диспут. В своем судейском умении говорить и ставить людей на место он был уверен.

Кто-то за столом упомянул Иохонана Крестителя. Слава о праведнике-нашрите, который живет в пещере за Иорданом и очищает людей от грехов водами священной реки, шла по всей Галилее. Зеведей тут же вмешался в беседу.

- Когда в Назарет пришла весть о святом отшельнике, - громко и властно заговорил он, заставив всех смолкнуть и прислушаться к нему, - мои сыновья просили меня отпустить их на Иордан, чтобы видеть своими глазами этого человека и рассказать о нем в городе. Я, конечно же, благословил их на это дело. Расскажи нам Иаков об этом человеке.

Все взоры обратились на старшего Иакова. Тот, словно птица в золотой клетке, которой пришла пора петь перед гостями, отставил блюдо и начал докладывать:

- Он одет во власяницу из верблюжьего волоса, носит кожаный пояс. Голова у него как львиная грива, которой не касался гребень, и говорит он громовым голосом, - без запинки, как затверженный урок, произнес он.

Десятки раз Иакова спрашивали об этом, и десятки раз он повторял одно и то же. Не отличаясь воображением, он просто не знал, что еще добавить к образу отшельника.

- Он смотрит и как будто не видит, - неуверенно добавил Иоанн, которому давно надоело слушать одну и ту же историю.

- Что это значит? - сердито спросил Зеведей. Младший сын невольно раздражал его. - Ты хочешь сказать, что он слепой?

- Не слепой. Его глаза словно обращены внутрь. И они у него все время слезились.

- Глаза внутрь! Как такое возможно? Что за выдумки? Иаков продолжай.

- Много людей приходило к нему, - покорно запел Иаков. - Особенно из Иудеи. А он говорил всем: "Покайтесь, ибо приблизилось к вам Царство Небесное. Судный день идет, когда с каждого спросит Господь за грехи его. Не спасут человека все сокровища его, ни царский престол, ни священные ризы". Громовым голосом говорил Иохонан. И люди опускались перед ним на колени и славили Бога. А он их вел в Иордан и опускал в воду. И благословлял именем Господа.

- А кем он себя называл? - продолжал опрос судья.

- Он сказал: я не пророк, но за мной идет тот, кто выше меня.

- Он предтеча Мессии, - тихо вставил Иоанн. - Мессия должен скоро придти.

- Мы знаем о Мессии, - раздраженно оборвал его отец. - Неизвестно, когда придет Мессия и откуда. Но он должен быть из царского рода Давида.

- Пришествие Мессии ознаменуется великими чудесами, - добавил хозяин дома. - Но их пока не было.

- Их нужно видеть, - не унимался юноша.

- Кажется, мой сын считает, - с усмешкой произнес Зеведей, все дальше отталкивая то себя Иоанна, - что чудеса не очевидны для всех, но их могут видеть только избранные. Что же это за чудеса, которые недоступны народу?

- Их видели пророки, но не видели другие, - упрямо и открыто перечил Иоанн отцу. - Чуда нужно желать, чтобы увидеть его.

- Ты тоже так думаешь? - неожиданно и грубо обратился судья к Иисусу.

- Да, - коротко ответил тот и ободряюще улыбнулся Иоанну.

Это еще более озлило Зеведея. Если он публично укоряет своего сына, то потому что тот сам виноват. Но это - его сын, его собственность, и никто не смеет вставать между ними.

- Это почему же? Объясни! - потребовал он, будто проводил расследование.

- Люди слепы.

- Значит, мы все здесь слепые?

- Это ты сказал.

- А ты что скажешь? - в ярости выдохнул Зеведей.

Иисус пожал плечами. Он не хотел спорить, он даже не желал говорить с Зеведем и не скрывал этого. Его холодная самоуверенность бесила судью, и он, сознавая это, сам ставил себя в проигрышное положение, но не мог остановиться. Он хотел сражаться, а противник им пренебрегал. Приличные люди так не поступают.

- Имей смелость, скажи, - вызывал его Зеведей.

- Судья, я вас не беспокою. Не беспокойте и вы меня.

Но Зеведей не мог уняться.

- Кто же, по-твоему, зрячий? Скажи нам Иисус, сын Иосифа! Уверен, себя ты считаешь зрячим. Уж не тот ли зрячий, кто не почитает отца и мать своих?

Уже хозяин дома посматривал на него с удивлением, а Иоанн, у которого от волнения пересохло в горле, глотал вино, сам того не замечая. Ожесточенный спор отца с возлюбленным учителем терзал его сердце. Всем было понятно, что судья сводит личные счеты.

- Друг мой, мы на свадьбе, - попробовал напомнить ему хозяин дома.

- Пусть ответит! - судья впился глазами в противника.

Понимая, что его не оставят в покое, Иисус ответил:

- Зрячим человека делает истина.

- И что есть истина?

- Истина?

- Именно, истина.

- Истина - это другое имя свободы. Если твоя истина ни от чего тебя не освобождает, то это еще одна человеческая ложь, - произнося это, Иисус смотрел на Иоанна, будто говорил для него.

- Истина должна освобождать от человеческого.

- Освобождать от человеческого? Делать его зверем?

- Для этого человеку не нужно утруждаться, - иронично ответил Иисус. - Небо свободно от человеческого. Я говорю о приближении к Небу, а не к земле, на которой человек стоит обеими ногами.

“Нет,- понял Зеведей и немного успокоился, - этот человек не обладает властью. Люди с властью не говорят так безответственно. Иисус - не политик, он очередной болтун, лжепророк, каких полно в Израиле. Сын Неба, который освобождает от человеческого? Это было бы смешным, если бы не было кощунственным”.

- Я скажу всем, что есть истина! - К судьбе вернулась уверенность. - Истина в Божьей мудрости. Господь дал Моисею 613 заветов. Число запретов в них - 365, как число дней в году. Число повелений - 248, как число органов в теле человека. Если вычесть из года день, нарушится исчисление времени и зима станет летом. Если удалить у человека орган, он будет калека или мертвец. Как неизменны эти числа, так непреложен Закон.

- Хорошо сказано, - поддержал его хозяин дома.

- Тот, кто думает, что можно соблюдать одну заповедь и не соблюдать другую, - глупец и грешник. Нарушающий один день, нарушает весь год. Пренебрегающий одним органом, пренебрегает всей жизнью. Кто ест неумытыми руками сегодня, завтра нарушит субботу. Завидующий дому ближнего своего станет красть и блудить. А не почитающий отца и мать своих возропщет на Бога. Не приносящий в мир своих плодов, подобно худому дереву, будет брошен в печь преисподней. Там будет плач и скрежет зубов. Плодитесь и размножайтесь, сказал господь. Плоды человека - дети его. Человек без детей подобен бесплодной смоковнице. Есть скопцы от Бога, есть скопцы, которых люди сделали такими, а есть скопцы, которые не хотят дать свой плод. Будут срублены такие и брошены в огонь

- Хорошо сказано, - повторил хозяин дома.

Но Зеведей только начал говорить. Он доставал и доставал из своего памятного архива аргументированные мнения на все вопросы бытия, словно величайший фокусник, который способен извлечь из пустой корзины целую пекарню и накормить хлебом мудрости тысячи людей. Все уже были сыты.

- И вот что я еще скажу, - подвел итог своей речи Зеведей. - Конечно, Иохонан - праведник и почти пророк. Но каждый должен оставаться в том звании, в каком был рожден, и заниматься тем, чему был обучен. Это неслыханное дело! Священник из череды Авии, потомок Аарона, которому Моисей во весь род его повелел служить при доме Господнем, такой человек оставляет Храм, открыто порывает с Синедрионом, и уходит за Иордан. Почему он поселился не на правом, а на левом берегу, в Декаполисе? Он словно провел черту между собой и всем Израилем. Доведет ли это его до добра?

И Зеведей многозначительно посмотрел на плотницкого сына, но тот давно уже его не слушал и думал о своем.

Наступила пауза.

- Возлюби ближнего своего как самого себя, - раздался вдруг странный голос Иоанна.

Взоры обратились к нему. И тут все сидящие за столом обнаружили, что юноша сильно пьян.

- Ведь это так просто, - продолжал он нетвердым языком. - Так просто. Нужно любить друг друга и больше ничего не нужно.

- Что с тобой, Иоанн? - гневно спросил Зеведей.

- Отец. Любовь животворит, любовь лечит раны души

...

Он не замечал гневного лица отца, не видел подмигиваний Иакова. Ему хотелось поделиться со всеми той пронзительной ясностью мышления, которую он почерпнул со дна чаши.

- Любовь не завидует, любовь не крадет, не убивает, любовь не ссорится. Зачем сориться? Давайте любить друг друга.

- Прекрати!

- Отец, не нужно ваших судов, не нужно армий, не нужно правителей, не нужно Закона, нужно только любить друг друга ... и прощать, - Иоанну захотелось плакать от жалости к человечеству, которое не понимает простой арифметики любви.

- Уведи его! - приказал Зеведей Иакову.

Тот подхватил своего брата, продолжавшего восхвалять любовь, и увел его через двор подальше от людских глаз. Ноги слушались юношу так же плохо, как и язык. В темном углу двора его вырвало. И к нему вернулся рассудок. Он вдруг понял, что ужасно напился и опозорился за столом.

Иаков стоял рядом и пенял ему:

- Ты зачем так напился?

- Я случайно.

- Как можно случайно напиться? И дети не напьются случайно.

- Не знаю. Не знаю, Иаков.

Ему было невыносимо стыдно. Он лежал на спине под черным небом, и все звезды смотрели на него с презрением. "Ну что смотрите, - простонал Иоанн. - Без вас тошно". Ему хотелось провалиться под землю, чтобы и звезды его не видели. Ему было очень плохо. Какая же это мерзость, - вино! И правильно, что праведники не пьют вина. Какой молодец Иохонан. Он предтеча Мессии. Он не пьет вино. Он любит ...

- Что ты там бормочешь? - спросил Иаков.

- Я? Не знаю... Как мне стыдно, брат.

- Еще бы! Отец теперь посадит тебя под домашний арест.

- Мне нужно умыться.

- Я отведу тебя в дом.

- Нет-нет, - в ужасе отказался он. - Я должен вернуться и извиниться. Принеси мне воды.

Спасение было в одном: вернуться и принести всем извинение, и досидеть свадьбу до конца. Превратить все в досадное недоразумение. Ах, почему нельзя вырвать это событие из жизни? Ничего не было. Нужно вернуться за стол, вернуться на поле боя, с которого позорно бежал. Не вернуться - остаться виноватым навсегда. Он попробовал подняться, и в голове закрутились, заскрипели мельничные жернова. Иоанн без сил упал. Он изверг из себя все выпитое, но трезвым не стал. Как же ему стать самим собою? Необходимо отрезветь, вернуться на свадьбу и попросить прощение.

Иаков принес ему чашу.

- Это не вино?

- Вода. Пей и умойся.

- Вода пахнет вином.

- Ты сам пахнешь вином.

Но Иоанн ничего не мог с собой поделаться. Вода казалась ему вином, и желудок не принимал ее.

- Ты иди, успокой отца и гостей. Я сейчас приду. Я смогу.

Наконец, умывшись и утеревшись своим поясом, он побрел назад. Иоанн приготовил извинения, но за столом все сделали вид, что ничего не заметили. Зеведей отложил разговор с сыном на потом. Он больше не нападал на Иисуса и вел беседу с хозяином дома. Тот тоже был доволен тем, что свадьба вернулась в праздничное русло. Судья пополнил свой архив новым аргументированным мнением: о вреде путешествий для молодых людей, которые набираются в чужих землях пагубных идей и дурных нравов. Одно лишь присутствие этого бродяги рядом испортило его сына.

Иоанн сознавал, что он все еще пьян. Он сидел на своем месте неподвижно, как истукан, боясь выдать свое состояние случайным движением.

- Поешь, - шепнул ему Иаков.

Он отрицательно покачал головой. Еда тоже пахла вином. От этого запаха, разлитого по всему пространству пира, его тошнило. Никогда больше он не выпьет вина. И не предлагайте ему!

Иисус внимательно и ласково посмотрел на Иоанна. Он достал из своей сумы какой-то флакон, капнул из него в чашу с водой и протянул юноше.

- Выпей. Это поможет.

Из чаши исходил неприятный запах, но не винный, а еще более острый. Из рук любого другого человека Иоанн не принял бы эту гадость, но это был возлюбленный учитель. Иоанн проглотил ее разом и передернулся.

- Теперь потерпи немного.

И вскоре он почувствовал, что чудесным образом трезвеет. Это было необычное ощущение. Все разом встало на свои места и вернулось в фокус. Иоанн облегченно потянулся к еде.

Колдовские действия Иисуса не остались незамеченными.

- Вот самое чудесное вино из воды, - пошутил хозяин дома. - Нам всем нужно его пить. Вы - врач? - почтительно обратился он к Иисусу.

- Немного.

- Не могли бы вы посмотреть мою спину? Она беспокоит меня, особенно по утрам.

- Я смогу дать вам несколько советов.

- Приму их с благодарностью.

- Пустяки.

И хозяин дома превратился в почтительного пациента. Он говорил с Иисусом как с заезжей знаменитостью, и это опять стало раздражать Зеведея.

А на следующее утро Иоанн заявил ему, что хочет поучиться у Иисуса искусству врачевания. Это был лишь благовидный предлог, и Зеведей его тут же раскусил. Он лежал в постели, его ноги ныли, а его сын намеревался сбежать от него к бродячему лжепророку.

- Ты вернешься вместе со мной в Назарет.

- Нет, отец. Там я умру с тоски.

- Выдумки!

- Возможно, я узнаю у него, как излечить вашу болезнь. Вы ведь сами не обратитесь к нему,- лукавил юноша.

- Глупости! Он шарлатан.

- Он спас меня. И помог хозяину дома.

- Глупости! Не смей перечить мне! Если ты пойдешь с ним, я отрекусь от тебя и лишу наследства, - пригрозил Зеведей крайней мерой.

Для сознания человека не бывает иной вины кроме той, которую оно принимает на себя само. Чувство вины - чувство добровольное. Человеку невозможно внушить вину, если он ее отвергает, и невозможно отнять, если он ее уже взял на себя. Самое чудовищное преступление может быть без вины, и самый ничтожный поступок может быть с виной. Раскаяние - это свободный выбор. Всякий суд – это насилие. Зеведею не было до этого дела, когда он выносил в своем суде приговоры, решал, кому быть виновным. Он гордо восседал на судейском месте и воплощал собою справедливость, сам Закон и карающий голос Господа. Но теперь перед ним стоял его сын, и он не принимал отцовского суда.

Иоанн ушел.

Зеведей бы сломлен.

Иоанн размыкает веки, и свет бьет ему в глаза. Он обнаруживает себя лежащим на сене в старом сарае. Сквозь оконце на него смотрит осеннее серое небо. Пахнет кислым дымом и дождем. Его память совершает волшебный скачок, и он разом вспоминает все: вчерашний уход от отца, дорогу с Иисусом, ночевку в деревушке под Каной.

Хромой Иуда сидит у костра, выгоревшего за ночь. В дверях появляется освеженный Иисус с хлебом, сыром и молоком. Он улыбается Иоанну.

- Вставай, Иоанн. Солнце взошло. Птицы запели, кони заржали, львы заревели. Все приветствуют новый день.

- Учитель, я ничего не слышу, - потягиваясь, с виноватой улыбкой признается юноша.

- Неужели? Я тоже не слышу. Но это не важно. Вставай, умойся дождевой водой в кадке. Вкусим даров нашего гостеприимного хозяина.

Иоанн охотно вскакивает на ноги. Сегодня учитель в хорошем настроении, и его душа тут же отзывается на этот призыв.

- Что это он так расщедрился? - спрашивает Иуда.

- Я дал ему совет, как избавиться от его хвори.

- Что за хворь?

- Запоры.

Иоанн фыркает от смеха и выходит из сарая. Он привычно изучает небо. Ничего, кроме дождя оно ему сегодня не сулит. Похоже, ангелы потрудились за ночь, натащив столько туч над головой юноши. Ладно, его час еще придет. Он плещет в лицо из деревянной лохани, утирается рукавом нарядного хитона цвета индиго и возвращается в сарай, где на холщовой тряпке уже накрыт завтрак. Иоанн ест хлеб и черствый сыр с аппетитом. Бродячая жизнь приходится ему по вкусу.

- Я видел чудный сон, - рассказывает он, - синее-синее озеро, гладкое-гладкое, и мы идем по нему, а вода нас не поглощает, словно твердь. А потом что-то еще, но я никак не могу вспомнить. Так интересно, будто во сне у тебя есть еще одна жизнь, и ты живешь две жизни: одну - днем, а другую - ночью, во сне. Ты любишь сны, учитель?

- Нет, не люблю.

- Почему? Они у тебя дурные? Мне тоже иногда снятся кошмары, всякие чудовища с рогами. Тебе они тоже снятся?

- Я не люблю сны за то, что они возвращают меня ко мне прежнему.

- Как это?

- Всем ли ты доволен в себе, Иоанн?

- О нет! - восклицает юноша. - Мне многое в себе не нравится. Иногда я даже желал бы родиться другим человеком. Хотя я не представляю как это возможно. Ведь другой человек это уже не я. Но я хотел бы измениться. Стать менее чувствительным ... менее суматошным ...

Многое во мне не так, - печально заключает он.

Этот юношеским артистизм, стремящийся быть тем, чего он него ждут, как податливая глина, принимающая правильные формы под рукой ваятеля, вызывает у Иуды холодную усмешку. Он не верит этому мальчишке ни на грош.

Иоанн ловит эту усмешку и сердито смотрит на калеку.

- Мы строим себя как дом, - объясняет в это время Иисус. - Поднимаем стены, ставим кровлю, меняем двери и окна. Как плотник, я знаю в этом толк, - иронизирует он на мгновение. - Так вот. Сны возвращают меня в старый дом, в котором я давно не живу, и не хочу возвращаться в него. В нем слишком много человеческого. Ложь, страх, похоть, жадность, зависть - все, что свойственно человеку от природы. Этот дом я долго ломал. Его нет в моей жизни. Но он возвращается ко мне во снах. Сны меня делают тем, кем я уже не являюсь, от чего освободился. Я был юн и стал стар. И мне не нужна моя юность. Вот почему я не люблю сны: в них много человеческого.

- Понимаю, - взволновано отзывается Иоанн и косится на Иуду: не смеется ли тот опять.

Но Иуда, погруженный в свои думы, уже не замечает его и высказывается сам:

- Тяжело возвращаться в свой дом, где ничего не осталось.

- Ты бы хотел все вернуть? - спрашивает Иисус.

- Нет, - серьезно отвечает калека. - Мне тоже не нужна моя юность. Что было, то было. Пусть все остается как есть.

И они переглядываются, словно говорят о чем-то, что известно только им обоим. Их связывает прошлое, в котором Иоанну нет места. Он желал бы это узнать, чтобы понять, почему они вместе, ибо кажутся ему совершенно несовместимыми. Что заставляет мрачного Иуду ходить с Иисусом, которого он никогда не называет учителем? Почему они вместе? Зачем просветленному, как небо в солнечный день, Иисусу темный, будто омут, Иуда?

Их завтрак закончен. Они собираются в дорогу. Иуда заботливо кутает свою искалеченную ногу в пуховой платок, сев спиной к ним. Похоже, этот человек не любит показывать другим свое уродство.

Иоанн тянет шею, пытаясь заглянуть за плечо ему.

- Что тебе?- раздается голос, и юноша смущенно отстраняется.

- Ничего, - бормочет Иоанн.

Спиной он, что ли, видит?

- Наверное, ваша нога вас сильно беспокоит? - Иоанн хочет быть вежливым.

- Я уже привык.

- Давно у вас это?

- Давно, - холодно отвечает Иуда, но юноша продолжает:

- Если вы пострадали за правое дело, Господь вас наградит.

- Я не фарисей, как твой отец, и не верю в воскресение. За гробом только пустота.

- Так ли, учитель?

Иисус невозмутимо отвечает:

- За гробом Царство Небесное.

- Я так и сказал, - невозмутимо подтверждает Иуда.

Иоанн недоумевающе переводит взгляд с одного на другого.

- В Царстве Небесном только Святой Дух,- поясняет Иисус.

- И ничего больше?

- А ты, наверное, - усмешливо говорит Иуда, - представляешь его как город, населенный людьми и животными? С такими же дырявыми сараями и кучами навоза?

- Я не такой глупый.

- Тогда вообрази пустоту, только пустоту и ничего более.

- Так ли, учитель? - опять переспрашивает юноша.

- Так, но только без мрачности Иуды. Это царство света, а не царство тьмы. В Азии я встречал людей, которые называли себя знающими - гностиками по-гречески. Они утверждают, что души после смерти обитают на звездах.

Иоанн фыркает.

- Это не столь смешно, когда пробуешь их понять. Гностики исходят из того убеждения, что смерть - не черная дыра, как думает наш Иуда, но царство света. Звезды, говорят они, это скопление светоносных душ. Когда душа покидает тело, она воспаряет вверх и присоединяется к тем душам, к которым чувствует наибольшую склонность, симпатию по-гречески.

- Ты веришь в это?

- Верить, мой мальчик, можно во что угодно. Я предпочитаю знать, но то, что знаю я, имеет значение только для меня, к сожалению. Для тебя же имеет значение только то, что знаешь ты.

- Учитель, для меня имеет значение все, что знаешь ты. Расскажи еще. Эти гностики правильно говорят?

- Нет, Иоанн. Они поверхностны. Царство Небесное тоньше звезд, тоньше их света.

В это время, закончив перевязку ноги, Иуда поднимается и спрашивает:

- Ты собираешься просвещать его в сарае?

- Почему бы и нет?

- Быть может, выйдем на дорогу? Там хоть не воняет.

- Пожалуй, - соглашается Иисус. - Пойдем, Иоанн. Дорога нас ждет.

Во дворе их встречает старик, ставший вдруг словоохотливым, и провожает до ворот.

- Уж, не в Тибериаду ли вы идете? Ныне многие туда идут. Вот и мои сыны с невестками подались в царский город. Времена теперь не лучшие. Поголовная подать, земельный оброк, налог с жилья, ремесленный сбор, товарная пошлина, пожертвование на Храм, а теперь еще плати за царский город. Тяжело жить. Вот и подались мои дети на заработки. Там сейчас всех принимают, были бы руки. Так вы не в Тибериаду? А то бы передали от меня сынам весточку, что, мол, у стариков все хорошо.

- Что же ты, человек? - не выдерживает Иуда. - У тебя пустой дом, а ты заставляешь нас ночевать в грязном сарае! Так-то тебя учили принимать соплеменников?

- Сыны не велели.

- Их здесь нет. А дом твой стоит пустой. Следовало бы поджечь его.

- Не гневайся, добрый человек.

- Я не добрый. Сейчас спалю твой дом.

- Я соседей позову.

- Зови. Спалим всю вашу деревушку, как Содом и Гоморру.

Старик в страхе пятится от Иуды.

- Он пошутил, старче, - успокаивает его Иисус.

Тот недоверчиво смотрит на своих гостей. Стоящий позади мужчин Иоанн жалостливо улыбается ему.

- Прощайте, господа, - произносит старик и торопливо уходит в дом.

Иисус укоризненно смотрит на Иуду.

- Ты ведь знаешь, - хмуро оправдывается тот, - мои кости не терпят сырости. Я заплатил бы ему с лихвой за сухую и теплую постель.

Они выходят на дорогу. Вскоре деревушка скрывается из виду. Вновь их обтекает с двух сторон череда холмов с пустыми виноградниками и оливковыми рощами. Иногда попадаются сторожевые башенки времен Селевкидов и более ранние строения израильских царей. Здесь,

конечно, нет знаменитых конюшен Соломона, но древняя земля Ханаана, отданная во владение потомкам Завулону и Неффалима, богата историей.

Иоанн еще не научился долго молчать, как это умеют его спутники. Видимо, они способны часами не говорить друг с другом и не тяготиться этим. Но Иоанн жаждет разговора.

- Учитель, мы говорили о снах. Ты стал другим, а сны делают тебя прежним. Я ведь тоже хочу измениться, и, наверное, когда-то мне тоже не будут нравиться мои сны.

- Так, Иоанн.

- Но иногда я думаю: почему я - это я? Почему я - Иоанн? Почему я не какой-то другой человек? Почему я родился собою, а не кем-то другим?

- Иоанн - это только ты и никто другой.

- Но почему я именно я? И почему у меня именно эта жизнь?

- Я объясню это, когда ты будешь готов.

- Разве нет простого ответа?

- Есть. Но за этим ответом стоит другой вопрос. А за ним следующий, еще больший.

- Как это?

- Ты спрашиваешь: почему я родился собою? Но это вовсе не простой вопрос. Этот вопрос уже предполагает в себе, что твое я было до твоего рождения. Но не было твоего я до твоего рождения. То, что родилось, не было тобою. Это был Святой Дух, чистый дух, настолько чистый, что в нем не было ничего, никаких частей. Чище воды, чище воздуха, чище света и огня. Чище пустоты. И в этой чистоте нечего было познавать. Невозможно осознать мир, не осознав прежде себя. Мир всяким живым существом познается через себя и не может познаваться отдельно. И первое, что сделал Дух - осознал себя и стал я. Тысячи и тысячи раз Святой Дух осознает себя, порождая тысячи и тысячи я. Душа - это отдельный акт осознавшего себя Духа. Все из Святого Духа. И вот душа, уже знающая себя, начинает через себя познавать мир. В этом первоначальном состоянии душа знает только я, но познавая мир, она познает нечто отдельное от себя, - он. Есть я и есть он - мир. Вот что говорит себе душа. Но вот что тебе покажется странным, мой мальчик, на первый взгляд: когда ты говоришь "я", ты говоришь в действительности "он". Иоанн говорит об Иоанне? Как такое возможно? Я говорит о я как о постороннем. Разве, если бы я было только я, оно смогло бы говорить о себе? Я говорит о себе самом как об он. Младенец знает свое я, но еще не может сказать "я", и весь мир он воспринимает как я. Для младенца нет ничего кроме я. Святой Дух в нем только-только осознал себя. Когда младенец впервые скажет себе "я", он узнает себя как "он". С этого часа его душа станет полной. И тогда он увидит, что мир не часть его и в нем есть тысячи других я-он. И вот одно из этих я-он узнало, что у него есть тело, жизнь и имя. Не Иоанн получил жизнь, жизнь получила Иоанна. Он взялся из ничего, из осознавшего себя Святого Духа. Не мать родила младенца, - младенец родил мать, родил себя и весь мир.

Иисус взглядывает на обескураженного Иоанна и ласково спрашивает:

- Ну а как ты понимаешь себя?

- У меня есть бессмертная душа. Отец учил нас, что после смерти душа покидает тело и ждет Страшного суда. Осужденные души будут ввергнуты в преисподнюю, а праведные получат вечную жизнь.

- Но где же была твоя душа до рождения, твой отец не рассказывал?

- На небе у Бога. Но Господь дал ей тело. Однако за грех Адама тело должно умереть. После суда оно воскреснет.

- Где же находятся души до суда?

- Хранятся у Бога.

- Спят в некоем хранилище? - серьезно спрашивает Иисус, но Иоанну почему-то кажется, что он внутренне смеется.

- Не знаю.

- Ну конечно, спят, как спали до рождения. И надо полагать, что души человеческие спят отдельно от душ животных, чтобы не перепутаться.

- Учитель, ты смеешься?

- Извини, Иоанн. Меня смешит фарисейство, не ты. Давай продолжим. Ты хочешь изменить себя, стать лучше. Получил ты свой нрав вместе с телом? Или твой нрав, твои мысли и чувства - часть твоей души?

- Наверное, часть души.

- Значит, ты хочешь изменить свою бессмертную душу, которую создал Бог?

- Нет, никто не может исправлять Божье.

- Что же тогда есть твой нрав? Часть тела?

- Пожалуй. Как меняется тело человека, так меняется его нрав. Бог возложил на человека ответственность за его тело и за его нрав.

- Что же тогда есть душа, если она не тело и не нрав, не чувства и мысли?

- Душа - просто душа. Основа всего.

- Основа всего - Святой Дух. Уверю тебя, душа и Дух - не одно и то же.

- Расскажи, еще учитель.

- Твоя душа - это и есть ты. Твои мысли и чувства, твой нрав и твоя память - вот из чего состоит душа. Душа родилась вместе с телом, и вместе с телом она умрет. И ты умрешь весь, без остатка, мальчик мой. Останется только Дух. Но Дух не приходил и не уходил, не рождался и не умирал. Он всегда был. Душа была оболочкой Духа, одной из тысяч и тысяч его оболочек. Каждый человек носит в себе Святой Дух, чистый Дух, безымянный Дух. Человек не знает этого, не помнит, ибо, всматриваясь внутрь себя, находит только душу, у которой есть имя: я-он. Именно так, мальчик мой. Каждая душа про себя знает, что она лишь один из многих "он", и только поэтому осознает свою смертность. Душа царя Соломона не скорбела бы о своей смертности, если бы была истинным я. Ведь истинное я не знает себя. Как оно может знать о своей смертности? Истинное я и есть Святой Дух, единый для всех душ. Имя Бога Израиля запрещено произносить, но его можно произнести. Произнести истинное я невозможно! Не может человек зайти дальше "он, потому что с "он" все и началось для него. Там, за "он", за языком находится Святой Дух. Когда говорю "Святой Дух", я престаю, но не могу преступить, ибо Святой Дух вне языка, он до языка, а я не могу выйти из языка. То, что я называю Святым Духом, нельзя назвать даже "Святым Духом", никак нельзя назвать, ибо имя Духа и есть уже душа, которая в этом мире.

Иисус опять внимательно вглядывается в Иоанна и продолжает:

- У человека нет ничего, кроме языка. Нагой он стоит посреди мира. Но говорю тебе, мальчик мой, весь мир есть язык. Мир - это язык над Царством Небесным. Вне языка мира нет, только Царство Небесное. И мы - творцы этого языка, мы - творцы мира. Мы видим языком, слышим языком, живем в языке и творим мир вокруг себя в языке. Посмотри на эту дорогу, на эти горы, на это небо. Они в твоём языке. Они - творение твоей души.

- Учитель, учитель! Я понимаю это!

- Конечно, понимаешь. Ведь ты близок к Духу Святому - и по возрасту, и по нраву.

- В детстве я думал, вдруг все вещи зависят от меня. Они на месте, когда я их вижу, но исчезают, когда я на них не смотрю. Вдруг, думал я, моя комната пропадает, когда меня нет в ней, - и появляется, когда я прихожу домой? Но ведь это не так, - разочарованно добавляет Иоанн. - Вот мы сейчас покинули деревню. И что же, она сразу провалилась под землю? Ведь нет. Она стоит себе на месте.

- Конечно. Но разве ты единственный творец мира, разве ты единственный, у кого есть язык.

Вот если бы исчезли все носители языка, исчез бы и мир, исчезла бы и эта деревня.

- И что же было бы на ее месте?

- Не было бы никакого места. Место и время - тоже из языка. Не было бы места и времени без языка. Но если угодно, я тебе отвечу так. Ты спрашиваешь, что было бы на месте той деревни. Ты не поверишь, мой мальчик: там было бы Царство Небесное.

- Учитель! - почти со стоном произносит юноша.

- Именно так, Иоанн! Гностики говорят, мир без души - лишь куча мусора. Но они ошибаются.

- Как со звездами?

- Да. В мире без души нет языка, нет ничего. Мир без души - Царство Небесное, царство Святого Духа.

- И человек творит этот мир?

- Не только человек. Как ты понимаешь, животные видят мир также как и мы?

- Конечно. Они ведь на слепые.

- Значит, они также владеют языком, частью языка, как, возможно, и человек владеет лишь частью. У языка нет конца. Как бы далеко ты не зашел в языке, можно зайти еще дальше. Именно поэтому из языка невозможно выйти. И звери имеют свою часть в этом языке, у них есть души, которыми они творят свой мир. Говорят, глаза - это окна души. И это правильно. Живое видит языком. Как две души узнают друг друга. Вот ты идешь вдоль леса. Ты видишь деревья, кусты, цветы. Все они мертвы, хотя ветер качает их. Но вдруг ты понимаешь, что там есть кто-то живой. Ты всматриваешься и не видишь его, но знаешь: там есть кто-то. Ты встретил взгляд на мгновение, и душа узнала душу. Именно так живое узнает живое и понимает, что они в одном языке и видят мир одинаково.

Иоанн зачем-то косится на оливковую рощу, мимо которой они проходят. Там никого нет, и только слабый бриз, дошедший от моря, треплет какой-то лоскут на дереве, видимо, оставшийся от праздника куш.

- Однажды мне пришлось заночевать в поле, - рассказывает Иисус. - Я сидел у костра, а вокруг была ночная мгла. Но вдруг я почувствовал, что из темноты на меня кто-то смотрит. Я взгляделся в эту бездонную мглу, но никого не увидел. Но взгляд из ночи был.

- И что же ты сделал? - с чувством легкой жути спрашивает юноша.

- Ничего. Я лег спать.

- Быть может, это был дьявол?

- Быть может, - легко соглашается Иисус, - дьявол всегда рядом с человеком.

- Ты не боишься его?

- Я сорок лет боролся с ним и победил. Хотя иногда он шепчет мне.

- Что же он шепчет, учитель?

- Дьявол всегда шепчет человеку человеческое. Что еще он может предложить?

Иоанна восхищает этот тон. Учитель говорит о сатане запросто, как о старом знакомом, к которому он относится с пренебрежением. Как же выглядит этот дьявол? Он не хотел бы встретиться с ним один на один, но с Иисусом можно. Возлюбленный учитель не даст его в обиду сатане.

- Он ужасный или красивый?

- Кто?

- Дьявол.

- А человек ужасен или красив?

- Люди бывают разные.

- Вот и он разный.

- Нужно ли его бояться?

- Не нужно. Но если ты избрал свой путь, тебе суждено долго сражаться с ним, пока не освободишься от человеческого.

- Понятно, учитель.

- Не думаю, что тебе уже все понятно. Это долгий путь. А пока тебе следует понять две истины, мой мальчик: ты умрешь навсегда, и тебя ждет Царство Небесное.

Иоанн понимает, что разговор окончен. Учитель дал ему урок, и его нужно усвоить. Он подводит итоги. Вначале было слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог. А потом Бог послал Слово в мир и дал его человеку. А сатана возненавидел Слово и мир. У этого зверя множество голов и он легко меняет лики. То, что он когда-нибудь, в очень далеком будущем умрет, не беспокоит Иоанна. Ведь смерть становится страшна, когда о ней долго думаешь. Он же думает сейчас о другом. Его ждет Царство Небесное.

К вечеру они достигают Магалы. Холмы вдруг расступаются перед ними, и в закатном сумраке они видят Галилейское озеро, совсем не синее и не гладкое, как во сне Иоанна, где он с учителем ходил по воде. Озеро кажется почти черным, легкая рябь бежит по нему. Серые тучи, которые ползли за тремя путниками весь день от Средиземного моря, наконец, достигают их и обрушиваются ливнем на их головы.

Магидала – маленький рыбацкий поселок, обросший со временем ремесленными пристройками. Однако он стоит на древнем торговом пути из Сирии в Египет. На окраине поселка, почти вплотную к караванному тракту расположен постоянный двор с конюшней и харчевней. Ворота его распахнуты настежь для всех желающих. Трое путников пересекают покрытый лужами двор и входят в харчевню, уже изрядно вымокнув.

Справа расположен очаг и кухня, слева тянутся вдоль стен два ряда столов со скамьями. Половину одного из этих рядов заняли греческие рыбаки, приплывшие с восточного берега озера, из Декаполиса. Они играют в кости, пьют вино, хохочут и бранятся. Край другого ряда достался трем парфянам в шпанах по персидской моде и в лисьих шапках. Их обслуживает молодая женщина, тоже одетая не по-иудейски. Ее руки обнажены, пестрое платье декольтировано, а лицо так вызывающе накрашено, что Иоанну сразу приходит на ум: это и есть один из ликов дьявола. Парфянин - варвар грубо усаживает ее себе на колени и лезет рукой под подол. Она игриво отбивается, смеется и громко произносит по-гречески:

- Сначала заплати, а потом хватай.

Рыбаков за соседним столом это забавляет, и один из них кричит:

- Эй, красотка, почему фунт?

- С тебя, морячок, драхма за все.

- А товар стоящий? - спрашивает другой, чтобы подразнить варваров в лисьих шапках.

Те сердито косятся на рыбаков, что-то бормочут на своем языке и тянут женщину к себе, доставая деньги.

На мгновение Иоанн в тусклом свете масляных ламп видит ее лицо: тушь, индиго, киноварь. Это размалеванная, бесстыдная женщина потрясает его. Все эти люди кажутся ему безумными. Юноше не нравится это место. В нем просыпаются чувства древних пророков. Да ведь это Вавилон! Дом пьяниц и блудниц, идолопоклонников и стервятников.

К трем новым гостям подходит владелец постоянного двора. По левой половине лица этого сирийца пролегал чудовищный сабельный шрам, который оставил его без одного глаза и вытянул рот в кривую усмешку. Иоанну думается, что это сам сатана, покровитель всей этой нечисти. Вот они и встретились. Он взглядывает на своего Спасителя. Иисус держится невозмутимо и смотрит на безобразного сирийца с усталым равнодушием. Но ведь учитель так ему и сказал: нет нужды бояться дьявола, он ему давно наскучил.

Харчевник приглашает трех путников за стол, на другом конце которого устроились парфяне.

- Учитель, уйдем отсюда, - просит Иоанн.

Иуда в предвкушении ужина и теплой постели смотрит на него с недоумением, учитель слегка удивлен, а сатана - криво усмехается.

- Эти люди не причинят нам вреда. Проходи и садись за стол, - мягко отвечает Иисус. - Если они тебе не нравятся, не смотри на них.

- Здесь не чисто, - бормочет юноша.

Харчевник слышит его и по-арамейски отвечает:

- Моя харчевня известна на всю округу. У меня однажды обедал даже царь Антипа Ирод.

Иисус смотрит на скованного Иоанна и произносит:

- Давай для начала поужинаем. Ты ведь хочешь есть?

Юноша невнятно кивает головой. Еще недавно он очень хотел есть, но теперь его аппетит стремительно тает. Они садятся за стол: Иоанн с Иисусом спиной к входу, Иуда напротив них у стены. Он по-хозяйски кладет руки на стол и говорит сирийцу:

- Нам нужен хороший ужин.

- Имеется баранина: свежая, сочная, только что с вертела.

- Она у него идоложертвенная, - бормочет Иоанн.

Иуда смотрит на сирийца.

- Не сомневайтесь, господа. Барашек зарезан по всем иудейским правилам. Я чту местные порядки и даже сам подумываю перейти в вашу веру. Только мои друзья-иудеи советуют мне хорошо подумать: иудейский закон строг.

- У тебя есть друзья иудеи?

- Меня знают все в Магдале, приглашают на свадьбы и праздники, - гордо заявляет тот.

Иуда переводит взгляд на своих спутников, показывая, что он удовлетворен ответом. Но Иоанн смотрит исподлобья.

- Что еще найдется у тебя из еды?- спрашивает Иисус.

- Есть чечевичная похлебка, вареные овощи, сыр, оливки.

- Дай нам овощи, сыр и вино.

Вскоре все это стоит перед ними на столе. Иуда разливает вино по чашам, пробует его и морщится: оно прокисло. Иисус тоже пригубляет его и отставляет в сторону. Иоанн к вину не притрагивается. Он вяло берет в рот кусок вареной репы, но она застревает у него в горле. Ему не дает покоя женщина на другом конце стола. Она замечает вновь прибывших путников. Ее накрашенный рот хищно улыбается Иоанну. Они встречаются взглядом, - и душа узнает душу. И женщине, и самому Иоанну мгновенно становится ясно, что он - не грозный пророк, а перепуганный мальчишка. И если сейчас эта женщина подойдет к Иоанну, а она легко может это сделать, ее порочность подавит его чистоту. У него не найдется сил гневно встать и сказать: отойди от меня, вавилонская блудница, - он будет сидеть и дрожать от страха и отвращения. И действительно, у Иоанна начинается мелкая нервная дрожь. Почему так? Ведь он прав!

- Учитель, уйдем отсюда,- просит он.

Иисус перестает жевать сыр, смотрит на Иоанна, на парфян, на блудницу спокойным мужским взглядом и мягко произносит:

- Мой мальчик, это всего лишь постоянный двор. Они всюду таковы. Не место оскверняет человека, но человек место.

Как приобрести Иоанну эту мудрую невозмутимость, эту цитадель мужества? Где отыскать этот панцирь, защищающий Иисуса от мира?

С ним начинает происходить что-то невообразимое. Иоанну хочется плакать. В этой

сумрачной магдальской харчевне он словно чего-то лишился и стал ничтожной былинкой в этом чудовищном мире. Где же Бог? Бог, которому не безразлична жизнь каждой былинки. Господи, дай мужество одной из твоих былинки по имени Иоанн. Но Бога нет в этой харчевне. Он не заглядывает в капища и вертепы. Иоанну хочется спрятаться в какую-нибудь раковину, уйти от этого мира в глухомань и вновь обрести себя.

- Учитель, уйдем отсюда, - слезно молит он.

Иисус с сомнением смотрит на юношу: не пресечь ли ему эти щенячьи страдания, - но Иоанн вот-вот расплачется.

- Что же, пойдем.

Он вопросительно смотрит на Иуду.

Тот пожимает плечами.

- Я не стану проводить еще одну ночь на сыром дворе ради мальчишеской прихоти.

- Хорошо, - соглашается Иисус и встает. - Встретимся утром.

- Подожди, - останавливает его Иуда, снимая с себя пуховой платок. - Тебе он пригодится больше.

Иисус с Иоанном исчезают в дверном проеме, который словно покрыт занавесом из дождевых струй.

Харчевник провожает их своей неизменной кривой усмешкой. Мужчина ищет уединения с красивым юношей. Что ж! Он видел и такое. Но зачем идти для этого в конюшню? У него достаточно комнат. И он не сторож своим постояльцам.

Его подзывает оставшийся гость.

- Так ты говоришь, мясо у тебя кошерное?

- Клянусь Баалом и Астартой!

Иуда коротко усмехается.

- Не за такие ли клятвы тебя лишили глаза?

Сириец начинает сердито сопеть.

- Негоже смеяться над увечьями других тому, кто сам с увечьем. Я заметил, господин, что у вас одна нога тоже не такая же, как другая.

Иуда гневно всматривается в его обезображенное лицо и смягчается.

- Ладно, оставим наши увечья. Давай свое мясо. И подай хорошее вино вместо этой кислятины. Бурду из репы тоже убери. Еще мне нужна комната.

- У меня много свободных комнат. Нашлось бы место и вашим друзьям, - замечает сириец. - Зачем идти на холодный двор?

Иуда пропускает эту реплику мимо ушей и продолжает:

- Пусть поставят в комнату жаровню и хорошо протопят.

- Я прикажу.

- Еще мне нужен чан с теплой водой и оливковое масло, тоже подогретое.

- Каких размеров чан нужен?

- Чтобы помыться и попарить свои ноги.

- Будет сделано. Но это стоит денег.

- Конечно, - Иуда достает из-за пояса три динария и бросает их на стол.

На харчевника вид денег производит благостное впечатление. Сгребая их со стола, он добавляет:

- Я могу прислать господину за отдельную плату молоденькую девушку, которая согреет его своим телом.

- Вот эту? - Иуда кивает на раскрашенную жрицу любви.

- Нет. Совсем юную и чистую.

- Не нужно. Я не царь Давид, чтобы греться юными девами. Сделай, как я сказал.

- Сейчас распоряжусь,- сириец забирает со стола кислое вино и блюдо с репой.

- Постой,- останавливает его Иуда.- У твоей девушки крепкие руки?

- Руки? Да, крепкие. И все остальное тоже... крепкое.

- Сможет она размять мои кости?

- Конечно, господин. Сразу помолодеете на двадцать лет.

- Мне нравится мой возраст,- холодно обрывает его Иуда.

- Конечно. Отличный возраст для мужчины. Я не имел ввиду, что вы стары. Просто так

принято говорить...

- Хорошо. Пришлешь ее попозже. А на утро нужен будет приличный завтрак для троих.

- Курица вас устроит?

- Вполне.

Широкий караванный путь от Армении и Парфии через Сирию вдоль Галилейского озера и Иордана до Мертвого моря и далее в Аравию и Египет пролегает мимо Магдалы. Рассветное солнце красит воды Галилейского озера. Вдоль этого серебристого фона движутся три человеческие фигуры:

Иоанн, сын Зеведея левита;

Иисус, сын Иосифа плотника;

Иуда, сын Симона Соратника.

Они идут на север, оставив позади рыбацкий поселок Магдалу и царский город Тибериаду. В лучах солнца блестят ее башни. Тетрарх Галилеи и Переи Антипа в подражание своему отцу Ироду Великому, поднявшему некогда на месте старой бухты огромный город Цезарею в честь Августа, строит уже несколько лет на берегу Галилейского озера город с именем ныне правящего императора Тиберия. И город этот, говорят, так же нечестив, как Цезарей: он полон статуй и богов. Антипа так старался угодить Риму, что даже навредил себе. Его непосредственный начальник, проконсул всей Сирии Луций Вителлий невзлюбил этого идумейского царька и не спешил ему помочь в конфликте с арабами, которым он вернул свою жену, чтобы жить с Иродиадой, своей племянницей и бывшей женой его брата Филиппа, тетрарха Трахонеи. В этой семье детоубийство и кровосмесительство были обычным делом.

Не любит Антипу и тетрарх Иудеи Понтий Пилат. В Иерусалиме за Антипой остался отцовский дворец, и, наезжая периодически в этот главный город Иудеи, он держится там как наследный принц. Пилат, несомненно, отнял бы у него это самое роскошное сооружение Иерусалима, но он терпеть не мог этот город и проводил все свое время в Цезарее, где жил в прекрасном губернаторском дворце. Цезарей была эллинизированным городом. Там имелись театры, гимназии, ипподром, школы риторов и храмы всех богов: Юпитера, Аполлона, Митры, Кибелы, Изиды. В Иерусалиме имелся только Храм Яхве. Пилат посещал этот город раз-два в год на несколько дней. Гораздо больше времени там проводил Антипа. И многим в народе идумейский царь был ближе, чем римский наместник. На восточном берегу Мертвого моря в древних землях идумеев у Антипы была крепость Машерон. Все свое время он проводил в этом треугольнике: Тибериада - Иерусалим - Машерон.

Весь день трех спутников сопровождает справа Галилейское озеро. Оно то исчезает за холмистым, неровным берегом, то появляется вновь - синее и гладкое. В пятницу к полудню тракт приводит их к капернаумской таможне. Это небольшой дом, обнесенный каменным забором, к которому пристроен навес с привязями для лошадей и другого караванного скота. Позади таможни тянется холмистый гребень, скрывающий озеро. Чуть выше на севере, где он кончается, расположен лодочный причал. Напротив таможни в двух сотнях метров от тракта расстилается Капернаум. А вдали за ним видны Галилейские горы. Город лежит на склоне.

Видны его улицы, дома и постройки. Верхнюю часть его занимает греко-сирийский квартал. Там расположился и римский гарнизон. В нижней части города у речки, бегущей с гор в озеро, стоит большая синагога. А еще ниже почти до самого тракта стелятся огороды горожан.

Ворота во двор таможни распахнуты. Возле них на камне сучает Левий Матфей, будущий евангелист и автор Нагорной проповеди. Таможня служит ему и домом, и местом работы. Здесь он днем и ночью встречает караваны из Сирии и суда из Декаполиса, заполняет бумаги, собирает пошлины, ест, спит и проводит все свое время. Он выглядит нарядным и ухоженным, как человек, который живет в достатке и заботится о своей внешности. При виде трех путников он встает и дружелюбно улыбается.

- Мир вам, господа.

- Мир твоему дому, - отвечает Иисус.

- Благодарю, - Матфей искренне рад такому ответу и приглашает войти. - Дом, которому вы пожелали мира, рад таким гостям, - высокопарно изъясняется он и жестом приглашает их войти.

- Учитель, он - мытарь, - шепчет Иоанн.

Но на этот раз Иисус ему строго выговаривает:

- Я не намерен делать то, чему учил тебя твой отец. Мы войдем в этот дом и поговорим с этим человеком.

Левий Матфей оказывается весьма радушным хозяином. Он приглашает гостей к широкому прямоугольному ложу с резными перильцами в изголовье и ногах. Ложе стоит на каменных опорах под акацией, деревом шиттим, которое послужило материалом для Ковчега Завета, и покрыто циновками. Такие дворовые ложа по всему востоку служат и столом, и постелью. Мытарь приглашает гостей устраиваться на нем, а сам устремляется в дом за водой, чтобы они могли омыть руки и ноги.

Иуда садится боком на ложе и кладет на него свою изувеченную ногу, не касаясь циновки сандалией. Возвращается Матфей с тазом и кувшином, на плече у него полотенце. Когда омовение заканчивается и гости, сбросив обувь, располагаются на ложе, он вдруг произносит:

- Господин, ведь я вас знаю. Вы проезжали здесь с караваном в позапрошлом году.

- Ты ошибаешься, - хмуро отвечает Иуда.

- Нет же, господин! Я запомнил вас, простите меня, по вашей ноге. Но, конечно же, не это было причиной. Даже совсем не поэтому. Ведь вы, можно сказать, спасли мне жизнь.

- Ты ошибаешься.

- Вспомните, господин. С вами был человек по прозвищу бар-Аббас, очень опасный человек. Он из галилейских zelотов. Но тогда я этого еще не знал. Этот бар-Аббас зарезал в Иерихоне городского сборщика податей на глазах у всех. И никто не донес на него: одни - из страха, другие - считая его народным мстителем. Я хотел досмотреть ваш груз, но ваш спутник посоветовал мне не совать нос в чужие дела. Я сказал, что мне нужно оценить товар для получения пошлины, и тогда бар-Аббас стал угрожать мне. Он бы и меня зарезал. Но вы заступились и заплатили пошлину. Правда, я так и не узнал, что вы везли в своих тюках.

Все это время Иуда лишь хмурится и растирает свою ногу.

- Кажется, Иуда, твоя правая рука не ведает того, что делает левая, - подшучивает Иисус.

- Что это значит?

- Ты спас человеку жизнь и не хочешь признать этого.

- Я его не спасал. Проще было заплатить. Слышишь, мытарь? Я тебя не спасал. И забудь эту историю!

- Конечно, господин, - удивленно отвечает Матфей. - Я бы и не вспомнил, не увидь вас снова.

- Скажи лучше, мытарь. Где здесь купить воск?

- Воск?

- Пчелиный воск.

- Думаю, у меня найдется немного. Я запечатываю им свои отчеты. Много ли вам надо?

- Столько, чтобы растопить его и обложить свою ногу, которую ты так хорошо запомнил.

- О, господин, на это у меня достаточно. Хотите сделать это сейчас?

- Если не трудно, - смягчается Иуда.

- Совсем не трудно. Я ваш должник. А вы, господа, устраивайтесь удобнее. Я поставлю воск на огонь и позабочусь об ужине. Надеюсь, вы останетесь в моем доме на ночлег?

Вечером Матфей потчует своих гостей всем лучшим, что нашлось в его доме. Посреди гостиной накрыт низкий стол, вокруг него разбросаны подушки. Зажжены субботние светильники, блюда с закусками теснятся между ними. Горит очаг, и характерный запах огня мешается с ароматами пряностей, которыми пропитан весь этот дом, словно кулинарное заведение. Эти запахи приятно успокаивают Иоанна. Ему нравится это опрятное холостяцкое жилище, хоть хозяин его и мытарь.

- Вообще-то, я стараюсь соблюдать субботу, - признается Матфей за столом, - но с моей работой это не всегда получается. Караваны идут, как им удобно. Если я скажу купцам, что не могу их принять, они меня просто не поймут. Я вынужден работать каждый день.

Матфей очень хочет понравиться гостям. Похоже, ему не хватает собеседников.

- Друг, - с улыбкой произносит Иисус, - не человек для субботы, суббота для человека.

Иоанн не смеет возразить на это заявление.

- Как мудро сказано, - радостно подхватывает Матфей, найдя понимание у своих собеседников. - Я полностью с вами согласен. Но местные иудеи меня не любят. Впрочем, не только за это. Я ведь полукровка. - Он осторожно всматривается в лица гостей и не замечает какой-либо перемены в их лицах при этой вести. И продолжает храбро откровенничать:

- Мой отец - иудей из Эшкола, там самое лучшее вино в Израиле, а мать - гречанка из Декаполиса. Я был обрезан по Закону и воспитан в иудейской традиции. Но моей матери не нравилось жить в Эшколе, а родне отца не нравилась моя мать. Они расстались. Мать вернулась в Декаполис, отец женился на иудейке. Я жил то с одним, то другим из моих родителей. Греки считали меня иудеем, иудеи - греком. В конце концов, родственники матери помогли мне выкупить это место у прежнего сборщика пошлин. Я не в восторге от него, но что мне остается? Я чувствую себя иудеем, но меня здесь не принимают. Меня, конечно, допускают в синагогу, но не приглашают в свои дома. Для них я - грек. Я вижу в вас людей ученых и рад принимать у себя таких гостей. Вы можете оставаться здесь, сколько понадобится. Живу я один, места в доме много. Удобно ли вам, господин? - обращается он к Иуде.

- Вполне. Благодарю, Левий, - отвечает тот. - Думаю, мы погостим у тебя. - И вопросительно смотрит на Иисуса.

- Спешить нам некуда, - соглашается Иисус.

- Этот дом велик для меня, - словно извиняется Матфей. - Вам понравилось вино? Оно с приморских виноградников. А теперь попробуйте это местное. Не эшкольское, конечно, но есть свой аромат. Чувствуется воздух Галилейских гор.

Иисус с улыбкой принимает чашу и пробует вино.

- Не правда ли? - вопрошает мытарь.

- Да. Но я не знаток вин.

- О, вовсе не нужно быть знатоком! Нужно лишь иметь хороший вкус. Я, уверен, он у вас есть, - льстит он так простодушно, что его невозможно заподозрить в угодничестве. Просто ему нравятся его свободомыслящие гости.

- Попробуйте, господин, этот крестец барашка с пряностями и медом, - почти просит он

Иуду.

И тот покорно пробует.

- Вот птица с орехами. Очень нежная. Вы едите такое? - обращается он к Иисусу.

И тот кивает головой.

- А это пасхальный харосет. Я кладу больше инжира и меньше яблок, чтобы харосет был слаще. Думаю, юноша, вы его любите. Поешьте, - убеждает он Иоанна.

И тот не смеет отказаться.

Все трое очарованы искренним радушием и хорошими манерами Левия Матфея. Он держится так, будто гости оказывают ему услугу, остановившись в его доме и поедая его обед, а не он - им. Последним сдается Иоанн. Мытарь - хороший человек.

А Матфей весь вечер угощает их разнообразными кушаньями и спрашивает их мнение о кулинарных качествах пищи. Отверженный местным обществом, при хорошем доходе, но лишенный родных и друзей, на кого нужно тратить время и деньги, он постепенно превратился в одинокого гурмана. Весь свой досуг он проводит на кухне и радуется жизни за столом. До сих пор ему не хватало ценителей. Теперь они у него появились.

- Завтра, господин,- обращается он к Иуде, - я куплю в Капернауме вам свежего воска для ноги.

- Завтра? - удивляется Иоанн.

- В греческом квартале. Там не соблюдают субботу. Вы не возражаете?

- Не думаю, что Господь будет против моего лечения, - отвечает Иуда.

- Так ли, учитель? - вопрошает тут же Иоанн.

- Если суббота, как говорят фарисеи, предназначена для очищения человека, то очищение - для души, не для тела. Можно пролежать бревном сутки, ничего не изменив в себе. Ессеи в Кумране так и делают. Они даже не справляют нужду в этот день.

- Неужели это так? - фыркает юноша.

- Я бывал в кумранской общине, но мне не понадобился год испытаний, чтобы уйти оттуда. Закон можно превратить в бессмыслицу, если следовать букве Закона, а не его духу. Я знаю, что скажут книжники и фарисеи. Закон держится именно на букве, а не на душе. Если всякий будет толковать Закон по-своему, от него ничего не останется. Что ж, значит, я против всех Законов. И разве я не прав? Закону - тысяча лет. Но мир остался тем, чем был. Закон его не изменил. Разве он стал Царством Божьим, где все стали богами, освободившись от своего человеческого? Как сказано в псалме у Давида: И встал Бог среди богов. О, если бы это было так! Иудейская суббота - день лицемерия! Где мысли человека, пока он лежит бревном? Разве они лежат рядом с ним? Мысли же превыше поступков. Посмотревший на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем, ненавидящий ближнего своего уже убийца, а солгавший себе солгал во всеуслышание. Как не думать об обезьяне с красной мордой? Чем больше ты стараешься не думать о ней, тем дольше она остается с тобой. Как не думать о грехе? Нужно забыть грех! Нужно освободиться от человеческого! Поэтому Исайя говорит, что суббота для добрых дел, за которыми добрые мысли. Развяжи узы неправды, разбей ярмо мести. Вот в чем смысл субботы, Иоанн, - стать чище. Хоть немного освободиться от человеческого. Копи только такие субботы, мальчик мой. И пусть каждый день будет у тебя субботой.

- Как мудро сказано, - восхищенно произносит Матфей. - Не бороться с грехом, но забыть его и освободиться. Поистине, вы - учитель. Могу ли я тоже называть вас так?

- Можешь, - спокойно произносит Иисус.- Вот только у меня нет учеников.

При этих словах Иоанну хочется воскликнуть: "А кто же я?"

- Слушающий меня - еще не ученик мне. Идущий со мною - уже не ученик мне, но брат мой по дороге в Царство Небесное.

- В Царство Небесное? - с сомнением спрашивает мытарь, не привыкший еще и своеобразной речи Иисуса, полной пафоса и аллегорий.

- Да, Матфей. Ведь мы идем в Царство Небесное.

- Идете в Царство Небесное?

Уж не шутит ли этот человек? Матфей скептически всматривается в его лицо с каким-то особенным выражением глаз, и ему кажется, что в них есть что-то безумное. Человек с такими глазами ходит по краю какой-то пропасти, в которую он готов прыгнуть.

- Идете в Царство Небесное? Такое не часто услышишь. А я в своей жизни слышал всякое. Простите, господин, - он тянет время и уже не пытается называть Иисуса учителем, - Царство Небесное. А где же оно, если позволительно мне спросить об этом?

- Внутри тебя.

И опять он не может побороть свой скепсис и подозрение, что говорит с безумным.

- Внутри меня? Тут нужно подумать...

Уж не напрасно ли он впустил этих людей в свой дом? Что у них на уме? - Я понимаю, господин, что наш разговор перешел в область, где слова становятся очень многозначительными. Мне нужно подумать.

- Конечно, Матфей. Я отвечу на твои вопросы, когда ты их обдумаешь.

- Выпейте еще вина, господин.

Матфей оглядывает спутников Иисуса с легким испугом. Он ведь ничего не знает об этих людях с большой дороги. Вокруг ночь. И он наедине с ними. Он начинает сожалеть о своем радушии и пытается разглядеть в гостях что-то, чего ранее не заметил. Нет, они не похожи на разбойников. Иуда удовлетворенно потирает свою ногу и прихлебывает вино. А Иоанн не скрывает своего торжествующего вида. На его лице написано: "А ты думал, мы - простые бродяги? Нет, мытарь, мы идем не куда-нибудь, а в Царство Небесное!"

Матфей - не храбрец. Робость сразу же сковывает его ум, делая глупым и жалким. Он знает в себе эту слабость, но как только она отступает, к нему возвращается живое мышление. Миротворительный вид гостей успокаивает его.

- Вот не думал, что Царство Небесное может находиться в бедном еврее - полукровке, - пытается иронизировать он, чтобы вернуть себе ум и присутствие духа.

Ласковая улыбка Иисуса делает Матфея опять Матфеем.

- Признаться, - продолжает он, - до сих пор я думал, что Царство Небесное не является вещью, которая может где-то находиться, и не является местом, куда можно идти. Можно лишь ждать пришествия Мессии из рода Давида, который установит царство справедливости на земле. Полагаю, вы не об этом царстве говорите?

- Нет.

Такой ответ удовлетворяет его.

- Меня никогда не убеждала эта догма. Все же я - наполовину грек, - с виноватой улыбкой добавляет сборщик податей. - Льву надо перестать быть львом, чтобы мирно лежать с ягненком, а человеку нужно перестать быть человеком, чтобы жить в Царстве Бога. Как сказал греческий философ Аристотель, человек вне общества или ангел, или зверь, но в обществе он - человек и только человек. После этого я стал думать, что, быть может, Царство Небесное потому так и называется, что находится не на земле, а на небе. И тогда лев точно будет не лев на небе, а человек - не человек, но какое-то духовное существо. Мертвые воскреснут не во плоти, но душой своей и вместе с другими душами будут судимы. Праведные души отправляются в рай. А грешные души в ад. Таково ли Царство Небесное?

- Нет.

И второй ответ удовлетворяет живой ум Матфея. Такой ответ дает ему право высказать свои критические мысли на эту священную тему, не рискуя оскорбить собеседника и вызвать неприятности на свою голову.

- Я осмелюсь сказать, что в этой теории мне всегда была непонятна разница между раем и адом. В чем разница между блаженством и муками применительно к духовному состоянию?

- Есть душевные радости и душевные муки! - восклицает Иоанн, но мытарь лишь снисходительно морщится.

- Мне кажется, здесь происходит подмена понятий. Человек говорит о блаженстве и муках совсем по-человечески. Например, ангелы, находящиеся в раю, должны испытывать блаженство, а дьявол, пребывающий в аду, чувствовать муки.

- Несомненно, - опять высказывается Иоанн.

- Но как блаженствуют ангелы? И как страдает дьявол?

- Дьявол страдает и желает страданий нам.

- Это желание мне понятно. И страдания наши, человеческие, мне понятны. Но как страдает дьявол? Кажется в аду ему совсем не плохо. Он ведь у себя дома, как, например, я сейчас. И если грешные души будут вечно страдать, хотя я не понимаю природу таких страданий, то не будет ли при этом блаженствовать дьявол, достигнув своей цели?

- Блаженство в том, чтобы лицезреть Бога, а страдание - в изгнании. Так был изгнан от лица Господа Адам.

- И это стало его страданием?

- Конечно.

- То есть человеческая жизнь стала его страданием? Так, быть может, это и есть ад? Возможно, мы все и находимся в аду? Только так привыкли к этому, что уже не помним, где находимся. И тогда понятно, почему мы мечтаем о Царстве Небесном. Мы хотим выбраться из этой преисподней.

- Мы не в аду, - возражает Иоанн.

- Откуда вы знаете?

- Знаю. Мы на земле, которую создал Бог.

- Вот именно! Бог создал небо и землю. Но откуда вам известно, что он создал еще и ад? Где он?

- Известно!

- А мне иногда кажется это очень правдоподобным: земля и есть ад. Поэтому дьявол здесь и хозяйничает, ведь он у себя дома.

- Этого не может быть!

Ни Иисус, ни Иуда не вмешивается в этот диспут. И Матфей понимает это как согласие.

- По-моему, мой юный друг, - с улыбкой замечает мытарь, - вас воспитывали фарисеи. Они всегда знают, чего хочет Бог. Откуда знать человеку, чего хочет Бог, который и существом не является? Очень многие умные люди полагают, что человеку вообще не следует говорить о Боге. И уж тем более, говорить от его имени. Правда, они не иудеи и называют себя по-гречески "агностиками", незнающими. Они говорят: возможно, жабы тоже смеют рассуждать о мироздании, но кого это интересует, кроме жаб?

Иоанн чувствует себя посрамленным. Он считал, что фарисейство - это кладезь мудрости, в котором есть все ответы. Но мытарь говорил с ним сейчас, как и Иисус до этого, на каком-то ином познавательном уровне. И оказалось: чтобы искать ответы, нужно сначала научиться задавать вопросы. У кого нет вопросов, тому не нужны ответы. Его отцу и другим фарисеям просто не нужны эти вопросы. Иоанн не может знать, что через 150 лет один из отцов христианской церкви, основанной Иоанном и по сути своей фарисейской, провозгласит: "Мысль есть зло". Его будут звать Тертуллиан, и он будет настаивать на том, что вере не нужны вопросы, которые сводят с ума. Но мир станет от этого еще более безумным.

- Простите мне мою любознательность, - опять извиняется Матфей. - Я издавна увлекаюсь греческой философией. А в ней совсем по-другому используются слова, чем в Писании. Вас интересуют книги язычников? - он все еще боится оскорбить своих гостей и потерять собеседников.

- Одна такая лежит у меня в суме.

Признание Иисуса вдвойне радует его.

- Неужели? Какая же?

- Это греческий перевод. Книга написана далеко на Востоке.

- В Персии?

- Нет.

- В Индии?

- Думаю, еще дальше.

- Я читал о далеких землях у Геродота. И многое слышал от других. Но это скорее было похоже на небывлицы. Можно мне будет почитать вашу книгу?

- Конечно.

- А хотите посмотреть на мои книги?

- С удовольствием.

Матфей стремительно поднимается и скрывается во внутренних покоях дома. Слышно, как он открывает какой-то ларь и хлопает крышкой, а через пару минут он появляется с несколькими свитками. Он кладет свитки перед собой и начинает их подавать Иисусу.

- Вот самые ценные. “Федр” и “Апология” Платона, - с гордостью показывает он.

По тому, как Иисус принимает эти свитки, по выражению его лица Матфей узнает в нем члена общего для них братства - всемирного братства книжечеев.

- А это Протагор. Вы можете почитать его, - радушно предлагает он.

- Я его читал. И даже кое-чему научился. Человек - мера всем вещам: существованию существующих и не существованию несуществующих. Человек мерит все собою. Не об этом ли ты говоришь, Матфей?

- Именно так! Вы меня поняли.

- Ты верно заметил, что человеку не место в Царстве Небесном. И не только телу его, но и его душе. Беда в том, что человек может мерить все только человеческим. А мерит он - ни много, ни мало - все вещи, весь мир и своего Бога. Мера эта - его язык. Не тот, которым он говорит, но тот, которым он видит и слышит, чувствует и думает. Душа - хранилище этого языка. Душа и мир единосущны. И не может быть одно без другого. Мы вчера говорили об этом с Иоанном. Помнишь ли ты, Иоанн?

- Да, учитель. Мир творится словом.

- Можно сказать и так. Мир существует только в языке и не существует без языка. Можно сказать, что только душа и существует, и нет ничего кроме нее. Что ты скажешь на это, Матфей?

- Я понял, господин,- осторожно отвечает мытарь, - что вы не говорите просто так, и над вашими словами нужно думать, прежде чем отвечать. Я не хочу выглядеть глупым.

- Но что-то ведь ты подумал. Скажи нам, - дружески предлагает Иисус.

Матфей колеблется, подбирая слова.

- Мне тоже хотелось бы думать, что человек не только мера вещам, но и их первопричина. Я правильно понял вашу мысль?

- Да.

- Так вот. Это было бы прекрасно. Но разве не Бог - первопричина? И жизненный опыт нас в этом убеждает. Вещи не зависят от нас.

- Дело не в вещах, а в их существовании. Мы не затрудняемся в определении их существования, поскольку нам это кажется очевидным. Но скажу тебе, что нет вопроса более сложного, чем вопрос о существовании. Попробуем разобраться, в каком смысле существуют вещи. Что мы ныне празднуем, Иоанн?

- Субботу, учитель.

- Следовательно, суббота существует. А теперь, Матфей, покажи мне субботу.

Мытарь разводит руками:

- Она вокруг нас.

- Я вижу стены, стол, светильники, чаши. Я не вижу субботу.

- Суббота - это каждый седьмой день от сотворения мира.

- Боюсь, Матфей, что если я попрошу тебя показать мне день и число семь, ты опять будешь в затруднении. Ведь и суббота, и день, и число семь существуют только в языке. Где они все окажутся без человека?

- Я вас понял, - заключает Матфей. - Все вещи, которые относятся к категории мер, недействительны и существуют только в языке.

- Но все вещи существуют только в языке и только они действительны. Возьмем что-нибудь из того, что ты, Матфей, называешь действительным. Вот эту чашу, - Иисус указывает на посуду, из которой пил вино. - Нам следует сразу уточнить, что речь идет только об этой конкретной чаше, а не о чаше вообще. Чаши вообще нет в этом мире, она лишь имя, существующее только в языке. Если разбить эту конкретную чашу, будет ли она существовать?

- Пожалуй, нет. Будут существовать ее осколки.

- А если их склеить, чаша будет существовать?

- Да.

- Не странно ли это для чаши, которая то появляется, то исчезает. Куда она исчезает и где она появляется? В мире ли происходят эти чудеса или они происходят в нашем языке, которым мы видим, слышим, чувствуем и думаем?

- Быть может, склеенная чаша уже не та же самая чаша?- предлагает Матфей. - Старой чаши больше нет, есть другая, новая чаша.

- И вот мы имеем уже вместо одной чаши много новых чаш с царапинами, трещинами и мелкими сколами. Но ведь это одна и та же чаша. Нет более сложного вопроса в мире, чем вопрос о его существовании, - повторяет Иисус. - Вернемся к нашей чаше. Если разбить ее на мелкие куски, а куски истолочь в глину, в прах, то ведь только эта горстка праха и будет существовать?

- Верно.

- Но чаша всегда состояла только из этого праха. Так что же существует: чаша или горстка праха, из которого она состоит?

- Пожалуй, в действительности существует только горстка праха.

- А теперь вспомни, Матфей, что все в мире состоит из праха, и мы сами из праха, и воздух, который вокруг нас, и огонь, и свет - все прах. Мир - это только прах. В каком же смысле существует все, что делает этот мир миром?

- Оно существует в языке?

- И только в языке! Душа - хранилище языка. Поэтому душа и мир единосущны. Мир есть язык. Все называемое существует, и все существующее называемо. Первая часть этого утверждения очевидна. Если что-то можно назвать, то оно уже существует в языке. Когда Бог открылся Моисею под своим именем, он дважды свидетельствовал о себе: что он существует и что у него есть имя. И как возможно одно без другого? Вторая часть утверждения не кажется такой очевидной. Возможно, что-то может существовать вне языка. Тогда оно существует в недоступном для нас смысле. Мы даже не способны говорить о нем, даже помыслить его невозможно, ибо оно вне языка. А теперь, Матфей, попробуй вместить в себя то, что я скажу. Царство Небесное вне языка. Оно за тем прахом, из которого состоит этот мир. То самое, что невозможно даже помыслить. Когда говорю: Царство Небесное, - ничего не говорю. У него нет даже имени. Преступаю, но не могу преступить; говорю, но не могу говорить; называю, но не могу назвать. Душа не может выйти из языка, - только с гибелью своей. Нет души вне мира, и нет мира вне души. Царство Небесное начинается там, где кончается душа. Это царство чистого духа, Духа Святого. Там нет языка, там нет человека, там нет ничего. Только свобода, свобода, которая и не снилась человеку, свобода чистого Духа. И все мы носим его в себе. Поэтому я сказал тебе: Царство Небесное внутри тебя. Но помни! Когда говорю "Царство Небесное" и

“Святой Дух”, - ничего не говорю.

- Как это?

- Вот, стены твоего дома, - Иисус жестом охватывает пространство комнаты.- Допустим, что мы не знаем, что за этими стенами, но говорим: “то, что находится за этими стенами”. Вот имя ему. Мы назвали его для себя, но это - не его истинное имя. А если за стены нельзя зайти, то нам никогда не узнать, что находится за ними. Если стена эта есть конец языка, то там за этой стеной, за языком и находится Царство Небесное. Но не войдешь в него, пока не расстанешься с последней полушкой своей души. В египетском Саисе есть храм, внутри которого начертано: никому из живых не поднять этого покрывала. Это покрывало есть покрывало языка. Отделяя сущее от несущего, само это покрывало то ли существует, то ли не существует. Можно сказать, что бытие этого покрывала - этой границы языка - призрачно и мерцательно. Язык бесконечен, и как бы далеко душа не зашла в нем, всегда можно зайти еще дальше. Поэтому из языка невозможно выйти. Но более того, невозможно коснуться даже его границы, как этой стены, и сказать: вот конец. Тебе ведь известно, Матфей, что нет самого большого числа?

- Да, я знаю это.

- Но, Матфей, я только что назвал его: самое большое число. Как же так? Запрет назвать самое большое число, сам себя нарушает. Запрет на имя - уже имя. Монахи в храме в Саисе обривают на себе все волосы и многократно в день омываются. Они дали обет молчания, но не потому, что им запрещено говорить, а потому что невозможно говорить о том, чему они поклонятся, ибо поклоняются они, сами того не зная, Святому Духу.

- Учитель, ты видел этот храм? - восхищенно спрашивает Иоанн.

- Нет. Я прочитал о нем в одной книге Геродота.

- Я теперь не смогу уснуть, учитель, - признается Матфей, впервые решаясь назвать Иисуса этим титулом. - Как жаль, что все это я не смог записать!

- Скажу и более того, если вместишь в себя.

- Я готов слушать до утра.

- Вмести же, Матфей: Святой Дух совершенно бесчеловечен. В нем нет добра и зла, верха и низа, чистого и нечистого, ведь все это из этого мира, из языка, а в Святом Духе - сама чистота и нет языка. Могу рассказать тебе о том, откуда взялся этот дуализм и почему человек хранит его в самых глубинах души. Святой Дух ничего не разрешает и не запрещает. Не ты нужен ему, он нужен тебе, ибо твоя душа существует только благодаря Духу. И таких, как ты, у него - бессчетное число, а он у тебя - один, один на всех. Тело обретает душу, как плод - косточку, а душа содержит в себе Святой Дух, как косточка содержит в себе дерево. Мало горчичное зерно, но из него вырастает дерево, в ветвях которого селятся птицы. Душа содержит в себе Святой Дух. Не говорю, что твоя душа содержит частицу его, но говорю, - весь Дух, ведь целое и части целого, как и чаша с ее осколками, из этого мира, из языка. В Святом Духе нет частей.

Иоанн замечает, что Иисус рассказывает Матфею о Царстве Небесном не так, как рассказывал ему, но менее поэтично и более учено. И это даже немного обижает юношу. Разве Иоанн глупее Матфея?

- Святой Дух един и неделим. Бесконечное число раз он осознает себя, и каждое осознание рождает душу. Но душа эта еще не есть полная душа. Чтобы стать полной, ей нужно осознать самую себя, узнать себя как душу. Только в этом втором самосознании душа становится полной. Что видит и слышит младенец, явившийся на свет? Думаешь, он видит и слышит, как мы? Нет, говорю тебе. Он видит пустоту и слышит тишину. Ничто, которое уже есть имя, есть не- что. Чтобы увидеть мир, младенцу необходим язык. А до той поры нет для него мира. Мир - это он сам, и мать, кормящая его молоком, еще не мать ему, а часть его. Мать знает, что он вышел из нее и пришел в мир, но он не знает. Мать и весь мир, которого он еще не видит, все в нем. Не

мать родила его, он родил мать и весь мир. Есть только Я и ничего другого. И когда, наконец, младенец впервые скажет себе Я, то скажет в действительности - "он". Это покажется тебе невероятным, Матфей, но человек в действительности не может произнести истинное Я, когда он называет себя этим именем. И на всю свою жизнь человек сохраняет в самой глубине своей души эту странную память, и ему кажется все еще немного удивительным, что можно самого себя видеть, слышать и трогать. Разве истинное Я могло бы видеть себя? Есть одно единственное Я - Святой Дух. И самым невероятным человеку кажется в той глубинной памяти, что можно самого себя убить. Разве истинное Я могло бы убить себя? Мы познаем мир только в присутствии самих себя, и не можем познавать его отдельно от себя. Вот почему человек - мера всему существованию.

Матфей возбужденно слушает своего гостя. Никогда у него не было такого интересного собеседника. Ему кажется, один из древних философов, чьи манускрипты он коллекционирует, воплотился в этом человеке с особенным выражением глаз и печальной улыбкой и посетил его дом.

- Две грани, - продолжает Иисус, - две зыбкие и мерцающие грани языка, отделяют нас от Святого Духа - рождение и смерть. Думаю, Матфей, тебе знакомо рассуждение греческих софистов о том, что смерть недоступна человеку. Смерти нет, говорят они, ибо пока мы живы, смерти еще нет, а когда мы мертвы, смерти уже нет. И они правы. Душа ведь состоит из языка. Приближаясь к границе языка, она теряет самую себя. Чем ближе она к этой непостижимой границе, тем меньше ее остается. Где кончается жизнь? Можно ли провести такую черту? Из чего же состоит такая граница - из жизни или из смерти? Софисты правы: нельзя провести эту черту. Но нам хочется заглянуть за эту черту. Говорю вам: там Царство Небесное. Там нет человека. Только Святой Дух и бесчеловечная свобода. Радуйтесь, братья мои: впереди только Царство Небесное. Но возлюбили люди жизнь, так возлюбили, что объявили невероятное право человека убить самого себя, тягчайшим грехом. Убивающий себя разрывает завесу в Святая-Святых. И это правда. Однажды разорвется завеса в Святая-Святых, и ты войдешь в Царство Небесное, оставив душу свою навсегда.

Наступает тишина.

Иуда пронзительным взглядом смотрит на Иисуса. Он не пропустил ни слова из его страстной речи, и, очевидно, именно последние слова Иисуса имели для него наибольшее значение. Иоанн был все это время больше погружен в музыку учительской речи, чем в ее смысл. С последним аккордом этой чудесной музыки он бросается на шею возлюбленного учителя.

- Ну-ну, мой мальчик, - смущенно произносит Иисус.

Матфей восхищенно осмысляет эту новую для него философию.

- Учитель, - теперь уже смело говорит он, - не налить вам вина? Или хотите меду?

Матфей не знает, как ему выразить свою благодарность. Он вдруг вскакивает на ноги:

- Я сейчас вернусь, - и бросается во внутренние покои, откуда недавно принес свои свитки.

Опять хлопают какие-то крышки, и через пару минут он возвращается с алым свертком в руках.

- Учитель, извините меня за то, что я скажу. Ваш финикийский плащ был когда-то хорош, но он немного обветшал. Я понимаю, что философы не придают значения одежде. Разве одежда может украсить мудреца? Но позвольте мне преподнести вам точно такой же плащ, как ваш, только совсем новый.

Он разворачивает перед гостями свой алый сверток.

- Я не принял бы жертвы, но дар приму.

- Поверьте! Это от чистого сердца.

- Благодарю, Матфей.

- Пусть он вам послужит так же, как послужил старый плащ.

Позже он готовит царскую постель Иисусу из горы матрацев и так заботливо укладывает его, что тот начинает сердиться и выпроваживает его из приготовленной комнаты. Иуду и Иоанна Матфей также селит в отдельных комнатах на женской половине дома, которая у него пустует. Его предшественник имел большую семью и пристроил к таможене эту женскую половину. Теперь она пригодилась и ему. Сам Матфей, прибрав стол и погасив светильники, устраивается здесь же в гостиной на подушках.

Таможня погружается во мрак и тишину.

Матфей перебирает в памяти речь Иисуса. Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны алчущие, ибо насытятся. Блаженны миротворцы, ибо станут сынами Неба.

Тиха Галилейская ночь. И скорбный дух, витай он над этой землей, увидел бы лишь темные города, огни маяков на побережье и редкие костры пастухов в полях.

На рассвете всех будит грохот в воротах. Прибыл караван с юга.

Когда утром Иисус, Иуда и Иоанн отправляются в Капернаум, таможенник все еще занят своим делом. Он извиняется за то, что не может сопроводить гостей в город и обещает ждать их с обедом. Матфей так и провожает их до ворот с навощенной дощечкой в одной руке и стилосом в другой, оставив на дворежном ложе арабских купцов с их кошельками и пеналами, подобными пеналу Иуды. Трое путников обходят верблюдов, важно восседающих с тюками на горбах вокруг таможни, и направляются в город.

Капернаум лежит на склоне холма, сползая своими каменными и деревянными постройками почти к самому озеру, от которого его отделяют лишь огороды горожан и караванный тракт. По субботам нижняя часть города замирает. Мастерские не работают, лавки закрыты, на улицах не увидишь прохожего, спешащего по делам или погоняющего осла с поклажей. Зато в верхней части города, где живут греки, сирийцы и расквартирован римский гарнизон, жизнь особенно активна. По субботам у гарнизона баня и увольнительный день. Такой порядок сложился сам собою.

Рим придерживается в завоеванных им провинциях политики невмешательства во внутренние дела и религиозной терпимости. Если в Египте кошки считаются священными животными, то римский наместник принимает закон, запрещающий убивать кошек. Если в Галии преступников принято сжигать на кострах, то этому не препятствуют. Если в Азии распространены культы фригийской Кибелы и персидского Митры, то их бродячих жрецов никто не арестовывает. Если у германских варваров кулачные побоища являются народной забавой, то им не мешают увечить друг друга и дальше. Если в Палестине каждый седьмой день объявляется святым, то с ним стараются считаться. Империя миролюбива с теми, кого она уже завоевала.

Начальник римского гарнизона в Капернауме сделал субботу банным и увеселительным днем из соображений тактических и даже по-своему деликатных. На улицах Капернаума тихо и безлюдно, когда центурии повзводно проходят через него к озеру, где тоже нет ни души, только лодки стоят на причале и сохнут рыбацкие сети. Солдаты моются, стираются, не оскорбляя ничьих взоров, а по возвращении в лагерь отправляются в увольнения согласно составленным десятниками спискам. В казармах ходит не злая, но оскорбительная для иудеев шутка: “Теперь мы тоже соблюдаем субботу - едим, пьем и поклоняемся Венере”. В верхней части города в этот день работают все харчевни, бордели и погребки. Солдатское жалованье перетекает в более надежные кошельки местных собственников. Вечером половина лагеря ходит пьяная, а другая половина с нетерпением ждет следующей субботы.

Иисус и его спутники подходят к синагоге, расположенной у реки на окраине города. У входа их встречает смотритель синагоги Иаир, маленький нервный фарисей, весь обвязанный

молитвенными ремешками. Он придирчиво оглядывает чужаков, выясняет, откуда они родом, а затем предлагает им сделать пожертвование, словно только это может служить им платой за вход в его молитвенный дом. Иоанн опережает Иуду, потянувшегося к своему пеналу, и достает их кошель на поясе один шекель. Иаир смягчается. У этих людей даже деньги приличные.

- Я положу их в хранилище, - говорит Иаир. - Входите.

В этой синагоге царит более свободная атмосфера, чем в Назарете. Капернаум стоит на торговом пути. Здесь привыкли к случайным визитерам - иудеям. С ними вежливы, но, в общем, на них не обращают внимания. Здесь тоже преобладают фарисеи, но им противостоит значительная группа zelотов - националистов с белыми повязками на лбах, где начертано прозвище последнего освободителя Израиля - Маккавей.

Иисус с холодным вниманием наблюдает за присутствующими. Хмурому Иуде происходящее не интересно. Все молитвенные собрания похожи друг на друга. Они ему наскучили. И скамьи здесь неудобные для его увечной ноги. Только Иоанн чувствует себя хорошо. После харчевни кривого сирийца, после дома мытаря он, наконец, в чистом месте среди своих братьев. Чтение Писания и споры вокруг его толкований ему не надоели. Здесь дети Израиля чтут Бога и хранят свое единство перед лицом его. Когда Иисус высказывает желание выступить, его это не удивляет: учитель должен говорить в таком месте. Но это почему-то не нравится Иуде, который бросает на Иисуса неодобрительный взгляд. Уж не завидует ли этот калека славе учителя?

А дальше начинают развиваться события, совершенно неожиданные для Иоанна.

Иисус приводит слова из Когелета - Проповедника.

- Всем и всему - одно: одна участь праведному и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы, как добродетельному, так и грешнику. Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем...

Он делает паузу и обводит собрание глазами.

- Даже в премудрости своей Соломон не знал, что, говоря о скорбном, возвещает о радостном. Участь одна на всех человеков, и участь эта - Царство Небесное. Вот благая весть для мира! Не ждет вас гибель, но всех примет Святой Дух, из которого вышел человек - и праведный, и грешный, и добрый, и злой, ибо в час смерти каждый оставит свое тело и свою душу навсегда и станет един с Небом.

- Если грехи не зачтутся человеку, то какая ему польза быть праведным? Уж не греху ли ты нас учишь? - вопрошает маленький нервный смотритель синагоги Иаир.

- Грешному зачитываются грехи его в этой жизни. Зло окружает его, зависть и месть преследуют его. Разве не знаете? Кто посеет плохое зерно, тот пожнет плохой урожай. Праведный освобождается от злого окружения, он воскресает для Духа Святого. Всякий воскресший наречется сыном Неба.

- Иудей ли ты? Странные слова ты говоришь. Уж не язычник ли это, говорящий нам о сынах Неба? Солнцу они поклоняются. Этих ты зовешь сынами Неба?

- Сыны Неба поклоняются тому, что превыше всего, - Святому Духу. Я - один из них. И хочу сделать вас свободными.

- Мы - дети Авраама и никому не были рабами.

- И Авраам - раб человеческого. И вы - рабы человеческого. Учителя ваши налагают на вас ноши невыносимые, а пророки приносят вам дары обременительные, и всякому, кто не примет их дар, грозят карою небесной. Небо не судит и не карает. Небо не знает человеческой меры.

- Кто ты, чтобы хулить пророков?

- Пророки и близко не ходили там, где я стою. У врат в Царство Небесное.

Гневный рокот нарастает.

- Может ли овца быть пастырем овец?- продолжает Иисус.- Нет, не может, ибо не свободна от овечьего. Может ли человек быть пастырем людей? Нет, не может, ибо не свободен от человеческого. Почему же вас пасут те, кто не могут пасти, ибо ничем не свободнее вас?

- Моисей наш пастырь. А ты кто?

- Я больше, чем Моисей!

Начинается рев и переполох.

Потрясенный Иоанн словно во второй раз видит свой кошмарный сон. Разъяренные люди тащат Иисуса прочь из синагоги. На его лице - та же упрямая отрешенность. Иоанн ломает руки от бессилия и бежит вслед. Иисуса ведут за синагогу к ветхому сараю у реки, чтобы казнить по иудейскому обычаю, забив камнями.

Более всех неистовствует маленький смотритель синагоги Иаир. Он снует между людьми, истерично сыпет проклятия и призывает к расправе. Завидев Иоанна, он кричит:

- Этот тоже с ним. Держите его!

Состояние кошмарного сна, в котором Иоанн пребывает, не позволяет ему даже испугаться, когда несколько рук хватают его. Происходит то же, что было в его родном Назарете. Но теперь он не сторонний наблюдатель, он - в числе приговоренных, и гнев толпы направлен на него. Его глаза застыли от ужаса. Он видит лишь безликую массу перед собой, и невероятная мысль бьется, как пойманная птица, в его голове: "Неужели я сейчас умру?"

- Этот юноша не со мной, - выкрикивает Иисус. - Он - левит и фарисей, как вы.

Он отходит в сторону от Иоанна и разводит руки, становясь похожим в своем новом плаще на алый крест.

- Не будет вам суда за мою кровь. А за его - будет! Не трогайте невинную душу! Хотите убить меня, так меня и убивайте. Вот я - один перед вами.

Толпа медлит в сомнении. Истеричный Иаир требует немедленной казни обоих. С пеной у рта он бежит перед горожанами, только охлаждая их своим отвратительным, бесноватым видом.

- Римляне идут! - вдруг раздается чей-то крик.

Вниз по улице спускается римский отряд, шагающий на купание к озеру. Их появление, неприятное само по себе, сейчас неприятно вдвойне, как присутствие свидетелей при семейной ссоре. Ничто не объединяет так нацию, как внешний враг. Солдаты, конечно же, не станут препятствовать их казни. Рим не вмешивается в местное судопроизводство. Он защищает только римских граждан. Солдаты не станут мешать, они поступят хуже. Они будут смеяться, забавляясь сценой, в которой одни евреи убивают других.

Мгновенное осознание этого действует на толпу как ледяной душ. Все окончательно охладевает. Руки разжимаются, и камни падают наземь. Иаир все еще пытается вложить их обратно в ладони горожан, но момент упущен. Строй солдат в алых плащах проходит мимо. Они поглядывают на толпу, перешучиваются между собой и озорно посвистывают. Наконец, эта длинная вереница врагов, словно мерзкий червь, проползает дальше, вниз, чтобы осквернить их Галилейское озеро.

Из толпы выходит рослый, крепкого сложения мужчина, Симон Петр, с повязкой Маккавея на лбу и коротко произносит:

- Уходите!

Иисус перестает стоять как крест, опускает руки и уводит Иоанна, который плохо понимает происходящее, все еще пребывая в кошмарном сне. Все же несколько камней летит им вслед. Нервно-болезненный Иаир, не получивший своей разрядки, беспорядочно швыряет в них попавшиеся под руки предметы. У него начинается истерический припадок.

Один из его камней попадает в спину Иоанну. Он вскрикивает и чуть не падает от неожиданности. Иисус подхватывает его и, закрывая своим телом, уводит юношу к огородам под

истеричные всхлипы Иаира. Кажется, что гиена хохочет им вслед.

У огородов Иисус опускает Иоанна на землю. Юноша страдает не столько от боли, сколько от унижения. Его, сына левита, воспитанного в ортодоксальном иудаизме, любящего свой народ, гонят от синагоги камнями, как собаку. Ему так горько, что он даже не прислушивается к словам возлюбленного учителя.

Ковыляющей походкой к ним приближается Иуда. Он не просто хмур. Он зол.

- Что ты делаешь? - гневно он говорит Иисусу. - Зачем ты дразнишь людей? Зачем ты будишь в них зверя? В Александрии тебе запретили входить в синагоги. В Иерусалиме тебя чуть не зарезали. В Назарете тебя хотели сбросить в ущелье. И вот в Капернауме тебя готовы забить камнями. Что дальше? Хоразин? Вифсаида? Дай угадаю. В Хоразине тебя посадят в яму, чтобы уморить голодом, а в Вифсаиде тебя потащат к озеру, чтобы утопить. Чего ты добиваешься? Эти люди не станут другими! Никто не станет лучше!

Иоанн, забыв о боли и позоре, застывшими - теперь от удивления - глазами смотрит на Иуду. Ему не верится, что этот флегматичный старик способен на такую дерзость - выговаривать тому, за кем ходит тенью. Разве тень может упрекать своего владельца?

- Чего ты добиваешься? - гневно говорит тень. - Если ты хочешь умереть, зачем далеко ходить? Давай я убью тебя.

И невероятно: Иисус не сердится на этот выговор своей тени. Он как-то странно смотрит на Иуду и произносит очень серьезно:

- Я подумаю над твоим предложением, друг.

Иуда устало опускается на землю и уже спокойно добавляет:

- Впрочем, я с первой нашей встречи знал, что ты не из тех, кто хочет умереть в своей постели.

По мере успокоения Иоанн начинает понимать, что чудом избежал смерти. Он пытается вспомнить, храбро ли он держался перед своими палачами, и ему кажется, что храбро.

- Зачем они так, учитель? - горько спрашивает он. - Ведь мы с добрым к ним пришли.

- Не давай святыни псам и не бросай жемчуг свой свиньям. Молчи, Иоанн, как молчат камни. Только молчание защищает нас от осквернения. Говоришь слово и предаешь себя на поругание. Молчание, только молчание! Этот мир полон шума. В нем все говорят. Как будто им есть, что сказать. А в Царстве Небесном, мой мальчик, стоит великая тишина.

Иоанн садится и утирает слезы обиды. Возлюбленный учитель находит для него чудные слова утешения. Иисус обнимает его и по-отечески треплет.

- Ну, кто же твой ближний, Иоанн? - смеется он. - Набожный фарисей, побивающий тебя камнями, или грешный мытарь, принимающий тебя в своем доме, как дорогого гостя?

- Мытарь.

- Вот и я так думаю. Один грешник дороже девяносто девяти праведников. Эти праведники невыносимы. Уж очень они любят себя. А возлюбивший душу свою мертв для Неба.

- Да, учитель.

Иисус печально улыбается юноше. Ему легко утешить Иоанна, но он не может найти утешения себе. Иоанн чувствует это. Рана Иисуса глубже, чем его собственная, и она никогда не заживает. По дороге к дому Матфея Иисус вдруг начинает цитировать израильские летописи:

- И воцарился Бела, и умер Бела. И воцарился Иовав, и умер Иовав. И воцарился Хушам, и умер Хушам. И воцарился Гадад, и умер Гадад. И воцарился Самла, и умер Самла. И воцарился Саул, и умер Саул. И нет конца этой истории. Что было, то и будет. Что делалось, то и делается. И нет ничего нового под солнцем. - А затем печально добавляет:

- В моей крови текут тысячелетия! Я устал быть человеком.

Иоанн заглядывает в потухшее лицо учителя и откладывает свои вопросы на потом. Почему

Иисус больше Моисея? Почему ему тысячи лет? Кто же он, Иисус из Назарета, который устал быть человеком?

Матфей встречает их на дворе таможни с водой и полотенцем. Он накрыл стол на ложе под акацией в предвкушении интересного воспитательного застолья. Но скоро понимает, что вчерашняя трапеза не повторится. По лицам своих гостей он догадывается, что в Капернауме что-то произошло. Иоанн подтверждает его догадки. “Учителя и меня фарисеи хотели побить камнями”, - с гордостью сообщает он. Матфей сочувственно смотрит на них. Ему тоже достаются оскорбления от горожан, но убить его не пробовали. Впрочем, он понимает, что дело не в этом. Иисус решает для себя что-то глубоко личное. Об этом личном лучше всех догадывается Иуда, но он тоже молчит.

Иисус не притрагивается к еде, и Матфей понимает, что его хлебосольство сейчас неуместно.

Иисус мрачно смотрит в сторону города.

- Горе Капернауму! Горе Назарету! Горе всем галилейским городам. Я хочу покинуть эту мертвую землю. Стряхнуть ее прах со своих ног и забыть ее навсегда. Лучше жить среди чудовищ. Лучше иметь дело со зверями, чем быть пророком у этих людей.

- Куда же ты пойдешь? - спрашивает Иуда.

- Куда угодно. В Финикию...

- Смотреть на храмы Баала и Астарты? - с хмурой иронией произносит он.

- Я их уже видел, - устало отвечает Иисус. - Но они хотя бы честны. Они служат наживе и поклоняются похоти. Их боги откровенны и бесстыдны в своем человеческом. Наши лицемеры занимаются тем же, но никогда не признаются в этом. Делает ли святыня людей лучше? Сомневаюсь. Но она точно делает их двуличными. Святыня не меняет человеческой сути. Она лишь развязывает человеку руки. Теперь у него есть святыня, и он многое может себе позволить. Видеть соринку в чужом глазу и не замечать бревна в собственном глазу. Я не знаю, Иуда, куда идти. Звери имеют норы, а мне нет места на земле.

С этого дня Иисус словно впал в немоту. Он уклоняется от всех разговоров, будто ответить ему так же трудно, как зашагать по Галилейскому озеру. Он много сидит в своей комнате, либо уходит за таможню на холм и там часами смотрит на воду, спиной к городу. В своем алом плаще на вершине он виден всем издали: горожанам, рыбакам, купцам, как некая достопримечательность Капернаума, но к нему никто не приближается. Он не ходит в город, и город не ходит к нему.

В доме Матфея устанавливается какая-то траурная атмосфера, словно здесь недавно кто-то умер и всякое веселье неприлично. Но караваны продолжают идти, и хозяин дома их принимает и пропускает по-прежнему. По вечерам в тихих разговорах Матфей рассказывает Иуде:

- На таможне замечаешь странные вещи. Например, сегодня из Финикии везут в Иудею оливковое масло. А завтра точно такой же груз везут из Иудеи в Финикию. Обе стороны несут убытки. Торговцам следует знать больше о делах друг друга. Мне-то такое на руку: больше пошлин соберу, а им убытки.

Чтобы чем-то занять себя, Иуда берется помочь мытарю разобрать его отчетные бумаги. В скором времени к восхищению Матфея он приводит их в полный порядок. Ворох свитков и дощечек превращается в картотеку. Собственная документация предстает перед Матфеем в ясном виде.

- Вы знаете в этом толк, - с почтением признает он.

Иуда лишь кивает головой.

Только Иоанн ходит все дни неприкаянный. Он пробует читать книги мытаря. Но эллинская культура мысли ему чужда. Философские диалоги его утомляют. Эти люди используют язык

иначе, чем пророки. Они не выражают через них чувства, они ищут скрытый смысл в самих словах. Геродот кажется ему интереснее. Но и его он скоро бросает. Что ему за дело до персидских царей? Рядом с ним возлюбленный учитель, но он даже не смотрит в сторону Иоанна, его ласковая улыбка сменилась горьким выражением лица. Юноша чувствует себя виноватым.

- Учитель, ты сердишься на меня? - не выдерживает он.

- Нет, Иоанн, - коротко отвечает Иисус.

- Тогда почему ты со мной не говоришь?

- Время говорить, и время молчать. Всеу свое время.

Вот и весь разговор. И опять Иоанн бродит по дому как призрак. А потом отправляется на озеро. Он ходит по берегу, кидает камешки в воду и смотрит, как отчаливают и причаливают лодки. Рыбаки привыкают к его присутствию и вскоре уже кивают ему как знакомому.

Однажды к пристани подходит лодка, груженная большим уловом.

- Эй, парень, - кричат ему, - помоги.

Иоанн бросается на помощь.

Когда вся рыба оказывается перегружена в большие ивовые короба и Иоанн хочет уйти, один из рыбаков его задерживает:

- Подожди.

Он срывает с ближайшей ивы прут, очищает его от кожуры и насаживает на него через жабры несколько крупных рыб. Концы прута он связывает кожей и протягивает Иоанну.

- Это тебе.

- Не нужно, - смущенно отказывается Иоанн, но рыбак просто произносит:

- Ты работал. Всякий труд требует вознаграждения.

Так Иоанн знакомится с двумя братьями, старшего из которых рыбаки называют Петром или Кифой по-арамейски, что значит "камень", а младшего, еще более рослого и атлетического, - Андреем-мужем. В Петре он сразу же узнает того маккавея из синагоги, который прекратил расправу над ним и учителем. Братья оказываются добродушными и прямолинейными, как мачта на их лодке, людьми. На побережье они пользуются всеобщим уважением. Петр к тому же является старшиной местной рыболовецкой артели.

- Ты чем занимаешься, парень? - грубовато вопрошает Андрей.

Он сообщает братьям, что они с Иисусом из Назарета. Учитель - великий человек. Он знает истины вечной жизни. В сущности, Иоанн еще живет в том неразвитом и традиционно детском восприятии мира, когда непонятное сразу же становится неинтересным. То, что требует умственных усилий, перестает быть привлекательным. Иисус говорит много непонятного, но чтобы сохранить интерес к его речам, которые, безусловно, должны быть интересными Иоанну, он делает их более привлекательными и простыми. Иоанн, если называть все своими именами, занимается профанацией и мифологизацией речей Иисуса. Но именно такое толкование лучше всего ложится на ум невежественным рыбакам.

- Вы ловите рыбу, - с гордостью заявляет он, - а мы ловим человек.

- Как это? - удивляются братья.

- Мы ловим души, чтобы вести их в Царство Небесное.

- Там он, что ли, их ловит? - Андрей кивает на холм, где видна алая фигура Иисуса. - Каждый день он сидит на горе.

- Учитель думает.

- Как ловить человек?

Иоанн сердито смотрит на шутника.

- Может он с Богом говорит, а ты смеешься.

- Да я просто так, - оправдывается могучий рыбак.

Старший Петр серьезно произносит:

- Мы слышали твоего учителя в синагоге. Не много ли он на себя берет?

- Он - свет миру, - с пафосом отвечает юноша.

Петр неопределенно хмыкает.

- Вроде он помельче меня, - опять не удерживается Андрей, - а говорит, я больше Моисея и пророка. Как в него уместилось?

Юноша не успевает обидеться, Петр сам одергивает младшего брата:

- Хватит подшучивать! - и обращается к Иоанну: - Вы в доме мытаря живете?

Иоанн мгновенно забывает свою неприязнь к мытарям и становится лучшим другом сборщиков податей:

- Я же сказал, мы ловим души. Грешные души особенно нуждаются в свете. Не здоровым нужен врач, но больным.

- Твой учитель - врач?

- Он великий врачеватель!

Петр недоверчиво смотрит на него. Иоанну нужно привести доказательство. Он вспоминает свадьбу в Кане. Однако ему не хочется признаваться, что там он нечаянно напился.

- Мы были с учителем на свадьбе в Кане. Там мне стало очень плохо. Тогда учитель взял воду и превратил ее в снадобье. Я выпил этот чудный напиток и сразу выздоровел.

Иоанн еще много раз будет редактировать эту версию. Через десятки лет она станет настоящим чудом - грандиозным и бессмысленным: 600 литров воды превратятся в вино, которым могла бы упиться не одна свадьба.

- Так твой учитель точно может лечить людей? - переспрашивает Петр.

- Он вылечит любого.

- А может вылечить мою тещу?

- Конечно. Только попроси его.

Иоанн спохватывается, но уже поздно. Петр удовлетворенно кивает и возвращается к своим сетям. Иоанн начинает мучиться. Как посмел он обещать за Иисуса? Он не сомневается в его мастерстве. Но ко времени ли отягощать учителя такими просьбами? Вдруг он откажется?

Вечером в ворота таможни стучат братья. Матфей знаком с братьями и радушно приглашает их войти. Петр грубовато признается ему:

- Мне бы поговорить с вашим гостем. С Иисусом.

- Он в доме. Входите.

Мытарь проводит Петра в трапезную, где за столом сидят его гости. Иоанну становится жарко при виде рыбака.

- Мир вам, - приветствует всех рыбак и с порога бухает: - Теща моя три дня уже лежит в горячке. Не померла бы. Господин, прошу вас, посмотрите ее.

Иисус с недоумением взирает на него и переводит взгляд на смущенного Иоанна.

- Учитель, я сказал ему, что ты врач,- лепечет юноша.

Сейчас ему достанется. Иисус холодно откажет. А могучий рыбак будет презирать хвастливого мальчишку. Больше ему не ходить на озеро.

- Хорошо, - коротко бросает Иисус. - Я схожу с тобой.

Он встает, надевает плащ, подаренный Матфеем, берет свою суму и жестом указывает Петру, чтобы он его вел. За его резкими движениями угадывается недовольство.

- Учитель, - робко спрашивает Иоанн, - можно мне пойти с тобой?

- Нет.

Во всеобщем молчании Иисус с Петром уходят. Матфей их провожает и скоро возвращается.

Иуда хмуро смотрит на Иоанна, но ничего ему не говорит. Осуждающий взгляд бросает на него и Матфей. Да что такого он сделал? Конечно, не ко времени, но он всего лишь хотел помирить учителя с городом после того ужасного знакомства в синагоге.

- Я только сказал, что учитель может лечить людей, - оправдывается он перед Матфеем.

- Мой друг, - с легким упреком говорит мытарь, - ты поставил учителя в сложное положение.

- Почему?

- А если женщина смертельно больна, и ее нельзя вылечить? Город обвинит в ее смерти Иисуса.

- Петр так не поступит.

- Петр - честный человек, но это его теща. А больше всех будет усердствовать Иаир. Он возмутит всех горожан против Иисуса. Умри старуха без лечения,- все скажут: такова воля Божья. А если она умрет после помощи учителя, которого не любят в городе,- виноват будет он.

- Нет, - с ужасом произносит юноша.

- Скажут, что Иисус ее отравил. Или обвинят в колдовстве.

- Нет.

Иоанн начинает осознавать, в какую опасную историю он втянул возлюбленного учителя. Ему хочется немедленно все исправить. Но как?

- Что я наделал? - сокрушается он, будто все худшее уже произошло.

Матфею становится его жалко.

- Успокойся. Я уверен, учитель знает, что делает.

- Вот именно,- как-то странно произносит Иуда. - Он всегда знает, что делает. Если бы не знал...

На Капернаум опустилась первобытная тьма. Тонкий серп луны на небе едва светит. Иудеи в своих домах с молитвами встречают начало нового месяца. Андрей с факелом в руках идет впереди Иисуса и Петра, освещая улочки города.

- Теща совсем захворала, - виновато объясняет Петр. - Жена вчера привозила знахарку, но пользы от нее не стало. А ваш ученик сказал мне сегодня, что вы - врач. Вот я и подумал, попрошу ученого человека. Вдруг он поможет?

- Я попробую.

- Уж извините за беспокойство.

- Ничего.

“Строг”, - думает Петр и больше не пытается завести разговор.

В молчании они достигают дома Петра. Во дворе пахнет рыбой. Суетливая собачонка мешается под ногами, повизгивая от радости. А в доме, который тоже провонял озером, их встречает маленькая женщина.

- Это жена моя, Цилла.

Рядом с могучим мужем она выглядит ребенком. Ее крохотное, унылое личико обвязано платком. Петр ведет Иисуса к постели тещи. Такое же крохотное личико и тонкие ручки поверх одеяла. Под ним угадывается маленькое, иссушенное временем тело, похожее на корень мандрагоры. Петр ставит для Иисуса скамью и, словно не смея мешать его священнодействию, почтительно выходит.

Жена тут же набрасывается на него, понизив голос:

- Зачем ты привел в дом этого человека? Иаир предостерегал всех от него. Он - нечестивец, проклятый Богом.

- Когда-нибудь я прибью этого Иаира, - сердито отвечает Петр. - Ходит по домам и вечно мутит народ. А этот человек - врач. Он поможет нам.

- Не нужна нам такая помощь! Он порчу на дом принесет. Вот увидишь!

- Тише!

Появляется Иисус. Петру становится очень неловко. Вдруг он слышал их разговор? По замкнутому лицу Иисуса невозможно понять это. Он требует чистую тряпку, нож, чашу и горячую воду. Петр устремляется на их поиски под занудливое причитание Циллы:

- Зачем ему нож? Он хочет зарезать мою мать?

- Помолчи! - обрывает ее Петр. - Вскипяти лучше воду.

Петр давно уже понял, что неудачно женился. Робкая, незащищенная девушка - ребенок, которую он оберегал как хрупкий сосуд, превратилась в маленькую сварливую женщину, которая привычно пользуется именно тем, чего уже лишилась в его глазах, - своей незащищенностью. К тому же она оказалась бездетной. Это не улучшило ее характер.

Петр приносит Иисусу необходимые предметы, поправляет светильник, чтобы тому было лучше видно и, помявшись, опять оставляет его одного у постели.

- Зря ты его привел, - не унимается Цилла, - чует мое сердце.

- Женщина! Ведь это твоя мать лежит при смерти. Не для себя я это делаю.

- Нехорошо это. Чует мое сердце.

Она продолжает причитать, опять поминает мерзкого зрителя синагоги, свои плохие предчувствия...

Петр садится на скамью и перестает ее слушать. Завтра надо переработать весь улов, чтобы рыба не начала пропадать. Артельщиков он предупредил. Сеть в одном месте порвалась. Петр так задумывается о своем, что забывает не только о жене, но и об Иисусе, когда тот неожиданно появляется в дверях с чашей в руках.

- Вынеси это.

На дне чаши густая, темная жидкость.

- Вылить в яму и закопать? - спрашивает Петр.

- Зачем? - удивляется Иисус.

- В крови - душа.

- Сделай так,- безразлично подтверждает он и возвращается в комнату, откуда пахнет жженой тряпкой.

Цилла со страхом смотрит на чашу.

- Зачем он выпустил ей кровь? Он погубит мою мать. Говорила же тебе!

Петру самому боязно. И этот запах жженой тряпки. Именем какого бога Иисус совершает свой обряд?

- Святи мне, - приказывает он жене, неся перед собою чашу с кровью и не отрывая от нее глаз, будто держит в своих руках священный Грааль.

Цилла с фонарем спешит вперед. Вслед за женой он выходит из дому. Андрей с факелом сидит во дворе. Он недолюбливает жену своего брата и лишней раз не входит на их половину дома. При виде Петра, который держит в вытянутых руках чашу, он спрашивает:

- Что это?

- Кровь. Ее нужно закопать. Свети мне, Андрей. А ты принеси мотыгу, - приказывает Петр жене.

Они идут в дальний угол двора. Вертящая собачонка крутится под ногами. Андрей пробует отогнать ее от Петра.

- Свети, брат! Я не вижу! - сердится он.

- Да чего ты?

- Это же кровь! Вдруг пролью.

- Ну и что!

- А в ней душа! - нравоучительно бормочет подоспевшая с мотыгой Цилла. - Этот колдун, может, нарочно нам ее дал, чтоб мы пролили.

- О чем она толкует? - удивляется Андрей.

- Вырой, брат, яму. Нужно закопать кровь, чтоб собака не съела.

Наконец, они закапывают кровь и придавливают сверху камнем, как надгробной плитой. Пес любопытно его обнюхивает. Цилла гонит собаку прочь. Они чувствуют себя участниками жуткого таинства, совершающими кровавый ритуал под покровом ночи, и возвращаются в дом тихие и оробевшие. Цилла не издает больше ни звука.

Жрец в лице невозмутимого Иисуса дает им последние наставления. На алтарь нужно принести молоко, инжир, мед и щепотку того, что он им оставляет. Муж и жена заворожено кивают в такт его словам.

- Сварите все это и поите ее.

Цилла бежит к матери. Петр выходит с Иисусом. И опять они безмолвно идут через весь город, сопровождаемые факелом Андрея. Всю дорогу Петр гадает, слышал ли Иисус оскорбительные слова Циллы в свой адрес. Но Иисус лишь холодно молчит. У ворот таможни он произносит:

- Утром сообщи мне о своей теще.

- Да, господин. Доброй ночи, господин.

Ворота таможни закрываются, и Петр облегченно вздыхает:

- Вот человек! Хоть бы слово лишнее сказал.

- А что болтать? - пожимает плечами Андрей. - Мне нравятся молчуны.

- Я тоже не из болтливых, - сердится Петр. - Но от его молчания у меня аж скулы свело.

Братья возвращаются в свой дом по ночному Капернауму.

При виде Иисуса Иоанн бросается к нему навстречу. Он извелся за этот час, который учитель провел во враждебном городе.

- Ну что, учитель?

Иисус несколько удивлен такой заботой о теще Петра.

- Думаю, она поправится, - сухо отвечает он и уходит в свою комнату.

Один камень падает с души юноши, но на его место ложится другой: Иисус его больше не любит.

Матфей дружески подмигивает ему. Запирая ворота, он успел поговорить с братьями. Рыбаки были вежливы и очень уважительны. Тень почтения к Иисусу коснулась и мытаря.

- Он сердится на меня, - заключает Иоанн.

- Нет, - успокаивает его Матфей. - Ему нужно уединение. Иногда человек устает даже от самых близких людей.

Утром Иоанн спешит на озеро, чтобы расспросить Петра во всех подробностях о вчерашнем лечении. Но Петру особенно сообщить нечего, кроме того, что теще как будто стало лучше. Священнодействий Иисуса он не видел, а рассказывать о семейных спорах нет нужды.

- А строг твой учитель, - признается Петр. - Слова лишнего не скажет. Вот и сегодня утром. Выслушал меня, сказал, истолочь горчичное зерно и обмазать тещу, чтобы прогрелась, и ни слова больше. Сразу видно, ученый человек.

- Он добрый. Просто вы его рассердили.

- Чем это мы его рассердили?

- А в синагоге?..

Рыбак не хочет вспоминать об этом и возвращается к починке сети. Иоанн оглядывается по сторонам. Погода с утра портится. Темные тучи от финикийского побережья ползут по небу. В их причудливой форме ему видятся какие-то звери.

- А вот и учитель, - произносит он.

Петр отрывается от своих сетей и смотрит на холм. Иисус поднимается на свой любимый пригорок и садится там лицом к озеру и спиной к городу. Ветер треплет его алый плащ, будто флаг.

- Почему он каждый день сидит там?

Иоанн со знанием дела поучает:

- Ему нужно уединение. Иногда человек устает даже от самых близких ему людей.

- Это верно, - вздыхает Петр, вспоминая собственную жену.

Андрей рубит с плеча:

- Значит, вы зануды, если он от вас устал.

- Кто мы? - спрашивает юноша.

- И ты, и твой мытарь, и ваш хрому.

- Мытарь не мой и хрому тоже не мой! - отвечает оскорблено Иоанн. - И мы не зануды!

Просто учителю нужно уединение. Может он с Небом говорит? Он пророк! И видит то, чего мы не видим.

Братья не смеют спорить.

Иоанн вдохновляется.

- Вот и люди какие-то из вашего города сюда идут. Тоже, наверное, поняли, что обидели пророка.

Из Капернаума к озеру спускается толпа мужчин. Они проходят огороды, караванный тракт и направляются к холму, на котором восседает Иисус. Фарисеи гонят перед собою женщину. Петр легко узнает среди них фигуру смотрителя синагоги, и ему это совсем не нравится. Где бы ни появлялся Иаир, всюду начинаются конфликты. Одновременно от таможни к холму поднимается хромой Иуда. Он чуть опережает толпу.

Иисус сидит спиной к городу и не видит происходящего. Он задумчиво чертит палочкой на земле запретное имя Бога, Яхве, которое и в еврейском письме (יהוה), и в латинской консонантной транслитерации *JHVH* формально подобно тавтологии *~H/H*, абсурду *~HH* или парадоксу *~H=H* в греко-символической логике. Он оборачивается и видит приближающуюся толпу. Неторопливо стирает свою надпись, совершая кощунство по иудейским меркам, встает лицом к городу, но затем садится. Он не желает встречать этих людей стоя. Подоспевший Иуда останавливается рядом.

- Не дразни их, - хмуро напоминает он.- Им это и нужно.

Но на лице Иисуса застывает упрямое выражение.

Горожане встают полукругом перед ним и выталкивают вперед молодую женщину. Она падает на колени и смотрит в землю, не поднимая глаз на того, перед кем ее поставили. Девушка стягивает на груди разорванное платье. Платок с нее сорвали, как с публичной женщины, волосы растрепались. На лице ее ссадины.

Маленький Иаир с ненавистью смотрит на Иисуса и издевательски произносит:

- Учитель! Эта женщина уличена в многократном блуде. Чего она заслуживает, по-твоему?

Иисус смотрит на женщину, на Иаира, на фарисеев и произносит холодно:

- У вас есть Закон.

- Закон предписывает побить ее камнями. Так ли нам поступить?

Иаир ставит Иисуса перед выбором: необходимо одобрить убийство женщины или отвергнуть Закон Моисея. И тогда на месте женщины окажется он сам. Именно этого и хочет смотритель синагоги.

Ответ Иисуса радует Иуду:

- Кто из вас без греха, пусть первый бросит камень.

Наступает пауза, необходимая на осмысление услышанного, и фарисеи начинают между собой спор. Кто посмеет сказать, что он без греха? За это самого следует побить камнями. Иаир лихорадочно ищет новый подвох, но его опережает громкий, уверенный голос:

- Только Бог без греха!

Все оборачиваются и видят старшину рыболовецкой артели и лидера местных zelотов Петра. Позади него на полголовы возвышается его брат Андрей, известный на всю округу любитель подраться. Петр значительно и предостерегающе смотрит на Иаира.

- Я знаю, Иаир, что ты меня считаешь своим врагом,- нарушает наступившую тишину голос Иисуса.- Но ты не враг мне. Никогда тебе не стать врагом моим, даже если ты убьешь меня. Я заранее тебя прошу.

У зрителя синагоги начинается приступ. Лицо его нервно дергается, тело становится каким-то развинченным. Близкие подхватывают его и уводят прочь. Он виснет на их руках и бьется так, будто его несут на плаху. Толпа уходит в Капернаум, забыв женщину.

Все это время Иисус сидит неподвижно, как печальный каменный идол.

Последними удаляются братья-рыбаки.

Остаются Иуда, Иоанн и женщина, по-прежнему стоящая на коленях с опущенной головой.

- Женщина, - произносит Иисус, - твои судьи ушли. Ты свободна.

Она бросается к его ногам.

- Благодарю, господин. Вы спасли мне жизнь.

- Тебе спас тот, кто без греха, - со странной иронией отвечает он.

- Благодарю, господин, - твердит она,

- Как зовут тебя?

- Мария из Магдалы.

- Ты свободна, Мария из Магдалы. Возвращайся домой и не зли больше фарисеев. В следующий раз они убьют тебя.

Мария кивает головой и впервые осмеливается поднять глаза на своего спасителя. Она не поднимается с колен и не уходит.

- Чего ты медлишь?

- Мне некуда идти, господин.

- Разве у тебя нет дома?

- Нет, господин.

- Вернись в Магдалу.

- Я не могу туда вернуться.

“Уж, не из харчевни ли она кривого сирийца? - думает Иоанн. - Тогда понятно, почему не хочет возвращаться в Магдалу”.

- Господин, позвольте мне служить вам. Я буду вам рабой, служанкой, наложницей, кем скажете...

- Мне не нужна служанка и наложница. Ты свободна.

- Что мне делать с моей свободой? - горько вздыхает женщина.- Простите меня, господин.

Мария встает на ноги, по-прежнему стягивая руками лохмотья на груди, без платка и медленно уходит, одинокая и несчастная. Очевидно, она идет, куда глаза глядят, чтобы забиться в какой-нибудь угол.

- Постой, Мария, - поднимается Иисус. - Наверное, мы сможем тебя приютить на несколько дней, пока ты поправишься и решишь, куда идти. Иоанн, предупреди Матфея, что мы идем.

Уже то, что учитель вновь вспомнил о нем, чрезвычайно радует юношу. С легким сердцем он бросается вниз с холма и успевает рассказать таможеннику всю историю еще до того, как ее участники появляются во дворе. Матфей разделяет восторг юноши по поводу блестящей победы

Иисуса над фарисеями, но рассудок ему подсказывает, что эта победа плохо отразится на его отношениях с городом. Он всегда стремился занимать нейтральную позицию. Он не хотел ни с кем ссориться, когда принимал у себя трех путников. Но с тех пор его дом стал пристанищем лжепророка, а теперь и блудницы. Город ему этого не простит. “Впрочем, - думает мытарь, - отступить уже поздно”. Конечно, он на стороне Иисуса и против всех фарисеев.

- Найдется ли у тебя место для этой женщины, Матфей? - с порога спрашивает Иисус. - Ей некуда сейчас идти.

- Конечно, учитель.

Во двор несмело входит Мария и робко оглядывается. Ее руки по-прежнему сложены крестом на груди, подол платья вывален в грязи, волосы падают на лицо.

- Ее зовут Мария, и она обвинена в прелюбодеянии, - сразу же уточняет Иисус.

Матфей кивает головой.

- Иди за мной, Мария.

Она бросает неуверенный взгляд на Иисуса, в котором видит своего покровителя, и направляется вслед за мытарем. Он ведет ее на женскую половину дома в самую дальнюю комнату. Мария скромно садится на ложе.

- Благодарю вас, господин.

В греко-сирийском квартале Капернаума Матфей знаком с хозяйкой борделя. Марию можно устроить туда. Но она вовсе не кажется ему распутной женщиной. Что же ее заставило заняться этим ремеслом?

- Тебе нужно омыться и сменить платье. Я принесу тебе воду и что-нибудь из одежды, - заключает он, критически осмотрев ее.

Среди таможенного барахла он находит только греческую тунику. Вместе с водой, гребнем и полотенцем он заносит платье в комнату. Женщина по-прежнему сидит на ложе в том же скованном положении. Матфей опять думает о том, что она вовсе не похожа на распутную женщину. Или же она искусно притворяется скромницей.

- Благодарю вас, господин.

- Приведи себя в порядок. Я покажу тебе дом.

- Я буду выполнять любую работу по дому, господин.

- Хорошо, хорошо. Когда будешь готова, придешь в трапезную.

Он возвращается к себе за стол и утыкается в свою бухгалтерию, которая, благодаря Иуде стала для него проще аристотелевских силлогизмов. В античном мире сборщики пошлин не являются государственными служащими, да и сами границы государств не очерчены точно. Это - частные лица, которые выкупают у власти право на взимание налогов. Таможня приносит Матфею хороший доход.

- Я готова, господин.

Мытарь поднимает голову. Перед ним стоит освеженная Мария. Она убрала густые, длинные волосы на затылок. Греческое платье цвета охры с высокой талией выделяет ее крепкую грудь и складками покрывает изгибы широких бедер. Платье оставляет открытыми ее шею, плечи и руки. По иудейским нормам она - полуголая. Красивое лицо, чувственные губы, золотисто-карие глаза. Матфей смотрит с изумлением. Он видит перед собою греческую богиню. Но она - прекрасная дочь Сиона, наследница Рашели и Ребекки.

Мгновение назад Матфей считал блудницу неприятной обузой, теперь она кажется ему даром судьбы. Ее стыдливая поза и покорный вид волнуют его. Эта красивая женщина - в его доме, и ей некуда идти. Иудеи не хотели дать ему в жены и самую некрасивую из своих дочерей. Теперь он может получить прекраснейшую из них. Матфей понимает, в чем грех этой женщины: она слишком хороша для своей бедности. Или, наоборот, слишком бедна для своей красоты.

Очевидно, именно это приходило в голову всем мужчинам, когда они смотрели на нее. Но он готов на большее, чем все эти мужчины. Он может сделать ее своей наложницей, своей женой, сменить службу и убраться подальше от Капернаума. Он даст Марии дом, достаток и положение добропорядочной женщины в обществе. Да не нужно ему общество! Ему хватит и крохотного острова, если на нем будет эта Цирцея.

- Так ты из Магдалы? - придя в себя, спрашивает мытарь.

- Да, господин.

- У тебя есть родственники?

- Никого.

- Хорошо. Не то хорошо, что их нет, - поправляется он, - а то, что ты попала сюда. Я тебе помогу. Тебя здесь никто не обидит. Меня зовут Левий Матфей. Я сборщик податей. Ты знаешь это?

Мария кивает.

- Мы с тобой оба... изгой. Понимаешь? Таких, как мы, здесь не любят. Но это не страшно. Пойдем, Мария, я покажу тебе дом. Мне нравится твое имя. Мария... Ты голодна?

- Нет, господин. Спасибо, господин.

- Я уверен, что голодна. Пойдем на кухню. Я тебя покормлю.

- Спасибо, господин.

- Зови меня по имени.

- Да, господин.

- Матфей. Скажи.

- Матфей.

- Вот кухня.

Матфей широким жестом показывает ей свое святилище: очаг с котлом, жаровню, амфоры с вином и маслом, мешки с крупами, лари с припасами и множество посуды. С потолка свисают связки чеснока, лука, сухофруктов и копченостей. Отсюда по всему дому распространяются запахи пряностей, которые провозят через его таможню со всего света, и Матфей прикупает для себя лучшие из них.

- Здесь я провожу... проводил раньше много времени. Нравится?

Женщина кивает.

- Теперь ты будешь помогать мне здесь. Ты умеешь готовить?

- Умею.

- Уверен,- с жаром старого гурмана заявляет он, - всякую дребедень из репы и чечевицы. Я научу тебя изысканной кухне. Хочешь вина?

Она отказывается. Ей не хочется обидеть приютившего ее человека, но она знает, зачем мужчины предлагают женщинам вино.

- А я немного выпью. В горле пересохло, - со смешком признается он.

Перед ним стоит прекрасная женщина, которая в его власти. Матфей прелюбодействует в сердце своем. От этого сохнет в горле.

- Это хорошее вино. Попробуй.

- Благодарю ... Матфей. Я не хочу.

- Ты права. Нам нужно познакомиться лучше. А есть ты хочешь? Ну конечно, хочешь. Садись, я накормлю тебя.

Мария понимает, что происходит, и мягко отстраняет его настойчивость.

- Господин, позволь мне вернуться в комнату и отдохнуть.

Матфей ставит чашу с вином на стол.

- Ты права. Тебе нужно отдохнуть... после происшедшего. Конечно, Мария. Но все же

возьми еды, - он начинает спешно накладывать в миску сухофрукты, отрезает кусок копченого мяса, - поешь, когда проголодаешься. Я провожу тебя. У нас еще будет время поговорить

Он отводит ее в комнату и там продолжает что-то говорить, а Мария стоит перед ним, опустив голову, и покорно слушает. Наконец, он оставляет ее и идет на кухню, чтобы хлебнуть еще вина. Мытарь все больше склоняется к мысли сделать ее своей женой. Почему бы и нет? Словом, он уже не жалеет о появлении Марии в своем доме.

Его гости сидят во дворе на ложе под деревом шиттим. Они словно уже забыли о девушке.

- Мне кажется, - высказывает свое неожиданное мнение Матфей, - Мария - хорошая женщина, не по своей воле совершившая грех.

Он не способен сам объяснить это убеждение, но ему хочется думать именно так. Если бы его попросили аргументировать свой вывод, то прозвучала бы древняя, как мир, версия: красота не может быть порочной. Но его никто об этом не просит, лишь Иуда коротко хмыкает.

- Я рад, что она не стеснит тебя, - невозмутимо говорит Иисус.

- Нисколько!

Вечером они ужинают в трапезной при светильниках и горящем камине. Матфей с удовольствием угощает их своими яствами и с не меньшим удовольствием представляет им новую Марию, будто свое удачное приобретение. Та стыдливо показывается перед ними в своем греческом платье, полуобнаженная дочь Сиона. Иисус на мгновение останавливается на ней внимательный взгляд и больше уже не смотрит на женщину. Несомненно, он оценил ее красоту, но это никак не выразилось на его лице. Иуда осматривает ее более откровенным взором, как лошадь на рынке, и, после того как Матфей отправляет Марию на кухню, мрачно шутит:

- Иногда я думаю, что у Бога в канцелярии служат нерадивые ангелы. Они отдают достойные тела недостойным душам и наоборот. А человек потом всю жизнь гадает, отчего он получил такое уродливое тело.

Иоанну понравилась стыдливость Марии. Она не похожа на ту раскрашенную блудницу из магдальской харчевни. И все же его отец Зеведей был бы в ужасе от того, что Иоанн живет в доме мытаря под одной крышей с женщиной, которая обвинена в прелюбодеянии. Месяц назад юноша и сам бы не поверил в это.

- Учитель, мы долго еще здесь пробудем?- спрашивает он, следуя своим мыслям.

- Тебе здесь наскучило? - почти ласково отзывается Иисус.

- Нет, - не смеет признаться юноша в том, что последнее время он помирает от скуки, если не считать его терзаний относительно того, что учитель разочаровался в нем. - Но как же дорога? Нас ждет Царство Небесное. Птицы пропели, кони заржали, львы проревели. Пора в путь.

Иисус улыбается этой цитате из его слов в деревеньке под Каной.

- Пусть поревут еще немного. Знаю, ты хочешь посмотреть мир. Прости меня, мой мальчик. Я забыл о тебе, и готов был оставить тебя одного на дороге. Но нет, я тебя не оставлю.... Дай мне еще несколько дней. Мне нужно собраться.

Иоанн ликует. Он вернул себе любовь учителя. Скоро они покинут это скучное место, и все будет по-прежнему. Учитель, Иоанн и дорога. Они стряхнут со своих ног прах этого отвратительного города, который хотел погубить того, кто больше пороков.

Все последующие дни Иоанн не беспокоит Иисуса. Он ждет и замечает, как тот постепенно оттаивает. Учитель продолжает ходить на свой пригорок, где часами смотрит на водную гладь. Иуда сидит над какими-то бумагами и что-то пишет. Наверное, пересчитывает свои деньги. Матфей принимает караваны и обучает Марию кулинарии.

Иоанн возобновляет прогулки на озеро, но теперь уже прощаясь с ним. Он восприимчив к дыханию жизни и чуток к ее четвертому языковому измерению - ко времени. Это порождает в

нем ощущение скоротечности и необратимости бытия. Мгновения уходят безвозвратно. В одно озеро не войти дважды. Вот он еще здесь, но скоро уйдет отсюда. Много лет спустя он будет вспоминать эти дни, это озеро. Но где они? Их уже не будет. Будут другие дни и другое озеро, даже если он вернется сюда. Почему из жизни нельзя вырезать кусок и носить его с собою в качестве недоеденного пирога? Сейчас он сыт этими днями, они даже тяготят его, и хочется побыстрее изжить их. Но когда-нибудь их так не будет хватать ему! Вот тогда бы, через годы достать эти непрожитые дни с особым запахом и цветом и провести их у того исчезнувшего озера. Жаль, что время нельзя нарезать на куски и откладывать про запас.

Чтобы закрепить в памяти уходящие в прошлое дни, Иоанн напрашивается к Петру и Андрею на рыбалку. Братья соглашаются. На следующее утро его сажают на нос лодки, отталкиваются от причала и гребут на большую воду. Андрей садится за руль. Петр встает под парус.

Вскоре синяя гладь окружает их со всех сторон. Иоанн опускает руку за борт и концами пальцев рассекает воду. Лодка меняет курс и резко кренится на бок. Юноша испуганно хватается за борт, чтобы не вывалится. Братья хохочут.

- Ты умеешь плавать?

- Нет.

- Если хочешь стать рыбаком, лучше научись.

- Я же вам говорил. Мы ловцы человеков, а не рыб, - важно изрекает он. - Мы не плаваем, мы идем.

- Идете?

- Идем в Царство Небесное.

Братья переглядываются, но шутить не осмеливаются.

- Нужно зайти поблагодарить твоего учителя. Моя теща поправляется, - говорит Петр.

- Мы скоро уходим отсюда.

- Когда?

- На днях.

- Тогда я приду сегодня.

Петр опять меняет курс, и треск натянувшегося паруса заглушает его слова. Водная гладь вновь уподобляется качелям.

- Что ты сказал? - переспрашивает Иоанн, уже не показывая своего испуга.

- Приду сегодня.

- Зачем?

- Отблагодарить Иисуса.

- Он не примет плату, - уверенно заявляет юноша.

- Почему?

- Ему не нужны деньги.

- Всем нужны деньги.

- А ему не нужны!

Петр сомнительно смотрит на Иоанна и говорит:

- Я что-нибудь придумаю. Он любит рыбу?

- Не очень.

- А вино?

- Не очень.

- А что он любит?

Иоанн впервые задумывается о том, что же любит учитель. И пожимает плечами. Он, действительно, очень мало знает об Иисусе и его пристрастиях, о том, как он прожил многие

годы в языческих странах и чем увлекался там. Может, он и любит что-то, но юноше это неизвестно.

- Подари ему сандалии.

- Он любит сандалии?

- Да нет же! Просто у него они совсем старые, - поясняет он.

- Сандалии? Хорошо. Бросим здесь, Андрей?

Тот кивает головой, и Петр спускает парус. Братья начинают лов. Иоанн помогает им сбросить сеть. Их лодка стоит почти посреди Галилейского озера. Он осматривается вокруг и видит повсюду воду. Воду и небо. И ни крошки земли, будто всемирный потоп поглотил ее. А небо такое чистое, что там даже ангелам негде спрятаться. Господи, спасибо тебе за этот мир!

Через час они возвращаются с хорошим уловом.

- У тебя легкая рука, - уважительно замечает Петр.

Иоанн в этом не сомневается: Бог любит его. В дом таможенника он приносит десяток отборных рыбин и гордо вручает их мытарю, будто сам поймал.

- Отличные образцы, - восхищается Матфей. - На базаре с тебя возьмут за них денариев пять. Мы с Марией их вычистим, половину нафаршируем и зажарим, а другую половину закоптим. Ты пробовал рыбу с медом?

- Нет.

- Тебе понравится.

Он идет в дом и зовет Марию, чтобы вместе с ней заняться рыбой на заднем дворе. Он верен своему обещанию: научить ее кулинарному мастерству. Все эти дни она помогает ему на кухне, прислуживает за столом. Между ними установились дружеские отношения, и робеет она теперь лишь перед Иисусом. Матфей уверен, что и это пройдет.

- Возьми это и это, - указывает он ей на кухне, - и ступай за мной. Сегодня я научу тебя обращаться с рыбой.

При виде Иисуса, сидящего под акацией, она теряет улыбку, меняет свой легкий шаг, будто споткнулась о его взгляд, и неуверенно кланяется. Иисус холодно кивает ей в ответ. Мария спешит за мытарем, чтобы скрыться на заднем дворе.

- Почему ты дичишься учителя? - ласково спрашивает ее Матфей, от которого не ускользнуло ее смтение. - Поверь, он добрый человек.

- Я знаю,- шепчет Мария.

- Тогда почему ты его боишься?

- Я не боюсь.

- Я видел твое лицо. Ты будто ангела узрела.

- Так и есть.

- Он держится сурово, но тебя не обидит. Учитель - очень мудрый человек. Слышала бы ты его речи о Святом Духе. Он учит свободе. Вот и будь свободнее.

- Я постараюсь.

- Ты его еще полюбишь, как я любил его. Он не ровня нашим книжникам и фарисеям. Ставь блюдо сюда. Ах, какая хорошая рыба! Молодец, Иоанн! Хочешь принять участие в нашем вечере, Мария?

До сих пор Мария ела отдельно в своей комнате или на кухне, лишь подавая мужчинам на стол и тут же исчезая, как принято в Иудее. Но в греко-римском мире так ведут себя только служанки. Матфей намерен воспитать свою будущую жену для свободного общества. Он увезет ее в Декаполис, в город Гадару, где живет его мать и греческая родня. Там их никто не сочтет изгоями. Были бы деньги, а деньги у Матфея есть. Большую часть их он хранит как раз у матери.

- Уверен, никто не станет возражать, если ты сядешь с нами за стол.

- Нет, Матфей. Пожалуйста, не заставляй меня сидеть с мужчинами за столом.

- Почему? - нарочно сердится он, хотя ее скромность ему очень нравится.

- Не знаю, - она пожимает своими обнаженными красивыми плечами.

У Матфея сохнет в горле.

- Будь смелее, - учит он, покашливая от сухости, - тебе не в чем себя винить.

- Ты очень добр.

- Я сборщик податей. Мне нельзя быть добрым. Полей мне воды сюда, на рыбу. Вымоем внутри, и будем чистить. Умеешь? От хвоста к голове.

Он берет нож и показывает ей, как счищать чешую. У Марии не получается так ловко, и пока она чистит одну, Матфей расправляется со всеми остальными. Серебристые струи летят как искры из-под его ножа, будто он точит лезвие о рыбу. Несколько этих серебристых конфетти прилипают к рукам и плечам Марии. Омыв руки, Матфей нежно снимает их с ее смуглого тела, ощущая пальцами его легкую дрожь. Им весело. Он берет поднос с рыбой и, пропустив Марию вперед, следует за ее покачивающимися бедрами. Но во дворе она опять становится скованной, плавное движение бедер сбивается с ритма, а затем ускоряется. Мария быстро проходит в дом, даже не взглянув на сидящих мужчин под деревом шиттим.

Матфей воздерживается от новых замечаний. Вместо этого он учит женщину фаршировать рыбу. Но она становится невнимательной, думая о чем-то своем. Он ее не винит, вдохновляясь собственным творчеством. Руки его профессионально бегают по столу, режут, мнут, льют, вкладывают.

Стук в ворота отрывает его от любимого занятия. Он оmyвает руки, улыбается Марии и выходит из дому. За воротами переминается Петр с холщовым свертком в руке.

- Добро пожаловать, - встречает его мытарь.

Он рад видеть Петра. Добродушный рыбак, сложенный как атлет, изображаемый на дорогих эллинических амфорах, всегда ему нравился.

- Наверное, ты хочешь видеть Иисуса? Проходи и садись. Поужинаешь с нами.

Рыбак мнет свой сверток и проходит к ложу. Все же дом мытаря стесняет его. Да и суровый, немногословный врач, каким он запомнил Иисуса, не кажется ему своим человеком. А если вспомнить его выступление в синагоге и то, что говорил о нем Иоанн, то и вовсе ...

Иоанн призывно ему улыбается, но Петр не знает, с чего начать. Он садится на край ложе и кладет сверток рядом.

Иисус приходит ему на помощь.

- Как твоя теща?

- Теща - хорошо. Она поправляется. Уже ходит.

- Я рад.

- Мы с женой лечили ее, как вы сказали, и меняли повязки на руке. А собака все бежит вокруг камня. Видно, чует кровь.

Иисус его не понимает.

- Ну, камень, которым я кровь тещи придавил, чтобы собака не съела.

Легкий смех Иисуса удивляет Петра. Он не думал, что этот человек умеет смеяться.

- Теперь понимаю. Но за кровь не беспокойся. Она ушла в землю.

- В Законе сказано, что кровь - душа всего живого.

- Я знаю.

- Это так?

- Зачем ты спрашиваешь?

- Я слышал вас в синагоге. Вы говорили, как имеющий власть развязать то, что завязано на небесах.

- Ты хорошо сказал. Я многое могу развязать. Готов ли ты вместить это?

- Я не знаю.

- Тебе следует это знать. Задавая вопросы, можно услышать то, чего не хочешь слышать.

- Наверное, так.

- Ты готов задать свои вопросы?

- Только один. Душа живого в крови?

- Нет.

- Значит, Закон ошибается?

- Да.

Петр встречает прямой, испытующий взгляд Иисуса и выдерживает его. Он не Иаир. Он честно задает вопрос и честно хранит ответ.

- Возможно, господин, позже мне захочется задать еще вопросы.

- Приходи, когда будешь готов.

- Благодарю, господин. Я пойду.

Только встав, Петр вспоминает о свертке.

- Я хотел поблагодарить вас за свою тещу. И вот, примите в благодарность, - он разворачивает сверток и достает оттуда сандалии.

- Сандалии?

По удовлетворенной улыбке Иоанна Иисус понимает, что это его идея, и подавляет свое первое желание отвергнуть подарок.

- Спасибо, Петр.

- Учитель, одень их, - тут же просит Иоанн.

- Потом.

- Одень сейчас. И дай я выброшу твои старые. Они совсем изорвались.

- Отличные кожаные сандалии, - поддерживает Матфей.

Кажется, всем хочется, чтобы он примерил обнову. Никто из них не замечает, как из дома выходит Мария, неся таз и сосуд с водой для омовений. Тот, кто учил ее час назад стать свободнее, смотрит теперь на ее решительное лицо с недоумением. Прочие удивлены не меньше. Петр догадывается, что эта красивая, молодая женщина в языческом, неприличном платье и есть та блудница. Не поднимая глаз на окружающих мужчин, она приближается к Иисусу и, собрав все свое мужество, произносит:

- Позвольте, учитель, - произносит так, будто прыгает в бездну.

Во всеобщем молчании она опускается перед ним на колени, ставит таз с сосудом и развязывает ремни его старых сандалий, делая это медленно и осторожно. Матфей заморожено следит за ее мягкими, женственными движениями. Затем она подставляет таз под ноги Иисуса и моет их водой из сосуда. Окончив мытье, она на мгновение замирает, видимо, осознав, что у нее с собою нет полотенца, нет и платка на голове. Она выдергивает гребень из волос, и густые кудри рассыпаются по плечам. Склонив еще больше свой стан, Мария вытирает ноги Иисуса своими волосами. Он смотрит на нее застывшим взглядом и молчит. Он поражен этой сценой, как и все остальные. Мария берет новые сандалии с ложа, одевает их на омытые ноги Иисуса и обвязывает на щиколотках кожаные ремешки. И лишь после этого она поднимает взор на него.

Иисус по-прежнему молчит. Эта сцена слишком насыщена смыслом, чтобы испортить ее случайными словами. Наконец, он встает, берет ее за руки и поднимает с колен.

- Благодарю тебя, Мария.

Она кланяется и уходит.

Матфей скорбно смотрит ей вслед и бормочет про себя: "Глупец! Слепой глупец!" Мария отдала свое сердце Иисусу еще в первый день. И как он этого не понимал!

Петр смущенно покашливает.

- Я пойду, - говорит он. - До свидания.

Мытарь его даже не провожает. Это делает вместо него Иоанн. С Петром они стали почти друзьями.

- Учителю понравился твой подарок, - доверительно сообщает он. - Завтра увидимся?

- Приходи на озеро.

- Конечно, приду. Ну, прощай.

Иоанн убежден, что Петр уже попал в их сети для ловли человеков, и считает своим долгом помочь новому другу увязнуть в них покрепче. Завтрашний день он посвятит сознательному вовлечению рыбака в круг избранных, - исключительно ради спасения его души. Петр должен быть с ними. Иоанн даже начинает чувствовать за него ответственность. Он не догадывается, что именно так думают все вербовщики душ - от ада до рая, но если бы и знал, не смутился бы. У него добрые помыслы. Впереди Царство Небесное. Он собирает овец в стадо возлюбленного учителя. Этим он будет заниматься всю свою жизнь.

Матфей возвращается на свою кухню. Вечерняя трапеза потеряла для него всякую прелесть. Мария спряталась в своей комнате, как преступница. Позже он заносит ей ужин. Она сидит в темноте, притихшая, серьезная, как будто точно совершила преступление. Возможно, все это время она ждала Иисуса, замирая при каждом звуке в доме? Матфей зажигает ей светильник и ставит на столик миску с рыбой, аромат которой сразу же заполняет комнату.

- Матфей, - произносит она, - я поступила, как ты учил.

- Я учил?

- Ты говорил: будь смелее, не чувствуй себя виновной.

- Как я сразу не догадался? - корит себя мытарь.

- Сразу не догадался? - эхом повторяет женщина.

- Что ты полюбила Иисуса.

- Это так, - признается Мария, - Скажи ему, что я буду ему рабой, наложницей, буду все делать для него, пусть только не прогоняет меня. Скажешь? - умоляюще смотрит она на него снизу вверх. Ее лицо кажется ему прекрасным. Если бы она так смотрела на Матфея ради Матфея!

- Скажу, - угрюмо обещает он и уходит.

Мария остается одна и опять притихает. Она не притрагивается к рыбе и ждет. По отдаленным шумам, доходящим через стены, она догадывается, что трапеза началась. Ужин длится долго, бесконечно долго. Она слышит звонкий голос Иоанна, речь Матфея, короткий говор Иуды. Наконец, ужин заканчивается. Она слышит шаги расходящихся по комнатам гостей. А потом наступает тишина. Мария ждет. Светильник тускло мерцает. Она ждет его шагов. Ничего. Женщина не смыкает глаз всю ночь. Выгорает все масло в светильнике. В оконце под самым потолком начинает брезжить рассвет. Иисус не приходит. Мария опускает голову на подушку. У нее не осталось сил на слезы.

Утром, когда в доме все еще спят или делают вид, что спят, Иоанн перекусывает остатками рыбы в трапезной и отправляется на озеро исполнять свою миссию. Вот бы привести к Иисусу всех рыбаков с этого побережья! Как бы умножилась слава учителя! Ибо Иоанна, как и Бога Израиля, мучит ревность особого рода: мир должен поклониться своему Царю.

Могучим братьям на берегу озера он излагает концепцию языка по-своему, с наивным догматизмом:

- Вначале было слово. И слово было у Бога. В слове Бог создал мир. Вспомните, как сказано в Писании: и сказал Бог, - да будет свет, - и стал свет. В слове была жизнь, а жизнь была душой. А потом Бог отделил от себя Слово, чтобы стало оно Мессией, и послал его в мир. Иисус - свет

миру.

- Ты хочешь сказать, что Иисус - Мессия? - с большим недоверием спрашивает Петр.

- Ты веришь в Мессию? Он пришел.

- Он ведь из Назарета. А сказано, что Мессия придет из Вифлеема.

- Я думал об этом. Но ведь есть в писании и другие слова, что из земли Завулона и Неффалима призовет Господь Мессию. Значит, Петр, из нашей галилейской земли.

- Все-таки странно это.

- Вот послушай его слова. Я больше, чем пророк. Мне тысячи лет. Я устал быть человеком. Святой Дух во мне и Царство Небесное со мною. Я - развязываю небеса. Я - свет миру. Подумай, Петр, кто посмеет говорить такое о себе, если не дано ему свыше? - этот аргумент кажется Иоанну непоколебимым.

Рыбак не смеет возражать против Святого Духа и Царства Небесного. Но очевидные противоречия вызывают у него сомнения.

- Ему нет и пятидесяти лет. Как же он говорит, что ему тысячи лет?

- Ты не веришь Иисусу?

- Верю. Но как же это? Тысячи лет? Он от сотворения мира, что ли, был?

- Конечно. Он был в слове Бога. И Бог послал его в мир.

- В слове? - против такого аргумента Петр не знает, что сказать. Здравый скепсис в отношении реальных вещей покидает его, когда речь заходит об абстрактных сущностях. Слово не пощупаешь, а Царство Небесное в лавке не продают. Человеку неученому трудно в этом разобраться. А Иоанн продолжает сыпать трансценденциями так, будто они у него в кармане лежат.

- Учитель постиг всю мудрость мира: и греческую, и египетскую, и персидскую. Разве может человек постичь столько, если не дал ему Господь это? Когда слушаете его, сами будете дивиться.

Братья так поражены, что им нужна передышка.

- Начинается праздник Ханукка, - говорит Петр. - Приходи вечером к нам. Расскажешь еще об Иисусе.

Юноша охотно соглашается. Ему понравилось расставлять сети. И он уже не боится Капернаума. Могучие братья на его стороне. Он даже не идет обедать на таможню. Весь день он проводит на озере с рыбаками, помогает им чинить снасти, наскоро перекусывает вместе с ними, и вечером они идут в Капернаум.

Город готовится к субботе. В дверях синагоги стоит Иаир и следит за тем, как женщины метут двор перед ним. Закрываются лавки, пустеют мастерские, прохожие торжественно приветствуют друг друга и спешат в свои дома, украшенные пальмовыми листьями и кедровыми ветками в честь праздника очищения храмового алтаря от языческой скверны, проведенного двести лет назад Иудой Маккавеем. (Спустя столетия, этот праздник странным образом перепутается с Рождеством Христа и началом нового года, который до этого начинался у всех народов со дня весеннего равноденствия.)

В греко-сирийском квартале тоже готовятся к субботе, которая у них наступит с завтрашним рассветом в отличие от иудейского счета дней по закатам солнца. Хозяева харчевен и погребов запасаются вином и закусками. В казармах солдаты ждут банно-увольнительного дня.

Добротный дом братьев поделен на две части. В одной живет Петр с женой и тещей, в другой - холостой Андрей с их матерью. За столом на половине Петра собирается вся семья. Горят субботние светильники, блюда, менее изысканные, чем у Матфея, заполняют стол. Иоанна сажают на почетное гостевое место. Братья надевают на лбы повязки маккавеев. Его

удивляет, что двух гигантов окружают такие мелкие даже по его меркам женщины. Поначалу он путает обеих старушек - маленьких, сухих, тихих призраков в платочках, пока не замечает, с какой гордостью одна из них посматривает на могучих братьев. Нельзя сомневаться, - это она их родила каким-то чудом. Жена Петра Цилла с недоверчивым, плаксивым выражением лица ему не нравится. Эта бесплодная смоковница держит мужа на короткой привязи. Она остерегается всех женщин и не подозревает, что ей следовало бы остерегаться и юноши, этого ловца человеков. Впрочем, он ей тоже не нравится

- Вы живете у мытаря Матфея? - спрашивает она.- И блудница с вами? Какой ужас! - и она поджимает свои и без того узкие губы.

С некоторых пор Иоанн терпеть не может фарисейское благочестие.

- Ее приютили на несколько дней. Ей некуда было идти! - сердито заявляет он.

- Конечно, некуда. Кому нужна такая?

Иоанн не хочет спорить, но Цилла не унимается.

- Она вам, значит, моет ноги. А что еще делает?

- Прекрати!- обрывает ее Петр.

Ему стыдно перед юношей. Он по-семейному рассказал ей о сцене с омовением ног Иисуса, которая показалась ему очень целомудренной, но жена извратила все.

- Почему? Тебе тоже жалко блудницу?

- Мне нет до нее дела.

- Вот как? Пусть она творит, что хочет?

- Господь мой! Вразуми эту женщину.

- Не поминай Господа всуе!

Петр виновато смотрит на гостя и устало говорит жене:

- Просто забудь эту историю. Она не касается ни тебя, ни меня.

Иоанн считает нужным вступить за честь учителя.

- Мария не делает ничего такого, о чем вы подозреваете. Она все дни проводит в отдельной комнате и скоро уйдет.

Цилла недоверчиво смотрит на него. Юноша кажется ей чистым. Женское чутье подсказывает ей, что он еще девственник.

- Но Иаир говорил, что у вас там Вавилон.

- Опять этот Иаир!

Иоанн сочувственно смотрит на Петра и выпаливает:

- Да он же бесноватый!

И навсегда лишается расположения Циллы, которая поучительно говорит:

- Иаир - богобоязненный человек. А вы и Бога не боитесь.

- Мы будем праздновать или нет сегодня? - вмешивается Андрей.

Наконец, вспоминают о празднике. Выпивают за Иуду Маккавея, за род Хасмонеев и за освобождение Израиля от власти римлян.

Петр предлагает Иоанну рассказать об Иисусе. Но тому уже не хочется говорить о возлюбленном учителе при бесплодной смоковнице. Встав на стезю агитатора, юноша теперь хорошо понимает, что значит не давать святыни псам и жемчуг свиньям.

- Учитель принес в мир свободу, - неохотно говорит он.

Женщина подозрительно косится на него. Свобода ей тоже не по нраву.

Петр понимает, что откровенного разговора не получится. Следуя древней мужской солидарности, он решает избавиться от присутствия жены и поговорить с юношей позже. Он предлагает ему остаться на ночь.

- Время уже позднее. Мы постелем тебе у Андрея. Так, брат?

- Конечно. Оставайся,- поддерживает его Андрей.

- Ну, тогда сейчас и пойдём.

Под предлогом проводить гостя Петр исчезает надолго. Две половины дома отделяет друг от друга дверь, которую Цилла открывает крайне редко. Брат мужа давно дал ей понять, что она не будет хозяйничать на его территории. Братья быстро накрывают новый стол, их старушка-мать, пожелав доброй ночи гостю, уходит на отдых, трое мужчин остаются одни за столом, предвкушая добрый мужской разговор под чашу доброго вина.

- Ну, рассказывай!

В сознании Иоанна Иисус уже вполне стал Мессией-Христом, но еще не оформился в Сына Бога. Приход Мессии давно был предсказан пророками, царя-освободителя ждет весь Израиль, но пророкам и голову не приходило посягнуть на монотеизм своей религии и признать долгожданного Христа сыном Яхве, незримого и бесплотного. Но все высказывания Иисуса ведут Иоанна, который и не мыслит отречься от единого Бога, к тому, чтобы признать учителя не человеком, но кем-то большим, чем человек.

- Ты говорил, он может совершать чудеса? - спрашивает его Петр.

- Он совершил чудо в Кане. Он превратил воду в лучшее вино на свете. Я пробовал его и с тех пор не люблю вино.

- Да, ты почти не пьешь, - соглашаются братья, налегая сами на свои чаши.

- А в Назарете он не стал совершать чудо. Для чудес нужна вера, а в Назарете ему не верили. Его даже хотели убить и повели на окраину города, чтобы сбросить вниз с горы.

- И что же?

- Господь не позволил им. Они стали как неразумные бараны, и учитель прошел мимо их рук.

- Расскажи еще.

- Все дело в Божьем слове. Учитель и есть это слово. Он несет свободу Израилю.

Далеко за полночь Петр возвращается на свою половину. Проходит к постели и шумно ложится.

- Вдоволь наговорился? - бормочет проснувшаяся Цилла.

- Спи, женщина.

- Да ты пьян!

- Сегодня праздник. Свободу Израилю! Свободу человеку!

Петр проваливается в сон, так и не сняв повязки маккавея со лба.

На следующий день Иоанн покидает дом братьев уже ближе к полудню. Он вспоминает, что даже не предупредил учителя о своем визите к Петру. Наверное, его ищут. По улицам гуляет молодежь, старики сидят у ворот домов, резвятся дети. От озера возвращается с купания отряд римских оккупантов в алых плащах. Колонна ползет по улицам Капернаума как багряный зверь. Впереди солдат несет значок манипула, будто печать на челе зверя. Горожане, празднующие освобождение Израиля от ига Селевкидов, провожают их хмурыми взглядами. Иоанн отступает на обочину, пропуская мимо себя колонну захватчиков, и лишь потом возвращается на дорогу. У синагоги вертлявый Иаир спорит о чем-то с фарисеями. Юноша даже не смотрит в их сторону. Он минует огороды и видит у таможни вереницу мулов, запряженных в повозки. Хромой Иуда о чем-то говорит с купцами. Он держится важно, по-господски. И купцы ему почтительно кланяются.

Из дома выходит Матфей и ведет за собой Марию, уже одетую в иудейское платье с большим платком на голове и плечах. Мытарь помогает ей сесть в одну из повозок. Она покорно опускается среди мешков и застывает в своем белом платке как соляной столб. У ворот таможни появляется Иисус. Погонщики кричат, щелкают кнутами, и караван трогается. Белая фигура

женщины в повозке покачивается, и, словно проснувшись, Мария что-то кричит Иисусу. Он стоит не шелохнувшись. Караван уходит на юг, в сторону Иудеи. Иисус разворачивается и уходит на свой любимый пригорок. Он долго сидит там один. И смотрит на воду. И опять что-то чертит на земле, а потом стирает.

Матфей встречает Иоанна короткой улыбкой. Он ни весел, ни грустен. Но очень серьезен.

- Где же ты был? - спрашивает он.

- Я гостил у Петра.

- Мы так и подумали. Есть хочешь?

- Нет, я не голоден. Я видел, как уехала Мария.

- Да. Так захотел учитель.

- Ну и хорошо. Меньше сплетен будет в городе.

Матфей как-то странно смотрит на юношу, но ничего не говорит и уходит в дом.

Иоанну нечего делать на таможне. Он садится на камень у ворот и задумывается. Отчего Матфей на него так посмотрел? Правильно поступил учитель. От женщин разве бывает что хорошего? Взять Петра с его женой. От женщин лучше держаться подальше. Конечно, потребность в них иногда мучительна. Но ведь терпеть можно. Иоанну хочется женской любви. Когда он думает об этом, он вдруг понимает, что ему не хватило бы любви одной женщины. Он хотел бы, чтобы его любили тысячи женщин: красивые и не очень, иудейки и язычницы, черные и белые. И тогда он приходит в ужас от собственной ненасытности. Лучше не знать женщин вовсе. Жить без них, как учитель.

Какой-то всадник появляется на тракте с той стороны, куда пару часов назад ушел караван. Когда он подъезжает ближе, Иоанн вскакивает от удивления. Он узнает во всаднике своего брата Иакова. И тут же дурное предчувствие охватывает его. Иаков спешивается, и они обнимаются.

- Как отец? - в страхе спрашивает юноша.

- Отец тяжело болеет.

Он облегченно вздыхает, будто услышал хорошую весть. Болеет - значит живой. Все умрут, но никому не приходит в голову оплакивать живых. Даже когда человек смертельно болен и всем ясно, что он умрет, траур не начинается раньше его последнего вздоха.

- Отец послал меня за тобой. Он хочет тебя видеть. Ты очень огорчил его, когда ушел с этим бродягой.

- Учитель не бродяга.

- А кто же он? У него нет ни дома, ни семьи, ничего. У него пустые руки. Только пустой человек живет с пустыми руками. Даже его родные так считают.

- Перестань, Иаков.

- Пустой человек с пустыми руками, - твердит Иаков, видимо, повторяя слова Зеведея. - Он и тебя таким же хочет сделать.

- Ты не понимаешь, брат. Я объясню тебе.

- Нет времени на разговоры. Отец при смерти. Садись на коня, и поехали.

- Я должен попрощаться с учителем. Зайди в этот дом. Отдохни немного.

Иаков только теперь осматривает таможню.

- Ты живешь в доме мытаря?

- Все меня об этом спрашивают. Да, в доме мытаря! Он - хороший человек.

Иаков удивляется своему младшему брату, а Иоанн узнает в нем себя прежнего.

- Подожди меня. Я поговорю с учителем. Не хочешь заходить, хоть коня напои.

- Я напоил его у Магдалы.

- В харчевне кривого сирийца?

- В какой харчевне, брат? Я скакал сюда без передышки. Коня напоил у реки. Поспеши,

Иоанн.

- Я недолго.

Иоанн устремляется на холм, где сидит Иисус. Услышав шаги, тот оборачивается. Слегка задохнувшись то бега, юноша переводит дух и выпаливает:

- Учитель, мой отец умирает. Иаков прискакал за мной. Мне нужно срочно вернуться в Назарет.

Иисус холодно молчит, не выражая ни участия, ни сострадания. Это немного обижает юношу.

- Мой отец умирает.

Иисус лишь кивает головой.

- Учитель, пойдем вместе.

Было бы замечательно, если бы его отец помирился перед смертью с учителем. Перед лицом вечности люди должны становиться мудрее. Что им делить?

- Нет нужды хоронить тех, кто всегда был мертв.

Иоанн потрясен. Эти слова так не соответствуют его представлениям о мудром и милосердном учителе.

- Это мой отец, - растерянно бормочет он.

- Пусть мертвые погребают своих мертвецов.

- Учитель, прошу тебя.

Иисус холодно смотрит на юношу:

- Чтобы твое “да” было “да”, нужно сначала научиться говорить “нет”. Ибо трудно сказать “нет” сильному, потому что он сильный. Трудно сказать “нет” слабому, ибо он слабый. Трудно сказать “нет” ближнему, ибо он ближний. Трудно сказать “нет” чужаку, ибо он чужак. Я всю жизнь учился говорить “нет”. И говорю тебе сейчас: нет!

Иоанн готов расплакаться. Его душа разрывается между любовью и долгом.

- Учитель, он родил меня и вырастил.

- В Царство Небесное, Иоанн, не ходят компанией. Туда не идут с отцом или с братом, с женой или с детьми. Каждый идет туда, как рождается, - один.

- Ты не хочешь, чтобы я пошел похоронить своего отца?

- Я не могу запретить тебе это.

- Но ведь ты... ты тоже умрешь когда-нибудь. И тебе нужно будет достойное погребение, учитель.

- Я предпочел бы исчезнуть бесследно. Вон, в тех горах, - Иисус небрежно указывает рукой на Галилейские горы.

Юноша смотрит на него с недоумением. Неужели в эту минуту Иисус смеется над ним? Такое бессердечие.

- Учитель, мне ведь плохо.

- Я не желаю тебе, мой мальчик, страданий и потерь. Они сами к тебе придут. Но я не желаю тебе благополучия и счастья. Пусть тебе будет плохо.

Иоанн застывает в скорбном размышлении как изваяние.

- Я все же пойду, - произносит он наконец.

- Прощай.

Спускаясь вниз со склона, он все еще не может поверить в происшедшее. Учитель порвал с ним. Это невозможно! Сейчас Иисус окликнет его, ласково улыбнется и благословит на сыновний долг. Дети должны погребать своих родителей. Это свято. Неужели Иисус всерьез может хотеть, чтобы Иоанн оказался неблагодарным сыном? Нет, учитель не может желать такого!

Но Иисус его не окликает. Иоанн оборачивается. Иисус опять сидит спиной к городу и смотрит на воду.

На Иоанне нет лица, когда он садится позади брата на коня и уезжает, даже не попрощавшись с Матфеем, в доме которого прожил около двух месяцев. Он стал здесь отверженным. Уже отъехав на сотню метров, он бросает прощальный взгляд на таможенную стоящую между Капернаумом и Галилейским озером. В одно озеро не войти дважды. Эта страница его жизни перевернута навсегда. Как все плохо!

Дом Матфея стремительно теряет своих жильцов одного за другим. В один день его покинула Мария, затем Иоанн, а на следующий день его покидает Иисус.

На камне у ворот сидят Иисус с Иудой.

- Я устал, Иуда. Мне кажется, вся скорбь мира собралась во мне. Где-то сейчас от голода плачет ребенок, и этот ребенок - я. Где-то сейчас гибнет армия, и эта армия - я. Где-то сейчас горько плачет женщина, и это женщина - я. Где-то сейчас тяжело умирает старик, и этот старик - я. Где-то сейчас страдает человек под пыткой, и этот человек - я. Я не могу больше нести это на себе.

Наступает пауза. Иуда не задает вопросов.

- Я видел сон, - продолжает Иисус. - Был пир, и я сидел со многими за столом, полным яств и напитков. А потом внесли блюдо с сердцем. И я его ел. И когда ел, вдруг понял, что это - мое сердце. Я ел свое сердце. Ты тоже был со мной на том пиру. Мы вместе ели мое сердце.

Иуда внимательно вглядывается в Иисуса. У него действительно очень усталое, тяжелое лицо. Пришла очередь Иуды говорить.

- Сны? Что они значат? Я не знаю, - произносит он. - Я иногда вижу один сон. Это дом моих родителей, моей семьи. Все комнаты полны людей, и они меня раздражают. От них некуда спрятаться. Я вижу своего отца - таким, каким я его запомнил, и вижу себя - таким, какой я есть сейчас. Я уже старше его, но в том сне мы все равно остаемся отцом и сыном. Старый сын еще молодого отца. Между нами происходит спор. Возможно, из-за гостей во всех комнатах. Спор, какой бывает между близкими людьми. Готовые отдать друг другу многое, они вдруг не хотят поступиться пустяком и скорее умрут, чем согласятся. Так мы спорили с отцом, не желая уступить друг другу. Тогда отруби мне голову, сказал я ему. И мы идем искать подходящее место для этого. Но все комнаты заняты людьми, и мы идем мимо них в поисках свободного места. И вот, мы входим в пустую комнату, я кладу свою голову на стол и думаю: теперь он отступит, деваться ему некуда. А через мгновение я с изумлением понимаю, что мой отец отрубил мне голову. Боли нет. Я вижу собственную голову и чувствую только изумление. Он это сделал.

Иуда хмуро усмехается.

- Однажды в Дамаске я встретил одного базарного прорицателя. Я рассказал ему этот сон. Его ответ сводился к тому, что моему отцу грозит опасность. К тому времени мой отец уже двадцать лет лежал в гробу. Этот прорицатель еще кое-что мне нагадал... - Иуда на мгновение замолкает и смотрит на Иисуса, словно решая что-то про себя, и затем произносит, - но это не имеет значения. Прорицатель ведь не стоил тех денег, которые я ему заплатил.

И опять наступает долгая пауза. Им не нужно заполнять время словами, они оба умеют молчать.

Декабрьское небо в последние дни иудейского месяца Кислев затянуто завесой черных туч. Иисус начинает говорить, медленно, почти с видимым усилием выдавливая из себя фразы.

- Жизнь кажется самым естественным занятием. Жить... это умеют даже дети. Но иногда на жизнь не остается сил. Тяжело слушать... говорить... даже дышать трудно. Я изнемог на дороге. Мои руки пусты, - он поднимает свои ладони, словно удостоверившись в справедливости своих слов, - почти пусты. Осталось выпустить из них жизнь. Иуда, здесь нам придется

расстаться. Я хочу остаться один. Я пойду туда, в горы. Сейчас.

Иисус встает, за ним Иуда. Он еще ничего не понимает.

- Прощай, - Иисус коротко обнимает ошеломленного спутника и разворачивается, чтобы уйти.

- Постой. Не хочешь взять с собой еды, денег?

- Нет.

- Попрошайся хоть с Матфеем.

- Передай ему мою благодарность.

Иуда при всей его черствости поражен таким расставанием.

- Я буду ждать тебя здесь, - кричит он вслед Иисусу.

Не оборачиваясь, Иисус поднимает руку и машет ею. Это можно принять за согласие или считать прощальным жестом. Иуда стоит у ворот таможни и долго смотрит вслед Иисусу. Тот медленно удаляется по караванному тракту на север. Он уходит в противоположную сторону от Магдалы, по направлению к которой умчался вчера Иоанн, пересекает речушку, стекающую с Галилейских гор, и движется к Хоразину, лежащему у подножия этих самых гор. Там, еще дальше и выше расположен город Мерон, знаменитый гробницами основателей фарисейства Гиллеля и Шаммая. А за ним безлюдные вершины. Очевидно, Иисус направляется именно туда. Иуда почти уверен, что видит его в последний раз.

Часть вторая

ПЕТР

“Было начало начал. Было доначало начала начал. Было предначало доначала начал начал. Не было ничего. Не было имен. Только шорох безымянного небытия. Небытие изрекło себя: “Небытие”. И тотчас стало сущим, стало бытием. Бытие оглянулось вокруг и нашло только себя. Бытие позвало: “небытие”. Но назвало сущее, назвало самое себя. И поняло бытие, что не может вернуться к тому, из чего вышло. Ибо бытие могло быть в сущем, а небытие не могло быть. “Небытие” не есть небытие. “Небытие” есть имя сущего. Истинно, небытие не может быть названо “небытие”, ибо небытие без имени”.

Матфей сидит в трапезной и читает греческий свиток из сумы Иисуса. Александрийский переводчик снабдил манускрипт краткой преамбулой о том, что эта книга из страны серинов на далеком востоке, где производят тончайший шелк из нитей бабочек и благородную посуду не толще яичной скорлупы.

Напротив него, опершись на локоть, возлежит Иуда и просматривает свои бумаги, которые он хранит в эбеновом пенале. Вот уже две недели они живут вдвоем после того как сначала, даже не попрощавшись, исчез Иоанн, а за ним Иисус. Юноша спешил к больному отцу, это было понятно и простительно, но неожиданный уход Иисуса выглядел странным. Иуда лишь передал благодарность его и сказал, что Иисус ушел по личным обстоятельствам на север. В какую бы дорогу не собирался человек, на север или в любую другую сторону, он имеет обыкновение брать с собою самые необходимые и дорогие ему вещи. Куда можно идти, оставив все до последней полушки?

Матфей возвращается к чтению манускрипта.

“Было начало начал. Было доначало начала начал. Было предначало доначала начал начал. Не было ничего. Не было имен. Только шорох безымянного небытия. Небытие изрекło себя: “Небытие”. И тотчас стало сущим, стало бытием. Бытие оглянулось вокруг и нашло только себя. Бытие позвало: “небытие”. Но назвало сущее, назвало самое себя. И поняло бытие, что не может вернуться к тому, из чего вышло. Ибо бытие могло быть в сущем, а небытие не могло быть. “Небытие” не есть небытие. “Небытие” есть имя сущего. Истинно, небытие не может быть названо “небытие”, ибо небытие без имени.

Бытие назвало себя: Я. И услышало: Ты. Разве нас двое, удивилось бытие. И ответило само себе: конечно, двое, ведь я с кем-то говорю. Я узнало себя и говорю как с Ты. Если бы Я было только Я, Я не знало бы себя, но было как небытие. Истинно: чистое Я невозможно произнести, ибо Я не имеет имени. Истинно: чистое Я и небытие – одно”.

В памяти Матфея всплывает его первая встреча с Иисусом. Тогда за ужином учитель говорил именно об этом, а он сожалел, что не имел возможности это записать. Иисус говорил, что Святой Дух - один на всех. Всякая душа исходит из него при рождении и возвращается в него после смерти. Это изумительно и прекрасно. Но смерть остается смертью. Человека не пугает вечность позади него, его пугает вечность впереди него. Думая о далеком прошлом, о своих предках, он не приходит в ужас от того, что его еще там не было. Он приходит в ужас, думая о будущем, о потомках, среди которых его уже не будет. И учитель это хорошо знал. Он говорил, что человеку не достаточно одной истины. Ему еще нужно освободиться от человеческого. Но многим на это не хватает всей человеческой жизни. И, пожалуй, им не хватит и трех жизней. Человек хочет жить. В сущности, это его единственное желание. Он согласен даже на ад, если там есть жизнь. Небытие ему страшнее всего.

Матфей вспоминает вчерашнюю сцену, в которой на него дохнула смерть, и он мигом забыл всю свою философию.

Они сидели у ворот таможни на камне, он и Иуда. Матфей давно уже перестал гадать, о чем думает его молчаливый гость. Иуда не поддерживал обычные для людей диалоги, он принимал чужие монологи, если не считал их пустыми и никчемными. В противном случае он просто

переставал слушать человека. Столкнувшись пару раз с таким невниманием, Матфей перестал вести разговоры ради вежливости. Так они теперь часто молчали на двоих. Если возникала необходимость что-то сказать, они говорили, и мытарь научился ценить такое немногословие.

Они сидели у ворот таможни и грелись на январском солнце, когда Матфей увидел движущуюся от Галилейских гор со стороны Хоразина кавалькаду всадников и поначалу принял ее за очередной караван. Когда они подъехали ближе, он понял, что это не купцы, а группа всадников в белых повязках маккавеев, и узнал в них одну из банд галилейских зелотов. Их называли сикариями - кинжальщиками. Такие банды гоняли по всей Галилее под носом у римлян и наводили страх на обывателей. То тут, то там они кого-нибудь убивали, устраивая показательные казни для тех, кто сотрудничает с захватчиками. Матфею тут же захотелось убраться с их пути, как он всегда это делал при виде таких отрядов. Но Иуда, тоже заметивший их, и не думал двигаться. Его спокойный, уверенный вид устыдил мытаря, и он продолжал сидеть, чувствуя, как холодеет его спина.

Кавалькада уже скакала совсем рядом, надвигаясь прямо на них. Оскаленные морды лошадей в удилах, оскаленные лица разгоряченных молодцов, черные развевающиеся плащи, под которыми видны кинжалы и сабли, - их вид устрашал. Эти оскаленные кони - люди, пьяные от взятой на себя власти убить любого на их пути, именно на такой эффект и рассчитывали. Матфей молил Бога пронести их мимо таможни. Но тут первый всадник резко осадил коня, и за ним чуть дальше остановились все остальные. Матфей приготовился к смерти, т.е. задрожал от страха. Всадник приблизился к ним. Дорогая сбруя на его коне, как и кинжал за поясом, были украшены серебром.

- Друг Иуда! Вот ты где! - усмешливо произнес он. - Давно не виделись.

- Давно, - холодно согласился Иуда.

- У тебя проблемы с таможней? - всадник взглянул на мытаря как на вредное насекомое, которое он готов сейчас же растоптать своим конем.

- Я здесь живу.

- Ты живешь в доме мытаря?

- Я жил во многих домах, бар-Аббас. Большинство из них тебе бы не понравилось.

Теперь Матфей вспомнил его. Это был тот самый спутник Иуды, который чуть не зарезал Матфея пару лет назад.

- А где твой друг - миротворец? - продолжал всадник. - Или его уже убили за его длинный язык?

- Если хочешь поговорить, сойди с коня, - не отвечая на вопрос, произнес Иуда.

- Поговорить? Ты ведь больше не с нами, старый друг, - нехорошо улыбался бар-Аббас. - Так о чем нам говорить?

Все это время Матфей мучился страхом - и мучился вдвойне, сознавая всю унижительность своего животного страха перед этим самодовольным, невежественным убийцей, но не мог совладать с собою. Он видел перед собой смерть, и ее лик был невыносим.

- Не буду вам мешать, - пробормотал он, собираясь уйти с глаз этого палача и стряхнуть с себя сковавший его страх.

- Сиди, - раздался властный голос.

Матфей застыл на месте и растерянно взглянул на всадника. Но тот только ухмылялся и молчал.

- Сиди, - повторил Иуда. - Ты ведь слышал, нам не о чем говорить. Бар-Аббас уже уезжает.

Всадник усмешливо оскалился.

- Прощай, старый друг. Не скажу, что был рад тебя видеть, - он резко рванул коня за узду, развернул его и пустил с места в галоп, хлопнув плетью.

Вся банда с гиканьем понеслась прочь от таможи по караванному тракту к Магдале. Иуда брезгливо отвернулся от камешков и комков земли, полетевших в их сторону. Сковывающий страх отпустил мытаря, и ему стало стыдно. Чтобы как-то сгладить свое малодушие, он пробормотал:

-Какое подходящее у него прозвище: бар-Аббас - сын ярости. Наверное, так прозвали его зелоты?

-Не знаю. Когда мы впервые встретились, он назвался именно так: Иисус бар-Аббас. Думаю, это прозвище дали ему его галилейские головорезы.

Мытарь уважительно посмотрел на Иуду, которого банда и ее главарь ничуть не испугали, и очень вежливо спросил:

-У вас была партийная кличка?

-Нет. Иногда меня называли по прозвищу моего отца. Сикариот.

-Сикариот? Человек - кинжал?

-Человек с оружием. Соратник.

-А почему его так называли?

Собеседник Матфея на мгновение задумался, словно решая, говорить ему или нет, и произнес:

-Это было давно. Я уже не помню.

Матфей не стал настаивать. Вместо этого он решил спросить о том, что давно хотел узнать.

-Скажите. Почему вы тогда, пару лет назад, не дали бар-Аббасу убить меня? Ведь вам не жалко было какого-то мытаря?

-Не жалко.

-Тогда - почему?

-Я не люблю вида крови.

-Понимаю. Я встречал людей, которые боятся вида крови.

-Я не сказал: боюсь. Я сказал: не люблю.

-А почему бар-Аббас вас послушался?

-Я был казначеем партии. Я давал деньги, оружие таким, как он.

-И вас отпустили?

-Разве я был в рабстве? - стал сердиться Иуда. - Я решил уйти и сказал им об этом.

-Я думал, из этой партии нельзя уйти.

-Не все зелоты такие, как бар-Аббас. Он всего лишь боевик, который вообразил себя самым важным. Носится со своей бандой по Галилее и думает так изгнать римлян. Такие долго не живут. Рано или поздно римляне его схватят и казнят, если не убьют еще раньше свои бандиты. Армию может изгнать только армия. Такой армии нужны деньги, много денег.

-Почему же вы ушли? Разочаровались в зелотах?

-Я разочаровался в мести, - сухо заключил Иуда, давая понять, что разговор окончен.

И теперь, сидя в своей трапезной, Матфей вспоминает свой страх и понимает, что Иисус всегда прав. Смерть нельзя победить, забыв о ее существовании. Она сама напомнит о себе, и чем неожиданнее будет это напоминание, тем страшнее оно окажется. Чтобы победить смерть, ее нужно принять. Учитель говорил:

-Ищите Царство Небесное. А все остальное приложится.

Матфей уважительно взглядывает на возлежащего напротив Иуду, который по-прежнему что-то пишет в своем пергаменте из черного пенала. Он был казначеем зелотов. Вот почему он хорошо разбирается в финансовых бумагах. Но он больше не с ними. Какие же отчеты он ведет до сих пор и хранит в своем эбеновом ящике?

-Можно мне спросить? - вопрошает Матфей.

Иуда отрывает взгляд от своей рукописи и произносит:

-Почему-то я уверен, что спросишь ты о личном.

Матфей расценивает это как разрешение.

-Зачем вы пошли с Иисусом?

-Зачем один человек идет за другим?

-По разным причинам. Ради общей цели, ради выгоды, ради власти, ради дружбы, любви, долга...

-Иногда человек идет за другим человеком, чтобы понять его.

-Как это по-философски! - восхищается Матфей.

Смешанное воспитание, полученное им, в юности, когда он скитался от отца-иудея к матери-гречанке, избавило его от фарисейской узости и провинциализма, от того сознательного невежества, которое не хочет знать новое, чтобы не утратить старое, привычное. Иудаизм претендовал на универсальность, но это была провинциальная универсальность. Все сводилось к Писанию, ибо оно называлось Священным. Иудейские пророки являли образцы патриотизма, но не интеллектуализма.

Человеческая речь имеет, по крайней мере, четыре уровня: бытовой, которым владеют все, литературный, философский и математический. Когда александрийские евреи перевели Писание на греческий язык и ввели его в мировую литературу, стало очевидным, что Писание владеет лишь вторым языковым уровнем, но не достигло третьего. Триста лет спустя после перевода Септуагинты александрийский раввин Филон взялся вывести Писание на этот третий уровень, чтобы совместить его с платонизмом, поскольку именно это идеалистическое учение было ближе всего к доктрине единого бога. Для теологии материализм эпикурейцев и мистическое учение гностиков о Софии, которую Иисус называл Святым Духом, были одинаково неприемлемы. Филон стал интерпретировать Тору как философскую аллегория. В Израиле это сочли кощунством, евреи Империи расценили это как шаг вперед.

Александрия поделена на пять кварталов, названных по первым буквам греческого алфавита. Квартал Дельта заселен исключительно евреями. Уникальный в языческом мире монотеизм толкает их и здесь к изоляции. Спустя несколько лет после смерти Тиберия в 37 году от Р.Х. и восшествия на трон Гая Калигулы, нынешний губернатор Египта Флакк инициирует чудовищную резню евреев в квартале Дельта. Раввин Филон во главе посольства отправится в Рим просить у императора защиты для евреев. Флакк будет сослан и убит. Раввин увидит в этом торжество Бога Израиля, а когда чуть позже убьют и бесноватого Калигулу, - еще одну победу Господа.

А пока он пишет одну книгу за другой. Насмешки над религией отцов вынудили его взяться за этот труд. Просвещенные граждане империи находили теологию иудаизма примитивной. История о Боге, который сотворил мир в шесть дней, а на седьмой, устав, будто жалкий ремесленник, решил отдохнуть, забавляла многих. Септуагинта перевела слово Божье, Филон взялся за перевод Божьей мысли, намереваясь доказать, что только невежда способен воспринимать Тору буквально. Умный же человек должен искать в ней глубокие аллегорические смыслы. И в первой же своей книге "О сотворении мира согласно Моисею" он писал: "За шесть дней, говорит Моисей, был сотворен мир - не потому, что творец нуждался в некоей временной протяженности, ибо Богу, не только когда он повелевает, но и когда замышляет, свойственно все делать сразу, - но потому, что возникающим вещам был необходим порядок. Порядку же свойственно число. А по законам природы из всех чисел самое важное при возникновении есть число шесть".

Публичные чтения Филона стали традицией в квартале Дельта. В этот вечер за сотни километров от Капернаумской таможни в Главной синагоге Александрии он читает свое

очередное сочинение “О потомках надменного Каина”. В назначенный час блистающая золотом синагога заполнена людьми, а улица перед нею напоминает театральную площадь. У огромных жаровен греются слуги, дожидаясь своих господ, рабы с паланкинами выстроились в ряд, несколько конных упряжек ждут самых знатных и тех, кто не живет в квартале Дельта. Александрийские евреи, которые сильно эллинизировались за многие поколения, живущие в диаспоре, и позабыли родной язык, внимают раввину Филону с восторгом. В своем декламационном искусстве он тоже реформировал традицию, сочетая иудейскую напевность чтения с отчетливой риторикой. Эту манеру чтения не приняли бы ни иудеи, ни греки, но александрийским евреям она по нраву.

- Так каково же оно, мнение нечестивого человека? - читает Филон свой труд притихшему собранию. - Что человек есть мера всех вещей. Этому мнению, говорят нам, придерживается также другой древний софист Протагор, отпрыск Каинова безумия. Ведь если мерой всех вещей является человек, то все вещи на свете - это милость и дар ума... Каиновы жители - это мнимые мудрецы, приверженцы нечестивости, безбожия, себялюбия, надменности, ложного мнения... создающего основу для каждого из тех нечестивых учений, которые они представляют, и имеющее в качестве вершины свою собственную мысль, символически называемую “Небо”.

Филон долго читает о неизмеримом Боге, о бесконечном Боге, и его слушатели охотно кивают головами в знак согласия. Кажется, ни Филону, ни его аудитории не приходит в голову, что назвать нечто неизмеримым - значит, уже измерить его в языке, что о бесконечном возможно говорить только потому, что оно уместается в конечные образы, что нуль - ничто, которым научился пользоваться человек, не настоящий нуль. Настоящим нулем пользоваться невозможно.

Поистине, небытие есть бытие. Об истинном небытии невозможно говорить. Поистине, то, что можно было бы назвать Богом, нельзя назвать Богом.

Чтения окончены, и улица перед синагогой действительно напоминает театральный разъезд. Толпа праздничных, духовно насыщенных людей расходится и разъезжается по домам.

Рабы уносят паланкины, слуги с факелами и масляными лампами сопровождают своих пеших господ. Филон выходит из синагоги со своим племянником Тиберием Александром, будущим прокуратором Иудеи и наместником Египта. А пока этот молодой преуспевающий еврей служит финансовым помощником у нынешнего наместника Египта Флакка. Его дожидается экипаж, поскольку он, по долгу службы не может проживать в квартале Дельта со своими соотечественниками. Его скромная резиденция находится в прибрежном Канопе среди особняков вельмож и чиновников Александрии.

- Прекрасная книга, дядюшка, - произносит он. - Наверное, я не все понял в ней, но то, что понял, очень глубоко и впечатляюще.

Филон принимает эти похвалы благосклонно.

- Сегодня я устал, - признается он. - Приезжай завтра ко мне, и мы прочитаем вместе.

- Не смогу, дядюшка. Завтра я отплываю в Рим. Губернатор направляет меня туда с финансовым проектом реконструкции старой гавани.

- Что ж, удачного плавания.

- Спасибо. Не найдется ли у вас копии вашей книги для меня? Я мог бы представить ее литературным кругам Рима. Хочу показать ваши сочинения Луцию Аннею Сенеке.

- Кто он?

- Один из образованнейших сенаторов, поэт, философ.

- Мне не нужна благосклонность римских сенаторов, - ворчит Филон.

- Дядя, я пекусь не о вашей славе, которая, я уверен, переживет нас всех. Латинский мир должен узнать иудаизм. Это послужит на пользу всем евреям империи. Ведь что о нас знают?

Что мы поклоняемся какому-то невидимому Богу и обрезаемся по древнему закону. Людей это смешит и раздражает. Спросите любого римлянина, кто такие евреи, и он скажет, это те, которые не едят свинину. Мир должен узнать о нас больше. Ведь вы не считаете, как эти иерусалимские фанатики, что иудаизм должен замкнуться в себе?

-Глупость, - солидно соглашается Филон. - У пророков сказано, что все народы придут и поклонятся Единому Богу.

-Равви! Я тоже в это верю. Пророки были уверены в себе, в своем народе и в Боге. Только неуверенные в себе народы прячутся в изоляционизм, скрывая под надменностью свою слабость.

-Хорошо, ты убедил меня, - соглашается Филон.- Утром посыльный доставит тебе копии “О потомках надменного Каина” и “О херувимах”. Пусть твои латиняне поймут: наши предки знали о звездном устройстве неба не меньше египтян и греков.

-Поутру, дядя, поутру. Я отплываю рано.

-Хочется же тебе гонять туда-сюда. Ты мог бы достичь успехов в философии.

Молодой Тиберий Александр улыбается этому ворчанию.

-Ах, дядя... Говорят, мир держится на мудрецах...

-Не на мудрецах, - перебивает его старик. - Мир держится на Законе Божьем.

-Пусть на Законе. А на ком держится Закон? На чиновниках.

-Не богохульствуй, юноша! Кем сотворен и организован этот мир?

-Конечно, он утвержден Законом Божьим. Но кто его исполняет? Вот, например, Риму ежегодно нужны тысячи тонн зерна из Египта. Но зерно само не отправится в Рим согласно Закону или воле Божьей.

-Опять богохульствуешь, Тиберий Александр? Бог не пекарь, чтобы заботиться о муке!

-В моих словах, дядя, только здравый смысл. И здравый смысл говорит, что чиновники необходимы. И мне нравится быть чиновником. Мы – чиновники – соль земли.

-Это тщеславие. Суета сует.

-Все суета сует, сказал мудрый царь Соломон. Но ведь от царства своего он не отказался.

-Юноша, я сегодня устал, чтобы спорить с тобой. Поговорим в другой раз.

-До свидания, учитель.

В Капернаумской таможне скучающий Матфей возвращается к чтению китайского манускрипта из сумы Иисуса:

“Вот, сказала Я себе, теперь нас двое: Я и тот, с кем я говорю, - Ты. Когда Я было только Я, Я было всем, как небытие. Я узнало себя и перестало быть всем. Значит, сказала Я, теперь нас трое: мы и все остальное. Это уже троица: Я, Ты и Оно. Поистине, в троице Я стало цельным. Поистине, в троице небытие стало миром. Я осмотрело мир и сказала себе: быть может, нам стоит объединиться и создать наше сплетение. Это уже будет четверка: Я, Ты, Оно и наше сплетение. Поистине, в четверке Я достигло избытка. Поистине, в четверке небытие стало жизнью”.

Мытарь пытается осмыслить это рационально, вспоминая речи Иисуса. Все живое живет в языке, сказал Иисус. Душа - хранилище языка. Это плод, внутри которого хранится семя - Дух. Нужно погубить плод, чтобы освободить семя. Кто погубит душу свою, тот обретет Царство Небесное.

-Все-таки странно, что Иисус ничего не взял с собой, - задумчиво говорит Матфей. - Вот, даже книги и свои снадобья оставил здесь. Поначалу я думал, что он ушел на пару дней. Но прошло уже две недели.

Иуда что-то подскребает на своем пергаменте специальным писарским ножичком. Неторопливо сворачивает свиток, убирает его вместе с принадлежностями в пенал и произносит:

-Он вернется.- Затем он берет со стола кувшин, склоняет его над своей чашей, но оттуда ничто не выливается. - Есть еще вино?

-Так мы сопьемся, - шутит Матфей.- Кажется, осталась одна бутылка вина с мускатным орехом. Хотел угостить им Марию, но... сейчас принесу.

Он возвращается с бутылкой и разливает его по чашам. Иуда пробует на вкус, слегка морщится и выпивает до дна. Закусывает бирюзовой фисташкой и начинает говорить:

-Прожив достаточный срок на этом свете, человек либо ожесточается на мир, либо отрешается от мира. И последних мало, а первых много. Их гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд.

Матфей охотно ему внимает.

-И кто же, к примеру ожесточен?

-Кто? Бар-Аббас, Иаир, этот рыбак Петр... Царь Ирод, Верховный Жрец Каифа, Иохонан, римский цезарь, все!

-Иохонан - праведник, - осторожно замечает мытарь.

-Я знаю Писание, мой друг. Праведник отделяется от зла и находит удел свой после смерти. Но я ведь не сказал: злой. Я сказал: ожесточенный. Пророк, который изливает на мир свой праведный гнев. Все пророки ожесточены. Даже самый негодный человек хоть раз в жизни бывает незаслуженно обижен и поэтому чувствует себя немного праведником. Все мы немного праведники и все ожесточены. Думаешь, бар-Аббас родился с кинжалом в руке и жаждой крови в сердце? Жизнь ожесточила его. Одни дают этому волю, другие держат в себе. Но ожесточены все. Скажи, Матфей, ты зол на жизнь?

-Наверное, зол. Я ведь родился полукровкой и с детства выслушивал упреки, в которых не виноват.

-Знай же, что я был зол как легион бесов. Я не бар-Аббас. Я был хуже. Мне недостаточно было сотни или тысячи убитых. Дело ведь не в них. Весь этот мир не тот! И тогда я понимал, что для успокоения моей души нужно истребить весь мир. И мысль, что это невозможно, приводила меня в еще большую ярость. Мой легион бесов не давал мне покоя. Я мог бы вынести приговор целому народу, и ничто во мне не дрогнуло бы. Иисус изгнал из меня этот легион. Я успокоился. Почти успокоился.

-Как же?

-Я узнал, как убить мир.

Матфей во все глаза смотрит на своего собеседника.

-Налей-ка мне еще вина.

Не отрывая от Иуды взгляда, он наливает ему в чашу мускат и автоматически добавляет себе. Иуда опять морщится и выпивает до дна.

-Человек, в жизни которого что-то не так, как у других, считает это несправедливостью. Калека или слепорожденный спрашивает себя: за что мне это? Он видит в этом злую судьбу, божью кару и спрашивает: почему я? Иисус объяснил мне, что за всем этим стоит фарисейская вера в бессмертную душу. Впрочем, все люди – фарисеи. Ты не веришь, что умрешь навсегда, без награды и наказания. Значит, ты веришь в бессмертную душу, которая независима от твоего тела. Если ты получил плохую жизнь и плохое тело, то это несправедливо или твоя душа наказана за какие-то неведомые тебе грехи. Получается, что твоя душа больше тебя. Иисус объяснил мне, что ты и твоя душа есть одно. Твоя душа рождается с тобою и с тобою умрет.

-Да, я помню,- с энтузиазмом подхватывает Матфей.- Душа есть отдельный акт самопознания Духа Святого. Она вторична и двойственна. Как говорят греки: диалектична. Душа – это он. Дух Святой – вот единственное Я! Душа и мир единосущны. Душа порождает мир языком. Вы находитесь в моем мире, а я – в вашем.

-Кажется, каждый из нас берет от Иисуса только то, что ему нужно, - с усмешкой произносит Иуда.- Я не помню всего, что ты сейчас повторил. Наверное, для меня это было не важно. Для меня имеет значение только мой мир. Чтобы убить мир, нужно убить себя. Конечно, все останутся при своем. Но мне-то что до того? В моем мире они умрут все, до последнего. Не верь, Матфей, тем, кто говорит, что с этим миром ничего нельзя сделать. Его можно убить!

-Иисус тоже так считает?

-Иисус? Иисус, возможно, сейчас как раз этим и занимается.

-Чем?

-Убивает мир, - Иуда смотрит нетрезвыми глазами на недоумевающего Матфея и добавляет:- Пойду я спать. Хватит на сегодня и вина, и разговоров.

Он поднимается и нетвердой походкой уходит в свою комнату. Матфей бездумно берет со стола чашу, тоже выпивает ее до дна и ложится здесь же, у ложа на спину, глядя в потолок. Пожалуй, они сегодня и впрямь напились. Оттого и начались у них такие странные разговоры. Как убить мир? Он не хочет сейчас думать об этом.

В его хмельном сознании вместо смерти встает почему-то образ Марии. Он закрывает глаза, чтобы лучше увидеть его на темных шторах век. Прекрасное, кроткое лицо, милая черточка на лбу, когда она силится что-то понять, и плавное движение обнаженных рук, и мягкий говор, и атласная кожа, пахнувшая яблоками, - все это волнует его. Ему кажется, что он чувствует этот запах сквозь пряные ароматы его дома, запах желанной женщины. Потребность в любви, какую изображают на греческих амфорах, начинает его мучить. Образ Марии раскалывается, сознание Матфея мутнеет. Он засыпает с неудовлетворенной потребностью в чем-то, что принимает притягательные очертания - не то женщины, не то смерти, а быть может, того и другого. В страстных объятиях он соединяется с этой женщиной-смертью, и в исступленном сплетении они становятся троицей. Пьяные сны бывают очень причудливы.

Кислое галилейское вино льется и в доме Петра. Братья в повязках маккавеев тоже пьют и не могут утолить жажду жизненных перемен под косыми взглядами Циллы. Последнее время ее муж стал выпивать больше обычного. Она винит в этом Андрея. Если бы у него была жена, если бы он сидел с нею на своей половине дома, а не проводил все вечера у них, если бы он был занят собственной семьей,- ее Петр не пил бы так часто.

Братья обсуждают вчерашнее событие в близлежащем Хоразине. Зелоты - кинжальщики въехали в город, где не было римского гарнизона, и остановились у дома сборщика податей. Тот от страха спрятался в своем жилище и запер ворота. Это только разозлило зелотов. Ворвавшись внутрь, они убили мытаря и всех мужчин, а затем разграбили дом и подожгли. Когда на улице их встретил городской судья с приставами и потребовал от них уважения к Закону, главарь бар-Аббас показал ему на кинжал за поясом и сказал, что это - Закон. Возмущенного судью с приставами привязали к коням, протащили по всем улицам и бросили на окраине Хоразина. Так зелоты показали свою власть народу и утерли нос капернаумскому гарнизону, который хозяйничает на всей этой территории до Галилейских гор.

-Говорят, в горах у них лагерь, - рассказывает Андрей. - Там они обучают добровольцев боевым действиям, а затем проверяют их в деле. Прошедшему испытание дают коня в полном снаряжении и хорошо платят. Мы бы смогли.

-Мне не нужны их деньги.

-Конечно, не нужны. Дело не в них. Не всю же жизнь нам рыбу ловить!

-Почему бы нет?

-Брось! Так и состаримся у этого озера. Пойдем, брат.

-Конечно! - встревает в разговор Цилла. - Чтобы вас убили?

Петр, не обращая внимания на ее реплику, неуверенно произносит:

-Ведь они убийцы.

-Вот именно! - подтверждает женщина.- Убийцы и грабители.

Фарисеи Капернаума были возмущены этой выходкой сикариев. Больше всего их оскорбило пренебрежение к Закону и то, как они поступили с судьей. Особенно усердствовал Иаир. Смотритель синагоги считал такое поведение zelотов проявлением их безбожия. Цилла была с ним полностью согласна. Но упоминать имя Иаира в доме она остерегалась.

-Убийцы и грабители, - повторяет она.

Андрей смотрит на сомневающегося Петра и говорит только ему:

-Они убивают наших кровососов и римских прислужников. Это правое дело, брат!

-Не знаю. Я - zelот, но я не сикарий. Вот если бы поднялась война против римлян, я бы не сомневался. Война - это правое дело. Но убивать мытарей я не хочу. Взять Матфея. Ты готов его убить?

-Матфея? Нет! Он добрый малый.

-Вот видишь! Мы его знаем, поэтому не готовы убить. А если бы не знали...Но от этого он не стал бы хуже. Нет, брат, мы - честные рыбаки. Мы ходим по миру открыто и ни от кого не прячемся, как разбойники, - заключает Петр.

-Это так.

Он задумывается.

-Помнишь, как говорил Иоанн? Мы - ловцы человеков. Славный парень. Жаль, что у него заболел отец. Может, брат, нам лучше пойти в ловцы человеков, чем в убийцы?

-Но ведь Иисус ушел.

-Иуда-то остался. Значит, Иисус вернется.

Циллу эта пьяная болтовня бесконечно возмущает. Они говорят так, словно не замечают ее присутствия, и строят планы на будущее так, будто у Петра нет никакой жены и никаких обязательств перед нею. И опять этот Иисус! Чуяло ее сердце, что с недобрый он пришел в их дом.

-В какие такие ловцы человеков ты собрался? Что еще за правое дело?

Петр с удивлением смотрит на нее.

-Это наши мужские разговоры.

-Вот как? Ты, кажется, забыл, что у тебя есть жена!

Ей очень хочется добавить "и дети", но Бог не дал ей этого аргумента, как ни молила она его.

-Пойдем на твою половину, - предлагает ее муж Андрею, и братья, захватив вино, уходят в другую часть дома, где она не смеет распоряжаться.

"Она еще спрашивает, почему Андрей не хочет жениться", - думает Петр.

"Он совсем ко мне охладел", - думает Цилла и начинает плакать. Со слезами на глазах она подходит к запертой для нее двери, прикладывает ухо и пытается услышать их мужские разговоры.

Из своей комнаты входит теща Петра и видит свою дочь с мокрыми глазами у двери, ведущей на другую половину дома.

-Что случилось, дочка?

-Петр хочет уйти из дома.

-Уйти из дома? Но это его дом. Может, он хочет выгнать нас? Вот беда! Куда же мы пойдем?

-Ах, мама!

-Говорила я тебе, - начинает причитать старуха,- будь с ним поласковее. Ноги ему мой и воду эту пей. Он наш благодетель. Взял, можно сказать, с улицы.

-Разве я не все для него делаю?

-Значит, не все, если хочет уйти.

-Это из-за детей.

-Может, и так. Детьми ты бы его посильнее привязала.

Цилла отходит от двери, садится на постель и плачет.

Братья на половине Андрея продолжают свой разговор.

-Может, Иисус и вправду Мессия? - говорит Петр. - Дай-ка ту запись, которую принес нам Иоанн. Рассмотрим еще раз.

Андрей приносит кусок папируса, на котором рукою Иоанна сделаны выписки из книги пророка Исаяи. Петр начинает читать вслух:

-Прежнее время умалило землю Завулонову и землю Неффалимову, но последующее возвеличит приморский путь, заиорданскую страну, Галилею языческую. Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий, на живущих в стране тени смертной свет воссияет. И вот дальше. И почтет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия. Он будет судить бедных по правде и дела страдальцев земли решать по истине, жезлом уст своих поразит землю, и духом уст своих убьет нечестивого.

Петр кладет папирус на стол и вопросительно смотрит на брата.

-Может, это и вправду он?

-Может, и так. Да что гадать? Вот вернется Иисус, нужно прямо его и спросить: ты ли тот, о ком здесь сказано?

-Так и сделаем. Дождемся его и спросим.

Петру сразу становится легче.

-Наливай, брат. Я у тебя ночевать останусь.

В этот час к концу второй ночной стражи в Иерусалиме Мария тоскует в верхней комнате на крыше дома Иуды, расположенного на горе Сион неподалеку от роскошного дворца Ирода. Чуть ущербная луна на чистом небе покрывает город серебряным светом. С крыши дома открывается прекрасный вид на Храмовую гору. Видны мощные стены Храма и золотая крыша Святилища за ними. Чуть севернее видится крепость Антония с мелькающими факелами римских дозорных на ней. А здесь на Сионе тянутся в самое небо три могучих башни - Гипика, Фазаила и Мариамны, которыми Ирод Великий окружил свой дворец. Кажется, эти башни заглядывают во дворы домов и грозно следят за их обитателями. Возможно, именно с таким расчетом царь и поднял свои башни над непокорным городом. Мария чуть больше недели в Иерусалиме и еще ни разу не выходила в город. Он кажется ей огромным и невероятным. Тысячи людей ходят по улицам и не знают друг друга. Для провинциальной женщины такая жизнь полна загадок.

Мария смутно помнит, как приехала сюда. После бесконечной ночи, напрасно прождав Иисуса, она забылась под утро спасительным сном, а проснувшись к полудню, даже не хотела вставать с постели. До сих пор только мужчины хотели ее и добивались всеми средствами, но вот впервые она захотела мужчину – и была отвергнута. Она не смела выйти из комнаты. К вечеру зашел Матфей.

-С тобой все в порядке, Мария?

-Да.

-Ты совсем не притронулась к рыбе. Принести тебе что-нибудь?

-Что мне делать, Матфей?- спросила она.

-Смирись.

-Он брезгует мною?

-Нет-нет, Мария. Ты – прекрасная женщина. Дело совсем не в тебе.

-Я не чиста для него, знаю...

-Ты ошибаешься. Он – не такой. Просто ему это не нужно. Иисус честен с тобою и не хочет причинить тебе боль.

-Мне больно.

-Лучше маленькая боль сейчас, чем большая боль потом. Он - великодушнейший человек!

-Он спас мне жизнь.

-Вот именно! И теперь не хочет забрать ее. Возможно, он спасает тебе жизнь во второй раз.

- Как мне жить?

-Это пройдет. Не сразу, но пройдет. Нам с тобой обоим нужно время. Я принесу тебе печенье и немного вина. Ты поешь и уснешь. Все пройдет, Мария, все пройдет...

А на следующее утро он принес ей иудейское платье, платок и хмуро сказал:

-Умойся, переоденься. На улице стоит караван. Он отвезет тебя в Иерусалим.

-В Иерусалим? Зачем?

-Там тебе приготовили место, в доме Иуды. О тебе позаботятся.

-Почему, Матфей?

-Так решил учитель.

-Но почему?

-Тебе здесь не место.

-Он гонит меня?

Матфей пожал плечами.

-Поторопись, Мария. Тебя ждет целый караван.

Иисус сидел во дворе таможни под акацией. Мария, одетая в дорогу, покрытая платком, в сопровождении Матфея остановилась у ложа и поклонилась ему.

-Доброго пути, Мария, - сухо произнес Иисус. - О тебе позаботятся.

Она продолжала стоять, ожидая каких-то других, более важных слов.

-Пойдем, Мария, - мягко поторопил ее Матфей и увел со двора.

Всю дорогу по пути в Иерусалим Мария, качаясь среди мешков и тюков, ничего вокруг не видела от горя и обиды. Она равнодушно проехала мимо родной Магдалы, мимо башен Тибериады, не заметила, как осталось позади Галилейское озеро, и слева потянулся Иордан. Она не заметила лодочной переправы близ Салима и расположенной неподалеку пещеры знаменитого на всю Палестину отшельника Иохонана-Крестителя, не видела Иерихона, Ефраима и других городов. Не замечала она и того, что в тюки, среди которых она сидела, были спрятаны дамасские мечи и луки. Караванчики держались с ней вежливо и сухо. Ночлег ей всякий раз готовили отдельно в палатке, как знатной даме. По прибытии в Иерусалим старший караванщик лично сопроводил Марию в дом Иуды и вместе с письмом перепоручил ее заботам старика Нахума и его жены, старых слуг, а ныне единственных обитателей этого дома. Дом был большой, двухэтажный, с внутренней отделкой и небольшим садом во дворе, он свидетельствовал о былой зажиточности его владельцев, но теперь был запущен, словно его хозяину уже много лет не было до него дела. Старик Нахум с его глуховатой старухой никогда не имели собственных детей и приняли молодую женщину как родную дочь. Почти не зная своих родителей Мария с радостью приняла их опеку.

И вот она уже неделю живет в этом большом и пустом доме. Мария стоит на крыше и смотрит на Иерусалим. Ночью этот шумный город так же тих, как ее родная Магдала, но на рассвете с грохотом откроются огромные ворота Святилища перед началом утреннего жертвоприношения, и город начнет свою беспокойную жизнь, а на закате после вечернего жертвоприношения тот же скрежет ворот в Храме ознаменует конец дня.

-Мария, ты спишь?- раздается старческий голос.

Она подходит к краю крыши и смотрит во двор. Внизу у деревянной лестницы, ведущей на крышу, стоит Нахум.

-Я здесь, - отвечает она.

-Тебе тоже не спится, дочка? - ласково спрашивает он. - А моя старуха давно успокоилась. Спускайся вниз, вдвоем нам будет веселее. Поговорим.

-Хорошо, дядя Нахум.

-Мария спускается, и старик ведет ее вглубь сада на свое излюбленное место. Его жена спит в доме, он же предпочитает это ложе на воздухе.

-Я люблю здесь сидеть. Отсюда мне все видно: и дом, и двор, и ворота. Хочешь воды? У меня тут вода из-под Храмовой горы, святая вода. Я ее пью каждое утро. И вечером тоже пью. На ней почил Дух Господа. Выпей и ты, может тебе тоже полегчает. А-то ты, дочка, я заметил, совсем удрученная.

-Спасибо, дядя Нахум.

-Зови меня отец, если, конечно, хочешь. Меня никто никогда не называл отцом.

-Хорошо, отец.

-Отчего же ты печальная такая, дочка?

Мария чистосердечно рассказывает старику свою историю.

-Что же, - выслушав ее, заключает он - о прошлом твоём говорить не буду. Я тебе тоже не судья. А что касается твоего возлюбленного, то я его хорошо помню. Гости в этом доме бывают редко. Мой господин так и не завел себе семью. Дом почти всегда стоит пустой уж много лет. Летом Иисус жил здесь некоторое время с моим господином. Нас со старухой он не обижал, не давал почувствовать, что мы слуги. Ровный был. Хороший человек, и видно, что ученый.

-Учитель лучше всех.

-Так, дочка, все влюбленные говорят. Но человек он, конечно, хороший. С моим господином они большие друзья. Поэтому тебя и прислал он сюда.

-Он меня прогнал, - скорбно вздыхает Мария.

-Погоди, дочка. Если бы он тебя прогнал, то прогнал бы на улицу. Но ведь он тебя сюда отправил, как бы на сохранение.

-Вы думаете?

-А как иначе? Если бы ты не была ему нужна, стал бы он отправлять тебя сюда и беспокоиться? Значит, нужна. Ну а там ты им была не к месту. Поверь, у моего господина Иуды дела серьезные. Говоришь, на таможне они жили?

-Да.

-Ну вот. Зачем им жить на таможне? Какие-то дела у них там, и дела, говорю тебе, серьезные. Женщина там только помеха.

-Правда?

-Уж поверь! - солидно говорит Нахум. - В таких делах женщине лучше не быть. Когда твой Иисус тут гостил, к моему господину как-то ночью пришли двое. Одного я сразу узнал, он член Синедриона, Никодим. А другой был галилеянин. Я как на него взглянул, сразу понял: с этим не шути. Знаешь, кто такие сикарии?

-Слышала.

-Ну вот. Этот был из них. Поднялись они на крышу, в ту комнату, где ты сейчас живешь, и о чем-то долго говорили. А потом этот сикарий выскочил как ошпаренный и ушел. По-моему, он с твоим Иисусом сильно поспорил. Так ты не хочешь святой воды?

-Выпью, отец. Так вы думаете, учитель поэтому меня отослал?

-Именно так. А закончат они свои дела и сюда вернутся. Куда же еще?

-Спасибо, отец, - Мария от счастья бросается на шею старику.

-Ну-ну, дочка, - грубовато отвечает польщенный старик.

-Вы меня так утешили!

-Все будет хорошо. Все будет хорошо.

“Все будет хорошо”, - твердит себе Иоанн. В городе-могильнике Назарете томится его душа, как принцесса, заточенная в башне. Учитель не остановил его, не благословил на сыновний долг. “Пусть тебе будет плохо”, - сказал он на прощание. Иоанн услышал в этом свой смертный приговор. Это мучило его всю дорогу. Чувство потери, словно кто-то умер, охватило его еще до того, как он вернулся в Назарет.

-Перестань, - говорил ему брат. - Отец болен уже давно. Может быть, ему станет лучше. Не хорони его раньше времени.

Но Иоанн хоронил не отца, он хоронил самого себя.

Зеведей встретил его бессильной улыбкой. Он очень осунулся и постарел за эти месяцы. Иоанн внутренне ужаснулся и заплакал при виде немощного старика. Но старик не пенял ему. Он понял, что теряет сына и его родительская власть ему уже не поможет. Пока еще связующая их нить могла оборваться от грубого обращения. А главное, судья совсем ослабел от страданий и физически, и душевно. Близость смерти делает человека лаконичным, а бессилие учит искать более мудрые методы воздействия на близких. Родитель, который просто не в силах наказать своего ребенка, начинает искать нужные слова.

Зеведей поцеловал сына и произнес самое короткое в своей жизни наставление:

-Неудачник хочет судить мир за свои обиды. Но Господь в мудрости своей не позволяет ему делать это и не дает власти над людьми. Справедливый суд только у того, кто любит мир. Лишь тот судья хорош, который судит людей за их собственные неудачи и прегрешения, а не за свои обиды. Сын мой, твой отец всегда любил мир и был справедлив к нему. Берегись неудачников и не слушай их суда.

Иоанн понял отца, но его слова уже нечего не значили. Иисус - Мессия. Иоанн и помыслить не мог, что он неудачник. И он хорошо помнил, что сказал учитель Иамесу: “Я прощаю своему брату хулу на меня, но не могу простить хулу на Духа Святого!” Иисус говорил это как пророк, как имеющий власть свыше. Его отец Зеведей никогда так не мог сказать в своем суде. Он служил Закону, он эксплуатировал Закон, но сам он не был Законом.

Зеведей долго готовил свою речь, но по взгляду Иоанна понял, что проиграл эту битву за своего сына с ненавистным Иисусом. И боль с новой силой вцепилась в него. Он умирал несколько дней. Сознание его мутилось, и в забытии судья, подобно Иову, вел свою последнюю тяжбу за справедливость с Всевышним. За что ему это наказание? Почему он должен так рано умереть? Разве он не ставил превыше всего Божью волю? Разве не служил ему всю свою жизнь? Он, фарисей и судья, мог бы еще послужить делу справедливости. Он еще не поднял на ноги своих сыновей, не поставил их на путь служения Богу. Он еще хочет жить! За что же ему умирать? Господи, твой раб Зеведей не хочет умирать. Но, похоже, тот, кто явился за его бессмертной фарисейской душой, не любил долгих разговоров. Мертвый судья лежал на своем покойничком ложе с очень недовольным видом. Зеведей, который больше всего в жизни любил говорить - утром, днем и вечером, дома, в синагоге и на пиру - замолчал навсегда. Его тело было удалено с поверхности горы и скрыто в ее недрах, в семейной гробнице. В его бывшем доме постели были перевернуты, скорбная чечевица съедена и траурное вино выпито. Поминки закончились, родня Зеведея, его дочери с мужьями и детьми разъехались. И в доме стало пусто, как на душе у Иоанна.

Он слонялся по улочкам Назарета, выслушивал соболезнования горожан и отчаянно скучал. Он не искал своего места в жизни, не строил планов на будущее, ничего не просчитывал, он просто хотел быть рядом с возлюбленным учителем. Как-то раз он встретил на улице мать

Иисуса, усталую и озабоченную, мать семерых детей, из которых двое старших ее сыновей ничем ей не помогали. Иоанн поприветствовал ее, она поклонилась сыну судьи. Ей ведь не было известно, что все это время он провел с ее сыном, а Иоанну не хотелось даже вспоминать об их разрыве. Он представлял, как учитель восседает в трапезной таможни, и Матфей сидит по правую сторону от него, на законном месте Иоанна. Возможно, мытарь занял его место и в сердце Иисуса? Этого он не мог допустить.

-Я хочу вернуться к Иисусу, - решительно заявил он брату и матери.

Иаков после смерти отца лишился твердой опоры в нем и утратил былую уверенность. Городской Совет не удовлетворил просьбу Зеведея выбрать Иакова его приемником на должность судьи, сочтя юношу незрелым для этого. А хлопотать за своего сына перед первосвященником Анной у Зеведея уже не было сил. Их мать, приученная строгим мужем к покорности, не имела голоса в доме. Но муж внушил ей и прагматичный взгляд на жизнь, и теперь она беспокоилась об одном: как бы ее сыновья не прогадали.

-А что тебе с этим Иисусом будет? - спросила она младшего сына.

-Он - Мессия, - уверенно заявил Иоанн. - Идем со мной, Иаков. Ты полюбишь учителя. Он - великий врач, он - чудотворец, он говорит как имеющий власть свыше.

-Мессия придет из земли Иудиной, из Вифлеема. Так сказано у пророка Михея.

-А у Исаяи сказано, что в Галилее народ увидит великий свет. Учитель так и говорит: я - свет страждущим, ибо несу им Святой Дух. Пойдем, Иаков. Сам все увидишь.

-А как же мать? - засомневался Иаков. - Кто с ней останется?

-Я побуду у дочерей, - вдруг охотно согласилась женщина. - А вы ступайте к нему. Если он Мессия, то лучше вам быть рядом с ним. И просите, чтобы он посадил вас в своем Царстве одного - по правую руку, а другого - по левую.

-Я уже был по правую руку от Иисуса, - с гордостью заявил Иоанн.

-Ну, тогда ступайте к нему. Господь вас не оставит. И смотрите, своего места никому не отдавайте.

-Ах, мама, об этом речь не идет, - юноше стало даже совестно, что его можно подозревать в корысти.

-Я, дети мои, хоть и не очень ученая, но знаю: святое место пустым не бывает. Много охотников найдется занять его. Вот, едва ваш отец умер, а сколько желающих нашлось на его должность! Левиты из Каны и Наина приехали. Просите у Мессии лучшие места и никому не уступайте.

На следующее утро братья собрались в дорогу. Иоанн покидал Назарет с легким сердцем. Иаков предложил вернуться в Капернаум так же, как они оттуда уехали, - на коне. Но что делать с конем потом? Иисус признает только пеший путь. На коне в Царство Небесное не едут.

-Коня придется бросить в Капернауме, - объяснил он брату.

-Мы его там продадим. А деньги отдадим твоему учителю.

Иоанн представил, как эти деньги исчезнут в деревянном ящике Иуды. Ему пришла в голову лучшая идея.

-Давай продадим коня здесь, а деньги отдадим матери учителя. Я видел ее. Она нуждается.

-И пойдем пешком?

-Ну и что? Я покажу тебе деревню, где мы ночевали. Там я впервые услышал от учителя про Царство Небесное. Там один старик нас плохо принял, и хромым Иуда пригрозил ему сжечь всю деревню.

-Как так? Вы хотели сжечь деревню?

-Нет, конечно. Он просто сказал.

Иоанну уж очень хотелось пройти по памятным местам и подготовиться к встрече с

Иисусом. Он ведь ушел без благословения учителя.

Усталая женщина с темными кругами вокруг глаз встретила знатных юношей на пороге своего дома с удивлением. Сумма показалась ей огромной, а принесение ее в дар - странным и даже подозрительным поступком. Мария, как всякий человек, долго живущий в нужде, стало очень щепетильна в отношении денег. Когда в доме не хватает хлеба, начинаешь понимать, что жизнь жестока и принимаешь эту жестокость как норму. Сыновья судьи, конечно, милые юноши, но чем она заслужила такой подарок?

-Мы идем к вашему сыну, - пояснил один из них. - Он - Мессия. Не хотите что-нибудь передать ему?

-Что я могу ему передать? У меня ничего нет.

-На словах.

-На словах? Пусть возвращается домой, - со слезами выдохнула она. В этих слезах была и ее благодарность им за невероятный дар, и ее усталость от жизни, и ее надежда, что Иисус вернется и снимет с ее плеч часть забот. - Я жду его. Он нужен своей семье.

-Я передам, - уверил ее Иоанн, полагая про себя, что не стоит разочаровывать простую женщину, которая не поверила в великую миссию своего сына. Иисус стяхнул прах Назарета со своих сандалий и никогда не вернется сюда. - Я передам ваши слова, моя госпожа.

Юноша поклонился ей, и братья ушли.

-Почему ты назвал жену плотника моя госпожа? - удивился Иаков.

-Она мать Мессии, - ответил взрослеющий на глазах юный идеолог новой религии. - О матери Мессии должно говорить только хорошо и почтительно.

В три дня они достигли Магдалы. На постоялом дворе их встретил все тот же сириец с кривой усмешкой на обезображенном лице. Но Иоанна больше не пугал ни одноглазый идолопоклонник, ни пьяные рыбаки, ни размалеванная продажная женщина. Он освободился от детских страхов. Человек не ищет себе страданий и потерь, они сами находят его. Никто не просит себе болезни, войны, тюрьмы и похорон близких, но задним числом человек не хочет отказаться от приобретенного им горького опыта, и чем он горше, тем дороже. Иоанн возмужал от своих обид, разочарований и потерь. Он видел жестокость и подлость, его чуть не убили в Капернауме, он похоронил отца в Назарете. Что ему Вавилон? Что он Вавилону?

Однако к таможене Иоанн приближался с робостью. Что, если учитель отвергнет его? Что, если Иисус не захочет с ним говорить. Всю дорогу от Магдалы до Капернаума он мысленно выстраивал свою оправдательную речь, вновь и вновь менял в ней акценты, угадывая реакцию Иисуса на свои слова.

-Что ты бормочешь себе под нос? - не выдержал Иаков.

-Я? - Иоанн так забылся, что стал оправдываться вслух. - Ничего. Так. Вспоминаю псалмы Давида.

-Тогда вспоминай про себя. Странный ты стал, Иоанн. Говоришь сам с собою.

Иоанн так и не поведал брату историю своего ухода. Иаков его не понял бы и счел Иисуса чудовищем. Не мог он теперь признаться ему и в том, что их, возможно, ждет неласковый прием. Если им укажут на дверь, Иаков будет вдвойне оскорблен и не простит ему унижения. Это заставляет Иоанна еще больше нервничать.

Тракт в этот час безлюден, а ворота таможни наглухо заперты. Неужели Иисус покинул это место? Где же тогда его искать? В списке всех мыслимых вариантов встречи, какие нарисовал Иоанн в своем воображении, такого исхода событий он не предусмотрел. Он колотит в ворота и прислушивается. Из дома не доносится ни звука. Он бросается к любимому пригорку Иисуса, но знакомого силуэта в алом плаще там нет. Опять возвращается к таможене и пытается сокрушить эту твердыню своими кулаками. Иаков смотрит на него как на безумного. Обессиленный, чуть

не плача, Иоанн прислоняется спиной к воротам. Раздается лязг засова, створка ворот приоткрывается, и юноша чуть не падает на хмурого, очень недовольного произведенным грохотом Иуду.

-Учитель здесь? - выпаливает он.

-Иисуса здесь нет.

-А Матфей? Позовите Матфея.

-Его тоже нет.

Иоанн ему не верит.

-Я хочу посмотреть.

Глаза Иуды на мгновение мутнеют от гнева, затем он молча поворачивается и идет в дом. Юноша проскальзывает за ним во двор, обгоняет его и врывается в дом. "Учитель!" - кричит он и бежит по всем комнатам. Никого. Только в трапезной лежит хорошо знакомая ему холщовая сума Иисуса. Он заглядывает в нее: книги и снадобья на месте. Он оборачивается к Иуде, который все также безмолвно наблюдает за его судорожными действиями.

-Это его вещи! - обвинительно произносит Иоанн, словно Иуда мог совершить ужасное преступление и не скрыть улики. - Где же сам учитель?

-Твой отец не учил тебя быть вежливым со старшими?

-Мой отец умер!

Иуда чуть смягчается.

-Я не знаю, где Иисус.

-Когда он вернется?

-Этого я тоже не знаю. И не задавай мне больше вопросов.

Он опускается на ложе, берет со стола недопитую чашу вина и неторопливо отхлебывает. Всем своим видом он показывает, что юнец тут незваный гость.

-Я останусь здесь, пока не вернется учитель! - заявляет Иоанн.

Иуда молчит, не скрывая своего пренебрежения к нему. Иоанну тоже неприятно оставаться наедине с хромым стариком, совместное проживание с которым до сих пор было возможным только благодаря присутствию между ними Иисуса, и он демонстративно уходит во двор. Там они с Иаковым устраиваются на ложе под акацией. Чувство чужой территории, хорошо знакомое человеку, как и зверю, не позволяет Иоанну хозяйничать в доме, формальным владельцем которого стал его противник.

-Не понимаю, почему учитель его терпит, - сердито он признается брату. - Злой, угрюмый старик!

-Что же мы будем делать?

-Ждать.

-Ждать? Здесь? Не лучше ли сходить в Капернаум? Покажешь мне город.

Иоанн и сам не прочь пойти в город, но он подозревает, что как только они выйдут за порог, подлый враг запрет ворота и уже не впустит их обратно. Таможня становится для Иоанна военной крепостью, за которую сражаются две армии - его и Иуды.

-Нет, подождем здесь.

Начинается испытание, которое Иоанн готов был принять от Иисуса, но не от Иуды, - испытание неподвижностью и голодом. С тех пор как на рассвете они доели в магдальской харчевне остатки ужина, во рту у них не было ни крошки. Между тем уже вечерет и впереди целая ночь.

-Что ж нам - с голоду здесь умереть? - не выдерживает Иаков. - Ты оставайся, а я схожу в город и что-нибудь куплю.

Иоанн провожает брата до тракта и остается стеречь ворота, как верный пес. Через час, уже

в сумерках молодые зубы братьев впиваются в копченую рыбу и хлеб.

-Я встретил двух мужчин, - рассказывает Иаков, не престаивая жевать. - Они приняли меня за тебя и остановили. Когда я сказал, что я твой брат, а ты остался на таможне, они обрадовались.

-Это Петр и Андрей, рыбаки, - не отставая от него в аппетите, поясняет Иоанн, - Они - zeloty, наши друзья. Ты спросил их об учителе?

-Они ответили, что не знают, и сами его ждут.

Значит, Иуда не солгал. Никто не знает, куда ушел учитель. Нехорошие подозрения приходят на ум Иоанну. Иисус мог пойти в Хоразин или в Вифсаиду и там проповедовать в синагоге, как он это делал в Назарете и Капернауме. И тогда... Нет, Иоанн уверен, что с учителем не может случиться ничего плохого. Все только начинается. Мессия должны утвердить свое могущество. У них с учителем впереди долгий путь в Царство Небесное.

-Иоанн, мы замерзнем здесь ночью. Разве нам нельзя войти в дом?

-Войдем позже. Не хочу встречаться с Иудой. Пусть он ляжет спать.

Через некоторое время во двор выходит Иуда, стоит, смотрит на небо, затем идет на задний двор к отхожему месту, возвращается, будто безмолвный призрак, и опять уходит в дом. Еще через час братья тихо, как лазутчики, входят в трапезную и наталкиваются на невозмутимую фигуру Иуды. Он потягивает вино за столом и смотрит на них. Братья застывают на месте. Наконец Иоанну становится противно от собственной роли, и он громко произносит:

-Мы будем спать в моей комнате! Идем, Иаков.

Они решительно проходят мимо него и уходят на женскую половину дома.

Эти юные герои позабавили Иуду. Утром он оставляет братьям завтрак на столе и уходит в свою комнату, предоставляя им свободу выбора – остаться в доме или уйти. Братья весь день бесцельно бродят по дому, стараясь не сталкиваться с Иудой. В этой тягостной атмосфере Иоанн встречает мытаря как родного, когда тот появляется у ворот таможни, нагруженный кожаным баулом и амфорой. Матфей очень весел и начинает болтать с порога.

-Проклятая у меня работа. Сколько лет я не мог покинуть этот дом. Но вот благодаря Иуде смог, наконец, съездить в Декаполис и повидать свою мать, пока он присматривал за таможней. Матушка моя здорова, хвала Господу. Рад тебя видеть, Иоанн. Ты умчался, не попрощавшись. Ну как твой отец?

-Он умер.

-Жаль. Очень жаль. Сочувствую, славный юноша, твоей потери. Уверен, он был хороший человек.

-Да, именно так, - Иоанну не хочется теперь вспоминать, что его отец чуть не погубил Иисуса. - Где же учитель, Матфей?

-Не знаю, мой друг. Он ушел так внезапно. Ума не приложу, куда он отправился. О, мой почтенный патрон, - восклицает он при виде Иуды, обращаясь к нему на римский лад, - посмотрите, что я привез. Амфора эта полна отличного италийского вина. Торговец меня уверял, что это настоящее фалерно, которое пьют цезари. Вечером мы с вами его попробуем. Ну а как вы? Надеюсь, вас не беспокоили в мои каникулы? - опять он вставляет латинское слово.

-Ни одного каравана за неделю, - подтверждает Иуда.

-Я же говорил! В это время у купцов затишье. Скоро римский февраль - месяц очищения. Все подсчитывают свои годовые прибыли.

-Это Иаков, - представляет ему Иоанн своего брата.

-Очень рад, - кивает Матфей. - Я сразу догадался. Да вы просто юные братья Диоскуры, сыны... - он хотел сказать "Зевса", но вспомнил, что уже находится на иудейской земле и такое сравнение здесь не сочтут лестным, - ...сыны грома. Добро пожаловать в дом Левия Матфея.

-Давай мы поможем тебе, - Иоанн принимает у него амфору и несет ее в дом, как младенца.

Иаков подхватывает баул и спешит за ним. Мытарь ему понравился.

-Сегодня я накормлю вас царским обедом, - кричит им вслед Матфей.

Иуда смотрит на него с иронией.

-Ты уезжал другой. Похоже, в твоём Декаполисе есть лекарство от хандры.

-О да! И называется оно женщиной. Я чудно провел время с молодой, очаровательной, умной гетерой. Представляете, патрон, ее зовут Елена. Я почувствовал себя Парисом. Надеюсь, у моей истории не будет плохого конца: греки не приплывут сюда и не сожгут мою таможню.

Иуда дружелюбно кивает головой.

Матфей приносит в свой дом веселый шум. В нем опять просыпается гурман. Он гремит посудой на своей кухне, достает припасы из кладовой и продукты из баула. Мытарь готовит, как и обещал, царский обед, заставив юношей помогать ему. Извлекши свежую вырезку из своего баула, он, щадя фарисейское воспитание своих помощников, поясняет:

-Это не идоложертвенное. Я купил его у евреев на том берегу.

Иоанн с Иаковым успокаиваются. Они не готовы есть мясо животного, зарезанного не в честь Яхве. Их отец Зеведей, следивший за омовением чаш и соблюдением всех ритуальных тонкостей, конечно, нашел бы, к чему придраться на кухне мытаря, но они помалкивают.

Вскоре легкомысленное настроение Матфея передается и остальным. Иуду он величает "патроном", братьев – "сынами грома", он уснащает свои блюда приправами, а речь - латинизмами. По дому распространяются кулинарные ароматы. Стол в трапезной покрывается яствами, чаши просят вина, а души - увеселения...

-Учитель! - раздается восторженный крик Матфея.

В дверях стоит исхудавший, лохматый, с впавшими в череп глазами, но все еще живой призрак. Это - новое чудо, которое Иоанн видит собственными глазами. Воскресший мертвец, дух, сошедший с небес, явился ему. От изумления и страха он не может двинуться.

Матфей бросается к Иисусу.

-Учитель! Вы вернулись!

Воскресший Иисус слабо улыбается и едва стоит на ногах. Кажется, сейчас его призрачное тело сдует сквозняком из дверей. Мытарь подхватывает его и ведет к ложу. Иоанн приходит в себя и бросается на помощь. Иуда встает, освобождая место, и Матфей, мельком взглянув на этого черствого человека, поражается слезам в его глазах, которые тот тут же смахивает. Укладывая Иисуса, Матфей продолжает говорить радостно:

-Учитель! Как я рад, что вы вернулись! Как мы все ждали вас! Здесь и сыны грома.

-Сыны грома? - тихим голосом произносит Иисус, и это его первые слова после нескольких недель молчания.

-Иоанн с братом. Вот же они!

Иисус смотрит на братьев и слабо улыбается.

-Иоанн... Сыны грома... Это хорошо...

Юноша бросается к нему, встает на колени и кладет голову на грудь.

-Учитель, прости меня. Я вернулся и больше никогда не покину тебя. Никогда!

-Мальчик мой, ты меня задушишь.

-Ах, прости, прости, учитель.

-Я стал слаб как ребенок.

-Учитель, налить вам вина? - спрашивает Матфей. - Оно придаст вам силы.

-Лучше воды.

-А поесть что-нибудь? Хотите поесть?

-Нет. Скоро я сам буду кормить вас. Своей пищей. И вы насытитесь.

Матфей уходит на кухню и возвращается с чашей воды. Иоанн приподнимает Иисуса, и

Матфей подносит к его губам чашу, но и воду организм Иисуса принимает с трудом. Он делает несколько глотков и бессильно опускается.

Все они, кроме Иуды, севшего в стороне и безмолвно наблюдавшего за Иисусом, обхаживают его, как путешественника, вернувшегося с края света. Но сам Иисус считает, что совершил еще более значительное путешествие: он заглянул за край света и вернулся назад. Он побывал в Том, что находится за смертью.

-Иуда! - слабым голосом зовет он молчаливого хромуна, и это жалит сердце Иоанна, ибо не к нему первому обратился учитель, - Иуда, помнишь, мы говорили о пустых руках?

-Да, помню.

-Теперь в моих руках Царство Небесное. Друг мой, если бы ты знал... как это невероятно... держать в руках Небо.

-Расскажи.

-Да... да... позже. Я подобен кораблю с драгоценным грузом, который не ждут ни в одном порту. Я принес этому миру Царство Небесное. Радуйтесь, дети мои. Я принес вам свободу... И вы будете наречены сынами Неба.

Юноши переглядываются. Торжествующее лицо Иоанна говорит: "Видишь, брат! Здесь наше место. Не напрасно ты пошел со мной".

-Учитель! Мы всегда будем с тобою! - восклицает он, видя себя справа от Иисуса, одесную Мессии-Христа. И это место он будет ревниво отстаивать за собой на всем их кратком совместном пути.- Куда ты ходил, учитель?

-Я ходил в Царство Небесное.

Иоанн в этом не сомневается. Иисус был в чертогах Господа Всевышнего, там, где другое небо и вместо солнца Божий свет. Уж, конечно, Мессия туда ходит запросто.

-А как далеко оно, учитель?

-Далеко ли? Пожалуй. Ведь, чтобы придти туда, нужно уйти от человеческого. Не знаю, поймешь ли ты меня сразу, Иоанн, но это скорее дорога назад, чем вперед. Дорога к тому, из чего ты вышел при своем рождении. Нужно пройти все искушения, которые от начала мира следуют за человеком.

-Тебя искушал дьявол?

-Можно сказать и так. Пожалуй, именно дьявол.

-Каков же он?

-Дьявол? Как ты, как я. Как всякий другой. Дом дьявола - душа человека, и другого дома у него нет. Человек искушается только человеческим. Его спасение - в пустых руках. Пусты ли твои руки, Иоанн?

-Не знаю, учитель. - юноша по-новому взглядывает на свои ладони.- Думаю, еще не пустые.

-Освободись от всего.

-Конечно. Я уже оставил свой дом. И Иаков тоже. Правда, брат?

Иаков неуверенно кивает. До сих пор он не думал так. И он еще не забыл предостережение отца о пустом человеке с пустыми руками, который всех хочет сделать такими же.

-Расскажи еще, учитель, - просит Иоанн, он так соскучился по музыке его речей.

-Позже. Мне еще трудно говорить.

Юноша это понимает. Даже Мессия, прошедший через дьявольские искушения и потом говорящий с Господом в его чертогах, должен изнемогать.

-Мы как раз собрались обедать, - появляется Матфей с главным блюдом своих сегодняшних хлопот. - Попробуйте, учитель?

-Думаю, моя плоть еще не готова к пище.

Аромат жаркого заполняет трапезную. Иисус пытается подняться.

-Иоанн, помоги мне прийти до моей комнаты и лечь там.

-Лежите здесь, - успокаивает его мытарь.

-Нет, - виновато улыбается Иисус. - Меня тошнит от запаха пищи. Кажется, мое тело не готово еще даже к запаху. Обедайте без меня.

Иоанн помогает Иисусу встать, чувствуя под рукою исхудавшие мышцы, из которых ушли все жизненные соки. Вдвоем с Иаковым они ведут это почти высохшее тело и укладывают его на постель.

-Учитель, побыть с тобой? - спрашивает Иоанн, заботливо накрывая Иисуса одеялом.

-Иди, пообедай. Я посплю.

Братья возвращаются в трапезную. Обед проходит в приподнятой и торжественно-тихой обстановке. Все говорят мало и негромко. Особенно трудно сдерживать себя Иоанну. Все произошло совсем не так, как он рисовал в своем воображении, когда готовился к встрече с учителем, но происшедшее оказалось еще лучше воображаемого. На радостях юноша даже выпивает вина, которое зарекся пить после свадьбы в Кане. После ужина братья уходят во двор говорить о своем, Матфей с Иудой остаются за столом.

-Ну как вам фалерно? - спрашивает мытарь.

-Немного кислит. Я пробовал его и раньше. Я не слепой патриот всего отечественного, но наше эшкольское мне больше по вкусу.

-Согласен. Эшкол мягче, - Матфей пригубляет чашу. - Где же все-таки был Иисус? Он выглядит так, будто его держали в яме и морили голодом.

-Спроси его завтра.

-Верно. Откуда вам знать? Вы не покидали все это время таможду. Невероятная личность! Царство Небесное! Даже не знаешь, как к этому относиться. Более всего меня поражает то, что об этих запредельных вещах Иисус говорит совершенно уверенно и просто. Мне приходилось слушать и наших раввинов, и греческих риториков. Они говорят иначе. А где вы познакомились с Иисусом?

-В Александрии.

-Надо же! Судьба привела вас обоих в одно место и в одно время, чтобы вы встретились.

-Это произошло случайно. Никакой судьбы.

-А я верю в судьбу.

-Матфей, мы встречаем сотни людей в своей жизни и остаемся к ним равнодушны, а когда с кем-то сближаемся, говорим, что это судьба.

-Но что-то же привело вас в Александрию за сотни миль от вашего дома!

-Я был там по делам.

-А зачем там был Иисус?

-Думаю, он был там ради книг.

-Книги? Ну конечно, книги. Учитель приехал туда ради знаменитой библиотеки, - восхищенно произносит мытарь.

-Наверное, - без энтузиазма подтверждает Иуда. - Там работает целая улица переписчиков. У них можно взять книгу на время под залог, можно за небольшую плату почитать в специальной комнате, да и купить ее там дешевле, чем в других местах.

-Да, десятки тысяч свитков, - у Матфея начинают блестеть глаза, будто он попал в сокровищницу. - Мудрость всего мира. Я бы тоже хотел побывать там! Александрия! И все же это судьба. Вы приехали в этот удивительный город и встретили там Иисуса.

-Не говори мне о судьбе! - сердито отвечает Иуда и хмуро смотрит на своего собеседника. - Если я поверю в судьбу, то у меня сразу же возникнет чувство, что я виноват перед этой судьбой. И тогда у меня появляется вопрос: в чем? В чем виноват я? В чем виноват ты? В чем виноваты

те, кто рождаются слепыми и безрукими, уродливыми и неполноценными? Есть лишь случайность и последствия людских поступков.

-Это верно. Отцы ели виноград, а у сыновей оскомины.

-Судьба - это некий бог, бог не только жестокий, но и неразумный. Я не верю в такого бога и не верю в судьбу. И я не верю прорицателям. Они - мошенники. Нельзя предсказать то, чего нет.

-А знаете, патрон, - шутливо вставляет Матфей, - у греков судьбу определяют три сестры - богини. И они слепые.

-А ослепил их, надо полагать, Веельзевул, - горько усмехается Иуда.

-Нет, он им все же оставил один глаз на троих, - хохочет мытарь. - Извините, мой друг, если я вас рассердил. Но иногда хочется посмеяться вопреки всему.

Во дворе на ложе сидят юные братья. Уже смеркается. Розовый закат виден над воротами и забором таможни. Где-то далеко на западе, за Геракловыми столбами, на краю Океана солнце проваливается под землю, чтобы завтра утром взойти с другой стороны.

-Ну, теперь ты веришь мне? - вопрошает Иоанн.

Ему очень жаль, что их отец не признал Мессию, и теперь попадет в ад. По крайней мере, своего брата Иакова он хочет спасти от вечных мук.

-Веришь, что учитель - Мессия?

-Да.

-Помнишь, как он сказал: вы наречетесь сынами Неба? Будут великие знамения. Мы такое увидим! Ангелы с небес будут сходить.

-А разве не ангелы - сыны неба?

-Нет, брат, сыны Неба - это дети Бога. Мы - дети Господа.

-Иоанн, наш отец умер!

-Он наш кровный отец. Но Господь - духовный отец. Разве не творец мира - отец всему живому? Но есть истинные дети, исполняющие волю Отца Небесного. Мессия - первый среди них. Он - вождь сынов Божьих и пастырь народов. Вспомни, как сказано в Писании: Сын дан нам, власть на плечах его. Его назовут: Дивный, Советник, Бог мощи, Отец вечности, Принц мира.

Мессианская доктрина иудаизма все ближе подводит Иоанна к мысли, что Мессия должен быть сыном Бога, иметь неземную суть. Пока он воспринимает это только метафорически. Но все религии рождались из метафоры, иногда ее начинали понимать буквально. От аллегорической благодарности солнцу за свет и тепло один мысленный шаг до культа Атона - Гелиоса. Моисей создал из метафоры Отца для бездомного народа Бога. Скоро Иоанн создаст из метафоры Сына нового Бога.

Братья остаток вечера проводят на дворовом ложе в обсуждении мессианской доктрины израильских пророков. Иаков не осмеливается прямо отрицать статус Иисуса, он позволяет себе только сомневаться.

-В народе многие считают Мессией Иохонана - Крестителя, - замечает он.

-Это так, - соглашается Иоанн.- Но сам Иохонан считает себя Мессией? Вот что главное! Никто не возьмет на себя такое, если не дано ему свыше, - приводит он свой железный аргумент. - Вспомни, Иохонан сказал, что он предтеча Мессии. Все складывается, Иаков! Посмотри сам! Иохонан - предтеча, а учитель - Мессия. Он сказал: я принес Царство Небесное. Ты сам слышал!

-Так-то все складывается. Ну а что дальше?

-Дальше? Дальше мы такое увидим! Нужно только подождать. Осталось немного.

-Хорошо, подождем.- Такое завершение разговора Иакова устраивает. - Пойдем спать?

-Ты иди, а я сейчас.

Иаков возвращается в дом. Иоанну же не хочется спать. Его переполняют восторг и радость. Получивший царский трон не испытывает такого ликования, как он сейчас. Ведь он получает Царство Божье и вечность справа от возлюбленного учителя. Кто еще такое получал? Он стоит посреди этого мира, окруженный крохотным галилейским двориком, и дышит полной грудью, вбирая в себя холодный, пахнущий озером воздух. Мир, дивный мир! Где же ты, Царство Небесное? Где же ты, Небо Христа? Он уже понял, что дело не в том, что над человеком, но в самом человеке. Нужно открыть внутреннее око в себе. Но как это сделать? Юноша опускается на колени в темном дворе и в тишине спящего мира возносит горячую молитву к небесам от избытка сердца, ибо просить сверх полученного ему уже нечего. Он помнит притчу Зеведея о докучливой вдове: если долго просить Бога, он дает желаемое тому, кто взял его на измор. Но Иоанн не хочет надоедать Небу. Он полагает, что Богу, как и всякому живому существу, благодарность приятнее просьбы. И он благодарит:

“Господь Всемогущий, Иоанн благодарит тебя за то, что позволил ему родиться на свет и жить в твоём мире. Благодарю, что поставил меня на путь истинный. Благодарю, что Мессия-Христос, посланный тобою в мир, чтобы исполнить волю твою, знает меня. Благодарю, что поставил меня рядом с Царем Израиля. За все благодарю, Господь Всемогущий, пребывающий на небесах”.

Он встает с колен, преисполненный ликующей любви. Он любит Господа! Он любит Христа, который спит в нескольких шагах от него! Он любит этот мир! Он любит ближнего своего, как самого себя! Он сосуд, наполненный любовью.

Иоанн возвращается в дом и ложится в постель, боясь расплескать себя.

-Иаков, - тихо зовет он. - Иаков, проснись.

-Что тебе? - сонно бормочет тот.

-Я люблю тебя, брат.

-Да спи ты!

Иоанн довольно улыбается, ложиться поудобнее на бок и закрывает глаза. Вскоре засыпает и он. Таможня погружается в мертвую тишину.

В последующие дни Иисус начинает понемногу есть, и приходит в себя. Дни стоят солнечные, его выводят во двор и там он лежит на ложе под акацией с умиротворенной улыбкой воскресшего. Иоанн не отстает от него. Более всего его интересует процедура искушения Иисуса. На том пути, который он избрал для себя, дьявол его тоже не пропустит мимо. Сатана стережет врата в Царство Небесное.

-Учитель, расскажи, как тебя искушал дьявол, - простодушно просит он Иисуса, не понимая, что требует самых интимных откровений от него.

Иисус задумывается, подбирая словесную формулировку всему тому, что он пережил в Галилейских горах у Меронских вод в каком-то гроте, который избрал своей могилой. Скопец не хочет оставлять этому миру даже последнюю улику своего присутствия в нем – свой труп. Он думал, что останется в этой могиле уже навсегда. Будто никогда и не было Иисуса из Назарета, сына плотника Иосифа. Был лишь некий тяжелый, больной сон, который приснился Святому Духу, - и он кончился. Этот сон лежал в своем гроте и ждал своего окончания.

-Дьявол приставал к тебе? - не терпится Иоанну.

-Прямо как ты сейчас, - слабо защищается Иисус.

-Расскажи, учитель.

-Я долго голодал. Перестал считать дни. Если было светло, я не знал, утро это или вечер. Иногда камни казались мне хлебом, и я хотел взять их и есть. Человек во мне не хотел умирать, ведь жить он начал раньше, чем научился думать и говорить. Помнишь, как сказано в Когелете: живому псу лучше, чем мертвому льву, и следует человеку радоваться тому, что имеет.

-Дьявол говорил с тобою мудростью царя Соломона?

-Почему бы нет? Ведь Соломон много искушался. Он учил жить, а не умирать. Дьявол хочет того же.

-Разве дьявол не для погибели людей?

-Мертвые - бесполезны. Они возвратились к Святому Духу. Дьявол же повелитель этого мира.

-Ему нужны живые, чтобы захватывать и покупать человеческие души?

-Никто не захватывает у самого себя и не покупает то, что уже приобрел. И дьяволу нет нужды покупать то, что принадлежит ему испокон веков - этот мир. Ты платишь дьяволу, а не он тебе. Цена дьявола - твоя жизнь. Чем выше человек ценит свою жизнь, тем дороже дьявол.

-Как же спастись от такого врага?

-Скажи лучше, как его обесценить. Воскреснуть из мертвых и родиться вновь для Неба. Но окончательно победить дьявола может только тот, кто расстался со своей душой. В смерти человека лишается дьявол дома своего. Кто жалеет душу свою, тому закрыто Царство Небесное. Душа томила меня в моем гробе и манила назад запахом испеченного хлеба, и цветом трав полевых, и мягкостью женских волос, и предлагала мне все человеческие радости, и ставила меня на возвышении перед городами, полными жизни, и говорила: ты можешь иметь это. Возьми хоть что-нибудь. И малости мне будет достаточно. Так говорила моя душа мне. Но я хотел расстаться с ней. Царство Небесное силой берется. Меняющий дворцы на пустыни обретет его, ибо узок путь и тесны врата, ведущие к Небу. Душа не тоньше ли угольного ушка? Но, говорю тебе, врата еще тоньше, тоньше всего сущего, тоньше языка. Прах самая малая из вещей. Даже если сможешь разделить его на тысячи частей и взять одну из них, то останется она сущей. Царство Небесное вне сущего. Святой Дух вне языка. Душа моя слабела, и дьявол отступал. А потом был свет, но не тот, который я видел по утрам. Это был свет не для глаз и не для души. Это был свет свободы. Я не знаю, что со мной было, потому что меня больше не было. Там кончалось человеческое, и начиналась бесчеловечная свобода. Но я вернулся. Я ведь обещал, что не брошу тебя на дороге, мой мальчик.

-Благодарю, благодарю, учитель. Как я рад, что ты вернулся!

Иисус внимательно смотрит на Иоанна. Он понимает, как далек еще юноша от его жестоких истин.

-Ты еще юн, Иоанн, но скоро узнаешь то, что становится рано или поздно известно всем людям. Этот мир - преисподняя. С этим чувством невозможно жить. Значит, его нужно забыть и сделать вид, что мир хорош. И дьявол помогает душе забыть это, как помогает ей забыть и Святой Дух, из которого она изошла. Душа не помнит, что вышла из рая свободы и попала в плен ада. Иногда ей кажется, что она уже в раю. Дьявол ей подсказывает это. Одним людям этот дьявольский шепот помогает больше, другим меньше. Вопрос в том, среди первых или последних оказывается человек.

-Учитель, я буду среди последних, как и ты.

-Помни, Иоанн. Среди последних, не среди первых. А для этого не позволяй сатане зашептать тебя. Оглянись вокруг, это его царство. И я вернулся, чтобы сразиться с ним.

-Но как же, учитель?

-Преисподняя - родной дом дьявола. Если худшее место в мире - твой дом, то чего тебе бояться? Чего боится дьявол?

-Он боится Бога.

-Он любит себя, этот дьявол, как и всякий человек. Он плоть от плоти человеческого Бога. Сатана любит Бога. Чего же он боится?

-Не знаю.

-Я скажу тебе, Иоанн, если ты до сих пор не понял. Дьявол боится Царства Небесного. Царство Небесное только и страшно дьяволу и человеку. Не ищи там ни Бога, ни дьявола, ни человека! Там только Святой Дух. Только свобода! Не готов ты еще к тому, чтобы услышать последнюю истину о Боге. Когда будешь готов, я тебе ее открою. А теперь иди и подумай о том, что я тебе сказал. А я еще полежу.

Иоанн готов слушать музыку учительских речей до бесконечности. Он нехотя уходит в дом и пересказывает Иакову свой разговор с Иисусом, совершенно извратив его. Любовь - вот что он услышал в речах Иисуса.

Только любовь спасет мир. И Спаситель вернулся ради любви. Любовь всеильна. Ей подчиняется даже дьявол. Бог послал в мир своего Мессию, чтобы он возвестил миру любовь. До сих пор Иоанн знал только строгого, грозного и ревнивого Бога Израиля, которому поклонялся его отец. Это был оправданный всей человеческой историей образ Правителя, сурового и неподкупного, который держит свое царство в крепких руках. Но вскоре родится слащавый и фальшивый образ другого, христианского Правителя, источающего любовь, как пирог патоку, Правителя еще более противоречивого, чем патологические цезари Рима. Для доказательства этой тиранической любви потребуется, чтобы новый Правитель, который до сих пор только принимал жертвы от людей, сам принес им жертву от себя. Эта жертва окажется потрясающе нелепой. Бог отправит совечного ему Сына на землю - по меркам их вечности - на одно мгновение, чтобы тот тут же сбросил с себя смертную оболочку, как грязное и позорное рубище, и вернулся в достойные чертоги, облекся в блистающий костюм и потребовал за свое шоу на кресте от жалких, смертных существ, у которых только это мгновение и есть, непомерную вечную плату.

-Бог есть любовь, Иаков, - заключает свой рассказ Иоанн. - Учитель в пустыне искушался дьяволом. Сатана поставил его на гору и предложил власть над миром, если он покорится ему. Но учитель победил и вернулся в мир ради любви. Предстоит великое сражение с дьяволом.

-Когда?

-Не знаю. Учитель не сказал.

Иисус все еще лежит под акацией, когда во двор таможни входит Иуда. Он передает продукты, купленные в городе, Матфею и подсаживается к Иисусу. Они еще не говорили наедине и не спешат начать разговор.

-Значит, ты вернулся? - наконец, произносит Иуда.

-Да.

-Все будет по-прежнему?

-Если ты имеешь в виду синагоги, то нет. Что проку говорить десяткам и сотням? Лучше сказать один раз тысячам.

-Что это значит?

-Я вернулся ненадолго. До Пасхи.

-?

-Просто не представляю себе долгой жизни. Что с ней делать? Знаешь, после того, что я пережил в гроте, мне до сих пор странно, что у меня есть руки, ноги, тело. Зачем они мне? Я был свободен. Смерть мне больше не кажется значительным событием.

-А что за ней?

-За ней - свобода. Свобода от Иисуса. Свобода от Иуды. Свобода от всего.

-Тогда почему ты вернулся?

-Даже не знаю. Что-то удержало меня. Мне сорок лет, Иуда. И половину из них я молчал. А сейчас я молчу еще больше. Я так молчу, что горы должны сдвинуться! Мне нужно высказаться. Наверное, это меня и удержало. Остальное - не моя печаль. Трудность в том, что к истине

приближаешься в молчании, а возвращаешься в немоте. Я должен собрать этот жемчуг и отдать.

-Свиньям?

-Я же сказал: это не моя печаль. Меня это больше не беспокоит. Я - не борец за справедливость, я - не продавец счастья, я - не заклинатель змей, я - не учитель людям и не судья миру. Я - больше. Я - тот, кто узнал правду и сказал ее миру, - последнюю фразу Иисус произносит так, будто говорит о себе из будущего, в котором его уже нет.

-Ну а ты? - после паузы спрашивает он. - Что будешь делать?

Иуда, помолчав, отвечает:

-Мне поздно отступить. Тебе ведь нужен спутник на Пасху.

-Я могу пойти и один. Мне уже ничего не нужно от других. Нужно ли это тебе? - Иисус со значением смотрит в глаза Иуде.

-Мне поздно отступить, - повторяет он.

-Значит, на Пасху будем в Иерусалиме вместе, - Иисус произносит это без всякого выражения, просто констатируя факт, и откидывается на подушку.

Иуда тоже всматривается в него и понимает, что в Иисусе что-то изменилось. Словно это была лютня с трещиной, издающая иногда надрывные, дребезжащие звуки. Больше трещины нет, лютня звучит чисто и ровно. Возможно, она отныне никогда не издаст свои душераздирающие ноты.

Иоанн застаёт Петра и Андрея на берегу. Они вытащили лодку на берег, чтобы почистить и осмолить ее днище. Они так заняты делом, что не замечают его появления. От хорошего настроения, оттого, что светит солнце, и блестит озеро, и легкий бриз волнует воду, у Иоанна возникает дурашливое желание подкрасться еще ближе и напугать двух силачей неожиданным криком. Он воздерживается от этой мальчишеской выходки и солидно приветствует их.

Петр оборачивается и с широкой улыбкой хлопает юношу по плечу.

-Здорово, друг!

-Тише ты! - притворно сердится он. - Кости сломаешь.

-Прости, Иоанн. Я рад тебя видеть. Говорил же я, что они вернуться, - обращается он к Андрею.

Тот охотно подтверждает:

-Верно, брат.

-Матфей сказал, что твой отец болен.

-Он умер, - в сотый раз Иоанн принимает скорбный вид и в сотый раз выслушивает соболезнования. У Петра они оказываются самыми короткими.

-Жаль, друг. Ну а как ты сам?

-Я хорошо.

-А как твой учитель?

-С ним уже все хорошо.

-Уже?

-Он был в пустыне и искушался дьяволом.

-Дьяволом? - уважительно, хоть и с долей сомнения, произносит Петр.

-Учитель победил.

-Он, что же, сражался с ним? - спрашивает серьезно Андрей.

-Ну, не на мечях, конечно. Сначала Иисус захотел есть, и сатана предложил ему превратить камни в хлеб. Но он отказался. Тогда сатана вознес его на гору и предложил ему во власть весь мир с дворцами, если Иисус поклонится ему. Но он опять отказался. И тогда сатана сказал ему: если тебе ничего не нужно, то зачем ты живешь? Прыгни с горы и разбейся. Но Иисус не послушал его. Тогда дьявол оставил его. Только учитель очень ослаб от этих искушений.

Братья слушают его, разинув рты.

-Сейчас он набирается сил для великих дел.

-Для великих дел?

-Он же Мессия! Предстоит битва с армией сатаны. Вы – с нами?

Открыть рты еще шире братья уже не могут. И если Петр задумывается, то Андрей принимает решение мгновенно: он вступает в армию Мессии. Ему давно хочется подраться. И его не держит за рукав какая-нибудь Цилла.

-Я же говорил вам!

-Так-то оно так, - соглашается Петр, - но трудно принять сразу такое. Все же - Мессия, не фунт изюму.

-Говорю вам, он - Мессия. Сатану одолел, тещу твою на ноги поставил. А как вашего Иаира бес поверг на землю, когда учитель на него взглянул. Как он кричал: знаю, с чем ты пришел, назарянин.

-Иаир отроду припадочный.

-Да ты что, Петр? - возмущается юноша. - Смотришь и не видишь? Учитель называет таких слепыми и мертвыми.

-Я не мертвый.

-Тогда родись снова и оставь все свои грехи.

Петр озадаченно чешет голову.

-Да у меня, вроде, и грехов - то особых нет, - неуверенно произносит он.

-Ты что же - святой?

-Нет. Грехи-то, конечно, есть. Только Бог без греха. Просто я не очень понимаю, когда грех, а когда не грех. Так все хитро устроено.

-Ты соблюдаешь заповеди.

-Так их сколько! Все и не упомнишь! Они для священников и фарисеев. Я - не ученый, и мне работать нужно каждый день. Но субботу я соблюдаю, - поспешно добавляет он.

-Вот суббота как раз и не важна. А какие заповеди наиважнейшие?

-Почитать Бога. Не творить кумиров.

-Так, - экзаменует его Иоанн.

Петр начинает перечислять все десять скрижальных запретов.

-А какая еще наиглавнейшая?

-Не знаю.

-Око за око, зуб за зуб, - вставляет Андрей.

-Нет! - возмущается Иоанн.

-А какая же?

-Полюби ближнего своего, как самого себя. Подумайте сами. Ведь не станешь клеветать, обкрадывать и убивать того, кого любишь.

-Пожалуй.

-Вот ты, Андрей, любишь ближних своих?

-Кое-кого люблю, кое-кого нет. Фарисеев не люблю.

-А должен любить всех!

-Да за что их любить?

-Вот так говорят все. Грешники тоже любят тех, кто их любит. И мытари, и фарисеи, и римляне, и сам дьявол любит тех, кто ему служит. А ты не будь таким. Ты люби всех.

-И римлян, и сатану? - удивляется Андрей.

Иоанн смущается и начинает сердиться.

-Они тебе не ближние. Они - враги.

-Так мне и фарисеи не друзья. Кто же мне ближний?

Иоанн чувствует, что скептический деревенский ум Андрея запутал его. И тогда он делает то, что делают все теоретики: отделяет свою доктрину любви от бытовых признаков.

-Любовь, Петр, любовь. Кто любит, тот не в грехе живет, а кто не любит, тот грех совершает, даже если не крадет и не убивает. Какая заслуга мытарю, если он любит мытарей? Только любовь прощает грехи. Любовь не завидует, не крадет, не убивает. Бог возлюбил Иисуса и тех, кто с ним. Вы - с нами?

Братья не выдерживают такого напора и подтверждают свое согласие.

-Тогда идем к Иисусу, - решительно заявляет юноша.

-Сейчас? Нам лодку нужно починить.

-Там - Царство Небесное, а ты о лодке заботишься.

-Ладно. Завтра починим, - решает Петр.

Все трое направляются к таможене.

Андрей так и не понял, кого ему любить и с кем драться. Против кого они идут на битву со знаменем любви? Но желание стать воином Христа от этой путаницы у него не пропало. Решение приходит солдатское: кого прикажут, того и убью. Враг сам себя обнаружит. И у врага будет такое же желание подраться. Тогда они и сразятся за победу любви над этим миром. В живых, измазанные кровью, останутся только любящие сердца. Наступит Царство Божье.

У ворот таможи стоит капернаумский рыбак и спорит о чем-то с Матфеем. На лице у него застыло тупое упрямство.

-Вот, - жалуется Матфей братьям, - договорился с вашим коллегой, что он завтра перевезет меня в Декаполис. Договорились за одну плату, а теперь он просит вдвойне.

-Мне же назад без рыбы возвращаться, - оправдывается тот.

-Конечно, без рыбы. Ты мне для перевоза нужен, а не для рыбалки.

-Вот я и прошу доплатить за рыбу.

-А если ты завтра ничего не поймашь, кто тебе заплатит за труды?

-То - от Бога, а ты - мытарь, - бессовестно твердит рыбак.

-Значит, с меня можно три шкуры драть?

-Матфей, мы завтра отвезем тебя на тот берег, - обещает Петр, - и денег не нужно.

-Вот спасибо. Слышал? - смеется Матфей. - Иди теперь, лови свою рыбу, вымогатель.

Рыбак уныло уходит.

-Ты же только вернулся из Декаполиса, - удивляется Иоанн. - И опять?

-Там у меня мать, а дни все равно свободные. Съезжу, отдохну... Вы тут без меня управитесь?

-Да уж, - соглашается Иоанн, пропуская вперед во двор слегка оробевших братьев, - входите.

Вот учитель.

Иисус сидит на ложе.

-Учитель, я привел Петра с Андреем. Они хотели тебя видеть.

Братья робеют еще больше. Собственно, они думали, что их хочет видеть Мессия, но теперь получается наоборот.

-А, Петр, - дружелюбно произносит Иисус. - Как твоя теща?

-Ходит как молодая.

-А жена?

-С ней тоже все хорошо.

-Живете как?

-Живем... по-разному.

-Не хорошо мужу разводиться с женой.

Петр смотрит на него с удивлением.

-Откуда вы знаете, что я думаю об этом?

-Вижу. Нет нужды это делать, Петр.

Он смущается. Значит, Иисус слышал тогда в доме, когда лечил его тещу, их спор с Циллой.

-Знаю, что не хорошо, - бормочет он, - трудное дело - семейная жизнь.

-Поэтому лучше вообще не жениться.

-Вот Андрей и не женится.

-Но если женился - живи.

-Так-то оно так. Только пользы от такой жизни никому. Одно взаимное мучение. Вот я и хочу вас спросить, - под одобрительным взглядом Иоанна смелеет Петр, - какая награда человеку за то, что он терпит?

-Награда? Странная это вещь - награда. Она избегает человека, который очень ее ждет. Она кажется ему капризной и несправедливой. Но не дается ему награда именно потому, что он ждет ее и не замечает остального. Каждый день тыловишь всякую рыбу - это твоя награда за труд. Но если ты хочешь поймать только крупную рыбу, то мелкая тебе уже не кажется достойным вознаграждением. Награда частый гость у того, кто ее совсем не ждет. Довольствуйся малым, а когда получишь сверх того, то станет это неожиданным подарком для тебя.

-А если я все же хочу крупную рыбу?

-Насколько крупную?

-Самую крупную.

Иисус всматривается в лицо Петра и произносит:

-Что ж, дерзай Петр - камень. Под лежащего Петра вода не течет.

-Если я пойду с тобою, то получу эту награду?

-Что ты подразумеваешь под наградой?

-Истину.

Задумчивое молчание Иисуса рыбак воспринимает как недоверие к себе, но это не так. Настроение и планы Иисуса после возвращения изменились. Его больше не интересуют синагоги, и приверженцы его истины. Он - сын Неба, и ему достаточно этого знания. Он идет в Иерусалим, и то, зачем он туда идет, не требует помощников. Человек ищет сообщников, когда не может достичь цели собственными силами. В отхожее место ходят без единомышленников, а в постель не зовут третьего. Помощники нужны человеку для более великих дел. Иисусу они больше не нужны. У него нет великих человеческих дел. Есть мир и есть он, и они не нужны друг другу. Это справедливый взаиморасчет.

-Ты прав, Петр, полагая, что истина наибольшая награда человеку, ибо все муки человека от человеческого и одна забота у него - он сам. Не стоит труда приобретать истину, которая ни от чего не освобождает. Ложных путей много, и все они ведут в мир. Только истина выводит из него. Не нуждаться в мире - значит победить его.

-Как человеку победить мир?

-Только-то и нужно победить себя.

-Превозмочь себя?

-Выйти из себя.

-Разозлиться?

-Да нет же! - улыбается Иисус. - Забыть себя, покинуть, уйти, оставить, отречься, освободить от себя.

-Разве это не значит - все потерять и проиграть?

-Я расскажу тебе притчу. Некий человек прекрасно играл на кифаре, и все вокруг славили его. Однажды он узнал, что в далекой стране живет великий мастер игры на кифаре, и захотел

померяться с ним силами. Он отыскал этого человека и несколько дней показывал ему свое искусство. Его кифара смеялась и плакала, кричала и шептала, стонала и пела. Но когда он закончил свою игру, его соперник даже не взял свою кифару в руки. Он лишь посмотрел на музыканта, и тот понял, что мастеру незачем играть. Он уже победил, не взяв в руки свое оружие.

-Но трус поступает также!

- Полагаю, Петр, этому мастеру игры на кифаре уже ничего не нужно было доказывать самому себе, а значит – и миру. Ему было все равно: сочтет ли его мир героем или трусом. Если ты освободился от человеческого, никакой человек тебе более не противник, а мир – не судья. Всякое превосходство одного человека над другим есть его высокомерие. Мир держит каждого тысячами незримых нитей. стыдно быть не таким как все. стыдно быть лучше других, ибо это высокомерие. стыдно быть чище других, ибо это высокомерие. стыдно быть умнее других, ибо это высокомерие. стыдно быть свободнее других, ибо это высокомерие. Отмеряй же себе самой большой мерой и не смотри на мир. Если ударят тебя по левой щеке, подставь и правую. Снимающему с тебя верхнюю одежду, отдай и нижнюю. Пусть гордыня твоя будет сверх всякой меры. Нет тебе врагов в этом мире. Ты победил человека! Что может дать тебе этот мир? Ничего, что тебе нужно. Что этот мир может отнять у тебя? Ничего, что тебе нужно. Это – свобода! С тебя снимут твою одежду, с тебя сорвут твоё мясо, кости твои раздробят. И душу твою убьют. Останется только Святой Дух. Это – Царство Небесное.

Иоанн с большим удовольствием смотрит на потрясенного Петра и не сознает своей отвратительности. Ведь он словно бродячий актер, демонстрирует другим редкого зверя и наслаждается тем впечатлением, какое этот редкий зверь производит на них. Правда, он ловит на себе брезгливый взгляд Иуды, но не придает ему значения. Иуда почти всегда так на него смотрит. У него мерзкий характер и, наверное, извращенный ум. В своей же чистоте юноша не сомневается. Он любит, а кто любит, тот без греха. Кто любит, с тем Бог. У Иуды нет Бога. Словом, он забывает о противном старике и с легким сердцем провожает братьев до самого города, желая узнать их мнение об услышанном.

-Это, конечно, правильно, что человек человеку мера. Мы говорим одинаково, одеваемся, учимся друг у друга и живем по традиции. А как же иначе? Мы – народ. Если каждый сам по себе, то – как же жить? Как звери? – рассуждает Петр.

Он достиг той возрастной зрелости, когда человека начинают заботить общественная ценность и историческая продуктивность той или иной доктрины. Именно так он и оценивает высказывания Иисуса, которые для Иоанна важны как постулаты невероятного, как теория сказочности. Он останется мечтателем на всю жизнь, заботясь об эстетике христианства, а не о его повседневности. Сердолик и яспис в фундаменте Небесного града будут интересовать его больше, чем политическое выживание христианских общин. Старец Иоанн будет говорить в своих посланиях только о любви, немолодой Петр будут учить покорности властям и цезарю.

А пока, идя рядом с юным Иоанном и своим братом Андреем, он рассуждает:

-Пусть гордыня твоя будет сверх всякой меры. Как же жить с этим? Пока слушаешь твоего учителя, все кажется правильным, а когда потом задумываешься, с его словами жить невозможно. Свобода! А жена, а семья, а народ? Как же тут жить?

-Не знаю, – беззаботно отвечает Иоанн. – Спроси завтра учителя. Ты задавай вопросы, когда непонятно.

-Да пока он говорит, у меня и вопросов-то никаких нет. Сначала бы понять, что он говорит. Уж очень чудно. У меня сразу в голове становится пусто.

-Ну а потом?

-Потом, конечно, вопросы появляются, но уж очень глупыми они мне кажутся. Иисус

говорит мудрено, а тут я с дурацким вопросом. Не хочется осрамиться.

-Ты сегодня вечером подумай, - советует юноша, - приготовь свои вопросы, которые поумнее, а завтра задашь их учителю. И ты, Андрей тоже не молчи.

-Я говорить не мастер.

-Скажи как есть.

-Мне, вообще-то, понравилось то, что он говорил, - признается Андрей. - Ты никому не должен, тебе никто не должен. Так хорошо жить. Вот только насчет того, чтобы щеку подставлять, я не согласен. И рубашку так просто не отдам. Позорно это. Жизнь, конечно, отдать можно за стоящее дело. Я помню, как твой учитель вон там, у реки стоял, когда фарисеи хотели побить его камнями. Ничего не скажешь, гордо стоял. Убивайте его, не отступитесь от своего. Я его тогда еще заужал.

-Я тоже там был, - напоминает Иоанн, очень гордясь тем, что тогда ему казалось ужасным и позорным.

-Ну, ты вообще не за дело попал! Тебе-то за что было умирать?

-Я бы умер вместе с учителем.

Братья ему верят. Парнишка был бледен, но держался молодцом. Собственно, ради него Петр и вмешался. Жалко стало мальчишку.

-Нет, - заключает Иоанн, - вы зря говорите на учителя. Он любит людей!

-Так мы ничего не говорим

-Он вернулся из-за любви. Вот ты, Андрей, если бы стоял перед Царством Небесным, и ворота тебе уже открылись, ты вернулся бы за братом?

-Вернулся бы.

-Вот и он вернулся ради нас.

Они доходят до огородов. За ними река и сарай, у которого Иоанн чуть не принял смерть.

-Вы же Иакова, моего брата, видели? Мы с ним тоже всюду вместе, как и вы. Матфей дал нам прозвище "сыны грома". У греков они называются Диоскурами. Он и вам прозвище придумал: Геракловы столбы. Это два утеса на краю земли перед океаном.

-Мытари - они ученые, собаки, - соглашается Андрей.

-Да,- вспоминает Петр, хлопая себя по лбу, - я же пообещал перевезти его завтра на тот берег.- А лодку мы не починили. Вернемся на озеро?

-Не хочу я возвращаться, - отвечает Андрей, которому озеро давно надоело. - С утра сделаем. Руль поправить - плевое дело.

-А я не хочу так рано идти домой.

-Зайдем в лавку Закхея. Он вчера флаг свой вывесил. Значит, новое вино привез. С людьми поговорим.

-Пойдем. Хочешь с нами? - спрашивает Петр юношу.

-Нет, я домой... то есть на таможду.

"Славные люди, - думает Иоанн на обратном пути. - Жаль бросать их в таком захолустье. Они тут сопьются или попадут к сикариям. Я их все равно приведу к Иисусу. Да и сила их может пригодиться". Он чувствует себя настоящим ловцом человеков. Одно огорчает его. Учитель после своего возвращения из пустыни, которую он не поменял на предложенный дьяволом дворец, стал холоднее и бесстрастнее. Вместе с былой мятежностью его покинул и проповеднический жар. Иногда кажется, что он не столько хочет привлечь к себе слушателя, сколько оттолкнуть его от себя.

Иисус сидит в трапезной с Иудой и Иаковым. Хлопочет Матфей, нахваливая Декаполис, в который завтра собирается поехать.

-В Гадарея чувствую себя намного вольнее, чем здесь. Там очень смешанное население:

сирийцы, греки, персы, арабы и, конечно, евреи. Все живут как им угодно. Это весьма способствует торговле и развитию ремесел. Наши иудеи этого не понимают. Они не хотят сотрудничать с властями. А ведь римляне вовсе не желают им зла. Взять хотя бы новый акведук, подающий воду на Храмовую гору. Ведь каждый еврей, приходя на праздник в Иерусалим, страдал от недостатка воды. Но платить налог на его строительство не хотят. Что же, римлянам строить акведук для евреев за свой счет? Вот Пилат и арестовал казну Храма. Так почему не решить все сразу миром? Ведь сколько крови пролилось. Чуть до войны не дошли.

-Пилат преступил границы своих полномочий, - хмуро говорит Иуда, - как до него это делал царь Ирод. Ирод тоже построил иудеям Храм, гордость Израиля, но вогнал народ в рабство, и каждый камень Храма стоит на чьей-то крови. Вот и проступает на этих стенах проказа.

-Да, уникальное явление - проказа на камнях, - соглашается Матфей. - Я рассказывал об этом в Декаполисе, никто не верит, что камни могут болеть.

Иисус равнодушно молчит. Матфей бросает взгляд на него, затем на Иуду и продолжает:

-Вы извините меня, мой друг, если вас это рассердит, но мне кажется, что политика Синедриона не доведет Израиль до добра. Этот Синедрион хочет сидеть сразу на двух креслах, а точнее, не хочет сидеть ни на одном. Он презирает свой народ и ненавидит римлян. В итоге народ сам по себе, римляне сами по себе, и Синедрион сам по себе. Однажды какая-нибудь из этих двух сил его сметет. Хуже всего, что законная власть не с народом. Если врага нельзя победить, с ним нужно сотрудничать, а взамен добиваться уступок. Ведь даже греки смирились с владычеством Рима, но потребовали особых привилегий. Синедриону следовало бы объединиться с народом и по примеру того же Декаполиса добиться новых колониальных прав, торговых льгот, участвовать в земельных аукционах, а не хранить гордое молчание. И ведь Израиль не так уже много дает. Из Египта Рим высасывает в десятки раз больше. Что тут обижаться? На обиженных воду возят. Уступай, но торгуйся.

Никто уже не слушает болтовню мытаря. Иисус с отрешенным видом крутит в пальцах фисташку, как бусину с молитвенных четок, и не произносит обличительных фраз в адрес житейской мудрости Матфея. Час назад он срывал с человека последние клочья мяса и дробил его кости, но сейчас не возражает против его жажды наживы. То, чего хочет Иисус, несоизмеримо с житейской мудростью, ибо его мудрость бесчеловечна.

-Учитель, - вступает в разговор Иоанн, - перед уходом из Назарета я видел твою мать. Я еще не сказал тебе об этом. Она просит, чтобы ты вернулся домой.

Иисус угрюмо молчит.

-Я должен был тебе это сказать, - оправдывается юноша. - Мы с Иаковым оставили ей немного денег. Если хочешь, мы съездим туда и отвезем еще денег.

-У меня нет денег! - устало отзывается Иисус.

-У меня есть деньги, учитель, - живо вступает в разговор Матфей, хотя в словах Иисуса не было никакого призыва. - Я принесу сейчас.

-Не беспокойся, - останавливает его Иуда.

Матфей понимает, что получил от него урок деликатности, и виновато замолкает. Но Иоанну очень уж хочется принести жертву.

-Отец оставил нам с Иаковым наследство. Учитель, мы можем продать свою часть и подарить твоей матери.

Зеведей должен бы перевернуться в гробу, узнав, как его имущество готовы передать семье ненавистного бродяге.

-И этого не нужно, - холодно отрезает Иуда.

-Почему? - вызывающе спрашивает юноша. - Учитель, сделать так?

-Нет.

Иоанн начинает что-то понимать. Кажется, он опять ранил сердце учителя.

Иуда взглядывает на помрачневшего Иисуса и говорит:

-Быть может, стоит послать твоим родным немного денег. Ведь это не принципиально?

- Не принципиально.

Иуда поворачивается к юнцу.

-Если ты готов съездить в Назарет, деньги я приготовлю.

Иоанн сомневается. Ему хотелось быть жертвователем, а не гонцом.

-Ты еще успеешь раздать свое наследство, - усмешливо добавляет Иуда.

-Так ли, учитель?

-Так.

-Я съезжу, учитель.

-Когда? - уточняет Иуда.

-Завтра.

-Хорошо.

Иоанну все же очень не хочется принимать деньги из рук казначея, хотя он до сих пор не желал задумываться, за чей счет они все это время жили. Протянув до следующего утра, он в конце концов отправляет к Иуде вместо себя Иакова. Брат возвращается с кошельком денариев. Иоанн с удивлением смотрит, как Иаков тут же высыпает деньги на постель и начинает их увлеченно пересчитывать.

-Что ты делаешь?

-Надо же знать, сколько здесь! Мы ответственны за них.

-Сколько есть, столько есть! Мы только гонцы. Не наше дело считать.

-Нет, брат, мы должны знать.

Иаков не хочет признаться, что ему нравится это делать. Эта бессознательная страсть свойственна многим людям. Он любит пересчитывать деньги, свои и доверенные, чувствуя в своих руках их потенциальное могущество. Иоанн к этой процедуре равнодушен. Монеты бывают потемневшими от грязи, липкими, заляпантыми воском и еще чем-то. После них ему всегда хочется вымыть руки.

-Да их тут тридцать, - восхищенно произносит Иаков, закончив счет и ссыпая монеты обратно в кошель. - Хорошая сумма. Иуда, наверное, все запасы отдал.

-У него денег полный ящик, - уверенно заявляет Иоанн. - Оттого он так бережет его. Даже спит с ним в обнимку.

Иаков фыркает от смеха и опять становится серьезным:

-Зря мы продали коня. Сейчас он нам пригодился бы.

-Не зря. Мы отдали первыми свои деньги матери учителя. А коня мы временно купим в Капернауме.

-Как это - временно?

-Когда вернемся, продадим назад.

-А на какие деньги купим? Отсюда возьмем?

-Нет, эти деньги трогать нельзя. Одолжим у Матфея. Подожди меня.

Занять денег у мытаря Иоанн уже не считает для себя зазорным. Он находит его на кухне. Матфей собирается в дорогу, увязывая свои подарки в мешки. Выслушав просьбу, он ту же выдает Иоанну необходимую сумму.

-А коня берите у Закхея. Знаешь Закхея?

-У него лавка с винным погребом.

-Да. Он и лошадыми приторговывает. Только сразу договорись, что ему же коня и вернешь, - поучает Матфей.

-Я верну деньги, - обещает юноша.

-Об этом не беспокойся. Лучше помоги мне отнести все это на берег. Петр, боюсь, заждался меня.

Иоанн зовет Иакова, вдвоем они подхватывают мешки, все ту же амфору, заполненную теперь галилейским вином, и несут к озеру. Матфей по дороге шутит, пребывая в отличном настроении перед путешествием:

-Я вывожу и ввожу вино без пошшины. А поскольку я не собираюсь платить за свое вино пошшину самому себе, то я - контрабандист. Караул, арестуйте меня.

Юноши смеются.

Рыбаки уже спустили лодку на воду и поставили у причала.

-Ну, сыны грома, благодарю вас за помощь, - весело прощается Матфей, полезая в лодку вслед за своим багажом. - Желаю вам легкого пути. А вы пожелайте мне удачной переправы.

-Приятного отдыха, Матфей.

-Спасибо, юноши. Коня берите у Закхея. Да смотрите, чтоб он вам старую клячу не продал.

Иоанн кивает головой.

-А вы куда собрались? - спрашивает Петр.

Иоанн коротко объясняет.

-Доброе дело. Может, чем помочь? У нас найдется немного денег.

-Конечно, - подтверждает Андрей.

-Да тут целое состояние! - хвастливо заявляет Иаков.

-Ну, тогда берегитесь воров на постоянных дворах.

-Я буду спать с ними, как Иуда со своим ящиком, - отшучивается Иоанн.

-Они справятся, - торопит всех из лодки мытарь. - Нам тоже пора в путь.

Рыбаки отчаливают, юноши направляются в Капернаум. Уже в нескольких десятках метров от берега Матфей замечает Иисуса, впервые поднявшегося на свой излюбленный холм, и прощально машет ему. Петр, поднимая парус, оглядывается и неуверенно тоже делает прощальный жест. Иисус замечает их движения и в ответ приветственно поднимает руку. Ветер треплет его алый плащ как флаг, установленный на горе.

Таможенник устраивается поудобнее на носу лодки и пересказывает своим перевозчикам шутку о контрабанде. То ли занятые своим делом, то ли не понимая иронии, они реагируют вяло. Озеро для них - место работы, где они говорят лишь о необходимом: Андрей на руле, Петр под парусом - и минимум слов. Матфей понимает, что веселой прогулки с пикником на воде не получится, и уходит в обычные дорожные размышления всех путешественников.

У каждого путешествия есть точка разрыва, в которой оставленное прошлое сменяется ожидаемым будущим. В этой точке человек перестает уже думать о том, что было позади, и начинает размышлять о том, что будет впереди. Меняется его настроение и даже иногда весь характер: он был озабочен, - и стал весел, был прост, - и стал важен, был скромн, - и стал бесстыден. Мысленно Матфей уже погрузился в эллинский мир с его гимназиями, школами риториков, театрами, уличными фарсами, прекрасными статуями и домами гетер. Ему даже становится жаль двух братьев, которые не знают этого талантливого и порочного мира и вряд ли когда-нибудь к нему приобщатся.

Вот и причал восточного побережья. С галилейского берега отплыл иудей Левий, но на землю Декаполиса ступает грек Матфей. На прощание он спрашивает рыбаков, не нужно ли им чего привезти из Гадары, и после их отказа обещает им царское застолье в своем доме, как только он вернется. Братья даже не сходят на берег, где пасется целое стадо свиней в сопровождении двух грязных, лохматых и хохочущих мужчин с явными признаками вырождения на лицах, очевидно, свинопасов.

При виде иудейской лодки и Матфея, сошедшего с нее, они начинают корчить рожи и бессмысленно хохотать, показывая друг другу пальцем на иностранцев. Стадо подходит все ближе к берегу, увлеченно роя землю. Пастухи продолжают потешаться.

-Ешь свинью, ешь свинью,- выкрикивают они, подзадоривая друг друга и захлебываясь от удовольствия.

-А ну прочь, дети мрака! - кричит на них Матфей. - Сейчас пристава позову.

Но слабоумные пастухи не унимаются, издавая визги и хрюканье, словно передразнивая так чужую речь.

-Ешь свинью, ешь свинью,- твердят они свое заклинание, как шаманы в трансе.

Матфей, обвешанный баулами, с амфорой в руках, как с младенцем, уходит по пристани к таможенному домику. Братья отталкивают лодку от причала и разворачиваются назад к Галилее. Сзади раздается истошный визг и хрюканье. Теперь уже настоящие. Стадо столкнуло одну из свиней в озеро, пришло в чрезвычайное возбуждение, - и вот еще несколько поросят летят с обрыва вниз и плюхаются в воду. Паника среди животных только усиливается. Пастухи криками и пинками гонят их прочь от берега, а те продолжают сталкивать своих собратьев в озеро. И рев только возрастает. Андрей плюет в воду и садится за руль. Они проделывают обратный путь в привычном молчании.

Еще издали братья замечают алое пятно на холме, а внизу у лодочной пристани толпу людей. "Опять Иаир воду мутит", - досадливо хмурится Петр. Он оказывается прав, если не считать того, что виновником сборища стал рыбак из его артели, тот самый, что вчера просил с Матфея у ворот таможни двойную плату за перевоз. Теперь он стоит посреди толпы с перевязанной головой, будто боец с поля битвы, и жалуется на свое увечье, полученное от рыбаков соседней Вифсаиды.

Причиной конфликта стал давний спор за места ловли между рыбацкими артелями двух городов, расположенных в нескольких километрах друг от друга. Капернаум и Вифсаиду разделяет верхний приток Иордана в озеро. Тяжба обострилась, когда эта природная граница стала еще и административной. После раздела римлянами Палестины на четыре части, галилейский город Вифсаида отошел в Трахонитскую область под управление Филиппа Ирода, брата Антипы. Рыбацкий спор превратился в международный конфликт. Морского права в античном мире не существовало. Но если бы оно и имелось, братья Ироды, которые терпеть друг друга не могли, и не подумали бы сесть за стол переговоров. А после того как Антипа увел у Филиппа его жену Иродиаду, братья не желали даже встречаться. Жители Капернаума и Вифсаиды стали иностранцами друг другу. Они подчинялись разным царям - тетрархам, платили разные налоги и должны были отдавать друг другу пошрины. И вот теперь толпа капернаумских рыбаков с их семьями поджидает на берегу старшину местной артели Петра, чтобы потребовать от него решительных действий. У Петра заранее портится настроение. Он сходит с лодки хмурый и недовольный.

Рыбак в повязке, как окровавленный маккавей, начинает пересказывать Петру с Андреем свою историю, которую уже десять раз изложил всему городу. Он ловил мирно рыбу, никому не мешал, как вдруг приплыли вифсаидские рыбаки, и старшина их Ефрем стал гнать его с этого места на том основании, что оно, мол, ближе к их берегу.

-Да тут всем рыбы хватит, братки, говорю я им. Проваливай с нашего места, отвечают они. Я хотел сеть вынуть и уплыть. Они, когда увидели, что сеть полна, говорят: рыбу оставь, она - наша. Я, конечно, заспорил. Где написано, что она ваша? Посмотрите, говорю, нет на этой рыбе надписи, что она ваша, потому что вся рыба Божья.

-Правильно сказал! - одобряет его крутящийся тут же Иаир. - Вся земля - Господа, и что на ней - тоже Господа.

-Ну а они, - продолжает свой рассказ рыбак,- порезали сеть, рыбу всю выпустили. Раз, говорят, она Божья, то пусть дальше в озере плавает. Парус мне порвали, а Ефрем меня еще и веслом огрел.

-Где же справедливость? - восклицает его жена.

Петр смотрит на толпу, которая застыла в ожидании. Похоже, им хочется, чтобы Петр сейчас же сел в лодку, добрался да вражеского берега и там, как старшина старшине, намял обидчику бока.

-Поплыли, брат, - дергает его за рукав Андрей, - разобьем башку Ефрему.

-Никуда мы не поплывем!

-Но он сам же напросился! Руки чешутся.

-Вот и почеши их об весло! - обрывает его Петр. - Это дело подсудное. Иди к городскому судье, - говорит он рыбаку, - пусть судья взыщет с Ефрема твой ущерб.

-А за голову?

-И за голову пусть взыщет.

-А ты, значит, ничего не сделаешь? - возмущаются рыбаки.

-А что я могу сделать? Поговорю с Ефремом, с городскими старейшинами. Надо как-то озеро поделить.

-Значить, им и впредь можно разбивать нам головы, а мы - ничего?

-Если я сделаю с Ефремом то же самое, чем я буду лучше него?

-Око за око, - бормочет рыбак.

-Где в Законе сказано про твою голову? - сердится Петр.

-Про голову его, конечно, ничего не сказано, - тут же вступает в разговор Иаир, - но сказано о равном возмещении ущерба. Голова-то пострадала.

-Калекой не стал! А Ефрему я скажу.

-Он послушает! - гудит толпа. - Надо вздуть его как следует.

-Идете к судье. Пусть он тем же веслом и даст Ефрему.

-Судья не станет это делать.

-И я не стану!

-Значит, Капернаум для Вифсаиды - пес паршивый?

-Да вы что? - удивляется Петр. - Войны хотите?

Мнения толпы расходятся. Кто-то готов отступить, иные требуют возмездия немедленного.

-Может, и не войны, но уважения хотим,- кричат они.

-Скажи, Петр, ты ведь дружен с этим пророком из Назарета? - говорит смотритель синагоги. - Он ведь многознающий и мудрый человек?

-Ну, положим.

-Пусть он нас рассудит.

-Незачем его беспокоить.

-И беспокоить не надо. Вон он на горе сидит. Пойдем и спросим, каково его мнение об этом. А не захочет с нами говорить, уйдем с миром.

“Ты-то уйдешь с миром!” - думает Петр и отвечает:

-Нечего тут спрашивать. Идите к судье.

-Пророк выше судьи. Правда, мужи-братия? Пророк от Бога судит.

-Верно, - соглашается толпа.

Поднимаясь на холм, Петр не предвидит ничего хорошего. Он помнит слова о правой и левой щеке. Такой суд вряд ли понравится его согражданам. Ему совсем не хочется участвовать в этом, но он решает взять на себя инициативу, чтобы не оставлять ее в руках этого упыря - Иаира.

Иисус встречает их холодным вопросительным молчанием. У Петра пропадает всякое желание излагать перед ним эту глупую историю.

-Мир тебе, учитель, - фальшиво приветствует его Иаир. - Рассуди наш спор, если тебя не затруднит.

-Я слушаю.

Иаир начинает пересказ.

-У вас есть закон,- выслушав историю, отвечает Иисус. - Вот и поступайте по закону.

Петру хочется, чтобы на этом все кончилось.

-Но надо ли прощать ближнему своему? – не унимается Иаир.

-Да.

-До семи ли раз прощать?

-До семидесяти семи!

-Значит, оставить нам Ефрема и его артель как есть и не судиться с ними?

-Кто не судиться, тот выше суда.

-Вот как? Слышали, мужи-братья? Не должно нам судиться, но быть выше судей.

“Сейчас начнется”,- думает Петр.

-Скажи, Иаир, - вдруг переходит в наступление сам Иисус, - какую из заповедей по отношению к ближнему исповедуешь ты?

-Возлюби ближнего как самого себя.

-Любишь ли ты самого себя?

Иаир мнетя, подозревая подвох.

-Как всякий человек.

-А ближнего своего любишь?

-Как всякий человек. Но кто мне ближний?

-Наверное, ближний твой тот, кто любит тебя?

-Именно так.

-Полагаешь, это хорошо: любить того, кто любит тебя?

-И хорошо, и правильно.

-Какая же заслуга человеку в том, что он любит тех, кто любит его? Так поступают все люди, все неверные, все грешники, все безбожники любят тех, кто любит их. И все звери делают также. Разве волки не любят друг друга? Разве псы не лижут друг другу раны? Разве стервятники не держатся вместе? Если звери делают это, то какая заслуга человеку в том, что он поступает по-звериному?

-В Законе сказано...

-Закон этот исполняют и звери. За что человеку честь больше, чем зверю? Зверем и называйся.

-Я не зверь.

-Хочешь жить по-звериному, но зверем не называться? Да, это по-человечески.

У Иаира начинается дергаться щека.

-Как же надо поступать? - не выдерживает Петр, понимая, что все сказанное в равной мере относится и к нему.

-Попробуй сделать то, чего зверь никогда не сделает. Возлюби ненавидящего тебя, прости обижающего тебя и благослови проклинающего тебя. Слышишь, Иаир? Я знаю, что ты ненавидишь меня и ругаешь меня. Вот, говорю тебе при всех: я прощаю тебе твою ненависть и благословляю тебя за хулу на меня.

Петр забывает, что хотел скорее прекратить этот разговор. Он был заодно с Иисусом. Но Иисус не заодно с ним. Он - против всех.

-Так невозможно жить! - заявляет Петр. - И подставлять щеку, и отдавать последнее, и прощать всех.

-Я ведь живу.

-Ты - другое дело. Тебе легко говорить...

-Так мне легко? - гневно взрывается Иисус. - Если мне легко, то почему тебе - нет. Если мне легко, тогда присоединяйся ко мне. Что же ты медлишь? Встань рядом со мною и пусть тебе станет так же легко, как и мне. Или ты сейчас скажешь мне, что не ищешь легких путей, но выбираешь для себя самую тяжелую дорогу в жизни? Посмей сказать мне это. Посмей сказать, что ты ищешь не того, что получше, а того, что похуже! Что желаешь себе нужды и позора, унижений и голода! Нет? Не желаешь? Тогда становись рядом со мною, чтобы тебе тоже стало легко в жизни. Присоединяйся, друг! Ты готов ради этого бросить свою ношу?

Петр начинает обиженно сопеть. Все же он не Иаир, он не враг Иисусу, чтобы тот публично его унижал. Так друзья не поступают. Но Иисус, словно угадав его мысли, вдруг улыбается и мирно обращается к нему:

-А теперь Петр, посмотри на себя и на меня. Чем моя жизнь легче твоей? Никогда не говори другому: тебе легко на твоём месте, - и никогда не спрашивай другого, что он сделал бы на твоём месте. Всей своей жизнью ты привел себя к этому месту. Я же прожил свою жизнь именно так, как я ее прожил, а не иначе, чтобы быть на своём и только своём месте.

Петр виновато молчит.

-Я расскажу вам одну притчу. У одного богача было обширное хозяйство и большой дом с женой и детьми. А неподалеку жил бедняк в лачуге. У него не было ни хозяйства, ни семьи. Как-то встретились они и стали говорить. Богач сказал: легко тебе жить без забот. А мне нужно усмотреть за всем в обширном хозяйстве, и дом большой содержать, и о жене заботиться, и детей растить. Бедняк же отвечал: легко тебе живется в достатке и внимании. Дома тебя ждет обед, жена твоя положит тебя в постель и дети твои поддержат тебя. У меня на обед кусок хлеба и воды подать некому. Услышал их разговор Бог и поменял их местами. Бедняк стал жить в доме богача, а богач - в лачуге бедняка. Но скоро богач стал жаловаться на свою бедность, а бедняк - на свое богатство. Скажи, Петр, кто из них прав?

-Думаю, бедняк все же более прав.

-Нет там правых! Оба они - лицемеры. Ты думаешь, в мире есть правые и неправые? Говорю тебе, здесь нет правых. Виноваты все! Не говори: я - хороший человек. Человек - это уже плохо. Если бы состоялся Страшный Суд, то в преисподней оказались бы все до одного. Разве праведник не брат грешнику? Разве у иудея два глаза, а у римлянина - один? Разве суть зверя не та же, что и суть человека? Если я это вижу, то должен видеть и тот, в чьей власти такой суд. Но суд этот уже состоялся. Не думайте, что он отложен до времени. Радуйся, Петр, ты уже в преисподней.

Иисус смотрит печальным взором на стоящую перед ним толпу: на Петра, на Андрея, на припадочного Иаира, на рыбака с разбитой головой, на простые, грубые лица всех этих тружеников моря, на их озабоченных некрасивых жен, на уродливых стариков и на болезненных подростков, на все это мясо в лохмотьях, и говорит:

-Радуйтесь, вы уже в аду. Худшее с вами случилось, когда вы родились от Духа Святого. Вы пришли в эту долину скорби на муки и труды длиною в жизнь?

-Откуда ты знаешь?

-Сердце об этом говорит. Разве ваше сердце не говорит вам иногда, что этот мир - преисподняя? Разве душа ваша не подсказывает вам, что не должно быть так, как есть? Откуда знать ей о лучшем, если она не бывала в нем? Душа ваша знает, что мир - это ад, а человек в нем - сатана.

-Ты страшному учишь.

-Скажи лучше, я учу бесстрашию. Жизнь пройдет, и смерти не избежать. Не смерть для человека, человек для смерти. Но не скорбите, как скорбел ваш царь Соломон. Радуйтесь, впереди только Царство Небесное! Смерть - врата в рай. И каждого из вас ждет он. Так примите его как благодать, а не как наказание. Но знаю, вы не можете радоваться этому, ибо полюбил человек душу свою превыше всего. И как ему не любить ее, ведь в ней весь он и больше ни в чем его нет? Плачьте, если хотите, но лучше радуйтесь. Вам не избежать Царства Небесного. Всех ждет оно: и добрых, и злых, и праведных, и грешных. Ибо в тот миг, когда войдете в Царство Небесное, не останется от вашей души ни крупинки: ни доброго, ни злого, ни праведного, ни грешного. Говорю вам: голые войдете в Царство Небесное. Но еще говорю, что душа ваша не войдет туда. И разве это не есть справедливость? Справедливость, которая выше человеческого суда!

Оробевшая толпа молчит.

-Знаю я и знаете вы, что для человека есть только один суд - его собственный. У мира нет суда над ним, но есть власть, чтобы совершать насилие над ним. И если собственный суд человека не совпадает с судом мира над ним, то для него этот суд остается только насилием. Много ли раскаявшихся в тюрьмах? Много ли осудивших себя на крестах? Нет и одного. Разве человек лжет, крадет и убивает, не зная, что это плохо? Разве на суде он только об этом узнает? Нет, но делает это, потому что знает, что живет в преисподней среди таких же демонов, как и он, и суд их над ним для него лишь насилие и месть. А значит, и высший суд за грехи его останется для него лишь насилием. Никогда человек не примет Страшный суд как свой собственный. В Царстве Небесном нет ни суда, ни насилия. В Царстве Небесном нет человека. Знаю, что многим из вас оно покажется хуже преисподней, ибо в той преисподней есть человек, и жизнь в муках - все же жизнь, а в Царстве Небесном и этого нет. Но я не продавец мук и блаженства, я продаю свободу! И вам придется ее взять! Так приобретайте Царство Небесное заранее и храните его до своего последнего часа, чтобы умереть вам свободными и радостными! Прощаются вам грехи ваши вместе с вашей душой! Прощается вам то, что вы были людьми! Блаженны алчущие, ибо они насытятся. Блаженны ищущие Духа Святого, ибо их ждет Царство Небесное. Блаженны не судящиеся, ибо нет им суда. Блаженны возлюбившие свободу, ибо обретут ее. Блаженны отвергнувшие человеческое, ибо нарекутся сынами Неба.

Наступает долгая тишина. Иисус дает им время осмыслить его слова, а затем спрашивает:

-Не хочешь ли, Петр, стать одним из сынов Неба?

Этот вопрос застает Петра врасплох.

-Я простой рыбак, - бормочет он.

-Я знаю, кто ты.

Рыбак не готов отвергнуть человеческое. Именно человеческое беспокоит его.

-Что будет с миром, если все станут такими как ты?

-Если все станут такими как я, не останется таких как ты, кто задает эти вопросы, - с улыбкой отвечает Иисус.

На лице Петра проступают признаки внутренней борьбы. Он мнетя, смотрит на застывшую в ожидании толпу и, наконец, переводит взгляд на Иисуса с решительным видом, словно говоря: Иисус мне - учитель, но истина дороже.

-Если все станут, как ты... кто будет сеять хлеб, ловить рыбу, строить дома, рожать и растить детей? Если все станут подобны Иисусу, мир погибнет! - он разводит руками, будто показывая образовавшуюся пустоту на месте мира.

-А тебе что за печаль? - строго спрашивает Иисус.

-Как? - он не находит даже слов от возмущения. - Мир погибнет!

-Что ты - миру? Что мир - тебе? Оставь мир миру, а себе возьми свое. Только что ты был простым рыбаком, но вот уже заботаешься о судьбе мира. Так кто ты - рыбак или Бог? Какое тебе дело до мира? Часто ли ты скорбишь о тех тысячах тысяч, что жили до тебя и умерли в муках? Быть может, ты не спишь по ночам, слыша плач всех вдов и сирот этого мира? Кто ты, чтобы заботиться о мире? Не можешь прибавить и одного дня своей жизни, но хочешь прибавить миру столетия. Всякий говорящий о заботах мира - лицемер. Говорю вам, все злодеяния мира от забот о нем. Заботящиеся о мире строят храмы и собирают армии. Заботящиеся о мире чеканят золото и открывают тюрьмы. Заботящиеся о мире месят мясо этого мира! Лучше бы ты заботился о собственном мясе, лицемер! Ибо придет час - и мясо твое пожрут черви. Кто сказал тебе, человек, что ты имеешь право быть пастырем мира? Ты хочешь делать добро? Так делай его там, где встретишь нужду, и попросят тебя о добре. Делай добро, не заботясь о добре. Пусть твоя правая рука не ведает того, что делает левая. И не говори о заботах мира!

После такой нагорной проповеди притихшая толпа расходится.

-А мне что делать?- бормочет рыбак с разбитой головой.

-Иди отсюда,- тихо говорит ему Андрей.- А то я тебе еще добавлю.

Смотритель синагоги больше не защищает рыбака и уходит вместе со всеми.

Когда, спустя несколько дней, Петр рассказал Иоанну об этой проповеди на холме перед горожанами, юноша горько пожалел, что не мог насладиться этими минутами учительской славы. Хотя миссия его в Назарет и была благородной, она его разочаровала. Мария встретила сыновей судьи любезно и даже угодливо. Вдова бедного плотника старалась изо всех сил угодить своим благодетелям. И это было неприятно. Женщина совсем не понимала, что ей пристало играть роль матери Иисуса Христа. Она ужасно не соответствовала роли той девы, которой суждено называться Божьей матерью.

-Ах, гости дорогие, да где мне вас посадить, да чем вас угостить! - причитала эта мать семерых детей, прожившая всю жизнь в бедности. - Знала бы заранее, я бы приготовилась.

-Не беспокойтесь, моя госпожа, - просил ее Иоанн.

-Ах, какая я госпожа? - смущалась она. - Смеетесь вы надо мною. Сроду ей не была.

-Вы мать нашего Мессии.

Мария не смела возразить, но на лице ее было большое сомнение. С чего бы ей такая честь? Ее первенец был хорошим мальчиком, умным юношей и стал очень странным мужчиной. Мессия? Когда она в первый раз рассказала своим детям об этом, они тоже не поверили, а старший Иамес просто разозлился. Он запретил матери и братьям говорить кому-либо об этом. Мария и не представляла, что стоит за статусом Мессии, пока нашприт Иамес, знающий Закон и храмовые традиции, не объяснил ей, что признание Синедрионом Мессии должно означать признание его власти над Израилем. Эти люди даже слышать не желают о Мессии. Они говорят, что Мессия уже приходил, и это был не плотник, а царь Иезикия. Если Иисус намерен претендовать на это звание, то он, действительно, безумен. На простую женщину повеяло от этих слов миром высокой политики, пугающей и непонятной.

И вот опять к ней явились посланники ее старшего сына и говорили вновь, что он Мессия.

-Здоров ли Иисус? - осторожно спрашивала она.

-Он был не совсем здоров, но уже вполне поправился.

-А что с ним было?

Иоанн с сомнением смотрел в ее пытлиное, беспокойное лицо.

-Учителя искушал дьявол.

-Дьявол? Что же он сделал с моим сыном? - упавшим голосом вопрошала она.

-Ничего. Учитель победил дьявола. Он сорок дней провел в пустыне. Не беспокойтесь, госпожа. С ним все хорошо. Скоро мы пойдем в Иерусалим.

-Зачем?

-На Пасху. Но мы не только для этого приехали к вам, госпожа. Учитель поручил нам передать эти деньги вашей семье.

Кошелек, набитый деньгами, произвел на Марию сильное впечатление. Первое, что она осознала, при виде денег, что это знак власти и разумности. Она смотрела на почтительных, благородных юношей, посланцев ее сына. Быть может, Иисус знает, что делает? Быть может, Иамес напрасно ее пугал?

-Какой тяжелый? - произнесла она, принимая кошель с легким сердцем.

-Здесь тридцать динариев, - пояснил Иаков.

-Спасибо, спасибо, молодые господа, - бормотала расчувствовавшаяся женщина, готовая целовать их руки.

-Что вы, госпожа? - одернул ее Иоанн. - Учитель помнит о вас.

-Он не передал мне письма?

- Нет, письма не передал. Но на словах велел сказать, что любит свою мать и не оставит ее без внимания, - на ходу придумал юноша, полагая, что имидж Мессии должен включать в себя образцового сына.

Женщина прослезилась.

-А почему он не приехал сам?

-Он проповедует людям скорое пришествие Царства Небесного.

-Как пророк? - недоверчиво спросила она.

-Он больше, чем пророк, моя госпожа. Он - Мессия. Когда придет его час, он соберет вокруг себя народы. И вы будете рядом.

-Я подожду, - пробормотала Мария.

Больше говорить было не о чем. Юноши сослались на спешку и убрались из плотницкого дома с облегчением.

Их собственная мать ждала их дома и задержала до утра.

-Куда же ехать, на ночь глядя? Завтра и поедете. Дайте мне хоть на вас посмотреть, - попросила она.

Ее интересовала карьера сыновей. Точно ли они получают лучшие места в Царстве Мессии? При дележе власти нужно смотреть в оба глаза. Она помнила, как ее покойных муж Зеведей получал судейскую должность в Иерусалиме от Синедриона. Проныр и завистников было полно. Если бы не покровительство первосвященника Анны, не досталась бы эта должность их отцу. Юноши слушали ее болтовню и скучали.

-Так вам обещаны лучшие места? - допытывалась она.

-Ах, мама, - отвечал ей Иоанн, - в Царстве Божьем все места лучшие.

-Не скажи, сынок. Кто-то ближе к престолу, кто-то дальше.

-Мы всегда рядом с учителем, - успокоил он старушку.

Наконец, братья легли спать в родные с детства постели, а рано утром покинули город-могильник.

Слушая Петра, Иоанн теперь сожалеет о потерянном времени.

-Ну, расскажи, что он говорил? - нетерпеливо он торопит Петра.

Они сидят вчетвером на берегу озера и варят уху в котелке. Уже смеркается. На берегу нет никого кроме них. Слышно, как плещется вода о камни. Пахнет дымом и весной. Андрей приносит масляный фонарь из лодки и подвешивает на куст раkitника, под которым они устроились.

-Я же говорю, как только он начинает произносить свои речи, у меня сразу же в голове становится пусто. Душой я понимаю его слова, но запомнить не могу. Так он еще отчитал меня

всенародно.

-Ругал тебя? - будто радуется Иоанн.

-Ругать не ругал. Но суров был. Вот тебе и добрый пастырь! Лицемером назвал, - вспоминает Петр.

-Лицемером?

-Ну, не меня одного. Он всех лицемерами назвал.

-Кого всех? Ваших горожан? Конечно, лицемеры, - горячо поддерживает юноша.

-Вообще всех людей! Лицемеры правят миром, сказал он. А ты лицемером не будь. И спросил, хочу ли я стать сыном Неба.

-Ну а ты?

-Я сробел.

-Эх, ты. Надо было сказать: конечно, хочу. Жаль, меня там не было. А что еще сказал учитель?

-Андрей, - зовет Петр на помощь, - ты что помнишь?

-Помню: мир - преисподняя, а человек - сатана.

-Да, - вступает в разговор Иаков, - в доме Матфея он тоже говорил, что дом дьявола - душа человека.

-Еще он сказал, что от Святого Духа никто не судим. Как отец не подает своим детям камень вместо хлеба, но любит всех своих грешных сыновей, так Бог любит людей.

-Конечно, так! - подхватывает Иоанн. - Бог есть любовь Бог - наш Отец. Не всемогущий Господь, но Отец Небесный.

В его сознании откладываются два главных постулата его будущей религии: Бог-любовь и Бог-Отец. Третий постулат о Сыне-Слове придет к нему последним. Карающий Бог Израиля станет милосердным Богом Христа.

Чуть позже под раakitником в отблесках потухшего костра они хлебают уху двумя ложками, которые нашлись в лодке рыбаков: Петр ест с Андреем одной ложкой, Иоанн с Иаковым - другой. Обжигаясь бульоном, Петр рассказывает, как они ездили в Вифсаиду разбираться с Ефремом. Вспыльчивый Андрей так потрянул старшину, что тот сразу же на все согласился. Чей берег с лодки виден, того и территория. Если берегов не видно, значит, вода нейтральная. Бедолаге с перевязанной головой артель Ефрема возместит ущерб. От братьев Иродов решения не дождешься.

-Ну, а как вы съездили в Назарет? - спрашивает в свою очередь Петр.

Иоанн пожимает плечами.

-Обыкновенно.

-А как встретила вас мать Иисуса?

-Она встретила... благосклонно. Деньги приняла. Поблагодарила.

-Она живет одна?

-Да нет же! У Марии еще четыре сына.

-Так у Иисуса есть братья? - удивляется Петр. - А почему они не с ним?

-Ну, должен же кто-то остаться с Марией, - Иоанн не хочет обсуждать тайны святого семейства.

Это делает вместо него Иаков.

-Учитель не позвал их с собой, - говорит он, забыв, что Иисус и его, и никого вообще не звал с собой.

-Почему?

-Они не верят в него.

-Если мы поверили, почему они не верят?

-Враги человека - домашние его, - заключает Иоанн, и Петр опять вспоминает свою жену.

А еще позже у огородов друзья прощаются после приятного вечера, чтобы разойтись в разные стороны: рыбаки пойдут домой в город, сыны грома – в жилище Матфея. Круглая и серебряная, как денарий, луна с чеканным профилем девы Дианы щедро освещает тракт перед ними и весь ландшафт вокруг, который кажется Иоанну волшебным в этом зыбком свете. Перед ними расстилается на холме спящий Капернаум, перемигивающийся редкими огнями во дворах, а сзади чуть левее спит таможня.

-Приходите к нам завтра с учителем, - предлагает Петр. - На праздник Пурим.

Он чувствует себя виноватым в том, что не принял предложение Иисуса стать сыном Неба. Иоанн его просветил: от таких предложений не отказываются. Праздник избавления Пурим - хороший повод возобновить разговор о Царстве Небесном.

-Придем, - обещает Иоанн.

-Он не откажется?

-Я его уговорю. А ты не робей. Царство Небесное силой берется.

Оно представляется юноше экзотическим местом, которое окружено высокой стеной с двенадцатью персональными воротами для колен Израилевых. Нужно стучать - и откроется. Если бы ему сейчас сказали, что ключником этих ворот христиане назначат стоящего перед ним Петра, он бы очень удивился.

Вдруг они замечают бредущую меж огородов человеческую фигуру в белом одеянии. Она движется от синагоги прямо на них в полном молчании.

-Эй, кто там? - окликает Андрей.

Но безмолвный призрак продолжает плыть в лунном свете. Компания робеет и отступает в сторону.

-Кто ты? - сердито повторяет Андрей.

Фигура движется неестественно прямо, будто шест проглотила, и так мягко, словно не касается земли. Они затаивают дыхание. Иоанну приходят на память четырехликие ангелы Иезекииля,двигающиеся на колесах. С такой же нечеловеческой плавностью движется эта белая фигура. Неужели кто-то из небесных обитателей спустился к ним? У существа оказывается знакомый облик. Они с удивлением узнают в нем смотрителя синагоги. Он проходит мимо них с отрешенным видом. Никогда Петр с Андреем не видели на лице истеричного Иаира такой возвышенной безмятежности. "Как слепой, - думает Иоанн, - но идет лучше зрячего".

-Эй, Иаир, - окликает Андрей, но Петр жестом его останавливает.

Иаир их не замечает, он идет к озеру вслед за лунным светом.

-Вот в ком дьявол, - шепчет Иоанн. - Он луне поклоняется и звездному воинству.

-Идолопоклонник? - удивляется Петр. Он не может поверить, чтобы смотритель синагоги был тайным служителем Дианы. - Нет.

-А кто же еще! - подтверждает Андрей.

-Лицемерный фарисей! - Иоанн возмущен всем сердцем. - И этот человек обвинял нас в кощунстве!

-Он всегда был ненормальный.

-Вот бы схватить его и показать всему городу в таком виде.

Но никому не хочется связываться с бесноватым. Белая фигура пересекает тракт и теряется за ракитником на берегу.

-Так нам завтра вас ждать? - возвращается Петр к прерванному разговору.

-Я же сказал! - уверенно подтверждает юноша.

Оговорив подробности завтрашнего вечера, они расходятся. Круглая и серебряная, как денарий, луна с печатью языческой богини провожает их по небосклону к своим домам. Иоанн с

Иаковым возвращаются на таможеню. Там стоит тишина. Иисус и Иуда, видимо, отдыхают в своих комнатах, Матфей еще не вернулся из своего отпуска в Декаполис. Братья тихо пробираются на кухню. Дымная уха и прогулка под луной только разбудили их аппетит. Они закусывают деликатесами мытаря, чувствуя себя полными хозяевами в его вотчине, и стараются не греметь посудой, но беспричинный смех ежеминутно одолевает их. Они вспоминают сомнамбулическую фигуру Иаира и едва сдерживают хохот. Диана снисходительно взирает через зарешеченное оконце на это ночное пиршество двух развеселившихся юнцов.

А на следующее утро сразу две новости будоражат весь Капернаум. Бесследно исчез смотритель синагоги Иаир. Родные хватились его утром и нигде не нашли. Все его вещи были на месте. Куда мог отправиться человек в одном белье? Появились слухи о чуде. Бесследно исчезнуть из своей постели мог только тот, кого ангелы унесли напрямик на небо. Никто не считал Иаира праведником, который заслужил такую честь. Все это было странно.

Вторая новость взволновала души горожан еще больше. В Иерусалиме произошла резня. Несколько десятков галилеян, прибывших на праздник Пурим в священный город, были перебиты римлянами прямо во дворе Храма. Зелоты, партия которых была особенно сильна в Галилее, разъезжали в повязках маккавеев по городам и возмущали народ. Много веков назад Есфирь спасла иудеев от резни в Персии при царе Артаксерксе. И вот теперь в преддверии этой годовщины новый враг бросает им вызов. Боевые отряды сикариев носились по Галилее и устраивали погромы иноземцам. В Цезарее, где проживал наместник Иудеи Понтий Пилат, был введен комендантский режим. Никто и не подумал извиниться за убийство. В Капернауме только об этом и говорили. Зелоты ходили по городу в своих отличительных повязках и грозно посматривали на греко-сирийский квартал. Начальник римского гарнизона усилил патрулирование города.

На таможене Матфей, рано утром вернувшийся с восточного берега, рассказывает по трапезной и сетует:

-Наши галилеяне хотят войны, но не понимают, чем это кончится. Не ездившие дальше Иерусалима, они полагают, что Израиль - центр мира, а все вокруг - захолустье. Они не хотят понимать, как огромен этот мир. Сколько народов живет в нем. И почти все признают власть Рима. Карфаген и Коринф были разрушены до основания за свою строптивость. Ведь сказал царь Соломон, что лучше быть живым псом, чем мертвым львом. Этот народ не почитает собственных мудрецов. А все началось с этого проклятого акведука! Не хотели заплатить серебром, теперь платят кровью. Стоило ли ради этого умирать?

-Они умерли за Бога! - горячо восклицает Иоанн.

-И кто от этого выиграл?

-Не знаю. Время покажет.

-Боюсь, юноша, оно покажет совсем не то, чего ты ожидаешь. Воевать с Римом себе дороже.

-Так ли, учитель?

Иисус отрывается от своих дум, отчужденно смотрит на сидящих вокруг и произносит:

-Пора идти в Иерусалим.

Смерть галилеян не произвела на него впечатления. Он остался холоден. Но кровь их, пролитая во дворе Храма, привлекла его. Он мысленно увидел эти багровые лужи на каменных плитах, он окунул в них свои пальцы и поднес их к своему лицу. Они пахли свободой. Эта кровь позвала его.

-В Иерусалим? - восторженно переспрашивает Иоанн и победно взглядывает на Матфея. Вот для чего умерли несчастные галилеяне! Это был знак. Теперь Мессия идет в Священный город, чтобы установить свое царство.

-Учитель, мы идем в Царство Небесное?

-Конечно же, мой мальчик. Разве нам есть куда еще идти?

Матфей хорошо понимает восторг юноши и с большим сомнением смотрит на Иисуса. Неужели их мудрый учитель собирается поднять восстание? Великий философ, каким он считает Иисуса, не может пойти на такое безрассудство. Да и зачем оно ему? Вожди народов честолюбивы и кровожадны. Заботящиеся о мире ходят по трупам. Это скорее какой-нибудь бар-Аббас, чем Иисус. Зачем же тогда ему идти в Иерусалим? Матфею хочется это узнать.

-Когда мы отправляемся? - раздается спокойный голос Иуды.

-Завтра.

От Матфея не ускользает, как Иисус и Иуда обмениваются каким-то странным взглядом. И это подтверждает его догадку. Что-то случится в Иерусалиме на эту Пасху в 786 году от основания Рима и в 3799 году от сотворения мира. И он хочет быть там.

-Учитель, я тоже пойду? - спрашивает Матфей.

-Решай сам.

-Я пойду. Вот только до завтра мне не управиться. Нужно найти откупщика моей должности, передать ему дела, заверить сделку у нотариуса и поставить в известность городские власти.

На его лице проступает такое искреннее расстройство, что Иоанну становится жаль его.

-А бросить нельзя?

-Бросить? Но тогда я потеряю свои деньги! Мне нужно найти нового откупщика...

-Иначе солнце не взойдет, - с иронией произносит Иисус.

Матфей растерянно смотрит на него, на Иуду, на юношей, на всех этих людей, которые стали его семьей, и чувствует себя виноватым. Это странно ему самому: он стыдится собственной рассудочности! Поистине, эти люди слегка безумны. И он, кажется, заразился их безумием. Он не в силах отказаться от их компании и зажить по-прежнему, как здравомыслящий, знающий цену деньгам человек. Матфей глубоко вздыхает, набираясь решимости на глупейший в своей жизни поступок, и произносит:

-Я что-нибудь придумаю.

-Правильно, друг! - восклицает Иоанн. - Я был уверен, что ты с нами. Представляете, сегодня исчез смотритель синагоги, завтра исчезнет хозяин таможни. Капернаум долго будет гадать об этом.

-Ну, - осторожно признается Матфей, - я не исчезну бесследно. Я все же оповещу своих знакомых и попробую найти покупателя на мою таможню. Не возражаете?

-Решай сам, - опять повторяет Иисус.

Мытарь смущенно смотрит на него и спрашивает:

-Учитель, вы меня осуждаете?

-Я тебе не судья.

-Конечно, я помню. Вы всегда учили нас быть выше суда. Но сейчас, - он подбирает правильные слова, - считаете ли вы мою рассудочность недостойной? Вы сочли бы меня более свободным, если бы я бросил таможню и потерял свои деньги?

-Несомненно, это было бы очень свободным с твоей стороны. Но для кого ты станешь свободнее? Для себя ли? Помнишь слова: не жертвы хочу, но милости. Жертвы, говорю тебе, ничего не стоят, не стоят и того, что было принесено в жертву. Как сказано у Исая: ради себя, ради себя самого делаю это, ибо какое было бы нарекание на имя мое! Как ты полагаешь, Матфей, все, что делает этот Бог, делает это ради других, или только для себя самого?

Матфей задумывается, и на помощь ему спешит Иоанн.

-Бог делает все ради любви!

-И любовь, мой мальчик, ради себя. Прав Исая: все ради себя. И бог, и человек, и дьявол

все делают ради себя. Зачем люди приносят жертвы своим богам и друг другу? Чтобы обрести милость. А ты жертв не приноси, ты делай только милость. Пусть одна у тебя будет жертва - ради свободы твоей, и тогда жертва эта всегда будет честной. Будь всегда честен, Матфей, с собой, как честен этот Бог. Делай все только ради себя, ради своей свободы. Корысть - так корысть, похоть - так похоть. Если это делает тебя свободным. Ищите свободу, а все остальное приложится.

-Я понял, учитель, - отвечает Матфей.

-С жертвы начинается все лицемерие мира. И вот лицемерие это достигло таких размеров, что никто уже не знает, что правильно и что нет. Тысячи судей и законников разбирают это, а тех, кто проник в глубины человеческого лицемерия, называют мудрецами. А все началось с жертвы. Помните: тот, кого вы называете своим учителем, не приносит жертв и не требует их от вас. Помните, что бы ни случилось в будущем: я никогда не приносил жертв! Я делал все только ради свободы! Своей свободы.

-Я понял, учитель, - повторяет Матфей. - Без лицемерия.

-Без жертвы, чтобы не пришлось тебе потом пожалеть о ней и не попросить за нее награды. Я награды не дам.

Иоанн наклоняется к Иакову и шепотом говорит: "Понял? Лицемерам награды не будет". Он не слышит уже Иисуса, он слышит только Мессию. Перед ним не человек, который учит свободе и стремится само это учение о свободе сделать свободным от назидания, перед ним царь, дающий и забирающий награды.

Матфей понял главное для себя сейчас: никто не требует, чтобы он бросил свою таможенную без оглядки. Он волен поступить с нею, как считает нужным. Корысть - так корысть, похоть - так похоть.

-Мне придется, сейчас же отправиться в город и заняться своими делами, - объясняет он, извиняясь лишь в смысле вежливости перед своими друзьями. - Я покину вас. А вечером я созову гостей на прощальный ужин.

-Так ты не пойдешь с нами к Петру? - спрашивает тут же Иоанн.

-Я бы хотел, но теперь не получится. Передайте ему, пожалуйста, мои извинения и добрые пожелания, если мы больше с ним не увидимся.

-Увидитесь.

Глядя на самодовольную улыбку Иоанна, Матфей с приятным удивлением спрашивает:

-Братья тоже идут с нами?

-Я почти уверен в этом, - отвечает юноша.

-Что ж, я буду рад их компании. А теперь извините меня, я должен идти. Увидимся вечером.

Матфей начинает немного суетливо собираться, выстраивая в уме план своих действий с целью срочной продажи таможи. Он и раньше задумывался о том, чтобы продать ее и переехать в Декаполис. Лень и жадность удерживали его. Но теперь ему уже кажется, что все сложилось очень кстати. Пора продать свою должность другому откупщику пошлин, - и очень, быть может, вовремя именно сегодня, когда в Галилее стало беспокойно. Сикарии разъезжают по этой земле и убивают мытарей чуть ли не каждый день. Закхей, владелец постоянного двора в Капернауме, наверное, не откажется по случаю срочности задешево перекупить у него должность вместе с домом. Придется поторговаться. Но что делать со всем остальным имуществом? Пронырливый Закхей даст за него гроши. Матфей с сожалением оглядывает свой дом. Иисус освободил его от необходимости фальшивить, и он искренне сожалеет:

-Столько добра я в этом доме накопил! Теперь все пропадет. И времени не осталось, чтобы перевезти все это в Декаполис.

Возможно, это намек со стороны мытаря. Если бы ему дали один день, он отвез бы свое имущество к матери на сохранение. Мебель, посуда, съестные припасы - ему их по-человечески жаль.

Иисус его понимает и с улыбкой говорит:

-Хочешь послушать притчу, Матфей?

-Охотно, учитель.

-У одного богача был неверный управляющий. Вызвал его господин к себе и потребовал отчета во всех доверенных ему делах. Понял управляющий, что завтра он лишится своей должности и дохода. И придумал он, как приобрести ему новых друзей. Стал он звать всех должников своего господина и переписывать их долговые расписки. Кто был должен сто мер масла, стал должен пятьдесят. Кто занимал двадцать мешков муки, теперь остался с половиной. Так управляющий приобрел себе много друзей, и когда он оказался в нищете, приняли они его в дома свои. Так приобретай себе друзей, Матфей, пока не поздно.

Мытарь некоторое время колеблется и соглашается.

-Я так и поступлю. Уж лучше получить благодарность, чем медный грош. Уж лучше "спасибо", чем нечего.

-Именно так.

Матфей идет в свою комнату и достает из тайника часть своего золота, спрятанного на черный день. Другая часть его запасов хранится у матери в Декаполисе и у местных ростовщиков. Эти деньги он также намеревается оставить ростовщику. Это его собственные сбережения, но почему-то, проходя через трапезную мимо своих друзей с мешком денег, он чувствует себя вором.

-Не нужно ли вам что-нибудь в городе, учитель? - спрашивает он, готовый на самый щедрый подарок.

-Спасибо, Матфей. Как будто - нет.

И Иуда отрицательно качает головой на его вопрос, и сыны грома пожимают плечами. Никому ничего не нужно. Матфей даже начинает сердиться. В какую славную компанию он попал! Никому ничего не нужно! И решает назло сделать всем подарки.

-К обеду меня не ждите. До вечера.

-До вечера, Матфей.

Мытарь отправляется в Капернаум. Как человека активного, ворох предстоящих дел только возбуждает его. Первым он посещает владельца постоялого двора и, собрав все свое актерское искусство, небрежно сообщает ему, что намерен продать таможду другому откупщику. Но срочность его враг, и Закхей быстро распознает его слабость. Он предлагает ему полцены. Матфей обходит дома всех городских богачей. Но эти волки сразу узнают в нем паршивую овцу. У мытаря нет времени ждать достойную цену. Матфей делает ставку на человеческую жадность. Кто даст ему больше? День проходит в лихорадочном торге. В конце концов, Закхей готов заплатить больше других, но ему нужны несколько дней, чтобы собрать необходимую сумму. Матфей соглашается, сделав своим доверенным лицом ростовщика Финеса из греко-сирийского квартала.

После этих долгих торгов и посещения всех необходимых городских чиновников Матфей возвращается на таможду вечером, когда в ней уже никого нет. Он начинает готовить прощальный ужин для своих званых гостей. И делает это как всегда с увлечением. Многие из горожан не знакомы с его кулинарным искусством. На двух жаровнях в потемках варятся пряные соусы. В очаге на вертеле румянятся кусок баранины. Жир капает с него на угли, распространяя запах, который любит обонять бог Израиля.

А ведь правда, думает Матфей, люди обросли лицемерием, как свиньи салом. Сколько

лицемерия он повидал сегодня! Когда-нибудь люди напишут имя Бога на своих деньгах и будут считать их священными. Когда-нибудь их Царство Небесное ничем не будет отличаться от скотного двора. Когда-нибудь в этом мире даже перестанут понимать, что такое - внутренняя честность. Вот и соус уже готов. И рыба на столе. А баранью ногу нужно полить вином, так она будет сочнее и мягче. Его гости пальчики оближут.

Петр с Андреем решили принимать гостей на половине младшего брата, чтобы не стеснять жену Петра. Цилле это не понравилось.

-Почему не здесь? Собственный дом для тебя уже недостаточно хорош? - спросила она, когда братья сообщили ей о своем намерении.

Она стояла, уперев руки в бока, и гневно смотрела на своего огромного мужа. Ее инфантильному личику совершенно не шел гнев. Андрею она казалась злобным младенцем. Он плюнул про себя и ушел на свою половину. Его бесило, что Петр робеет перед этой карлицей. А Петр хотел только одного - избежать преждевременного скандала при своих гостях. Грубияну можно заткнуть рот кулаком, но со своей женой он этого сделать не может. Он будет беспомощен, если она устроит ему сцену при гостях.

-Это мужская компания. Что тебе делать среди мужчин? Ты можешь встретить праздник с женщинами? Пригласи подруг.

-У подруг есть семьи.

-Пригласи одиноких, - посоветовал Петр и тут же пожалел о своих словах.

-Одиноких? Может, это как раз компания для меня? Разве у меня нет мужа? - глаза Циллы налились слезами. - Разве я одинокая?

-Что плохого в том, чтобы пригласить в дом вдов, сирот? Ты ведь любишь обездоленных.

-Конечно, мне их жаль.

-Вот и пригласи их. Позови калек, нищих, убогих и накорми их. Я не против.

-Лишь бы от меня отвязалась, да?

-Цилла, хватит нам пререкаться. Хоть в праздник давай не будем делать этого.

-Разве я это начала?

-А кто же?

-Ты во всем виноват. Если бы ты уважал свою жену, ты не оставил бы ее одну на праздник.

-С тобой твоя мать. Пригласи кого хочешь!

-А ты опять напьешься!

-Нет! Мы будем серьезно говорить. И мне нужна трезвая голова.

-Это зачем? Ты куда-то собрался завтра?

Подозрительность жены оскорбила его.

-Завтра праздник, и я не хочу болеть. Все! Я иду к Андрею, а ты созывай своих гостей.

Не дожидаясь потока ее слез, он поспешил убраться на другую половину дома и там облегченно вздохнул. Готовя с Андреем и матерью вечерю, он чувствовал себя в кругу своей настоящей семьи, где нет взаимного недовольства и раздражения, которое копится годами. Все же ему пришлось пару раз зайти на свою половину дома за посудой и другими мелочами. Цилла с красными глазами, не глядя в его сторону, вместе с тещей, которая тоже держалась обиженной, накрывали собственный стол. И Петру захотелось, чтобы все это, наконец, прекратилось каким-то решительным образом. И праздник был ему уже не в радость.

Через час он встречает гостей с не очень праздничным настроением. Как старший в доме он препоясывается полотенцем и ритуально оmyвает ноги гостям. Андрей подает им чашу для ополаскивания рук. Братья проделывают это в торжественном молчании. Только их мать - старушка с простодушным любопытством разглядывает почетных гостей своих могучих сыновей.

-Это вы, господин, Иисус будете? - не выдерживает она.

-Я.

-Мои сыны к вам с большим почтением. Уж, наверное, заслуживаете?

-Надеюсь, что заслуживаю, - с улыбкой отвечает Иисус.

-Вы уж остерегите их. Больно они горячие.

-Я их остерегу, - серьезно обещает он.

-Сделайте милость. Только они у меня и есть. Не дал Господь дочерей.

-Перестань, мать, - с грубоватой нежностью останавливает ее Петр. - Гости пришли отдыхать. Хочешь сесть с нами?

-Нет уж! Куда мне с вами сидеть. У вас свои, мужские разговоры.

-Тогда пойдешь у Цилле.

-И верно, схожу. Приятного вечера, гости почтенные, - кланяется она всем и поясняет отдельно Иисусу, который, видимо, ей понравился, - пойду с невесткой посижу.

Иисус доброжелательно кивает ей в ответ.

-Ваши сыновья - истинные израильтяне. Нет в них лукавства.

-Верно, верно, - соглашается с радостью старушка. - Честные они у меня. И добрые. Зря никого не обидят.

Старушке хочется еще похвастать своими сыновьями перед Иисусом, но Петр ее мягко пресекает:

-Пойдем, мать: я провожу тебя к Цилле.

Андрей разливает вино по чашам. Они выпивают за день избавления.

-За Пурим!

Вторая чаша - траурная, по предложению братьев, за погибших недавно галилеян. Красное вино - за кровавые лужи во дворе Храма. Иисус подносит чашу к лицу, вдыхает ее аромат и медленно с закрытыми глазами выпивает ее всю до дна. А затем, словно вернувшись издалека, оглядывает заново всех присутствующих и улыбается Иоанну печальной, мудрой улыбкой, за которой юноша готов идти на край света.

-Учитель, тебе хорошо? - вопрошает он.

-Хорошо.

-А мне как хорошо! Будто я легче воздуха, и если толкнуть меня, я полечу. Наверное, так чувствуют себя в Царстве Небесном.

-Лучше, мой мальчик. Легче воздуха. Храни это чувство в себе. Это лучшее лекарство. Не всегда будет тебе так хорошо.

-Я сохраню это чувство и достану его, когда мне будет плохо, - заверяет юноша, но сам не верит в то, что ему будет плохо. Худшее позади. Впереди Царство Небесное. - Учитель, расскажи Петру и Андрею о Царстве небесном.

-Как рассказать о том, что дальше слов? Царство Небесное вне языка. Я ведь говорил вам, что даже назвать его невозможно. Как нельзя поймать воду сетью, так нельзя уловить Небо словом. Все сущее называемо, а не называемое нельзя и помыслить. Говорю вам, истинное Небо не существует.

Петр, который впервые слышит гностическую теорию языка Иисуса, силится понять сказанное им.

-Постарайся, Петр, понять это правильно. Неба нет там, где есть человек. Там, где есть Небо, нет человека.

-Где же оно?

-Если говорю, что Царство Небесное вне языка, то значит, оно вне места и времени, ибо место и время - это тоже язык. Если скажут вам: "вот здесь Царство Небесное", - не ищите. И если скажут: "Завтра наступит Царство Небесное", - не ждите. Царство Небесное здесь и сейчас.

Останови время, выйди из языка, покинь мир - и окажешься в Царстве Небесном. Оно везде, ибо нет ему места. Оно всегда, ибо нет ему времени. Подними камень с земли, в нем Небо. Посмотри на рассвет, там Небо.

Иоанн устраивается поудобнее у правого плеча Иисуса. Он погружается в музыку его речи и надеется, что эта величайшая и сладостнейшая мелодия будет звучать весь вечер. Он не понимает, зачем Петру задавать вопросы, разрывая эту гармонию. Нужно закрыть глаза и просто слушать...

-Что ищут египетские астрологи? Что нужно вавилонским халдеям? Чего хотят персидские маги? Чем занимаются иудейские сфиротики-каббалисты? Они ищут ключ к языку, который открыл бы им язык и дал власть над силами мира. В числах и заклинаниях они ищут великую власть. Глупцы! Невежды! Они думают, что язык подобен ларцу, от которого должен быть ключ. Именно так думают они: если есть ларец, то кто-то его запер и спрятал ключ в тайном месте. И кажется им, что ключ этот в каком-то заклинании. Говорю вам, язык не подобен ларцу, язык подобен океану. У океана нет ключа. У него есть дно. Там, за дном языка находится Царство Небесное. Когда говорю “дно”, не думайте, что оно внизу. Не внизу и не вверху, не справа и не слева, но за всем этим, там, где остался только Дух. Помните, я рассказывал о храме в египетском Саисе? Я прочитал о нем в книге. Жрецы этого храма дали обет молчания, ибо то, чему они служат, не имеет имени и о нем невозможно говорить. В этом храме имелось одно изображение: змея, свернувшаяся в кольцо, кусает свой хвост. Жрецы называли ее “абра-кад-абра”, - одно в одном, вещь в себе. Это - эмблема познания. Как змее невозможно поглотить самую себя, так душе, познающей все вокруг себя, невозможно познать то, с чего она начинается, что лежит в ее основании за дном языка. Я говорил вам, что душа вся в языке и мир есть лишь язык. Язык не может выйти за собственные пределы. Невозможно для него такое, чтобы он вышел из себя, чтобы слово оказалось не словом. Так и душа не может выйти из себя, оставшись собою, и увидеть себя со стороны. Для этого ей нужно вернуться к тому, из чего она изошла, - к чистому Духу, вернуться туда, где ее еще не было до своего рождения. Как душе выйти из себя? Как языку достичь своей границы, которая именно как граница уже не принадлежала бы ему, но была бы чем-то иным? Как найти то, чего изначально не должно быть? Поэтому когда говорю: Царство Небесное,- ничего не называю. Когда говорю: Святой Дух, - напрасно говорю. Святой Дух нельзя назвать. Он - за дном языка. Как достичь дна языка? Забыть язык. Остановить время. Потерять мир. Погубить душу. Принять смерть. Там Царство Небесное.

Иисус окидывает взглядом своих слушателей, смачивает горло глотком вина и продолжает:

-В пещере у Меронских вод я провел много дней...

При этих словах Иоанн мгновенно пробуждается от эстетического транса и живо вопрошает:

-Там, где дьявол тебя искушал?

-Именно так.

-Я думал, это было в пустыне.

-Это и была пустыня, пустыня жизни. Моя душа засыпала. Мой разум и время вокруг меня становились все медленнее. И воды жизни отошли из меня, как из рожавшей женщины. Я был всем, и все было мною. И мира больше не было. Моя душа умирала, возвращаясь к Святому Духу. Бесчеловечная свобода встречала меня.

Иисус замолкает, на его глазах слезы восторга. Впервые ученики видят его плачущим. Никто ничего не говорит. Он вытирает слезы и чуть виновато улыбается. Когда он продолжает говорить, его голос низко дрожит.

-Я расскажу вам одну притчу. Некий человек обратился к мудрецу с вопросом: Как мне стать счастливым? Мудрец ответил ему: Ты достигнешь блаженства, когда перестанешь думать

об обезьяне с красной мордой. Но я о ней и не думаю! - ответил этот человек. Вот и постарайся еще больше не думать о ней. Человек так и поступил. Он очень старался не думать об обезьяне с красной мордой, но чем больше старался, тем больше думал о ней. И тогда он понял, что никогда не достигнет ему блаженства таким путем. Чтобы достичь блаженства, нужно все забыть. Нужно забыть язык. У Меронских вод я нашел смерть. И это было прекрасно. Но вот я вернулся к вам и ныне говорю вам. Радуйтесь, приблизилось к вам Царство Небесное. И свобода ждет вас за порогом мира.

Иоанн не выдерживает своего восторга и бросается на шею Иисусу.

-Ну, мальчик мой, ты меня задушишь, - ласково говорит он.

-Учитель, как я рад! Это блаженство.

-Когда-нибудь ты узнаешь истинное блаженство.

В голове Петра становится пусто, как в кувшине, из которого они выпили все вино. Он берет его и уходит на кухню, чтобы наполнить вином из мехов. Когда он возвращается и наполняет заново чаши, Иисус продолжает говорить:

-В Сирии я встречал людей, которые поклонялись солнцу и огню. Вы слышали о них и читали в Писании об этих людях. Не думайте, что они поклоняются солнцу. Они считают его всего лишь огненным шаром, а вовсе не божеством. Эти люди называют себя сынами света и почитают свет, который тоньше всего на свете. Он проникает сквозь воду, и ветер не может коснуться его.

Иоанн представляет себе эту встречу сынов света с сыном Неба. Луг, зеленый, как изумруд, с яхонтовыми горами видится ему. Три библейских патриарха в платках пасут овец и почтительно приветствуют Иисуса в чудном свете вокруг него...

-Учитель, они были иудеи?

-Нет, они говорили на греческом...

Патриархов сменяют три величавых старца в хитонах. На холме, поросшем оливками, у хрустального ручья они склоняют свои седые головы перед воздушным учителем...

-...но думаю, они были персы.

Бороды старцев чернеют и завиваются. Их головы покрывают короны, а хитоны превращаются в золоченные плащи. Три восточных царя преклоняются перед Христом, который сияет как солнце.

-Только для посторонних они были огнепоклонниками. В кругу посвященных они чтит свет. Но был еще более узкий круг, в который могли войти только избранные. Думаю, в этом кругу они чтит уже не свет, но то, чему нет образа, - Дух Святой, даже если не понимали этого. Они называли эту высшую духовную инстанцию Митра. Все истории об этом божестве они считали глупыми рассказами для народа, которому невозможно передать суть этой высшей инстанции. Наши отцы-иудеи были очень заносчивы, полагая, что они глубокомысленнее прочих. Говорю вам, некоторые в мире стояли ближе к Царству Небесному, чем они. А вы теперь ближе всех. Я вернулся, чтобы рассказать вам о нем, пока еще я среди вас. Но скоро уйду.

-Куда ты уйдешь, учитель? - спрашивает недоуменно Иоанн.

-Как куда, мой мальчик? В Царство Небесное.

-А как же я? - бесстыдно спрашивает Иоанн на правах любимого ученика.

-Ты еще не готов.

-Но мы ведь вместе идем?

-Вместе. Но я уже пришел, а тебе еще нужно время. Я уверен, ты достигнешь Царства Небесного раньше, чем к тебе придет смерть.

Сейчас Иоанн чувствует только легкую обиду и даже досаду. Позже он переосмыслит эту фразу: учитель обещал ему Царство Небесное раньше смерти. Это все слышали. Он будет ждать

своего восшествия, подобно пророку Илии в огненной колеснице, на небеса до самой смерти. Иоанн напишет об этом в своем Евангелии: Мессия сказал ему, что он не умрет. А Мессия не станет лгать.

Скрип двери прерывает его размышления. Из второй половины дома появляется Цилла. Она здоровается, кланяется гостям и приторно просит извинить ее за вторжение. Словом, ведет себя с той подчеркнутой вежливостью, в которой легко угадывается фальшь.

-Петр, собака ужасно воет весь вечер, будто к покойнику. Сил нет слушать это.

-Она на луну воет.

-Уйми ее, пожалуйста.

-Хорошо.

-Пусть замолчит. Мы все тебя просим, - добавляет она, подчеркивая, что это не ее каприз, но пожелание всех женщин.

-Иду.

Женщина уходит.

-Простите, учитель. Я ненадолго выйду, - бормочет Петр.

Он берет со стола кусок хлеба, кладет на него рыбу и поднимается.

-Я выйду с тобой, - вскакивает Иоанн.

Во дворе Петр подзывает к себе пса. Тот, словно сознавая свою вину, с поджатым хвостом идет к хозяину. Петр бросает ему хлеб с рыбой. И тот принимается за еду.

-Отчего ты хмур? - интересуется юноша.

-Я не хмур. Думаю, - вяло отвечает он.

-Как мне хорошо, Петр. Подумай: Бог с нами, он незримо присутствует среди нас с Мессией. Подумай, в какое время мы живем! Нашим отцам и не мечталось о таком. Мы ходим с Мессией, и Мессия среди нас, в твоём доме. Мы живые свидетели Иисуса Христа! Петр! Ты будешь помнить этот чудный вечер всю свою жизнь и после нее. Мы будем вспоминать это на небесах. Очнись, Петр.

Юноше хочется передать ему свое острое ощущение мгновенности бытия. Вот человек стоит посреди времени. Позади него - прошлое, впереди - будущее. Единственное и неповторимое мгновение переживает он сейчас, и оно безвозвратно протекает сквозь него, чтобы уйти, как вода в песок. Иоанну недостает соучастника в его живом религиозном восторге, который он переживает рядом с Иисусом. Этого нет в мрачном Иуде, нет в жизнерадостном Матфее, и даже его брат Иаков не испытывает это. Нет в них счастья веры и приобщённости к Богу. Юноше нужен единоведец, равный ему по внутреннему пламени, и он хочет разжечь этот огонь в Петре.

-Да, я понимаю, - соглашается рыбак. - Но что же мне, плясать?

-Пляши, Петр, пляши. Давай плясать вместе. Царь Давид плясал перед Ковчегом Завета, а с нами тот, кто больше ковчега. Он - Христос! Пляши, Петр, - Иоанн хватая рыбака за руку и тянет в круг. - Давай! Будем плясать!

Петр смущенно смеется.

-Моя жена решит, что я пьян! - отмахивается он.

-Пусть думает! И пусть эта луна думает, что мы пьяные. Я пьян от счастья. Пляши же, Петр!

Пес, доев свой ужин, смотрит с большим интересом на двух танцоров, бросается к хозяину и начинает кружить вокруг него, забегая то слева, то справа, словно тоже сошел с ума и хочет плясать под круглой и серебряной, как денарий с ликом Дианы, луной.

-Все, хватит, - останавливается Петр и грозит разлаявшемуся от радости псу, - молчи, дурак! Всех соседей поднимешь.

Пес не унимается и продолжает с лаем носиться вокруг них, требуя продолжения танцев

под луной.

-Петр, - раздаётся голос Циллы от дверей, - да уйми же его! Совсем он рехнулся!

Петр, как застигнутый на месте преступления, сконфуженно обещает:

-Он больше не будет. Пес, молчи, - и треплет его по голове.

Пес лижет ему руки.

-Иоанн, - просит он, - принеси еще рыбы.

Когда юноша появляется в доме, все замечают его возбужденное настроение. Иоанн лихорадочно приближается к столу.

-Там собака разлаялась, - дает он объяснение, которое никак не объясняет его собственное состояние, хватая рыбу со стола и опять исчезает.

Пес, получив свою награду, бережно берет ее в зубы и уносит в дворовую тень, туда, где Петр зарыл кровь тещи четыре месяца назад.

-Пойдем в дом, - говори он.

-Подожди. - Иоанн становится серьезным. - Петр, мы завтра уходим в Иерусалим.

-Завтра?

-Завтра утром. Ты с нами?

У Петра возникает странное ощущение, что судьба сама принимает за него решение, устав от его неопределенности, и указывает ему выход. Петру нужно только подчиниться своей судьбе и с чистой совестью последовать за Иисусом. Он застывает перед первым шагом.

-Ну же, Петр! Скажи, как Матфей: завтра - так завтра!

-Матфей тоже идет?

-Все идут. Матфей таможню бросает. А тебе и дверь запирать не надо. Жена дома остается.

-В том-то и дело, - жена.

-Так ведь не навсегда. Временно.

-Временно,- как эхо повторяет рыбак. - Надо поговорить с Андреем.

-Так походи и поговори.

-А ты? Идешь?

-Я еще посижу немного.

Петр уходит. Иоанн остается в пустом дворе. Некоторое время он слушает окружающую его тишину ночи. Человек никогда не бывает один, он всегда наедине с собой, и нет у него лучшего слушателя, более терпеливого, чем он сам. Человек - это всегда "мы". Две ипостаси души Иоанна - первородный Я и узнавший себя Ты ведут задушевную беседу. Поистине, если бы человек не был способен говорить с собою и себе самому, он никогда бы не научился говорить с тем, что называет своим Богом - всезнающим и всевидящим, вездесущим и понимающим каждого из человеков: и глупого, и умного, и праведного, и грешного, и великого, и ничтожного.

Из темноты двора возвращается пес, неуверенно смотрит на юношу, повиливает хвостом и, не встретив враждебности от гостя своего хозяина, ложится у его ног. Возможно, псы тоже умеют вести внутренние диалоги, и тогда им тоже знаком Бог, который понимает всех собак и знает, отчего они воют на луну. Возможно, этот задумчивый, погрузневший пес у ног Иоанна тоже говорит сейчас со своим собачьим богом.

По крайней мере, самому Иоанну кажется, что ночь самое подходящее время для молитв. Ночью на небесах тоже царит тишина и покой, и архангелы, опершись о мечи, дремлют на страже. За последние месяца юноша произвел радикальные перемены в своем Боге: грозного Царя Неба сменил милосердный Отец Небесный. Он чувствует его любовь, он видит ее повсеместно. Иоанн поворачивается спиной к бесстыдной луне и благодарит Небо за любовь.

"Отец наш, пребывающий на небесах, да будет свято имя твое, да придет Царство твое, да будет воля твоя на земле, как и на небе. Отец наш небесный, прости нам грехи наши, как мы

прощаем врагам нашим. И благодарю тебя, Отец наш, что прислал нам Иисуса Христа”.

Наедине с собой он возвращается в дом притихший, как притих пес, получивший свою награду, и молча занимает свое место одесную Иисуса, и вновь погружается в музыку учительской речи.

Иисус говорит Петру:

-Не потому ты видишь дом, что он есть, а потому он есть, что ты его видишь.

Рыбак не скрывает своего недоумения.

-Учитель, этот дом построил отец моего отца, когда меня и в помине не было. Как же он может быть оттого, что я его вижу? Разве его не было до меня?

-Разве ты один на этом свете? Не было тебя, но были твой отец и дед. Они тоже имели души и носили в себе язык. Человек - творец мира. Но если бы не было ни тебя, ни твоего отца и никого из живых, в ком хранится язык, то в мире не нашлось бы и камней, из которых сложен этот дом. Думаешь, если бы в мире не осталось ни души, то солнце всходило бы над мертвыми городами, и звезды заглядывали бы в пустые дома? Говорю тебе, без языка в этом мире не будет ни солнца, ни городов, ни звезд. Без души мир есть Царство Небесное, где обитает только Святой Дух, и нет ничего более. Повторяю вам, мир есть язык, а душа - хранилище его. Я знаю, что трудно вместить в себя это, но постарайся, Петр, запомнить и понять это. Это - главное, что должен знать всякий человек.

-Я постараюсь, учитель, - обещает рыбак.

Но он все забудет. То, что произойдет вскоре в Иерусалиме, станет для него главным событием в его жизни. На смерти Иисуса он выстроит всю свою веру. И странное, необъяснимое чувство вины перед учителем будет мучить его всю оставшуюся жизнь. Через тридцать лет он будет в Риме, когда случится пожар и Нерон обвинит в поджогах христиан. Ученики тайно выведут Петра из Рима, но за городскими воротами, уже на Аппиевой дороге это чувство вины за то, что он совершил какое-то предательство в отношении Иисуса, остановит стареющего апостола. Он вернется в Рим и примет смерть на кресте, чтобы искупить свой великий грех - грех предательства.

-Я постараюсь, учитель, - обещает Петр, сидя сейчас в своем капернаумском доме.

-Это легче понять ребенку. Дети ближе всех к Царству Небесному. Когда предлагаешь ребенку спрятаться, он закрывает глаза, думая, что если он не видит мира, то и мир не видит его. Я играл так когда-то со своими младшими братьями. Я говорил: прячься, и мой брат Иамес закрывал руками свои глаза и смеялся. Ребенок помнит то, что взрослый человек забыл, - он творец мира. Лишь позже он узнает к своему сожалению, что он - не единственный творец, а потом забывает и это. Примите как дети Царство Небесное! Мир - это лишь занавес языка над Царством Небесным, вуаль святого Духа, мираж души. Нет единого мира. Их столько же, сколько душ изошло из Святого Духа. Число их бесконечно, как бесконечно число актов самопознания этого Духа. И каждая душа становится хранилищем своего языка. Лишь то одинаковое, что есть в этих языках, мы называем миром. Мир - это лишь общий остаток наших языков. Твой мир, Петр, и мой во многом совпадают, но это не один и тот же мир. Они у нас разные. И у твоей собаки есть общее с тобою - луна и этот дом, ведь ты убежден, что собака видит их так же, как и ты, но мир твоей собаки не равен твоему, ибо не равны ваши языки. Твой намного сложнее и больше, ты и сам это знаешь, - с улыбкой добавляет Иисус.

-Собака знает язык?

-Тот, которым она видит, слышит, чувствует и живет.

-Значит, у нее есть и душа?

-А зачем ей иначе выть на луну? Камни на луну не воют, а твой дом не смотри тебе в глаза.

-И Святой Дух есть в ней?

-Все живое от Духа Святого. И червь в земле - от Духа святого. Нас разнят только души, только тот язык, который хранится в них. Дух не участвует в этом. На Духе нет грехов, ибо он даже не ведаёт добра и зла, и никто не судится в Царстве Небесном. Тело превращается в прах, душа бесследно стирается. Суд мира и наказание мира остаются в мире. Возможно, на плаху палача ложится голова злодея, но с плахи падает голова младенца, а земли касается только прах. Дух, на котором основывалась эта душа, даже не знает ее. Душа знала себя, это и было ее Я. Дух никуда не идет и не возвращается. Мир исчезает, Дух остается там, где всегда был. Царство Небесное здесь и сейчас.

Иисус осматривает внимательно своих слушателей и видит по их лицам, что они все еще не понимают главного.

-Я расскажу притчу, чтобы вам легче было понять. Некий человек устроил пир, и гости ели и пили на его пиру. И некоторая часть их повздорила между собой, и хозяин дома выгнал их прочь. Кончился ли на этом пир? Нет, ибо остались другие гости и пришли новые. И эти тоже ели, пили и вздорили. Был ли это тот же пир или какой-то другой?

-Все тот же.

-Правильно. Пир закончится, когда последний гость уйдет с него. Вы не одни на пиру жизни. Но когда все живые существа - и люди, и звери покинут этот мир, то и мир кончится, став тем, чем он изначально был, - Царством Небесным. Нет мира без языка, как нет пира без гостей.

-Значит, фарисеи ошибаются, веря в воскресение?

-Ты говоришь сейчас с воскресшим, - спокойно заявляет Иисус. - Воскресение в свободе от человеческого. Сын человеческий воскресает в сыне Неба. И если вы со мной, то должно вам умереть и заново родиться.

-Разве возможно вернуться в материнское чрево? - вопрошает Андрей, и тут уже даже Петру ясно, что вопрос глупый.

-А что нужно сделать для этого, учитель? - покрывает он вопрос брата.

-Отречься от мира и возлюбить Небо. Кто с миром, тот сын мира, и сатана в нем. Кто с Небом, тот сын Неба, и дьявол не властен над ним. Ты живешь в языке, и язык - твой единственный враг. Но душа не может замолчать, кроме как умерев. В безмолвии открывается Царство Небесное. Ищите свободу, как я искал, а все остальное приложится само к вам. Спроси себя, в чем ты несвободен. И избавься от этого. А когда освободишься, увидишь, что еще тебе мешает.

-Все же я одного не пойму - не выдерживает Андрей. - Куда все девается? Земля, и небо, и вода. Разве они исчезнут?

-Как сказано в Писании? Вначале сотворил Бог небо и землю. Это вызывает у тебя сомнение?

-Нет. Я в Писании не сомневаюсь.

- Значит, ты допускаешь, что мир можно создать из ничего?

-Да.

-Тогда почему миру нельзя опять стать ничем? Только вам следует понять: это ничто, из которого возникает мир и куда исчезает, есть настоящее ничто, которое даже нельзя назвать ничто. У него нет имени. И помыслить его невозможно.

Наступает тишина. Иисус устал рассказывать, а Петр устал внимать. Но только не Иоанн. Ему хочется спросить учителя об искушении дьяволом. Таинственная битва Мессии с владыкой преисподней будоражит его воображение. Он готов слушать эту историю снова и снова. Вот Иисус в белоснежной одежде царя - первосвященника противостоит багряному Веельзевулу, которому поклоняются язычники и приносят ему на сожжение своих детей. Единственное

оружие Иисуса - его язык, подобный обоюдоострому мечу. Он рассекает этим мечом золотые пути искусителя. Придет час, и он низвергнет зверя в бездну за всех детей Господа.

-Петр, Петр! - раздается испуганный голос Циллы, и женщина, забыв о церемониях, вбегает в комнату, второй раз нарушая негласный порядок - не входить на территорию Андрея без необходимости. - Соседи мне сказали: Иаира нашли в озере утопленным.

-Утопленным? - недовольно спрашивает Петр.

-Ну да! Люди пошли на озеро и увидели его у берега, зацепившимся за корягу. Недаром собака выла. Вот чуяло мое сердце - не к добру.

Вчерашние свидетели ночной прогулки смотрителя синагоги - Иоанн, Иаков, Петр и Андрей молча переглядываются, вспоминая призрака, бредущего мимо них к озеру. Вот значит, как окончилось для него хождение по воде вслед за лунным светом.

-Это демоны увели его в омут, - уверенно заявляет Иоанн.

Суеверная Цилла смотрит на него с изумлением.

-Это почему же? - оскорблено спрашивает она.

-А ты не рассказал? - обращается юноша к Петру.

-О чем? - живо отзывается женщина.

Петр пожимает плечами. Лицо Циллы становится еще острее от любопытства. Она напоминает мышь в платочке, подозрительно нюхающую воздух.

-Иаир поклонялся луне, - неохотно признается рыбак. - Демоны его водили по ночам.

-Откуда ты это взял?

-Видел вчера.

Цилла верит мужу и приходит в суеверный страх. Она бывала частой гостьей в доме Иаира и его жены. Это они говорили ей, что на ней порча. Ведь с тех пор как она выкинула плод и чуть не померла, ей не удавалось зачать вновь. Она делала щедрые пожертвования в синагогу, совершила паломничество в Храм, обещала Господу посвятить младенца в нащриты, если он ей даст дитя, даже тайком ходила к ворожее за колдовским отпеванием. Но ничто не помогло. Уж не сам ли Иаир навел на нее порчу? Теперь Цилле начинает казаться, что он всегда был ей неприятен, как и ее мужу.

-Говорят, и рыбы уже его поели, - растерянно бормочет она и передергивает тощими плечиками. - Ужас! Больше никогда не стану есть рыбу.

Петр молча смотрит на нее, дожидаясь, когда она уйдет. Молчат и все остальные.

-Да простит Господь его грешную душу, - с притворным вздохом бормочет женщина. Никто ее не поддерживает. Цилла прощается: - Уж извините, гости дорогие, что помешала вам.

Она уходит так же стремительно, как до этого вошла. Вот они, мужчины, думает Цилла. Черствые и безжалостные. Никакого сочувствия к утопленнику. Хоть бы один выразил скорбь на лице! Каменные сердца. Ей становится жаль несчастного Иаира, а вместе с ним и самую себя, вынужденную жить среди этих бессердечных мужчин. Смотритель синагоги, по крайней мере, сочувствовал ее бесплодию, понимал ее так, как никогда не понимал ее муж. Все жальче и жальче Цилле становится себя. Она начинает плакать.

На второй половине дома никто не вспоминает Иаира. Учитель мог бы, по мнению Иоанна, произнести над свежим трупом поучительную речь о дьяволе, который ведет человека к гибели. Но Иисус ничего не говорит. Он остается холоден к смерти человека, которому пару дней назад на холме у озера сказал, что Иаиру никогда не стать его врагом.

-Учитель, мне хочется спросить, - неуверенно произносит Петр, словно сомневаясь, стоит ли ему поднимать этот вопрос.

-Спрашивай.

-Мы с Андреем вчера и сегодня вспоминали ваши слова на том пригорке. Вы говорили о

власти.

-У тебя остались сомнения?

-Да, - виновато признается рыбак - как же все-таки жить миру при полной свободе? Ведь наступит беззаконие, беспорядок, и нарушится все устройство жизни. Как жить без власти?

-Как жить с властью? Вот мерзость!

-Но по-другому нельзя. Власть неизбежна.

-На пути к истине главным препятствием оказывается человек. Все мудрецы мира считают, что искать истину без человека бессмысленно, ибо в каждом из них остается человек. Человеку нужна только человеческая истина. Бесчеловечную истину он не может принять. Об этом я и говорю. Освободись от человеческого. Истину не найти с человеком, истина - против человека!

-Но мир должен жить!

-Должен ли?

-Мир не может погибнуть!

-Почему бы ему не погибнуть? - с улыбкой вопрошает Иисус.

Петр смотрит на эту улыбку так же, как пять минут назад Цилла смотрела на его безучастное к смерти Иаира лицо.

-Учитель, вы меня пугаете.

-Все очень просто, Петр. Ты должен решить для себя, что тебе важнее: мир без свободы или свобода без мира. И если ты выбрал первое, тебе лучше забыть об истине.

-Но мне нужна истина!

-Вычеркни из своих поисков человека. Ты не человека ищешь, ты ищешь свободу от человека.

-Я не знаю. Может, мудрецы правы: зачем истина, если нет человека?

-Скажи, Петр, какова была первая заповедь на первой скрижали Моисея?

-Почитай Господа Бога своего.

-А какова была первая заповедь на второй скрижали?

-Почитай отца и мать своих.

-Верно. Моисей заботился о человеческом. Когда-нибудь напишут третью скрижаль, и первой ее заповедью будет: почитай власть, ибо она от Бога и от отцов. Возможно, автором этой скрижали станешь ты. Ты будешь отвратителен и мерзок, Петр, в своей заботе о человеческом. И ты благословишь власть, которая именем Бога и родительской любви будет пожирать этот мир, презирая людей. Вот три столба человеческого мироустройства: почтение к Богу, почтение к отцам, почтение к власти. И все мне не нравятся! На этих трех столбах установлен порядок. И никто никогда не скажет, что отцы бывают негодьями, власть - чудовищем, а Бог почти не отличим от дьявола. Вот тебе правда: В Царстве Небесном нет человека. И всем вам придется смириться с этим. Истине нет дела до человека. И это прекрасно!

Вечер подходит к концу. Это чувствуют все разом, и гости начинают собираться. Петр набирается мужества, оттягивая до последней минуты поступок, на который его толкает судьба. Уже Иоанн смотрит на него призывно, уже и Андрей кивает головой, подбадривая брата. Он решается.

-Учитель, Иоанн сказал нам, что завтра вы уходите в Иерусалим.

-Нам пора, - коротко подтверждает Иисус, не делая никаких предложений, как надеялся Петр. Призыв Иисуса снял бы с него последнюю ответственность. Но он не хочет этого делать и вопросительно смотрит на рыбака.

-Мы готовы пойти с вами.

-Петр, туда, куда мы идем, не ходят ради одолжения.

-Вы меня не поняли, - смущается Петр, - я и не думал об одолжении.

-Просто прими решение, нужное тебе, а не другим. Не жертва нужна, а милость. К жертве человек принуждает себя, в милости он свободен. Подумайте до утра, если решите, приходите к дому Матфея.

-Да что тут думать! - не выдерживает Андрей. - Конечно, придем.

-Все же подумайте, - заключает Иисус.

Братья провожают со светильниками гостей на улицу. Пес тоже принимает в этом участие. На прощание Иоанн треплет свидетеля своей молитвы по голове. Тот лижет ему руку. Петр почтительно кланяется и благодарит своих гостей за оказанную им честь.

Четверо спутников возвращаются через весь город к таможне.

-Они придут, - уверенно заявляет Иоанн.

Никто ему не отвечает.

-Что-то кости мои разнылись, - говорит Иуда. - Наверное, к дождю.

Пожалуй, это первая фраза, произнесенная им за вечер.

-Или к дальней дороге, - добавляет он.

-Если тебе трудно идти, возьми завтра осла, - дружески советует Иисус.

-В другой раз я так бы и сделал. Но этот путь я хочу пройти пешком,- с каким-то значением отвечает Иуда,

Иисус понимает его намек и кивает:

-Смотри сам.

Больше они не говорят.

Иоанн во второй и теперь уж точно в последний раз прощается с городом. В Царстве Небесном нет Капернаума! Вот харчевня с вывешенным полотнищем. Вот постоянный двор, где они с Иаковым арендовали коня у Закхея. Вот синагога, где благовествовал Иисус. Вот полуразрушенный амбар, возле которого их чуть не побили камнями. Вот огороды, среди которых плыл призрак Иаира и ушел к озеру. Вот и таможня, родная таможня.

Хмельной Матфей встречает их братскими объятиями. Он непременно хочет всех по очереди обнять и признаться каждому из них в любви. Юношей это забавляет.

-Сыны грома смеются над глупым мытарем, - пьяно восклицает он. - Они думают, что Матфей напился. Но он не столько напился, сколько рад всех вас видеть. Какой гадкий вечер у меня был! Вот посмотрите, - он широким жестом, качаясь на нетвердых ногах, показывает на свое жилище.

Повсюду следы пиршества и опустошения. Весь вечер мытарь разорял свое гнездо, приобретая новых друзей. Он дарил, оставлял во временное пользование и продавал за гроши. Мебель, утварь, кухонная посуда, пряности, масло, вино - все пошло прахом, как после пожара или потопа. Только ему это не прошло даром. Он напился. Матфей обводит горьким взором свою голую трапезную и разводит руками.

-Осталось только дом поджечь! - с угрюмым весельем заключает он. - Но дом уже не мой. Закхей купил таможню.

Ему не столько жаль вещей, сколько неприятно вспоминать о хищнических наклонностях людей. Приятели и коллеги раздирали его имущество охотно и радостно, как стервятники - добычу. А уходя с нагруженными руками, рыскали глазами по углам: нельзя ли еще что-нибудь прихватить, ведь покойнику, то есть ставшему для них покойником Матфею, уже ничего не нужно. В конце концов, Матфей начал их выпроваживать. Кто-то из гостей, он уже не помнит - кто, пытался унести даже его медный семисвечник, не заботясь о том, что оставит таможенника впотьмах. Это особенно возмутило Матфея. Все эти годы он имел дело с неблагородными людьми. Но вот вернулись его истинные друзья - бескорыстные и внимательные. И у него есть для них подарки.

-Давайте выпьем! - предлагает Матфей. - Допьем, что осталось.

Иисус смотрит на него с мудрой проницательной улыбкой. Какой он великий философ! Какой прекрасный человек! Так и хочется его обнять. Иисус улыбается и уклоняется от повторных объятий.

-Успокойся, друг. И наливавай чаши.

-Так и сделаем!

Всегда чистоплотный и даже брезгливый, он хватается кувшин и разливает вино во все подряд чаши, в чистые и нечистые, с недопитыми остатками, а затем широким жестом предлагает каждому выбрать понравившуюся. Иоанн, преодолевая фарисейское отвращение, выбирает ту, которая почище, и замечает, что учитель менее разборчив, чем он.

-Выпьем за тебя, Матфей! - торжественно и серьезно произносит Иисус. - Сегодня ты победил человека.

-Да уж, этот человек, - бормочет мытарь. - Чтоб ему пусто было. – Он собирает воедино все свои чувства за этот гадкий вечер и с пьяной важностью произносит:- Учитель, я плюю на человека!

-За тебя, Матфей! - дружно говорят юноши.

-За тебя! - кивает ему Иуда.

Мытарь опрокидывает в свой рот очередную, бесчестную за этот вечер чашу. Она затапливает последние верхушки его разума. Он неуверенно стоит на ногах и тупо смотрит в пол, пытаясь собрать свои мысли, которые разбегаются от него, как недавние гости, оставляя в пустом пространстве.

-Наш мытарь сегодня превзошел себя, - шутит Иуда.

Иисус говорит юношам:

-Отведите его до постели.

Братья подхватывают безропотного Матфея и уводят в спальню.

-Сможет ли он завтра идти? - сомневается Иаков. - Сколько же он выпил?

-Ничего, - уверенно заявляет Иоанн, вспоминая себя на свадьбе в Канне, - если будет совсем плохо, учитель даст ему чудесное лекарство. Вмиг выздоровеет.

Они укладывают мытаря в одежде и сандалиях, и он мгновенно засыпает в неудобной позе с вывернутыми руками. А вскоре все обитатели таможни отходят ко сну, перед дальней дорогой. Медный семисвечник, никем не задутый, горит всю ночь, нещадно пожирая фитили и освещая остатки пиршества и разорения в трапезной.

Петр возвращается на свою половину дома за полночь. Проводив гостей, он долго еще обсуждал с братом свое решение. Андрей настаивал на том, чтобы идти с Иисусом. Петр дал себя уговорить. И теперь он тихо прокрадывается в спальню. Ему не хочется сейчас объясняться с женой, и он откладывает неприятный разговор до утра.

Цилла, наплакавшись вдоволь над своей несчастной судьбой, спокойно спит, свернувшись под одеялом. В таком состоянии она опять напоминает Петру беспомощного ребенка. Он долго смотрит на нее, на эту комнату, на всю свою жизнь - и чувство самоотчужденности приходит к нему. Почему эта женщина - его жена? Почему этот дом - его дом? Почему он - это он, Симон, прозванный Петром? Дело не в имени, которое, если его долго повторять, становится бессмысленным, но в самой сути. Почему он - не Цилла? А Цилла - не он? Что значит - я? Почему его я - в Петре?

Он не готов принять объяснения Иисуса. Петр хранит в себе стандартное человеческое представление о независимой реальности и бессмертной душе. Первое подсказывает жизненный опыт, второе - сама душа, которая не хочет умирать. Но Иисус говорит: душа и мир единосущны. Рождается душа - рождается мир, умирает душа - умирает мир. Душа - это отдельный акт

самопознания бесчеловечного Духа, и она творит себя сама. Нет, не готова душа Петра принять это собственное величие и собственную ничтожность: творец мира погибает навсегда. Будут и есть другие миры, и у них свои творцы, столь же великие и ничтожные, как волны на море, приходящие из ниоткуда и уходящие в никуда. Хоть Петр и не считает себя фарисеем, которых Иисус презирает, ему тоже нужна его бессмертная душа.

Вопреки церковной доктрине о том, что к Богу нужно придти, которая довела Августина до убеждения, что младенцы, умершие прежде, чем их успели окрестить и приобщить к вере, отправляются в ад, вопреки этой пошлой доктрине вера в уникальность и неистребимость души, у которой есть вечный Свидетель и заботливый Кормчий, является врожденным убеждением человека. Так называемое “онтологическое доказательство” существования Бога, по сути, подтверждает только это - безусловную, врожденную любовь человека к себе. И просвещенный обитатель цивилизации, и невежественный туземец дикости любят себя одинаково и одинаково хорошо понимают идею Бога. Должен быть кто-то, кто оправдывал бы их любовь к себе, их бессмертную душу. Человек, который говорит, что он не верит в Бога, - глупый и лицемерный человек. Все любят себя, все верят в Бога. Безбожник - это идеальное состояние, как последнее число бесконечности: к нему можно приближаться, но невозможно достичь. Ведь, чтобы оторвать себя от Бога, человеку нужно освободиться от человеческого, избавиться от любви к себе, стать камнем. Только камни не любят себя. Только святым камням не нужен Бог, - этот Свидетель их жизни.

Петр даже не ступил еще на этот путь, который египтяне изобразили змеей, пожирающей себя. Его душа и не мыслит восстать против себя и начать войну за свободу. Ему тяжело порвать даже с прежней жизнью, разбить устоявшийся порядок бытия, а это лишь самая малая из свобод. Петр полон человеческого, и сомнения плещутся в нем, как вода в море, до самого рассвета. Идти или не идти? Порвать или не порвать? Разбить или не разбить? И так он спорит с собою до тех пор, пока румянец зари не покрывает бледным светом мрак его ночных сомнений, и на короткое время он смыкает веки. Ему не хочется больше думать.

В этот час на таможне просыпается Матфей с пересохшим горлом и ужасной головной болью. Ночь прошла для него без снов и мыслей. Он с трудом вспоминает вчерашний пир, который стал для него историей без конца. Он просто не знает, чем все кончилось, и как он оказался в своей постели. И появляется ощущение, что он совершил что-то дикое. Ах да! Он продал таможню и уходит с Иисусом и новыми друзьями в Иерусалим. В похмельном малодушии ему кажется это концом света. Зачем он на это согласился? Зачем он разрушил то, что сам долго строил? Ведь жизнь кончается не завтра.

Семисвечник в трапезной весь выгорел. На столе остатки мяса и рыбы лежат в липких красных лужах. Матфей идет на кухню, где он приготовил на дорогу мех с вином, и делает несколько глотков прямо из него, заливая внутренний пожар. Ему становится легче. Он опускается на кухонный табурет и застывает в позе, по которой греческие скульпторы ваяют горькое раздумье. Очнуться его заставляют чьи-то шаги. В кухню входит Иисус - свежий, умытый, с полотенцем на плече. Он дружески смотрит на помятого мытаря.

-Как ты себя чувствуешь?

-Голова болит, - виновато признается Матфей.

-У тебя остался уксус?

-Уксус? Вам нужен уксус?

-Не мне. Тебе. Натри им виски.

-Думаете, это поможет?

-Я уверен. Ты натри виски, а я приготовлю тебе напиток от похмелья.

Пока Матфей послушно натирает виски уксусом, Иисус приносит на кухню свою суму и

колдует над чашей с водой.

-Выпей разом, - протягивает он мытарю лекарство, от которого воняет мочой.

Преодолевая отвращение, Матфей выпивает его.

-Такой гадости я на своей кухне никогда не держал, - откровенно говорит он. - Откуда вы знаете, учитель, как лечить от похмелья? Вы извините меня за то, что я вчера напился.

Иисус кивает головой и поясняет:

-Мне приходилось встречать пьяниц. Я не осуждаю их. Если человеку хорошо и уютно в этой жизни, он может пить часто и много, но никогда не станет пьяницей. Ему это не дано. Пьянство - это отсроченное самоубийство.

-А почему самоубийство?

-Не всякий самоубийца - настоящий, но всякий настоящий самоубийца - это падший ангел.

-То есть дьявол?

-Нет, мой друг, дьявол - это земной житель, он здесь родился и здесь живет. Падший ангел был рожден для какой-то другой жизни, но он упал со своих небес, и разбился об эту землю, и ходит искалеченный по ней, дожидаясь своего конца. Он - самоубийца, даже если не делает этого прямо. Иногда он становится пьяницей.

-Но ведь самоубийство наши отцы считали величайшим грехом.

-И не только наши отцы, но все отцы народов. И я объясню тебе, что за этим стоит. В Писании сказано, что Бог сотворил человека вначале бессмертным, по своему образу и подобию, наделив его чувством и разумом. Но вскоре он понял, что человек, живя бесконечно долго, познает все тайны мироздания и станет равен творцу. Тогда Бог решил сделать человека смертным. А когда сделал это, вдруг понял, что со смертью человека он лишится своего творения и опять ему придется говорить с самим собой, не имея другого слушателя. И сказал себе Бог: как бы мне сделать так, чтобы человек был смертен и бессмертен одновременно? И он вложил в человека непреодолимую страсть к размножению, и подослал к нему мудрого змея, который научил человека похоти. Отныне человек проживал лишь назначенный ему срок, но род его мог продолжаться вечно. Поэтому Бог сказал людям: плодитесь и размножайтесь, чтобы не лишиться ему слушателя, но и не обрести того, кто сам станет Богом. Однако наделенный всеми способностями человек оказался способен и на неслыханную дерзость - на самоубийство. Это было чудовищное оскорбление Творца, и оно оказывалось тем горше, что во вселенной теперь имелась дверь, в которую мог войти смертный человек, но не мог войти бессмертный Бог. В его собственном дворце отныне было место, открытое для любого раба, но запретное для господина. Бог не мог умереть.

-Поэтому вы любите самоубийц? - потрясенно спрашивает Матфей.

-Не только поэтому. Понимаешь ли ты, Матфей, что человек может совершить два рода самоубийств - личное и родовое? Есть самоубийцы, которые оставляют после себя потомство, но свою жизнь прерывают; есть самоубийцы, которые не лишают себя жизни, но отказываются продолжить свой род. Если бы все люди перестали размножаться, человечество бы умерло. Это было бы родовое самоубийство. Не только тот нарушает волю Господа, кто лишает себя жизни, но и тот, кто делает себя скопцом. Есть скопцы, которые сами себя сделали скопцами ради Царства Небесного. И я - один из них.

Матфей начинает что-то понимать.

-Скажите, учитель, поэтому вы отправили Марию прочь от себя?

-Я думал, ты давно это понял. Мой друг, мне сорок лет. В моем возрасте имеют детей и внуков. Я же не вчера отказался в этом участвовать! Я сделал это двадцать лет назад, когда отказался от человеческого удела, еще не зная сам, куда меня это приведет.

-Мария отдала вам свое сердце.

-Мне очень жаль. Но мы не будем больше о ней говорить, - пресекает Иисус эту тему. - Лучше вернемся к нашим самоубийцам. Мне довелось как-то читать книгу Платона о его идеальном государстве. Этот философ написал множество законов для своего прекрасного государства, в котором должны были процветать справедливость и разум. А теперь угадай, Матфей, кого этот философ счел злейшими врагами своего государства?

-Самоубийц?

-Именно так. Не воров, не распутников, не убийц, но самоубийц, ибо Платон видел в первых лишь грешников, а во вторых принципиальных врагов и желал им злейшего наказания, но поскольку мертвого невозможно ни посадить в тюрьму, не казнить, то он лишил их права погребения. В идеальном государстве Платона трупы самоубийц должны были быть брошены на съедение зверям. Вот что делает с человеком созданная им самим же святыня, - он становится мстительным чудовищем. Если ты идешь со мной, Матфей, тебе следует знать: Иисус враг всех человеческих святынь. Святыня - вот главная мерзость души. Святыня позволяет человеку делать то, что он не посмел бы делать от своего имени. Бог, царь, отечество - с этим святынями можно попираť людей. Пока этот мир не поймет, что святыня есть величайшее зло, в нем никогда не прекратятся мерзости и войны, царства и интриги, насилие и суды.

-Но как же жить без святого?

-Живи ради Святого Духа! Но Святому Духу не нужно человеческое. А все святыни людей - человеческие. Других он не знает. Сколько найдется людей, которые скажут: дайте мне власть, и во имя справедливости, во имя благополучия народа, во имя свободы, счастья, разума я пролью реки крови. Святыню можно сделать из чего угодно. И всякая будет лишь человеческим лицемерием.

-Но Бог!...

-Эта - самая лицемерная. Кто говорит "Бог" - тот говорит "я". И разве он может сказать что-то другое? С чего бы тебе говорить от имени этого Бога? Пусть он сам скажет, если ему есть, что сказать. Долгие годы я искал человеческого Бога, но нашел много больше - бесчеловечный святой Дух, ему ничего не нужно!

-Никаких жертв?

-Никаких!

-А самоубийцы? Какое им возмездие? Или, быть может, награда? - неуверенно спрашивает Матфей.

- Никакого возмездия. Никакой награды. Только свобода! Самоубийца оскорбляет Бога, который не может умереть. Самоубийца плюет в бороды всем творцам идеальных государств и святынь. Самоубийца подобен тому, кто пришел на пир, где люди ели и веселились, и сказал им, что еда, которую они едят, мерзость, а веселие, которому они предаются, скотство. Самоубийца оскорбляет всех живых, и только Святой Дух он не может оскорбить, которому нет дела до человеческого. Царство Небесное дается всем. Нужно только принять его. Готов ли ты, Матфей, принять Царство Небесное?

Мытарь взволновано трет опять свои виски уксусом и с осторожной искренностью говорит:

-Я хочу принять его, учитель. Я завидую вам и хочу стать подобным вам. Из вас исходит сила, и все вокруг чувствуют это. Люди влюбляются в вас, и я - один из них. Но смогу ли я стать таким? - он качает головой. - Не думаю. Наверное, я еще не готов принять Царство Небесное. Достоин ли я?

-Это тебе решать. Все возможно человеку, если он захочет. Люди рождаются умными и глупыми, сильными и слабыми, красивыми и безобразными, и вторые думают, что им не дано стать первыми. Думаешь, я родился сыном Неба? Я родился в хлеву, и мне была уготована судьба сына плотника. Я по капле выдавливал из себя человека много лет. Если человек во мне

говорил: сделай так, - я поступал наоборот. Просто не подчиняйся человеческому в себе. Я не стал бы это говорить другому, но тебе, Матфей, говорю, потому что в тебе давно зреет это зерно. Ведь не я тебя выбрал, когда пришел на твою таможеню, ты меня выбрал, когда предложил остаться в своем доме. Кто имеет в себе свободу, тому дано будет еще и приумножится его свобода. Кто не имеет ее, тот лишится последнего и умрет рабом жизни. Нужно только захотеть, только захотеть, - последние слова Иисус произносит устало и как-то печально.

И с той же печалью он вдруг спрашивает:

-Ну, как твоя голова?

-Мне много лучше. Благодарю, учитель.

-Благоваришь за такую малость? Велика же будет твоя благодарность, когда примешь те сокровища, что я тебе дал. Народ Израиля ел хлеб с небес и желал вновь. Моим хлебом можно накормить все народы - и останутся они сыты навсегда, - завершает Иисус разговор, и печаль по-прежнему не сходит с его лица.

Матфею хочется чем-то обрадовать его.

-Ах да, учитель! - восклицает он. - Я же приготовил вам подарок. Сейчас принесу. Подарком оказывается свиток в дорогом сафьяновом футляре цилиндрической формы.

-Евтерпа Геродота, - с гордостью произносит он. - Купил у греков в верхнем квартале. Вам нравится?

Иисус растроган.

-Прекрасный подарок.- Он бережно вскрывает этот книжный саркофаг и достает пергамент с красочными абзацами и орнаментом на полях. Александрийские писцы потрудились на славу, выполнив манускрипт в изящной каллиграфии.- Царский экземпляр, - соглашается Иисус.

В дверях появляются Иоанн с Иаковым, идущие к утреннему туалету.

-А, сыны грома! Приветствую вас, - бодро встречает их Матфей.

-Как ты себя чувствуешь? - отзываются они.

-Сносно, благодарю.

-А как голова? - с бесцеремонной усмешкой спрашивает Иаков, сын своего отца, и это фарисейское пренебрежение юнца слегка задевает мытаря.

-Вы очень заботливы, мой юный друг, - сердито отвечает он. - Уже лучше.

Мытарь Матфей так и не приживется среди галилеян, окружающих Иисуса. После смерти учителя и Иуды, самых близких ему в этом круге людей, он отойдет постепенно от учеников Иисуса и ничем не прославится на апостольском поприще. С глубоким внутренним протестом он будет смотреть на то, как эти люди делают из Иисуса сына их израильского Бога и создают вокруг него церковь - по сути своей фарисейскую. Но что будет значить слово мытаря против мнения всех этих фанатичных христиан? Его ум, его литературные познания, его языческая культура будут против него в этом невежественном обществе, для которого Писание - альфа и омега всего знания.

И он ведь так и не обретет Святой Дух, который дал бы ему силы встать среди этих людей и сказать им: "Молчать! Фарисеи, лицемеры, невежды, гробы истины, рабы святыни, радители человеческого! Не для спасения ваших жалких жизней умер этот человек, не для того, чтобы Петр мог вечно быть Петром, а Иоанн навсегда оставаться Иоанном, но ради свободы от человеческого!" Вместо этого он замолчит сам. Тогда познает Матфей горькую печаль учителя, и тихая скорбь поселится в его душе.

Всех отвратительнее будет новоявленный апостол Павел: маленький, суетливый, припадочный, будто воскресший смотритель синагоги Иаир. На исчезнувшем трупке Иисуса он выстроит свою религию и будет восклицать на всех углах: "Если умер Христос, то тщетна наша вера". Христианам нужен воскресший Иисус - залог их собственного бессмертия. А когда

община, возглавляемая Петром, приговорит своего члена Ананию и его жену Сапфиру к смерти за то, что они утаили от общей казны часть своих сбережений, Матфей окончательно порвет с ними. Он уедет в сирийскую Антиохию доживать свой срок на мытарские сбережения, которое тоже не сдаст в казну апостольской партии.

Многие годы он будет думать о том, чтобы написать книгу об Иисусе, но даже не будет знать, как к этому подступиться. Сам тон повествования, с которого начинается всякая история, будет ставить его в тупик. Писать сухую биографию или патетическую сказку, философский трактат или политический манифест? Как рассказать об этом странном, невероятном человеке, который был против всех и хотел своей смертью оскорбить мир. Как написать об этом? И нужно ли? Разве правду ищут люди?

А между тем христианская партия выйдет за пределы Палестины и станет уже международной силой, которую преследует Рим и у которой уже есть собственные святые мученики. Говорить что-либо этим солдатам веры станет уже поздно. И воскресший Иисус не смог бы их вразумить. Они бы его вновь распяли! Старому Матфею попадет в руки книга Марка, секретаря Петра, ибо сам рыбак так и не посмеет написать об Иисусе. Шероховатая по стилю, литературно примитивная, лишенная всяких философских глубин, с простой, как рыбацкое весло, доктриной, эта книга, однако будет иметь свой тон. Очевидно, секретарю Петра, не знавшему Иисуса, нетрудно будет выбрать тон, которого Матфей не сможет найти за десятилетия. Тронет всеми забытого старого мытаря и то, что он тоже упомянут в этой книге.

Матфей возьмет перо и отредактирует Евангелие Марка. Он просто выправит стиль этой чужой ему книги, смягчит некоторые сцены, а историю предательства Иуды сделает абсурдной и необъяснимой. Но главное, он пополнит эту книгу потрясающими, пронзительными строками. Он сделает для памяти Иисуса больше, чем кто-либо. И тогда приблизится к нему Царство Небесное, и Матфей умрет с чистой совестью, умрет скопцом, совершившим родовое самоубийство.

-Что это? - спрашивает Иоанн, заметив свиток в руках Иисуса.

-Подарок Матфея, - отвечает Иисус.

-Можно мне посмотреть? - юноша читает оглавление с ноткой разочарования,- Геродот, Евтерпа? Кто это?

-Это греческий писатель, - поясняет мытарь. - Он называл свои книги по именам греческих муз.

-А кто такие музы?

-Покровительницы искусств.

-Языческие демоны, - пренебрежительно произносит Иаков.

Матфей ничего не говорит. Молчит и Иисус. Юноши уходят на утреннее омовение.

-Спасибо, мой друг,- еще раз благодарит Иисус Матфея. - Отнесу ее в свою суму. Так ты готов сегодня отправиться в путь?

-Вполне, учитель. Мне действительно много лучше.

-Ну а твои дела?

-Скоро должен придти Закхей, чтобы принять у меня таможду. Но я могу бросить ее и так, если нужно поторопиться.

-Нет, торопиться ни к чему. Подождем твоего Закхея. Может быть, подойдут и Петр с Андреем.

Он уходит с футляром в свою комнату. Матфей принимается сгребать в трапезной остатки вчерашнего пиршества. Он вываливает их на кухне, освобождая стол для завтрака. Вскоре все жильцы тамождни сидят за чистым столом и закусывают остатками хлеба с сыром. А потом является Закхей в сопровождении сыновей и слуг. Они заполняют весь дом. Закхей по-хозяйски

обходит комнаты, заглядывает во все углы, и бывшие жители этого дома начинают чувствовать себя здесь непрошенными гостями. Это неприятно им и вдвойне неприятно Матфею.

-Закхей, - не выдерживает он, - ты не мог бы подождать со своими людьми во дворе? Нам нужно собраться.

-Я подожду, - невозмутимо соглашается владелец постоянного двора, - но не долго. У меня, друг, много дел. - И добавляет, уходя: - Ты ведь оставляешь все эти вещи здесь, как договорились?

-Друг, - передразнивает его мытарь, - я выйду через ворота таможни с одной сумой. Полагаешь, я смогу засунуть в нее этот стол?

-Не только стол, - без смущения напоминает купец.

Этот самодовольный, неторопливый человек напоминает Иоанну его отца Зеведея, когда судья говорил со своими горожанами, а юноша мялся рядом от неловкости. Закхей и не думает спешить, он откровенно разглядывает квартирантов таможенника и встречает холодный, такой же презрительный, как свой собственный, взгляд Иисуса, этого лжепророка, которого чуть не побили камнями.

-Купец, - раздается хриплый голос Иуды, - тебя ведь попросили.

Закхей переводит взгляд на сидящего рядом с Иисусом мрачного заросшего черной с проседью бородой человека с портупеей на плече и что-то подсказывает ему, что с ним лучше не связываться. В нем ощущается присутствие какой-то темной силы. Торговец лошадьми уходит.

Завтрак заканчивается без всякого аппетита. А вскоре на дворе раздается шум. Раздвигая ретивых слуг могучими плечами, на таможню входят братья - рыбаки и сердятся, что их не хотят впускать. Закхей делает знак своей челяди, и старшина рыбацкой артели с его драчливым братом беспрепятственно проходят в дом.

-Мы пришли, учитель, - с порога заявляет Петр.

-Хорошо, - кивает головой Иисус и предлагает братьям сесть за стол.

Эта простота приема разительно контрастирует с ночными бдениями Петра. Ему казалось, что он заслуживает большего: если не братских объятий, то хотя бы похвалы.

-Ну, раз все собрались, - говорит Матфей, - то я принесу свой подарок.

Он возвращается со стопкой новых белоснежных рубах.

-Я подумал, - объясняет он, - пусть каждый оденет в дорогу чистое и новое. И пусть мы сами станем, как эти гиматии.

Всем нравится такой символизм. Семеро спутников в белоснежных нижних рубахах покидают таможню и направляются на юг по караванному тракту. Их уход из Капернаума проходит обыденно и незаметно. Иоанн пристраивается справа от Иисуса, рядом с ним Иаков, слева идут братья - рыбаки, Матфей с прихрамывающим Иудой плетутся позади всех.

“Вот мы опять на дороге!” - радостно думает Иоанн. Несколько месяцев, проведенных в Капернауме, кажутся ему лишь короткой остановкой в пути. Он воодушевленно излагает Иакову и братьям-рыбакам концепцию широкой как мир дороги, по которой идет все смертное человечество к Царству Небесному.

-Смысл дороги в самой дороге, - объясняет он.

И только двое в этой компании знают, что дорога для них кончается в Иерусалиме.

К полудню они достигают рыбацкого поселка Магдалы. Иоанну предстоит, как он догадывается, вновь войти в харчевню кривого сирийца. Он предвкушает, как они войдут всемером в харчевню и заполнят своей праведностью все пространство этого капища, и язычники потеснятся в углы, и бесстыдные, размалеванные женщины спрячутся от их холодных взоров, а сириец с вечной ухмылкой на обезображенном лице склонится перед ними. Но еще издали он замечает, что на месте постоянного двора осталось лишь пожарище. Закопченные

каменные стены без крыши стоят на месте харчевни, как скорбные памятники войны. Среди этого пепелища ковыряется какой-то человек.

-Эй, - окликает его Иуда. - Что здесь произошло?

Человек на мгновение отрывается от своих раскопок.

-Зелоты. Хозяина и его челядь порубили. А дом сожгли.

-Какие зелоты?

-Разве у них спросишь? Примчались тут на конях, главарь их весь в черном, так и сверкает глазами.

-Бар-Аббас, - отчетливо произносит Иуда и поворачивается к своим спутникам. - Здесь нам не остановиться.

Иоанну на мгновение становится жаль сирийца, а Матфей вспоминает группу всадников у своей таможни и их предводителя с серебряным кинжалом на поясе и хищной улыбкой на гордом лице. Эти магдальские развалины дают ему повод еще раз сказать себе, что он правильно поступил, продав таможню. Непокойные времена наступают в Галилее, здесь можно запросто умереть только за то, что ты иностранец или мытарь.

Иуда вопросительно смотрит на Иисуса. В нескольких часах ходьбы на юг лежит царский город Тибериада, а там прямой караванный путь вдоль Иордана до самого Иерусалима. Именно по этому пути Марию везли в Иерусалим.

-Я хочу еще раз пройти по Галилее, - говорит Иисус.

Иуда понимающе кивает.

-Тогда нам следует купить еды. Петр, у тебя есть знакомые рыбаки в Магдале?

Задумчивый Петр кивает головой.

-Нужно купить рыбы на пару дней. До Каны мы вряд ли где-нибудь пообедаем.

-Я схожу, - вызывается Андрей.

Путники переходят на другую сторону дороги подальше от запаха гари и опускаются на камни у обочины. Иуда хмуро смотрит на серое, потемневшее небо. Менее всего ему хочется провести ночь под дождем на сырой земле.

-У меня есть вино, - говорит Матфей, указывая на мех, - не хочет кто-нибудь выпить?

-Налей, - соглашается Иуда.

Мытарь достает чашу из сумы, и они вдвоем выпивают. Иисус жестом отклоняет предложение.

-Учитель, мы пойдем через Галилею?- спрашивает Иоанн.

-Да. Ты против?

-Конечно, нет. Значит, мы пойдем той же дорогой, которой пришли сюда? И зайдем в Назарет?

Но в планы Иисуса это совсем не входит. Скопец всегда сжигает за собою мосты. Именно в этом необратимость дороги в Царство Небесное.

-Мы не будем заходить в Назарет, - строго выговаривает он. - Пусть мертвые остаются с мертвецами. Но ты, если хочешь, можешь зайти.

-Я просто спросил, - оправдывается он.

Возвращаются братья с плетеным коробом из ивовых прутьев.

-Вот, - хвастает Андрей, - я взял с запасом. Все твои деньги, друг, ушли, - сообщает он Иуде, который выдал ему несколько денариев.

Иуда небрежно кивает.

Все свои сбережения братья оставили матери и Цилле, прихватив лишь горсть шекелей на дорогу. Андрей не стал бы скупиться на покупку рыбы и своими деньгами, но коль скоро Иуда выдал ему сумму из своего деревянного ящика, то первыми он потратил эти денарии. В их

общине сразу же устанавливается порядок, при котором финансовые вопросы не обсуждаются и не производится даже складчина денег в общую казну. Каждый тратит, сколько имеет, но большая часть расходов лежит на Иуде. Ни сынам грома, ни братьям - рыбакам не приходит в голову спросить, откуда берутся эти запасы. Для них Иуда - казначей Мессии, а у Мессии не может быть проблем с презренным металлом. Только Матфей понимает, что Иуда добровольно берет на себя все их расходы и что он - единственный друг Иисуса в их компании, единственный, кто не называет его "учителем".

Их община устраивает скорый пикник здесь же, на камнях у обочины караванного тракта, напротив Магдалы.

-Да тут на сотню человек хватит, - удивленно говорит Иоанн, видя содержимое корзины.

-Ничего. Запас карман не тянет, - заявляет Андрей. - Верно, друг?

Иуда кивает головой.

-Так теперь все это нужно нести, - возражает юноша.

-Я понесу, - успокаивает его могучий рыбак. - Запас карман не тянет.

-Ну, смотри, - соглашается он. - А ты, Петр, отчего такой хмурый?

-Так, пустяки, - отвечает Петр, без аппетита жуя хлеб с рыбой.

-Да ты весь день такой. Что случилось? - не отстает Иоанн.

-Пустяки, - хмуро повторяет рыбак.

-Он с женой своей поругался, - не выдерживает Андрей. - Вот и переживает.

Иисус внимательно взглядывает на Петра и ничего не говорит.

-А тебе нет заботы, - сердито говорит Петр брату. - Мать тоже без присмотра осталась.

-Цилла твоя и присмотрит. Что ей еще делать?

-Все у тебя просто.

-Петр, - вступает Иоанн, - мы все оставили своих матерей. И учитель тоже.

-Так-то оно так. Извините меня, учитель, - хмуро произносит рыбак. - Просто нехорошо я ушел из дома.

-Может, тебе вернуться? - серьезно спрашивает Иисус.

-Вернуться? Я и не думал об этом! Нет, вернуться я не хочу. Просто нехорошо. Пройдет. Извините меня.

Больше его никто не беспокоит.

Обед заканчивается, Андрей складывает остатки еды в короб и водружает его на плечо. Семеро путников сходят с караванного тракта и поворачивают на запад, уходя вглубь Галилеи. И сразу же весенние, зеленеющие изумрудом холмы обступают их с двух сторон.

Нехорошо Петр ушел из дома. И это гложет его. Он не привык, как Иисус, сжигать за собой мосты и жить в пустыне. Ему необходимо человеческое общество, в котором царят братолюбие и благочестие, миролюбие и справедливость, где жены покорны своим мужьям, а мужья заботливы к женам, - общество христианских добродетелей, о котором он будет писать в своих посланиях.

Всю ночь он не спал, слушая ровное дыхание жены, и подбирал нужные слова для объяснения своего ухода. Маленькая, как ребенок, спала она рядом, и прежняя жалость возвращалась к нему. Отца своего Цилла не помнила, жила ее семья бедно, кое-как перебиваясь случайными заработками. Вдвоем с матерью они нанялись поденщицами в артель потрошить рыбу. Там Петр и заметил ее впервые, кроткую и слабую. Она была страдающим существом, и ему тяжело было смотреть на то, как ее детские руки с трудом удерживают тяжелую, скользкую рыбу, а пальцы колются о плавники, и боль видна на ее девичьем личике. Петр считал естественным тяжелый физический труд для таких крепких мужчин, как он сам, но для крохотного существа эти нагрузки казались ему несправедливыми. Именно жалость легла в

основу его чувства к ней. Он старался облегчить труд Цилле, стал давать ей работу в своем холостяцком жилище и платил вдвойне. А потом женился на своей работнице. Когда у нее случился выкидыш, и она лежала полуживая на постели, а кровавые пятна простыней оттеняли белое пятно ее лица, Петр, подавленный своей виной и беспомощностью в эту минуту, поклялся себе, что никогда ее не бросит. Она выжила, но больше не рожала. Цилла изменилась. Он прощал ей неряшливость, он терпел ее ревность, он оставался заботливым мужем. Но она не была кроткой женой. Слабая, незащищенная девочка-ребенок превратилась в собственницу. Былая бедность сделала ее скупой. Получив мужа-стену, она пыталась превратить его в оружие против враждебного ей мира, от которого она по-сиротски натерпелась ранее.

И сегодня утром после его сообщения, что он идет с друзьями в Иерусалим, она не стала кроткой. Цилла поняла, что это не простое паломничество, в которое многие галилеяне ходят каждый год.

-Чуяло мое сердце, что не к добру этот человек пришел в наш дом.

-Иисус меня даже не звал.

-Ну конечно! Он пришел, как вор, чтобы вынюхать все и увести тебя.

-Он вылечил твою мать!

-А с чего бы ему ее лечить?

-Да просто так!

-Он вор!

-Не смей так говорить об учителе.

-Ах, учитель? Это он тебя научил? Он ворует мужей у жен и сыновей у отцов. Собирает себе прислужников. Недаром Иаир хотел побить его камнями.

-Замолчи!

Но Цилла продолжала поносить Мессию. Произошло то, что происходило уже много раз. Она доводила Петра до бешенства, но он не мог ударить этого ребенка. И она это знала.

На крик вышла теща.

-Вот, мама, посмотри на него. Он хочет меня бросить. Пойдет со своим учителем искать себе лучшую жизнь. Мы его не устраиваем. Зачем же ты женился на мне?

Петр растерянно смотрел на тещу, ища поддержки у той, но встретил холодный, враждебный взгляд. В женщине заговорили узы крови, которые крепче вечных ссор дочери с матерью. Он вдруг почувствовал себя чужаком в собственном жилище и лишним в доме своих отцов. И стал собираться.

-Никуда ты не пойдешь, - заявила Цилла, уверенная в своей власти над ним. - Ты мне поклялся!

Но его уже не останавливала собственная клятва.

-Я дам тебе развод, - произнес он. - Ты не будешь нуждаться.

-Вот как! Развод! А кому я нужна? Жена - не жена, вдова - не вдова. И еще бесплодная! Ты будешь жить в свое удовольствие, а мне горевать одной!

Этот естественный эгоизм, который присутствует во всех браках и служит их укреплению, пока интересы и желания супругов совпадают, но становится разрушительным для разнонаправленных супружеских потребностей, неприятно поразил Петра. Ее возмущало, что он заживет лучше, чем она. Разве не таковы же чувства бывают и у злейшего врага? Он увидел перед собою своекорыстную женщину, для которой легче было бы перенести его смерть, чем уход. И что проку было ей говорить, что он идет не за лучшей жизнью?

-Прощай! - коротко бросил он, направляясь к запретной двери на другую половину дома, где власть ее полностью кончалась.

-Нет, нет! Не уходи! - Цилла со слезами бросилась ему вслед, упала на колени и обхватила

его ногу. - Не уходи! Как я же буду одна? Как мне жить без тебя? - она взывала к жалости, последние остатки которой только что растоптала сама.- Я не выдержу. Я умру.

Цилла не была кроткой женой. Уходя из дома, Петр поклялся себе, что отныне будет держаться подальше от всех женщин на свете.

Нехорошо Петр ушел из дома. И это гложет его всю дорогу до самой Канны. Он не замечает прекрасных пейзажей родной Галилеи, не участвует в общих разговорах и равнодушно спит на сырой земле.

Каны они достигают после полудня. У городских ворот их встречает похоронная процессия. Впереди на носилках несут юношу в погребальных пеленах. Лицо его повязано платком, будто юного покойника сразила зубная боль. Следом убивается его мать в траурном одеянии, ее сопровождают плакальщицы, профессионально исполняющие на разные лады зауспокойную мессу.

Все встречные, как должно, останавливаются и выражают свое почтение ее величеству Смерти.

-Нехорошо встречать покойника, - бормочет Матфей и придает своему лицу скорбное выражение.

-Какой молодой! - шепчет Иоанн со всем уважением к той силе, которая властвует над людьми.

Могучие братья - рыбаки застывают в почетном карауле. Иуда хмуро отворачивается. И только Иисус смотрит на смерть холодно и надменно.

-Жаль этого юношу, учитель, - говорит Иоанн. - Наверное, он был не грешнее других?

-Этот юноша исцелился от жизни. А все остальные еще больны. Чего же тут жалеть?

Иоанну это непонятно. Возлюби ближнего своего, как самого себя. Юноша этот, хотя он никогда не знал его, близок ему. Менее всего, Иоанн желает себе смерти. Как же ему не жалеть того, кто умер молодым?

-Он больше не увидит это небо,- бормочет Иоанн.

-У него теперь другое небо, истинное Небо.

-Учитель, его имя записано в книгу воскресения? - наивно спрашивает он, не сознавая, что, слушая музыку учительских речей, пропустил половину их смысла мимо ушей.

Иисус не скрывает своего раздражения на любимого ученика.

-Нет никакой книги в Царстве Небесном! Душа стирается без остатка в миг смерти. Тысячи тысяч жили до нас, а до них еще тысячи тысяч. И все умерли! Зачем считать червей в земле? Зачем собирать пену в море?

Юношу обижает такая гневная отповедь. Ему кажется, что такое публичное наказание не соответствует его маленькой ошибке. И он старается забыть тут же это недоразумение, так дети, отруганные за плохой поступок, тут же забывают и ругань, и поступок, и завтра готовы делать то же самое. Для души есть только один суд - свой собственный. Спустя десятилетия, когда одернуть его будет уже некому, старец Иоанн вдохновенно расскажет о книге воскресения из своих снов. Двадцать четыре седовласых девственника, такие же, как он сам, которые хотели любви женщин всего мира, но не взяли себе ни одной, будут держать эту книгу жизни с семью печатями перед ликом Господа. И сорвет все печати в этих снах Сын Божий - Иисус Христос.

Процессия уходит к месту захоронения. Прохожие, стерев с лиц дань почтения смерти, возвращаются к своим мыслям и делам. Город встречает семерых путников лазурным закатом. В его свете все вокруг кажется желтым, а крыши домов словно покрыты шафраном. Иоанн с Иаковым чувствуют себя в Кане увереннее, чем в Капернауме. Они не раз бывали в этом городе. Семеро путников проходят по знакомым улицам и останавливаются у дома с резными деревянными воротами. Иуда стучит в них.

Лицо хозяина дома кажется знакомым Иоанну. Иаков ему подсказывает:

-Он был на свадьбе с учителем и Иудой.

Теперь он вспоминает: на той роковой свадьбе этот человек сидел напротив них. Он тоже узнает братьев, особенно того, кто произнес страстную речь в похвалу любви, и дружески улыбается ему. Его зовут Симон. Он - zelot и давний знакомый Иуды, которого почтительно называет господином.

-Господин, - рассказывает он, рассадив гостей на дворовых ложах, - вы слышали, что произошло в Иерусалиме на Пурим? Римские собаки перерезали два десятка наших галилеян.

Иуда кивает.

-Много крови пролилось, - возмущенно продолжает он. - Говорят, храмовые рабочие из Офлы до сих пор отмывают двор. А некоторых наших римляне захватили живыми. Среди них бар-Аббас.

-Так это он начал бунт?

-Возможно.

-И устроил побоище в Храме?

-Что вы, господин! В Храм с оружием нельзя заходить. Бар-Аббас не стал бы нарушать закон.

-Он способен. Бар-Аббас опьянел от крови.

-Верно, верно, - соглашается Симон-зелот. - Совсем бешенный стал. А ты, друг, тоже знаком с ним? - вежливо обращается он к Иисусу, в котором видит сподвижника Иуды.

-Встречался, - коротко отвечает Иисус.

-Раньше он был борцом, а не бандитом. Мы ведь с ним земляки. А вы, друзья, откуда? - спрашивает он могучих братьев.

-Из Капернаума, - отвечает Петр.

-Зелоты?

-Конечно! - подтверждает Андрей.

Хозяин дома одобрительно улыбается.

-Я бывал в Капернауме. Хороший город.

-Если бы не римский гарнизон,- говорит Андрей.

-Верно, друг. Пришли римские собаки на нашу землю.

Матфей предпочитает не упоминать, что он мытарь, хоть и бывший.

Пока хозяин дома занимает гостей разговорами, женщины и дети с безмолвными поклонами расставляют на столах сласти, орехи, легкие закуски. Маленькая девочка, вероятно, младшая дочь Симона, несет ему кувшин с водой, едва удерживая эту тяжесть, но стараясь изо всех сил угодить отцу. Он принимает посуду из ее детских рук, ласково гладит глазастую девочку по голове, и та, мило смутившись от всеобщего внимания, убегает в дом, стреляя оттуда любопытными взорами на гостей. Иоанн ей улыбается, но ее, похоже, больше заинтриговал суровый мужчина в огненном плаще. Очевидно, она помнит его еще с осени, когда Иисус гостил с Иудой в их доме, и теперь внимательно его изучает.

Симон-кананит принадлежит к пассивному крылу zelотов, как и Петр с Андреем. Он готов вступить в освободительную армию, но не желает заниматься партизанской войной, которая сильно похожа на бандитизм. Подавая гостям напиток с дороги, он присматривается к ним. Два подростка приносят медный таз и кувшин, следом все та же живая девочка на вытянутых руках несет полотенце.

-Спасибо, дочка, - благодарит ее Симон и опять гладит по голове.

Гости омывают руки, Симон начинает разливать вино по чашам. Все это он делает по-восточному неторопливо, с большим достоинством, олицетворяя собою мудрость: поспешай

медленно, чтобы не уподобиться глупцу. Нервному Иоанну никогда не удавалось следовать этой торжественной ритуальности. Раздражает она его и сейчас. Все церемониалы мира кажутся ему невыносимо скучными. Он рад, что в Царстве Небесном нет свадеб, похорон, жертвоприношений, приемов и должностей, иначе там тоже бывало бы скучно. Наконец, Симон наливает последнюю чашу себе, степенно обводит всех глазами, удостоверяясь еще раз, что никого не пропустил, и провозглашает:

-Выпьем за нашу свободу!

Все выпивают. Он последним осушает чашу и по-приятельски обращается к Иисусу:

-Друг, ты улыбнулся. Наверное, подумал, что вина по всей Галилее выпито немало, только свободы от этого не прибавилось. Я прав?

Он явно принимает Иисуса за зелота - и даже более радикального, чем он сам.

-Пожалуй, Симон.

-Ну а что же делать, друг? Наши вожди безмолвствуют. Если бы у нас появился настоящий вождь, мы бы поднялись все.

-И умерли бы за свободу?

-Конечно.

-Это хорошая смерть,- соглашается Иисус. - Думаю, лучшая из всех.

Иоанн начинает предвкушать уже первые аккорды учительской проповеди. В прелюдии раздадутся нежные звуки струн, а затем звон медных труб оглушит Симона, который смеет по-приятельски обращаться с Мессией, и в апофеозе барабанного грохота он будет повержен. И лишь потом свирель учительской любви вернет его к жизни.

Но Иисус и не думает говорить. Он берет со стола финик и неспешно его ест.

-Ты говоришь о Мессии? - не выдерживает Иоанн, обращаясь к хозяину дома.

-О Мессии? Все говорят о нем. Мессией называют Иохонана Крестителя. Но не похоже, чтобы он поднял народ. Он ведь эбионит, отшельник. Иохонан - святой человек и, наверное, пророк, но не царь Израиля. Возможно, он, как Самуил, который избрал царем Давида, укажет нам на вождя. Мы ждем.

-Времена Давида прошли, - произносит Иуда, ломая фисташки и отправляя бирюзовые зерна в рот. - Вождя нельзя назначить. Хасмонеев никто не назначал, когда они начали борьбу. Вождь должен быть политиком и в первую очередь договориться с Иерусалимом и получить поддержку Синедриона. Но Синедрион не признает никаких пророков, включая Иохонана.

Петр с большим вниманием слушает Иуду. Он почти не говорил с ним и совсем его не знает. Иуда говорит осведомленно и авторитетно, как человек, приобщенный к большой политике. Это вызывает уважение рыбака.

-Что же нам делать? - спрашивает почтительно Симон. Он по-прежнему видит в Иуде комиссара своей партии и готов принять любые его инструкции. - Мы ждем.

-Галилея может избрать собственного вождя и восстать отдельно от Иерусалима. У Антипы Ирода нет своей армии. Небольшая гвардия. Вернуть Галилее свободу будет нетрудно. Но у Пилата один легион в Цезарее, а в Сирии еще пять легионов у проконсула Виттелия. Это - сорок тысяч солдат. А еще конница и осадная техника. Конечно, Виттелию нужно стеречь границы с Парфией, но с ней как раз сейчас у Рима мирный договор. Способна Галилея противостоять такой армии? С ней будет то же, что с теми галилеянами в Храме. Долго придется смывать кровь с земли.

-Что же нам делать?

-Вам - ждать. Сам я ничего не жду.

-Не говорите так, господин.

-Говорю как есть, Симон. Я - стар, чтобы ждать чего-то от жизни. А вы ждите. Все может

случиться. У Рима всюду враги. Если бы все покоренные народы восстали, империя не просуществовала бы и месяца. Почему это не происходит? Почему сто рабов служат одному господину? Магия власти. Иногда я думаю, что обезьяны умнее людей. На них не действует магия власти, поэтому их невозможно сделать рабами.

Хозяин дома понимающе качает головой. Петр тоже верит всем словам Иуды, который только что разрушил его патриотические надежды. Но как же Мессия, который освободит народ Израиля? Он смотрит на Иисуса.

-А Царство Небесное?

Но Иисус и не думает оспаривать слова Иуды.

-Царство Небесное - не на земле, - холодно напоминает он.

Петру это нужно заново осмыслить. Иисус говорил о Небе, о Святом Духе, о языке, о свободе от человеческого - сплошь о вещах абстрактных, которым еще нужно было придать житейский смысл. И Петр делал это по своему разумению. Простая и понятная речь Иуды не оставляла сомнений: Царство Небесное не из этой жизни. Владыка мира дьявол не страшил его, шесть римских легионов оказались опаснее. Мировая скорбь учителя не лишала простой человеческой надежды, короткая речь его хромого спутника принесла разочарование. Он смутно представлял себе цель их похода в Иерусалим, когда выразил желание пойти с Иисусом. Несомненным казалось только то, что в Святом городе Мессия совершит нечто значительное, и начнут исполняться многовековые пророчества. Но вот выяснилось, что никакие политические силы Израиля не имеют отношения к Царству Небесному. Зачем же они идут в Иерусалим?

-А ты, друг, - слышит Петр сквозь свои размышления, - тоже считаешь, что наше дело безнадежно? - Это Симон обращается к Иисусу.

-Свобода в руках человека. Человек свободен, только не знает этого, не догадывается, что он свободен от всего.

- О какой свободе ты говоришь?

-Не о той, которую предлагают зазывала на рынке. У них свобода как рыба. Эта - поменьше и подешевле. Та - больше. Но стоит дороже. Они правы в одном: чем больше свобода, тем выше плата. Человек решает, сколько готов заплатить.

-Но ведь не больше, чем у него есть.

-У всех есть одинаково - и у раба, и у царя, и у пророка: их жизнь.

-Это так, - соглашается Симон. В это время его глазастая дочь на правах отцовской любимицы робко подходит к ним и прижимается к нему. Он нежно обнимает ее, а девочка разглядывает чужака в алом плаще.

Иисус ей ласково улыбается и продолжает:

-А жизнь, Симон, это очень много. Она всего мира стоит. Но, то и удивительно, что человек часто отдает жизнь за мир, которого не получает. Покупает то, чего лишается. Разве бывает сделка более странная? И мне хотелось бы понять, за что человек отдает свою жизнь?

-Он умирает за любовь, - высказывается Иоанн.

-Любовь - часть мира. Погибший не получает ничего от этого мира.

-Он умирает за награду на небесах, - пытается угадать его брат Иаков, который именно поэтому и пошел за Иисусом, следуя главному завету своего отца - фарисея: не остаться с пустыми руками.

-Это верно, награду он получит. Но какую?

-Вечную жизнь.

-Две армии убивают друг друга за свою свободу делать человеческое. Какая из них получит вечную жизнь?

-Правые получают.

-За что же умирают неправые? Странно, Иаков, что они сражаются так же отчаянно, как и правые. Разве возможна была бы война, если бы в ней были правые и неправые? Я полагаю, неправые отказались бы бессмысленно умирать.

-Они ослеплены дьяволом.

-Тут все ослеплены дьяволом. И боюсь, люди не скоро прозреют.

-Так за что же умирает человек, друг? - спрашивает Симон, продолжая гладить по голове свою маленькую дочь.

-Я ведь сказал, что человек всегда умирает за свободу быть человеком - и ни за что другое. В этом он видит свою правоту, когда убивает другого человека и рискует быть убитым сам.

-Ты хочешь сказать, что римляне порабащают нас ради своей свободы?

-Ради человеческой свободы. Когда человек отказывался от желания иметь больше и жить лучше? Если у него есть возможность взять чужое, он считает это правильным. Слабые говорят о справедливости, сильные говорят о правах. Так уж получается в этом человеческом мире, что справедливость - это забота побежденных, победителей она не тревожит.

-И поэтому римляне считают себя правыми?

-Ты видел римлянина, которого мучит совесть? Он ест, пьет и делает все человеческое с таким же удовольствием, как и ты.

-Но я в своем доме! Пусть возвращается в свой дом и там получает удовольствие.

-Это было бы справедливым для тебя. Но он этого не сделает.

-Римские собаки! Поэтому мы хотим их убивать.

Иисус хмуриться и, выдержав паузу, спрашивает:

-Скажи, Симон, за что готов умереть ты?

-Я умру за своих родных. Вот за нее!

Девочка понимает, что речь идет о ней, и еще теснее прижимается к отцу.

-Это достойная причина. И она предполагает жертву. Однако, Симон, ты когда-нибудь умрешь, и для этого, возможно, не потребуется жертва. Человек часто умирает просто так, как тот юноша, которого несли сегодня в гробницу, когда мы входили в Кану. Наверное, он умер от болезни или несчастного случая. Зачем умер он? Его жизнь не стала жертвой, и его мать сейчас очень хочет знать, за что умер ее сын. Думаю, она сейчас как раз об этом спрашивает Бога. Зачем умер ее сын?

-Никто этого не знает.

-А зачем умерли те галилеяне в Храме? Когда кровь их смешалась с кровью их жертвенного животного, они, наверное, думали: разве мы грешнее других, чтобы нам умереть сегодня? Человеку следует знать, зачем он умирает. Иначе придет неожиданно к нему его смертный час, как к этому юноше или к тем галилеянам, и будет он биться, и кричать, и роптать в руках своего палача или покорно пойдет туда, куда его поведут, и примет смерть в горьком молчании. Человек умирает либо как непокорный раб своего жестокого господина, либо как безропотная овца на заклании, мнение которой никто не спрашивал. Много ли тех, кто принял смерть как милость, а не как наказание? Многие ли умерли свободными, а не рабами? Говорю вам, их можно перечесть по пальцам. И вы можете оказаться в их числе.

Иисус смотрит на удивленного Симона, на довольного Иоанна, на Иуду, продолжающего мрачно щелкать фисташки, на серьезных братьев-рыбаков, на умного Матфея и продолжает:

-Конечно, если не заботит тебя твой смертный час, то нет нужды к нему готовиться. Когда он настанет, ты все равно умрешь - свободный ли, раб ли. Какая тебе разница? Не заботит же овцу то, что когда-нибудь ее зарежут. И у овцы, и у человека смертный час не долго длится. Но чтобы принять смерть, нужно отвергнуть жизнь. Чтобы принять Небо, нужно освободиться от человеческого. Это правда, что человек умирает часто по вине дьявола. Скажу вам более, только

из-за дьявола он и умирает. Но правда и то, что получает он свою награду в Царстве Небесном. Эта награда - свобода, ибо смерть освободила его от власти дьявола. Он заплатил сполна владыке этого мира. Не жизнью заплатил, жизнью платят за жизнь. За каждый свой прожитый час ты тут же и платишь. Его плата на этот раз - смерть. Но ведь человек не отдает смерть, скажите вы мне, он ее получает. Именно так! Вот совершенная сделка: заплатить тем, что получил, чтобы получить во сто крат больше. Не даешь ничего, получая все! Ни одному торговцу этого мира не снилась такая выгода. Царство Небесное даром дается! Бесконечно милостиво оно к тому, кто его принял.

-Кто ты, друг? - спрашивает Симон.

-Он наш учитель! - оскорблено заявляет Иоанн. Ему опротивело слушать, как этот человек называет Иуду господином, а Мессию - другом.

-Извини, друг, - опять повторяет Симон, - мне никто не сказал. Вы гостили у меня осенью, и я думал, ты - из zelотов.

-Я и есть zelот! Я - zelот Неба.

Кананит переводит удивленный взгляд на Иуду, - такого он еще не слышал: патриот Неба, - и видит лишь невозмутимое лицо Иуды. Похоже, в Израиле появилась еще одна партия, и он говорит с ее лидером. Его сознание мгновенно проясняется и все акценты, мелкие штрихи чудесным образом встают на свои места. Он вдруг понимает, что главный здесь этот человек в алом плаще, от которого его любимица дочь не отрывает глаз. Становится понятным и то, почему комиссар zelотов Иуда больше ничего не ждет от своей партии. Он теперь в партии Иисуса, в партии патриотов Неба.

-Прошу прощения, господин, - виновато произносит Симон к большому удовлетворению Иоанна, - я не знал этого. Иди, дочка, не мешай нам, - пытается он тут же спровадить ребенка подальше от важного гостя. Но девочка, словно замороженная, не хочет уходить.- Иди к матери.

-Не отсылай дитя, - останавливает его Иисус. - Она знает больше тебя про Царство Небесное, - и дружески ей улыбается.

Она принимает его улыбку, хотя совсем недавно не приняла улыбку Иоанна. Ее детское чутье на фальшь подсказывает ей, что этот незнакомец в огненной одежде честен с ней. Спустя полчаса она уже запросто держится с Иисусом. Симон не смеет прогнать свою любимицу, которую важный гость поставил выше него. Наконец, Иисус кладет руки на голову девочки, как священник, и торжественно произносит:

-Благословляю тебя, дитя, Святым Духом, который есть в тебе, и Царством Небесным, которое вокруг тебя.

Слегка ошеломленный таким благословлением, хотя и чрезвычайно польщенный, Симон отправляет девочку в дом на женскую половину. Гостей он устраивает здесь же, на дворовых ложах, сменив скатерти тюфяками и покрывалами. Пожелав гостям доброй ночи, Симон уходит в дом.

Иоанн занимает свое место справа от Иисуса. С ними на ложе остаются Иаков и Матфей. Иуда с братьями-рыбаками ложатся на другом ложе. После пешего дневного перехода все чувствуют себя усталыми.

Иисус лежит на спине, заложив ладони за голову, и смотрит в небо.

-Учитель, - шепчет Иоанн, - почему ты сразу не запретил Симону называть тебя другом?

-Друг - не худшее обращение.

-Он не должен тебя так называть.

-Меня называли по-разному. И тебя будут называть по-разному за твою жизнь, - устало отвечает Иисус. - Услышишь похвалу, которая хуже поругания, услышишь ругань, подтверждающую твою правоту.

-Но он тебе не ровня.

-Я знаю, кто я. И мне моего знания достаточно. Мир меня не знает. И я не уверен, что это нужно.

-Как же так? Мир должен тебя узнать.

-Кем ты меня считаешь, Иоанн?

-Ты - Мессия.

-Мессия? Я больше, чем Мессия.

-Ты - сын Неба.

-Именно так, мой мальчик. И я хочу, чтобы все вы тоже нареклись сынами Неба. Это была бы память мне. Нет пророку чести в своем отечестве. Разве что - после смерти.

-Ты опять говоришь о смерти.

-Потому что я с ней породнился, Иоанн, и она меня зовет.

-Смерть зовет? Зачем?

-Есть много причин, по которым люди умирают. Ты знаешь пока самые простые из них.

Но ведь ты не умрешь? - неуверенно спрашивает юноша.

-Умру.

-Почему?

-Я умру по самой лучшей из причин. Ради свободы человека.

-Учитель, не говори так, - молит Иоанн. - Скажи, что не умрешь.

-Я умру, Иоанн. И это случится очень скоро.

-А как же я?

-Ты еще поживешь, но придешь ко мне в Царство Небесное, когда будешь готов.

-Правда?

-Правда.

-Учитель, пожалуйста, не говори больше о своей смерти.

-Постараюсь, мой мальчик. А сейчас давай спать. - Иисус закрывает глаза.

Глядя на безмятежный профиль возлюбленного учителя, успокаивается и Иоанн. Не может Иисус умереть. Он просто испытывает, как велика любовь его к Мессии, к тому, кто больше Мессии...

На соседнем ложе долго ворочается Иуда. Его искалеченная нога после долгого перехода ноет и просит покоя. В конце концов, он кладет под нее свой эбеновый ящик и укутывает пуховым платком, и боль утихает. Он лежит на краю постели спиной к братьям и пытается уснуть. После спокойной жизни в доме Матфея, где он спал на мягкой постели и грел свои кости у огня, ему приходится тяжело. Он предпочел бы купить коня и добраться до Иерусалима за несколько дней, но придется месяц идти пешком по извилистой траектории, которую изберет Иисус. Он не выражает недовольство, ибо никто не принуждает его идти. Это его добровольный выбор. Просто с его ногой ему приходится тяжелее других.

-Иуда, ты спишь? - слышит он из-за спины.

-Что тебе, Петр?

-Ты хорошо знаешь бар-Аббаса?

-Да.

-Он, правда, бешенный?

-Стал таким.

-Отчего?

-Оттого, что земля не в его власти и Галилея не делает того, чего он хочет.

-Войны?

-Войны с большой кровью.

-А мы хотели вступить в его отряд.

-Что ж, вы сделали лучший выбор, - равнодушно отвечает Иуда.

-Оттого, что пошли с Иисусом?

-Если бы вы пошли с бар-Аббасом, были бы сейчас мертвы или дожидались бы казни в тюремном подвале вместе с ним.

-Его распнут на кресте?

-Конечно.

-Ты видел, как умирают на кресте?

-Много раз.

-Это тяжело?

-Руки прибивают к кресту, а под ноги ставят перекладину. Иногда их тоже прибивают к столбу или привязывают, чтобы продлить мучения. Такой человек может умирать несколько дней в собственной моче и дерьме, заживо пожираемый слепнями. Ему дают пить воду, чтобы он не умер от жажды раньше времени. Такой смерти себе не пожелаешь. Берегись креста, Петр.

-Так ведь я не разбойник и не убийца.

-Всякое может случиться. Если римляне тебя схватят, постарайся умереть до креста. Это очень мучительно и позорно. Недостойная смерть.

-Как же они дошли до такого зверства?

-Эту казнь придумали финикийцы. Так они наказывали расхитителей храмовых святынь. Римляне стали казнить на крестах всех своих врагов. Если ты римский гражданин - тебе это не грозит.

-С чего бы мне быть римским гражданином?

-Многие евреи его имеют. И многие хотят его купить.

-Это же предательство!

-Так говорят наивные галилеяне. Это безопасно и выгодно.

-А ты сам? Ты его имеешь?

-Нет. Я не хочу его иметь.

-Почему же я - наивный, а ты - нет?

-Потому что ты не знаешь и не хочешь, а я знаю и не хочу.

Иуда откровенно зевает. Хоть сегодня он надеется выспаться. Прошлую ночь ему опять пришлось провести на охалке сена в сыром сарае боязливого и скупого селянина, того самого, у которого они ночевали в октябре. Всю ночь он тогда жег навоз, чтобы согреть свою ногу, и провонял чадом. Надеясь избежать повторных мучений, он сразу приступил к переговорам, когда старик, долго гремя засовом, наконец, приоткрыл дверь своего дома.

-Узнаешь нас, старче?

-Как же, как же, - шуря подслеповатые глаза, отозвался тот. - Помню.

-Ну что, твои сыновья вернулись из Тибериады? - Иуда старался быть вежливым.

-Приехали, да опять уехали. В городе им больше понравилось. И платят хорошо.

-Так дом у тебя пустой? На ночлег наспустишь?

-Я бы рад, господин, но не могу.

-Это почему же?

-Не могу, - отвечал старик, будто хранитель великой тайны.

-Мы заплатим.

-Не могу.

-Что за сокровища ты в доме хранишь?

-Какие сокровища? - испугался старик. - Пусто в доме, и хлеба куска нет.

-Так пусти переночевать, раз пусто.

-Не могу.

-Ах ты, пес старый! - рассердился Иуда. - Надо было еще осенью сжечь твой дом.

Дверь захлопнулась, и засов закрылся гораздо быстрее, чем открылся. Пришлось опять идти в сарай.

Сегодня Иуда намерен выспаться.

Под ним не слишком мягкое ложе, но все же это не сырая земля, и есть покрывало. Ему совсем не хочется говорить о политике.

-Доброй ночи, Иуда, - говорит Петр.

-И тебе.

Наступает тишина. Петр переворачивается на другой бок и задумывается о превратностях судьбы. Карта жизни представляется ему подобной пятипалому, как ладонь, листу винограда: от черенка расходятся пять главных жил, которые имеют свои ответвления и так до самых тонких прожилок, которые тоже разветвляются. Двигаясь по этому фракталу, можно достичь любого конца листа. Так человек, идя по своей жизни то в одну, то в другую сторону, выбирает свою судьбу и приходит в конечную точку, которая могла бы быть совсем другой. Поверни он месяц назад к бар-Аббасу, и быть бы ему теперь распятым. Но месяц назад он не мог знать этого, и развилка на его пути не имела знаков предупреждения. Возможно, появление Иисуса в Капернауме спасло его от преждевременной гибели. Петр не может сформулировать свой вывод по-книжному, но звучать он должен примерно так: дав человеку свободу воли, Бог возложил на него слишком большую ответственность. Поменьше бы этой свободы. Тут как раз нужен Мессия, который освободит людей от выбора. Образ Иисуса - Пастыря рождается в голове Петра. Этот образ апостол Петр пронесет через всю свою жизнь и будет внушать его своей Церкви. Пастырь - это социальный Мессия, который берет всю ответственность за грехи на себя и делает свободными своих овец от свободы выбора. Позже о свободе стаде и ценностях духовного рабства будет написано множество богословских трактатов. И все они будут отлакированы искренним лицемерием.

Иоанн что-то рассказывал Петру о прямой, столбовой дороге, по которой нестройными рядами движется человечество мимо всех красот мира, сходя то там, то тут на обочину. Но у Петра нет художественного воображения Иоанна. Перед его мысленным взором не встает величественная картина: огромная дорога, покрытая изнемогшими трупами, которая уходит в голубое небо и на лазурном закате встречается с Царством Небесным, которое и есть свет мира. Ему ближе общественные проблемы и апология с виноградным листом кажется тут более подходящей. На прямой дороге не заблудишься, все неудобства в кривой траектории. Человеку нужен поводырь в этом лабиринте жизни, добрый пастырь Христос, который уже спас глупого Петра от смерти на кресте. И отныне он будет всей своей верой и всей своей рыбацкой правдой служить этому величайшему общественному деятелю, страховому агенту всех грешников и заблудших душ. В этот ночной час, лежа во дворе галилейского города Каны, Петр окончательно признает в Иисусе обещанного пророками Мессию. Он закрывает глаза. Пятипалый в прожилках виноградный лист долго кружит перед ним, опускаясь все ниже и ниже, и уводит его за собой на дно душевного покоя, в царство сна.

Иоанн давно уже спит, и ему снится сон - дивный и живой, как откровение небес, которого он давно ждет. Вот он на горе Фавор. Эта высокая гора хорошо видна из его родного Назарета. Осенью по утрам из-за горы поднимается солнце, словно оно пряталось всю ночь за нею, а не проваливалось под землю в царство мертвых. Много раз с трепетом наблюдал он этот рассвет, ожидая, когда верхушка горы заблестит нестерпимым светом. И вот он стоит на Фаворе с братом Иаковым и Петром, а перед ними Иисусу, лицо которого подобно этой сияющей вершине на рассвете. Рядом с ним Моисей и Илия. Очень похожие друг на друга старцы беседуют с

Иисусом о великих делах, которые ему предстоит совершить. Перед этой святой сценой Иоанн благоговейно опускается на колени и слышит голос с небес: “Это сын мой возлюбленный, и в нем мое благоволение”. Все, как в видении пророков! Иоанн просыпается от охватившего его ликования. Ему был голос с небес, и он заново переживает эту сцену, столь яркую и живую, будто случилась она наяву. Он будит спящего рядом Иакова, чтобы рассказать ему о своем вещем сне, но тот спросонья бормочет: завтра расскажешь. Иоанн засыпает в надежде увидеть продолжение своего чудесного сна.

Эта ничем не примечательная ночь в Кане становится эпохальной для будущей религии: апостол Петр даст ей Христа-Пастыря, апостол Иоанн - возлюбленного Сына Божьего. Во дворе Симона кананита мартовской ночью, незадолго до дня весеннего равноденствия, когда овен встает над миром и начинается отсчет нового круга на небосводе, Церковь впервые встала на две свои ноги.

Наутро Иоанн просыпается последним и спешит умываться, когда остальные уже садятся завтракать. Хозяин дома с полотенцем через плечо следит за сервировкой стола, его домочадцы расставляют посуду и закуски, младшая дочь кружится здесь же, с милой озабоченностью помогая своим братьям и сестрам.

Симон предлагает гостям отправиться после завтрака в синагогу.

-В главную синагогу у Южных ворот? - спрашивает Иоанн, занимая свое место, справа от Иисуса, которое ему оставил Иаков.

-Нет. После пожара ее обновили на деньги чиновников Антипы Ирода, - объясняет Симон, - там собирается вся городская знать: старейшины, члены совета, судьи, сборщики налогов...

Юноша проглатывает чуть не сорвавшееся с его уст хвастливое признание, что именно в эту синагогу всегда ходил их отец, когда оказывался в Кане.

-Я хожу в Завулонову общину. Там собираются zeloty. Посмотрите нашу скромную синагогу и послушайте людей. Вы не возражаете, учитель? - Симон вопросительно смотрит на того, кто назвал себя zelotom Неба.

-Почему бы и нет, - равнодушно отвечает Иисус. - Если остальные не против.

-Конечно, нет, - горячо соглашается Иоанн.

Остальные тоже не возражают.

-Сколько бывал на собраниях zelotov, разговоры всегда об одном: о преступлениях римлян, о пассивности Синедриона и как бы начать поскорее восстание,- хмуро замечает Иуда и бросает взгляд на Иисуса. - Ни о чем другом они слышать не хотят.

Иисус как-то странно улыбается и говорит ему:

-Конечно друг. Люди знают только собственную правду. Но сегодня я уже не там, где был вчера. Мы идем в Иерусалим.

Этот обмен взглядами и репликами остается непонятным для остальных. Симон реагирует на последнюю фразу:

-Я как раз хотел спросить, когда вы отправляетесь в Иерусалим?

-Завтра.

-Вы можете оставаться в моем доме, сколько сочтете нужным. Для меня - это честь, - уверяет он.

-Спасибо, Симон, - кивает ему Иисус.

-Я не смею вас задерживать, если вы торопитесь, но буду рад, если вы останетесь на день - два.

-Может быть, - неопределенно отвечает он.

Симон повязывает лоб платком маккавеев, рыбаки достают свои повязки. Группа направляется в синагогу. Хозяина дома сопровождает его старший сын, достигший

тринадцатилетнего возраста, позволяющего ему присутствовать на собраниях взрослых мужчин.

Они направляются в северную часть города, где расположена Завулонова община, центр местных zelотов. Эта часть города мало знакома сыновьям Зеведея. На пути им встречаются группы людей в повязках маккавеев. Большинство из них знают Симона, некоторые почтительно приветствуют Иуду, иерусалимского комиссара, но Симон теперь уже знает, кто из его гостей главный, и самым близким друзьям сообщает, что человек в алом плаще - лидер новой партии, которая скоро заявит о себе в Израиле. Словом, гостей в этой синагоге принимают с большим почтением.

Иоанну кажется, что это прекрасная возможность для учителя прославить свое имя среди кананитов и пополнить армию учеников Мессии, но поведение Иисуса его разочаровывает. Он вообще не издает ни звука. Он слушает, смотрит и молчит, как посторонний наблюдатель, как чужак, которому нечего сказать этим горячим патриотом Израиля.

“Учитель не хочет себя прославлять, - думает Иоанн на обратном пути из синагоги, - потому что для этого у него есть ученики. Царя сопровождает свита, придавая ему величие. Мы - свита Мессии. Наш долг - нести славу о его величии всему миру”. Этими соображениями он делится с Петром. Рыбак соглашается. Не восхвалять же Пастырю себя среди овец! Его стадо должно петь ему осанну. Они посвящают в эту миссию Иакова, Андрея и Матфея.

Аллегория о пастыре и стаде нова для мытаря, но смысл аргументации Петра кажется ему здравым.

-Конечно, пастух не должен доказывать овцам, что он - пастух.

-Учитель так и сказал мне вчера, - подхватывает Иоанн. - Я знаю, кто я, и мне этого достаточно.

-Несомненно, - соглашается Матфей.

-А если овцы не знают этого?

-Они должны узнать.

-Об этом я и говорю! - победно заключает юноша. - Теперь мы будем прославлять учителя.

-Я бы все же спросил его, - осторожно замечает Матфей. - Все великое заслуживает своей славы. Иисус - великий мыслитель. Но хочет ли он этого? Нам следует спросить его.

-Не нужно ничего спрашивать! - возмущается юноша. - Какой ты боязливый, Матфей. Разве учитель скажет: идите и прославляйте меня?

-Мудрец презирает славу, - в последний раз пытается усомниться мытарь.

-А он - Мессия!

И юноша начинает рассказывать свой вещий сон: Иисус стоял на горе Фавор в окружении Моисея и пророка Илии, и Господь с небес прославил его.

-Это был знак всем нам. Вы стояли рядом со мною. Вот я вам и рассказываю, - из любезности он умалчивает, что мытарь не был удостоен такой чести в его сне.

Симон, сопровождая идущих впереди Иисуса и Иуду, спрашивает их с гордостью гида, как им понравилось собрание.

-Все синагоги похожи друг на друга, - отвечает Иисус.

-В этом единство нашего народа, - охотно соглашается он.

-Пожалуй.

-Но размеры и убранство, конечно, разные,- продолжает беседу кананит.- Синагога Антипы у южных ворот побольше и побогаче нашей. Говорят, главная синагога в Александрии чуть меньше Храма.

-Это так, - подтверждает Иисус.

-Вы видели ее?

-Да.

-Какая она?

-Иуда знает ее лучше меня.

-Господин? - кананит обращается к бывшему комиссару.

-Она огромна, Симон, - сообщает Иуда. - Те, что стоят в последних рядах, не могут слышать первых. Им подаются знаки, когда молитва окончена, и все собрание должно произнести "Амен" единым голосом. В нем семьдесят золотых кресел для Совета общин и одно - для Верховного раввина. Да ведь ты сам все знаешь.

Но Симону все равно приятно послушать хвалу грандиозным сооружениям своего народа. Каждый еврей должен гордиться Храмовым комплексом, дворцом Ирода, Александрийской синагогой и даже портом Цезареи. Нация должна напоминать себе о своем величии, чтобы не раствориться в ничтожности.

-Так вы еще не решили, когда идете в Иерусалим? Если бы вы мне дали еще один день, чтобы закончить дела, которые я не могу закончить в субботу, я бы с радостью стал вашим спутником. Это было бы для меня большой честью.

Иисус вопросительно взглядывает на Иуду.

-Я не спешу.

-Хорошо, Симон, мы задержимся на один день, - отвечает он. - Но мы пойдем в Иерусалим не самой прямой дорогой.

-Такое паломничество будет для меня еще интереснее.

Устроив гостей во дворе на ложах и перепоручив заботу о них своему старшему сыну, который сопровождал их в молельный дом, Симон с извинениями покидает дом. Иоанн с Иаковым следом за ним уходят повидать старых знакомых в Кане. Они значительно переглядываются с рыбаками, и те понимают, что братья отправляются на ловлю человеков - овец для стада Христова.

Иуда тут же устраивается на втором ложе, потребовав от подростка тюфяков и подушек, и дремлет. Иисус отдыхает на первом ложе, наблюдая за играми детей во дворе. Матфей садится рядом со своим подарочным Геродотом в руках. Заметив красочный свиток, сын Симона ломающимся подростковым голосом спрашивает его:

-Это Писание?

-Нет, это греческая книга.

-Она о Господе?

-Она о древних народах.

-Разве не мы самые древние?

-Есть более древние.

-Мой отец говорил так! - настойчиво заявляет подросток.

Матфей на мгновение теряется, но быстро находит выход:

-Я уверен, что твой отец имел в виду, что израильтяне - первые перед Богом.

-Он говорил, самые древние.

-Ну, правильно! Самые древние, кого призвал Бог.

Подросток недоверчиво смотрит на мытаря, понимая, что тот почему-то лукавит. Матфею это вдвойне неприятно. Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть,- напраслина страшнее обличения. Этот юнец, наученный своим невежественным отцом, подозревает во лжи его!

-Подумай сам, - начинает объяснять он подростку, стараясь не подорвать авторитет хозяина дома, - ты ведь изучаешь Писание?

Подросток кивает головой.

-В Торе сказано, что Бог призвал нашего предка Авраама из земли Ур. Значит, земля Ур существовала до Израиля. Там жили вавилоняне. А Иосиф, сын Иакова, был продан в рабство

египетским купцам, помнишь? Значит, Египет, который был уже тогда великим царством, тоже древнее Израиля. Я уверен, ты неверно понял своего отца.

-Я спрошу, - обещает недоверчиво подросток.

Петр с Андреем внимательно слушают этот диалог, сочувственно смотря на мытаря. Матфей пожимает плечами и утыкается в свой манускрипт. Вот вам и пятая заповедь! Сказано, почитай своего отца, но ведь не сказано, что отцы бывают невеждами и болванами.

-Ты бы, парень, воды нам принес напиться, - говорит Андрей подростку, и тот с достоинством уходит.

-О чем твоя книга, Матфей? - спрашивает Петр, подсаживаясь к нему.

-Она о древних египтянах. Хочешь почитать?

-Я не знаю греческого. Может, ты нам считаешь? - чуть виновато признается рыбак.

-С удовольствием! Вот как раз по поводу того, о чем я сейчас говорил с этим мальчиком. Слушайте. - И он начинает вдохновенно читать братьям Геродота.

-Подожди, друг, - останавливает его Андрей. - Мы ведь не понимаем, о чем ты читаешь.

-Ах да! - Матфей хлопает себя по лбу. - Извините, друзья. Этот мальчишка сбил меня с толку. А вот и он, воду несет. Ну, вы напейтесь, а потом я вам перескажу, что здесь написано.

Подросток, подражая неторопливости отца, с неспешностью, которая всегда раздражала Иоанна, наливает воду в чашу и подает гостям, а затем так же степенно удаляется.

-Ну, что же ты хотел нам рассказать? - спрашивают братья.

Матфей, заглядывая в свиток, повествует:

-Египетский царь Псамметих захотел узнать, какой народ на земле самый древний. Вот что он придумал. Царь велел отдать двух новорожденных младенцев на воспитание пастуху, которому запрещено было говорить им что-либо и учить их языку. Так царь хотел узнать, какое первое слово произнесут младенцы. По истечении двух лет младенцы, которые не слышали ни одного человеческого слова, произнесли слово "бекос". Тогда царь приказал выяснить, у какого народа есть это слово. Ему доложили, что слово "бекос" означает у фригийцев хлеб. Поэтому Псамметих решил, что фригийцы - самый древний народ на земле.

-Ловко придумал! - восхищается Андрей. - А где живут эти фригийцы?

-В Азии.

Петр замечает, что Иисус тоже слушал рассказ Матфея.

-Учитель, думаешь, это так? - обращается он к нему.

-Думаю, это слово в языке младенцев означало "дай", или "хочу", или так они называли пастуха.

-Но установлено, что это фригийское слово, - замечает Матфей.

Иисус дружески смотрит на него.

-Скажи, мой друг, что произносят собаки?

-Какие-то звуки.

-Если выяснится, что эти звуки означают хлеб у какого-нибудь народа, ты скажешь, что собаки говорят на языке этого народа?

-Нет, учитель.

-Так и с этими младенцами. Они говорили на своем языке.

-Разве не Бог дал всем народам языки? - спрашивает Петр.

-Мы ведь уже говорили об этом, - устало произносит Иисус. - Язык, на котором ты говоришь, звуки общения. Они лишь часть языка, которым ты видишь, слышишь, чувствуешь, думаешь. Все живое живет в языке. Язык - это и есть жизнь. Язык твой создает твою душу. А она получает свой дар от Духа Святого. Выйди из языка - и не останется ни мира, ни души, только Царство Небесное.

Иисус бросает испытующий взгляд на Петра, и рыбак виновато кивает.

-Это я понял, учитель. Но как выйти из языка?

-Голодом души и тела.

-Постом и молитвой?

-Если пост умертвляет плоть, а молитва - душу, то можно сказать и так. Погубивший душу свою обретает Небо.

Петр принимает это за аскезу и монашеский устав: не печься о хлебе насущном, но думать о вечном, избегать плотских соблазнов и очищать душу, но не убивать ее. Во всю свою историю Церковь Петра будет толкать человека на край этой бездны, где кончается мир, язык и душа, но страшными муками, которых не было в арсенале Платона, будет грозить тем, кто захочет сделать последний шаг и упасть в свободу небытия. Злейшим врагом его церкви станет не архаичное многобожие - эта детская болезнь религии, но самоубийственный гностицизм во всех его проявлениях: от величайших мистиков Гаутамы и Лао-цзы до какого-нибудь Монтана и альбигойцев. Бессильную ярость Платона будет испытывать Церковь по отношению к тем, кто смеет убить себя, презрев ее вечные муки.

-Теперь я понял, учитель, - удовлетворенно говорит Петр.

-Надеюсь, что так, - как-то печально отвечает Иисус.

Весь этот день и следующий за ним Петр проводит в тягостном безделье. Для человека, привыкшего к каждодневному труду, безделье - это ремесло, которому еще нужно научиться. Петр даже субботу слегка нарушал от того, что не мог сидеть сутки, сложа руки. Но здесь в чужом доме он стал подобен рыбе, выброшенной на берег, которой остается только зевать и пучить глаза.

Иисус в эти два дня больше уделяет внимания младшим детям Симона, его глазастой дочке и ее погодке-брату, озорному карапузу, чем своим ученикам. Кажется, их бессмысленный детский лепет нравится ему больше, чем разумная речь взрослых людей.

Матфей смакует своего Геродота. Сыны грома снуют по Кане, распространяя слухи о Мессии. Петр завидует их возбужденному состоянию, они выглядят очень занятыми людьми, которым некогда валяться на ложе. В какой-то момент Петр подсаживается к Иуде. Его, как и Матфея, тоже интересует эта темная личность. Все они примкнули к Иисусу уже после Иуды, ему известны их истории, и только они не знают ничего о том, как и почему Иуда оказался рядом с Иисусом, которого он никогда не называет учителем.

Он садится на ложе рядом с полулежащим калекой и по-товарищески спрашивает:

-Ты всегда понимаешь то, о чем говорит учитель?

-У меня было время, чтобы понять его, - достаточно дружелюбно отвечает Иуда.

-А как давно вы знакомы?

-Пару лет.

-И все это время вы были вместе?

-Мы не ходили с ним в обнимку, если ты имеешь ввиду это. У меня были свои дела с зелотами, он провел некоторое время у ессеев в Кумране.

-Он был в Кумране у благочестивых? И как они приняли его?

-Как видишь, он не остался. Кажется, они попросили его уйти.

-Уйти? Почему?

-Он назвал их опресноками.

-Пасхальным хлебом? Разве это плохо?

-Но ведь ты не ешь этот хлеб круглый год. Почему? Если он так хорош?

-Он - пресный и невкусный. Это ритуальный хлеб.

-Думаю, Иисус так и сказал им: вашим хлебом сыт не будешь.

-Правильно! - озарено восклицает рыбак. - Мессия - вот истинный хлеб с небес!

-Кто тебе сказал, что Иисус - Мессия? - холодно спрашивает Иуда.

-Как? - от удивления Петр на мгновение теряет дар речи. - А ты? Разве ты не веришь, что он - Мессия?

-Мне он этого не говорил.

-Но ведь это так! Иисус - Мессия, предсказанный пророками!

-Если Иисус и Мессия, то не тот, которого ждет Израиль.

-Тогда кто же он?

-Он - сын Неба. Спроси его сам.

Петр застывшим взором смотрит на своего спокойного, уверенного собеседника. Два факта отпечатываются в его сознании: Иуда не верит в Мессию - Христа, но признает в нем сына человеческого, который стал сыном Неба. Как это совместить?

Сразу же после смерти Иисуса родится христианский образ Сына Божьего. У невидимой метафизической сущности по имени Яхве появится отпрыск. Каждый приличный еврей будет плевать при упоминании Сына Божьего. Иуда - приличный еврей, и он, несомненно, тоже плюнул бы при упоминании этой мерзости.

-Подожди! - совсем сбитый с толку говорит Петр. - Если ты не считаешь, учителя Мессией, то почему ты с ним?

-Я с ним не ради израильского народа, я с ним - ради себя.

И опять Петру нужно время, чтобы осмыслить услышанное. Какую же выгоду преследует Иуда?

-Ради вечной жизни?

-Ради вечной свободы. С Иисусом я освободился от бесов, которые мучили меня пятьдесят лет. Думаешь, я всегда был так спокоен, как сейчас? Я рыскал по Израилю, как волк, не хуже бар-Аббаса.

-Ты был с сикариями?

-Был. И вот что я еще скажу тебе, Петр. Иисус прав и в этом: все, что делает человек, он делает только ради себя. Ради себя я жаждал справедливости в мире, ради себя я желал свободы Израилю, ради себя заботился о сиротах и вдовах. Все - ради себя! И больше мне это не нужно.

Этот разговор застревает в памяти Петра, и он вернется к нему через пару недель в Вифании, деревеньке близ Иерусалима. А пока он оставляет Иуду в покое.

К вечеру возвращаются сыны грома, возбужденные и самодовольные.

-Учитель, теперь многие в этом городе слышали о тебе, - гордо сообщают они. - Когда в следующий раз ты придешь в Кану, толпы будут встречать тебя.

Иисус, словно его разбудили из состояния безмятежности, в котором он пребывал эти два дня, с недовольным удивлением смотрит на братьев и сурово выговаривает?

-Кто сказал вам делать это?

-Мессия должен получить свою славу.

-Я - Мессия для тех, кто жаждет небесного, а не земного, для изголодавшихся душою, а не плотью. Хотите поставить меня перед толпой, которая будет терзать меня? Говорил же я тебе, Иоанн, не давай святыню псам. А большей святыни, чем Царство Небесное, нет на свете! Но не нужно это людям! Узнаете это на себе, когда поведут вас в суды и будут бить в синагогах. Этого вы мне сейчас желаете?

Иоанн чувствует себя посрамленным незаслуженно. Ведь он не для себя старается! Он видит хмурое лицо Иуды, сочувственный взгляд Петра, чуть виноватую улыбку Матфея, которая словно напоминает: "Я ведь предостерегал вас". Но юноша по-прежнему не понимает своей вины.

-Как же мир узнает истину, если о ней не рассказывать? - удивляется он.

-Нужно рассказывать миру истину и даже погибнуть за истину нужно, - мягко говорит Иисус. - И тем легче вам должно быть это, что ждет вас всех Царство Небесное. И я первый сделаю это, когда настанет мой час.

-Когда же он настанет?

-Когда настанет, ни у кого из вас сомнений в этом не останется! - резко заключает Иисус. - Небо разверзнется, принимая меня!

Симон тоже становится свидетелем этой сцены, и его убеждение в том, что он имеет дело с новой израильской партией, религиозный вождь которой до времени хочет сохранить свою секретность, только укрепляется в нем. "Кажется,- думает он, - я нахожусь у истоков великих событий". И начинает хлопотать об ужине. Его семья приходит в гармоничное движение, как натренированный оркестр. Глазастая, живая дочь несет ему полотенце, и пока гости моют руки, жена и дети накрывают вечерний стол на дворежном ложе. А потом Симон чинно и неторопливо разливает вино по чашам, подавая первую Иисусу, а вторую Иуде.

На следующее утро восемь путников покидают этот дом. Вся семья провожает Симона на Пасху в Иерусалим. Пока он дает наставления своему первенцу, который остается за старшего в доме, Иисус присаживается на колени перед его младшей дочерью и прощально гладит ее по голове.

-Прощай, чистое дитя. Желая тебе всегда оставаться такой.

Они выходят из города через Южные ворота, минуя Антипову синагогу. Симон с дорожной сумой за спиной бросает пренебрежительный взгляд на молельный дом местной знати и тут же забывает о нем. Он отправляется в паломничество с легким сердцем. Ему не пришлось, подобно прочим спутникам Иисуса, вырывать себя с мясом из прежней жизни, и тем легче ему будет вернуться назад. Петр с легкой завистью смотрит на него. Сцена семейного прощания заботливого мужа Симона с его кроткой женой и покорными детьми опять напомнила ему его собственные сборы в дорогу. Никто не подал ему суму, не выслушал его наставлений, не смотрел ему вслед. Нехорошо он ушел из дома.

Вскоре они достигают речушки, которую и переходят вброд - все, за исключением замаявшегося Иуды.

-Что, друг, воды боишься? - шутит Петр.

-Холодную не люблю, - хмуро отвечает Иуда.

Петр вспоминает о его искалеченной ноге и решительно мочит свои ноги второй раз в воде.

-Давай, друг, я тебя перенесу. Садись на спину.

Иуда удивлен таким великодушием. Иоанн смотрит с большим неодобрением на то, как Иуда совершает свой переход верхом на могучем рыбаке. Глупый, добрый Петр! Нужно ему тащить на себе этого мрачного, скупого хромуна, который спит в обнимку со своим денежным ящиком. Пусть бы шел как все остальные!

-Благодарю тебя, Петр, - говорит Иуда на том берегу.

-Пустяки, друг. Ты ведь не из прихоти. Я понимаю, нога болит. Лечить я не умею, как учитель, но хоть так помогу.

К полудню следующего дня они достигают горы, на которой расположен Назарет. Но Иисус и не думает подниматься в город-могильник. Они входят в село у подножия горы. Здесь Иоанн с Иаковым чувствуют себя как дома. Много лет назад их отец приобрел на склоне небольшой виноградник и нанял для работы на нем безропотного, тихого Захарию, который владел крохотным участком по соседству. Судья был скуп на оплату, но охотно покровительствовал тому, кто каждую осень доставлял ему годовой запас вина. Он щедро угощал им своих гостей, добываясь от них признания, что его вино лучшее на всю округу. Его гости не чувствовали

разницу, но, хорошо зная тщеславие судьи, вежливо соглашались. И тогда Зеведей бывал очень доволен, будто не Захария все сделал за него, но он сам взрастил и произвел этот чудесный напиток.

Именно к этому человеку, который из года в год добросовестно возделывал свой и чужой сад, братья ведут своих спутников прямо к виноградникам, на пологом склоне, где одинокий Захария живет бессменным сторожем в своей хижине.

Пожилой крестьянин с вьезшейся в загрубелые ладони землей почтительно и равнодушно встречает двух барчуков. Весь его вид выражает смирение перед жизнью. Иоанну вдруг становится неловко за свой господский статус перед остальными.

-Здравствуй, Захария, - дружески произносит он, торопясь вернуть садовника в равное положение. - Как ты? Жив, здоров?

-Благодарю, господин. Здоров пока.

-Вот и хорошо.

-Вино я все свез в ваш дом, - отчитывается он. - Оставил вашей матушке.

-Да, да, хорошо. Мы с друзьями хотим у тебя передохнуть?

-Благодарю, господин, - растерянно бормочет Захария. - Вот только места у меня мало.

Позади него стоит его ветхая лачуга, а дальше пологий склон словно причесан ровными рядами шпалер, на которые опираются лозы с курчавой зеленью. Участки взяты в окаем смоковниц, как в скобки. Оттуда доносятся трели птиц.

-А нам много и не нужно, - объясняет Иоанн. - Мы переночуем и уйдем.

-Как угодно господам.

Захария опять принимает смиренную позу. Кажется, он готов почтительно кланяться, даже если его выгонят из собственного дома. Чтобы прекратить эту неловкость, Иоанн просит его показать виноградник. Юноше хочется быть вежливым, но старик все понимает по-своему. Молодые господа явились с проверкой, и ему теперь нужно во всем отчитаться. Он ведет двух инспекторов на судейский участок и подробно все объясняет. Столько-то старых кустов он удалил, столько-то насадил, подрезал, удобрил...

-Хорошо, хорошо, Захария, - перебивает его юноша. Ему это не интересно. - Поступай, как считаешь нужным. Мы тебе полностью доверяем.

-Ваш родитель любил прядок и требовал отчета за каждую лозу, - поясняет Захария.

-Мы тебе не судьи, - великодушно разъясняет Иаков.

Захария смотрит на барчуков вопросительно. Должен ли он считать, что его отчетом остались довольны?

Иоанн оглядывается вокруг и счастливо вздыхает. Здесь прошло его детство, на этом винограднике они с Иаковым провели самое веселое время из прошлых лет. Зеленая растительность обступает гору перед ним со всех сторон, словно пытается взобраться на нее, оставляя открытой лишь серо-коричневую верхушку, на покато плато которой расположен его родной Назарет. Птичье пенье лишь оттеняет окружающую безмятежность.

-Как хорошо здесь, - произносит Иоанн. - Блажен ты, Захария, что живешь в этом покое круглый год.

-Ваш родитель тоже так говорил, - смиренно соглашается он. Тут он вспоминает, что упомянул покойника, и выражает сожаление по поводу кончины "доброего господина", на которого много лет работал почти даром.

-Спасибо, Захария. Отец о тебе тоже всегда хорошо отзывался.

На лице крестьянина мелькает ухмылка - не глупая и наивная, но умная и скорбная. Этот человек многое видит и знает цену человеческому лицемерию, только никогда не возражает. За безропотностью его стоит не робость, как полагает Иоанн, но усталость и равнодушие.

-А ты знаешь, с кем мы к тебе пришли? - вопрошает юноша. - С Мессией! Тот, который в алом плаще.

Он не ждет от этого старого молчуна восторга, но последующая реакция на благую весть все же возмущает его.

-Мне его лицо показалось знакомым, - вежливо сообщает садовник.

-Ты что говоришь, дурак! Разве тебе заранее было известно, как должен выглядеть Мессия? Даже пророки этого не знали!- возмущается Иаков.

-Просто я как будто его уже где-то видел.

-Где ты мог его видеть?

Захария пожимает плечами.

-Может быть, ты видел его в Назарете? Он из нашего города!- с гордостью сообщает Иоанн.

Садовник выражает на своем лице почтение к городу Назарету.

-Его зовут Иисус. Он сын плотника Иосифа.

Но он, кажется, недооценивает ту великую тайну, которую ему доверили. Если молодым господам угодно, пусть будет Иисус, сын плотника Иосифа из Назарета. Его равнодушие опять сердит Иоанна.

-Пойди в село и расскажи всем, что к ним пришел Мессия, и остановился в твоём доме. Понимаешь ты, какая честь тебе оказана?

-Благодарю, господин.

-Да не меня! Мессию благодари.

Садовник кивает головой.

-Иди, - смягчается Иоанн, - и разнеси благую весть.

Захария покорно уходит. Отчет закончен для него. Юноша печально смотрит ему вслед. Нет в этом человеке духа, одна только старая, засохшая душа. Он срывает с лозы молодой пятипалый лист, исчерченный прожилками, сминает карту жизни на нем и подносит его к лицу, вдыхая резкий запах зелени.

Когда братья позже спускаются по склону к лачуге садовника, они замечают, как неспешно стекаются к ней по двое-трое селяне, тяжело шагая после трудового дня. "Вот они, идущие к Царству Небесному", - немного разочарованно думает Иоанн. Эти невежественные крестьяне с суровыми лицами не вызывают у него больших симпатий, но не стоит пренебрегать простым народом. Он - земля, на которой произрастают цветы нации и ее главный бутон - Мессия.

Во дворе их встречает растерянный Захария.

-Господин, я сделал, как вы сказали.

Он бессмысленно топчется на месте. Месяцами и годами в его одинокое жилище не навевались гости, а теперь он сам чувствует себя гостем на собственном дворе. Никто не обращает на него внимания, даже на Мессию - плотника он не может посмотреть. Все места в его доме заняты, и кто-то из подростков уже норовит разобрать крышу его ветхой хижины. Ему хочется крикнуть, чтобы те не смели озорничать. Но кто его послушает?

Иоанн отмахивается от него и пробирается сквозь толпу. Ему уступают дорогу, которую не дали Захарии. Он входит в дом. Если Царь Иудейский должен быть грозным владыкой, то Иисус сейчас боле всего похож на него. Его гневный взгляд дает почувствовать юноше, что он опять в чем-то провинился. Очевидно, из-за этих невежественных крестьян, явившихся прямо с полей на царскую аудиенцию. Он вспоминает, как был отчитан позавчера в доме Симона. Но эти селяне не посмеют оскорбить учителя. Они - настоящие овцы. Судья Зеведей одним только взглядом гнул их рабские спины, а Мессия одним словом сможет живьем их в землю вогнать. Кто ему тут возразит?

Сквозь толпу вслед за Иоанном пробирается молодая женщина с младенцем на руках. Петр,

взявший на себя обязанности привратника, не хочет пропускать ее к Иисусу.

-Господин, - молит она, - позволь мне пройти к Мессии. У меня ребенок болен. Пусть он спасет дитя.

-Какая шустрая! - недовольно ропщут селяне.- Всегда такая была. Вот и наблудила себе дитя без мужа. А теперь ребенка ее спасите!

Петр, видя их презрительную враждебность к ней, еще больше сомневается.

-Пропусти ее, - раздается голос Иисуса из единственной комнаты в этом доме, где он в окружении учеников сидит у дальней стены.

Женщина с орущим младенцем бросается к его ногам.

-Благой господин, спаси мое дитя.

-Не называй меня благим.

-Не дай ему помереть, - не слушая, продолжает она надрываться вместе со своим ребенком.

-Что с ним?

-Кричит не переставая.

Иисус приказывает ей положить младенца на стол и развернуть из пелен. Он внимательно осматривает его воспаленную пуповину.

-Давно это с ним?

-Уж третий день. Спаси его, благой господин.

-Ты его кормишь?

-Он не ест.

-Будет есть. Сцеживай ему свое молоко прямо в пуповину всякий раз, как станешь кормить. Я дам тебе снадобье, - он достает из сумы мешочек и насыпает в тряпицу серый порошок. - Размешай его с медом, ибо он горек на вкус, и мажь им свои сосцы для младенца. И смени эту пелену на чистую. Только в чистое заворачивай своего младенца!

-Благодарю, благой господин.

-Не называй меня благим. Бог ваш благ, а я вам - камень! Иди! Спасение твоего ребенка в твоём усердии.

Молодая мать, принимая порошок, хватает его руку и целует. Толпа дает ей уйти, а затем один из селян говорит:

-Господин, если ты тот, кем себя называешь, то ты должен знать, что женщина эта приبلудила своего ребенка, и никому неизвестно, кто его отец. То Господь карает ее.

-Разве младенца спрашивали, где ему родиться? - гневно вопрошает Иисус. - Разве дитя ответственно на грехи тех, кто его родил?

Селяне холодно безмолвствуют. Суровая реальность, в которой они живут, приучила их к безжалостности. Все дни они проводят в работе, но не могут выбраться из нужды, обложенные поборами со всех сторон. Именно такие крестьяне по всей Иудеи отказались платить еще один налог - на Иерусалимский акведук, и тогда Пилат арестовал храмовую казну. Рим повсюду строил такие акведуки и гордился своим вкладом в санитарию покоренных им городов, делая это, разумеется, за счет местного населения. Но как были эти крестьяне равнодушны к строительству акведука и к римской санитарии, так они остаются глухи и к милосердному призыву Иисуса.

-Вот вам притча, жестоковейные, - гневно продолжает он. - Некий человек не знал за собой грехов и молился так: "Благодарю тебя, Господи, что даровал мне мою праведность". Тогда пришел к нему ангел и попросился в гости. Праведник его радушно принял, и усадил за стол, не зная, кто - он. Тут проникла на пир блудница и бросилась к ангелу. И омыла она ноги его своими слезами и утерла их своими волосами. И не препятствовал ей ангел. Тогда праведник сделал ему упрек за то, что он допускает к себе блудницу. Ангел ему ответил: "Я пришел в твой

дом, а ты воды мне на ноги не подал. Она же омыла их своими слезами. Прощаются ей грехи ее, ибо она не возлюбила себя, но осудила собственным судом. Ты же ни своего суда не имеешь, ни чужого не признаешь. Твой грех остался с тобой!”.

Селяне угрюмо молчат.

Понимая, что он так и не пронял их мозолистые, плебейские сердца, Иисус устало произносит:

-Уходите! Не будет вам ничего от меня.

Могучие рыбаки, словно только того и ждали, начинают бесцеремонно выставлять вон эту деревенщину, пришедшую поглазеть на заезжего проповедника. Даже Петру понятно, как далеки эти люди от Царства Небесного.

-Разговор окончен, - сообщает он, - отправляйтесь, мужи, по домам.

-Пусть чудо покажет, - настаивает тот самый селянин, который разоблачил блудницу, - тогда поверим.

Толпа одобрительно шумит. Шоу должно продолжаться.

-Иди домой и жене своей указывай, что делать. Пусть она показывает тебе чудеса, - грубо говорит Андрей. - Проваливай отсюда!

Забыв, что сам стал инициатором этого сборища, а, быть может, именно поэтому, Иоанн смотрит на глупых селян грозным судейским взглядом своего отца. Два барчука, как архангелы, встают справа и слева пред сыном Неба, изнемогающим от натиска мертвецов земли. Один из этих смердов показывает им свою искалеченную длань и замогильным голосом просит:

-Пусть Мессия вылечит меня.

-Что ты суешь мне в лицо свою грязную лапу? - сердито говорит Иаков. - Ты бы ее хоть помыл прежде!

Толпа, лишённая развлечения, не торопится уйти. Могучие рыбаки встают перед ними и, раздвинув руки, медленно теснят к дверям, словно выметая мусор из дома.

-Расходитесь, мужи, - добродушно говорит им Петр уже в темнеющем дворе.

-Сказано вам, ничего не будет, - добавляет Андрей. - Эй, молодежь, слезайте с крыши, не-то уши надеру.

Подростки сыплются с кровли, как перезрелые яблоки, один за другим, и с хохотом разбегаются. Толпа покидает двор несолоно хлебавши, а точнее - и солоно не хлебавши, с пустыми желудками вместо сердец. В жилище садовника остаются только ученики. Иисус обводит их суровым взглядом.

-Запрещаю вам говорить, что я - Мессия! Запрещаю вам вообще рассказывать обо мне!

-И селянам, и горожанам? - спрашивает Иоанн.

-Всем!

Юноша делает знак рыбакам и Матфею. Они выходят из дому. По опустевшему двору бродит призраком Захария. Не обращая на него внимания, ученики начинают обсуждать приказ учителя. Почему Иисус избегает публичности? Матфей высказывает свою догадку: учитель бережет силы до Иерусалима, где он поведет философский спор с Синедрионом и убедит ученых мужей Израиля в своей правоте, как убедил его самого. Нет, возражает Иоанн, в Храме Мессия явит великое чудо и получит свою славу с небес. Петр полагает, что на Пасху Пастырь поднимет народ и установит Царство Небесное в Палестине. В конце концов, они уговаривают мытаря, который до сих пор ничем не прогневал Иисуса, обратиться за разъяснениями прямо к нему. Совсем не желая стать тем козлом отпущения, на которого возлагают грехи всего народа, Матфей все же отправляется в дом. Он находит Иисуса на прежнем месте с Иудой и Симоном кананитом.

-Учитель, - неуверенно обращается он, - позволь задать тебе вопрос, который интересует

всех нас?

-Спрашивай.

-Зачем мы идем в Иерусалим? Мы понимаем, что должно произойти что-то важное там. Это мы и хотели бы узнать. Но, возможно, - тут же догадывается он, - мы еще не созрели для этой истины?

-Не созрели Матфей.

-Что ж, - он мнется, собираясь уйти.

-В Иерусалиме, - произносит ему уже в след Иисус, - сын человеческий победит мир и освободится. Я много вам говорил, не притчами говорил, как другим, но прямо. Если ты меня слушал, то должен понять.

Матфей возвращается во двор и пересказывает все слово в слово.

-Кто это - сын человеческий? - вопрошает Иаков.

-Вероятно, учитель говорил о себе, - поясняет Матфей.

Это не нравится Иоанну.

-Он называет себя сыном Неба.

-Тогда он подразумевал любого из людей.

Теперь это не нравится Петру.

-Как обыкновенный человек может победить мир?

Они начинают вспоминать обрывки высказываний Иисуса, которые сохранились в их памяти, каждый - свои, и сшивать эти лоскуты в пестрое рубище, которое станет их Евангелием. На глубокомысленные дыры они накладывают невежественные заплатки, а страстную, кровавую правду учителя заплетают в узоры пустословия. Они пишут книгу, которая будет поражать своими диссонансами, представляя то великого мыслителя, то жалкого шарлатана. Впоследствии они щедро посолят свое Евангелие чудесами - этой античной приправой всей духовной пищи окружающего их мира. История без чудес была бы для этого мира, населенного сотнями богов и их потомков - царей, слишком пресной.

Ближе всех к истине оказывается Матфей. Он помнит, хоть и смутно, свой разговор с Иудой, в его памяти осталось то похмельное утро перед уходом из таможни, когда Иисус говорил ему о сути личного и родового самоубийства. Мытарь начинает прозревать.

-Кажется, я знаю: учитель говорил о смерти.

-Мы все знаем, что учитель любит говорить о смерти, - возражает Иоанн. - Ну и что?

Матфей боится высказать свою ужасную догадку. Все ждут от него продолжения и вопросительно смотрят на умного мытаря. Он решается.

-В Иерусалиме учитель умрет.

-Что? Как умрет? Что ты говоришь? - разом приходят в негодование остальные.

-Смерть - это победа, - бормочет он.

-Над кем?

У него не хватает мужества произнести имя, которое пришло ему на ум. И он совершает обычную теологическую подмену, основанную на примитивном человеческом отделении добра от зла, белого от черного, правого от левого.

-Над дьяволом!

Спустя многие десятилетия, живя в Эфесе, на родине Гераклита, Иоанн будет писать свое Евангелие и тогда использует Логос, о котором говорил этот философ, как Слово Божье. Но ни ему, ни всем христианским богословам не придется по вкусу доктрина этого самоубийцы - безбожника о единстве противоположностей, о диалектической сути того самого Логоса - Языка, тождественного миру, в котором Бог и дьявол - две стороны одной медали и невозможны друг без друга. Обокрав гностицизм, Церковь его истребит. А пока Иоанну не нравятся даже эти

слова мытаря.

-Ты безумствуешь, Матфей! - чуть ли не выкрикивает юноша. - Мессия не может умереть! Он пришел в мир победить дьявола, но не погибнуть! Вспомни, учитель уже боролся с ним в пустыне и победил его.

Под осуждающими взглядами своих товарищей Матфей уже сожалеет о собственных словах. Ведь они ему самому не нравятся.

-Разве я этого хочу? - оправдывается он. - Я желаю Иисусу долгой жизни.

Петр задумывается. Он уже имел возможность убедиться в проницательности умного мытаря.

-Ты думаешь, своей смертью Иисус победит дьявола? - спрашивает он.

Матфей чувствует в этом вопросе поддержку себе и объясняет:

-Я просто вспоминаю его слова.

-Нам он тоже говорил на холме у озера о том, как победить мир. Нужно отдать все до последней полушки.

-Вот видишь! - удовлетворенно произносит Матфей. - Я пытаюсь понять. Помните, учитель говорил: должно вам родиться вновь для Духа Святого. Поэтому он не дает нам простого, готового ответа. Мы должны придти к нему собственным умом. Друзья! Мы сами должны родиться свыше. Конечно же! Как я до сих пор этого не понял! - Матфей хлопает себя по лбу. - Греческий мудрец Сократ называл такой метод майевтикой, родовспоможением. Иисус помогает нам родиться для Духа Святого и понять его поступки.

В это время во двор выходит Иуда и подходит к неприкаянному Захарии, который не смеет войти в свой дом.

-Захария, - дружески обращается он к садовнику, - где мы можем взять себе еды на ужин?

-Если пойти по дворам, может, что и дадут.

-Нет, этого не нужно. Где купить?

-Господин, у нас село маленькое. Каждый обходится своим хозяйством.

-Ну, а где ты берешь хлеб?

-Вдовица одна печет мне по уговору.

-Так уговори ее испечь нам хлебов.

-Не знаю, господин, - мнется Захария.

-Ты попробуй. Вот тебе деньги. Если у твоей вдовицы найдется что-нибудь кроме хлеба, уговори ее продать.

Иуда вкладывает в руку садовника пару монет и уходит. Захария некоторое время неуверенно стоит посреди двора и покорно отправляется в село. Опять никто не спросил его о собственных желаниях. Иуда возвращается в дом, даже не взглянув в сторону своих товарищей.

-Вот ведь, - бормочет Иоанн, - только о хлебе насущном и печется.

Петр опять задумывается. Иуда лучше их всех знает Иисуса и наиболее близок к нему. Несомненно, Иуде известно, что произойдет в Иерусалиме. Разве был бы он так спокоен, зная, что Иисусу предстоит умереть? Нет, Матфей на этот раз ошибается. Пастырь не может оставить стадо. И какая овца сочтет его смерть победой? Волки сожрут все стадо. Матфей ошибается. Иисус не может умереть.

Так и не разрешив всех своих сомнений, ученики идут в дом. Иисус сидит с закрытыми глазами, прислонившись спиной к стене. Иуда готовит себе место для ночлега в углу комнаты. Жилище Захарии оказывается явно тесным для всех них. Сыны грома о чем-то шепчутся.

-Учитель, позволь нам с Иаковым повидать нашу мать, - робко спрашивает Иоанн.

-Идите, - не открывая глаз, сухо отвечает Иисус.

-Мы вернемся рано утром.

-Только не приводите с собой Назарет.

-Мы никому не скажем.

-Просто ни с кем не встречайтесь, чтобы не пришлось вам лгать.

-Конечно, учитель. Доброй ночи.

-Доброй ночи.

“Опять между нами холодная стена, - огорченно думает юноша, впрочем, начиная уже привыкать к этим отливам и приливам. - И все из-за этих селян с их неумытыми душами!”

Когда они с Иаковым, одолев извилистую дорогу в гору, уже в сумерках оказываются у ворот родного дома, в лачуге у подножия горы шесть путников и одинокий хозяин жилища довольствуются скудным ужином. Самодельная лампада едва освещает стол, за которым они сидят, оставляя все остальное пространство во мраке, так что и стен не видно.

-Как же ты живешь впотьмах? - спрашивает Иуда хозяина дома.

-Так мне, господин, свет без надобности. Я ведь с птицами ложусь и встаю.

-Ну, а гости?

-Не упомню уж, когда были здесь гости, - сообщает Захария. - У вдовицы, господин, нашелся только хлеб. У меня осталось немного винограда и сыр, - указывает он на засохший до состояния известняка кусок. - Вот ваши деньги, господин.

-Оставь их себе.

-Мне деньги без надобности. Тут в селе на них ничего не купишь, - садовник кладет монеты на стол. - А вина у меня достаточно. Пейте на здоровье.

-Вино продаешь? - спрашивает Матфей. - Вино у тебя хорошее.

-Меняю на муку, масло, чечевицу. Иногда и продаю, чтобы потом подати заплатить. Жертву на Храм ведь вином не отдашь. Две драхмы нужно. Вот и собираю.

-Деньги все же оставь себе, - говорит Иуда. - Подать заплатишь или крышу свою починишь. Мальчишки тебе ее повредили.

-Крышу я и сам починю,- говорит Захария и вдруг добавляет: - А плотника Иосифа я помню. Это он мне кровлю ставил. А плату не принял, вином взял. Давно это было. Годов тридцать назад. И мальчонка с ним был, помогал ему. Уж не вы ли, господин?

Иисус задумывается.

-Не помню, Захария. Мне моя жизнь кажется растянувшийся на тысячу лет, будто я при Моисее родился, а у дворца Соломона играл с детьми в камешки. Не понимаю, как люди говорят, что жизнь их была короткой. А тебе, Захария, твоя жизнь кажется короткой?

- Нет, господин. Долгая жизнь, очень долгая.

Глядя на этого высушенного жизнью, жилистого, как виноградная лоза, человека, на его смиренный, равнодушный лик можно подумать, что он и вовсе живет со времен Адама.

-Тебе сколько лет? - спрашивает Петр.

-Не знаю, господин. Давно уж перестал считать.

-Когда ты родился, кто царем в Израиле был? - подсказывает Матфей.

-А сейчас кто?

-Сейчас римляне.

-Кажись, и тогда они были.

-Не может быть, старик. Даже я родился при царе Архелае, а ты подавно, - мягко объясняет мытарь.

-Не помню, господин, - равнодушно соглашается садовник. - Знаю только, что и тогда было трудно, как и сейчас. Римлян-то я никогда не видел. Но трудно было всегда. Нет, жизнь очень долгая. И конца не видно.

-Будет конец, Захария, - произносит Иисус. - Скоро будет конец нашей усталости. И тебя, и

меня ждет покой.

-Хорошее это будет время, - соглашается Захария. - Одно беспокойство от этой жизни. Хорошо человеку упокоится от своих дел.

-Именно так! Великую мудрость ты в себе хранишь, Захария. Скоро, старче, скоро и ты, и я получим свободу.

Впервые на лице старого садовника, от которого всю жизнь чего-то хотели и требовали, появляется улыбка.

-Должно быть, господин, хорошо в твоём Царстве, - счастливо произносит он.

-Очень хорошо, старче! - Иисус готов расплакаться. Он быстро смахивает слезу рукавом и чуть дрогнувшим голосом говорит: - Спасибо тебе, Захария.

-Я ведь нечего для тебя не сделал, господин. Вино у меня только есть. А больше угостить нечем, - оправдывается тот.

-Спасибо, старче, - повторяет Иисус и опять смахивает слезу.

Садовник догадывается, что его благодарят не за хлеб, но за что - он не может понять. И никто ему не хочет объяснить это.

Иисус становится умиротворенно печальным и уже не хочет есть даже тот кусок хлеба, что лежит перед ним.

-Учитель, ты бы поел, - заботливо говорит Петр.

-У меня сегодня другая пища. А вы ешьте. - Он берет свою долю и протягивает Андрею. - Возьми.

-Нет, учитель.

-Я не хочу, а тебе нужно. Ешь.

Рыбак виновато принимает хлеб. К окаменевшему сыру никто не притрагивается. Скучный ужин съедается быстро. Но если Иисусу с Иудой при их бродячей жизни не впервые обходиться малым, а для Захарии жизнь впроголодь – норма, то у могучих рыбаков, привыкших есть досыта, хлеб с изюмом только разжигает аппетит.

Братья уходят спать во двор с пустыми животами.

-Нужно было взять с собой еды в Кане, - ворчит Андрей, - не пришлось бы теперь спать голодными.

-Остальным не лучше.

-Это так. Но есть-то хочется.

-Брат, мы с тобой пошли не ради сытой жизни, - терпеливо отвечает Петр, укладываясь на вязанках срезанной лозы.

-И не ради голода. Завтра куплю головку сыра и буду носить с собою. Когда окажемся в такой глухомани, как эта, будет, чем унять голод.

-Нужно терпеть. Иисус терпит, и мы должны терпеть.

-Зачем терпеть голод? Какая в том польза? Голодный злее сытого и думает об одном, что ему поесть. Учиться хорошо на сытый желудок. Тогда и думы в голову идут.

-Молитвой и постом, сказал учитель, изгоняется сей бес.

-Как же голодом победить голод? Разве дьявола можно изгнать дьяволом?

-Ах, брат, надоел! Причитаешь, как моя жена!

Андрей обиженно замолкает. Нехорошо Петр ушел из дома. Но он-то чем виноват? Больше они не говорят, лишь вязанки веток хрустят под их крупными телами.

На рассвете Иоанн с Иаковым покидают отчий дом. Сон в родной комнате, где трещинки на стенах привычно напоминают причудливые фигуры и лица, а запах детства никогда не выветривается, особенно крепок. И юноши, съедая завтрак, все еще зевают. Мать благословляет сыновей на их великое дело в Иерусалиме. Возможно, скоро они будут восседать в Каменном

зале Синаедриона, где плиты отшлифованы как зеркала. Ее муж Зеведей рассказывал ей об этом тронном зале высшей власти Израиля с трепетом мелкого чиновника, которому никогда не сидеть там. И вот сыны его отправляются на завоевание этих мест справа и слева от Мессии - Царя Иудейского. Ее муж на небесах должен быть доволен, глядя сверху на своих отпрысков - фарисеев.

Город только начинает просыпаться в сером рассеянном свете. Они выходят на пустынную улицу, обложенную одноэтажными домами. Мир в этот час кажется Иоанну таким же упокоенным, как Царство Небесное. Всякий человек на рассвете - почти праведник: он тих и кроток, не горюет и не ругается, не алчет и не лжет. Бог имеет своих лучших свидетелей на заре.

-Постой, я сейчас, - говорит вдруг Иоанн и бежит вверх по улице на восточную окраину города мимо синагоги к тому самому обрыву, с которого горожане хотели сбросить Иисуса.

-Куда ты? - кричит Иаков.

Но Иоанн уже его не слышит.

Он останавливается у каменного бордюра метровой высоты, взбирается на него и замирает. Под ним резко обрывается вниз ущелье. Но он смотрит не вниз, а вперед, на гору Фавор. Он ждет. Силуэт горы розовеет, и наступает восхитительный миг: солнце бросает первый луч на юношу. Оно встает чуть левее горы Фавор и освещает ее тем чудным светом, который он видел в своем вещем сне. Иоанн замирает в ожидании. Но голоса с неба не слышно. "Господи, скажи мне что-нибудь, - шепчет юноша, - я приму любое твое слово". Небо безмолвствует, и он понимает, что все еще не готов к откровению небес. Но оно придет к нему, он это чувствует. Он неспешно слезает с бордюра и возвращается к Иакову, который в недоумении ждет его по-прежнему у ворот их дома.

-Ты куда бегал? - сердито спрашивает он.

-Смотрел восход солнца.

-Его и отсюда видно.

-Там лучше, - уклончиво отвечает Иоанн.

Он не хочет признаваться, что искал одиночества. Из книг пророков он уяснил, что откровение всегда дается одному. Его, как и Царство Небесное, не получают компанией. Ни отец, ни брат, ни жена тут не помощники. Однажды он получит свое откровение.

Братья спускаются вниз по улице. В их городе-могильнике, лежащем на пологом плато, общественный статус семьи можно определить по местоположению ее жилища. Лучшие люди Назарета живут наверху. В нижней части города живут самые бедные и простые. В период дождей вся городская грязь стекается к их воротам, превращая дворы в большие лужи. Спускаясь сейчас вниз, братья, можно сказать, идут по социальной лестнице. За стенами дворов слышатся уже голоса, шум животных. На окраине улицы девушка метет участок перед домом, это - одна из сестер Иисуса. Узнав сыновей судьи, она бросается в дом. Бежать юношам уже поздно. Их тайный визит в Назарет провалился. Теперь остается только солгать или нарушить приказ учителя. Иоанн готов броситься наутек. Лучше уж проявить непочтительность к матери Мессии, чем все это.

Из ворот спешно выходит Мария. Она стала выглядеть лучше и увереннее с тех пор, как они сняли с нее вечную заботу о куске хлеба.

-Мир вам, госпожа, - растерянно бормочет Иоанн.

-И вам мир, юноши. Что же вы не заходите к нам?

-Госпожа, мы очень торопимся. Нам нужно идти.

-К Иисусу?

-Да.

-А где он?

-Он ждет нас в одном месте. Нам нужно спешить, - пытается улизнуть он, - простите нас.

-Это далеко?

-Госпожа, учитель запретил нам говорить.

-Даже своей матери?

В воротах появляются Иамес и его младшие братья.

-Учитель сохраняет себя в тайне,- говорит Иаков.

-Зачем?

-Мы не знаем, госпожа. Но учитель хочет так.

-Разве кто ищет его убить? - пугается Мария.

-Нет-нет! С ним все хорошо.

Но она не очень верит этому, а Иамес - еще меньше. Он подозревает, что его безумствующий брат скрывается от преследователей, прячется в чужих домах, чтобы его не убили, спасает свою бестолковую жизнь.

-Нам вы можете сказать, - уверенно заявляет Иамес. - Мы ему зла не желаем. Мы его семья.

-Сыночки, пожалуйста, - молит Мария, - отведите нас к нему.

-Мы не можем, - скорбно отвечает Иоанн. - Учитель нас заругает.

-Не заругает. Я его упрошу. Ведь я его мать.

Юноши подчиняются.

Спустя час вся семья в сопровождении двух братьев входит в жилище Захарии. На лице Иисуса при их появлении в дверях проступает мгновенная горечь, но затем он встает, обнимает и целует мать и всех братьев, Иамеса - холоднее всех.

-Мир тебе, брат, - говорит нашрут, пытливо всматриваясь в него.

-И тебе мир, - сухо отвечает Иисус.

Встреча с семьей тягостна для него. И он не пытается это скрыть за фальшивым радушием. Его семья осталась для него в далеком прошлом, во времена Соломона, когда он играл с детьми в камешки. Мария плачет и радуется, упрекает и благодарит одновременно, но ответного чувства у него не рождается.

-Все ли у тебя хорошо, сын мой? - спрашивает она.

-Все хорошо, мать.

-Отчего же ты скрываешься?

-Скрываюсь? Мать, я не стал бы скрываться, даже если бы весь мир искал меня! У меня за спиной Царство Небесное. Чего мне бояться?

Если Иамес рассчитывал увидеть своего старшего брата образумившимся и притихшим, то он ошибся. Иисус стал после их последней встречи более спокойным, но еще более надменным. Несомненно, думает Иамес, его брат из тех, про кого говорят, что их только могила исправит.

-Если мы можем тебе помочь, скажи, - говорит он Иисусу.

-Нет нужды.

-Но ведь ты зачем-то сидишь здесь вместо того, чтобы придти домой. Зайди в свой дом, - Иамес говорит с ним как с больным. - Тебе все будут рады.

Иисус это понимает, и его взгляд становится жестче: хула на Святого Духа продолжается.

-Не говори со мной так! - предупреждает он.

-Как же с тобой говорить? Разве я говорю что-то плохое?

-Хочешь что-то сказать, скажи прямо.

Нашрут скорбно смотрит на своего старшего брата. И предпринимает последнюю попытку.

-Мы - твоя семья.

-Вот моя семья! - Иисус разводит руками. - Те, кто идет со мною, а не против меня.

Иамес обводит взором суровые лица учеников Иисуса. Все они на той стороне и не издают

ни звука. Они не кажутся ему царской свитой Мессии. Это лишь кучка бродяг, которых его брат заразил своим безумием. И он приведет их всех к гибели. Неужели ни один из них этого не понимает и не остановит Иисуса? Можно простить юных судейских сынков, но вот здесь зрелые мужи, вот заросший седой бородой Иуда. Неужели он не понимает, куда его ведет Иисус? Даже Иоханан, сын храмового священника из череды Авии, праведник, нашрит, по праву рождения приближенный к Храму, не получил признания в Иерусалиме и удалился за Иордан, чтобы не иметь ничего общего с Синедрионом. Святые отцы, эти потомственные слуги Божьи, любят только мертвых пророков и терпеть не могут живых. Живой Мессия, которому они должны все поклониться в ноги и передать ему власть, просто взбесит их. Неужели его брат - всезнайка не понимает безнадежности своего предприятия? Неужели этот, несомненно, умный Иуда не видит, что они идут к гибели? Конечно, это безумие. Иамес разочарован в своем старшем брате. И ему искренне жаль его.

-Сын мой, - Мария бросается к Иисусу, - мы здесь не для того, чтобы ссориться с тобой. Мы - твоя семья и беспокоимся за тебя. Все ли хорошо у тебя?

-Я ведь уже сказал: все хорошо. Не беспокойся, мать.

-Твои ученики сказали нам, что ты идешь в Иерусалим. На праздник?

-Да.

-Можем мы пойти с тобой?

-Нет. Вам лучше не быть со мной.

-Почему? Разве мы помешаем? - допытывается женщина. - Вспомни, как мы ходили в Иерусалим, когда отец еще был жив.

-Я не помню. Я все забыл.

Мария огорчена.

-Что же с тобою делалось в далеких странах, что ты все забыл? Тебе там было так плохо?

-Пожалуйста, мать, не мучь меня вопросами.

-О чем же тебя спрашивать?

-Наверное, ни о чем.

Он трет лицо, подбирая нужные слова для матери. Она - единственный человек, которому он не может сказать жестокую правду. Не может он и солгать. Все люди лгут. Скопец никогда не лжет. Ложь для него - это бессмысленное добавление ложки меда в бочку дегтя. Что это изменит? Ничего.

-Я не могу объяснить тебе того, что делаю, - с трудом начинает говорить он. - Просто верь, что я поступаю правильно. И что бы ни случилось, продолжай верить, что это было правильно и хорошо для твоего сына. Ему это было нужно. А тебе лучше вернуться в Назарет, где мне нет места. У тебя есть другие сыновья. Надеюсь, они порадуют тебя больше. Я хотел бы тебя порадовать, но мне нечем. Пожалуй, я был худшим из твоих сыновей. Я не могу дать тебе то, что ты хочешь.

Мария со слезами смотрит на него.

-Сын мой, ты как будто хоронишь себя.

-Нет, мать. Твой сын - из воскресших. Посмотри на меня, коснись меня: я не умер, я воскрес, - с ласковой улыбкой произносит он.

Но Мария понимает, что он прощается. Слишком много печали в улыбке ее первенца, чтобы все у него было хорошо. Она обнимает его и просит:

-Скажи, что мы еще увидимся.

На его лице проступает мучительное выражение.

-Скажи, - настаивает она.

-Нет, мать, мы не увидимся. Уведите ее, - говорит он младшим братьям.

Они смотрят на этого чужого им человека с неодобрением. Двум самым младшим из них, Симону и Иуде, которые его совершенно не помнят, и вовсе кажется, что мать придумала им этого брата, а в действительности Иисус им - никто. Юноши смотрят на этого человека, заставившего плакать их мать, почти враждебно. Они уводят Марию.

Иамес задерживается.

-Если ты тот, кем тебя считают твои ученики, то почему слава о тебе не разносится по всей Галилее?

-Когда говорящий правду получал свою награду? Вспомни пророков. Нет пророку чести в своем отечестве.

-Разве только твоим ученикам дано это? - угрюмо спрашивает Иамес.

-Много званых, но мало избранных. И брат мой был зван, но не пошел со мною. Он не ест, не пьет, слуга субботы и раб Бога. Черета запретов перед ним, и все он соблюдает. Стал ли он хоть на каплю свободнее? Чем может возгордиться он? Разве Небо к нему приблизилось? В запретах ли искать человеку свободу? В рабстве ли он обретет Царство Небесное? Вот, посмотрите на меня. Я ем, и пью, и нарушаю все запреты. Кто же из нас нашел Небо? Ты, Иамес, нашел Небо? Скажи, брат мой, я приму любой твой ответ.

Нашрит гневно отвечает:

-Я отдал всю свою жизнь Богу. За это ты меня упрекаешь?

-Нашел ли ты Царство Небесное?

-Нет, не нашел.

-Я принимаю твой ответ. А теперь ты прими мой. Я нашел Царство Небесное.

-Так иди в Иерусалим и отдай его людям!

-Торопишь меня, брат?

Иамес мгновенно остывает. Он не это имел ввиду, он и не думал толкать Иисуса на смерть.

-Я буду в Иерусалиме, - отчетливо произносит Иисус. - Но если увидишь меня там, не подходи ко мне. Я тебя не узнаю!

Иамес поворачивается и уходит без прощания. Кажется, на него взвалили все древнее небо, раздавившее эту землю в лепешку.

Иоанн во дворе почтительно провожает святое семейство.

-Госпожа, все будет хорошо, - уверяет он Марию. - Мессия должен исполнить волю Господа, пославшего его на спасение мира.

Женщина слабо качает головой. Не верит она в это мессианство и не ждет ничего хорошего. Почему ее первенец не может жить нормальной, человеческой жизнью? Зачем он превращает свою жизнь в катастрофу, в пустыню, в конец света.

Симон и Иуда - ровесники Иоанна и его давние приятели по детским играм, спрашивают его:

-Ты думаешь, он - вправду Мессия?

-Конечно. Вот увидите!

Старший Иамес даже слушать не желает про это безумие. Сколько их, лжепророков, появляется в Израиле каждый год? Он навидался за годы, проведенные у Храма, припадочных, юродивых, бесноватых и просто шарлатанов, которые говорили о своих видениях, прозрениях и мессианских знамениях. Самых безвредных сажали в колодки у храмовой бойни, богохульствующих побивали камнями, а возмутителей народа римляне казнили на крестах. Ныне Иисус захотел присоединиться к ним и опозорить свое имя и всю свою семью.

-Мне жаль тебя, Иоанн, - говорит он гордому ученику Иисуса.

Юноша лишь пожимает плечами.

-А вы, - обращается нашрит к младшим братьям, - забудьте все, что слышали. Одно

правильно сказал Иисус: он оказался плохим сыном. Вы же не станьте такими.

Иоанну становится жаль своих бывших приятелей. Они состоят в кровном родстве с Мессией и не ценят этого. Он расстается со святым семейством на окраине села.

-Все будет хорошо, госпожа, - еще раз повторяет он Марии на прощание.

Но для нее это - пустые слова. Перед нею лишь милый, наивный мальчик, который даже не понимает, что Иисус замыслил что-то ужасное. И он это сделает. Она горько кивает и уходит.

Иоанн вспоминает похоронную процессию, встреченную ими неделю назад при входе в Кану. Вслед за гробом люди вели под руки убитую горем женщину. Он смотрит вслед Марии, которую сыновья так же ведут сейчас под руки. Только гроба нет впереди. Эта ассоциация неприятна ему, и он спешит ее забыть. Перед хижиной Захарии он задерживает шаг. Он тянет время, перед тем как оказаться лицом к лицу с учителем, от которого ждет жесткого порицания за то, что привел семью Иисуса сюда. Он сам не понимает, как это с ним случается: желает лучшего, а выходит наоборот. Почему его вечно сопровождают недоразумения? Во всем виновата его горячность. Помявшись у порога, Иоанн входит в лачугу. Он готов покаяться за свою суматошную юность. Но учитель не говорит ему ни слова упрека.

Однако Иисус чувствует, что должен что-то сказать ученикам после этой сцены со своей семьей. И он говорит:

-Кто оставил дом свой и родных своих ради свободы, тот ступил на дорогу в Царство Небесное. И говорю вам: вскоре он получит во стократ более того, что потерял.

-Как скоро, учитель? - вопрошает Петр.

-Надеюсь, хотя бы один из вас узрит небо раньше, чем вкусит смерть, и воскреснет для Духа Святого еще при этой жизни. Нужно ли вам это?

-Учитель, мы уже оставили свои дома.

-Тогда - в путь!

Упавшие духом ученики приободряются. Группа быстро собирается и покидает лачугу Захарии так стремительно, будто ее кто-то гонит. Всем хочется поскорее забыть семейный конфликт Иисуса. Безропотный хозяин дома молча провожает своих гостей до дороги. Иисус побратски обнимает этого чужого ему человека и говорит:

-Прощай, Захария. Скоро примет нас Царство Небесное - и тебя, и меня.

-Я жду, господин, - отвечает он и второй раз за многие годы улыбается.

Иуда дружески кивает ему. Остальные тоже вполне сердечны. Иоанн чуть задерживается и говорит садовнику:

-Слышал, Захария, что сказал Мессия? Будешь и ты в Царстве Небесном. Вот какая милость тебе оказана!

Садовник без всякого восторга повторяет:

-Я жду, господин.

“Эх ты, чурбан-человек! - думает Иоанн, догоняя своих спутников. - Ничего не понимаешь”.

Он занимает свое место справа от Иисуса и слышит, как тот говорит:

-Не нужно изучать философию, чтобы стать мудрецом.

-А кто мудрец? - любопытствует он, полагая, что пропустил что-то важное.

-Ваш садовник.

-Захария? Мудрец? Но его даже в этом селе считают последним!

-Последние станут первыми, если смотреть на мир с другой стороны.

Этого юноша не понимает. Какую мудрость обнаружил учитель в этом ничтожном, бессловесном как тень человеке? Его пылкое воображение отказывается видеть жалкую фигуру садовника в ореоле мудрости. Может, это просто очередная причуда Иисуса?

-Но в чем его мудрость, учитель?- вопрошает Иоанн.

Иисус холодно поясняет:

-Ты знаешь его много лет. Мне же достаточно было одного вечера, чтобы заметить: Захария не задает вопросов. Подумай, кем должен быть человек, который никогда никому не задает вопросов.

-Разве это трудно: ни о чем не спрашивать?

-Он и Бога ни о чем не спрашивает, Иоанн. Захария живет как камень. И умрет он так же. Говорю тебе, и царь Соломон не имел столько мудрости, как этот садовник.

Иоанн не понимает этой любви учителя к камням. Несомненно, если бы Иисус был живописцем, он писал бы только камни, а если бы делал портреты, то на них были бы каменные лица.

Следующую ночь восемь путников проводят в Сариде, затем - в Наине, на постоянных дворах вместе с другими паломниками, которые тянутся в Иерусалим на Пасху со всей Римской империи. Они идут такими же группами по пять-десять и более человек из Понта, Каппадокии, Киликии, Сирии - как частные лица и в качестве городских посольств еврейских общин с дарами Господу Израиля. Во всех караван-сараях Палестины царит праздничное настроение. Иоанну кажется, что все эти люди вместе с ним радуются тем великим событиям, которые произойдут в Святом городе. Но ни с кем из паломников он не пытается об этом говорить, помня запрет Иисуса.

На третий день они спускаются в Изреельскую долину, пролегающую от горы Кармил на западе до горы Гелвуг на востоке с древним городом - крепостью Мегиддон посередине, который стоял здесь еще до прихода израильтян в Палестину. Иоанн очарован красотой этого края, в котором есть все для райской жизни: реки из ясписа, берилловые луга, изумрудные рощи с рубиновыми цветами, горы из халцедона и сапфировое небо с солнцем из золота, сменяющегося на ночь черным агатом в алмазах. Да, думает Иоанн, вот он чудный Божий мир, вокруг которого бродит рыкающий дьявол, чтобы погубить прекрасное творение Господа. Воображение Иоанна, падкое до всего экзотичного и сказочного, разыгрывается. Именно эта прекрасная долина придет ему на память спустя десятилетия и станет его сценарной площадкой, его Армагеддоном, где силы добра в белых иерейских одеждах столкнутся с силами зла в кровавых римских плащах. Имя этого багряного зверя будет созвучно имени императора Нерона, прославившегося зверской расправой над христианами. И белое победит красное. И Сын Божий Иисус Христос достанет свой Логос - меч и низвергнет дьявола в бездну. В этой книге Иоанн отомстит всем за своего возлюбленного учителя. Семь казней он обрушит на тупые людские головы, он истребит души всех, кто не возлюбил его учителя: римлян, Синедрион, язычников, фарисеев и своего отца Зеведея.

К вечеру, когда голубой сапфир над головой юноши уже готов превратиться в черный агат, восемь путников достигают славного города Изрееля. Иуда предвкушает отдых на постели какого-нибудь постоянного двора, Андрей с Петром ждут сытного ужина, Матфею хочется войти в очаг цивилизации, а Иоанн собирается помечтать у камелька на сон грядущий. Но Иисус вдруг отказывается войти в город.

-Учитель, позволь хоть еды купить, - просят рыбаки, не понимая его каприза.

Он остается тверд и безжалостен, как камень. Могучие братья со вздохом покоряются. Андрей вспоминает о головке сыра, которую так и не приобрел про запас. Он мог купить ее вчера в Наине, но не купил. Поистине, сытый голодного не разумеет. Вот теперь мучайся. Они обходят город стороной и, удалившись от него на пару километров, останавливаются на ночлег в диком поле, будто пастухи, а точнее - овцы немилосердного Пастыря.

-Вот хорошее место, - удовлетворенно решает Иисус, осматривая совершенно пустынное место, на котором нет ничего, кроме травы.

Лишь в сотне метров севернее видна роща на берегу речушки, которая течет отсюда в Иордан. Он торжественно усаживается на траву, будто на трон, и с легкой улыбкой оглядывает всех. Ему словно нравится всеобщее недовольство его спутников.

-И зачем нужно ночевать в поле? - ворчит Андрей тихо, но так, чтобы его услышали.

-Это не поле, - заявляет Иисус. - Это зал суда, где каждый из вас будет судить себя собственным судом! А пока разведите костер, чтобы видели вы друг друга, когда сядете в круг для суда.

Ученики покорно расходятся на поиски топлива. Только Иуда опускается на траву рядом с Иисусом и устало вытягивает свою искаленную ногу. Он, как Захария, не задает вопросов.

Иоанн в предвкушении новой проповеди и сладчайшей музыки, которую давно не слышал, устремляется к рощице на сумеречном горизонте.

-Брат, пошли! - зовет он Иакова.

Вскоре они возвращаются с ворохом сухих веток. Братья - рыбаки отыскали сухое дерево. В вечерней тишине далеко разносится треск, с которым они выворачивают его из земли, а затем волочат целый ствол по земле. Вносят свою древесную лепту и Матфей с Симоном.

К тому времени, когда небо над Изреельской долиной становится агатовым и покрывается алмазами, костер весело трещит, выбрасывая искры вверх. В его свете лица сидящих вокруг мужчин кажутся желто-красными с резкими черными тенями, будто африканские маски демонов, собравшихся в диком поле под покровом ночи на ритуальный шабаш.

-Ну вот, светло и тепло, почти как в доме, - тихо говорит Петр хмурому брату.

-Еще бы поесть чего-нибудь.

-Еда как женщина. Чем больше о ней думаешь, тем сильнее хочешь. Думай о чем-нибудь другом.

Андрей пытается думать о другом. И почему он не купил еды в Наине, ведь своя ноша не тянет рук? Наверное, правильно говорит Иисус: все хлопоты человека только о свободе. Богатство, власть, слава нужны людям ради свободы быть собою. Ради свободы человек приобретает знания, и даже ест он ради свободы. Вот почему, когда он сыт, ему кажется, что он навсегда освободился от голода. Вот почему, имев близость с женщиной, он уже не хочет даже смотреть на нее. Он стал свободен. И почему Андрей не прихватил вчера про запас головку сыра?

Иоанн ложится на мягкую траву животом вниз, опершись на локти, и готовится слушать новую симфонию учителя.

-Сыт ли ты, Петр? - вдруг спрашивает Иисус.

Петр отрывается от собственных дум, и первое удивление от такого вопроса сменяется на его лице оскорбленным выражением.

-Разве ты не знаешь, учитель, что я, как и все остальные, не имел и крошки во рту со вчерашнего дня?

Иисус смотрит на него печально и сурово повторяет, будто не слышал ответа:

-Сыт ли ты, Петр?

Рыбак на мгновение теряется, а поняв, что вопрос заложен глубже житейской фразеологии, недоуменно смотрит на него, ища достойной глубины ответ.

-Учитель, я насыщаюсь твоими словами.

-Сыт ли ты, Петр? - раздается с надрывом в третий раз.

И это повергает его в панику. Он не может угадать ответ, его фантазия исчерпана. Петр вопросительно смотрит на остальных, ища у них подсказки, но встречает лишь сочувственные и выжидательные взгляды. Это его экзамен, ему и отвечать. В отчаянии он произносит самое простое:

-Нет. Я умираю с голоду, - и ждет страшного приговора.

Наступает пауза.

-Оставайся всегда таким, - раздается торжественный голос.

Петр вздыхает с облегчением.

-Умирай с голоду, Петр, во все дни свои. Только так достигается Царство Небесное.

Сказано: стучите - и вам откроется. Но сытый не стучит в эту дверь, ибо уже получил свою награду. Только голодный, которому всего мира мало, чтобы насытиться, ищет Царство Небесное. Ищет, как вы сейчас ищите хлеб. И не находит, как вы сейчас не находите. Царство Небесное не для тех, кто заснул в этом мире в обжорства. Оно для тех, кто проснулся в этом мире от голода и уже не может заснуть. Царство Небесное для алчущих. И пока не оставишь этому миру все до последней капли человеческого, не войдешь туда. Вам кажется, что вы отдали уже многое, - и люди называют вас неудачниками, и безумными, и пустыми людьми, но говорю вам, что вы отдали еще не все. Есть вам что еще отдать. Сделайте все так, - Иисус поднимает свои ладони вверх, будто держит книгу перед собой, - и посмотрите на свои руки.

Петру его ладони напоминают пятипалые листья винограда с картой жизни на них. Все остальные тоже смотрят в свои ладони, словно читают их.

-Пусты ли твои руки, Петр?

Наученный горьким опытом, он осторожно отвечает:

-Так-то они пусты. Но ты ведь о другом говоришь?

-О другом.

-Тогда, думаю, они не пусты.

-Никогда не пусты! Ибо в них все еще твоя жизнь. И ты чувствуешь эту тяжесть. Когда руки твои и тело станут легче воздуха, воспаришь ты к Небу и узришь свет чистого Духа.

Петр проверяет свои руки на вес.

-Непросто это сделать, - говорит он.

-Узки врата и тесен путь в Царство Небесное. Душа не тоньше ли всего на свете? Кто взвесил мысль и измерил чувство? Каковы размеры слова? Язык проникает во все, достает звезды и заглядывает под землю. Мельчайшая из вещей - пыль. Но раздоби этот прах на тысячи частей, - язык будет и там. Нет сокрытого для языка, ибо весь мир есть лишь язык. Но одно сокрыто - Царство Небесное, ибо Дух тоньше души, легче мысли, меньше чувства. Поэтому повторяю вам, Небу нет имени. Черна и тиха эта ночь. Ничего не видно в ее тьме и ничего не слышно в ее тиши. Но говорю вам: тьма и тишина - это все еще язык. Вы видите пустоту и слышите тишину. Небо - пустее пустоты и тише тишины. Только Святой Дух там. Отыскавший его испытывает великую радость и спешит поделиться ею с другими, ибо насытился. Знающему не нужна вера, насытившийся не ждет хлеба с небес, ибо награда, которую он получил, - больше человеческого. У него - Царство Небесное. Отныне имя ему - сын Неба. Как же я хочу, чтобы и вы нареклись так!

-Что мне сделать для этого? - горячо отзывается Петр.

Иисус благодарно смотрит на него.

-Уже приблизилось к тебе Небо, ибо ты начинаешь стучаться в него. Стучись, Петр! И не смотри ни на кого. Будут порицать - не слушай, будут хвалить - не замечай. В Царство Небесное входишь один. Зови за собой других, но не жди. Чтобы не стало твое ожидание твоим лицемерием. Не жди, как я вас не жду. А сегодня благословляю тебя идти первым среди оставшихся.

-Я готов, учитель!

-Хорошо.

-Я тоже готов, учитель! - восклицает Иоанн.

-Знаю, что хочешь, но еще не готов, - говорит Иисус. - Не огорчайся. Впереди - только Царство Небесное. Вот о чем всегда помни.

-Это радость для меня каждый день! Я просыпаюсь с этим, учитель! - Иоанн хочет оправдаться перед Иисусом и вернуть себе первенство, которое до сих пор считал своим по праву любимого ученика.

-Слишком много в тебе еще любви к человеческому, мой мальчик. Грешники более всех любят этот мир, рабам дороже всего жизнь. Как с такой любовью погубить свою душу ради Святого Духа? Придут в этот мир многие лицемеры, которые будут учить людей отдать жизнь во имя свободы. Не путайте меня с ними. Говорю вам, не во имя свободы других отдаешь жизнь, но ради самой свободы, которую сразу же и получаешь. Ради себя, только ради собственной свободы умираешь ты. Не путайте меня с этими волками в овечьих шкурах, которые учат вас умирать во имя чего-то. Только ради самих себя учу я вас умирать! Только ради своей свободы!

Наступает пауза, в которой слышно только потрескивание костра.

-Помните, говорил я вам: Царство Небесное даром дается. Не во имя жалких человеческих ценностей умирайте вы, не во имя человеческих святых и человеческих богов, но ради себя. - Иисус обводит взглядом всех сидящих и возвращается к Иоанну. - Вот почему, мой мальчик, тебе еще нужно время. Слишком много в тебе человеческого. Но говорю тебе: кому много дано, с того много спросится. И с тебя спросится больше всех из сидящих здесь.

К юноше возвращается чувство первенства. Он горд тем, что с него спросится больше всех, даже не сознавая, что учитель сейчас ему напроорочил самую горькую жизнь, горькую, как его Апокалипсис.

-Учитель, - не выдерживает Симон, - а за детей своих можно умереть?

Иисус вместе с ним вспоминает живую, глазастую девочку, которая не отрывала от него заинтересованного взгляда.

-Можно и нужно! Странно было бы, если бы ты смотрел, как гибнут твои дети, спасая свою жизнь. Так поступают звери, сохраняя себя ради новых детенышей. Но зверь безусловно любит себя, а человек уже нет. Осталось ему и вовсе разлюбить себя, чтобы стать сыном Неба. Лучше тебе не иметь детей, но если имеешь - они часть тебя. Вдвойне должно тебе умереть за них, ибо они еще не пришли к Царству Небесному, а ты уже пришел и получаешь его даром.

Симон удовлетворенно кивает головой. Он услышал то, что хотел.

-А я? Готов ли я, учитель? - осмеливается спросить Матфей.

-Ты, Матфей, самый знающий здесь. Тебе понять легче всех. Но вот, говорил я всем, а ты спросил четвертым. Не дерзнул ты спросить первым.

-Это так, - соглашается он.

-Если что-то оправдывает человека в этой жизни, то не его знания, а его страсть. У человека должна быть страсть. Ты ведь понял, что голод, о котором я говорил, и есть страсть. Царство Небесное страстью завоевывается.

Мытарь виновато произносит:

-Я понял.

Голодный Андрей чувствует себя совсем запутавшимся.

-Учитель, так Царство Небесное даром дается или его нужно завоевывать?

-Жизнь даром дается?

-Даром.

-Но если не потрудится младенец выйти из материнского чрева и вздохнуть, то не видать ему света.

Иисус поднимает глаза вверх костра. Там кружат мошки, слетевшиеся на огонь отовсюду. Горячий воздух отбрасывает их назад. Иисус бережно поднимает с травы опаленный труп

насекомого.

-Посмотрите на этих существ. Ведь они рождены не для дня, но для ночи. Но вот эти дети тьмы при виде света за десятки миль устремляются к нему и сгорают в его жару. Зачем им губить себя? Но возлюбили эти дети тьмы свет больше жизни. Ради Царства Небесного убивают себя эти мотыльки. Вот вам падшие ангелы ночи. - Он бросает труп мотылька в огонь, и тот превращается в искры, взметнувшиеся к небу.

Матфей восхищенно произносит:

-Как красиво сказано, учитель! Падшие ангелы ночи!

Иисус торжественно оглядывает всех.

-Восемь нас здесь сидит, но говорю вам, что есть здесь еще и дьявол, - он делает значительную паузу.- Дьявол всегда за спиной человека. Я сказал вам, что сегодня ночь суда. Каждый из вас будет судить себя сам, и пусть этот дьявол станет ему помощником. И пусть каждый из вас скажет это вслух, чтобы были у него свидетели. Велика трудность осудить себя по-настоящему. На сто праведников находится лишь один грешник. Не думайте, что праведники праведны, а грешники грешны. Всякий не раскаявшийся в человеческом есть праведник. Разве этот мир полон добродетельных? Но много ли в нем раскаявшихся? Человеку легче осудить тысячи других, чем самого себя. Все знают великие истины, но каждый имеет свою маленькую человеческую правду. Разве вор не знает, что красть нехорошо? Разве насильник не ведает, что совершает преступление? Но его маленькая человеческая правда оправдывает его. Душа себя не судит. Сказано: возлюби ближнего как самого себя. Именно так! Ибо любит человек себя, как и всякая живая тварь. Любит, когда дышит, любит, когда ест и спит, когда говорит и плодится, когда лжет и завидует. Любовь делает его праведником. Говорю вам, все тут праведники. Не сыщешь грешника в этом мире! Все грешники уже себя убили, в живых только праведники! Но не смеют они этого сказать вслух и вдобавок становятся еще лицемерами. Я обнаруживаю лицемерие повсюду: в хвале Богу, в патриотизме, в скорби сыновей и в горе матерей. Огромные запасы святого лицемерия накопил этот мир, которые ему и за тысячу лет не истратить. Разве что каленым железом выжечь его? Не войти праведникам в Царство Небесное! Преисподняя - их родной дом. Один грешник дороже сотни этих праведников. Небо – для грешников!

Иисус значительно переводит дыхание и говорит:

-А теперь начнем наш суд. Пусть я буду первый, чтобы не было вам соблазна. Так вот. Много лет назад, когда я покинул родительский дом, я ушел за славой. Деньги не влекли меня, и власть не прельщала, но жизнь казалась мне напрасной, если она останется неизвестной миру. Великой славы я себе хотел. Вот мой суд самому себе: тщеславие.

Все молчат.

-Иуда? - спрашивает он сидящего слева от него хромуна, задав тем самым порядок исповеданий по часовой стрелке.

Иуда отвечает коротко и сухо:

-Мечь.

Иисус благодарит его кивком и переводит взгляд на следующего.

-Симон, ты можешь не участвовать в этом, - дружески говорит он кананиту.

-Спасибо, учитель. Я понимаю, что чужой среди вас. Но не хорошо мне будет слушать других и ничего не сказать о себе. Я не хотел бы в этом признаваться, но теперь признаюсь. Я завистлив и понимаю это. Конечно, я желаю Израилю свободы, но зелотом я еще стал и потому, что ненавижу всех этих хозяев страны, сытых и довольных.

-Хорошо, Симон. Твой суд остается с тобою.

Сидящий слева от него Матфей горько усмехается.

-Мне проще всех, учитель. Во мне нет страсти. Я не холоден и не горяч. До недавнего

времени я думал, что это золотая середина, и ставил ее себе в заслугу. Но теперь понимаю, что лучше иметь в крови лед или пламень, чем теплую водицу.

-Так, Матфей!

Теперь очередь Петра. Он взмок от волнения. Его только что назначили первым, и ему нельзя осрамиться. Он готов возвести на себя напраслину, лишь бы не утаить правду и не стать ко всему прочему лицемером.

-Я глупый. Я гордый.

Ему приходят на память все упреки Циллы.

-Я бесчувственный. Самодовольный. Но я не лицемерный. Мне кажется, - добавляет он и вопросительно смотрит на Иисуса, пытаясь прочесть на его лице оценку своей искренности.

Лицо Иисуса остается беспристрастным.

-Андрей?

-Я вспыльчивый. Я люблю выпить, поесть. Как это называется?

-Чревоугодие, - подсказывает Матфей.

-Вот! Чревоугодие. И я тоже глупый, раз брат так сказал про себя.

-Хорошо, Андрей.

Круг признаний доходит до Иакова.

-Я бережливый. Так учили меня с детства. Это плохо - быть бережливым, учитель? - осторожно спрашивает он.

-Ты решай.

Иаков, сын Зеведея левита, вздыхает:

-Мой грех скупость. Я дорожу деньгами. Мне жалко их терять. Кажется, это называется сребролюбием.

Настает черед Иоанна. Ему все еще кажется, что это игра, но Иисус смотрит на него совершенно серьезно. Нужно отвечать искренне. И тогда он приходит в ужас от своих юношеских фантазий. Чего он только не желал себе: неслыханного богатства, царской власти, пророческой славы, женского обожания, чародейской силы и всемирной любви. Как признаться в этом? Но ведь мечты - не настоящие пороки. Они только глупые мечты.

-Я люблю себя и хочу, чтобы меня все полюбили. Что мне делать, учитель?

-Разлюбить себя.

Юноша поникает головой. Сколько мучений доставляет ему эта страсть к людским симпатиям! Сколько суматохи и огорчений от желания всем угодить! Но как жить без любви? Стать камнем среди камней? Это невыносимая жизнь!

-Это был ваш собственный суд, - заключительно произносит Иисус. - Вам и жить с ним. Я вам не судья.

По его спокойному лицу невозможно понять, понравились ли ему их ответы. Экзамен, результаты которого остаются неизвестны, томителен вдвойне. Иоанн выражает общее желание, когда спрашивает:

-Учитель, ты доволен нашими ответами?

И тут Иисус начинает сердиться.

-Вы опять не слушаете меня! Я вам не судья! Скажи: я свят,- и я приму. Скажи: я исчадие ада,- и я не отвергну. Скажи: я червь,- и я соглашусь. Скажи: я бог,- и я промолчу. Вы судимы единственным для человека судом - своим собственным. А до той поры всякий человек праведник. Не войти праведнику в Царство Небесное. Только смерть освободит его. Но если хотите раньше смерти быть там, то покайтесь и станьте грешниками, чтобы было вам от чего освободиться. Я не могу дать вам свободу. Свобода - внутри вас. Я сказал вам перед этим, что есть среди вас и дьявол. Не один мир, не один и дьявол. Но у каждого свой. Когда умрет твой

мир, умрет и дьявол в нем. Но до той поры это - ваша битва. Поэтому всякий победивший себя, побеждает мир. Я победил свой, но не могу победить ваш. Разве что убив его вместе с вами? Но я не хочу этого. Я заставил вас голодать, но не заставлю умирать. К этому вы должны придти сами.

Иоанн начинает сконфуженно оправдываться:

-Учитель, я не хотел сердить тебя. Я лишь спросил, не было ли в нас лицемерия. Были ли наши грехи искренними или искать еще?

-Искренность! – опять сердится Иисус.- Искренность - это бездна. Когда задумываешься, что значит быть искренним, то не находишь дна этому. Человек не лжет специально. Он говорит как думает, а думает как ему удобно. Никто не лжет! Чтобы скрыть, надо иметь, чтобы солгать, надо знать истину. Разве человек знает истину? Как же ему лгать, если он не знает истины? Как быть ему искренним, если он искренен всегда, как и всякий зверь на земле? В бесстыдстве его искренность, в невежестве его правда, в нераскаянности его праведность. От чего войны, от чего вражда, от чего грызня людская? Все мерзости мира от того, что каждый в нем прав. И нет виновных! А я говорю: виноваты все. И если бы состоялся страшный суд, о котором говорят фарисеи, то Царство Небесное осталось бы пустым. А чтобы вам войти туда, не будьте правыми и праведными. Прощайте ненавидящих вас, благословляйте обирающих вас, а поведут убивать - примите с радостью. Человек обеими ногами врос в землю и некогда ему смотреть вверх. А вы смотрите вверх, идите за теми, кто выше вас, и отрывайте свои ноги от земли, чтобы ходить вам по воде и вознестись над миром. Мне не нужны те, кто смотрят на меня снизу вверх и говорят “учитель, учитель”. Мне нужны сыны Неба! Лишь тому, кто стоит у подножия горы, хочется возвыситься. Поднявшийся в гору остается в одиночестве. Так станьте же сынами Неба!

Разочарование всех учителей мира испытывает Иисус. Так проста, так стройна и прекрасна его теория, но не вмещается она в учеников его. Ради этой бесчеловечной истины он не пощадил родную мать. А теперь он почти физически ощущает, как ученики рвут на части его учение и каждый из них берет лишь то, что ему по-человечески близко. Достойный ученик равен своему учителю. В этом и заключается полнота передачи знания. Но его апостолы и не мыслят себе такую дерзость. Для них полнота знания есть полнота власти, которую Мессия никому не может передать. Не должно сынам человеческим знать то, что ведомо Сыну Божьему. Для того Творец и сделал их смертными. Стать равными Христу - это кощунство для христианина.

-А теперь отдыхайте, - устало произносит Иисус, распуская свой нерадивый класс.

Никто из них не сдал экзамена на зрелость. Тем не менее, он закончился, и все облегченно устраиваются на ночь. Лишь Петр продолжает сидеть и думать. Образ Иисуса постепенно меняется в его сознании со дня их первой встречи. Сначала был только человек: вдохновенный лжепророк в Капернаумской синагоге, гордый смертник у стены, где его хотели побить камнями, потом суровый врач и учитель. Непросто признать в человеке, с которым ешь и спишь рядом, высшее существо. Но Петр признал в нем избранника, Мессию-Христа. Он единственный. Единственность и одиночество - его естественный статус, две части одной сути. Един и один - разве это не то же самое? По Моисею с этого и началось сотворение мира: единому Богу надоело одиночество, и он создал себе слушателя. По образу и подобию своему создал, но не равного себе близнеца. Разве Петр не проявляет к Иисусу величайшее уважение, признавая его Христом? Разве он не окажет ему еще большую честь, назвав его Сыном Божьим? Как же понимать эту ноту отчаяния в его последних фразах? Христу не нужны христиане? Христу нужны Христы? Но раб Божий Петр не может стать богом!

А впереди у него новое недоумение. У колодца Иакова Иисус назовет его сатаной, в Гефсиманском саду заставит стать трусом, а потом умрет на позорном римском кресте, оставив их на середине пути сиротами без мудрого Пастыря. Никогда Петру не разобраться в этом.

Мгла обступает со всех сторон восьмерых путников, устроившихся на ночлег в диком поле посреди Изреельской долины. Слышно лишь потрескивание дров в костре и далекий вой шакалов. Да еще падшие ангелы ночи слетаются на самосожжение. Иоанн лежит на спине и смотрит в агатовое небо. Кто-то, кажется, Иуда, подбрасывает дров в костер, и сноп искр взмывает над головой юноши. Но эти звезды гаснут почти мгновенно. Иоанн забавляется тем, что закрывает попеременно то левый, то правый глаз, и звезды словно пляшут перед ним. Он сводит глаза к переносице, и алмазная россыпь удваивается. А затем он что-то делает со своими глазами, меняя фокусировку своего зрения, - и небосвод вдруг становится далеким и отчетливым, а потом так же неожиданно звезды расплываются, растут в размере, а небо опускается на лицо юноши. Откуда начинается небо? Разве не от самой земли? Эта мысль кажется ему поразительной. Значит, думает Иоанн, все мы, хоть и касаемся земли, но частично уже находимся на небе. Нужно лишь что-то сделать со своим телом, как он делает это с глазами, и ноги оторвутся от земли. И можно будет гулять по воде. Спустя шестьдесят лет, загнанный гонениями императора Домициана на крохотный остров Патмос, он, наконец, увидит свое Небо: кровавое и страшное, с четырьмя всадниками и багряным зверем, у которого печать на челе, как значок римской центурии.

Он увидит это небо глубоким старцем, оставив позади жизнь, полную горестей и разочарований. После невероятной, необъяснимой, невозможной смерти Иисуса они соберутся в Иерусалиме в доме Иакова и Марка, сыновей Алфея, и семь недель, весь израильский шабуот, не будут выходить из него, чтобы осмыслить и понять происшедшее. Мессия, не совершив ничего из предписанного ему пророками, умрет мучительной и позорной смертью на римском кресте рядом с ворами и убийцами. Этого не могло быть! И тогда они соберут воедино все свои догадки, чтобы сложить из них понятную им картину.

Иисус не сделал и самого главного, что отличает пророков, - он не оставил личного свидетельства. Всякий пророк живет ради своего пророчества. Если бы Иисус оставил хоть несколько строк после себя, ученики благоговейно сохранили бы их. Но он не оставил ничего. Почему? Возможно, Иисус не был иудейским пророком? Возможно, его неизрекаемое Небо не имело ничего общего с Богом Моисея по имени Яхве? Возможно, Святой Дух – это вовсе не Слово Господа Израиля? Возможно, сын Неба - не Сын Бога?

Получившие фарисейское воспитание Иоанн с Иаковым возьмутся за Писание и найдут десятки цитат, узаконивающие именно такую смерть Мессии. Объяснение найдется всему, даже не переломленным голням Иисуса. Но для этого им придется раздвинуть рамки иудаизма. Иисус говорил им: я больше, чем пророк. В иудаистской иерархии, тянущейся от земли к небу, пророк - это высшая человеческая инстанция, над ним только Бог, который дает ему непосредственные указания из уст в уши. Больше пророка только Бог... или Сын Божий, который становится промежуточным звеном между Богом и пророками. Так они впишут своего учителя в иудаистскую вертикаль власти, оставляя все же главенство за Богом. Семь недель они будут создавать эту вертикаль. Вначале - потрясенные и раздавленные, как брошенные дети, потом - долго спорящие и молящиеся до изнеможения в поисках прозрения, а когда, наконец, богостроительство закончится, их души возликуют так, что им привидятся языки пламени в их добровольной тюрьме. Исхудалые и экзальтированные они выйдут после пятидесяти дней заточения и поста на солнечный свет и заговорят, как пьяные, на языках, которые сами не понимают.

В Эфесе, на родине Гераклита – основателя античного гностицизма, Иоанн напишет свое Евангелие - самое напыщенное и самое фальшивое. Любимый ученик приравняет своего учителя к гностическому Логосу, даже не понимая в своем невежестве, какую бессмыслицу делает, приравнивая Иисуса к языку, ибо в метафизике Гераклита Логос тождественен низшему

физическому миру, а превыше всего находится София – Святой Дух. Гностики будут только удивляться этому христианскому абсурду, и вскоре поплатятся за свое ученое высокомерие, - Церковь истребит гностицизм: и этих людей, и их книги. Иоанн проживет дольше всех апостолов, список смертей которых откроет Иуда. Умрет его брат Иаков, казненный Агриппой, который сменит Антипу Ирода на иудейском престоле. В Риме распнут Петра. Матфей исчезнет. Прочие апостолы рассеются по империи.

Иерусалимскую церковь - первую по времени и значению - возглавит нашрит Иамес, который ни одного дня не был рядом с Иисусом. Это очень возмутит Иоанна. Первым епископом христианства станет тот самый Иамес, который кричал на улицах Назарета: “Пощадите моего брата, в нем дьявол”, тот самый Иамес, которому Иисус сказал: “Не простится тебе хула на Духа Святого вовек”. Презрение Иоанна к нашриту будет столько велико, что он даже не упомянет в своем Евангелие сам факт существования братьев у Мессии. Зато он вознесет деревенскую многодетную женщину Марию до небес и выдумает сцену, в которой божья мать с любимым учеником стоят у креста Иисуса. А еще появится самозванный апостол Павел, этот эпилептик, который будет утверждать, что воскресший Иисус сам назначил его на это место. Много разочарований и горечи будет в жизни Иоанна. И самое главное из них: он так и не попадет живьем на Небо, подобно пророку Илии, хотя, кажется, Иисус ему обещал это, когда говорил, что один из них узрит Царство Небесное еще до смерти.

Спустя триста лет после смерти Иисуса христианская Церковь на Никейском соборе, совсем уже не считаясь с нормами иудаизма, внесет окончательную поправку в вертикаль власти. Это понадобится ей еще и потому, что в те годы большое распространение получит манихейство, которое признавало Мессию-Иисуса, но отказывало ему в божественной сущности. На Никейском соборе Сын станет единосущен и совечен Отцу. Мир будет подвешен на две, нет, даже на три опоры: на Отца, на Сына и на какого-то Святого Духа, о котором с восторгом и радостью говорил Иисус. Так гностический Святой Дух – София - Разум войдет в христианский канон, которого нет ни в иудаизме, ни в его прямом наследнике – исламе. Зачем Отцу и Сыну третий? Каковы роль и место Святого Духа в этом пантеоне? Кто он? Это – их атмосфера? Их особо доверенный секретарь? Постельничий? Пророческий дар избранным на земле, чтобы могли они становиться пьяными и говорить на неведомых языках? Кто он такой - этот христианский Святой Дух? В Византии будет даже воздвигнут храм Софии, хотя ни до, ни после этого христианская Церковь не станет строить святилища языческим богам. Но кто он, этот Святой Дух, - этого фарисейская по своей сути Церковь никогда не поймет.

Часть третья

ИУДА

Ранее утро. Вдоль мутной ленты Иордана в лучах восходящего солнца движутся восемь темных фигур:

Иисус, сын Неба;

Иуда, сын Симона Соратника;

Иоанн и Иаков, сыны грома;

Петр-камень и Андрей-муж, сыны Ионы;

Матфей мытарь и Симон зелот из Каны.

Свернув у Магдалы направо, они сделали круг по всей Галилее и вернулись на караванный тракт, оставив позади царский город Тибериаду, столицу Антипы на Галилейском озере. Они миновали последний галилейский город Аенон, и теперь приближаются к лодочной переправе через Иордан. Она расположена как раз в точке пересечения четырех административных областей: Галилеи, Иудеи, Переи и Декаполиса, левобережного союза независимых городов, где у Матфея в Гадаре живет мать. Две таможни - от Иудеи и Галилеи - стерегут здесь караванный тракт. Матфей даже не думает посещать своих коллег. Несколько лодочников на утлых челноках поджидают тех, кто хочет перевезти груз или переправиться сам, не замочив ног, ибо Иордан без труда можно перейти вброд. Сотней метров ниже люди именно так и делают.

Там расположился Иохонан Креститель, избрав местом своего обитания грот на высоком восточном берегу. Его пещера напоминает звериную нору в холме или склеп, в котором хоронят мертвецов. Формально она находится на территории Переи, подвластной Антипе, и так же формально отшельник оказывается в юрисдикции иудейского царька, а не римского прокуратора. Впрочем, нашрит Иохонан не озерная рыба, которую делили рыбаки Капернаума и Вифсаиды, отшельник даром не нужен ни Антипе, ни Пилату. Пестрая толпа мужчин, женщин, стариков и детей с величайшим почтением вникает отшельнику на противоположном берегу. Живущий в сказочном мире Иоанн мгновенно попадает в эпицентр сказки. Иохонан для него воскресший персонаж Писания, сошедший на иорданский берег со страниц Ветхого Завета. Грубая безрукавка из верблюжьего волоса не успевает просыхать на нем от постоянных крещений, которые он проводит в воде над всеми желающими очиститься. Его длинные, как у женщин, волосы стянуты в большой узел на затылке. Эта косматая и нечесаная голова поминает свалявшийся клок пакли, который, несомненно, служит жилищем для многих паразитов. Посох отшельника так уродлив, что возникает подозрение: это не первая попавшаяся в руки палка, но тщательно подобранный символ безобразия. Юродивый нашрит потрясает своей кривой, сучковатой клюкой, словно застывшей молнией, и страшным голосом кричит, надрывая все

жилы на своей исхудалой шее:

-Лицемеры! Порождения ехидны! Гробы окрашенные! Кто внушил вам бежать от Божьего гнева? Думаете, не достигнет вам кара Господня? Сотворите же достойный плод покаяния. И не говорите в себе: отец наш Авраам, ибо говорю вам, Господь может из камней этих создать детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лечит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубится и бросится в огонь. Там будет плач и скрежет зубов. Кайтесь же так, чтобы Господь вас услышал. Ибо должен был грех войти в мир, но горе тому, кто несет этот грех на себе. Лучше бы было ему повесить мельничный жернов на шею и утопиться в море, нежели получить вечные муки, которые ожидают грешников в преисподней!

От этих речей Иоанна пробирает дрожь, но он уже не способен испытать былой восторг перед Иохонаном. Его фантастический образ полностью заслонила печальная улыбка возлюбленного учителя. Юноша смотрит на своего Мессию. Иисус внимательно и, кажется, чуть брезгливо наблюдает за отшельником. Они приходятся друг другу родственниками по материнской линии, но встречались лишь в детстве в Храме, где нашрит проводил почти всё свое время.

-Покайтесь, - продолжает вещать Иохонан, воплощая в себе гнев небес, - ибо приблизилось к вам Царство Божье. Не пройдет сей род, как настанет день Суда, ибо много зла накопили вы в сердцах своих, и устал Господь смотреть на ваши преступления. Тогда всякий, кто не возненавидел жизнь свою и не принес великого раскаяния на алтарь Божий, будет ввергнут в огонь вечный.

Толпа в ужасе падает на колени и начинает молиться. Иохонан, выждав паузу, превращается из грозного пророка в милосердного отца.

- А теперь всякий, кто принес покаяние от всего сердца своего, спускайтесь в священную реку и примите очищение.

Народ спешно бросается вниз по склону в воду. Люди скользят на камнях, толкают друг друга, кто-то падает, вскрикивает, и вскоре все они оказываются по пояс в воде. Дети держатся за подолы матерей, самых маленьких отцы держат на руках.

-Учитель, - шепчет Иоанн, - а нам не нужно креститься?

-Я крещен Святым Духом,- отвечает Иисус, - и вас крестил для воскрешения вашего им же. Но если кто из вас хочет принять очищение от Иохонана, может сойти в реку. Вреда не будет.

Никто из его спутников не движется.

-Мы уже крестились у него, - зачем-то сообщает Иаков.- В прошлом году.

-Ну и каково было? - любопытствует Матфей.

Иаков пожимает плечами:

-Хорошо.

Иоанн молчит. Тогда он пережил благоговейный восторг, но теперь этот катарсис кажется ему глуповатым. Он нашел с тех пор того, кто больше пророка.

Косматый отшельник, сойдя в воду, начинает всех поочередно окунать в нее с головой и благословлять:

-Очищаю тебя от грехов, во имя Господа за покаяние твоё в грехах перед лицом его. Помни об этом,- строго наставляет он мужчин и женщин, и те с трепетом кивают головами и бормочут:

-Помню, святой отче.

Людей слишком много, велика жатва Иохонана, и он призывает на помощь своих учеников:

-Сойдите и крестите этих людей во имя Господа.

Десяток молодых мужчин спускаются с еще более крутого восточного берега в воду и привычно принимаются за дело. Они сопровождают свою жатву пением псалмов, как слаженный хор. Заунывное пение разносится над Иорданом, приводя раскаявшихся грешников в

еще большую экзальтацию. Льются слезы, раздаются вопли раскаяния, дети режут, младенцы надрываются от крика. Несомненно, для некоторых из них это крещение станет первой психической травмой. Их спасают от преисподней, но они, похоже, уже ощущают себя в ней и впервые познают дьявола в лице косматого, страшного отшельника с воспаленными глазами, как высохшие колодцы.

Стоящий рядом с Иисусом Иуда мрачно хмыкает. Ему явно не нравится вся эта история с катарсисом.

-Учитель, - опять спрашивает Иоанн,- ученики Иохонана крестят народ. А нам дозволено делать это?

-Если осознал в себе Святой Дух, то крести,- коротко отвечает Иисус.

-А как это делать?- не унимается юноша.

-Не нужны правила тому, кто познал истину. Святой Дух тебе подскажет, что говорить и делать. Учил ли я вас каким-нибудь правилам?

-Нет.

-Видели ли вы, что бы я готовил свои речи и думал заранее, как мне поступать?

-Нет.

-Потому что это свобода, дарованная мне Святым Духом. Говорю вам еще раз. Истина освобождает от человеческого: от страха перед силой, от трепета перед властью, от благоговения перед святыней.

-А Иохонан знает истину?

-Нет. Но он близок к ней, ибо уже возненавидел человеческое.

-А правда, что мир скоро погибнет?

-Не знаю. Никто этого не знает. Но Иохонану очень хочется, чтобы мир погиб, и я его понимаю.

Иоанн вполне удовлетворен. Он понял главное: Иисус вовсе не считает нащрита ровней себе.

Люди в реке переживают очищение. По крайней мере, им кажется, что их взбудораженные, как воды Иордана, души выбрасывают из себя осадочную грязь. В итоге: наивные выходят из воды умиротворенными, расчетливые - удовлетворенными, скептические - с чувством исполненного долга, о котором можно будет рассказать родным и близким. Иохонан возвращается на восточный берег и оттуда объявляет:

-А теперь отправляйтесь в Храм и принесите жертву покаяния. Но не думайте, что голубем или двумя воробьями можно искупить свои грехи перед Богом. Молитесь в Храме целыми днями, и сколько дней простояте в молитве, столько грешных лет проститься вам в вашей прежней жизни,- заключает нащрит.

Он отделил себя от Синедриона, но не от Храма, в котором жрецы всем распоряжаются. Это - раскольническая война, и, как всякая междоусобица, она касается не идей, но личных мнений об одной и той же идее. Противники в таких случаях полагают, что между ними встали принципы, но стороннему наблюдателю это кажется семейной распрей, в которой ему могут быть одинаково отвратительны обе стороны. Именно так римский прокуратор Понтий Пилат воспринимает эту беспокойную, сварливую партию израильского бога Яхве. Он даже не хочет вникать в их конфликты: саддукеи, фарисеи, zeloty и ессеи, к которым близок Иохонан,- все они из одного теста. Иногда пренебрежение к мелочам делает человека дальновиднее. Для Пилата очевидно, что все эти люди настроены против Рима и что забудут о внутренних распрях ради общенационального врага. Поэтому он даже поощряет такие конфликты. Убежденный антисемит, он был бы доволен, если бы эти люди перегрызли друг друга. В конце концов, через тридцать семь лет эта грызня и погубит Израиль. Рим лишь исполнит роль бессмысленной

природной силы, сметя Иерусалим с лица земли.

Римская империя строилась на двух основах: на веротерпимости и продажности. Человек с деньгами мог жить в ней припеваючи, какой бы он не был национальности и веры. Рим, покоряя народы один за другим, взял себе за правило оставлять всем своим данникам свободу религии, суда и образования. От них требовалась лишь одно - платить налоги и быть политически лояльными. При этом Рим, как все мировые империи во все времена, захлебывался в коррупции. В нем продавалось все: гражданство, должности, судебные приговоры, сенатские законы, политические решения о войне и мире. Продавался даже трон – для узкого круга лиц. Пилат, будучи высоким римским чиновником и взяточником, не требовал от иудеев большего, чем любой другой чиновник, хотя и терпеть не мог их фанатичный монотеизм. Но в эту Пасху они все же втянут его в свою распря.

Народ, напутствованный Иохонаном на долгие молитвы в Храме, постепенно расходится. Многие прямиком отправляются в Иерусалим, чтобы успеть покаяться до Страшного Суда, который пророк им обещал в ближайшее время и которого, очевидно, очень ждет сам. Через много лет Иоанн тоже познает это чувство: испорченный мир должен погибнуть. И сколько еще будет после Иохонана и Иоанна тех, которые к концу своей жизни придут к тому же убеждению и будут ждать часа, когда Бог положит конец человеческому.

На берегу остается какая-то женщина.

-Святой учитель, - кричит она, - дозвожь мне придти к тебе и коснуться тебя, ибо болею я давно и не могу излечиться. Но если коснусь тебя, Господь смилостивиться надо мною.

-Чем ты страдаешь? - спрашивает отшельник.

-Господин мой, я бесплодна.

-Если ли у тебя кровотечение сейчас?

-Есть, господин мой.

-Тогда не можешь ты придти ко мне, ибо запрещено нашруту касаться кровоточивой женщины. Крестил ли я тебя сейчас?

-Нет, господин мой. Один из твоих учеников крестил меня, - слезно признается женщина.

-Женщина, ты хотела ввести меня в грех! - гневно отвечает нашрут. - Если бы я коснулся тебя, то нарушил бы одну из Божьих заповедей. И тогда на тебе был бы грех вдвойне. Уходи!

-Божий человек! Я страдаю кровотечением уже двенадцать лет, - умоляет она.- Как же мне излечиться? Мне ведь и в Храм нельзя.

- То Господь тебя покарал за лукавство твоё! Уходи!

Женщина продолжает стоять, как памятник скорби.

-Дерзай, женщина! - сочувственно шепчет Иисус, глядя на это изваяние безнадежности.

-Разве простительно такое упрямство, учитель? - спрашивает Иаков.

-Что же ей делать, если перед ней заперли все двери? - говорит Иисус - Вот она и пытается хотя бы лукавством достучаться до небес.

-Святой Божий человек, - опять взмаливается женщина - я пришла сюда из Вифлеема, стерла все ноги. Дозвожь мне хотя бы посидеть возле тебя.

- Если бы ты не слукавила, я бы тебе позволил, а теперь нет тебе доверия, - отвечает Иохонан.

Женщина с плачем удаляется, Петр провожает жалостливым взглядом ее поникшую фигуру и вспоминает свою жену. Она тоже искала милости у Господа.

-Жаль её, - произносит он.

-Богу Израиля не нужны калеки, - с какой-то горькой усмешкой говорит Иуда.

-Этот праведник мог бы сказать ей что-то утешительное, - бормочет Матфей. - Мудрец не может быть жестоким.

-Но это - Закон! - слабо возражает Иаков, сын судьи Зеведея.

Все смотрят на Иисуса. Он хмуро глядит вслед женщине, переводит взгляд на Иохонана и обращает взор на своих учеников.

-Вот почему я враг всех святынь, - говорит он. - Святыня не освобождает человека, она лишь развязывает ему руки. От имени ее человек может говорить и делать то, что не посмел бы делать от своего собственного имени. Святыня позволяет Израилю гнать от себя всех необрезанных. Святыня позволяет Риму пожирать всех обрезанных. Думаете, Израиль лучше Рима? Вот два народа сошлись на взаимное истребление, - и у каждого своя святыня. Думаете, здесь есть правые? Ведь суть у всех одна - человеческая святыня. И не в святыне тут дело, а в том, что она служит ключом к человеческой душе. Отпирает человек ею свою душу и вываливает в мир всю свою человеческую мерзость. Не лги, не кради, не убивай - сказал вам Моисей, но разве не сказал он в другом месте, что ради святыни можно все? И вот мир по-прежнему лжет, крадет, убивает и подличает, делает все человеческое, но во имя святыни, не во имя себя. Жрецы лгут, чиновники крадут, правители убивают, - святыня всем развязала руки. Знайте и передайте другим, что жил на этой земле человек, который презирал все святыни! И он был самым свободным из людей!

Лицо Иисуса становится надменным и вызывающим. Он готов сейчас же принять смерть за свои слова. Петр смотрит на это лицо, и у него впервые возникает отчетливое ощущение, что в Иерусалиме произойдет что-то ужасное.

-Иоанн,- вдруг произносит Иисус - ты ведь не боишься, что эта женщина может прикоснуться к тебе?

-Нет, учитель.

-Тогда догони её и скажи, пусть она отправляется в Тир. Там есть врачи, которые могут ее вылечить. Если скажут ей принести жертву Астарте, пусть сделает и не сомневается. Простится ей этот грех.

-Ты уверен, учитель? - спрашивает юноша.

-А ты сомневаешься? Так скажи ей, что сын Неба прощает ей этот грех! - гневно произносит Иисус. - Освободил я тебя от сомнений?

-Да, учитель.

-Тогда пойд и освободи её!

Иоанн кивает головой и поднимается с земли.

-Постой. Есть ли у тебя деньги?

-Есть немного, - виновато признается юноша. - Я держу их на черный день.

- Этот черный день настал, - с улыбкой говорит Иисус - Отдай деньги женщине.

-Все?

-Все.

Иоанну не жалко своего кошелька. Он берег его только ради того, чтобы не принимать деньги из рук Иуды, когда возникнет необходимость за что-то заплатить.

-Хорошо, учитель, - со вздохом произносит он и устремляется вслед за отвергнутой женщиной, отвязывая на ходу кошелек с пояса.

Впоследствии первые общины последователей Иисуса приобретут множество приверженцев именно среди изгоев иудаизма: больных, увечных, полукровок, людей с врожденными пороками, эпилептиков. Христианство станет религией отверженных. Рожденное в еврейской среде, оно с самого начала будет нести в себе зерно антисемитизма.

Иохонан на своем берегу замечает группу из восьми человек. Видит он и то, как один из них догоняет лукавую женщину, говорит с ней и дает ей кошель. Женщина падает перед ним на колени, юноша налагает руку ей на голову и, видимо, благословляет ее какой-то силой,

неведомой отшельнику. Женщина ловит руку своего благодетеля и целует ее. Сияющий юноша возвращается к своим спутникам и говорит:

-Учитель, я сделал, как ты велел. И я благословил её Святым Духом.

-Хорошо, мой мальчик. Сейчас ты и сам сделал шаг к Небу.

Иоанн впервые благословил Святым Духом, совершенно не понимая при этом, что он сделал, но его распирает самодовольство.

-Кажется, мой мальчик, тебя переполняет гордость,- замечает Иисус.

-Учитель, разве человек не имеет права гордиться своими добрыми делами?

-Человек имеет это право. Но если ты делаешь добро ради жертвы, то нет в этом свободы.

Взгляни на солнце. Оно равно светит праведным и грешным, евреям и язычникам, дворцам и трущобам. Можно ли назвать солнце добрым?

-Наверное. Солнце тратит себя ради нас.

-Но зачем оно это делает? Ведь оно тратит себя не как Иохонан – ради раскаявшихся и не как Бог – ради евреев, но ради всех живых. Думаешь, это - милосердие?

-Не знаю, учитель. Может, это - любовь?

-Может, это – бесчеловечная свобода: светить всем равно? Ведь и камни служат нам точно так же. Но видел ли ты камень, который был кому-нибудь рабом? Люди становятся рабами камней, но камни никогда.

С другого берега Иохонан еще раз внимательно присматривается к восьмерым мужчинам. Он давно привык к тому, что многие люди приходят только посмотреть на него. Иногда они просто уходят, иногда принимают его крещение. Ему давно известно, что Синедрион несколько раз подсылал к нему своих агентов, чтобы изобличить его в каком-нибудь нарушении. Месяц назад фарисеи несколько дней наблюдали за ним. У фарисеев шестьсот тринадцать заповедей. Где-нибудь человек должен оступиться. В конце концов, они обвинили его в нарушении субботы, ибо он крестил людей и в этот день. Вышел спор. Тогда Иохонан заявил, что его крещение с небес и делается по воле Бога. Приходили саддукеи и пытались спровоцировать его на глупость. Они использовали фарисейскую веру в воскресение, которую исповедовал Иохонан. “У одной женщины было шесть мужей, и все умерли,- рассказали ему притчу.- Чьей женой она будет в воскресении?” Отшельник ответил, что в вечной жизни все будут как он - нащриты, которые не женятся. Тогда они придумали другую загадку: “Семь язычников томились в пустыне от жажды. Они убили одного из них и выпили его кровь, так что душа его, которая была в крови, стала частью их душ. Как в воскресение его душа отделится от душ остальных?” Иохонан гордо изрек: “Что человеку невозможно, то возможно Богу”. Саддукеи ушли не с чем. Усомниться в могуществе Бога они не смели.

Иохонан уверен в своей духовной силе, и эта уверенность действует на ущербную психику паломников, которые идут к нему за исцелением. Он налагает на них руки, и недуги их затихают, он изгоняет бесов из истеричных женщин и припадочных, и бесы ему повинуются. Он не может объяснить это ничем иным кроме власти Господа.

Чародейство во всем античном мире считалось проявлением божественных сил. Тысячи магов бродили по миру, их всюду встречали с почтением, жрецы и маги были врачами этого мира, к их прорицаниям прислушивались императоры. Их оракулам верили самые просвещенные люди, против магов не смели выступать последователи Пифагора и Платона. Единственным противником чародеев и пророков оставался безбожник Эпикур. По иронии истории именно к мнению этого атеиста - философа присоединится Церковь. Признав весь пантеон античных богов дьявольским отродьем, она автоматически признает и всю магию сатанизмом. Одно время античный мир одинаково не любил эпикурейцев - безбожников и христиан, исповедующих единственного Сына Божьего. Когда же империя приняла

христианство, последователям атеиста Эпикура пришлось хуже всех. Прозвище “эпикурец” стало ругательным, как еще совсем недавно ругательным было и прозвище “христианин”, которое пытался обелить перед философом-императором Марком Аврелием епископ Афиноген.

Иордан тихо несет свои мутные воды меж камней, раkitника и камыша к Мертвому морю. Восемь спутников устраиваются на земле в тени ивовой рощицы, словно в дозоре, наблюдая за противоположным берегом. Ученики Иохонана собрались вокруг логова отшельника и стараются их не замечать. Очевидно, они привыкли к такому вниманию.

-Учитель,- спрашивает Иоанн,- Иохонан так же мудр, как наш садовник Захария, или более мудр?

-Нет.

-Захария мудрее?

-Давай спросим мнение Матфея. Он недавно говорил о мудрости,- Иисус дружески обращается лицом к мытарю.

-Я? - неуверенно произносит Матфей. - Я лишь сказал, что мудрец не может быть жестоким.

-Вот и поделись с нами своими соображениями, - поощряет его Иисус.

Матфей собирается с мыслями.

- Я полагаю, что мудрость не может быть жестокой, ибо жестокость - это звериное чувство. Бог же дал человеку разум, что бы он усмирал свои звериные желания. Мудрец самый разумный из людей. Следовательно, он должен быть кротким как голубь.

-Значит,- заключает Иисус, - смирение является отличительной чертой мудреца?

-Но ведь вы поэтому, учитель, назвали Захарию мудрым, - говорит мытарь.

-Я так сказал? - удивляется Иисус, чуть иронично улыбаясь.

-Все слышали это, - мытарь разводит руками.

Улыбка Иисуса, этот величайший ораторский приём, который не описан ни в одной книге по риторике, сбивает его с толку. Он не может понять: говорит учитель серьезно или подшучивает над ним.

-Наверное, я имел в виду усталость.

-Усталость?

-Да, мой друг. Не смирение перед жизнью, но усталость от человеческого. Во многой мудрости много печали, а печаль только от усталости. Думаешь, я смирился с этим миром? Я - против этого мира! И никогда не смирюсь с ним!

Матфей кивает головой.

-А теперь скажи, мудры ли пророки?

-Я уже и не знаю, - смущенно признается он. - Они должны быть мудры, коль скоро несут людям Божью мудрость.

-Кротки ли они?

-Нет. Пророки очень неуживчивые люди, если верить Писанию.

-Вот видишь.

-Но ведь вы не такой! - не выдерживает Матфей.

-Хочешь сказать, я очень уживчив?

-Простите меня, учитель, но с вами могли быть тысячи, если бы вы захотели. Ведь вы обладаете не только истиной, но и тем, что греки называют “харизмой”. Люди пойдут за вами, если вы их позовете.

Если это признание и трогает Иисуса, то лишь на мгновение.

-Если уже ты вспомнил о греках, то скажи мне. Тебе известно, что такое эзотерическое учение?

-Да, учитель. Это внутреннее, тайное учение, которое не открывают всем.

-Почему? Знание - не золото. Раздавая знания другим, сам их не теряешь. Почему же люди, обладающие знанием, скрывают его от других? Я не говорю о шарлатанах, которые на тайнах зарабатывают себе золото. Я говорю о тех, кому золото не нужно. Помнишь, я говорил о жрецах храма в Саисе, которые дали обет молчания? Не было им пользы от их молчания. Храм их приходил в запустение и, возможно, их великое знание уже умерло вместе с ними. Они молчали, ибо этому миру не нужна была их бесчеловечная истина, пожирающая человека в самопознании, как та змея, которую они избрали своим символом. Люди любопытны и падки до всего нового, но не понимают они, что не истина для человека, человек - для истины. Познание - это преобразование души. Входя в этот дом, ты можешь и должен выйти из него другим. Если ты вполне доволен собою, зачем тебе входить туда? Этот дом для алчущих и нищих духом. Входи в этот дом знания как в гроб, простившись с собою навсегда. Святому Духу нужны свободные. Все рабы человеческого остались за дверьми. Вот почему тайные, эзотерические учения передаются лишь тем, кто прошел испытание - голодом, безмолвием и мраком.

-Теперь я понимаю, учитель, - произносит Матфей.

Все остальные, забыв об Иоханане, внимательно слушают. Им становится ясен смысл голодовки, к которой их принудил Иисус. Андрей, хотевший было сходить в Аенон за продуктами, не смеет теперь об этом упомянуть.

-В азиатском Эфесе, - продолжает рассказывать Иисус, - на окраине города имеется гимназий гностиков. Там учат философии и математике. Десять лет длится обучение. А потом лучшие из учеников становятся членами тайного ордена. В этом ордене почитают Святой Дух, который они называют София и который восприняли от своего древнего учителя по имени Гераклит. Они хранят его книгу "О природе", но написана она очень коротко и так темно, что если не знаешь истины, то сочтешь ее глупой и пустой. Я же не читал книги светлее и разумнее. Пределов души не отыщешь, говорил Гераклит, а зрение - обман. Мир полон душ, и только из душ он состоит. Логос - это язык душ, творящих мир. Душ существование, как и существование мира возможно только в движении и непрерывном изменении. В одну и ту же реку нельзя войти дважды. Останови Логос - и он станет Святым Духом, а мир растворится в Царстве Небесном. Вот в чем состояло учение этого мудреца. Говорят, он был из царского рода, но пренебрег тронном и остался частным лицом.

Иисус переводит дыхание, давая своим слушателям время осмыслить сказанное и продолжает:

-Я спросил как-то магистра ордена: почему они скрывают от народа свое великое знание. Он ответил: знание подобно источнику чистой воды. Если допустить к нему людей, на месте источника образуется грязный пруд. Многие смогут напиться из него, но вода эта будет мутная. Поэтому всякий член братства дает клятву молчания. А нарушивший ее должен умереть, выпив цикуты - усыпляющего яда, и уйти раньше срока в Царство Небесное. Это - не убийство. Ведь гностики считают смерть окончанием страданий. Это - скорее милость. Так гончар разбивает испорченный горшок, чтобы сделать из него новый. Глина ведь осталась, хотя горшка больше нет. Святой Дух нельзя убить. Как нельзя разбить глину. Можно сказать, глина - это Царство Небесное, гончар - Святой Дух, а горшок - мир.

-Вы были среди них? - восхищенно спрашивает Матфей.

-Да. Что же я делал, по-твоему, до своих сорока лет? Я не сидел в Назарете, я искал истину по всему миру.

- И они допустили к себе иудея?

Иисус усмехается.

-Мой друг, гностики не различают народы. Зрение - обман. Они даже зверей не отличают от

людей. Во всех единый Святой Дух. Поэтому гностики воздерживаются от мяса. Но это не принципиально. Жизнь – страдание. Убить большое животное – это даже милость. Вопрос не в том: вкушать мясо или не вкушать. Вопрос в том: жаждешь ты его или нет. Я ем мясо вместе с вами, но будь я один на земле – я его бы его, наверное, не пожелал.

-Учитель,- вопрошает Иоанн,- если в животных есть душа, разве не грешно убивать их?

-Если ты считаешь жизнь благом, а именно так чувствуют все люди от рождения, то вполне естественно, что смерть все люди считают наихудшим наказанием для себя и для других. Но если ты принял Царство Небесное, то смерть для любого живого существа – избавление. Убивая, ты даешь свободу. Вопрос в другом: зачем тебе убивать? Свободен ли ты сам? Свободные свободны от греха. Когда свободные убивают свободного, они его даже не убивают. Он сам это делает. Понимаешь ли ты, Иоанн, что я разгласил перед вами тайное знание?

-И теперь гностики потребуют твоей смерти?

-Им нет нужды это делать,- с улыбкой произносит Иисус,- и они это знают. Я как они. Никто не свободнее меня. И я принес эту свободу в Израиль!

-Поэтому ты не соблюдаешь субботу и ешь мясо?

-Все - для человека: и суббота, и мясо, и все заповеди. Если ты против человека, то ты против всех его заповедей. Я видел в Кумране монахов, которые окружили всю свою жизнь запретами и ритуалами, но они и на шаг не приблизились к Святому Духу. Голод души не заменишь голодом желудка. Поэтому я ем и пью. Если бы вы умирали, не успев принять Святой Дух, если бы вам было это очень страшно, и продлить вашу жизнь могло бы только мясо, то я убил бы ради вас животное. Вам я дал бы время обрести свободу, а душу животного вернул Святому Духу. Где здесь грех? Где здесь моя несвобода?

Иоанн задумывается. Он не может совместить в себе убийство и безгрешность. Он не хочет умирать! Все античные философы считали человека частью животного мира. Поэтому либо допускалось убивать животных, выпустив из них предварительно кровь, в которой и находилась по их убеждению душа, либо утверждалось вегетарианство. Одни религии разрешали есть мясо, другие – запрещали. Церковь Иоанна признает убийство грехом, но при этом не откажется от мяса. Свое лицемерие она покрывает клеветой: животным будет вовсе отказано в душе. Церковь объявит животных такими же бездушными, как растения. Бессмертная фарисейская душа – прерогатива человека. В этой отвратительной казуистике станет возможным убивать и человека: Бог сам разберется с его бессмертной душой.

- В конце концов, - заключает Иисус,- ешь или не ешь, пьешь или не пьешь – это не важно. Ищите свободу, а все остальное приложится. Говорю тебе, Матфей, и всем вам говорю: истинное знание подобно смерти. Оно убивает человека. Я прошел через это. Я – убил человека! И вы сможете, если захотите этого больше всего на свете. Эти двери всегда открыты для вас. Я вам их открыл. Но смотрите же, - строго добавляет он,- не превратите этот чистый источник в грязный водопой! Не давайте святыню псам, а жемчуг – свиньям. Иначе вы построите еще один Храм на земле, где будут топтаться свиньи и командовать псы. Я не строил Храм! Только внутри себя!

Окончив свое наставление, он ложится на спину, скрестив руки на груди, и закрывает глаза, будто действительно умер и не желает, чтобы его дальше беспокоили. Очень скоро его ученики нарушат все эти уроки. Из тела своего Пастыря они сделают Храм. На этом скотном дворе будут пастись рабы Божьи. Иуда в стороне от всех, опершись на ствол ивы, как на спинку стула, достает из своего ящика какой-то пергамент и погружается в записи. Симон с Матфеем отправляются в Аенон за продуктами. Иоанн вдохновенно пересказывает Петру с Андреем притчу о дороге жизни.

-Вдоль дороги к Царству Небесному есть сады и дворцы, и все, что душа пожелает. Но

потом идти становится все труднее и труднее, ибо начинаются терновники, горы, пустыни и прочие безжизненные места. Дорога все не кончается, а впереди дремучие леса и дикие дебри, в которых демоны поджидают путников. Губители душ стерегут врата Царства Божьего. Они ненавидят человек, потому что Бог закрыл им путь в свое царство и поставил двух архангелов с мечами у дверей.

-Иаира демоны увели в омут, - замечает Андрей.- Хочешь сказать, он был близок к Царству Божьему и поэтому демоны погубили его?

-Иаир? Нет, он не мог быть близок к нему! Думаю, - шепотом добавляет Иоанн, бросив взгляд на дремлющего Иисуса,- Господь покарал его за учителя.

-Согласен. Ну, а другие люди отчего беснуются?

-Значит, есть на них грехи. Дети ведь не беснуются! Потому что нет на них грехов.

-Иногда младенцы рождаются уродами, - замечает Петр, - и священник приказывает их удавить. А им за что, если они только родились?

-Ты что, в премудрости Господа сомневаешься? - возмущается юноша.

-Кто я, чтобы сомневаться? - смущенно признается Петр. - Просто хотелось бы понять это.

-Вот достигнешь Царства Небесного - тогда и узнаешь все ответы.

Он согласно качает головой:

-Так-то оно так.

-А учителя спросить нельзя? - вопрошает Андрей.

-Вот и спроси!

Рыбак сомнительно оглядывается на Иисуса, тот продолжает лежать так, будто умер.

-Потом спрошу. Если не забуду.

-Может, Иуду спросим? - предлагает Петр.

-Что он знает? - пренебрежительно отзывается юноша. - Опять своими подсчетами занимается. Как будто от него их требуют!

-Может, он на будущее...

-Кому нужны его отчеты в Царстве Божьем?

Старшина рыболовецкой артели не одобряет мальчишеского презрения к Иуде и заступает за него:

-Порядок есть порядок. И на небе должен порядок.- Он не может допустить мысли, что в раю царит хаос, праведники делают все, что им вздумается.- Каждый чин знай своё место и своё дело, - заключает он.

Хромой казначей общины, словно услышав этот разговор, как-то отчужденно - оценивающе взглядывает на них, ставит последнюю точку в своих записях и сворачивает пергамент, аккуратно пряча его в эбеновый пенал. Он надевает португезу на плечо и, откинув голову на ствол ивы, тоже задремывает.

Восточный берег Иордана на этом участке чуть выше западного. Ученики Иохонана, собравшиеся у грота отшельника, словно скупающие волчата у своей норы, посматривают свысока на расположившихся в рощице путников. Иоанну хочется крикнуть им: "Наш учитель - сам Христос!" Но ему запрещено это. Такая таинственность юноше даже нравится, но инкогнито Мессии тяготит его, когда учитель проходит мимо людей без должной чести, как частное лицо. Он тешит свою уязвленную гордость тем, что скоро все узнают Христа и поклонятся ему в ноги. "Недолго вам осталось торжествовать", - думает Иоанн, с вызовом взирая на противоположный берег. До Пасхи, на которой, он уверен, все откроется, осталось около двух недель. Они идут вершить судьбы человечества! Тысячи и тысячи людей не смели мечтать об этом и только ждали сотни лет. И вот этот день приближается, и он, Иоанн, сын грома, в числе избранных! При этих мыслях его всякий раз охватывает ликование, как бывает у людей в

ожидании великого праздника. Но почему учитель не хочет открыться даже Иохонану? Ведь Креститель - его предтеча! Ему можно сказать. И даже взять его с собою, в свиту Мессии.

Возвращаются Симон с Матфеем. На одном из камней они раскладывают купленные в Аеноне продукты. Ученики собираются вокруг этого стола.

-Учитель, - обращается Матфей к отдыхающему Иисусу, - мы принесли еду. Встань, пожалуйста, и преломи хлеб.

Иисус открывает глаза, садится и, осмотрев учеников далеким, сонным взглядом, произносит:

-Пусть отныне Петр преломляет хлеб.

Рыбак смотрит на него с сомнением. Ритуальное право преломлять хлеб всегда принадлежит лидеру собрания. Судья Зеведей преломлял хлеб за всеми столами, где он сидел в последние годы, если только не оказывался в доме более высокого чиновника.

-Я передаю это право тебе, Петр, - подтверждает еще раз Иисус.

Он постепенно выводит себя из их круга, готовя общину к тому времени, когда они останутся без него. Отныне Петр будет преломлять хлеб в их группе, Иоанн благословлять Святым Духом, а Матфей хранить истину. Но только Иуде понятен смысл этих назначений. Для остальных очевидно лишь то, что Мессия объявил Петра своим первым помощником. Позже эта роль Петра будет переосмыслена ими, и Петра приравняют к архангелам, стерегущим рай. А любимый ученик Иоанн будет всю оставшуюся жизнь ждать часа, когда Святой Дух - Параклет вознесет его к возлюбленному учителю.

Петр разламывает лепешку на части и первый кусок подает Иисусу. Тот принимает его с легким благодарственным кивком, как принято брать хлеб именно от старшего за столом, а не от слуги. Второй кусок после короткого раздумья рыбак протягивает Иуде. Все это происходит на уровне жестов и взглядов, но так устанавливается новый внутренний порядок. Путники обедают в молчании, запивая пищу вином из меха мытаря.

С противоположного берега за ними внимательно наблюдают. Для фарисеев, каковыми являются ученики Иохонана и сам отшельник, очевиден их грубейший проступок: эти люди не умыли руки перед едой.

В отдалении раздается мощный рев юбела, заставляющий всех вздрогнуть от неожиданности. По караванному тракту движется царский кортеж из Тибериады на Пасху в Иерусалим. Музыканты впереди дуют в рога. За ними четверка белых коней, запряженных цугом, тянет роскошное ландо под балдахином. Внутри него на золоченных ложах с подушками возлежит Антипа Ирод, его новая жена Иродиада и ее дочь от первого брака Саломея. Шествие замыкает конная гвардия царя. А за ними еще целая вереница верблюдов, груженных шатрами, коврами и сундуками. Антипа не пропускает ни одного религиозного праздника израильтян. Три раза в год, как завещал Моисей своему народу, он предстает перед лицом Господа. И народ принимает идумейца - полукровку лучше, чем римского наместника в Иудее. К тому же, Пилат стал совершать ошибки с начала своего правления. Семь лет назад его отряды вошли в Иерусалим со своими орлами на штандартах, а позже он приказал начальнику Иерусалимского гарнизона Клавдию Лисию поставить императорские статуи на стены Храма, глупо подражая Помпею, завоевателю Израиля, который прибил щит на ворота Храма. Прокуратор Пилат словно вновь завоевывал город, и тогда огромная толпа иудеев отправилась в Цезарею к его дворцу, требуя убрать идолопоклоннические символы, которые запрещены их религией. Пилат приказал двум десяткам тысяч манифестантов собраться на ипподроме и окружил его войском. Он пригрозил им расправой, и тогда толпа обнажила свои шеи для римских мечей. Рим не простил бы своему наместнику такой резни из-за религиозных предрассудков.

Антипа хохотал, когда ему рассказали эту историю. Его иудеи поставили на место римского

выскачку. А потом был акведук и ограбление храмовой казны Пилатом. Этот солдафон был очень неуклюжим политиком, даже когда хотел сделать хорошее дело. Словом, Антипа ждал очередной глупости прокуратора, после которой иудеи, не желая получить еще одного римлянина, признают его своим царем и пошлют посольство в Рим. Антипа самонадеянно полагает, что он самая подходящая фигура для иудеев и для Рима. Более всего он хочет вернуть себе в полной мере власть своего отца, Ирода Великого, над всем Израилем. Однако Пилат дослужит еще три года до своего десятилетнего срока и отправится квестором в Азию, а еще через год умрет император Тиберий. Новый цезарь Калигула по доносу Агриппы, брата Иродиады, отправит царя с его женой в галльскую ссылку. Правителем Израиля станет Агриппа, будущий убийца Иакова, брата Иоанна, который только что прервал свой обед на берегу Иордана.

Царский кортеж под звуки рогов проезжает по караванному тракту мимо места обитания Иохонана. Заслышав помпезную музыку, насприт выходит их грота и, потрясая своим уродливым посохом, громко кричит:

-Остановись, царь Ирод Антипа!

Кортеж замедляет шаг и останавливается. Из ландо величаво выходит Антипа. Ему за пятьдесят. Он красит волосы и бороду хной, чтобы скрыть седину, и очень заботится о своей внешности.

-Я слушаю тебя, пророк,- учтиво и тихо произносит он, так что его едва слышно за рекой.

Израильские цари всегда старались ладить с пророками, как римские консулы - с народными трибунами, пока республика не превратилась в империю. Популярный в народе пророк, конфликтующий с Синедрионом и враждебный к Пилату, мог бы быть полезен Антипе. Только поэтому царь готов выслушать Иохонана.

-Я слушаю тебя, пророк.

-Покайся, Ирод Антипа, ибо приблизилось Царство Небесное к миру и не далек день, когда ты предстанешь перед судом Всевышнего.

-Что ты хочешь от меня? - невозмутимо вопрошает он.

Иохонан выбрал место своего обитания так же тщательно, как и свою безобразную клюку. Иордан стал не только демаркационной линией между ним и Синедрионом. Естественная речная преграда стала дворцовыми стенами отшельника. Величие не должно быть легко доступным для окружающих. Это знают все жрецы, цари и чиновники. Дворцы, храмы и резиденции строятся не только для удобства, но и для создания запретных стен вокруг их жильцов. Чем труднее пройти через эти стены, тем грандиознее за ними власть. Иохонан тоже поселился не на ровном месте. И теперь всякий, пожелавший удостоиться его аудиенции, должен был сначала спуститься по склону к реке, скользя на камнях, а затем, вымокнув до пояса, подняться по еще более крутому склону, невольно согнувшись перед возвышающимся пророком. Это был путь покаяния для любого, кто хотел приблизиться к Иохонану.

Антипа оценивает одним взглядом этот путь и дружески говорит:

-Я пришел с миром, отшельник. Скажи, что ты хочешь, и я, возможно, смогу помочь тебе. Хочешь вернуться в Иерусалим?

-Мое место здесь.

-Встань рядом со мною, и мы сможем помочь израильскому народу. Я приглашаю тебя в мою крепость в Машероне. Там тебе никто не навредит - ни Синедрион, ни римский наместник.

-Никогда нам не стоять рядом, царь, если ты не покаешься.

-В чем же я должен покаяться?

-Велики твои грехи, царь.

Из ландо выходит Иродиада и презрительно осматривает косматого монаха. Иохонан

словно только этого и ждал, чтобы разразиться гневом. Он указывает на нее своим посохом и кричит:

-Эта женщина - жена твоего брата, но ложится в твою постель. Ты совершаешь мерзость в очах Божьих! Она - вавилонская блудница. Изгони ее из своего дома.

Женщина приходит в ярость.

-Заставь его замолчать!

-Отшельник, я запрещаю тебе говорить о царице! - властно произносит Антипа.

-Мне приказывает только Господь!

-Замолчи!

-Если я замолчу, камни завопят, ибо грехи твои, царь, переполнили чашу Божьего терпения. Ты уже наказан бесплодием и будешь наказан еще более. Господь отверг твоё семя и не будет у тебя потомства. Велики грехи твои, Ирод Антипа, перед Господом.

Лицо царя приобретает тот же оттенок, что и его темно-рыжая борода.

-Ты пожалеешь о своих словах,- грозно произносит он.

Вместе с Иродиадой он возвращается в ландо и отдает какой-то приказ командиру гвардейцев. Тот бросает взгляд на Иохонана, кланяется царю и вскакивает на коня. Опять режут рога, кортеж продолжает свой путь, будто ничего не случилось. Отшельник, бросив мимолетный взгляд на группу Иисуса, наблюдающую всю эту сцену, возвращается в свой грот. А вскоре один из его учеников спускается по крутому берегу к воде, переходит реку и направляется к ним. Мокрая рубаха облепляет его костлявое тело, но он даже не пытается ее отжать.

-Мир вам, мужи, - произносит он. - Учитель послал меня спросить, кто вы и зачем пришли?

Иоанну хочется выпалить: "Перед тобою Мессия!"

-Мы из Галилеи. Идем в Иерусалим. Пришли посмотреть на великого пророка, - спокойно отвечает Иисус.

-Вы признаете учителя великим пророком?

-Признаем.

-Тогда почему вы не крестились у него?

-Присядь, друг, - предлагает Иисус.- Как тебя зовут?

-Фома Ближец.

-Почему Ближец?

-У меня есть брат Филипп. Мы были вместе в материнской утробе, но он чуть старше. Сейчас его здесь нет, ибо учитель направил его в Кумран к братьям-ессеям.

-Разве твой учитель ессеи?

-Мы с Филиппом ессеи. Учитель не жил в Кумранской общине, но он поддерживает близкие отношения с братьями. Мы все ждем Мессию и Царство Небесное.

-Как же вы его себе представляете?- очень серьезно спрашивает Иисус.

-Как сказано у пророков, - отвечает Фома, словно удивленный такой наивностью. - Это царство праведных.

-Царство праведных, - повторяет Иисус. - Хотелось бы его увидеть.

-Кто вы, господин?

-Я - Иисус, сын Иосифа и Марии из Назарета.

Эти имена нечего не говорят Фоме. Тем не менее, он понимает, что в них скрыт какой-то смысл.

-Я сообщу это учителю, - заверяет он и хочет встать.

-Подожди, Фома. Расскажи нам о своем учителе.

-Рассказать? Если вы признаете его великим пророком, то я это знаю достоверно, ибо учитель великий чудотворец. Он исцеляет всех больных и немощных со всего Израиля. И

язычники из Декаполиса и даже из Финикии приходят к нему за помощью.

-И он помогает всем? - спрашивает Иоанн.

-Однажды пришла женщина из Сирии и просила исцелить ее дочь, которая беснуется. Учитель ответил ей: я послан спасти погибших овец Израиля; неправильно взять хлеб у детей и отдать псам. Женщина сказала: так, господин, но и псы едят крошки, падающие с хозяйского стола. Тогда учитель ответил ей: за веру твою будет тебе награда от Господа. И в тот же час ее дочь в Тире исцелилась.

-А как об этом узнали? - спрашивает вдруг Иуда.

-Женщина так сказала.

-Как это?

-Она вернулась с благодарностью, - оскорбленный недоверием отвечает Фома, - и сама так сказала.

-Расскажи еще, - просит Иоанн, стараясь сгладить неучтивость Иуды. - Мы верим, друг.

Он восхищен этой историей. Абсолютная уверенность в том, что Иисус - Мессия, освободила его от былой ревности к чужой славе.

Фома успокаивается.

-Однажды пришел мужчина из Ефраима и пал на колени перед Иохонаном. И сказал: господин, помилуй сына моего, он беснуется жестоко в новолуние, и бес бросает его в то в огонь, то в воду. Мы связываем его по рукам и ногам, чтобы он не повредил себе. А его сын в это время стоял на этом берегу и ждал. Приведи его, сказал учитель. И когда юноша подходил к Иохонану, бес вскричал в нем и начал бить его о землю, и пена текла из его рта. Но учитель приказал бесу: выйди из него. И бес вышел, а юноша сразу исцелился. Только он совсем ослаб и не мог идти.

-И все бесы повинуются твоему учителю?- спрашивает Петр.

Его поразила дерзость Иохонана перед царем. Он готов поверить, что столь мужественный человек не убоится ни одного демона.

-Все!- отвечает Фома.- Но они иногда возвращаются. Учитель говорит: когда бес выходит из человека, то ищет себе новое место, и если не находит, то возвращается в старый дом и приводит с собою еще семь бесов, так что тому человеку становится хуже прежнего.

-Да,- соглашается Петр.- Неудобно получается.

-А еще,- войдя во вкус, продолжает Фома,- у царского наместника в Кане заболел любимый слуга. Он сам не посмел придти, но послал просить за себя городских старейшин. Иохонан не хотел помогать наместнику Антипы Ирода, но старейшины упросили его, говоря, что он благочестив и заново отстроил им синагогу, которая сгорела.

-Это было,- произносит Симон кананит.- Синагогу у Южных ворот восстановил градоначальник.

Получив такое подтверждение, рассказчик с еще большим воодушевлением продолжает:

-Учитель спросил их: почему сам градоначальник не пришел просить? Они ответили, что градоначальник человек подневольный, но и он имеет слуг. Когда приказывает, они исполняют. Поэтому он не просит Иохонана придти в Кану, но пусть только прикажет злым духам, чтобы оставили его слугу. За такое благочестие и веру пощадил учитель его слугу. И тот выздоровел.

Иуда вопросительно смотрит на Симона. Тот пожимает плечами:

-Я ведь не хожу в ту синагогу. Она для саддукеев и фарисеев.

Иоанн все же раздосадован. Столько чудес! Не рассказать ли ему, как Иисус превратил в той же Кане воду в лучшее на свете вино? Петр тоже мог бы поведать о чудесном исцелении своей тещи, ради которой Иисус рисковал своей жизнью. Но учитель запретил говорить о себе. А Фома меж тем вдохновенно продолжает:

-Наш учитель – великий пророк, предсказанный другими пророками до него. И сбудется реченное Исайей: “Он был презрен и умален перед людьми, муж скорбей, изведавший болезни, и мы отвращали лицо свое от него. Он был презираем, и мы ни во что не ставили его”.

Иоанн не верит своим ушам. Ведь Фома намекает, что Иохонан - Мессия! В его энтузиазме он узнает собственный восторг. И это зеркало кажется ему глупым. Фома его разочаровывает. А тот продолжает цитировать Исаию.

-Но он взял на себя немощи наши и понес наши болезни, а мы думали, что он наказуем и унижен Богом. Но он был изъяснен за грехи наши и мучим за беззакония наши...

-...Наказание мира нашего было на нем, и ранами его мы исцелились, - заканчивает цитату Иисус.

Фома удивлен. На эти строки в Писании ему указали другие ученики Иохонана, и все вместе они повторяли их каждый день как молитву. Но Иисус произносит их с печальной улыбкой, и что-то в его тоне настораживает Фому.

-Учитель, - вдруг вспоминает Андрей, - я хотел спросить. Отчего это случается?

-Что случается?

-От чего болезни и немощи? Если люди страдают за грехи свои, то это справедливо. Почему страдают невинные?

-Должно людям страдать. Они - мясо преисподней.

-И дети малые?

-Все!

Эта доктрина еще больше удивляет Фому.

-Господин, о чем вы говорите?

-Об этом мире, мой юный друг, - сурово отвечает Иисус. - Говоришь, вы ждете царство праведных. Что же есть в нем, по-твоему?

-Люди там подобны ангелам.

-Что же делают ангелы?

-Они не пьют и не едят, не болеют и не умирают. Господин, разве вы не верите в Царство Небесное? - Фома чего-то не понимает.

-Не только верю, но и знаю его. Я был в Царстве Небесном. Это верно, что там не едят и не болеют, не женятся и не судятся. Но боюсь, Фома, Царство Небесное превзойдет твои человеческие ожидания. Там нет человека! Все человеческое осталось в этой преисподней!

-Кто вы, господин? - пораженно вопрошает ученик Иохонана.

-Я вчера был там, где сегодня стоит твой учитель. Я тоже хотел низвести огонь на землю и очень желал, чтобы он возгорелся поскорее и покрыл пламенем весь этот чудовищный мир. Но я освободился от этого. Святой Дух освободил меня. И я желаю того же твоему учителю. Не нужна мне погибель мира. Мне нужна свобода от него.

-Что мне передать учителю?

-Передай то, что видишь, - Иисус широким жестом указывает на своих учеников. - Слепые прозревают и мертвые воскресают.

Фома с легким испугом взирает на его окружение, словно ожидая увидеть среди них полуистлевший труп, который не заметил сразу. Перед ним обычные, живые люди. Он начинает понимать, что Иисус пользуется словами не так, как принято. Его слепые все видят, а мертвые едят неумытыми руками и пьют вино. Но если его мертвые вовсе не мертвы, то каково же его воскресение и Царство Небесное? Очень странный человек, который странно пользуется словами.

-Господин, я видел, как ваши ученики едят без омовения. Язычники тоже делают так. В чем же их заслуга?

-Они омыты Святым Духом.

Потрясающий ответ! Иоанн наслаждается. Учитель всех расставил по местам. Теперь Фома знает, с кем имеет дело.

-Иохонан заставляет нас поститься и соблюдать все заповеди. А ваши ученики постятся?

-Разве кто-нибудь постится на свадебном пиру? Ныне они на пиру. Настанет время поминок, тогда и будут поститься.

И опять Иоанн наслаждается. Учитель никому не дает в обиду своих учеников!

-Язычники не знают, а мы знаем, - вступает он в разговор, пользуясь полученным от Иисуса правом давать пояснения. - Не то оскверняет человека, что входит в него, но то, что выходит из него, ибо грех и зло не снаружи человека, но внутри него. Омовение не нужно тому, кто внутренне очистился.

-И поэтому вам не нужно креститься у Иохонана? - догадывается Фома.

-Именно так! Мы крещены Святым Духом, - торжественно заявляет юноша.

Фома возвращается на родной берег в большом недоумении. Он вновь переходит реку, поднимается по склону и входит в грот отшельника.

-Отважный человек - Иохонан, - уважительно отзывается Петр.

-Божий человек, - соглашается Андрей. - Никого не боится.

Но Иуда чем-то раздражен.

-Иохонан упрекает Антипу в том, что тот живет с женой своего брата. Разве это худший из его грехов? - гневно произносит он. - Да пусть он спит с женами всех своих братьев! Его семья в крови наших отцов и матерей! Ироды виновны в казнях и убийствах тысяч израильтян. За это они должны гореть в огне, а не каяться. Разве их покаяние кого-то вернет?

-Иохонан ведь не зелот,- замечает Симон.- Он не с нами. Он делает то, что велит ему Бог.

-И что ему велит Бог? Не есть, не пить и питаться саранчой? Он сам ее ловит? Или ему ученики приносят? К чему все это?

-Он праведник! - заступается Петр.

-Что мне с его праведности? - угрюмо отзывается Иуда. - Что тебе с его праведности?

-Ну, не знаю... Божий человек.

-Завтра этого Божьего человека Антипа казнит.

-Откуда ты знаешь? - не выдерживает Иоанн.

-Об этом не трудно догадаться. Этот род не прощает обид. И Антипа не простит.

-Он не посмеет, - неуверенно произносит Петр.

Иуда мрачно усмехается:

-Лучше один раз услышать упрек в жестокости, чем сто раз - в малодушии. Будь уверен. Антипа его убьет.

-Да, это было безрассудством, - соглашается Матфей. - Оскорблять царя в присутствии его слуг.

Наконец, Иисус подает голос:

-Назначение пророка - быть безрассудным. Иначе он не пророк.

-Но теперь он погибнет, учитель!

-Что ж, - с ледяным спокойствием отвечает он, - значит, Иохонан скоро будет в Царстве Небесном. Разве можно пожелать человеку лучшего?

Все замолкают. Даже черный цинизм Иуды бледнеет перед этой философией свободы.

-Быть может,- строго спрашивает Иисус, - кто-то из вас хочет пожелать пророку другого?

Ученики пристыжено молчат. Он угадал их человеческие мысли. Никто из них не смеет возразить. Он сам делает это за них.

-Знаю, что вы думаете. Царство Небесное не пропадет. Можно и не спешить туда. Говорю

вам: с этого начинается лицемерие мира. Ибо хочет он совместить свободу с человеческим, истину со святостью, небесное с земным, и сам становится порождением ехидны - чудовища с женским лицом и телом змеи. Уроды наполняют этот мир и поклоняются своим уродливым богам.

Легкий порыв ветра проходит над рощицей, шелестя листвой. И опять все замирает в полуденном зное.

Из грота выходит Фома и в третий раз пересекает реку. Его одежда сегодня не успевает просыхать на нем. Вновь мокрая рубаха прилипает к его ногам.

-Господин, учитель велел мне сказать: мир тебе, Иисус из Назарета. Я слышан о тебе от твоего брата Иамеса-нашрита, который давно и близко знаком мне, - передает Фома заученное приветствие. - Иохонан спрашивает: тот ли ты, кого ждет весь Израиль? - и он впивается недоверчивым взглядом в Иисуса.

Иисус остается невозмутимым.

-Твой учитель - совесть Израиля, а я - его свобода. Пусть Израиль решит, нужны ли ему совесть и свобода.

Фома кивает головой и хочет уйти.

-Передай ему еще следующее. Ныне приблизилось к тебе, пророк, Царство Небесное ближе всех в Израиле. И недели не пройдет, как ты окажешься в нем. Прими же его с радостью.

-Я передам ваши слова, господин, - почтительно произносит Фома и в четвертый раз сходит в Иордан.

“Долго же ему придется так ходить”, - сочувственно думает Иоанн.

Ревность его прошла. Ведь своим вопросом Иохонан формально подтвердил, что он не претендует на мессианство и готов признать эту роль за Иисусом.

-Все ли готовы идти? - вдруг спрашивает Иисус, поднимаясь решительно с земли.

-Да, учитель.

-Тогда в путь.

Группа стремительно снимается с места и направляется по караванному тракту вслед за исчезнувшим царским кортежем. Иоанн, уходя из рощицы последним, даже разочарован слегка. Он полагал, что разговор Мессии с пророком только начался, ведь им многое нужно сказать друг другу, но диалог двух мудрецов оказался короче случайной уличной беседы двух соседей, которым и сказать-то особенно нечего. Они проходят уже пару сотен метров, когда их догоняет Фома. Группа приостанавливается.

-Господин, позвольте мне пойти с вами, - задохнувшись, просит он.

-Твой учитель тебя отпустил?

-Да.

-Что ж, Фома Близнец, можешь идти с нами, - соглашается Иисус.

Похоже, Иохонан, приставил к нему своего наблюдателя.

Новичок замыкает их шествие, ища свое естественное место, как приبلудная овца в стаде. Иоанн берет его под свое покровительство и представляет ему всех поименно. Эта пестрая компания удивляет Фому. Рыбаки и левиты, zeloty и мытарь - все они представляют если не враждебные, то, по крайней мере, не дружественные друг другу сословия и партии Израиля.

-Так ты ессей? - дружелюбно спрашивает Иоанн.

-Мы с братом Филиппом рано осиротели. Кумранская община усыновила нас и воспитала.

-Как же вы попали к Иохонану?

-Община направила нас с братом и еще Натаниэля бар-Толомеи к Иохонану в услужение. Он - нашрит, ему нельзя работать, а нам можно. Божьему посланнику нужны помощники, - заученно объясняет Фома.

-Разве у Иохонана нет своих учеников?

-Они миряне, мы - ессеи.

-Расскажи о ессеях? - просит Иоанн с жадным любопытством.

Воспитанник кумранского братства отвечает как автомат:

-Тело тленно, а душа бессмертна, потому что тело создано из праха, а душа - от духа Божьего, находясь в теле как в плену. Добродетельная душа после смерти тела получает награду в раю, а злые души отправляются в подземелье на муки.

-Фарисеи тоже верят в это.

-Фарисеи живут отдельно и с женами. А ессеи - без жен, и ни один из них не может быть богаче другого. Всем управляют пресвитеры. Мы не признаем мирского суда.

В Иоанне просыпается сын своего отца.

-Но суд от Закона Моисея!

-Ессея могут судить только ессеи. Нам запрещены клятвы Богом, и небом, и Храмом, и жертвой. За клятву изгоняют из общины.

- А как же подтвердить свои слова?

-Совершающий лжесвидетельство совершает и клятвопреступление. Поэтому у ессеев за ложь наказывают смертью, а за клятву изгоняют из общины. Нельзя чародействовать. Ессеи лечатся только молитвами и травами. Весь день мы должны трудиться, а ночь проводить в молчании. На рассвете мы собираемся и поем псалмы.

-Разве вы поклоняетесь солнцу, как последователи персидского Митры?

-Мы уважаем познания персов и считаем их учителя Заратуштру великим пророком. С первым лучом солнца Бог дарит миру еще один день для борьбы добра со злом. Это великая милость Господа для людей, которые могут спасти еще свои души, ибо мы верим в искупление грехов. На заре ессеи благодарят Бога за эту милость перед его светом. Мы не идолопоклонники, мы знаем, что вся земля и небо - творение Всевышнего.

Фома словно делает доклад, извлекая слова из памяти, а не из сердца и ума. Это - заученный им катехизис ессейства. К его рассказу с интересом прислушиваются все ученики Иисуса. Фактически Фома излагает им проект их будущей церкви, к которому они добавят догмат о сыне Божьем и этой невероятной и богохульной для иудаизма фигурой заслонят всех древних мыслителей. В тени этого колосса на мир опустится мрак средневекового невежества. Первые христианские общины позаимствуют у ессеев даже гимны к восходящему солнцу, но впоследствии откажутся от этого ритуала в борьбе с митраизмом, который на протяжении нескольких веков будет соперничать с христианством в античном мире. А потом точно так же откажутся от общего владения всем имуществом и от маниакальной чистоплотности ессеев.

-Что у тебя за топор на поясе? - вопрошает заинтересованный Петр.

-Эта кирка должна быть у каждого ессея, - отвечает Фома. - По ней члены общины узнают друг - друга.

-Но зачем она?

-Перед тем как справиться нужду, мы обязаны выкопать этой киркой яму, а затем засыпать все извергнутое из себя и отмыться. Наша скверна не должна оставаться под небом Господа. Это - наша мертвая часть, и она должна быть погребена, как и само наше тело после смерти. Остаться не погребенным - великое бесчестие для ессея. Солнечный луч не может касаться наших нечистот, чтобы не оскорблять Бога.

-Разве укромного места недостаточно? - спрашивает Иоанн.

-Если только туда не проникает свет. Но лучше закопать. Даже самые разумные из животных - кошки это делают.

-Поэтому египтяне почитают кошек, - усмехается Иуда.

-Почему? - не понимает Петр.

-Наверное, за их чистоплотность. Скажи, Фома, ваши учителя не у египтян учились чистоте?

-Господин, наше учение от Бога! - Фома впервые говорит с чувством, выйдя из своей благочестивой невозмутимости, к которой его приучали годами в Кумране.

Иуда насмешливо взглядывает на этого солдата мудрости и как-то странно произносит:

-Я так и думал.

Такое издевательство над молодым ессеем не вызывает протеста даже у враждебно настроенного к Иуде Иоанна. Рассказ Фомы раздосадовал всех учеников Иисуса. Они вдруг осознали, что их личная гигиена далека от священнодействий ессеев, и теперь ищут в них слабое место.

-А как же суббота? - вдруг говорит Иаков. - Значит, вы не соблюдаете субботу? Вам же надо закопать...

-Суббота еще более священна для ессеев, чем для фарисеев. В субботу мы не едим и воздерживаемся от телесных потребностей.

-Оттого ты, парень, строен как кипарис, - усмехается опять Иуда.

-Господин, - отвечает Фома, вернув себе невозмутимость, - наша праведная жизнь идет нам на пользу даже в этом мире. Ессеи редко болеют и доживают до ста лет. Значит, они угодны Богу. Господь не дает долголетия грешным и злым людям.

-Разве праведность измеряется долголетием?

-И этим тоже, господин.

-Я думал, она измеряется мудростью и добрыми делами, - иронизирует Иуда.

Но Фома больше не дает сбить себя с толку.

-Человек не записывает добрых дел своих в книгу, а мудрость его может измерить только Бог. Он дает за это человеку многие годы. Долголетие – это свидетельство благочестия.

- И ты, конечно, намерен жить как можно дольше, - заключает Иуда.

- На все воля Господа.

- Но надеешься ты именно на это?

Фома не может понять, чего хочет от него этот уже не молодой человек, которому, впрочем, далеко до седовласых кумранских старцев.

- Все надеются на это.

- Потому что все считают жизнь безусловным даром, а смерть - безусловным наказанием. Разве смерть не приближает праведника к Богу?

- На все воля Господа.

-Учитель, скажи что-нибудь, - просит Иоанн.

-А кто вам скажет, когда меня не будет? - строго отзывается Иисус, все это время холодно молчавший. - Истина должна вас освободить. Ищите свободу, а все остальное само приложится.

Иисус рассержен. Он видит, что при первом же самостоятельном столкновении с оппозиционной доктриной его ученики теряют его истину. Не открыли они в себе Святого Духа, который бы говорил за них и разнес в щепу любую человеческую мудрость. Один лишь Иуда продолжает насмехаться.

-И ваши старцы никогда не устают жить? - спрашивает он Фому, впрочем, уже без сарказма.

-Их жизнь спокойна, как море в ясную погоду.

-Как мертвое море.

-Господин, я еще молод, чтобы судить об этом.

-Пожалуй, так, Фома, - соглашается Иуда. - Ты еще не дорос отвечать за своих старцев. Но

этот мир именно таков, каков он есть, потому что все в нем хотят жить как можно дольше. Умиры ты сегодня, а я – завтра. Вот и вся мудрость этого мира и твоих старцев.

Иисус неожиданно останавливается и говорит:

-Мы пойдем через Самарию. Повернем здесь, - и первым решительно поворачивает направо.

Караванный тракт привел бы их самой короткой дорогой в Иерихон, а оттуда лишь день пути до Иерусалима. Но они сходят с него и углубляются в гористую местность. Территория Самарии не имеет никаких административных границ, Рим даже не выделил ее из Иудеи. Это - одна и та же земля, на которой люди говорят на одном и том же языке и занимаются теми же ремеслами, что и все вокруг. Но каждый правоверный израильтянин проходит эту территорию как враждебную и грешную. Самария была заселена переселенцами из Вавилонии еще во времена Навуходоносора. За века эти люди переняли все обычаи и нормы местного населения: их язык, образ жизни, одежду и религию. Самаритяне даже выстроили Храм Израильскому Богу Яхве на горе Геризим. Но иудеи сочли это святотатством и разрушили его. Именно по этой земле идут теперь Иисус и его восемь спутников.

Фома пытается привыкнуть к своему новому сообществу, в котором нет праведного фанатизма, но царит простота. В Кумране младшие члены общины даже не смели касаться ветеранов братства, а если новичок это нечаянно делал, то старцы совершали омовение. Здесь же - полная вольница. И хотя предводитель их строг и молчалив, нетрудно заметить, что его ученики не испытывают перед ним трепета. Фома пока еще не может понять, что привязывает их к Иисусу. Для него отношения между учителем и послушником основываются на почтении и военной дисциплине.

-Зачем идти через Самарию? - тихо спрашивает он Иоанна, надеясь получить такой же доверительный ответ.

-Учитель, - громко говорит юноша,- Фома спрашивает, почему мы идем через Самарию? Можно мне рассказать ему притчу о добром самаритянине?

-Расскажи,- безучастно отзывается Иисус.

Иоанн начинает вдохновенно излагать смущенному Фоме историю о человеке, которого избили и ограбили разбойники на дороге.

-Мимо проходил иудей. Посмотрел на раненого, пожалел его и пошел дальше. А потом шел по дороге левит, покачал головой и сказал: если найдешь своих обидчиков, я помогу тебе взыскать с них ущерб в суде. И отправился по своим делам. А после всех проходил некий самаритянин. Увидел избитого и ограбленного, поднял его и отвел на постоянный двор. И сказал хозяину гостиницы: вот тебе два динария, окажи внимание этому человеку, а если потратишь на него больше, то я тебе все верну. И ушел, не дожидаясь благодарности от того, кому помог. Вот и скажи теперь, Фома, кто был этому человеку ближним его: иудей, левит или самаритянин?

-Кто позаботился о нем, тот ему и друг.

-Вот именно! Ты все понял.

-Это понять не трудно. Но разве всегда бывает так, как ты рассказывал? Почему самаритяне добрые, а иудеи - нет.

-Это же притча! Самаритяне бывают и добрые и злые. Мы просто не против них.

-Я тоже не против. Но они не дети Израиля.

-Ах да! Твой учитель сказал, что он послан только к погибшим овцам Израиля. А мы пришли к грешникам всего мира, а не к праведникам. Больные нуждаются в исцелении, а не здоровые. Мы пришли исцелять всех детей Господа. Самаритян тоже.

Слушая себя, Иоанн готов уже полюбить всех самаритян. Они кажутся ему милыми грешниками, которые жаждут исцелиться и мечтают о Спасителе. Весна в Самарии так же

хороша, как и в Галилее. Изумрудные лужи под ногами, сероватые горы с красными лишайниками. С них текут студеные ручьи. На склонах холмов виноградники и оливковые рощи. А воздух совсем не отличается от галилейского и тоже чуть пахнет морем.

К вечеру они достигают какого-то селения. Иуда устало опускается на траву и вытягивает свою искалеченную ногу. Садится Иисус, а за ним все остальные. Некоторое время они просто лежат на мягкой траве и отдыхают.

В приближающихся сумерках на самарийском небе проступают звезды, верхушки кипарисов приветственно машут им. Прохлада весеннего вечера и удивительная тишина окутывают Иоанна. И в тысячный раз он не устает чувствовать: как прекрасен мир и как хорошо в нем жить.

-Давайте заночуем здесь, - предлагает юноша.

-Хорошее место, - соглашается Иисус.

Иоанн подмигивает звездам от избытка жизненных сил.

-А ужинать будем? - раздается голос Андрея. - Или у нас ночь суда?

Петр готов прибить своего простодушного брата.

Иисус молчит.

Пауза затягивается.

-Учитель?- вопрошает Иоанн.

-Меня здесь нет, - звучит глухой ответ.

-А нам что делать?

-Решайте сами.

Опять наступает пауза. Кто-то должен принять решение. Овца не может пасти овец, ибо не свободна от овечьего, и никто не смеет взять на себя роль пастыря.

-Я бы поел, - говорит Андрей.

-Вот ты и иди в селение, - решает Петр, вспоминая, что он был назначен старшим, и теперь все ждут его слова.

-Опять я?

-Ты же первый заговорил о еде!

-Вот не знал, что у нас такое правило! - ворчит рыбак.

-Теперь знаешь. Я его установил, - на правах лидера Петр повышает голос, чтобы все слышали. - Кто первый заговорил о еде, тот о ней и заботится.

И это становится первым правилом, которое появилось в их общине, свободной от всяких правил при Иисусе.

Еще живой Мессия молчит.

-Я схожу, - вызывается Иоанн.

Он встает и смотрит на Иакова. Тот тоже поднимается.

-Фома, пойдешь с нами? - предлагает юноша, и новичок покорно встает.

Привыкший к безусловному почитанию Иохонана и к армейской субординации в Кумране, Фома продолжает удивляться порядкам в этой компании. Даже в шайке разбойников больше дисциплины. Раздается тонкий скрип. Иуда выдвигает крышку своего пенала и высыпает на ладонь несколько монет.

-Фома, возьми деньги, - небрежно приказывает Иоанн, не желая сам принимать их из рук казначея. Новичок принимает денарии от Иуды и спешит вдогонку за братьями. Втроем они спускаются в безмолвную, словно вымершую деревню.

-Почему у вас все так просто? - спрашивает Фома.- Нет ни субботы, ни поста, ни омовения, ни молитв.

-Мудрецы возлагают на человека ноши неудобноносимые, а наш учитель их сбрасывает.

-Почему?

-Он - Мессия. Ему все возможно.

-Разве Мессия пришел не для того, чтобы исполнить Закон?

-Мессия пришел освободить людей, - авторитетно заключает Иоанн.

Они проходят до конца единственную улицу деревни в поисках какого-нибудь огонька или голосов за стенами, но всюду царит покой, как на кладбище.

-Есть здесь живые? - возмущается Иаков.

Они направляются обратно.

-Значит, вам не нужно соблюдать заповеди? - продолжает разговор Фома.

-Только две: почитай Бога и возлюби ближнего.

-А почитать отца и мать?

-Враги человека - домашние его.

-А красть и прелюбодействовать?

-Мы свободны от жадности и похоти.

-А убивать можно?

-Только ради истины! Слышал, как учитель сказал: ищите Царство Небесное, а все остальное приложится.

-Разве его можно искать?

-Конечно.

-Это ведь не вещь, которая где-то лежит, - недоумевает Фома, - чтобы пойти и найти ее. Царство Небесное можно только ждать и готовится к его пришествию.

-Учитель сказал: не ждите и не ищите.

-Как это? - Фома даже останавливается от удивления.

Иоанн наслаждается его растерянностью.

-Царство Небесное внутри тебя, Фома. Только там его и ищи. Оно приходит вместе со Святым Духом. Идем же, Фома, чего встал?

Они минуют еще несколько домов.

-Да они тут все спят! - злится Иаков.

-Конечно, спят, - бормочет Фома, сам приученный ложиться с заходом солнца.

-Давайте стучать, - решает Иоанн.

Братья начинают колотить в ближайшие ворота. Им никто не отзывается. Они переходят к следующим.

-Кто там? - раздается мужской голос со двора.

-Друг, мы - путники, - вступает в разговор Иаков. - Хотели бы купить хлеба себе на ужин.

-Нет ничего!

Братья идут к третьим, к четвертым воротам. Но всюду, узнав, что они иудейские паломники, их просят не беспокоить мирных людей и отказываются что-либо продать. Все добрые самаритяне, видимо, вымерли в этом селении еще до их прихода. Иоанн в сердцах пинает какую-то дверь. Раздается истошный женский крик:

-Иди в свою Иудею и там пинай двери!

-Это тоже наша земля! - запальчиво отвечает Иаков.

-Вот наглец! Его это земля! Кто тебе ее дал?

-Наш Бог!

-Бог дал, Бог взял. Иди, скажи римлянам, что это твоя земля. Пусть они тебе отмерят земли на могилу.

-Женщина, ты бы следила за своим языком! - грозно произносит Иаков.

-Кто ты такой, чтобы закрывать мне рот? - яростно отвечает женщина.

Какой-то мужской голос успокаивает ее и затем миролюбиво произносит из-за стены:

-Мужи израильские. Мы вас не беспокоим. Не беспокойте и вы нас. Идите своей дорогой.

Оскорбленные сыны грома возвращаются ни с чем к своим спутникам и возмущенно пересказывают им эту сцену.

-Учитель, - гневно заявляет Иоанн, - следовало бы низвести огонь на это селение, как Илия низвел огонь на воинов Ахазии. Эти люди заслуживают участи Содома. Прикажи нам, и мы сделаем.

Библейские истории переплелись в его памяти с историей под Каной, где Иуда грозился негостеприимному старику сжечь его хутор. Иуда лишь пугал старика, но Иоанн в своем праведном гневе сам не знает, как далеко готов зайти. Он оскорблен вдвойне: за свой народ и за своего Мессию. Если Иисус велит ему сейчас поджечь самарийскую деревню, они с Иаковым сделают это без сомнений.

Иисус холодно выслушивает их рассказ. Он сидит у костра, который успели развести, пока братья совершали свой поход в селение, и гневно осматривает недовольные и разочарованные лица своих учеников.

-Забыли, от какого вы Духа? Я учу вас свободе, но вы опять лезете в это ярмо. Посмотрите вокруг. Весь мир таков! Всюду человеческое. Разве те самаритяне, что не открыли вам дверь, не из этого мира? Нравится он вам? Так не будьте как этот мир! С вас начинается этот мир. Вы - начало и конец этому миру. Вы - мера всех вещей. Сделайте же свою меру больше человеческой! Отмеряйте этому миру как боги и будьте свободен от него как боги.

-Но как поступать, когда не открывают? - спрашивает Иаков.

-Отряхни с ног пыль этого дома и забудь о нем. Он мертв для тебя.

-Так скоро на кладбище окажешься,- робко замечает Петр.

-Вы уже на кладбище! Вокруг вас мертвецы. Вот когда поймете это, расхочется вам сжигать гробы. Что проку жечь дом мертвеца? Разве это воскресит его? Если бы я считал вас мертвыми, то не стал бы даже говорить с вами. Но вы не потеряны для Царства Небесного, и я все еще с вами.

Как всегда после отповеди Иисуса воцаряется молчание. Лишь языки пламени весело играют в костре. Тишину нарушает Иоанн.

-Учитель, Фома спрашивал меня про Царство Небесное. Я сказал ему, что оно внутри него. Но, кажется, он не поверил.

Фома чуть виновато молчит, но не возражает и не оправдывается.

-Маловеры!- устало произносит Иисус.- Если бы вы верили по-настоящему, то и вам бы поверили.

-Учитель, мы верим, - страстно отвечает Иоанн.

-Мы готовы умереть с тобою, - со всей искренностью добавляет Петр.

-Учитель, - подает свой голос и Матфей, - мы просто не можем говорить так, как ты.

-Не можете говорить, потому что не знаете Святого Духа, - констатирует Иисус.

-Как нам его узнать? - почти хором вопрошают они.

Всем им кажется, что он требует от них невозможного, как капризный властитель. Ведь они не бывали в Царстве Небесном. Как же им узнать об этом? Если бы он отвел их туда и показал свое царство, они бы знали, что говорить. Но он не ведет их на Небо, он держит их на земле.

-Покажи нам Царство Небесное, - просит за всех Петр.

-Не знаете, о чем просите, - горько произносит Иисус. - Я мог бы вам показать его, но это стало бы вашим последним часом. Не готовы вы еще умереть. Не победили вы еще мир. Как же я открою вам вашу свободу? - скорбно добавляет он.

И перед этой учительской скорбью они чувствуют себя еще более виноватыми. Но так и не

могут понять, в чем их вина.

Иисус устало трет глаза или, быть может, стирает слезы, и со вздохом начинает говорить:

-Я знаю, что вы все сейчас голодны и телом и душой. Я не дам вам хлеба для тела, но дам вам хлеб для души. Запомните это как молитву и вспоминайте, когда голод душевный одолеет вас. Вот вам притча вместо молитвы. Жил - был некий человек. Была у него семья, друзья, соседи, сослуживцы и недруги. Однажды утром этот человек проснулся и обнаружил, что мир опустел. Никого не осталось в его доме, никого не осталось в его городе, в его стране, во всем свете. Только он один на весь этот мир. Тогда сел человек и задумался, что ему делать дальше. И понял, что делать ему нечего. Незачем работать, незачем копить, незачем покупать и продавать, незачем выслуживаться, незачем повелевать. Тогда человек задумался, кто же он теперь. И понял, что отныне он - никто. Если был он раньше иудеем, то теперь нет у него национальности. Ибо кому он может противопоставить свое иудейство? Если был он раньше мужчиной, то теперь нет у него пола. Ибо кому он может противопоставить свое мужество? Если был он раньше молод, то теперь нет у него возраста. Ибо кому он противопоставит свою молодость? Если было у него раньше имя, то теперь нет у него имени. Ибо кому он противопоставит свое имя? И понял этот человек, что теперь он никакой. Ни мудрый, ни глупый, ни праведный, ни грешный, ни добрый, ни злой, ни красивый, ни безобразный, ни белый, ни черный, ни молодой, ни старый, ни мужчина, ни женщина, ни смертный, ни бессмертный. Понял он, что имя ему - все и никто. И понял этот никто, что он больше не человек. Отныне он Бог. Закрыв Бог свои глаза, и мир сразу исчез. И больше не было мира и всего, что его наполняло. Ибо кто мог теперь подтвердить существование мира? Единственный свидетель мира не видел его. Потом Бог остановил свое дыхание. И душа его исчезла, как и мир ранее. И не было больше души и всего, что ее наполняло. Бог - язык мира умер. И остался только Святой Дух в Царстве Небесном. Единственное и непроизносимое Я в абсолютном и безымянном небытии.

Иисус делает внушительную паузу.

- Вот вам притча на все времена. Повторяйте ее себе как молитву. И станете свободными как Бог. И откроется вам Святой Дух. И окажетесь в Царстве Небесном. Земля и небо пройдут, а мои слова не пройдут, ибо в них вечность.

Позже Иоанн лежит на спине и смотрит в свое небо. Оно по-прежнему далеко от него. Опять он не угодил Иисусу. Душа человека – это дом, который еще нужно достроить. Но безусловное восприятие человеком своей личности как чего-то законченного, а не ущербного, как это есть в действительности, делает его нечувствительным к упрекам, а похвалу он воспринимает как естественную оценку своих достоинств. Иоанн не смеет признаться себе в этом, но подсознательно ему кажется, что его возлюбленный учитель несправедлив к нему и что у Мессии портится характер. Он все чаще выражает недовольство своим окружением, теми, кто ради него бросил свою прежнюю жизнь. Они оставили свои дома, своих близких, но ласковая улыбка вовсе перестала появляться на его лице. Как же ему еще угодить? И почему он не выговаривает Иуде? Уж не ставит ли он этого хромуна с его ящиком выше них?

Утром девять путников пересекают селение в молчании. Самаритяне провожают хмурыми взглядами иудейских паломников в Иерусалимский храм, куда им самим дорога закрыта. А женщина, стоящая в тех самых дверях, которые пинал Иоанн, показывает возмутителям ночного покоя неприличный жест. Юноша презрительно отворачивается. Толстая, вульгарная баба! Надо было ее поджечь!

К полудню они достигают колодца, существующего со времен Иакова, сына Исаака и внука Авраама. За полторы тысячи лет его стены многократно обновляли и укрепляли. Чуть далее расположен столь же древний город Сихем. Всех путников мучает жажда и голод. Фома может теперь убедиться, что ученики Иисуса тоже постятся, хоть и не по собственной воле. Они

ложатся на каменную кладку колодца и заглядывают вниз. В нескольких метрах от них плещется прохладная вода, но достать ее нечем. Придется идти в город. Иисус садится под дерево в тени.

-Я подожду вас здесь, - заявляет он.

-Учитель, ты не хочешь входить в этот город? - спрашивает Петр.

-Ни в этот, ни в другой.

Он становится капризен, как ребенок. И в капризности этой есть что-то самоистязательное, словно Иисус хочет первым наказать самого себя за несовершенство мира. Умному Матфею приходит на память разговор с Иудой на таможне о том, как можно убить мир. Но он гонит от себя эти мысли.

-Мне остаться с тобой? - спрашивает Иуда.

Иисус отрицательно качает головой. Он хочет побыть один. Иуда первым направляется в город. Следом уходят остальные, оставив учителя в его капризном одиночестве у колодца, из которого невозможно утолить жажду. Временами его словно раздражает сама необходимость жить: ходить, говорить, что-то делать, преодолевая время и пространство. Так чувствуют себя в неволе, в болезни, в бессонных ночах, в безжизненной местности - во всем, из чего человеку хочется вырваться. И его ученики уже привыкли к этим приступам меланхолии.

Иисус сидит под деревом, погруженный в свои мысли, и опять совершает смертный грех: чертит палочкой на земле запретное имя Бога. Он не замечает, как к колодцу подходит молодая женщина с сосудом, вокруг горла которого завязана веревка. Плеск воды выводит его из задумчивости. Женщина, бросив на него насмешливый взгляд, наклоняется над колодцем, вытягивая на веревке сосуд с водой. Блузка трещит на ее сдобном, крепком теле.

-Не дашь мне воды напиться? - дружелюбно спрашивает он пересохшими губами.

Она смотрит на него с удивлением.

-Ведь ты иудей! Иудеи не общаются с самаритянами. Мы для вас нечистые.

-Я хочу пить, - просто говорит Иисус. - И я плохой иудей.

-Ну что ж! Мне не жаль воды для такого честного мужчины, - подшучивает она.

В ней угадывается женщина с веселым нравом, которая чувствует себя свободно в обществе мужчин, привыкла к их вниманию и далека от сдержанности. Мужчины считают таких женщин легкодоступными и называют про себя шлюхами. Иисус поднимается с земли, подходит к ней и принимает сосуд. Пока он пьет, она составляет о нем свое женское мнение. Очевидно, он ей симпатичен.

-Давай полью тебе, а ты умойся, - предлагает она.

Иисус подставляет сложенные ладони, и женщина щедро выливает на них половина сосуда, обливая водой и его, и себя. Они смеются. Между ними сразу устанавливается та простота отношений, которые могут быть вполне пристойными и уважительными. То, что они из разных народов, и, поговорив у этого колодца, больше никогда не увидятся, делает их разговор свободным от условностей. Иисус утирает лицо рукавом алого плаща и смотрит на нее с печальной улыбкой.

-Идешь в Иерусалим на Пасху? - спрашивает она.

-Да.

-А наш храм вы разрушили.

-Разрушили, - соглашается он.

Ее забавляет это смирение.

-А ты вообще иудей?

-Иудей.

-Но плохой? - дразнит его она.

-Увы. А ты из Сихема?

Женщина кивает головой.

-И чем занимаешься?

-Стираю белье богатым вдовцам. Могу и тебе постирать. Ты вдовый?

-Нет.

-Значит, есть жена?

-Нет.

-Не женатый и не вдовый? Разведенный, наверное?

-Нет.

-Как же так? Мужчина в соку и без жены. Евнух, что ли? - запросто и сочувственно спрашивает она.

Иисус искренне смеется.

-Я здоров. Просто некогда было жениться, а потом незачем. Расскажи лучше о себе.

Женщина на мгновения задумывается.

-Живу - не тужу.

-Муж есть?

-Муж? Было у меня пять мужей. Теперь живу с шестым.

-Что же ты с ними делаешь? На ужин себе их варишь?

Теперь от души хохочет женщина, чуть не уронив в колодец свой сосуд.

-Насмешил, - сквозь слезы признается она. - Разбегаются мои мужчины. Видно, со мной что-то не так. Сейчас живу с вдовцом. Ничего мужчина. Добрый. Как говорят: первая любовь - глупая, вторая - несчастная, а третья уже входит в привычку, - в тоне женщины слышатся какое-то разочарование.

Иисус меняет тему.

-Я здесь давно, - замечает он, - но за все это время ты - первая, кто пришел к колодцу. В Сихеме есть другой источник?

-Там, за городом,- с врожденным изяществом указывает она полной, сильной рукой на запад, - есть ручей. Я хожу туда стирать. Но за водой обычно ходят сюда.

-Почему же никого нет? Я уж думал, умру от жажды.

-Так это потому, что в городе объявился некий волхв Симон. Он из наших - самаритянин. Кажется, родом из Гиттона. Вот все и собрались на городской площади послушать его.

-А что же ты не там?

-Я тоже пошла. Не часто случаются такие представления в нашей глуши. Пришла, послушала этого Симона и заскучала.

-Отчего же?

-Да уж очень он мне моего второго мужа напомнил. У него тоже было все лучше, чем у других. Есть такие люди. И в работе он лучше всех, и на свадьбе лучше всех, и в постели лучше всех. У соседа во дворе корова, и у него корова, но его лучше. У соседа дерево, и у него дерево, но его лучше. Все бы ничего, да Манная, так звали его, увлекся петушиными боями. Работу бросил, он был плотником, завел себе петуха и стал с ним таскаться по всей Самарии. Даже в Цезарею ездил на петушиное ристалище. Уж обхаживал он своего петуха! А петух совсем обнаглел: на меня бросаться стал. Не дает проходу по двору, налетает коршуном. Я Маннае пожаловалась, он только посмеялся, - женщина делает многозначительную паузу и лукаво улыбается. - Однажды мужа дома не было. Вышла я во двор белье развесить на просушку. Петух перья взъерошил и на меня. До крови исклевал. Ну и свернула я ему голову. Манная вернулся, я ему суп из петуха и подала. Крику было! Петух ему дороже меня оказался. Так и расстались. Так мне этот волхв Симон моего второго мужа и его петуха напомнил. Вот я и пошла за водой, - с улыбкой заканчивает женщина свой рассказ.

-Говоришь, волхв на петуха похож?

-Похож. В пестрых одеждах, гордо вышагивает, и все у него лучше, чем у других. А ты сходи, посмотри.

-После твоего рассказа не хочу.

Ей это приятно, и она кокетливо замечает:

-Может, я чего-то не поняла. Ты, сразу видно, образованный мужчина. Вдруг тебе будет интересно?

-Я не люблю петухов. И вареных тоже, - с улыбкой отказывается Иисус.

-Ты - милый, - со вздохом заключает женщина. - Странно все же, что у тебя нет жены. Ты ведь одинок. Женщины это хорошо чувствуют.

-У меня все хорошо.

-Неправда. У тебя глаза печальные.

-Ты, пожалуйста, в душу ко мне не заглядывай, - отшучивается он.

-Почему?

-Вдруг там пусто?

-Нет, - тоном провидицы говорит она. - У тебя на душе большая тайна.

-Большая тайна?- иронизирует он.- Хорошо сказано.

-Расскажи.

-К сожалению, я не могу тебе ее открыть.

-Почему? Я никому не скажу.

Иисус усмехается горько.

-Я сам не могу ее никому рассказать. Не вмещается она в людей. Говорю им и вижу, что бесполезно. Будто живу я среди глухих.

-Жаль, - сочувственно произносит самаритянка. - А знаешь, я сразу поняла, что у тебя нет никого.

-Тогда зачем спросила о жене?

-Что бы проверить. Иногда у мужчины есть жена, но выглядит он холостым. Это от распутства так бывает.

-Все-то ты видишь, женщина.

-Но глаза-то у меня есть!

Иисус вдруг замечает за спиной женщины своих учеников, возвращающихся из города. И лицо его тут же меняется. Человеку иногда бывает легче поговорить с первым встречным, который не причинил ему ни добра, ни зла, чем со своими близкими, которые сделали ему много и того, и другого. Прозорливая самаритянка замечает эту мгновенную перемену в лице ее собеседника и понимает, что это связано не с ней. Вслед за посуровевшим взглядом Иисуса она оборачивается и видит идущих к ним мужчин.

-Эти люди с тобою?

-Да.

-Они тоже плохие иудеи?

-Боюсь, они хорошие.

-Тогда я пойду,- со вздохом произносит она.- От хороших иудеев хорошего не жди.

-Спасибо тебе за воду.

-А тебе за разговор.

-Береги мужа.

По лицу женщины видно, что ей не хочется так неожиданно расставаться. Но Иисус ее не удерживает.

-Прощай, мужчина большая тайна.

-Прощай, веселая самаритянка.

-Живу - не тужу.

Они даже не узнали имен друг друга. Просто поговорили. Женщина ставит сосуд на плечо и идет навстречу мужчинам, гордо подняв голову и вызывающе качая роскошными бедрами. Ученики смотрят на нее с большим удивлением, угадывая в ней ту самую легкодоступную женщину. Иисус остается стоять у колодца.

-Учитель, - спрашивает добродетельный Петр с недоумением, - кто эта женщина?

-Не знаю, - рассеянно отвечает Иисус.

-А что она хотела от тебя?

Иисус качает головой.

-Ничего. Она дала мне воды напиться, и у нее было пять мужей.

В той же задумчивости он возвращается на свое прежнее место под деревом, где на земле остался начертанный им иудейский тетраграмматон "Яхве".

Иоанн задумчиво смотрит вслед женщине и тоже качает головой. И о чем говорить учителю с этой самаритянкой? Тут он вспоминает об увиденном представлении в городе.

-Учитель, - возбужденно начинает рассказывать юноша, - мы были в Сихеме и увидели большую толпу на площади. Там играла музыка и несколько человек плясали вокруг сухой пальмы, которая горела как огромная свеча. Их лица были раскрашены, глаза подведены, серьги в ушах, хитоны шафранового цвета и красные колпаки на головах. Они били в тамбурины и трясли бубнами. Дальше стоял осёл, покрытый попоной, а на попоне - статуя Сирийской божьей матери в синих одеждах и с золотым венцом на голове. Этого идола они показывали всем самаритянам, говоря, что это древняя мать всех богов, которую в Азии называют Кибела, а в Европе - Рея. А управлял всеми некий Симон маг. Он вывел к народу мужчину и женщину, накрытых синими покрывалами, как одежда идола. Сначала маг сдернул покрывало с женщины. Она была точно такая же, как деревянное изображение, и стал говорить.

Иоанн старается быть точным:

-Прародительница всех богов, Идейская Божья Мать воплотилась в этой женщине, истинное имя которой Енной - Мысль, ибо Благая Богиня есть начало, из которого все произошло. В ее лоне мысль соединилась с хаосом, и от нее произошло все сущее: все боги и Демиург, Творец земли и небес, которого иудеи называют своим Отцом. Он говорит: Нет иного Бога кроме меня, ибо не знает, что сам вышел из лона Благой Богини - Енной. Пребывая на седьмом, субботнем небе, Яхве создал человека и допустил дьявола в рай, чтобы совершилось грехопадение первого человека Адама, которого персы называют Каюмарс. Тогда милостивая Мать божья сошла на землю в человеческом облике, чтобы искупить грехи людей и изгнать дьявола из мира, над которым ему дал власть Яхве. Она воплотилась в Елену Троянскую, которую совратил Парис; она была римской Лукрецией, убившей себя от понесенного бесчестия; она была Далидой, погубившей Самсона; она была вавилонской блудницей, которая отдавалась козлам, и многими другими женщинами, которые принимали на себя позор и унижения ради искупления грехов мира.

Пока Иоанн захлеб рассказывает про мистерию, остальные молча раскладывают на холщовой скатерти перед Иисусом дары Сихема: хлеб, сыр, яйца, мясо и фрукты. Петр преломляет хлеб на куски, раздает его и трапеза начинается.

Иоанн, прервав на короткое время свое повествование, вскоре возвращается к нему.

-А потом Симон - маг сорвал покрывало с мужчины. На нем была белая туника с красными полосами, как будто это языки пламени. А глаза его были как у слепорожденного. Тогда Симон взял пыль с земли, плюнул в нее и сделал мазь, и этой мазью он помазал глаза мужчины. Он открыл глаза. Они были огромные, черные и как бы видящие то, чего другие не видят. Юноша

посмотрел вокруг этими черными очами и воскликнул: О, вечная Мать, я вижу, ты вернула весну в этот мир. Тысячи лет ты даришь людям эту пору, когда зацветает вся земля. Но не достоин я тебя, ибо велики мои грехи перед тобою. И он стал бичевать себя плетью, которую римляне называют флаграм. Он сбросил свою тунику и так хлестал свое тело, что кровь брызгала во все стороны. Несколько капель даже попало мне на сандалии.

Матфей не может удержаться от иронического замечания:

-Он нас всех чуть не запачкал своей кровью, этот новоявленный Атис. Учитель, вы, конечно, знакомы с этой фригийской религией?

Иисус холодно кивает.

Иоанн не дает продолжить мытарю. Ему не терпится рассказать самую поразительную, финальную сцену.

-А мужчины, которые плясали вокруг пальмы и трясли бубнами, стали тоже хлестать себя и издавать вопли. А потом все смолкли, и юноша, весь покрытый кровавыми рубцами, стал восхвалять Богиню на всех языках мира. И люди вокруг дивились, что дано ему говорить языками всех народов.

-Он просто издавал бессмысленные звуки, будто пьяный, - замечает Матфей.

-Нет, не бессмысленные. Он говорил на разных языках. Я слышал арамейские слова, иудейские, греческие, латинские. А другие слышали египетский, персидский, азийские языки.

-Он издавал всякий бред! - твердо повторяет Матфей.

-Нет, я тоже слышал, - примирительно произносит Петр.

Мытарь смотрит на него сочувственно.

-Петр, если я скажу "мяу-мяу", будет оно словом?

-Конечно.

-Но оно бессмысленное!

-Господь дал языки народам, - заявляет Петр. - У Бога нет слов без смысла. Если есть слово, то есть и язык для него. Вспомни, когда люди захотели построить Вавилонскую башню до небес, Бог смешал их языки, и они перестали понимать друг друга, потому что все заговорили на разных языках. Этот человек говорил много и долго на разных языках. Я слышал.

Матфей возмущен.

-Человек может произносить речи, в которых смысла не больше, чем в ослином реве. Учитель, скажите им.

Но Иисус молчит.

Иоанн расценивает его молчание как поддержку Петра и тоже переходит в наступление на мытаря:

-Звери и птицы говорят на неведомых человеку языках, но Господь их понимает. Ты ведь не считаешь, Матфей, животных бессловесными?

-Я согласен, что они общаются между собой.

-Как же ты говоришь, что рев осла бессмысленный? - торжествующе спрашивает юноша. - Просто, Матфей, ты не понимаешь этого языка. Бог не дал нам такого знания.

Пред таким праведным невежеством мытарь теряется и просит взглядом помощи у Иисуса. Но их учитель по-прежнему не желает участвовать в диспуте. Иоанн, оставив поверженного врага, вспоминает:

- И еще, учитель, этот юноша - скопец, как ты говорил. У него на мужском месте ничего нет.

На Иисуса и это не производит впечатления. Слово берет хмурый Иуда.

- Я вам кое-что расскажу. Этот Симон родом из Гиттона. Женщину и скопца он выкупил из блудилища Астарты в Тире, где они во славу финикийской богини обслуживали матросов, воров

и прочий сброд. А до этого Симон прошел хорошую школу обмана у некоего Дамона из Галатии. Этот Дамон слыл великим чудотворцем и прорицателем по всей Азии. Вот что он рассказывал о себе. В молодости его мать как-то вошла в Храм Асклепия, греческого бога, и там заснула. Ей привиделся змей, который обвивается вокруг нее. С этого дня она зачала и через девять месяцев родила Дамона, сына Асклепия. С детства Дамон совершал чудеса. Еще ребенком он сидел у пруда, в котором громко квакали лягушки. Он приказал им замолчать. С тех пор лягушки в том пруду безмолвствуют. В другой раз ему захотелось смокв. Но поскольку еще был не сезон для плодов, то дерево возле дома было пусто. Тогда он проклял бесплодную смоковницу, и она тотчас засохла. Позже Дамон построил собственный храм в Халцедоне, и к нему стекались толпы со всей Азии, чтобы послушать его прорицания. Он излечивал больных и воскрешал мертвых.

-Не может этого быть! - не выдерживает Иоанн. - Человеку это невозможно!

-Но ведь он был сын бога, - невозмутимо отвечает Иуда. - Так о нем рассказывали по всей Азии.

Ученики осмыслиют эту поразительную историю о непорочном зачатии сына божьего, который совершал многочисленные чудеса и снискал славу по всей Азии. Но им не нравится Дамон из Халцедона, они возлюбили Иисуса из Назарета.

-Слышал я и другое об этом Дамоне, - возобновляет Иуда свое повествование. - В своем родном городе Ангора он совратил знатного юношу, и ему пришлось бежать с родины от разъяренной толпы с редькой в заднице. Потом он обольстил богатую женщину в Пелле и обобрал ее до нитки. В Пелле со времен Александра Македонского разводят ручных змей. Там к нему и пришла идея стать сыном бога. Он купил самую большую змею и стал всем ее показывать как божий дух своего отца Асклепия. Этот Дамон напророчил всякое многим и стал очень богат. Себе он предрек сто пятьдесят лет жизни, но не прожил и половины. Сдох от какой-то заразы! А Симон маг, на которого вы сейчас смотрели, его достойный ученик.

-Откуда вы знаете все это? - восхищенно спрашивает Матфей.

-Я стар и многое повидал. В Азии эту историю знают даже дети.

-Симон маг тоже сказал, что может исцелять и предсказывать будущее, - вспоминает Иоанн. - А еще он сказал, что может ходить по воде. И люди это подтвердили. Учитель, ты слышишь? Тогда я не удержался и сказал, что наш учитель может остановить солнце. Ведь ты говорил, учитель, что остановил время в Царстве Небесном.

Иисус горестно качает головой. Он рассказывал им о Небе, которое потомуечно, что нет в нем языка, нет и времени, только чистый Дух, но они опять все перечеловечили и превратили в остановку солнца, как главных часов мира.

-Иногда мне кажется, - начинает он тихо говорить в своей манере: ни на кого не глядя и так, что слова его на первый взгляд кажутся не связанными с обсуждаемой темой, - что Моисей был прав. Люди не меняют взглядов, усвоенных ими с юности, они просто вымирают. Но у меня нет сорока лет, как у Моисея. Неужели все так плохо?

Опять их учитель чем-то не доволен.

-Я думаю, - продолжает он, - мир никогда не узнает своего самого свободного сына. Он просто никому ничего не скажет...

-А Симон маг много говорил, - Иоанну кажется, что он угадал смысл его отчужденной речи. Ему хочется, чтобы возлюбленный учитель изобличил мага с его чудесами, и он ждет, когда это начнется.

-...Он просто никому ничего не скажет. Зачем свободному говорить?

Все понимают, что это не вопрос, а риторическая фигура.

-Зачем свободному что-то делать?

Все молчат. Пауза затягивается, у этой риторической фигуры должен быть конец. И в тон речи Иисуса Иуда добавляет:

-Зачем свободному жить?

По взгляду, который Иисус бросает на Иуду, даже Иоанн понимает, что угадал ход учительской мысли именно этот хромун, а не он, любимый ученик.

-Учитель, почему ты не ешь? - виноватым голосом спрашивает юноша.

-Я не хочу.

Тут самое время всем помолчать, но Иоанну необходимо оправдаться.

-Разве чудеса не свидетельствуют о божественной силе? Никто не может совершать их, если не дано ему свыше, - он хочет сказать, что если Иохонану и даже Симону дано совершать чудеса, то Иисусу Мессии должно быть дано вдвойне.

-Чудеса восхищают лишь невежд и глупцов! - раздраженно выговаривает Иуда. - Что в них проку? Что мне с того, что какой-то Дамон воскрешает мертвых? Что мне с того, что этот Симон ходит по воде? Что изменилось? Мир остался миром, и я остался собою. Что мне от всех этих чудес? Мне нужно больше!

-Будь вы болен, вы бы так не говорили, - отвечает юноша.

-Я уже болен! И мне не нужно исцеление.

-А если бы воскресли твои близкие? - спрашивает Петр.

-Незачем им воскресать! Они ушли из этого мира и обрели покой. Зачем им возвращаться?

-Ну, как зачем? А зачем мы здесь? - пожимает плечами Петр.

-А зачем мы здесь?

-Чтобы жить,- отвечает рыбак.

-Жить, чтобы жить?- злится Иуда.- Тогда о какой свободе ты мечтаешь? Какой истины ищешь? Жить, чтобы жить, - вот истина. Только эта истина и имеет значение. Тогда прав Фома, что столетние старцы - лучшие из людей. Царство Небесное, Петр, в Кумране. Почему ты здесь его ищешь? Здесь нет тех, кто мечтает жить вечно, вечно быть человеком. Иди – живи!

-За что ты меня ругаешь?- искренне недоумевает рыбак.

-Жить, чтобы жить. Ведь ты, Петр, не оговорился. Ты сказал сокровенное.

-Да что я сказал? Разве ты не хочешь вечной жизни?

-Уже не хочу. И столетние старцы вызывают у меня только презрение. Если не поумнели в пятьдесят, не поумнеют и в тысячу лет. Надо быть бессмысленной тварью, чтобы дожить до такого возраста. Этот мир был бы скопищем закоренелых болванов, если бы люди в нем жили вечно.

Иуда словно заразился чем-то от Иисуса. Отравы Святого Духа наполнила желчью его кровь. Царство Небесное пустило в его организме бесчеловечные метастазы.

-Человек умирает, и это правильно, и очень хорошо, - заключает он. - Мои отец и мать, мои братья и сестры - все умерли и не вернутся сюда никогда. Я рад за них!

Иисус с благодарностью смотрит на того, кто заболел Святым Духом, - на инфицированного Иуду. Хромун ловит на себе его взгляд и замолкает. Он вовсе не думал угодить Иисусу. Он лишь сказал то, о чем давно думал.

-Учитель, ты бы поел, - опять просит Иоанн возлюбленного учителя, как ребенка.

-Я сыт вашими словами! - категорически отказывается Иисус.

Он так и не удостоил жреца Кибелы ни одним словом, и ученики, оценив это, раз и навсегда проникаются презрением к Симону магу, с которым они еще встретятся на апостольской стезе.

В последующие четыре дня они блуждают по Самарии. Иудейских паломников всюду провожают недобрыми или равнодушными взглядами. Уже не только Фома, но и другие

недоумевают, зачем Иисус водит их отряд по вражеской территории, как Моисей свой народ - по пустыне.

На Пасху евреи едят пресный хлеб с горькой полынью в память о своей былой бездомности. Самаритянский хлеб, купленный с унижением, так же горек для его учеников. Возможно, Иисус надеется, что на этой чужой, неприветливой земле, в этом враждебном мире они заболуют Святым Духом. Четыре дня - за сорок лет, и Царство Небесное - вместо земли обетованной.

-Зачем мы блуждаем здесь как потерянные? - не выдерживает Петр.

-Если бы вы были потерянными, то давно бы я вас бросил, - отвечает исхудавший Иисус, который опять начал морить себя голодом,- но я все еще с вами, хотя и недолго мне осталось.

-О чем ты говоришь, учитель?

-Ныне все дороги ведут в Храм. Там меня ждет смерть. Если Синедрион еще не приготовил на меня нож, то пусть поторопится. Он ему понадобится, ибо я иду разрушить его святыню. Камня на камне не оставит сын Неба от их Божьего дома!

-Учитель, о какой смерти ты говоришь?

-О человеческой.

-О своей ли смерти ты говоришь?

-Да.

-Если ты знаешь, что тебя там ждет смерть, - зачем ходить туда? Не ходи в Иерусалим,- просит Петр.- Останься здесь, а мы разведем. Здесь тебя не найдут.

-Не они меня ищут, я их ищу!

-Учитель, пусть не будет этого, - рыбак всерьез пугается за жизнь Иисуса. - Не ходи в Иерусалим.

-Отойди от меня, сатана! Пожалевший меня - предал меня!

Обескураженный Петр не находит слов и лишь обиженно сопит. Он совсем перестал понимать Мессию.

На пятый день они приходят в пограничный с Самарией Ефраим и останавливаются в этом иудейском городе на постоялом дворе среди многочисленных паломников. До Пасхи остается неделя. Евреи со всего света спешат в Иерусалим, чтобы занять себе там хоть какое-нибудь место, ибо город будет переполнен людьми в праздничные дни. И только ученики Иисуса никуда не торопятся, храня в тайне имя своего Мессии, как он им приказал. Спустя десятилетия Иоанн в соответствии со своей евангельской задачей напишет, что иудеи хотели убить Иисуса, и он скрывался от них в Ефраиме. Даже в такой мелочи он оскорбит память учителя. Скопец не прячется от своих врагов, он идет им навстречу. Изнывая от скуки, ученики проводят в Ефраиме два пустых, бессмысленных, по их мнению, дня. А затем неожиданно снимаются с места и направляются в Иерихон, город пальм и бальзамовых кустарников. По мере приближения к Иерусалиму все больше паломников встречаются им на пути. Люди движутся по столбовым дорогам, по проселкам, по горным тропам со всех сторон: пешком, на ослах, в конных повозках. Они напоминают армию беженцев, если бы не их праздничные лица, которые опровергают догадки о погоне и войне. Все эти люди идут в священный город, чтобы заколоть перед лицом Яхве годовалого агнца и есть пасху. Море крови прольется в Иерусалиме в эти дни. И вместе с толпами паломников толпы жертвенных животных тоже спешат в этот город на свою смерть. Храмовая бойня не успевает перерезать им горла. Священники и служители трудятся не покладая рук на этом жертвоприношении.

Станным взглядом провожает Иисус эти толпы - людские и овечьи. Кажется, ему одинаково жаль и одинаково противно все это мясо. Он сходит с дороги, взбирается на холм и долго наблюдает за движущимся потоком тел. Его фигура алеет на вершине как сигнальный флаг, залитый кровью. Его ученики собираются вокруг и терпеливо ждут.

Возможно именно оттого, что все идут в одну сторону, всякий движущийся против течения привлекает к себе внимание. Двое молодых мужчин отчаянно преодолевают этот людской поток. Они - единственные, кто идет от Иерусалима. Один из них удивительным образом похож на новичка в окружении Иисуса. Фома вдруг вскрикивает и бросается вниз на дорогу к своему двойнику. Они обнимаются и о чем-то оживленно говорят. Эта немая сцена, в которой один близнец горячо жестикулирует, а другой в отчаянии хватается себя за голову, выглядит почти комичной, словно некий лицедей изображает перед зеркалом горе. Смысл этой сцены становится ясен, когда близнецы и третий их спутник поднимаются на пригорок. Фома со слезами на глазах произносит:

-Ирод Антипа казнил Иохонана.

Все вспоминают предсказание Иуды и с неприязнью смотрят на мрачного хромуна, будто он накаркал эту беду.

-Расскажи, - говорит Фома брату.

Филипп драматично повествует:

-Мы только вернулись с Натаниэлем, - он указывает на своего спутника, - из Кумрана, передали учителю от братьев письмо. А вечером налетели солдаты Антипы. Нам пригрозили оружием, кое-кого побили и ранили, а Иохонана бросили на коня, как куль, и увезли в Машерон, в царскую крепость. Мы пошли следом за ними. Три дня назад мы пришли к крепости, а на стене возвышается отрубленная голова учителя. Это дьяволица Иродиада сделала, - убежденно заключает Филипп, воспитанник кумранских женоненавистников, - Антипа не посмел бы.

-Святого праведника убила, - вторит ему Натаниэль, - гореть ей за все это в аду!

-Это мой брат Филипп, - вспоминает убитый горем Фома, что не представил своих товарищей. - А это Натаниэль, прозванный бар-Толомеи - сын полей.

Иоанн с любопытством спрашивает последнего:

-Почему тебя прозвали сыном полей?

-Мои родители - крестьяне. Мать родила меня прямо в поле, когда они собирали урожай, - поясняет Натаниэль, делая это, наверное, сотый раз в жизни.

Симон кананит приглядывается к нему:

-Я ведь тебя знаю. Ты из Каны.

-Верно, друг, - соглашается тот. - Я тебя тоже помню. Ты у zelотов старший.

Симону неловко, хоть и лестно.

-Ну, здесь есть и постарше. Вот наш учитель Иисус - zelот Неба, вот Иуда Сикариот, он тоже zelот. Петр с Андреем, Матфей, Иоанн с Иаковым, сыны грома.

-Почему сыны грома? - в свою очередь спрашивает бар-Толомеи.

Братья уже и не помнят, откуда пошло это прозвище.

-Потому что они очень горячие юноши, - приходит им на помощь Матфей.

Осиротевшие ученики Иохонана отходят в сторону и тихо переговариваются. Никто им не мешает. Наконец, они подходят к Иисусу.

-Учитель, - Фома впервые называет его этим титулом, - могут мои братья присоединиться к тебе?

-Конечно, - почти равнодушно разрешает Иисус.

Легенда о торжественном призвании двенадцати апостолов родится у евангелиста Марка, секретаря Петра. Матфей ее сохранит в своей редакторской версии, секретарь самозванца Павла евангелист Лука расцветит эту процедуру как великое таинство, но Иоанн в своем Евангелии ничего не подтвердит. Истинными учениками Иисуса он будет считать только себя с братом и могучих рыбаков. Даже мытарь Матфей не удостоится от него такой чести, зато Иуда будет представлен у Иоанна в самом черном свете.

Людская река из паломников по-прежнему движется мимо них. Многие встречают на этих дорогах своих старых знакомых, сходят на обочину и оживленно говорят, вспоминая, когда виделись в последний раз. Праздничный Иерусалим становится местом приятных и неожиданных встреч для евреев из Сирии, Персии, Понта, Александрии и Рима. Прочие вежливо обходят такие группы и спешат занять места в переполненном городе. Если бы священный город был Ноевым ковчегом, то он пошел бы ко дну на Пасху. Более миллиона людей набивается в его тюрм, где в обычное время помещается лишь сто тысяч, из которых пятую часть составляют священники Храма.

Даже в Вифании, одной из близлежащих деревень к Иерусалиму, дома полны родственников и гостей. Старики сидят на камнях у ворот, детвора бегают по улочкам. Селяне провожают новую партию паломников любопытными взглядами. Иисус ведет своих учеников к дому некоего Лазаря, с которым его связывают дружеские отношения. Ворота дома раскрыты. Внутри виден небольшой сад, дом и дворовые постройки. Иисус входит внутрь и от порога зовет: -Лазарь!

В дверях дома на мгновение появляется подросток лет десяти, а затем выходит его мать, женщина лет двадцати пяти - тридцати в траурном одеянии. Узнав Иисуса, она со слезами идет к нему навстречу.

-Иисус!

-Мир тебе, Марфа. Что случилось?

-Лазарь умер, - приятным грудным голосом отвечает она. - Уже четыре дня.

Иисус скорбно качает головой.

-Я был как раз в Ефраиме. Мне очень жаль. Как я хотел увидеть его! Я желал с ним попрощаться.

Марфа, проливая слезу, понимающе кивает и не сознает очевидной нелепости: если бы Лазарь был жив, зачем с ним прощаться?

-Он тоже вспоминал о тебе. Ах, если бы ты пришел раньше!- сожалеющее произносит она, будто это изменило бы ход событий. - Он тяжело скорбел и был в бреду. Все говорил, что огонь пожирает его внутренности. Даже кричал временами.

“Вот тот случай, - думают Иоанн и Петр, - когда воскрешение из мертвых было бы желанным чудом. Эта женщина - не Иуда, который рад за своих мертвецов”. Если человек считает жизнь благом, смерть близких, несомненно, должна быть для него злом. Иуда кажется им обычной ханжой. Чтобы радоваться за своих мертвецов, нужно и собственную жизнь считать горем и наказанием.

Марфа была бы счастлива видеть сейчас своего брата живым. Иоанн вспоминает траур в собственном доме, ту атмосферу философской скорби, которая сама по себе обременительна для натур, ориентированных на жизнь, как эта Марфа, и вдвойне тяжела для волевых личностей, сознающих свое бессилие перед лицом смерти, как Иисус. Юноша вдруг спрашивает себя: хотел бы он воскресить своего отца, - и сам не знает. Зеведей ненавидел возлюбленного учителя. Полюбил бы он Мессию, если бы его вернули к жизни? Стал бы левит, фарисей и судья его фанатичным последователем? Зная своего отца, Иоанн сомневается. Зачем тогда нужно воскрешение? Эту мысль он гонит от себя прочь. Возможно, пройдя процедуру смерти и воскрешения, человек стал бы умнее и лучше. Возможно, в этом смысл Страшного суда: грешники встанут на Божий суд поумневшими и облагородившимися и втройне им будет тяжело отправляться в преисподнюю на вечные муки. Поистине, велика месть Господа!

-Марфа, ныне Лазарь в Царстве Небесном, - торжественно говорит Иисус.

-Благодарю, Иисус, - она воспринимает его слова как признание высоких заслуг ее брата перед Богом и как пожелание на будущее его бессмертной душе.

-Тебе не за что благодарить меня, Марфа, - отвечает Иисус. - Я говорю как есть.

Если бы Иоанн спросил Иисуса, где ныне его отец, то услышал бы, что и он в Царстве Небесном. Вот только обрадовало бы его это?

Сдержанная и обычно холодноватая вдова встречает всех гостей очень сердечно.

-Мир тебе, Марфа, - произносит Иуда.

-И вам, господин.

-Я сочувствую твоему горю, - серьезно добавляет он.

-Спасибо, Иуда, - она вспоминает имя этого человека, который пару раз бывал у них вместе с Иисусом.

-Входите, гости дорогие, - приглашает она остальных.

Одиннадцать мужчин входят во двор и рассаживаются вокруг большого стола, за которым все эти дни поминали покойного Лазаря.

-Иосиф, - призывает Марфа своего сына.

Появляется тот самый подросток и почтительно кланяется гостям.

-Принеси гостям воды руки помыть. Это друзья твоего дяди Лазаря. Помнишь Иисуса?

Мальчик кивает ей кучерявой головой. Она приобнимает сына, гладит его по волосам и с намернувшейся сквозь улыбку слезой говорит:

-Теперь он у нас старший в доме. Подай воды, а я принесу полотенце.

Он бежит за рукомойником.

Чуть позже женщина и мальчик расставляют на столе траурное вино, хлеб и поминальные закуски.

-Поешьте с дороги, - говорит Марфа, - а потом я что-нибудь приготовлю.

Право распоряжаться за столом предоставляется Иисусу, он взглядом напоминает Петру о его старшинстве. Рыбак разливает вино по чашам и преломляет хлеб.

-Вечный покой Лазарю, - произносит Иисус, и все выпивают.- А где Мария? - спрашивает он, неспешно жуя кусок хлеба.

Его ученики, несмотря на голод, тоже едва притрагиваются к еде, скорее ритуально, в уважение к дому, чем для утоления аппетита.

-Мария? Наверное, опять пошла плакать на могилу, - со вздохом отвечает Марфа. - Ты ведь знаешь, мне Лазарь был братом, а ей заменил родителей. Она его очень любила. Даже не хотела, чтобы он ушел в Кумран. Община уже согласилась его принять, выдали ему одежду, передник и кирку.

При этих словах Фома, Филипп и бар-Толомеи с интересом прислушиваются к ней.

-Его удерживала только Мария. Он хотел сначала выдать ее замуж, а уж потом уйти в отшельники. И жених уже сосватал ее, обручились полгода назад. Приятный юноша, левит из Иерусалима. Свадьбу хотели сыграть после Пасхи. Лазарь уже все приготовил для Марии, и жениху подарки, и нам обнову, и себе плащ купил точно такой же, как у тебя. Но... - она опять проливает слезу, споткнувшись о непредусмотренную в человеческих делах смерть, и суета сует престаёт перед ней ненадолго во всей своей очевидности.

-Перед самым концом, - вспоминает Марфа, - Лазарю полегчало. Видно, смерть за ним уже пришла. Он открыл глаза, посмотрел на всех нас, утешил, сказал, чтобы не плакали о нем. А потом добавил: передайте Иисусу, что он был прав, теперь я понял это сам. А потом он закрыл глаза и уже больше ничего не сказал. Это были его последние слова.

Глаза Иисуса впервые увлажняются.

-Говорю тебе, Марфа, брат твой в Царстве Небесном. Он принял Святой Дух! Радуйся за него, сестра!

-Я верю тебе, - от всего сердца отвечает женщина.

Иисус утирает слезы и печально смотрит на своих учеников.

-Неужели нужно умереть человеку, чтобы понять это? Неужели с вами так будет? Неужели только смерть освобождает человека от человеческого?

Он вопросительно смотрит на них. Но они не понимают, чего он от них хочет. И все молчат.

Марфа не вникает в смысл его слов. Она лишь видит, что Иисус плачет о Лазаре, и ей это очень приятно. За свою жизнь она понесла несколько потерь. Первыми умерли родители от болезней. Четыре сестры остались на попечении Лазаря. Марфа вышла замуж, но недолго радовалась семейному счастью. Она была беременна, когда муж отправился в торговое плавание к берегам Азии. Море поглотило его, оставив вдову даже без могилы. Ребенок родился после смерти отца. Римляне называют таких детей Постумами, она нарекла сына именем покойного мужа - Иосифом младшим, вернулась в родительский дом и посвятила себя вместе с Лазарем своим младшим сестрам и сыну. Недолгим было ее счастье, и тем выше стали ее рассудительность и благочестие. Ныне ей хотелось, чтобы ее младшая из сестер получила все, чего так скоро лишилась она.

-Как теперь свадьбу играть? - озабоченно говорит она. - Может быть, ты станешь ее посаженным отцом? - Эта мысль проясняет ее лицо. - Ты - друг Лазаря, ему было бы приятно.

-Я не смогу, Марфа.

-Почему?

-Меня здесь не будет.

-А ты не можешь задержаться?

-Не могу, - сожалеюще отвечает Иисус. - После Пасхи я уйду.

-Жаль, - огорченно произносит Марфа.

-Куда ты уйдешь, учитель? - тревожно спрашивает Иоанн.

-Туда, куда вам еще рано.

Никто не смеет уточнить место ухода Мессии.

В это время во двор заходит девушка с милым заплаканным лицом. Иисус встает ей навстречу. Она подбегает к нему и по-детски прикидывается к его груди. Он ласково обнимает ее и гладит по голове.

-Здравствуй, дитя.

-Учитель, учитель, Лазарь умер.

-Знаю, Мария. Знаю, какое это горе для тебя. Не печалься, Лазарь теперь на небе. Уверю тебя, никогда ему не было так хорошо. Слышишь?

Утирая слезы, девушка горячо кивает головой. Она верит Иисусу.

-Присядь. Вот, выпей воды, - он берет со стола чашу с водой и подает ей.

Она послушно пьет. Ее скорбь глубже, чем у сестры. С момента смерти Лазаря она начала свой траур, который не определяется ритуалами и не зависит от предписаний. Такой траур может длиться и три дня, и три месяца, но даже если он будет продолжаться три года, всегда остается чувство недостаточности чего-то. Достаточным было бы умереть вслед за тем, кого любил. Именно это чувство недостаточности испытывает Мария. Лазарь заменил ей отца и мать, пожертвовал для нее всем, но вот он умер, а она ест, пьет, видит живые сны и делает все, что обыкновенно делает человек. В чем же тогда горе? Девушке хочется принести какую-то большую жертву в память о брате. Конечно, ей не приходит в голову идея самоубийства. Она слишком греховна и ужасна. Но Мария, недовольна собой, словно совесть ее не чиста. Она не знает, что ей делать со своей жизнью. Рассудок говорит ей, что она должна выполнить последнее желание любимого Лазаря. Он хотел выдать ее замуж и лишь потом уйти в Кумран на затворническую жизнь. Но совесть девушки против этого. Счастье ей кажется изменой в

отношении скорбной памяти о брате. Она хочет поговорить об этом с Иисусом. Он мудрый и добрый, он даст ей правильный совет. Мария загадывает: как скажет учитель, так она и поступит. Скажет, выходи замуж, она согласится на свадьбу. Скажет, оставайся в девстве, она расторгнет помолвку. Девушка вопросительно смотрит на Иисуса.

-Говори, Мария, - предлагает он, видя, что она хочет о чем-то спросить его.

-Потом, учитель. Мне нужно поговорить с тобой.

-Хорошо, дитя.

Общая скованность первых минут проходит. Марфа принимается хлопотать на дворовой кухне у очага об обеде для одиннадцати мужчин. Гости расслабляются за столом, разбредаются по двору. Петр берется помочь Марфе. Он разжигает костер под котлом. Рядом стоит печь, в которой пекут хлеб. Юный Иосиф забрасывает в ее зев хворост и сухой тростник для растопки. Петр ему дружески подмигивает и помогает разогреть эту пекарню. Одному из них явно не хватает сына, другому - отца. Они быстро становятся приятелями. Марфе это приятно. Она здесь же, на столе месит тесто, закатав рукава на крепких, полных руках, и одергивает с улыбкой расшалившегося сына:

-Иосиф, не приставай к Симону - Петру.

-А почему вас зовут Петром? - тут же спрашивает мальчик.

-Так меня прозвали рыбаки на Галилейском озере.

-Почему?

-Не знаю, - чуть смущенно отвечает Петр. - Просто прозвали.

-Наверное, Симон - надежный, твердый в слове человек, - подсказывает вдруг Марфа, очевидно, прислушиваясь к их разговору.

Рыбак удивленно смотрит на нее. Женщина виновато улыбается и утирает лицо, оставляя след муки на щеке.

-Вы запачкались, - говорит ей Петр.

-Да? Где?

-Вот здесь, на щеке.

Марфа мило склоняет голову и трется щекой о свое плечо, траурный платок сбивается на ее голове, обнажая густые волосы. В этот момент, глядя на эту молодую, приятную женщину, Петр вдруг осознает, что хотел бы быть ее плечом. Точнее, она могла бы вот так просто прислониться щекой к его плечу, сложились их жизнь иначе. И вместе с этой грешной мыслью к нему приходит твердое убеждение, что они прекрасно поладили бы друг с другом. Очевидно, то же чувствует и Марфа. Между ними что-то происходит. Они, словно две платоновские половины одного целого, которые вдруг узнали друг друга, испытывают взаимное влечение вопреки всем нормам и рассудку.

-Теперь хорошо, - уверяет ее Петр, когда она показывает ему чистую щеку.

Мальчик трогает забывшегося рыбака за руку и спрашивает:

-Вы плаваете по морю?

-Да.

-На корабле?

-На лодке с парусом.

У мальчишки глаза загораются.

-Когда я вырасту, тоже буду моряком.

-Ну, уж нет! - заявляет Марфа. Под парусом утонул ее муж. - Моряком ты не будешь!

-Почему, мама?

-Нет и все! Это опасно.

-Так? - спрашивает он Петра.

-Да, опасно.

-Но ведь вы плаваете!

-Ну, я, - Петр задумывается. - Отец мой плавал, дед плавал, вот и я плаваю. Мы привыкли к этому.

-И я привыкну.

-Ты привыкнешь, а вот твоя мать - нет. Так, Марфа?

-Спасибо, Петр, - называет она его непривычным ей прозвищем и переводит строгий взгляд на сына. - Никаких парусов.

Иосиф покорно кивает головой. Он никогда не видел моря, в котором погиб его отец, и его тянет к морю, как Марию - на могилу брата. Петр продолжает бессознательно следить за руками Марфы, он видит ее раздумавшееся от работы лицо, капли пота на ее лбу от жары печи. Ему нравятся ямочки на ее обнаженных локтях, ее сильные пальцы в муке, ее широкий стан, ее запах. Никогда Цилла не вызывала у него таких чувств, он лишь умилялся и жалел эту крохотную, незащищенную женщину-ребенка, с которой в конце концов так нехорошо расстался. Марфа же подобна ему: статная, крепкая как кариатида, которой не нужны защита и умиление, но только достойный мужчина. Петр чувствует, что ему лучше убраться от греха подальше. Он помнит фразу Иисуса о том, что прелюбодеяние начинается с взгляда.

-Давай я сделаю тебе лодку из дощечки, - предлагает он Иосифу, - поставим на нее парус, и будешь пускать ее в чане с водой или в ручье. Хочешь?

-Хочу.

-Тогда поищи какую-нибудь дощечку.

Петр принимается за работу. Вооружившись ножом, он обрабатывает кусок дерева, придавая ему форму лодки, строгают мачту из щепки.

Все гости предоставлены самим себе. Иисус по-прежнему сидит с Марией и о чем-то отечески с ней говорит. Так он раньше говорил с Иоанном, но теперь Иоанн, чувствуя себя лишним, уходит с Иаковым, Андреем и Симоном кананитом в дом на отдых. Матфей устроился на углу стола с подарочным свитком Геродота и погружен в чтение. Братья-близнецы с бар-Толомеи заняли дворовое ложе и там продолжают обсуждать смерть Иохонана и судьбу их общины. Иуда куда-то исчез.

Марфа раскатывает тесто, варит похлебку, готовит закуски. Она не успевает за всем усмотреть и в сердцах поворачивается к столу.

-Иисус, или тебе нет нужды, что я тут разрываюсь у печи, а Мария беседует с тобою? Пусть встанет и поможет мне.

-Марфа, Марфа, - улыбается Иисус, - о многом ты хлопочешь, а нужно мало. Все хочешь успеть, а не успеешь.

-Разве я для себя хлопочу? - сердится она. - Я для всех стараюсь.

-Набирает себе человек забот, будто кто его заставляет, а потом сердится. Присядь и ты.

-А обед сам сварится? А хлеб сам испечется?

Петр оставляет свое новое ремесло и прислушивается к их разговору. Он согласен с Марфой. Мальчишка тербит его за рукав.

-Принеси кусок холстины на парус, - шепчет он ему и продолжает слушать.

-Именно так думает человек, добровольно взвалив на себя ношу, - говорит меж тем Иисус.- Никто не принуждал его к этому, но он, сделав это по собственному желанию, хочет, чтобы и его близкие поступили так же.

-Это справедливо, - возражает ему женщина.

-Справедливо? Дело в том, что чем тяжелее ноша человека, тем больше он хочет справедливости. Но знаешь, Марфа, иногда человеку достается такая ноша, которую другим

просто не унести. Несет такой человек свой груз и молчит. А если бы захотел справедливости, то придавил бы насмерть другого своим грузом. Вот и вышла бы его справедливость смертью. Кому много дано, Марфа, с того много спросится.

-С тобою, Иисус, невозможно спорить! - сердится женщина. - Ты простое превращаешь в сложное. Тебя послушать, так одному и делать ничего не надо, а другому мучиться за всех.

-Так оно и происходит в мире, - печально заключает он.

-Я лишь знаю, что человек жертвует собою ради ближних. И было бы хорошо, если бы они тоже чем-то жертвовали, - она строго смотрит на младшую сестру, и Мария виновато встает.

-Знала бы ты еще, Марфа, - добавляет Иисус, - что от жертвы до тирании один шаг. И человеку, который жертвует собою ради других, очень часто хочется, чтобы эти другие в свою очередь тоже многим пожертвовали ради него. Помнишь слова: не жертвы хочу, но милости? В этом свобода.

Марфа разводит руками. Ну как тут спорить? Иисус очаровал Лазаря своими парадоксальными высказываниями, а теперь и Мария смотрит на него влюбленными глазами.

-Хорошо, не нужно мне помогать, - смиряется она. - Как-нибудь управлюсь.

-Зачем же? - Опять становится легкомысленным Иисус. - Мы все тебе поможем. Приказывай, хозяйка, что делать.

Он встает из-за стола.

-Да ладно уж! Справлюсь сама.

-Ах, Марфа, хорошая ты женщина. Лазарь тобою всегда гордился.

-Спасибо, Иисус, - растроганно отвечает она.

-Давай, Мария поможем твоей сестре. Она уж сбилась с ног. Говори, что делать. Вот эти блюда поставить на стол?

Готовая недавно всплакнуть от обиды, Марфа уже смеется.

-Где это видано, чтобы гости накрывали хозяевам стол?

-Нечего. Я накрою.

Иисус берет тарелки с закусками и несет их к столу.

-Все, Иисус. Мы сами управимся, - благодарит его женщина.

Матфей на углу стола тоже становится свидетелем этой сцены и в очередной раз восхищается искусством Иисуса ладить с самыми разными людьми. Он нравится старикам, мытарям, блудницам и малым детям. Он мог бы поладить с любым человеком, если бы захотел этого. Даже рабы с таким талантом становятся вольноотпущенниками и достигают высочайших должностей, делая стремительные карьеры на своем умении нравиться людям. Вот только Иисус, похоже, хочет ладить с людьми все реже и реже.

Петр с улыбкой смотрит на состоявшееся примирение. Он полностью солидарен с речами Марфы. Они даже думают одинаково. Ведь его тоже беспокоило и беспокоит общественное значение идей Иисуса. На холме у озера он сказал ему об этом же. Если все станут такими, как ты, то мир погибнет. И как же ему ответил Иисус? "Что тебе за печаль до мира? Оставь миру его, а себе возьми свое". Иосиф приносит ему кусок холста, и Петр возвращается к детскому кораблику. Мария помогает Марфе, а Иисус выходит со двора на улицу. Рыбак насаживает парус на рею и крепит ее к мачте ниткой, вытянутой из холста. Он протягивает готовое судно восхищенному Иосифу. Мальчик тянет его за собой к чану за кухней, и вдвоем они спускают корабль на воду.

-Теперь подуй на него.

Иосиф изображает ветер, и маленькое судно скользит по водной ряби.

-Ну, вот ты и поплыл, - заключает Петр.

Ему хочется выйти вслед за Иисусом, найти его и спросить прямо: "Учитель, завтра мы

войдем в Иерусалим. Что же будет дальше? Что делать нам? Ведь мы пришли сюда не для того, чтобы съесть пасхального ягненка. Ты уже несколько раз говорил о смерти, как любят делать это старики. Зачем ты все время вспоминаешь о смерти?” Он уже собирается идти, но его опережает Мария. Старшая сестра, видя ее рассеянность и печаль, отпускает ее от печи, и девушка напрямик отправляется вслед за Иисусом.

-Тебе правда не нужна моя помощь? - спрашивает она еще раз.

-Ладно уж, - отвечает Марфа. - Иди к своему учителю.

Мария исчезает за воротами.

Петр, идущий к воротам от чана, останавливается на половине пути к ним, как раз возле кухни. Он смотрит на уткнувшегося в свиток Матфея, на трех ессеев, занявших ложе, и поворачивается в нерешительности к печи.

-Марфа, тебе помочь? - предлагает он свои услуги ей.

-Помоги, - неуверенно соглашается она, и у нее вдруг пересыхает горло.

И опять они чувствуют волнующую близость друг друга, доставая вместе хлеб из печи и помешивая похлебку. Они оба пышут жаром. Они даже не смотрят друг на друга, не издают ни звука, но от их молчания исходит такое притяжение, что его можно ощутить со стороны.

Мария находит Иисуса здесь же у ворот, сидящим на камне. Она знает этот белый камень наизусть, - все его прожилки и трещинки, которые, если присмотреться, составляют какие-то рисунки. Сотни своих детских часов провела она на этом камне, изучив подробно его наскальную живопись. Иисус сидит на этом самом куске известняка и задумчиво следит за играющими детьми посреди улицы. Наконец, Мария может поговорить с учителем наедине и спросить его совета о своем будущем. Как ей преодолеть скорбь о брате и нужно ли преодолевать эту скорбь? Она садится рядом.

-Учитель, а где твой город?

Он молча указывает на север.

-А Цезарея?

-Чуть левее.

-А Рим?

-Он прямо за Иерусалимом.

-Далеко?

-Очень далеко. За морем.

-Мир так огромен, - тихо говорит Мария. - Когда я думаю, какой он большой, мне становится страшно.

-Ты хотела бы посмотреть мир?

-Нет, - она сжимает свои девичьи плечи, будто при мысли о каком-то чудовище.- Я думаю, что если я по-настоящему пойму, как он велик, то лишусь покоя.

-Ты, кажется, уже лишилась покоя, - замечает Иисус.

Он задумчиво наблюдает за детьми на улице. Несколько ровесников Иосифа играют в камешки в десятке метров от них и азартно спорят. Очевидно, эта сцена пробуждает в Иисусе какие-то воспоминания из собственного детства.

-Учитель, почему люди умирают?

-Приходит их время, - рассеянно отвечает он.

-А другого ответа нет?

Из двора напротив вдруг выбегает малыш лет трех в одной рубашке. Он удирает от матери, которая не смогла удержать его в доме, и вприпрыжку бежит к старшим детям, играющими на улице...

-Нет, Мария, - отвечает Иисус. - Тело человека изнашивается, как одежда, а душа высыхает,

как пруд в жаркую погоду.

...Женщина от ворот кричит вслед малышу:

-Иешуа, Иешуа, следи за младшим братом! И чтобы он в лужу не залез!

Один из подростков поднимается с земли и кричит в ответ:

-Хорошо, мама.

Детеныш с восторгом несется ему навстречу...

-Учитель, а зачем люди женятся?

-Чтобы продолжить свой род.

-Но ведь не только за этим?

...Старший брат подхватывает его на руки, детеныш захлебывается от радости...

-Не только. Люди женятся, и чужие друг другу до этого, они становятся одним целым. И все у них оказывается общим: имущество и жизнь, и общие радости, и общие печали.

...Иешуа кружит младшего брата вокруг себя, и тот звонко хохочет...

-И любят они друг друга, и ненавидят, и ссорятся, и ревнуют, и не могут расстаться. И нет в этом свободы. Все это мясо.

-Мясо? - упавшим голосом повторяет Мария.

...Детвора принимается за прерванную игру. Иешуа дает малышу бросить камешки, и все смеются над его неуклюжими действиями...

-Мясо, - подтверждает задумчиво Иисус. - Среди которого я умираю с голоду.

...озорной малыш бросается наутёк. Старший брат, на попечении которого он остался, гонится за ним. Детеныш находит лужу и плюхается в нее...

Иисус поворачивается к Марии и видит ее потрясенное лицо. Он приходит в себя и сожалеет о своей нечаянной и жестокой исповеди. Он гладит отечески девушку по голове.

-Не печалься, дитя. Все кончается Царством Небесным.

Она ловит его руку, прижимает ее к груди и горько плачет.

-Все кончается Царством Небесным, - беспомощно и сострадательно повторяет Иисус.

Она верит ему, верит всем сердцем. Но как это горько!

В это время во двор из дома выходит Иоанн. Ему не спится среди бела дня. Он видит Петра с Марфой у печи, Матфея за столом с книгой, близнецов с бар-Толомеи на ложе под тентом и идет к чану, в котором юный Иосиф гоняет свой кораблик.

-Хорошая лодка, - хвалит Иоанн его игрушку.

-Это Петр сделал, - хвалится подросток.

-Петр знает в этом толк, - подтверждает юноша.

Он зачерпывает в пригоршню воды и освежает лицо после дневной дремоты. Кораблик бьется на волнах от вызванного им возмущения на водной глади.

-Это буря, - шепчет Иосиф, заморожено следя за колебаниями судна, которое вот-вот перевернется. - Мой отец погиб в такой буре, - сообщает он.

-Сочувствую.

Подросток боится, что его кораблик затонет на дне чана, как затонуло судно его отца в Эгейском море. Старший Иосиф, которого он никогда не видел, представляется ему мифическим мореплавателем, как аргонавты. Мальчику хочется увидеть настоящее море, которое поглотило его отца. Иоанн треплет его по голове и выходит на середину двора. Он смотрит по привычке на небо, - нет ли там чего-то нового для него. Весеннее солнце одинаково ласково ко всем. Ему не дают покоя слова, несколько раз произнесенные Иисусом о том, что, по крайней мере, один из его учеников должен увидеть Царство Небесное прежде смерти. Иоанн также страстно хочет увидеть свое небо, как мальчик Иосиф - море отца. Сзади к нему подходит Петр и дружески обнимает его за плечи. Рыбаку некуда деть охватывающую его нежность. Он не

может отдать ее Марфе: она - вдова, а он женатый мужчина, который нехорошо ушел из дому.

-Что, ты Петр? - отзывчивый на ласку, с улыбкой спрашивает юноша.

-Так, ничего. Хороший ты человек, Иоанн.

-Ну и что?

-У меня настроение отличное. Хочется сделать что-нибудь доброе.

-Сделай.

-Что?

Иоанн пожимает плечами.

-Как ты думаешь, - спрашивает он, - кого имел ввиду учитель, когда сказал, что кто-то из нас не умрет.

-Тебя, конечно!

-Почему? - притворно удивляется польщенный юноша.

-Ты его любимый ученик. Ты сидишь справа от Иисуса.

-А тебя он считает старшим. Ты преломляешь хлеб за столом. Ты - камень, который он положил в основание. А учитель любит камни. Он и себя иногда называет камнем. Помнишь, как он сказал в доме Захарии: “Бог благ, а я – камень”?

-Не помню, - признается Петр. - Трудно все упомнить, что он говорит. А иногда и понять его невозможно. То он говорит: Царство Небесное силой берется. То: Царство Небесное даром дается. Как это понять?

-Может, он говорил об избранных? О пророках? О праведниках?

- Разве они даром его получают? Даром - когда ни за что. Иохонан разве даром его получил? А брат Марфы, этот Лазарь, который умер в мучениях, даром? Вот Иисус избрал нас. Если мы получим Царство Небесное, разве это будет даром? Мы оставили все свои семьи, дома, стали нищими бродягами. Разве это даром?

-Нет, - соглашается Иоанн.

-А кому же даром?

-Не знаю. Давай спросим у него.

-Он последнее время на все сердится. Его лучше не спрашивать. Вот зачем мы идем в Иерусалим?

-Он же сказал, что не оставит камня на камне от Синедриона. Будет битва!

-Если так, то другое дело. Я готов сражаться за истину и за Мессию.

-И я готов умереть с ним!

-Опять смерть? Не говори о смерти. Не люблю я этих разговоров, - досадливо отмахивается Петр. - К чему они? Говори, не говори - она придет в свое время.

-Пожалуй, - опять соглашается юноша. - Но хочется узнать заранее, как все будет.

-А мне не хочется. Если знать заранее, когда умрешь, и как это будет, то жить не захочется.

-Но учитель знает. Он - Мессия.

Они стоят посреди двора в Вифании в нескольких километрах от Иерусалима за два дня до распятия и три дня до Пасхи.

-Вон Иуда, - говорит Петр. - Давай его спросим, что он думает.

В самом углу сада под гранатовым деревом, покрытым алыми бутонами, сидит Иуда. На коленях у него денежный ящик и какой-то свиток.

-У Иуды? - Иоанн скептически морщится. - Если спросить его, сколько мы проели за это время, он точно скажет.

-Пойдем,- решительно произносит рыбак.

Они направляются внутрь сада. Иуда, заметив их приближение, неспешно сворачивает свиток и убирает в эбеновый пенал. Он слегка раздосадован их появлением и вопросительно

смотрит на них.

-Иуда, - почти надменно спрашивает юноша, - вы верите, что Иисус - Сын Божий.

-Он никогда себя так не называл, - холодно отвечает тот.

-А как же он себя называл?

-Сыном Неба.

-Это - то же самое. Иногда он говорит "Сын Неба", иногда "Сын Бога".

-Никогда!

-Откуда ты знаешь? - вопрошает Петр, тоже задетый такой категоричностью.

-Потому, что я записываю.

-Что ты делаешь?

Иуда не повторяет. Он лишь холодно смотрит на них.

-Ты записываешь речи Иисуса? - удивленно спрашивает Петр.

-Да.

В их сознании все мгновенно проясняется. Вот почему он уединяется от всех! Вот что хранит он в своем ящике! Вот почему он с ним не расстанется! Вот почему он никогда не называет Иисуса своим учителем! Он пишет книгу о Мессии. Иоанн этому не верит. Невозможно записать музыку учительских речей, как невозможно записать шум ветра, плеск волн, шелест деревьев. Как записать свет солнца, покрывающего своим теплом всю землю? Он недоверчиво смотрит на спокойное лицо казначея и понимает, что тот не шутит. И тогда на Иоанна находит гнев. Ведь это святотатство - красть музыку Мессии и прятать ее в свой ящик. Этот мрачный калека ворует у них святое блаженство!

-Я расскажу все учителю! - яростно грозит юноша.

-Он знает, - невозмутимо отвечает Иуда.

-Посмотрим! - по-детски выкрикивает юноша и бежит жаловаться возлюбленному учителю.

Петр остается. Он потрясен тоже этой новостью, но она не вызывает у него гнева. Он безмерно удивлен. Ему и в голову не приходило, что можно записывать слова Иисуса, а не хранить их только в памяти, где они не умещаются. Сколько раз он жалел, что пропустил мимо ушей ту или иную фразу, пока старался понять и запомнить предыдущую. Но по собственной инициативе он не посмел бы вести такой протокол. Вот если бы Иисус приказал ему, он отнесся бы к этой работе со всей добросовестностью. Хотя такую работу лучше поручить не ему, а Матфею. Он - книжный человек, привычный к перу. Но почему Иуда стал писать эти мемуары? Петр смотрит на него по-новому. В их небольшой общине все знают истории друг друга: как и почему каждый из них пошел за Иисусом, но никто из них не знает историю Иуды. Он примкнул первым к Иисусу, он был с ним до них. А поскольку ни он, ни Иисус ничего об этом не рассказывали, то его история для всех остается тайной.

-Ты записываешь все, что говорит Иисус? - спрашивает Петр, опускаясь рядом, как для долгого разговора.

-Только главное.

-А откуда ты знаешь, что главное?

-Я стараюсь быть точным.

-Но ведь ты не можешь быть уверен, что это именно так, - настаивает он.

-Это лучше, чем ничего.

-Можно почитать твои записи?

-Нет! Я пишу их для себя, - Иуда окончательно задвигает крышку пенала и накрывает рукой. Могучего рыбака гложет любопытство.

-Тогда почитай что-нибудь.

-Нет, Петр.

-Разве тебе нужно это скрывать? Если там все правильно, то зачем скрывать?

-Там моя правда. А ты пиши свою.

-Может быть, я так и сделаю. Но я не стал бы это прятать от других. Я дал бы почитать тебе.

Иуда молчит. Петр задумчиво смотрит на пенал в его руках. Там хранится Евангелие от Иуды.

-Зачем ты ходишь с Иисусом?

-За тем же, что и ты. У него есть Царство Небесное, а у меня - нет.

-У тебя есть его слова о том, что Царство Небесное даром дается?

-Возможно, - уклончиво отвечает Иуда.

-А ты понимаешь - почему?

-Почему? Потому что смерть даром дается. Смерть - врата Неба, в которые душа не может войти. Со смертью душа погибает. Поэтому Царстве Небесное даром дается всем умершим.

-Он не так говорил! - Петру не нравится идея всеобщего посмертного освобождения. Такая дармовщина кажется ему несправедливой. Воздаяние должно иметь человеческий смысл. Ведь Бог - тоже человеческий!

-Как же, по-твоему?

-Не помню. Но не так.

-Петр, Петр. Не помню, но не так. Вот и напиши - как.

-И у каждого будет своя правда? А кому тогда верить? Учитель смотрел твои записи?

-Зачем ему это делать? Я пишу для себя.

И опять Петру это не нравится. Написать ведь можно что угодно. Можно и оклеветать учителя.

-Ты можешь хотя бы рассказать, о чем пишешь? Мне интересно, - просит он.

И неразговорчивый Иуда вдруг проявляет великодушие. Похоже, ему тоже хочется поговорить откровенно с рыбаком. Подумав, он начинает медленно говорить:

-Когда долго думаешь о своих близких, вспоминая их слова, поступки и выражения лиц при этом, сопоставляешь все это и строишь догадки, то вдруг обнаруживаешь в них отстойную яму. И смрад их нечистот бьет тебе в нос. Начинаешь понимать, сколько же в этих милых людях дерьма! О, сколько мерзости в человеческой душе! А потом, обратившись на себя, находишь ту же отстойную яму, полную себялюбия, лицемерия, зависти, бессердечия, корысти и подлости. И чувствуешь омерзение к собственной душе. Жить, чтобы жить, как ты сказал, мой друг, вот чего хочет душа.

-Я не говорил так!

-Опять не так? Загляни в себя, Петр, там отстойная яма. Иисусу это известно так же хорошо, как и мне. Но у него есть Царство Небесное, а меня душит желчь. Я хочу его свободы.

-Кто же, по-твоему, Иисус?

-Иисус? Он - как зверь. И родины у него нет, и дом ему не нужен, и мать ему не мать, и Бога он не боится.

Петр смотрит на него в испуге. Для него становится очевидным, что Иуде нельзя доверять мемуары об Иисусе. Несомненно, он написал в своем свитке что-то ужасное.

-Что ты говоришь? В тебе - дьявол! - восклицает рыбак.

-Дьявол? Как в любом из нас,- усмехается Иуда. - Вспомни, Иисус сказал, дьявол всегда рядом с человеком. Речь даже не идет о том, чтобы изгнать дьявола. Он часть человека. Можно лишь не давать ему волю, держать всегда позади себя и не выпускать вперед.

-Иуда, в тебе говорит сатана.

-Вот как? Однако сатаной он назвал тебя! - злится хромун.

Этот удар бьет по самому больному месту в душе Петра. Он мгновенно теряет свое

благородное негодование.

-Это верно, - мрачнеет рыбак. - Но я не понимаю - за что? Он сказал, что в Иерусалиме его хотят убить, и я попросил его не ходить туда.

-Ты пожалел его.

Петр с недоумением смотрит на него.

- Разве пожалеть - это плохо? За милосердием нет сатаны, - уверенно заявляет он.

-Ты пожалел его, - повторяет Иуда.

-Ну и что?

-Пожалевший Иисуса - предал Иисуса.

-Почему?

-Потому, что он сын Неба.

-Я знаю это!

-Нет, не знаешь, - Иуда играет с ним, как кот с мышью.

-Объясни! - выходит из себя рыбак.

Иуду это не пугает. Он насмешливо смотрит на него и качает головой.

-Что может человек пожелать другому человеку? Счастья, богатства, власти, славы, здоровья, долгих лет, доброй жены и хороших детей, удачи в делах, верных друзей... Человек может пожелать другому человеку только человеческого. Если ты желаешь своему врагу всего обратного, это тоже по-человечески. Но что можно пожелать тому, кто перестал быть человеком? Все твои пожелания есть именно то, от чего он освободился. У него нет жены и детей, у него нет дома и богатства, ему не нужны власть и слава, он не хочет долгих лет. Ему сама жизнь - лишняя. У него пустые руки. А ты хочешь вложить в них человеческое?

-Что же делать?

-Ничего! - гневно произносит Иуда. - Смотреть, как умирает тот, кто назвал себя сыном Неба.

-Ты думаешь, он умрет?

-Конечно.

-Нет, не может быть! Зачем же мы шли в Иерусалим?

-Ты меня спрашиваешь? Разве тебя сюда тащили?

-Иисус нас избрал.

-Никого он не избирал. Вы сами себе избрали этот путь. Кто вас принуждал?

-Учитель позвал нас с собою.

-Он позвал в Царство Небесное всех! Это ваш выбор.

-Нет. Все только начинается, - не согласен Петр.

Он не представляет себе такого, чтобы через два дня все кончилось.

-Верно. Со смерти начинается Царство Небесное.

-Перестань говорить о смерти! Все вокруг говорят о смерти. Смерть, смерть! Зачем о ней говорить? Мне кажется, стыдно говорить о своей смерти. Это занятие для старух! Когда придет смерть, тогда о ней и говори! Что тут думать?

-Когда придет смерть, думать и говорить будет поздно. Стыдно, Петр, умирать дураком.

-А что можно думать о смерти? Она - как черный занавес. Ничего не видно.

-Вся человеческая мудрость начинается с мысли о смерти. Начни думать, и ниточка потянется.

-Разве вопрос о смерти самый главный? - возмущается Петр.

-А какой главнее?

-Вопрос о жизни.

-Вот о ней-то думать и незачем. Тут ума не нужно. Жизнь - это лишь крохотный остров в

океане смерти. Вечная смерть позади тебя, вечная смерть впереди тебя. Где ты был до своего рождения? Что станет с тобою после твоего конца? Но ты хочешь сидеть на своем острове и не видеть дальше собственного носа. Оглянись вокруг, Петр, всюду смерть! - Иуда говорит это с каким-то безумным воодушевлением. - Жизнь - это мгновение вечности! Смерть - это вечность мгновения! Говорят: друга держи рядом, а врага еще ближе. Враги твои - это те, кто хочет испортить, сломать, уничтожить твою жизнь. Но кто стоит за всеми этими врагами? Смерть. Настоящий враг человека только один - смерть. Вот и держи ее рядом. Садись есть, пусть смерть сидит с тобой за одним столом. Ложишься спать, пусть смерть лежит с тобой на одной постели. Держи смерть ближе всех к себе, - и других врагов не останется у тебя. Смерть освобождает от врагов. А потом - и от жизни.

Петр подавленно бормочет:

-Тебе следует дать прозвище бар-Мавет - сын смерти.

Иуда улыбается.

-Мне оно нравится. Звучит даже лучше, чем Сикариот.

Рыбак мотает головой, будто вол, отгоняющий назойливых мух.

-Нет, я тебе не верю. Не может все кончиться так. Должны произойти великие события.

Мессия не может так просто умереть.

-Ты думаешь, Иисусу умереть так просто? Конечно, это ведь не твоя жизнь.

-Не придирайся к словам. Я готов умереть, если он велит.

-Он никогда не велит тебе этого. Ты должен сам принять смерть.

-Важна жизнь Мессии, а не его смерть.

-Кто тебе сказал, что он - Мессия?

-Как кто? Мы все это знаем.

-Я от него этого не слышал.

-Все слышали.

-Нет, Петр! - твердо повторяет Иуда. - Я ведь записываю. Он говорил многое: что он больше пророка, древнее Моисея, мудрее Соломона, что в нем Святой Дух, что он вошел в Царство Небесное. Но он не называл себя Мессией.

-Кто же он, если в нем все это есть?

-Сын Неба!

-А что это значит?

-Что он освободился от земли, в которую врос человек. Еще глубже врастают в землю только мертвецы. Человек - полумертвец. Сын Неба - воскресший.

-Хватит, я не хочу тебя больше слушать. Хоть сатаной он и назвал меня, но в тебе точно дьявол. Я ухожу! - Петр решительно поднимается и уходит прочь. Иуда невозмутимо смотрит ему вслед.

Марфа у печи ласково улыбается рыбаку, но любовный жар из него выветрился. За столом сидят Иоанн с Матфеем. Юноша, бросившись жаловаться Иисусу, нашел его за воротами на камне с Марией. Учитель в чем-то утешал девушку. Иоанн не посмел вмешиваться в их разговор, да и горячность его прошла. Он ведь понимал, что Иуда не стал бы так глупо лгать: он действительно ведет свои записи с ведома Иисуса. Но почему учитель позволил это мрачному калеке? Иоанн поделился своими сомнениями с Матфеем. Мытарь пришел в восторг.

-Я и сам подумывал вести записи, но не посмел. Лучше бы, конечно, если бы учитель написал книгу сам. Но раз он выбрал Иуду, значит, у него были на то причины. А может быть, все дело в том, что у Иуды достаточно мужества взять это на себя. А у меня такого мужества не нашлось.

-Так ты знал, что Иуда пишет об учителе?

-Не знал. Но догадывался.

-И тебе это нравится? - возмутился юноша.

-Друг мой, - мирно отвечал мытарь, - Иуда старше нас всех и больше всех повидал в жизни.

Иисус его благословил на эти мемуары. Кто я, чтобы судить об этом?

С возвращением Петра разговор возобновляется.

-Ну что? - жадно спрашивает Иоанн.

Петр очень расстроен.

-Да ну его! Какой-то сын смерти! Только о ней и говорит. В Иуду дьявол вселился.

Юноша впитывает эти слова, как губка воду.

-Так и есть! - соглашается он. - Учитель говорил, что среди нас дьявол.

-Да перестаньте вы! - пытается урезонить их Матфей. - Учитель говорил о дьяволе иносказательно. Наше невежество, наше малодушие, наше себялюбие, - вот где дьявол.

-Ты что, заодно с Иудой? - враждебно спрашивает Иоанн.

Из этого милого мальчика уже вылезает партийный фанатик, который готов искать врагов своей веры еще при живом основоположнике. Недаром учитель сказал, что мытарь ни холоден, ни горяч. Иоанн и Петр смотрят на него выжидательно. Неудивительно, что в своем Евангелии Петр упомянет Матфея лишь мельком. А Иоанн вовсе забудет мытаря, будто того и не было возле Иисуса. Не напиши Матфей собственное Евангелие, никто бы не помнил о нем.

-Я за правду, - робеет Матфей.

-За какую правду? У Иуды своя правда.

-Наверное, так, - пожимает он плечами. - Надо почитать.

-Он не дает, - угрюмо говорит Петр. - Говорит, пишет для себя.

-Возможно, он не хочет показывать ее раньше времени. Авторы не любят показывать другим незаконченные сочинения, - со знанием дела заявляет мытарь. - Но когда он напишет до конца, я уверен, мы все его прочитаем. Такие книги не скрывают от мира.

-А если там не все правильно? - рыбака беспокоит общественная мораль.

-А кто может судить об этом? - вопрошает Матфей. - Я? Ты?

-Учитель.

-Но учитель не хочет судить.

-Тогда все мы, его ученики, должны решить это между собою и вынести общую правду.

Матфею не нравится этот коллективный разум. Что-то подсказывает ему, что для этого он должен будет поглупеть до некой среднестатистической величины. Ему совсем не хочется строиться в ряд. Скорость каравана определяется самым медленным верблюдом, а коллективная истина - самым глупым членом.

-Я думаю, - осторожно говорит он, - Иуда не станет выдумывать и клеветать. Другое дело, что люди понимают правду по-разному. Это будет правда от Иуды. Каждый из нас может написать свою версию. Пусть будет правда от Иоанна. Правда от Петра. Правда от Матфея.

-Нет! - возражает юный цензор. - Правда должна быть одна. В сомнениях можно потерять последнее. Миру нужна одна правда.

-Друг мой, - пытается быть миролюбивым мытарь, - ты ведь берешься решать за мир. Пусть мир сам решает.

-Как ты не понимаешь, Матфей! - вскрикивает Иоанн так, что Марфа у плиты обеспокоенно оглядывается на них, и, понизив голос, он добавляет:

-Дьяволу именно это и нужно! Вот он и надоумил Иуду.

Матфей вспоминает ночь под Изреелем, где он сам осудил себя за трусость. В конце концов, он тоже ученик Иисуса, который всегда учил их мужеству. И он становится на короткое время невероятно храбр.

-Дьявол хочет запутать мир? Зачем?

-Чтобы погубить его.

-Друзья мои, - гордо заявляет он, - если мы спросим учителя, что важнее: истина или мир, - учитель, назовет первое. Лучше истина без мира, чем мир без истины. Если дьявол путает мир, чтобы его погубить, пусть этот мир погибнет! И останется Царство Небесное. Разве не этого вы хотите?

-Постой, - Петр хочет уточнить. - По-твоему, пусть дьявол запутает мир во лжи и погубит его поскорее?

-И настанет Царство Небесное!

-В тебе тоже дьявол! - заключает Иоанн.

Матфей смотрит на них с безмерным удивлением.

-Знаете, - честно признается он, - мне становится жутко с вами. Хорошо, что есть учитель. Он вас поставит на место.

-На какое еще место? - надменно спрашивает юноша. - Мое место справа от Иисуса! А место Петра во главе стола!

Матфей лишь удрученно повторяет:

-Как хорошо, что есть учитель.

-Конечно, хорошо. И он не позволит Иуде писать свою лукавую историю. Истина должна быть одна, как дорога в Царство Небесное. Одна-единственная, чтобы не сбиться человеку с пути. Либо идешь, либо стоишь. Третьего не дано.

-Так вы же хотите быть стражами на ней, - не уступает мытарь. - Я не для того ушел со своей таможни, чтобы попасть на вашу. Вы же таможню хотите поставить на дороге в Царство Небесное.

Не сдастся и Иоанн.

-Но истины не может быть две.

-Истина одна, - соглашается мытарь. - Но об этой истине может рассказать только Иисус.

-Вот именно!

-Но он не пишет, Иоанн! Он доверил это Иуде. Вы против?

-Да, - в пылу полемики говорит Петр, но, встретив насмешливый взгляд Матфея, поправляется, - я не против решений учителя, я против Иуды. Он напишет о смерти.

-А нужно писать о любви! - добавляет юноша.

Матфей разводит руками.

-Пойдите и скажите это Иисусу.

-Я скажу, - упрямо заявляет Иоанн.

Он решительно встает и направляется на улицу. Петр с Матфеем идут следом.

Иисус с Марией по-прежнему сидят на камне. Только теперь возле них стоит Марфа, ухода которой они не заметили в пылу спора. Они слышат последние слова Иисуса:

-Если я говорю что-то, значит, так оно и есть! Мне не нужна утешительная ложь, у меня есть радостная правда. Радуйтесь, ваш брат на небе. И вы будете там.

При виде учеников он строго спрашивает:

-Марфа сказала, что вы чуть не передрались. Что делите?

-Царство Небесное, - шутит Матфей.

Иисус не принимает шутку. Под его строгим взглядом Иоанн теряет самоуверенность.

-Учитель, - мнется он, - мы узнали, что Иуда пишет о тебе.

-И что же?

-Ты разрешил ему?

-Не разрешал и не запрещал. Все вы свободны делать свой выбор.

-Но мы можем ошибаться.

-Знаю.

-И что нам делать?

-Не могу я вам дать Святой Дух, если вы его не приняли сами. Не могу отнять его у вас, если он уже с вами. Ищите свободу.

Матфей вполне удовлетворен. Он выразительно смотрит на Петра с Иоанном. Они молчат.

Марфа вдруг замечает кого-то, идущего к ним по улице, и с улыбкой произносит:

-Вот и жених Марии идет.

Мария оборачивается, видит нарядно одетого Марка, сына Алфея левита из Иерусалима, и неожиданно для себя самой смущается. Ранее с ней этого не происходило.

-Что тут стыдиться? - удивляется Марфа. - Марк - прекрасный молодой человек. Он нравился и Лазарю. Что с тобою, сестра?

-Ничего, - шепчет девушка

Она все еще не пришла в себя после жестокой исповеди Иисуса. В ее ушах еще звучит его нечаянное откровение: "Все это - мясо, среди которого я умираю с голоду". Ей окончательно расхотелось выходить замуж.

К ним приближается стройный юноша. Иоанн узнает в нем своего троюродного брата, у которого он гостил в последний раз с отцом и братом на празднике очищения Иом Киппур. Марк тоже узнает его издали. Они бросаются по-родственному навстречу друг другу и обнимаются. Иоанн его представляет:

-Учитель, это мой кузен Марк.

-Марк?

-Это мое римское имя. А зовут меня, как и его, Иоанн.

-Мир тебе, Иоанн Марк.

-И вам, господин, - с достоинством отвечает юноша и почтительно приветствует сестер.

Марфа ему ласково улыбается, Мария сдержанно приветствует.

-А это наш учитель Иисус! - торжественно произносит Иоанн.

Будущий секретарь Петра и евангелист еще раз вежливо кланяется. Он полон достоинства, которого бывает сверх меры в самовлюбленных юношах.

-Марк - благочестивый фарисей, - хвалит его Иоанн, так и не избавившись от собственного фарисейства.

-Очень хорошо, - холодно отвечает Иисус.

-Учитель, - учтиво спрашивает Марк, - что мне сделать, чтобы обрести жизнь вечную?

-Соблюдать заповеди.

-Все это я храню от младости. Что мне еще сделать?

-Если хочешь быть свободным, пойди и раздай все имущество свое. Тогда откроется тебе дорога в Царство Небесное.

-Вы шутите, учитель?

-Ничуть.

-Но это убьет мою мать, - растерянно произносит Марк. - Я не могу сделать ее нищей.

-Оставь матери, что должно. Речь о тебе, не о твоих родных.

Марк внимательно всматривается в сидящего перед ним человека. Ему кажется, что над ним издеваются. Но лицо Иисуса невозмутимо.

-У меня есть обязательства перед моей будущей женой и детьми, которые у нас будут. Их я тоже не могу сделать нищими.

-Мне ничего не нужно, - подавленно шепчет Мария.

Иисус взглядывает на нее и говорит Марку:

-Ты можешь не жениться. Разве кто тебя заставляет?

-Все женятся. Таковы обязательства человека перед Господом. В Писании сказано: плодитесь и размножайтесь.

-Так ты ради Писания хочешь жениться?

-Не только, - растерянно отвечает Марк. - Я хочу жениться на Марии. Она - достойная девушка. У моего дяди Иосии бар-Набаса есть своя красильня на Кипре. Недавно он получил от правителя Азии большой заказ на покраску тканей для армии. Ему нужен верный помощник. Вскоре мне придется отплыть на Кипр. Я хочу взять с собою Марию после свадьбы. Лазарь нас благословил. Что же мне, учитель, от всего отказаться и стать нищим? - он смотрит на Марфу, ища ее поддержки.

-Иисус, - вступает она, - разве ты не желаешь Марии счастья?

-Дитя, - обращается Иисус к девушке, - я желаю тебе всего лучшего.

Мария кивает головой.

-Тогда зачем эти разговоры? - спрашивает Марфа. - Ты запугал нашего жениха.

-Юноша не спрашивал меня о человеческом, он спросил о вечном. Я лишь ответил. Чего ты хочешь Марк, человеческого или вечного?

Юноша чувствует себя незаслуженно оскорбленным.

-Извините, господин, я зря задал свой вопрос, - с достоинством отвечает он, уже не называя Иисуса учителем.

Иисус слышит, что его разжаловали, и с улыбкой заключает:

-Именно - зря! Ты ведь знаешь, чего хочешь. Вот и делай, что должно. Зачем торговаться на базаре, если не хочешь платить?

-Я лучше пойду. До свидания, господин. До свидания, Мария, Марфа, Иоанн.

-Останься, Марк, - удерживает его Марфа. - Пообедаешь с нами.

Мария не смотрит на него и молчит.

-В другой раз.

Он уходит.

Иоанн удивленно спрашивает Иисуса:

-Учитель, зачем ты с ним так? Он ведь не против нас.

-Это верно. Кто не против вас, тот за вас. Но кто не со мной, тот против меня.

-Разве это не одно и то же?

-Много ли у человека друзей и врагов? Пальцев достаточно, чтобы их пересчитать. Окружают человека не друзья и не враги, а просто люди. Они не против него, но и не за него. У вас есть время, чтобы привлечь их к себе. У меня времени нет. Кто не со мной сейчас, тот уже против меня. Завтра вы это поймете.

-Умеешь ты обидеть человека, - замечает неодобрительно Марфа.

-Он вернется, Марфа, - примирительно отвечает Иисус. - Увезет Марию на Кипр, и все у них будет по-людски.

-Я не хочу замуж, - тихо произносит Мария.

Марфа бросает осуждающий взгляд на Иисуса.

-Да что с тобой, сестричка? Тебя этот разговор расстроил?

Девушка качает головой.

-Тогда почему?

-Из-за Лазаря.

-Из-за Лазаря? Он благословил ваш брак.

-Он умер.

-Будет сорок дней траура. Можешь еще поскорбеть, если хочешь. Марк подождет.

Она опять качает головой.

-Ну, не всю же жизнь тебе носить траур? Мария! У тебя жизнь только началась.

-Ничего не хочу, - упрямо говорит младшая сестра.

Она вот-вот расплачется.

-Оставь ее, - говорит Иисус и гладит девушку по голове.- Ей нужно время. Не печалься, дитя. Все будет хорошо.

Эта свадьба так и не состоится. Мария станет первой из тех монахинь, кого Церковь будет называть невестами Христа. После казни Иисуса именно в доме Марка апостолы проведут взаперти семь недель шабуота, а на пятидесятый день выйдут на воздух и заговорят как пьяные, подобно скопцу в мистерии Симона мага. Примкнет к апостолам не только Марк, но и его дядя Иосия бар-Набас с Кипра. Марк будет сопровождать самозванца Павла в его первом миссионерском паломничестве по Азии, но потом рассорится с этим фанатичным эпилептиком и уедет в Рим к Петру, где и напишет свое Евангелие.

Вечером после ужина, на котором еще раз помянули траурным вином покойника, а Иисус еще раз повторил, что Лазарь без всякого Судного дня прямиком вошел в Царство Святого Духа, они отдыхают за общим столом. Весенний вечер в тихой деревеньке прекрасен. Это место кажется Эдемом, райским уголком земли. Иисус читает из пророка Захарии:

-Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: вот, царь твой идет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и молодом осле.

Эти строки, символизирующие царя - жениха, предназначены для Марии, которую Иисус хочет ободрить и развеселить. Ему неловко за свою нечаянную откровенность. И девушка это понимает. Он ласково улыбается ей и говорит:

-Все будет хорошо, Мария. Впереди только Царство Небесное.

-Я знаю, учитель, - тихо отвечает она.

За столом начинают оживленно обсуждать новость, принесенную юным Иосифом с улицы. В крытом водоеме Силоам на южной окраине города у Стефановых ворот, где люди омывались перед посещением Храма, обрушилась колонна, придавив несколько десятков паломников.

-Неисповедимы судьбы человеческие, - философски рассуждает Матфей. Какие-нибудь евреи из Египта или Аравии прибыли в Иерусалим, чтобы есть пасхального агнца, а потом рассказать об этом своим родным дома, но нашли свою смерть в купальне. Вот и получается, что человек сам ходит, того не зная, за собственной смертью.

-Это кара Господа, - хмуро заявляют близнецы - За Иохонана Крестителя.

-Думаете, эти люди были грешнее остальных? - спрашивает их мытарь.

-Это Богу известно.

-Но эти люди, возможно, и не знали о вашем учителе, - замечает Матфей.

-Без воли Господа не упадет и волос с головы человека,- упрямо твердят молодые ессеи.

-Если все происходит по воле Господа, то в чем грех человека? - продолжает атаку мытарь. - А если человек грешен, то события, в которых он участвует и их последствия вызваны его свободной волей. Нерадивые работники плохо установили колонну, вода подмыла основание, паломники надавили на нее - вот и произошел обвал. Тут целая цепь независимых поступков.

-Господь допустил этому случиться.

-Почему же Господь не допустил этого во дворце Ирода?

-Ирода Антипу ждет более тяжелая кара, - угрюмо повторяют близнецы.

Матфей больше не хочет спорить с этими воспитанниками ортодоксальной школы. Когда у человека есть все ответы, он становится глух к вопросам.

-Если бы у меня была власть погубить мир, - говорит Иисус тихо, будто самому себе, - я не

стал бы это делать, хотя и знаю, что конец мира - это Царство Небесное. Но ведь мир не хочет этого. И он вправе жить дальше, ибо за все свои поступки сам и расплачивается преисподней, в которой живет. Эта преисподняя имеет право на существование, и повелитель ее - дьявол хранит ее, ведь с гибелью преисподней погибнет и он сам. Я против этого мира. Но пусть он сам решает, что ему делать. Он вправе поклоняться своему дьяволу. Я же ему больше не служу.

Мария, словно что-то вспомнив, встает из-за стола и бесшумной тенью в приближающихся сумерках проходит в дом. Вскоре она так же бесшумно, легкой, девичьей походкой возвращается, неся в руках алебастровый сосудец с дорогим нардовым маслом.

-Позволь, учитель, - произносит она и льет ему на голову драгоценный нард, будто совершает древний иудейский ритуал помазания царей-женихов. Сладкий запах распространяется по всему двору и расплывается по Вифании, тихой деревушке близ Иерусалима. Для учеников эта сцена исполнена скрытого символизма. Иисус словно принял официальный статус Христа-Помазанника.

-Благодарю, Мария, - растроганно говорит Иисус, - ты подготовила меня к моему погребению.

-Не говори так, учитель, - просит девушка, как недавно просил его Иоанн.

Иуда наблюдает за этой сценой мрачно и безмолвно. Прочие восхищены поступком Марии.

-Денариев двести стоит это масло, - со знанием дела замечает Матфей.

- Двести? - удивляются близнецы. - Сколько нищих можно было накормить на эти деньги!

Их учитель не имел гроша за душой и благоухал только речной водой.

- Нищие всегда будут у вас, а я нет! - надменно произносит Иисус.

Он уже нечего не ждет от своего окружения. Завтра он их бросит.

С наступлением темноты все чувствуют себя изрядно уставшими и рано ложатся спать. По двору и в доме витают запахи весны и нарда.

Утром Иисус сердечно прощается с сестрами. Ученики ждут его на улице. Во дворе остались лишь Марфа, Мария и Иосиф. Иисус кладет руку на плечо подростка.

-Ну, Иосиф, желаю тебе счастливого плавания.

-Уж нет! - возражает Марфа.- Никогда он не будет плавать. Я и Марию боюсь отпускать на Кипр.

-Все будет хорошо. Прощай, Марфа.

-Что уж прощай? Увидимся еще. Приходите после праздника, - приглашает Марфа. - Мы тебе всегда рады.

Иисус отмалчивается и поворачивается к Марии. Он по-отечески обнимает ее.

-Прощай, дочка. Напрасно я обидел твоего Марка. Уверен, он будет тебе хорошим мужем.

-Конечно, - подтверждает старшая сестра. - Лазарь очень этого хотел. Вот только по морю плыть.

-До Кипра близко, - успокаивает ее Иисус.

-А вы плавали по морю? - спрашивает его мальчик.

-Приходилось.

-Вам понравилось?

-Твердая земля лучше.

-Учитель, как мне быть? - вопрошает Мария.

-Живи, радуйся жизни.

-А как же то, о чем ты сказал?

-Забудь это. Всеу свое время. Время жить, и время умирать. Время собирать, и время разбрасывать. Прощайте.

-Мне почему-то тоскливо,- говорит Мария с печалью. - Будто случится что-то нехорошее.

Ее интуиция трогает Иисуса. Эта девушка чувствует то, чего не ведают его ученики. Очевидно, именно эта бессознательная интуиция заставила Марию вчера совершить обряд помазания, у которого есть два смысла - праздничный и траурный. Едва ли она делала это во втором смысле, но погребальный ритуал для Иисуса она исполнила, не сознавая это.

-Все будет хорошо. Впереди только Царство Небесное. Помнишь?

Девушка качает головой.

-Да, учитель, - вдохновенно подтверждает она.

-Повторяй это себе каждый день и радуйся. Человек даже не догадывается, насколько он свободен. Он свободен стать сыном или дочерью Неба. Помни мои слова. Я никогда не лгу.

-Я буду помнить, - тихо шепчет Мария.

Он еще раз обнимает ее, гладит Иосифа по голове, кивает Марфе и уходит.

-Прощайте.

Чуть ранее на улице Иоанн, чувствуя дрожь в теле от нарастающего возбуждения, не может устоять на месте, как застоявшийся конь. Полгода назад он покинул Назарет, чтобы придти, в конце концов, сюда. Ради этого дня он бросил свой дом и перевернул свою жизнь, которая без Иисуса должна была сложиться совсем иначе. И все они здесь изменили свои судьбы ради этого дня.

-Сейчас мы войдем в Иерусалим, - говорит он остальным. - Народ должен знать, что пришел Мессия.

-Учитель запретил рассказывать о себе, - напоминает Матфей.

-Он не хотел открывать себя раньше времени, - уверенно заявляет юноша, - чтобы Синедрион не замыслил против него и не помешал ему.

Мытарь сомневается в этом. Во-первых, он отдает должное бесстрашию Иисуса. Учитель не стал бы прятаться. Во-вторых, Матфей отдает должное высокомерию Синедриона. Это - высший политический, законодательный и судебный орган Израиля, подобный греческому Ареопагу или римскому сенату. Эти знатные, состоятельные и властные люди не гоняются по всей стране за бродячими лжепророками и псевдомессиями, как свора псов. Они выше этого. Их врагу нужно очень постараться, чтобы они заметили его. Знаменитый нащрит Иохонан из рода священников выступил открыто против них, но ведь не они казнили его, это сделал Ирод Антипа по своим собственным причинам.

Когда Иисус войдет в Храм, Синедрион даже не будет подозревать о его существовании. Лишь потом события начнут развиваться стремительно. И с этого же часа начнут громоздиться одна нелепость на другую. Сын всемогущего Господа прячется от какого-то Синедриона, как жалкий разбойник, но все же попадет в его руки. И тотчас же выяснится, что именно затем он и пришел в мир, чтобы быть пойманным. Но Синедрион почему-то не станет казнить его согласно иудейскому закону и передаст римскому суду. Антисемит Пилат захочет освободить гордого еврея, учинившего погром в Храме и вызвавшего беспорядки в подвластном ему городе. Но свора псов, состоящая из вельмож и ученых Израиля, будет бешено настаивать на казни плотницкого сына. В конце концов, Сын Всемогущего Бога умрет на позорном кресте, освободив грешных людей от их греховной сути, подобно храмовому козлу отпущения на празднике очищения Иом Киппур, когда Верховный Жрец возлагает на козла все грехи Израиля и отправляет в пустыню к демону Азазело. В этом нагромождении бессмысленной лжи и дремучих, отвратительных обрядов станет невозможным понять: зачем и почему умер этот очень странный человек по имени Иисус из Назарета. Творцы этой будущей нелепицы, которая доведет христианского богослова Тертуллиана до формулы: "Верую, ибо это абсурдно", - эти апостолы новой религии стоят сейчас на улочке Вифании и оживленно обсуждают план своих действий.

-Мессия не хотел открывать себя раньше времени, чтобы Синедрион не замыслил против

него и не помешал ему начать битву, - заявляет Иоанн.

-Что же нам делать? - спрашивает Петр. - Иисус до сих пор нам ничего не приказывал.

Матфей поддерживает:

-Мы не знаем, что он замыслил. Нам не следует ничего предпринимать.

Иоанн возбужденно машет рукой, будто дирижирует неслаженным оркестром.

-Мы сами должны догадываться! - говорит он. - Не может он приказывать нам до смерти.

Все замечают эту нехорошую оговорку юноши. Смерть слишком близко подошла к ним, чтобы дразнить ее лишним раз упоминанием. Иоанн поправляется:

-Ну, вы поняли. Пришло наше время сделать что-то для учителя. Есть вещи, которые не говорят. Мы должны его прославить. Народ должен быть подготовлен к приходу Мессии.

-Но мы не знаем, чего хочет Иисус, - опять говорит Матфей.

-Ты не знаешь, что нужно Мессии? Тогда зачем ты с ним? - возмущенно произносит Иоанн.

-В Писании все сказано, - вторит ему Иаков. - Мессия разобьет ярмо неправды и насытит голодных.

-Это так, - соглашается мытарь.

Его смущает хмурый Иуда, который безмолвно и как будто презрительно наблюдает за их спором. Но если Матфея этот скепсис сдерживает, то Иоанна вид калеки только подстегивает. Он уже откровенно ненавидит этого самозваного летописца Иисуса, который пишет о них в своей книге, что захочет. Простую ночь этот пергамент, сокрытый от посторонних глаз в черном ящике Иуды, не давал ему долго уснуть. Будучи человеком книжным, юноша привык испытывать почтение к письменному слову. Что же понаписал этот мрачный старик в своей истории? Он приходил в ярость при мысли, что Иуда выставил его, любимого ученика, в неприглядном свете. Словом, после часа размышлений он уже не сомневался, что Иуда оклеветал его в своем Евангелие.

И теперь он менее всего склонен считаться с Иудой.

-Так ты с нами? - спрашивает он Матфея.

-Я лучше останусь с учителем, - осторожно отвечает мытарь.

Иоанн, Петр, их братья устремляются в сторону Иерусалима, увлекая за собой и трех молодых ессеев. У ворот остаются Матфей, Иуда и Симон кананит, который по-прежнему испытывает наибольшее уважение к бывшему комиссару zelотов. Но революционное возбуждение передается и ему. Приближается час народного восстания. Иисус - zelот Неба, он тот самый вождь, которого не доставало партии. Римляне будут свергнуты. Об этом мечтал Симон со своими друзьями в Кане.

Такое восстание действительно произойдет спустя тридцать лет при императоре Нероне. Римский гарнизон в Иерусалиме будет истреблен. Проконсул Сирии Цестий Галл введет свои легионы в Галилею. Начнется Иудейская война, которая не оставит камня на камне в священном городе, только западный кусок храмовой стены. Израильская земля подвергнется эллинизации, а дух иудаизма поистине станет незримым. Христиане тем усерднее будут поклоняться Сыну Яхве, сделав его воскресшее тело своим Храмом, и напрочь забудут о безымянном и бесчеловечном Святом Духе Иисуса.

Симон смотрит на Иуду, в котором видит самое доверенное лицо Иисуса, и спрашивает:

-Что теперь нам делать?

Иуда хмуρο взглядывает на него.

-Ждать.

Из дома Лазаря решительно выходит Иисус. Мария и Марфа с Иосифом останавливаются в воротах.

-А где остальные? - спрашивает Иисус.

-Они пошли готовить твой въезд, учитель,- виновато объясняет Матфей. - Сказано в Писании: спрямите пути мои.

-Понятно, - безучастно кивает он головой.

-Что нам делать, учитель? - спрашивает Симон.

-Что вам делать? Смотреть и прозревать.

Иуда ждет особых пояснений.

-Мой корабль прибыл в порт, - объясняет Иисус ему. - Пора выгружать сокровища, которых никто не ждет.

-А что потом?

-Потом я предпочел бы утонуть, чтобы море стало моей могилой, - мрачно шутит он.

Иуда очень серьезно кивает. Он помнит, как Иисус уходил в Галилейские горы к Меронским водам, он помнит их разговор на таможне, словно не было этого месяца блужданий по Палестине, но они мгновенно перенеслись из окрестностей Капернаума в окрестности Иерусалима.

Вчетвером они покидают Вифанию и направляются к Масличной горе, расположенной на восточной окраине Иерусалима. У подножия Масличной горы лежит деревенька Виффагия, которая оканчивается Гефсиманским садом. Но в отличие от сонного селения, которое они только что покинули, единственная улица Виффагии на глазах наполняется народом. Восторженные ученики встречают Иисуса, как жениха, идущего с друзьями за своей невестой. Все невольно погружаются в эту свадебную атмосферу. Иисус идет за дочерью Сиона. Каков будет выкуп за невесту? Селяне и их многочисленные гости выходят из домов, привлеченные шумом. Слух быстро распространяется. Мессия идет! Спаситель Израиля приближается! Большинство этих паломников из бедных галилеян, у которых нет родственников в Иерусалиме и нет денег, чтобы оплатить дорогие места в городских гостиницах. Еще больше таких бедняков устроилось на Масличной горе в шалашах и палатках, как на празднике куш Суккот. Весть о том, что Мессия - их соотечественник из Галилеи, наполняет их сердца гордостью и надеждой, они приветствуют Иисуса с холмовых террас, как зрители амфитеатра встречают гладиатора на арене.

У Иисуса эта толпа вызывает сначала удивление, а потом скованность. Сотни глаз смотрят на него с восторгом. До сих пор сотни глаз смотрели на него с ненавистью: в Александрии, в Назарете, в Капернауме. От него ждут пламенных речей и немедленных чудес. Иисуса не испугала бы ненависть, он встретил бы ее с гордо поднятой головой, но всеобщая любовь смущает его, и он прячет глаза.

Иоанн отвязывает от какого-то забора осла и ведет его к дороге.

-Эй, - кричит ему продавец дров, - ты куда ведешь осла?

-К его хозяину!

-Я его хозяин, - возмущается он.

-Господь всему хозяин! - отвечает юноша так, что тот не находит больше слов.

Продавец дров присоединяется к торжественному шествию, сам уже не зная, за кем он идет: за мессией или за своим ослом, который понадобился Богу. Иоанн подводит животное к Иисусу и стелет на него свой синий хитон вместо попоны.

-Садись, учитель!

-Зачем это? - растерянно произносит Иисус.

-Садись же, учитель!

-Пришел твой час прославиться, - кричит Петр в общем шуме и чуть ли не силой взгромождает Иисуса на животное.

Иоанн бежит вперед и восклицает:

-Радуйся, дочь Сиона! Вот, царь твой идет, сидя на молодом осле!

Петр, идя возле Иисуса, говорит:

-Как я рад учитель!- Размахивая руками, он возвещает толпе:- Радуйтесь, Мессия с вами!

Но Иисус словно окаменел. Он должен улыбаться, жать руки, которые тянутся к нему со всех сторон, и отвечать любовью на любовь. Сейчас в эту топку народного ликования нужно подбрасывать сырые дрова надежды и сухой навоз обещаний. На их головы следует просыпать дождь мелких монет - блестящих и манящих. Но его руки пусты. У него нет ничего. Только Царство Небесное. Он смотрит на эти жадные до жизни, человеческие лица. Ему жаль это страждущее мясо. Иисус начинает плакать.

Ученики поражены. Нет самодовольных улыбок, нет гордых речей, нет великих обещаний, есть лишь слезы Мессии. Никогда они не видели его плачущим. Они текут из его печальных глаз, и он не скрывает их.

-Что с тобой, учитель? - встревожено спрашивает Петр.

Иисус лишь качает головой.

-Отчего ты плачешь?

-Бедные, бедные люди, - шепчет он.

-Они верят в тебя.

-Я ведь запретил вам говорить обо мне, - с упреком произносит он.

-Учитель, пришел твой час прославиться, - говорит Иоанн. - Скажи им что-нибудь. Они ждут.

-Много раз я говорил вам. Если вы не поняли, как им понять? - скорбно отвечает Иисус.

-Мы поняли. Ты хлеб вечный!

-Кто ест твой хлеб, тот насытится навсегда,- вторит Петр Иоанну.

-Я - хлеб вечный, - подтверждает он. - Но мой хлеб на земле не валяется. За ним нужно тянуться до небес. Не в хлебе дело, дело - в человеке!

-Но они ждут этого хлеба.

-Не смейте больше принимать решения за меня! Я знаю, что мне делать.

Этот публичный выговор так неприятен организаторам шоу, что Иоанн сам готов расплакаться, а Петр - стать тем камнем, которым его нарекли. Матфей рад, что не присоединился к ним. Молодые ессеи не знают, что им думать. Кумранские старцы учили их, что должен придти Мессия, Посланник света, великий Праведник - Хасседек, перед которым падут все силы зла, возглавляемые Веельзевулом-Велианом, а попросту говоря - сатаной. Старцы направили трех послушников в услужение Иохонану, которого готовы были принять за великого Ессея-Праведника, но он умер, не исполнив своего назначения. И стало ясно, что Иохонан был не тот, за кого его принимали. Уже по собственной инициативе трое послушников примкнули к группе Иисуса. А если и он - не Мессия?

Иисус сходит с осла на краю Гефсиманского сада, у маслодавили и складов братьев Ханан. Иоанн снимает с животного свой плащ цвета индиго, и торговец дровами получает своего осла обратно. Вместе с учениками и толпой Иисус спускается в узкую долину Кедрон. Перед ними возвышается восточная стена Храмового двора, построенная царем Соломоном, когда Ковчег Завета еще хранился в святилище, но бесследно исчез шестьсот лет назад во время нашествия Навуходоносора. Эта стена полностью скрывает за собою Иерусалим, город на трех холмах.

На восточном холме Мориа расположен Храмовый комплекс. Мост через лощину Тиропеон соединяет этот холм с Акрой, на которой лежит Нижний город и ветхий дворец Хасмонеев-Маккавеев. А дальше на западе - гора Сион, ныне украшенная великолепным дворцом Ирода Великого с тремя высочайшими башнями. В тени этих башен, у северного подножия горы за

Змеиным прудом лежит Голгофа, традиционное место римских казней.

Из долины Кедрон каменная лестница, разбитая на три террасы, поднимается на Храмовую гору прямо в портик Соломона. Именно туда в сопровождении толпы идут одиннадцать путников:

Иисус, сын Неба;

Иуда, сын смерти;

Иоанн и Иаков, сыны грома;

Петр-камень и Андрей-муж, сыны Иосии;

Матфей мытарь и Симон зелот;

Фома Близнец и его брат Филипп;

Натаниэль, сын полей.

В портике Иисус останавливается напротив Красотных ворот, обшитых коринфской медью. Это главный, парадный вход во внутренний двор, который по всему периметру окаймлен лестницей с четырнадцатью ступенями. Повсюду таблички, запрещающие язычникам, больным и калекам входить в это пространство, внутри которого находится святилище Яхве. На ступенях перед Красотными воротами сидят во множестве те самые нищие и увечные, для которых установлен предел.

Стоя в портике Соломона, Иисус внимательно осматривается вокруг. Он выбрал это место своей трибуной, с которой возвестит Израилю свою бесчеловечную свободу. Сейчас он стоит лицом к лицу со святилищем, золотая фасадная стена которого с огромными воротами и вавилонским занавесом внутри возвышается над Красными воротами. Севернее тянутся вверх башни крепости Антония, с которых римские дозорные видят всю храмовую территорию, как на ладони. Крепость соединена двумя мостами со стенами Храма, с которых широкая лестница ведет прямо во внешний двор.

Справа от Иисуса в северо-восточном углу двора находится жертвенная бойня. Слева толпы паломников толкаются у столов менял, чтобы поменять свои нечистые денарии и драхмы на еврейские шекели, которые пойдут в Храмовую казну. Биржевики бойко снимают свой процент с жертвы Богу. В городе у них прекрасные дома. Нужно очень угодить Синедриону, чтобы получить здесь доходное место. Далее стоят торговцы голубями и воробьями, забирающие свой процент. А за ними целый скотный двор блеющих и ревуших животных.

Атмосфера рынка не мешает раввинам в портиках и залах читать своей аудитории священное Писание, а народным вождям и пророкам - выступать перед паломниками. Здесь стоял когда-то Иеремия и говорил своему народу: "Вы творите дела ваши, а потом приходите и

становитесь пред лицом моим в доме этом, над которым начертано имя Мое, и говорите: мы спасены, чтобы впредь делать все эти мерзости. Не сделался ли вертепом разбойников в глазах ваших сей дом, над которым начертано имя Мое?”

-Это же вертеп разбойников! - повторяет Иисус слова Иеремии. - Кладбище истины! Пир мертвецов! Мясо преисподней!

Иисус начинает говорить, гнев, который копился в нем все эти месяцы, теперь свободно льется из него. Он говорит громко и отчетливо. Ученики и пришедшие с ними селяне распространяют в толпе паломников весть, что это - Мессия.

-Вы считаете себя избранниками Неба? Посмотрите на себя! Посмотрите вокруг! Что же избранного в вас? Такими вы были тысячу лет назад, такими же будете через тысячу лет. Стыдно человеку быть таким же, как его отец и мать! Человек должен меняться. У него должны быть страсть и ненависть. Ненависть к настоящему и страсть к будущему, в котором не будет сынов человеческих, но все станут детьми Неба. Голод, только голод ведет человека к Небу. Посмотрите же на себя и скажите, чем вы лучше своих отцов? Род приходит, и род уходит, и нет ничего нового под Небом. Небо устало смотреть на вас. Я устал смотреть на вас. Человек рождается, ест, пьет, плодится и умирает. Вот и все, что он делает! И он думает, что его имя занесено в книгу Неба? Думает, что придет час, когда его человеческий Бог тщательно взвесит его жизнь? Что в ней взвешивать? Она не весит ничего! Стада коров паслись во времена Моисея на берегах Нила. Стада коров пасутся у Нила и ныне. Какая разница между теми коровами и этими? Никакой! Говорю вам: это одни и те же коровы! Никуда они не уходили и не приходили. Но вечно остаются в этой преисподней. Зачем Небу эти коровы? Чем вы лучше их? И если человек таков же, то прав Соломон, что участь сынов человеческих и скотов - одна участь, ибо нет между ними разницы. Как назвать этот мир? Я назову его скотным двором! Но не должно быть так у человека! Не должен он быть только идоложертвенным мясом преисподней! У человека не должно быть прошлое как будущее, а будущее как прошлое. Тысячи тысяч ртов произносили то, что вы произносите, тысячи тысяч рук делали то, что вы делаете. Ели, пили, женились, лгали, крали, убивали и прелюбодействовали! Когда же вам станет тошно от самих себя?

Толпа недовольно ропщет. Иисус хочет оскорбить ее еще больше и продолжает говорить. Именно за этим он и пришел: неслыханно оскорбить мир. Он принес не мир, но меч, - и никого не пощадит.

-Говорят, береги честь смолоду, будто честь дана человеку от рождения и одна ему заслуга - сохранить полученное. А я говорю: человек рождается без ума, чести и совести! И если он ничего в своей жизни не сделал, чтобы их приобрести, то и умирает он таким же, каким родился: без ума, чести и совести. Не надейтесь, что с пророками получаете ум, с Законом - совесть, а с царями - честь. Оттого они только и есть, что заменяют вам ваши ум, честь и совесть. А были бы у вас свои, то не понадобились бы вам пророки, законы и цари. Были бы вы сынами Неба. Скажи себе: я - невежда. Скажи себе: я - урод. Скажи себе: я - чудовище. Скажи себе: я - мясо преисподней. Не думай, что это не про тебя. Это - про тебя! Будь ты раб, царь, жрец или пророк, праведник или грешник, - это - про тебя! Только сыны Неба свободны от человеческого. Кто из вас - сын Неба? Все вы - дети ада, в котором живете. Вот вам молитва на каждый день. Повторяйте себе ежечасно: мы - дети ада, - и быть может, вам, наконец, станет тошно от самих себя. И захочется вам свободы Неба. Тогда охватит вас голод, который не насытит хлебом земли. Только мертвецы бывают сытыми. Все вы - заснувшие в этом мире от обжорства. Когда же вы пробудитесь от голода и воскресните к Духу Святому? Как мне хотелось бы, чтобы все вы воскресли!

Одобрительный шум идет по толпе. Мессия желает им всем воскресения в Царстве

Небесном. От имени Бога он делает такой посул?

-Имеешь ли ты власть такое обещать? - раздаются голоса.

-Моя власть - говорить вам правду, чтобы могли вы подняться от земли к Небу. Нет у меня власти даже камень сдвинуть в этом Храме, ибо придут ваши стражи и свяжут меня. Моя власть - от Духа Святого.

-У нас есть пророки и Закон.

-А я говорю: есть то, что выше всех пророков, всех законов и всех человеческих богов - Святой Дух! У Бога Израиля есть имя, а у Святого Духа нет даже имени. И когда говорю: Святой Дух, - нечего не говорю. Он - выше человеческого. Царство Небесное вне языка.

В Красных воротах появляются Верховный жрец Иосиф Каифа, его тесть Анна и коллегия священников. Храмовая стража сгоняет нищих и калек со ступеней, расчищая дорогу тем, кого эти жалкие существа не должны даже касаться, ибо все служители святилища омыты перед Яхве и облачены в белый лен. Среди почетной свиты находится и александрийский раввин Филон, очень важный паломник, знаменитый толкователь Торы в духе платонизма, фактический основатель христианской патристики. Филон считает Верховного Жреца невежественным карьеристом, Каифа видит в александрийском раввине надменного выскочку, но, будучи публичными людьми, оба соблюдают политические приличия. Философ одет в традиционный иудейский костюм паломника, оставив дома римскую тогу и башмаки, которые привык носить в Александрии. Все они стоят с покрытыми головами в знак смирения перед Господом и слушают возмутителя покоя в алом плаще и без платка, как ходят язычники, не ведающие могущества Яхве.

Иисус замечает это священное собрание и продолжает говорить, вызываясь смотря им в лица.

-У всякого бога есть храм. Так уж заведено у людей, что бы боги их, обитающие на небесах, имели дом на земле. Строят люди своим небесным богам земные дворцы, соревнуясь друг с другом в роскоши и полагая, что боги их, как и они сами, падки до золота и камней. Говорю вам, все боги человеческие не больше человека. И Бог Иакова не больше Иакова, Господь Моисея не больше Моисея. Где будет построен храм, туда придут жрецы и назовутся слугами божьими. И станут они хозяевами храма, и вскоре им понадобятся собственные слуги. Где будут жрецы, там окажутся и торговцы, ибо нет более почетного и доходного занятия, чем торговля святынями. Где храм, там всегда торговцы! Помните об этом и не удивляйтесь потом, что в Храме вашем служат мраку и наживе. Посмотрите вокруг! Разве свят человек со своим человеческим? Так почему же святым становится место, где тысячи собираются для человеческого? Разве мерзость, умноженная в тысячи, становится святой?

-Как смеешь ты порочить Храм? - раздается голос из толпы.

-Не я - для Храма, Храм - для меня!

-Его строили тридцать лет! И не ты его строил!

-Такой Храм не стоит и трех дней!

Начинается ропот и смута. Сотни людей переспрашивают друг друга о сказанном, толкаются, и весь двор приходит в возбуждение.

-Я строил свой Храм всю жизнь, - продолжает Иисус. - И он внутри меня. Стройте и вы Храм свой только внутри себя, куда не войдут жрецы и не пролезут торговцы. Ваш Бог имеет имя и дом на земле, а Святой Дух не имеет имени и единственный дом его - ваши души. Забыли вы от рождения своего, что в каждом из вас Святой Дух, что на нем основывается душа ваша и весь ваш мир вокруг вас. Думаете, этот мир Богом создан? Этот мир вами создан! Есть душа - есть и мир. Нет души - нет и мира. Бог же, которого вы называете своим Господом - истинно, Господь ваш, ибо он есть любовь вашей души к себе самой. Зачем Бог тому, кто не любит себя?

Кто может быть Господом свободному от человеческого? Из камней построен ваш Храм, но говорю вам: этим камням не нужен Бог. Помните! Все храмы этого мира сложены из безбожных камней. Вы попираете их, но вы не господа им. Вы придете и уйдете, а они останутся. Тысячи лет они будут свободно лежать камнями, а потом превратятся в прах. Их не испугаешь адом, их не купишь раем. Зачем им рай? Что им ад? Камни не любят себя! В этих камнях Царство Небесное! Но человек любит себя во всякую минуту своей жизни. Любит, когда ест и пьет, когда спит и бодрствует, когда убивает и умирает. Любит, когда совершает все человеческое, и нужен ему человеческий Бог, который понял бы все его мерзости и оправдал его любовь к себе. Думаете, человек грешен по собственной воле? Грешна его душа, ибо рождена для этой преисподней, а не для Царства Небесного. Не откроется человеку Царство Небесное, пока не возненавидит душу свою. Тогда увидит он правду свою во всем ее безобразии. Как бы узнать человеку свою мерзость! Как бы понять ему свое невежество! Как бы увидеть человеку свое лицемерие! Ибо не знает он всего этого за собой. А если бы знал - не был бы собою, но стал бы сыном Неба.

Александрийский раввин Филон внимательно слушает пророка в алом плаще с каким-то сложным, особенным выражением глаз. Не все слова Иисуса ему чужды. Он сам философ-просветитель и враг невежества. Но этот человек безумствует! Он оскорбляет все святыни человечества. Он богохульствует! И выбрал местом для этого Храм. В речах этого человека Филон узнает ненавистный ему гностицизм. Вот он - один из "потомков надменного Каина", о которых он писал в своей книге. Они говорят о каком-то невразумительном небе и с помощью этого слова ниспровергают весь земной порядок. Да, у Бога Израиля есть имя. Его имя - Сущий. Яхве - это Бог выживания. Устами своего пророка Моисея он сказал евреям в пустыне: будьте верны мне, и я сохраню вас; служите мне, и я преумножу вас. И разве этот Бог солгал? Евреи пережили всех своих врагов. Они переживут и будущих недругов. Их Бог - бог жизни. А бог этого безумца - смерть. Что ж! У греков тоже был некий Сократ, который не почитал отеческих богов и насмеялся над своим народом. За презрение к святыням греки его казнили. Вот и этот Иисус сейчас надменно смотрит на свой народ и презрительно ему кричит:

-Вы кланяетесь и твердите: Господи, Господи, ты - наш Отец небесный. Но всю вашу жизнь вы не поднимаете своей головы от земли! Как же вам стать сынам Божьими, если вы даже не видите Небо?

Филон, как истинный философ, спокойно воспринимает все последующие события. Каифа подзывает к себе начальника храмовой стражи, велит ему арестовать смутьяна и доставить в так называемый зал Каменных плит, где Синедрион проводит свои заседания. Раввин полностью одобряет это решение. Отправляясь на историческую родину, он снимает с себя вместе с римской тогой и римскую веротерпимость. В Александрии ему, как и всем евреям империи, приходилось иногда выслушивать унижительные насмешки египтян над еврейским богом, но непозволительно никому оскорблять Яхве на земле Израиля. В Иерусалиме действует Закон Моисея. Богохульник должен быть арестован, изолирован и поставлен перед Синедрионом. Подобные дела суд рассматривает при закрытых дверях, а его протоколы не подлежат огласке.

Начальник стражи, как отчаянный пловец, бросается в растянувшуюся перед ним людскую реку, увлекая за собой своих подчиненных, чтобы переплыть ее от Красных ворот до портика Соломона, где стоит Иисус. Но ему не суждено исполнить приказ Каифы. Будто прорвав плотину, багряный вал от северной стены надвигается на толпу паломников. Римские дозорные заметили волнения в Храмовом дворе. Трибун Лисий тотчас направил туда дежурную центурию и поднял весь гарнизон по тревоге. Сам прокуратор Понтий Пилат, прибывший в город на Пасху, поднялся на юго-восточную башню Антоньевой крепости, чтобы наблюдать за происходящим.

Центурия внизу разливается по двору. Это не захват вражеской территории, а лишь

демонстрация силы. Но полицейская операция проводится по-военному четко. Солдаты надвигаются на толпу, стуча мечами в щиты, как в барабаны. Под этот рокот они растягиваются в цепь, смыкая щиты в единую линию, а затем эта живая стена, ошестинившаяся пиками, начинает медленно надвигаться на толпу.

В это время Иисус произносит финальную часть своей речи:

-Радуйтесь! Человек свободен! Он свободен стать сыном Неба!

Радуйтесь! Ада нет! Худшее с вами уже случилось!

Радуйтесь! Жизнь кончается! Впереди только Царство Небесное! Радуйтесь!..

И с окончанием его речи во дворе Храма наступает хаос.

Толпа вокруг него теснится и толкается, снося храмовую стражу своим течением в сторону южного портика. Кто-то падает. Кто-то истошно кричит. Гремят опрокинутые столы менял, и деньги валяются рядом с кучами навоза. Ревут животные. Голуби из переломанных клеток взмывают ввысь, радуясь свободе, как сыны Неба. Цепь солдат неукротимо надвигается на толпу. В нее летят камни, утварь, обломки столов и клеток, и первыми на землю замертво ложатся самые непокорные. Двор Храма поливается человеческой кровью, словно происходит великое жертвоприношение во славу Яхве. Солдатам не давали приказа на резню, но каждый из них согласно воинскому уставу имеет право убить всякого, кто угрожает его жизни, и все они охотно следуют этому правилу. Они перешагивают через трупы и теснят толпу к южной стене, выдавливая ее из Храма через ворота, как пасту из тюбика.

Только две группы в этой сумятице остаются неподвижными. В Красных воротах на верхней террасе стоят Каифа и члены Синедриона. Солдаты им не опасны, и они скорбно наблюдают за происходящим, не имея власти его остановить. На противоположном берегу в колоннаде стоит Иисус с учениками и тоже мрачно смотрит на бойню. Строй солдат приближается к нему. Но он и не думает уходить. Он ждет их мечей и пик. Его ученики приходят в смятение. Они понимают, что, если он сейчас не отступит, его убьют вместе с другими. Иисус не хочет отступать. Слева от него стоит хромой Иуда в портупее, на которой вместо меча висит эбеновый пенал. Они ждут.

-Учитель, нужно уходить, - говорит Петр. - Учитель, уходим.

-Пора, - шепчет самому себе Матфей. Он уже различает безжалостные лица под солдатскими касками, и ужас его возрастает пропорционально сокращающемуся расстоянию до них.

-Учитель, они убьют тебя! - кричит растерянный Иоанн. Ему опять начинает казаться, что он видит кошмарный сон.

Раввин Филон сокрушенно взирает на этот еврейский погром в самом сердце Израиля. Четыре автора увековечат позором имя Понтия Пилата, и трое из них сейчас находятся здесь: Матфей, Иоанн и Филон.

-Иисус! - кричит Петр, забыв в панике почтительное "учитель", - Иисус, уходим!

Вдвоем с Андреем они хватают его и силой тащат с крыльца. Прочие окружают их, готовые закрыть Мессию своими телами. Последним уходит Иуда, которого никто не пытается спасти. Но смерть без Иисуса ему самому кажется бессмысленной и напрасной жертвой, и он мрачно уходит вслед за своей группой, не торопясь и не оглядываясь на надвигающийся сзади вал, будто предоставляя себя судьбе, которая вольна сохранить его или уничтожить.

Толпа в давке покидает двор через ворота Царского портика и по южному склону Храмовой горы скатывается вниз, подобно снежной лавине или грязевой сели. Люди падают, ранясь и калечась. Сотни ног проходят по их телам, давя до смерти. В этом замешательстве уже никто не обращает внимания на человека в алом плаще, который безучастно, как манекен, движется в окружении своих опекунов - кукловодов. Он должен был сейчас стоять перед членами

Синедриона в зале их заседаний и говорить им в лицо такое, чего они и помыслить не смели. Он не искал чужих смертей и увечий, он не ждал этого римского вмешательства в свою битву с Яхве.

Они спускаются в лощину Тиропеон, которая тянется от крепости Антония, оставшейся за Храмом, до купальни Силоам у Стефановых ворот, где вчера рухнувшая крыша купальни погребла под собою несколько десятков паломников. Поистине, нынешняя Пасха сопровождается большими человеческими жертвоприношениями. Дорога, отделяющая Храм от города, заполняется паломниками. И теперь они точно напоминают беженцев, уходящих от вражеской армии.

-Куда нам идти? - вопрошают ученики. - Что делать дальше, учитель? Вернемся в Вифанию?

Они подавлены. Торжественный въезд Мессии в Иерусалим не увенчался триумфом. Никому нет сейчас дела до Мессии. Люди несут своих раненых и убитых в город, и слух о резне уже распространяется по нему. Симону-зелоту кажется, что сейчас самое подходящее время для того, чтобы поднять восстание. Вождю народа, которого он по-прежнему видит в Иисусе, необходимо подняться на косогор и призвать эту толпу к отмщению. А затем войти на волне ее гнева в город и там снова метать, как молнии, зажигательные речи во все новые толпы паломников. Сегодня в этом городе собралась вся страна, и здесь очень много зелотов. Кому, как не Иуде, знать об этом, который посвятил их движению всю свою жизнь! Но Мессия и комиссар зелотов разочаровывают Симона. Он видел, каким бесстрашным может быть Иисус, он знает, каким решительным способен оказаться Иуда. Им много дано. Почему же они бездействуют? Если бы у Симона были их таланты и знания, он не стал бы задумываться.

Иисус без сил опускается на обочину тиропеонской дороги и безмолвно смотрит в землю.

-Учитель, ты не виноват, - бормочет Иоанн.

Он сам понимает, что глупо делать такие заявления с его стороны. Но ему кажется, что Иисус нуждается в каком-то утешении. Невинная кровь, которую Симон считает закваской революции, ему представляется дурным предзнаменованием. Мессианское царство света и добро не должно начинаться с грубого вторжения багряного зверя с римской печатью на челе. Но учитель произнес последними словами в Храме фразу: "Радуйтесь! Впереди только Царство Небесное!" Следовательно, он уверен в своей победе. Следовательно, все будет хорошо. Следовательно, всех их примут на небе в жизнь вечную. И вечно будет Иоанн вместе со своими друзьями возле возлюбленного учителя слушать музыку его речей.

-Что нам делать, учитель? - опять спрашивает Петр, не смея больше принимать самостоятельных решений.

Иисус не говорит ни слова и, похоже, даже не слышит.

-Идите за мной, - вдруг властно говорит Иуда - Иисус, пойдем.

Рыбак с сомнением смотрит на него: вправе ли Иуда куда-то вести их, - но Иисус равнодушно и безучастно поднимается и следует за ним. Иуда ведет их в противоположную от Храма сторону к купальне Силоам. Петр уже полагает, что они сейчас выйдут из города через Стефановы ворота и вернуться в Вифанию, но Иуда поворачивает на запад и ведет их по улицам южных окраин. Впереди них движется какой-то водонос с пузатой амфорой на плече и кружкой, привязанной к его поясу. Это - продавец воды, а точнее подслащенного фруктами и медом шербета. На каком-то углу он сворачивает и исчезает из виду, но когда они достигают этого угла, Иуда ведет их туда же. И опять спина водоноса маячит перед ними, словно он их поводырь в этом лабиринте улочек и тупиков. Начинается подъем на Сион в Верхний город. Бедняцкие кварталы кончаются, сменяясь дворами зажиточных горожан. Три громадные башни дворца Ирода нависают над путниками. Удивительно, но торговец шербетом по-прежнему идет впереди

них, неся свою амфору как факел, будто указывает им дорогу. Его глупая фигура начинает раздражать учеников. Нашел время торговать своей водицей! Наконец, он исчезает за очередным поворотом и теперь уже навсегда. Они попадают в аристократический квартал. Высокие каменные заборы вдоль широкой улицы, массивные ворота, за которыми угадываются жилища богачей.

Ученики переглядываются. Куда завел их Иуда? В таких домах должны жить члены Синедриона, иерусалимская знать. В этом квартале нет людских скоплений, гостиниц для простонародья, у ворот не сидят старики и не толкутся дети. Здесь царят достойная тишина и властный покой. Дома хранят гордое и высокомерное молчание. Этот квартал из всех учеников Иисуса знаком лишь Иоанну и Иакову, сыновьям Зеведея левита. Здесь они посещали с Назаретским судьей дом первосвященника Анны, вельможного старца с мягкими манерами. Наконец, Иуда сворачивает уверенно в какой-то тупик, и группа в молчании следует за ним. Он останавливается перед воротами, отделанными инкрустацией из орехового дерева и властно стучит в них.

-Чей это дом? - спрашивает Петр.

-Мой.

Ученики с недоумением смотрят на высокий забор, из-за которого выглядывает крыша дома с декоративными башенками на углах.

-Так ты богач? - произносит вслух Андрей то, что все остальные только подумали про себя.

- Имея такой дом, ты мог бы кормить нас и получше, - мрачно шутит рыбак.

-Ты не ради брюха пошел за Иисусом, - холодно отвечает Иуда.

-Конечно, нет, - бормочет Андрей. - С тобой и пошутить нельзя.

-Вот и не шути.

-Кто там? - раздается голос из-за ворот.

-Это я, Нахум.

Калитка в воротах открывается и оттуда выходит старик.

-Мой господин, - произносит он, хватается за Иуду трясущимися руками и хочет опуститься на колени.

Иуда ему не позволяет это сделать.

-Перестань, Нахум, я давно сказал тебе, что ты мне не слуга.

-Да, господин.

-Это мои друзья. У тебя все хорошо?

Старик радостно кивает.

-Как твоя жена? Я буду рад ее видеть.

-Она хворает. Но все хорошо, все хорошо.

Они входят во двор. Перед ними предстает некогда богатый, но теперь запущенный дом с садом, конюшней и служебными пристройками. Деревянная лестница, пристроенная к торцу дома, ведет на крышу, где имеется флигель. Оттуда по лестнице спускается молодая женщина с радостным лицом. Она стремительно подбегает к ним и бросается в ноги Иисусу. С неприятным чувством Иоанн узнает в ней магдальскую блудницу. После новости о богатстве Иуды это уже второе досадное открытие. Но у юноши нет сил думать сейчас об этом.

-Встань, Мария. Здравствуй, - Иисус дружески поднимает ее с колен.- Как тебе тут живется?

-Хорошо, учитель. Меня здесь приняли, как родную. Благодарю и вас, господин, - обращается она к Иуде.

Он ей кивает и уходит с Нахумом поздороваться с его старухой. По застывшему лицу Иисуса Мария понимает, что случилась какая-то неприятность. Не такой встречи она ждала. Мечты никогда не сбываются. Она знает, как ни загадывай будущее, она всегда оказывается иным. У

спутников Иисуса тоже вид удрученный. Лишь Матфей ей улыбается.

-Хорошо выглядишь, Мария, - говорит он. - Рад тебя видеть.

-Я тоже, Матфей.

Пока они разговаривают, Иисус и остальные проходят во двор и тяжело опускаются на ложе. В другое время они стали бы с любопытством разглядывать дом Иуды, подшучивать или сердиться, но не сейчас. Все хотят расслабиться и заново осмыслить события в Храме. Кое-кто из них вообще впервые увидел убийство и поразился тому, как легко это делается и обыденно. Нужно лишь сбросить какую-то щеколду с души, - и мясо человеческое перестанет отличаться от звериного. А какая разница?

-Потом поговорим, - шепчет Матфей Марии и хочет пройти.

-Что-то случилось?

-В Храме римляне убили многих, - на ходу объясняет он.

Она остается у ворот одна.

-Дочка, помоги,- зовет ее Нахум, и она с чувством разочарования направляется в дом.

Иуда отдает им распоряжения об обеде, постелях и прочее.

-Накройте стол в верхней комнате, - приказывает он.

-Господин, припасов маловато, - признается старик. - Мы с Марией давно уже на рынке не были.

-Я схожу сам.

Его отвлекает Петр.

-Нужно поговорить, - заявляет он с порога.

-Говори.

-Отойдем.

-Говори здесь.

Петр неуверенно смотрит на старика и женщину.

-У тебя есть оружие?

-Зачем тебе? - вопросом отвечает Иуда.

-У меня плохие предчувствия. Что-то случится. Я хочу защитить Иисуса.

-Ведь мы говорили с тобой об этом вчера.

-Я помню. - Петр не скоро забудет их разговор в Вифании. - Но я не могу сидеть, сложа руки.

-Лучше тебе их сложить.

-Не могу.

-Ему это не понравится, - предупреждает Иуда.

-Просто дай мне оружие, если оно у тебя есть! - теряет терпение рыбак.

Иуда хмуро осматривает его решительное лицо.

-Нахум, дай ему меч.

-Лучше - два.

-Дай ему два меча.

-Сейчас, господин? - спрашивает старик.

Иуда вопросительно смотрит на Петра.

-Потом. Я сам подойду к тебе, старик.

Иуда считая разговор окончанным, возвращается к своим распоряжениям.

-Значит, приготовьте верхнюю комнату. Пусть гости отдыхают. Если что попросят, дайте им. А я схожу на рынок.

Он выходит вслед за Петром и подходит к ложу, на котором возлежит само уныние. Ученики расположились по всему его периметру и лежат головами к центру, образовав

многоконечную звезду. Лишь Иуду не потрясла эта резня, словно он обладает иммунитетом к подобным сценам и привычен ходить по трупам.

-Андрей, - властно произносит он, - ты жаловался на плохую еду. Пойдешь со мной на рынок. Сегодня еда будет хорошая.

Андрей неохотно привстает.

-Как есть после этого? - хмуро вопрошает он.

-Обыкновенно. Поверь мне, вечером у вас будет зверский аппетит.

-Как ты можешь так! - не выдерживает Петр.

Иуда коротко усмехается.

-Если бы человек навсегда терял аппетит от горя, он был бы ангелом. Но ему это не грозит. Смерть даже возбуждает. Поэтому римляне держат гладиаторов.

Могучий рыбак встает и не удерживается от вопроса:

-Ты видел гладиаторские бои?

-Конечно. Возьми этот короб. И пойдем.

-Хорошо. Тебе понравилось?

Иуда скептически взглядывает на Андрея, который на голову выше его, и отвечает:

-Это учит презирать смерть. И человека тоже.

-Зачем же ты смотрел?

-Именно за этим! Из тебя, Андрей вышел бы хороший гладиатор.

-Я не стал бы драться на потеху кому-то!

-Значит, умер бы на галерах под плетью надсмотрщиков.

-Умеешь ты, Иуда, сказать приятное, - ворчит он.

-Иди за мной, рыбак. Пока тебе грозит только труд носильщика.

После их ухода Иоанн признается:

-У меня до сих пор кровавые лужи в глазах. И мальчик затоптанный.

-Тяжелое зрелище, - соглашается Матфей. - Но Иуда - мудрый человек. Он прав: скоро мы захотим есть.

-Вот еще - мудрый! - фыркает юноша.

-Помолчите! - раздается голос Иисуса.

Он встает и уходит в дом. Там Нахум и Мария хлопочут на кухне.

-Я пить хочу, Мария, - просит Иисус.

Женщина оставляет чечевицу, которую перебирала, идет к чану с водой, черпает из него кружкой и с поклоном подает ее ему.

-Возьмите, учитель.

Он жадно припадает к кружке.

-Матфей сказал мне, что случилось в Храме....

Он отчужденно смотрит на нее, словно вспоминая, кто эта женщина.

-Да,- наконец, подтверждает он.- Много людей погибло. Из-за меня.

-Из-за вас?

-Из-за меня. Но не по моей воле.

Он возвращает ей кружку.

-Спасибо, Мария. Вынеси им тоже воды. Пусть и они попьют.

Женщина кивает. Он выходит во двор и, постояв там немного, поднимается по лестнице, идущей вдоль стены, во флигель на крышу. Очевидно, всякое общество ему сейчас противно.

Все это время пока он стоял рядом с Марией и пил воду, ей страстно хотелось прикоснуться к нему, но она не могла даже заставить себя смотреть ему в глаза. Так не смеют люди смотреть на лица царей и богов, чтобы не уравниваться с ними и не оскорбить их этим равенством. Как

говорил Иисус, по взгляду душа узнает душу и понимает, что обе они от единого Духа Святого и что миры, созданные их языками, соприкасаются и накладываются друг на друга. Знает это человек. Знает это и зверь. Но не помнят они акта рождения своей души и думают, что ставший для них общим мир создан богами и демонами. Вот почему человек и зверь прячут глаза: чтобы не уравниваться и не быть узванными. Вот почему они ловят взгляд: чтобы их узнали и полюбили. Вот почему египтяне рисовали на храмах всевидящее око - символ мира и души.

Мария рассеянно берет кувшин и кружку и идет во двор. Несколько месяцев она ждала этой встречи с Иисусом, думала о нем днем и ночью, - и в этом фимиаме томления он становился все божественнее и краше. Муж не может быть богом для женщины. Богом может быть только недоступное существо. Иисус стал им для Марии, проведенной месяцы в монашеском уединении со стариком и старухой. И теперь ее одолевают противоречивые желания: она не смеет смотреть в глаза Иисусу и ей хочется поймать на себе его взгляд.

Душа ее робеет и жаждет, трепещет и надеется, благоговеет и уравнивается с другой душой. И хочется ей, чтобы не было у них с Иисусом двух душ, но был один мир и одна душа. И не ведает Мария, что так слиться можно лишь в Святом Духе, расставшись с душой навсегда. Но она что-то чувствует, какая-то часть Марии знает это - и поэтому ей сейчас хочется плакать. Тайная мудрость, которая хранится в каждой живой твари от Духа Святого, подсказывает ей, что для человеческого и звериного все кончится плохо. На лице Иисуса это честно написано: все будет плохо.

-Не хотите ли воды напиться, гости дорогие? - тихо спрашивает Мария.

Ученики поднимаются с ложа и по очереди жадно пьют из кружки, а затем безжизненно валяются обратно в свое уныние. Матфей помогает ей, а потом провожает до дома с кувшином.

-Отчего ты печальная, Мария?

-Ты тоже невеселый, Матфей.

-Мы попали на гладиаторскую потеху. Вот и невеселые.

Мария непонимающе смотрит на него.

-Забудь! Ты здесь не скучаешь по Капернауму?

-Скучаю. Я тебя часто вспоминала, - запросто признается Мария. - Ты мне как старший брат.

-Брат? Да, наверное, - соглашается мытарь.- Не думал я, конечно, обзавестись сестрой. Но я рад, сестричка. Так у тебя все хорошо?

-Не знаю.

-А что не так?

-Грустно мне отчего-то.

Матфей с пониманием кивает ей головой.

-Грядут большие перемены, Мария. Я сам не знаю, какие. Но что-то произойдет. Иисус за этим пришел в Иерусалим.

-Что он сделает?

-Что-то невероятное. Мы живем, Мария, при величайшем человека.

Мария начинает плакать и уходит в дом. Нахум видит ее слезы и спрашивает:

-Что случилось, дочка? Тебя кто-то обидел из этих молодцов?

-Нет, отец, - утираясь и стараясь улыбаться, произносит она. - Никто меня не обидел.

Старик пытливо всматривается в нее. Он знает ее историю. Она открылась ему и в своей любви к Иисусу за долгие вечера, которые они просиживали вместе на любимом месте старика в глубине сада.

-Так ты из-за него плачешь?

-Я ему не нужна.

-Дочка, дочка! Он тебе так сказал?

Мария качает головой.

-Так чего ты реवेशь раньше времени? Он пришел с дороги. А тут еще эта беда в Храме. Проклятые римляне! И когда их Господь покарает?

-Я не буду больше плакать, - обещает она.

-Вот и хорошо. Пойдем готовить для вечера верхнюю комнату.

-Там, кажется, учитель отдыхает.

-Ты тоже зовешь его учителем?

-А как мне его называть?

-По имени.

-Я не осмеливаюсь.

-А ты попробуй. Ему понравится. Разве он не мужчина, чтобы ему не понравилось, как нежно его называет такая красивая женщина?

-Ах, отец!

-Дочка, мужчины любят ласку. Только не перечь ему. Уж очень это им не нравится. По себе знаю. Когда моя старуха мне перечит, видеть ее не хочу. Ну, пойдем?

Марии становится легче от его слов.

-Пусть он еще там немного отдохнет.

-Ну, хорошо. Время есть.

Мария принимается начищать медный светильник. Нахум бездумно наблюдает за ее работой. Ему приятно одно ее присутствие. В его стариковской жизни с глухой, бездетной Елизаветой она стала отрадой.

-Не спеши, дочка. Нам спешить некуда, - с возрастом Нахум стал дорожить временем как таковым. Время и есть жизнь.- Поспешающий, дочка, только к смерти своей торопится, - поучает он молодую женщину.

-Да, отец, - соглашается она, умалчивая о том, как торопила она все эти месяцы и как торопит сейчас часы.

Возвращаются Иуда с Андреем, который тащит короб, полный съестных припасов. Он оставляет короб на кухне и возвращается к ученикам.

-Уф, загонял меня Иуда по жару, - он устало опускается на ложе. - Тесно же в Иерусалиме! Я бы не смог здесь жить.

-Что в городе? - спрашивает Петр.

-В городе? Скорбь и траур. Говорят, тридцать убитых, а увечных более сотни.

Иуда с Нахумом и Марией поднимаются по деревянной лестнице в верхнюю комнату. Иисус лежит на кушетке, заложив руки за голову, и смотрит в потолок. При их появлении он садится и вопросительно смотрит на Иуду.

-Синедрион ищет некоего Иисуса из Назарета, - без эмоций сообщает тот. - Объявлено на рынке и у дворца Хасмонеев и обещано вознаграждение: тридцать шекелей. Тебя ищут.

-Недолго им искать.

-Вернемся в Храм?

-Нет.

-Что же будем делать?

-Ты готов что-то делать?

-Я иду с тобой. Для меня ничто не изменилось со дня нашего разговора на таможне, - Иуде кажется, что Иисус в нем усомнился. - Я готов к любой жертве.

-К жертве?

-Да, - подтверждает он. - Я готов уйти с тобой.

-Хорошо,- очень серьезно произносит Иисус. - Я скажу, что делать, когда решу.

Марию этот разговор пугает. Она поняла лишь то, что Иисус объявлен в розыск, но ей и этого достаточно. Что же теперь? Ведь ему придется скрываться от врагов. Возьмет ли он ее с собою? Она тоже готова на любые жертвы. Она тоже хочет уйти с ним, куда бы он ни пошел.

Иуда хладнокровно отдает распоряжения Нахуму.

-Принеси еще светильников. И приготовь воду для омовения.

-Я принесу, - вызывается Мария и бросает взгляд на Иисуса. - Тебе что-нибудь принести?..

Учитель, - его имя не выговаривается у нее.

Нахум это замечает и укоризненно качает головой.

-Нет, спасибо, - отвечает Иисус.

Сбегаая по лестнице, Мария твердит про себя: “Иисус, Иисус, Иисус”. Она должна назвать его по имени. Это как заклинание, которым открывают запретные двери. Она должна назвать его по имени. Тогда все изменится. Она возвращается с двумя светильниками и передает их Нахуму. Иуда вышел уже, но Иисус по-прежнему сидит на кушетке и смотрит в пол. Она опять сбегает вниз и возвращается с тазом и кувшином для омовения. Нахум смотрит на нее со значением и специально уходит в дальний угол, где сложены горой матрацы и одеяла. Пока она набирается смелости, Иисус решает, что он мешает убранству комнаты, решительно встает и выходит. Мария догоняет его на лестнице и выпаливает:

-Я слышала ваш разговор с Иудой. Вы говорили, что куда-то хотите уйти. Можно мне пойти с тобой?

Иисус осмысляет ее слова и сочувственно улыбается.

-Куда я иду, ты не можешь идти.

-Почему?

-Говорю тебе, Мария: и ты придешь туда, но не сейчас.

-Когда?

-Не знаешь, о чем спрашиваешь. Позже, Мария. Когда приблизится к тебе Царство Небесное.

-Я тоже готова на любую жертву! - это произносится ею как признание в любви, и Мария смотрит в глаза Иисусу.

Он встречает этот взгляд и отвечает ей со вздохом:

-Опять жертвы. Не нужны мне жертвы, милая. Я не бог, чтобы принимать жертвы.

-А как мне приблизиться к Царству Небесному?

-Оно само придет. Ты жди.

-Я буду ждать.

-Живи, Мария. И жди.

Лестница кончается, и они расходятся. Она так и не назвала его по имени. Мария решает, что обязательно сделает это завтра. Не нужно спешить. Поспешающий торопит смерть. Завтра она скажет ему: “Иисус, ты мой ангел и бог, я бесконечно преданна тебе и готова ждать, как ждут милости божьей, - всю жизнь. Мой Иисус”.

Ближе к сумеркам этого черного четверга все мужчины поднимаются в верхнюю комнату на тайную вечерю. Флигель чисто убран, застелен циновками и половиками. На длинном столе стоят серебряные блюда с традиционными пасхальными кушаньями, лежит хлеб из неквашенного теста. Лук и полынь, фрукты и вино. Пять светильников горят по всему пространству помещения. Ученики входят из темноты в эту желтую, апельсиновую мякоть комнаты поочередно, снимая сандалии на пороге, и рассаживаются вокруг стола согласно чину: во главе стола - Иисус, от него слева садятся Иуда и Матфей, справа - Иоанн с Иаковым. На противоположной стороне лицом к Иисусу располагается Петр. Андрей с Симоном и три ессея

составляют его ряд.

Нахум с Марией устраиваются в глубине сада на излюбленном месте старика, откуда виден дом, весь двор и ворота. Сверху сквозь молодую листву видны громадные башни дворца Ирода. На самой высокой башне Фазаила зажгли огни в знак того, что царь Антипа прибыл в Иерусалим.

В верхней комнате ученики сидят за столом, уставленным снедью, и сознают, что Иуда был опять прав: у них просто зверский аппетит. Им хочется заесть все тревоги дня ягнятиной и десертом. Иисус встает из-за стола и направляется в угол комнаты. Он торжественно наливает воду в медный таз и подвязывается длинным холщовым полотенцем, как низший слуга в доме или раб-банник. Давно уже привыкшие к странностям своего вождя, ученики безмолвно наблюдают за этим самоунижением Мессии.

Омовение ног Иисус начинает со своей таможенной команды. Идя от двери, он ставит таз перед Матфеем. Мытарь мгновенно вспоминает сцену, в которой Мария омывала ноги Иисуса и утирала их своими волосами, не имея полотенца. Происходящая ныне сцена полна еще большего символизма. Процедура проходит в полной тишине. Следующим свою искалеченную ногу ставит в таз Иуда, пытливо вглядываясь в холодно-умиротворенное лицо Иисуса. Иоанн принимает оказанную ему честь со слезами на глазах. Он прощает возлюбленному учителю все его упреки, которые до сих пор считал незаслуженными. Возможно, в этом и заключается смысл его поступка - это обряд примирения учителя с учениками? Покончив с этим рядом, Иисус выплескивает воду из таза с лестницы во двор, вновь наполняет его и переходит на другую сторону. Молодые ессеи смущенно и растерянно принимают его милость. Ни в Кумране, ни с Иохонаном такое было невозможно вообразить. Иерархия всегда свята. Вожди создают ее, а не ломают. Господа не моют ноги своим рабам, пастыри не прислуживают своим овцам. Этот акт анархизма вызывает у них недоумение. Когда очередь доходит до Петра, он упрямится.

-Учитель, вовек не омоешь моих ног!

Иисус холодно смотрит на него.

-Тогда ты не со мной.

Он колеблется и опускает ногу в таз. Иисус наклоняется перед ним, становясь на колено. Рыбак вспоминает крещение Иохонана, от которого Иисус их освободил. Таз представляется ему Иорданом. А омовение ног - снятием грехов.

-Учитель, омой мне и голову,- просит он.

-Достаточно того, что я сделал.

Последним ногу в таз ставит Симон. Он понимает, что это еще одна притча - притча в действии, как театральная постановка, и не мешает ее завершению. Выплеснув содержимое во второй раз на улицу, Иисус моет руки, поливая из кувшина себе, возвращается за стол и неспешно обводит всех взглядом.

-Зачем я это сделал?

-Чтобы очистить нас, - заявляет Петр.

-Я не заставлял вас мыть руки. Зачем же мне мыть вам ноги?

Ученики молчат.

-Посмотрите на меня. Я - сын Неба! Кто может похвастать лучшей родословной? - он гордо обводит их еще раз взглядом. - Но то, что я сделал вам сейчас, никогда не сделает вам тот, кто выше вас. Ибо сам он не свободен от власти. Сам есть раб ее. А вы будьте свободны от власти. И пусть у вас место никогда не заменяет суть, а должность не заменяет человека. Вот, я отправляю вас в этот мир, как овец среди волков. Этот мир вооружен властью, себялюбием, мстостью, жадностью, подлостью и всем человеческим, а вы безоружны перед ним. У вас есть только ваша свобода от человеческого. Но говорю вам: она побеждает все. Истинную свободу невозможно

отнять. И когда будут бить вас в синагогах и поведут на суд, если нашли вы в себе Святой Дух, то не будет равных вам по свободе. Тогда не беспокойтесь о том, что вам говорить и что делать, Святой Дух заговорит в вас. Пророки нашли малую часть от него и благовествовали, я даю его вам весь.

Как всегда, Иисус делает паузу, давая время осмыслить свои слова.

-Я оказал вам милость и омыл ноги, чтобы вы оказывали такую же милость друг другу. Знаю, вам хочется знать, кто больший из вас. Больший из вас тот, кто самый свободный? Почему человеку хочется возвыситься? Потому что он стоит внизу. И он сам свидетельствует об этом, ибо хочет подняться выше. Стоящий у подножия горы хочет взобраться на нее. Чего же хочет тот, кто уже взобрался? Поднять других! Ему уже нет нужды возвышаться, он уже выше всех. Над ним осталось только небо. Тогда ищет он себе равных, чтобы не стоять на вершине в одиночестве, умирая с голоду. В чем же заключается свобода человека? В том, что он ни с кем не судится и не признает суда над собою. Его можно убить. Это легко сделать. Но суда ему нет! Над ним только Небо! Что нужно свободному от людей? Ничего. Скажи мне, кто твой враг, и я скажу тебе, кто ты. Врагом своим ты назначил себе цену. Твой враг всегда равен тебе. И не возьмешь ты во враги недостойного себя. И овод досаждаст волу. Но разве станет овод врагом волу? Спроси себя, кто твой враг, - и узнаешь себе цену. У сына Неба нет врагов. Оводы могут заесть его до смерти, но не станут ему врагами. Поэтому говорил я вам: ударившему тебя по одной щеке подставь и другую, снимающему с тебя плащ отдай и рубашку, и прощай убивающих тебя. Они тебе не равня. В тебе - Святой Дух! С тобой Царство Небесное. Тебе нечего желать! Сказано: возлюби ближнего своего, как самого себя. Справедливо сказано, ибо превыше всего любит человек самого себя. Человек без любви - пуст. Без любви в нем только Святой Дух остается. От любви человека к самому себе любит он своих близких, любит мир и любит своих богов. Невозможно любить себя и не любить мир. Невозможно любить мир и не любить себя, ибо это - одно и то же. Люди не знают, но вы знаете: человек и есть мир. Душа, возлюбившая себя, и создала мир вокруг себя. Нет мира без души. И мир этот принадлежит человеку, его душе. Только Царство Небесное не принадлежит ему, ибо не Святой Дух для души, но душа - для Святого Духа. В акте самопознания чистого Духа родила себя душа. Верно, что Бог - это любовь. Бог - это любовь человека к самому себе, к своей человеческой жизни и к своему вечному бессмертию, ибо догадывается он, что со смертью душа его растает без остатка. И нет ничего страшнее для человека, чем Царство Небесное! Преисподняя милее ему, ибо в ней жива его душа. Человеку лучше тюрьма, чем свобода. Ибо любит человек себя превыше всего. Вы же не любите себя! Не любите, как я не люблю себя и не люблю этот мир. Я не люблю вас! И значит, не найти вам лучшего друга, чем я. Я не стану вам лгать. Ибо, зачем мне лгать, если я вас не люблю? Я не стану вас обкрадывать. Ибо, зачем мне обкрадывать, если я вас не люблю? Я не стану вас убивать. Ибо, зачем мне убивать, если я вас не люблю? Я не стану вам завидовать. Ибо, зачем мне завидовать, если я вас не люблю? Что же остается? Остается братство Святого Духа. Никогда нам не стать одной душой. Никогда нам не жить в одном мире. Никогда нам не быть одним целым. Но все мы изошли из единого Духа и все вернемся в него. Вот что нужно тому, кто остался один на вершине под Небом! Братство Святого Духа. Союз свободных душ. Мир света. Царство воскресших. Город знания. Комната истины.

Иоанн зачарованно слушает музыку учительской речи в последний раз. Петр изо всех сил честно пытается вместить в себя все это, а Матфей сожалеет, что не имел возможности записать эту великую мудрость.

-Петр, сегодня я преломлю хлеб, - говорит Иисус.

-Конечно, учитель.

Он берет со стола тонкий опреснок, ломает его на части и подает по несколько кусков:

слева - Иуде, справа - Иоанну и через стол - Петру.

-Это тело мое. Ешьте.

Он берет чашу, наполняет ее до краев вином, отпивает и передает Иуде.

-Это кровь моя. Пейте.

Чаша идет по кругу.

-А Дух Святой я передал вам словом. Примите его и храните.

Иисус разводит свои пустые руки и говорит с улыбкой:

-Больше у меня ничего нет.

Некоторое время все молча едят. Иисус почти ни к чему не притрагивается. Иуда лениво макает хлеб в соус и медленно жует. Он сознает, что идиллическая вечеря скоро кончится. Там, за стенами этого мирного дома агенты Синедриона разыскивают по всем гостиницам и караван-сараям Иерусалима некого Иисуса из Назарета. Недолго им искать, сказал он. Иуда ждет.

-Почему ты не ешь? - вдруг тихо спрашивает его Иисус.

Иуда мрачно улыбается.

-Глупо наедаться теперь.

Иисус удовлетворенно кивает. Дождавшись, когда остальные насытятся, он опять начинает говорить, но уже без всякого пафоса, сухим, обыденным тоном, как говорят о вещах совершенно пустяковых.

-Сейчас мы покинем этот дом. Негоже этому дому и всем, кто есть в нем, подвергаться унижению. Мы отправимся в Гефсиманский сад. Утром я видел там маслодавильню. Мы остановимся возле нее.

Иуда слушает этот план действий внимательнее всех.

-Утром в Храме погибли люди. Не по моей воле это произошло. Но все они ныне в Царстве Небесном. Я их даже не знал. Вы же были со мною все это время. Дьявол шептал мне про вас: сей их как траву, - что взойдет, то взойдет, что погибнет, то погибнет. Именно так поступают великие мира сего, отправляя тысячи на смерть. Но я всех вас сохранил. Кроме одного. Он сделал свой выбор. Его час пришел.

Иисус поворачивается к Иуде и внимательно смотрит на него.

-Ты готов?

-Да.

-Тогда сделай то, что должно. Больше здесь некому.

-Что мне сделать?

-Синедрион меня ищет. Пусть найдет меня.

Иуда замирает. Наступает тишина. Блики светильников играют тенями на лицах собравшихся. Все смотрят на Иуду, не понимая, что происходит. Он хочет что-то сказать. Но Иисус не дает это сделать.

-Вспомни и пойми: не жертвы хочу, но милости. Жертва - от любви, милость - от свободы.

Кажется, произошло то, чего больше всего боялся Иуда. Он потрясен. Впервые потрясен. Он проводит рукой по лбу и бессмысленно смотрит на свою влажную ладонь. Потом он медленно встает, и тень его поднимается по желтой стене и, преломившись на потолке, нависает над столом. Подобно Иаиру, который брел среди ночи за лунным светом, никого не видя и не слыша вокруг, Иуда сомнамбулически выходит из комнаты. Слышно, как стонут ступени под его ногами, слышно, как визжит калитка от его рук, и все стихает.

Смысл этой сцены остается темен для учеников. Они лишь чувствуют в ней что-то зловещее. Все смотрят на эбеновый пенал, оставшийся на месте Иуды. Никогда прежде они не видели этот ящик брошенным или забытым. Он был неотъемлемой частью казначея, всегда на его боку или в его руках. Никто даже не дотрагивался до него. И теперь этот одинокий предмет

вызывает у них мистическое ощущение. Как будто Иуда ушел не весь, но сохранил за столом часть себя - свою руку или ногу. Как будто он оставил им в этом черном ящике тайну своей закрытой души, которая вот-вот выскочит оттуда и напугает их дьявольским хохотом.

-Нам пора идти, - произносит Иисус и хочет встать.

По ритуалу после пасхальной трапезы с наквашенным хлебом, горькой травой и агнцем заклятия должно детям Божьим петь хвалебный псалом Господу. Первыми начинают Фома и Филипп. За воспитанниками Кумрана подпевают и остальные. Иисус слушает их монотонный речитатив с замкнутым лицом:

-Хвалите Господа, все народы, прославляйте его, все племена; ибо велика милость его к нам, и истина Господня вовек.

Эти строки заучены ими всеми с детства, их губы привычно произносят благодарственную молитву, а глаза следят за руками Иисуса, который нервно мнет кусочек теста, будто хочет раздавить его без остатка. Наконец, произнесено последнее “аллилуйя”, - и он, бросив мякиш на стол, решительно встает. За ним поднимаются все ученики. Они обуваются, толпясь у двери, пока Иисус молча взирает на их возню с площадки. Все чувствуют себя немного виноватыми. Группа сходит с лестницы и направляется к выходу.

Лишь Петр задерживается. В сандалиях он возвращается в комнату, идет в угол, где сложены стопкой матрацы и одеяла, сует руку в этот слоеный пирог и достает оттуда два коротких римских меча. Сует их за пояс и накрывает хитоном. Ношение оружия разрешено только гражданам Рима и местным вельможам провинций, но не галилейским рыбакам. Петр направляется к двери и хочет уже выйти, когда его взгляд, скользя по опустевшей комнате, цепляется за этот эбеновый пенал. Петр застывает на месте. После недолгого раздумья он возвращается за стол и берет в руки ларец Иуды. Достает свиток и начинает жадно читать, не обращая внимания на высыпавшиеся из пенала деньги, перо и какой-то перстень.

“Мы встретились в Главной александрийской синагоге, где раввин Филон читал евреям свою книгу. Я был там по делам партии, Иисус - ради библиотеки. Я заметил его только потому, что после выступления Филона он сказал в толпе перед синагогой: у этого раввина и канат пройдет в угольное ушко, и мышь родит гору. Сказать такое александрийским евреям об их авторитете было очень глупо. Но он вовсе не был похож на глупца. Александрийцы запретили этому галилеянину входить в их синагоги. Эти снобы не терпели своих иудейских земляков и считали нас всех деревенщиной. Так я познакомился с Иисусом.

Человек молчит, когда ему нечего сказать, или - когда некому. Иисус много молчал. И мне захотелось узнать, о чем молчит этот странный человек. А вскоре я понял, что странным его делает близость к смерти. Он ел со смертью, ходил со смертью, спал со смертью и, наверное, только с нею и говорил. Я нашел того, кто знал о смерти больше меня”.

Петр возмущенно фыркает и продолжает читать дальше.

“А потом я вспомнил одного перса - прорицателя из Дамаска. Я рассказал ему свой давний сон об отце. Он посоветовал мне беречь его. Я рассердился. Мой отец к тому времени уже тридцать лет лежал в ассуарии. Я сказал персу: ты - шарлатан и вернешь назад мои деньги. Он объяснил, что видит только живых, но не мертвых. Я должен был предупредить его, что мой отец мертв, сказал перс. Он гадает только на будущее. Не знаю сам, почему я его слушал. И тогда он дал мне предсказание. Я встречу человека, который станет мне роднее брата. Но этот человек погубит нас обоих. Только себя - к великой славе, а меня - к великому позору. Я тут же забыл его слова. А теперь вдруг вспомнил и уже не мог расстаться с Иисусом. Вместе мы доплыли на торговом судне до Иоппы и вернулись в Иерусалим. Ко мне пришли Никодим, лидер zelотов в Синедрионе, и бар-Аббас, вожак галилейских сикариев. Пока я рассказывал о результатах своей поездки в Египет Никодиму, бар-Аббас, узнав, что Иисус из Назарета, стал звать его в свой

отряд. Иисус ответил, что и Соломон в могуществе своем не был свободен, и римские цезари - всего лишь рабы мира. Если человек не может освободить себя, как ему освободить других? Мечем, ответил бар-Аббас. Что можно сделать мечем? Разве что убить себя и освободиться от жизни, посмеялся Иисус. Бар-Аббас сказал: это слова труса. Иисус ответил: я не знал, что для самоубийства нужна трусость. Отчего же трусы так хотят жить? Галилейский вожак начал злиться. Убить себя - позор и грех. Тогда убивать других - тоже позор и грех. В чужом глазу видна и соринка, а в своем не видно и бревна. Бар-Аббас стоял на своем: отдать свою жизнь даром - позор, только трус отдает ее даром. Это был нехороший спор. Но Иисус словно вина напился. Он продолжал дразнить этого убийцу. Сколько же ты хочешь за свою жизнь? - спросил он. Таких, как твоя жизнь, и тысячи будет мало, презрительно ответил сикарий. Ну а мне, рассмеялся Иисус, и одной твоей не нужно. Тогда бар-Аббас потянулся за своим кинжалом, который всегда носил с собою. Это означало, что сейчас он перережет горло своему обидчику. Иисус как будто хотел этого и спокойно ждал. Вмешался я, требуя уважать мой дом и не заливать его кровью. Убери кинжал обратно, потребовал Никодим. Только ради вас, ответил бар-Аббас, плюнул в ноги Иисусу и ушел. Тебе лучше не приходите в Галилею, пригрозил он. И тысяча бар-Аббасов не запретят мне, ответил Иисус. Я буду в Галилее.

На следующий день Иисус отправился в Кумран к ессеям. Я передал все бумаги комитету и отошел от партийных дел. Что ты намерен делать, спросил Никодим меня. Я еще сам не знал. Иисус вернулся через три дня с неким Лазарем, мирной овцой Израиля. Спячка от многого освобождает, но смерть еще больше, сказал мне Иисус. Кумран спит и видит рай. Эти старцы проспали Царство Небесное. Это тоже выход. Мирная овца Лазарь ему возражал. Мы посетили его Вифанию, прожили там неделю и отправились в Галилею”.

Петр прерывает чтение. Он понимает, что дальше последует рассказ о событиях, свидетелем и участником которых был он сам. И это будет совсем не та история, которая сложилась в его голове. Это будет евангелие от Иуды, сына смерти. И откуда-то свыше к Петру приходит убеждение, что такая мрачная личность не способна правильно передать светлый образ Христа. И тот, кто шептал Иисусу: сей их как траву, - шепчет сейчас Петру: уничтожь эту ложь. Рыбак сворачивает свиток и вместе с ним выбегает во двор. Его спутники давно ушли, и теперь ему придется их догонять. Он не нашел бы дорогу к дому Иуды в малознакомом ему Иерусалиме, но выбраться из него к Масличной горе он сможет. Петр останавливается у очага с тлеющими еще углями. Под седым пеплом мерцают красные огни.

Он несколько мгновений медлит и затем бросает свиток в очаг. Ему некогда ждать, когда этот пергамент сгорит. Он убегает. Некоторое время лист козьей кожи лежит неподвижно, словно жар ему не страшен, а затем начинает трепетать и сжиматься, издавая трескучее дьявольское посмеивание.

В глубине сада на ложе сидят с вечера Нахум и Мария. Им прекрасно виден весь двор, и они были свидетелями всего, что происходило на нем за последние два часа с той минуты, как гости поднялись на вечерю.

Дважды на лестничную площадку выходил Иисус, чтобы выплеснуть воду из таза, а затем двери закрылись. Спустя час уже в полной ночи флигель вновь открылся, выпустив из себя сноп желтого света, подобно башне Фазаила над дворцом. Первым вышел Иуда и, не глядя по сторонам, тяжелой походкой покинул двор. Калитка провизжала и захлопнулась. Через некоторое время на лестничную площадку вышел Иисус, взглянул на небо и спустился вниз. За ним потянулись все остальные. Толпой они пересекли двор и исчезли за визгливой калиткой. Нахум был уверен, что во флигели не осталось никого, когда вдруг появился еще один - здоровый рыбак, которому Нахум по приказу своего господина выдал два меча из оружейного тайника. Он бросил что-то в очаг и скрылся. Калитка издала свой протест в третий раз.

Нахум уверен, что его господин и эти люди готовят какой-то заговор. Он подумал об этом сразу же, как только они вошли. И все последующие события подтверждали его догадку. Для верного слуги никогда не было тайной, что Иуда - зелот и враг римского режима. Старик вспоминает ту страшную ночь, которая перевернула всю жизнь в этом доме. Иуда был самым младшим в семье саддукея Симона и наслаждался детством. Нахум и его старуха, тогда еще не слепая и не глухая, но молодая бездетная женщина, души не чаяли в этом смышленном, живом мальчишке. У него была страсть к камням. Вечно он таскал с улицы какие-то булыжники и складывал в углу двора. А еще он любил разглядывать звездное небо. Все вечера он проводил на крыше дома, где еще не был построен флигеля, но стояли только тент и кушетки.

Однажды вечером в дом ворвались гвардейцы Ирода Великого. Они пришли за Симоном. Глава семейства готов был подчиниться. Но его старшие сыновья достали мечи. Одного гвардейцы ранили. И тогда началась резня. По двору металась фигуры, мелькали факелы, солдатские шлемы, мечи, звучала мужская ругань и женские крики. Гвардейцы не пощадили никого. Тогда-то на шум и крики с крыши стал спускаться по лестнице маленький Иуда. Во дворе лежала вся его семья, и факелы отсвечивали в лужах крови. Мальчик с криком побежал вниз, его нога подвернулась, и он покатился по ступеням. Его левая нога была переломлена, и кости с кусками мышц торчали наружу. Нахум и Елизавета бросились к мальчику. И пока он прижимал к себе потерявшего сознание ребенка, его жена валялась в ногах воинов, моля пощадить ее единственного сына. Они - лишь рабы в этом доме, кричала она, и это их дитя, не господское. Гвардейцы, насытившись кровью, ушли. В несколько минут счастливый мальчик стал сиротой и калекой. В ту же ночь Нахум погрузил его в повозку и вывез из Иерусалима. Он доставил его в Аримафею к двоюродному брату Симона.

Через несколько лет Ирод Великий умер, заживо поеденный язвами. Его старший сын Архелай правил недолго, а затем над Иудеей был установлен римский протекторат. Иуда вернулся домой спустя десять лет, уже юношей с кривой ногой. Синедрион восстановил его наследные права, Рим это подтвердил. Но Иуда тут же сблизился с зелотами. Теперь он был еще более радикален, чем его отец, прозванный сикариотом. В его доме собирались темные личности, бывали и члены Синедриона. Он часто куда-то уезжал, а в потайной комнате держал целый склад оружия. Именно из этого склада Нахум выдал сегодня галилейскому рыбаку два меча. Этот детина тащился за ним по всему дому и во все совал свой нос, пока Нахум не осадил его: стой здесь и никуда не заглядывай! "Ладно, старик", - обиженно ответил тот, а когда получил свои мечи, стал еще придирчиво их разглядывать, будто в лавку пришел за товаром. Старый слуга выпроводил его из дома. И вот теперь этот человек, несомненно, унес мечи в ночной город.

Нахум слезает с ложа и идет к очагу. Мария следует за ним. В очаге, сжавшись от жара, тлеет пергамент. Наверное, секретный документ. Старик качает головой, осуждая такую неаккуратность, подбрасывает в огонь несколько щепок и раздувает его. Пепел летит во все стороны, заставив Марию отступить.

-Что это, отец? - спрашивает она.

-Какие-то записи.

-А зачем их сжигать?

-Дочка, мой господин и твой возлюбленный занимаются делами, за которые римляне по голове не поглядят.

Верный слуга тщательно сжигает апологию Иуды, не зная, что на этом костре сгорает честь его господина, которого он любит, как родного сына, и успокаивается лишь тогда, когда от нее не остается ни клочка.

-Пойдем, Мария, прибрать надо комнату. - Нахум смотрит на открытую дверь флигеля,

через которую льется яркий, желтый свет и ворчит: - Незачем в лампах зря масло жечь.

-Можно мне будет там остаться? - спрашивает Мария.

-Нет, дочка. Я знаю, что это твое любимое место, но и мой господин его любит. Он и выстроил его для того, чтобы в доме не жить. Уж сколько лет дом пустой стоит, - со вздохом добавляет он.

-Они вернутся?

-Конечно, вернутся. Видать, дело срочное. Оттого и умчались все. Вернутся, дочка.

Петр покидает город через ближайшие Сионские ворота, чтобы не плутать по улочкам города, где можно столкнуться с храмовой стражей или римским патрулем. Он идет вдоль южной стены Иерусалима по долине Гинном, проходит под акведуком, минует амфитеатр, которой Ирод Великий построил вместе с ипподромом, желая эллинизировать народ. Но греческие трагедии и римские фарсы были противны религиозному сознанию иудеев, и культурно-развлекательные постройки пришли в запустение. На зрительских рядах театра играли дети и паслись козы, а ипподром превратился в караван-сарай для паломников. Петр встречает их повсюду. Они разбили свои шатры и поставили повозки у городских стен, словно армия, взявшая Иерусалим в осаду. Он минует их оживленные компании, достигает Стефановых ворот, за которыми находится обрушенная купальня Силоам, и поворачивает на север в долину Кедрон. Масличная гора видна издали, как иллюминированная рождественская елка, благодаря многочисленным фонарям, факелам и кострам, мерцающим среди олив, покрывающих весь холм. Рыбак проходит источник Гихон с подземным туннелем, уходящим под Храмовую гору. Над ним возвышается юго-восточная оконечность горы, Офла, заселенная храмовой прислугой - потомственными мусорщиками Яхве. Петр пересекает долину Кедрон и приближается к Гефсиманскому саду.

У маслодавильни и складов братьев Ханан, как и сказал на вечере Иисус, он находит своих единомышленников.

-Где ты был? - спрашивает Андрей.

-Задержался, - Петр не хочет рассказывать о рукописи Иуды, похоронив память о ней в пепле очага. - Спрячь это, - говорит он, доставая из-за пояса меч.

-Зачем?

-Убери под плащ. Возможно, нам придется защищать учителя.

-От кого?

-А куда пошел Иуда?

-Учитель куда-то послал его, - пожимает плечами Андрей. - Им лучше знать. - И послушно прячет меч.

-Не нравится мне это.

-Да что не нравится?

-Странно это. Никогда Иуда не бросал свой ящик. И куда ему идти в ночь? Ночь не для добрых дел.

-Брат, учитель знает, что делать, - невозмутимо произносит Андрей и не может сдержать зевков. - Спать хочется.

После долгого тревожного дня и сытного ужина не только Андрею хочется спать. Дремлют, прислонившись к стене маслодавильни, все ученики. Иоанну хочется сейчас только одного: забыться и уснуть. И хотя в Торе сказано, что ночь предшествует дню, он инстинктивно чувствует иное. Бог создал ночь для завершения дня, чтобы мог человек заспать свои разочарования, обиды и боль и встретить новый день с возрожденной надеждой. Сегодня они проиграли. Мессия не воссел на трон Израиля. Но ведь это - не последняя битва. Иисус сидит чуть поодаль под оливой. Петр направляется к нему.

-Учитель, куда пошел Иуда?

Иисус открывает глаза.

-Это знает только он сам.

-Ты сказал ему, что мы будем здесь. Чего мы ждем?

-Мы ждем Иуду.

-Не лучше ли нам уйти отсюда?

-Петр! Мы уже говорили с тобой об этом. Ничего не решай за меня!

-Я понял, что тебя ищут и хотят убить, - настаивает рыбак. - Я этого не допущу.

-Я сказал: не вмешивайся!

-Но тебя убьют, Иисус! - в раздражении Петр опять начинает называть его по имени.

-Пожалевший меня - уже предал меня, ибо не принял Царство Небесное, - мрачно заключает Иисус.

-Но ведь ты не хочешь умирать! Я вижу! У тебя на лице пот.

-Не смей меня жалеть! Как смеешь ты говорить мне, что я боюсь? Плоть моя, как и всякая другая, страшится боли и хочет избежать ее, но не я. Именно эту плоть я скоро сброшу с себя, как и этот плащ. И не будет она больше противно потеть. Отойди от меня, Петр, - устало добавляет он. - Я хочу испить свою чашу.

-А что же делать мне?

-Ничего.

-Я не оставлю тебя.

-Оставишь. Тебе придется отречься от меня. Ты еще не готов.

-Я готов.

-Нет! Своей жалостью ты обличаешь себя. Ты по-прежнему обеими ногами стоишь в земле.

Не оторвался ты от человеческого.

Опять упреки. Петр обиженно молчит. Иисус вдруг поднимается и идет к постройке.

-Проснитесь! - говорит он ученикам. - Бодрствуйте со мною. Спящих караулит сатана. Посмотрите на меня! Хотите увидеть Бога? Вот вам лицо Бога! Лицо того, кого вы истерзали человеческим! Я ведь жил среди вас! Но не нужно сынам человеческим Царство Небесное. Царство Небесное для сынов Неба! Вам играли на свирели, - вы не радовались. Вам пели песни, - вы не плакали. Кто же вы? Вы - чудовища!

Сонные ученики недоуменно слушают эту гневную проповедь.

Из долины приближается группа людей с факелами. Видны шлемы стражей, хитоны простолюдинов. Петр нащупывает у себя под плащом меч и берется за рукоятку. Иисус видит этот отряд, еще раз осматривает всех учеников и спокойно подводит итог:

-К каждому из вас однажды придет смерть. Будет это добрый или злой гость, зависит только от вас. Вот идет мой гость, - и это добрый гость.

Он поворачивается лицом к отряду и делает несколько шагов навстречу, оставляя своих учеников в отдалении. Можно уже различить отдельные фигуры, и среди них - прихрамывающего Иуду. Он идет впереди и отдельно от всех, а в десятке шагов от Иисуса жестом останавливает отряд и подходит один.

-Радуйся, друг, - мрачно произносит он, - жизнь кончается.

-Скоро, друг, - соглашается Иисус.

Иуда обнимает его и прощально целует. Иисус не хочет быть черствым, но скопец в нем уже замкнулся, и братских объятий не получается. Подобно двум камням, ударившимся друг о друга, они отступают в стороны. Иуда понимает его состояние: Иисус затвердел в ожидании оскорблений и смерти и уже не может расслабиться. И все же он немного обижен. Не обращая ни на кого внимания, будто они здесь только вдвоем и вокруг не осталось живой души, Иуда

резко поворачивается и уходит обратно в город. Без факела и сопровождения он мгновенно теряется в темноте.

Иисус смотрит на стоящих перед ним людей.

-Разве я разбойник, чтобы выходить на меня с мечами и копьями? Берите меня.

-Ты Иисус из Назарета? - вопрошает один из них, простолюдин с серьгой в ухе. Это постельничий первосвященника Анны по имени Малх.

-Это я!

-Хватайте его! - кричит он возбужденно войнам. - Не дайте ему уйти.

Иисус покорно ждет. Из-за его спины появляется Петр с мечом.

-У них оружие! - Малх прячется за стражей, толкая их вперед.

Привыкшие лишь стоять на стенах Храма и следить за порядком, эти вояки не спешат даже впятером броситься в атаку на одного человека.

-Петр, брось меч и уходи! - приказывает ему Иисус.

Рыбак растерянно смотрит на него.

-Ты ничего не понял?

Если бы Иисус поддержал его, Петр знал бы, что ему делать. Но он парализует его волю, он не поддерживает естественное человеческое достоинство рыбака, которое должно сопротивляться насилию, а не подставлять трусливо вторую щеку.

-Они не враги мне, - напоминает ему Иисус.

Петр бросает меч и вместе с ним роняет единственное, что у него было, - свое мужество. Стражи храбро бросаются на безоружного рыбака, и он инстинктивно спасется бегством, позорным бегством, которое только и осталось ему. Храмовые стражи разгоняют и остальных учеников. Петр стоит в десятке метров от маслодавильни и беспомощно смотрит, как Малх вяжет руки покорному Иисусу. Гордость рыбака полностью раздавлена. Он не понимает того метафизического предательства, о котором говорил Иисус, но сейчас он чувствует себя предателем в понятном для него житейском смысле. Он не умер за учителя. Но ведь тот сам ему запретил! Позже Петр осмыслит этот запрет так, что ему было рано идти с Мессией в рай, он должен был потрудиться на земле ради его славы. Но горький осадок останется.

Малх неумело вяжет длинную веревку на руки узника. Он делает один узел за другим, - то ли для надежности, то ли пытаясь использовать ее избыток без остатка. Этот безобразный клубок никуда не годится. Малх сам недоволен своей работой, но перевязывать все заново он не пытается. Этот молодой раб с кольцом в ухе грубо дергает Иисуса за конец клубка, толкает и приказывает:

-Иди!

Он отдает приказ стражам встать вокруг, а сам идет впереди, на каждом шагу оглядываясь и дергая без нужды покорного пленника за веревку. Малх ведет Иисуса к своему господину, первосвященнику Анне, дом которого находится в том же квартале знати, что и дом Иуды. Стражи хотят отвести узника в тюрьму Синедриона при Храме. Так было бы проще всего, ибо для этого им достаточно прямо из долины Кедрон подняться в портик Соломона и пересечь двор. Они все еще опасаются нападения учеников Иисуса. Но желание угодить своему господину и выполнить волю первосвященника делает Малха бесстрашным.

-Мой господин велел доставить его в свой дом. Вы обязаны подчиняться первосвященнику. - И он решительно дергает Иисуса за веревку, как коня за узду.

Отряд направляется в город в точности по маршруту Петра. Стражи, искавшие самого короткого пути, теперь настаивают на самой длинной траектории: в обход всего города, чтобы не плутать на узких улочках Иерусалима, где на них из-за каждого угла могут накинуться воображаемые сторонники этого лжепророка. Малх соглашается и ставит дворовую прислугу

Анны, вооруженную палками и садовыми мотыгами, в наружное оцепление, чувствуя себя настоящим полководцем, чьей воле в этом отряде никто не смеет прекословить. Это - минута славы постельничего раба. Как важную персону, в двойном кольце Иисуса ведут мимо источника Гихон, кладбища, мимо Стефановых ворот и купальни Силоам, мимо амфитеатра до Сионских ворот и оттуда поднимаются навстречу дворцу Ирода. Высоченный Фазаил подмигивает им башенными огнями, как маяк перед причалом, который заполнен домами-лодками и яхтами-особняками. Отряд останавливается у роскошных ворот вельможного жилища. На стук Малха привратник открывает им одну из створок, впуская два десятка людей. Храмовая стража и челядь остаются у большой жаровни, в которой ярко полыхают дрова. Постельничий тащит на веревке безропотного узника в апартаменты Анны.

В Гефсиманском саду рассеянные стражами ученики вновь сходятся у маслодавилни. Как стадо, оставшиеся без пастыря, они не знают, что им делать и куда идти. И ощущение опасности исходит к ним от каждого темного куста. Почему никто не пытался арестовать их? Почему пришли за одним Иисусом? А быть может, сад окружен уже римлянами, и они сейчас набросятся на них? Для всех учеников очевидно, что это проклятое место необходимо срочно покинуть. Оно осквернено чудовищным, необъяснимым предательством.

-Что же теперь? - подавленно бормочет Матфей.

Он ближе всех к пониманию истины, но арест Иисуса все равно оказывается для него тяжелой неожиданностью. Оставляя свою таможду, он шел за Иисусом. Куда теперь ему идти?

-Что будет с учителем? - спрашивает кто-то, но вопрос остается без ответа. Никто не хочет высказывать своих предположений.

-Может, нам пойти и сдать его вместе с ним? - спрашивает Андрей. Он смотрит на ненужный в его руках меч и бросает его.

-Нет, - решительно заявляет Иоанн. - Учитель хотел, чтобы мы остались.

Когда полководец погибает, его армия не гибнет вместе с ним. Она либо разбредается, либо избирает себе нового предводителя. Все вспоминают: именно Петра назначил учитель старшим среди них.

-Петр, что скажешь? - спрашивают его.

-Я не знаю.

Рыбак сейчас не способен стратегически мыслить. В его глазах стоит сцена ареста безропотного Иисуса и его собственное позорное бегство. Он не знает, как ему искупить свою вину.

-Куда они его повели? - бездумно бормочет он, спрашивая скорее себя, чем кого-то другого.
- Что с ним сейчас?

-Они повели его к первосвященнику Анне, - объясняет Иоанн. - Это были его слуги.

-Ты знаешь, где он живет?

-Знаю. Недалеко от дворца Ирода.

-Отведи меня! - требует Петр.

-Зачем? Ты хочешь сдать его? - спрашивает Андрей.

-Нет. Не знаю. Я хочу посмотреть.

-Это опасно, - замечает Матфей.

-Пусть! Отведешь? - спрашивает Петр юношу.

-А что нам делать? - вопрошают остальные. - Куда нам идти?

Все ждут решения от Петра. Они стоят сейчас как раз на том самом перекрестке судьбы с виноградной карты жизни, откуда можно повернуть в любую сторону. Достаточно им разойтись в разные стороны, - и никакой христианской церкви не будет. В этот полуночный час на краю Гефсиманского сада девять галилейских бродяг должны совершить исторический выбор: быть

им вместе или стать друг другу чужими. И тогда начнется совсем другая история.

Иоанна осеняет.

-Иаков,- обращается он к брату, - отведи всех к Марку. Мы ходим с Петром на разведку и встретимся с вами там. Тогда и будем решать. Согласны?

Все одобряют это решение.

-А кто такой Марк? - интересуется Фома.

-Жених Марии. Он - наш друг, - поясняет Иаков. - Идите с нами.

Молодые ессеи подчиняются. Девять мужчин покидают Гефсиманский сад и входят в город через Стефановы ворота. На одной из улочек она расстаются: Иаков ведет свою группу в Нижний город к дому Марка, Иоанн с Петром напрямик направляются к особняку Анны на Сион.

Ворота дома чуть приоткрыты. Во дворе виден свет и слышны голоса. Иоанн решительно входит внутрь. Привратник, оглядев знатного юношу, спрашивает, куда они направляются.

-К первосвященнику, - с достоинством отвечает юноша.

-Как вас зовут, господин? - почтительно спрашивает раб.

-Иоанн, сын Зеведея левита. Первосвященник Анна меня знает, - нахально добавляет он.

-Проходите, господин.

Они идут к костру, у которого греются стражи и челядь, и прислушиваются к их разговору. Но те ничего не говорят об Иисусе. Обычный, дворовый треп прислуги. Иоанн не испытывает робости Петра перед знатным домом и Синедрионом. Сын судьи хорошо знаком со всеми юридическими процедурами, и суд не кажется ему бессмысленным карательным органом, каким часто видят его простолюдины, ничего не знающие о своих правах. Иоанну ясно, что даже ему, любимому ученику Иисуса, нельзя предъявить обвинение, если он сам не спровоцирует его. Но главное, Иоанн полон того юношеского бесстрашия, которое убеждено, что с ним не может ничего случиться. Он подходит к дому и заглядывает во внутренние покои. В апартаментах стоит тишина. Иногда мелькают служанки. Все выглядит мирно и обыденно. Может, ничего и не будет? Какое официальное обвинение может предъявить Иисусу Синедрион? Юноша со знанием дела перебирает варианты. Резню устроили римляне, но их не привлечешь к суду. Иисус не нарушил храмовый устав. Свобода пророческого слова не запрещена Торой. Иисуса необходимо уличить в призывах к ниспровержению установленного законом порядка или в богохульстве. Трудно же им будет найти свидетелей этому! Сам Иоанн, положив руку на сердце, не смог бы подтвердить такого обвинения. Его учитель - не убийца, не сикарий и не безбожник. Он - Мессия. Но это как раз говорить Синедриону не стоит. Словом, если Иисус поведет себя умно, Синедрион с ним намучается. Иоанн начинает успокаиваться. Он выходит из дому, так никем и не остановленный, и вовремя возвращается к костру. Один из храмовых стражей пристает к Петру.

-А ты не был в саду со смутьяном?

-Нет, - бормочет Петр, чье мужество было парализовано Иисусом и до сих пор не вернулось к нему.

-Откуда ты и что здесь делаешь? - допытывается он у растерявшегося рыбака.

-Я? Мне нужно...

-Твое лицо мне знакомо, - подтверждает другой воин.- Это ты был с мечом.

-Не знаю, о чем ты говоришь, - лжет рыбак.

-Он сопровождает меня, - уверенно вмешивается Иоанн.

Страж оглядывает богато одетого молодого господина, который только что вышел из дома Анны.

-А ты - кто?

-Я - левит. Пришел по делу к первосвященнику Анне.

-По какому делу?

-Тебя это не касается, - гордо отвечает юноша.- Разве ты секретарь первосвященника?

Воины отстают от них.

В доме в одной из дальних комнат Анна долгим, внимательным взглядом изучает стоящего перед ним узника. Кажется, вельможный старик вполне удовлетворен холодно-печальным лицом Иисуса. Затем он замечает безобразный клубок на его руках и брезгливо говорит Малху:

-Сними это. Он не убежит. Ведь ты не убежишь, Иисус из Назарета?

-Не убегу.

-Я так и думал. Человек, который оскорбляет Храм при всем народе, не станет прятаться от Божьей кары.

-Это вы - Божья кара? - усмехается Иисус.

-Как ты отвечаешь первосвященнику? - вмешивается постельничий и бьет узника по лицу.

Иисус слегка покачивается и, взглянув на него, произносит:

-Тебе ли, пес дворовой, бить меня?

Малх замахивается еще раз. Иисус закрывает глаза и ждет, будто подставляя вторую щеку.

-Хватит! - приказывает Анна. - Я сказал, развяжи его. И оставь нас одних.

Раб снимает легко собственные неуклюжие узы и отходит в дальний угол комнаты. Анна садится на ложе. Его больные, разбитые многолетней службой в Храме ноги не терпят долгого напряжения. Он устраивается поудобнее, подкладывает подушку под руку. Его постельничий хочет броситься ему на помощь, но старик жестом оставляет его на месте. Он почти дружелюбно разглядывает Иисуса.

-Ты боишься Божьей кары?

-Нет.

Анна удовлетворенно кивает.

-А в воскрешение веришь?

-Нет.

И опять кивок.

-Не все я услышал из твоих речей в Храме, - говорит он. - Но одно я понял: если позволить тебе говорить дальше, ты погубишь весь народ Израиля. Только дух Господень позволил этому народу выжить в пустыне. И только дух Господень сохраняет его по сей день. Ты готов разрушить этот дух национального единства. Я верно тебя понял?

-Да.

-Тогда придут волки и рассеют стадо Израиля. Не лучше ли одному человеку погибнуть за народ, чем всему народу сгинуть вместе с ним? - Анна вопросительно и с прежним дружелюбием смотрит на Иисуса.

- Вы меня спрашиваете?

-Нас ведь двое! Ответь!

-Так лучше, - соглашается он.

Вельможному старцу очень нравится этот ответ. Он сочувственно смотрит на узника и спрашивает:

-Дашь ли ты слово молчать впредь, если Синедрион тебя пощадит?

-Нет.

-Был Иохонан, праведный человек. Но он возмущал народ против всех. Ирод Антипа его казнил. Ты добиваешься того же?

-Вы меня правильно поняли, первосвященник.

-Уверен, что немногие это поймут.

-Я знаю.

Анна кивает головой.

-Малх!

Постельничий подбегает к нему.

-Передай этого человека храмовой страже. Пусть отведут его к Каифе.

-Да, господин.

Он хватает с полу веревку и опять начинает вязать свои узлы на руки Иисуса.

-Не нужно, - морщится старик. - Он не убежит. Да и вязать ты не умеешь!

-Иди! - грубо приказывает Малх и толкает узника в спину.

Этот спокойный, галилейский простолюдин, который не знает своего места, искренне возмущает его рабскую душу. Он бы с ним не чинился, будь его воля. Толкнув Иисуса еще пару раз, он выводит его во двор и передает храмовым стражам. Они берут арестанта в кольцо и под пиками ведут со двора. Отрешенный взгляд Иисуса равнодушно скользит по лицам Иоанна и Петра. Рыбаку хочется плакать от этой картины. Он выдает себя своим скорбным видом. Теперь уже один из челяди, принимавшей участие в аресте, пытливо присматривается к нему.

-Не ты ли был с ним в саду?

Петр качает головой.

-Ведь ты был с мечом, - настаивает дворовый работник.

-Не знаю, о чем ты говоришь, друг, - бормочет рыбак.

-Отчего же у тебя такой скорбный вид?

-А чего мне радоваться? - грубо отвечает он.

Уже и другие сомнительно смотрят на него. На выручку опять приходит Иоанн. Чтобы спасти Петра, да и самого себя, он разыгрывает маленькую сцену.

-Жди меня здесь, - громко приказывает он Петру. - Я получу указания от первосвященника Анны и вернусь.

Юноша решительно входит в дом и прячется за одной из дверей. Через пару минут он выходит обратно и направляется к воротам, на ходу бросая Петру:

-Поспеши Симон. Нам некогда.

Догадливы бывают сыны человеческие и лукавством своим предвосхищают дьявола. Никто во дворе не смеет задерживать такого важного юношу и его слугу. Они беспрепятственно покидают дом первосвященника.

В это время Малх докладывает Анне:

-Господин, в саду были сообщники смутьяна. Может, их тоже нужно арестовать?

Впервые в своей жизни Малх познал очарование власти, когда говоришь - и слушают, требуешь - и подчиняются, приказываешь - и делают. Оказалось, и ему, вечному рабу, доступна магия власти, которая почему-то заставляет одних людей безропотно выполнять команды других. Целый час челядь и даже храмовые стражи повиновались постельничему. И ему так понравилось во главе отряда выслеживать, хватать и вязать, что теперь хочется еще раз пройти через это удовольствие. Малху, с которым никто никогда не считался, нужна еще одна минута славы.

-Прикажи, господин, я найду их.

-Нет,- отказывает ему Анна в этой милости. - Человек, который выдал нам смутьяна, просил не трогать их. Все они, сказал Иуда, деревенщина. Иуда - умный человек. Мы не воюем со своим народом. Пусть возвращаются к своим лодкам и мотыгам.

-Господин, я понял, - смиряется постельничий, и мысль его тут же переключается на другое. - Почему этот достойный человек не взял вознаграждения?

Старик охотно отвечает. Постельничий для него - как домашнее животное, с которым

можно отвести душу, больше разговаривая с самим собою, чем с ним.

-Иуда? Он из иерусалимских саддукеев. Его отец Симон был членом Синедриона. Он получил прозвище Сикариот за то, что носил кинжал с собой и хотел убить Ирода Великого. Тогда мы были молоды, - Анна пускается в приятные воспоминания. - Я еще не был первосвященником, ходил в иереях. Мы дружили с Симоном. Уж очень он был горяч. В то время кровь лилась рекою. Ирод казнил трех своих сыновей, любимую жену и лучшего друга. А уж иудейскую кровь не щадил вовсе. Казнь за казнью. Ирод убил всю семью Симона. Чудом остался жив только Иуда. Когда он юношей вернулся в Иерусалим, я ему покровительствовал. Но он связался с Никодимом и zelотами. Похоже, этот Иисус оказался слишком радикален даже для Иуды. Он - умный человек и не хочет бессмысленной войны.

Малху, который задал вопрос с личной целью, эти воспоминания скучны. Он слушает привычно, как собака, голос своего хозяина. Наконец, старик замолкает, все еще оставаясь взглядом в своей молодости, где у него не болели ноги и было легко на сердце.

-Господин, что будет теперь с вознаграждением?

Анна возвращается в настоящее.

-С этим? - он кивает в сторону кошель, отвергнутого Иудой. - Ну, поскольку это цена крови, они не могут вернуться в Храмовую казну. Что-нибудь придумаем.

-Господин, если они нечисты для Храма, можно мне взять их?

Анна с удивлением смотрит на своего раба и манит рукой к себе. Постельничий привычно подставляет плечо, на которое первосвященник опирается, когда встает с постели или кресла, и неожиданно вскрикивает от боли. Все еще цепкая рука хватается его за ухо с серьгой и резко тянет к земле. Малх падает на колени перед старцем.

-Что я слышу? Разве ты не по своей воле проколол себе ухо, чтобы служить мне и моему дому до смерти? Хочешь нарушить Закон?

-Что вы, что вы, господин! - морщась от боли, кричит раб. - У меня и в мыслях такого не было. Вы мой благодетель, моя жизнь принадлежит вам.

-Тогда зачем тебе деньги?

-Мой брат! Это для него.

Анна отпускает его ухо.

-Рассказывай.

-Господин, у меня есть кров, еда и одежда. Вы очень добры ко мне. Чего еще мне желать? Но мой брат и его семья, - они голодают. Он работал в гончарной мастерской по найму. Пока работал, хватало на хлеб жене и детям. Но хозяин мастерской умер, и вдова хочет продать поле. Брат приходил ко мне вчера и горько плакал. Дети голодают, хоть милостыню проси. Вот я и подумал: если эти деньги не чисты для Храма, то, быть может, мой брат мог бы купить на них поле и спасти свою семью.

Анна смягчается.

-Я поговорю с Каифой.

-Владыка, мой брат - благочестивый человек. Он будет всю жизнь благодарить вас и Бога за такую милость, - Малх хватается руку старика, которая только что чуть не оторвала ему ухо, и целует, так и не встав с колен.

-Ладно, ладно. Только не думай, что ему подарят эти деньги. Храм собирает сокровища, а не расточает их. Возможно, Синедрион купит это поле и даст твоему брату в аренду.

-Благодарю, благодарю, владыка. Вся семья моего брата будут целовать вам руки за вашу милость.

Старик жестом останавливает поток умиления.

-А теперь помоги мне облачиться и проводи к дому Каифы.

Спустя некоторое время Анна в служебных ризах, опираясь на плечо Малха, подходит в сопровождении двух факельщиков к дому Верховного Жреца. Первосвященник не имеет иллюзий насчет своего зятя Иосифа, которого пятнадцать лет назад рекомендовал Синедриону и Валерию Грату, предшественнику Понтия Пилата, на эту должность. Книжники из Законодательного корпуса и коллегия священников поддержали кандидатуру Каифы, который не отличался ни умом, ни святостью, но был весьма энергичным политиком. В условиях римского владычества именно такой, ничем не брезгующий человек мог совместить несовместимое: почитание всемогущего Господа и покорность силам зла, которые не ведают истинного Бога. Дом Верховного Жреца расположен на Храмовой горе у западной стены Храма позади Святилища. В большом зале этой резиденции наспех собраны члены Синедриона из числа священников близких к Каифе и Анне. Они составляют Малый совет, исполняющий обязанности Верховного суда.

Когда Анна проходит в зал и садится справа от Каифы, судилище продолжается. Члены суда сидят на скамьях вокруг трех председательских мест. Слева стол с протоколами заседаний. У входа стоят два пристава для вызова свидетелей. Помещение щедро освещено желтыми огнями светильников на стенах и в углах. В центре стоит Иисус.

-Отвечай же Синедриону! - требует Каифа. - Как тебя зовут?

Но скопец уже впал в немоту, из которой выйти ему не легче, чем воскресить мертвецов.

-Мы узнавали о тебе, - продолжает Каифа. - Ведь ты Иешуа бен Панфера, рожденный от семени сирийца Панферы, наемника римского. Твой отчим Иосиф признал тебя своим первенцем, чтобы покрыть позор молодой жены. Он считал ее невинной, ибо она была взята силой. Потом семья с младенцем скрылась в Египет, а вернулась спустя несколько лет, когда все слухи забылись, и поселилась в Назарете, где ее никто не знал. Так ли это?

Каифа отлично сознает, что это подлый удар. Человека не спрашивают, как ему родиться на свет, но такое клеймо смыть невозможно. В Торе сказано: сын блудницы не может войти в общество Израиля.

-Твой отчим совершил великий грех, введя тебя, Иешуа бен Панфера, в общество Израиля. Ты - не потомок Иакова.

Анна с удивлением смотрит на своего жестокого зятя. Для него это новость. Доказать такую правду, основанную на домыслах, почти невозможно за давностью лет. Да и кто может подтвердить это, кроме самих родителей? Но главное, закон, о котором вспомнил Каифа, вышел уже из употребления. Евреев - полукровок и их потомков стало так много, что об абсолютной чистоте крови могут говорить лишь жрецы, потомки Аарона, живущие в замкнутой касте, как сами Анна и Каифа. В сущности, обвинение, предъявленное Верховным Жрецом, служит здесь лишь оскорблением.

-Отвечай, выродок! - требует он.

Анна даже сочувственно смотрит на Иисуса, но через несколько мгновений он забывает о жалости. Узник размыкает уста.

-Истинно, что этот мир - преисподняя и Господь его - дьявол. Истинно, что вы - дети его и вам хорошо в этом мире, ведь преисподняя для вас - отчий дом. Истинно, что Бог человеческий и есть сатана и вы служите ему всей душой. Я же горю в этой преисподней заживо.

Наступает мертвая тишина. Слышен треск светильников и чье-то запоздалое восклицание. Каифа встает со своего кресла и вне себя рвет ворот рубахи.

-Он богохульствует! - раздается его крик.

И бешеный рев поднимается по всему залу. Члены Совета вскакивают со своих мест. Их благопристойные лица искажает дикая ярость. Неслыханное, немислимое богохульство! Анне становится нехорошо, словно сердце его придавили камнем. Теперь немота нашла на него.

Израиль идет к гибели, если в нем становится возможным такое. Разве нет больше бальзама в Галааде? Разве иссяк дух Господень, что допускает такое? Священники, забыв о своих санах, устремляются к чудовищу, чтобы разорвать его на части. Им уже не нужен суд, лишними стали протоколы и свидетели. Они хотят убить этого человека.

Но происходит что-то неожиданное для всех. Истощенные нервы скопца не выдерживают. Вал святой ярости и праведного гнева, как морская волна, накрывает его с головой и тащит ко дну, погружая во тьму. На глазах всего Совета Иисус падает, будто сраженный незримой молнией, и лежит бездыханный у их ног. И опять наступает мертвая тишина. Священники замирают на месте. Перед ними валяется падаль. Господь поразил богохульника немедля. Они узрели Божий гнев воочию, как писалось в книгах пророков. Каифа стучит посохом о каменный пол, спускаясь к ним от своего кресла. Круг размыкается перед ним. Теперь он тоже видит неподвижный труп еретика. Он тыкает в него жреческим посохом. Слышится глухой удар о ребра Иисуса. Тело не движется и не подает признаков жизни. Каифа воздевает руки к небу и произносит:

-Вот что будет со всеми, кто искушает Бога!

Священники свидетельствуют эту истину своими возгласами. Лишь Анна по-прежнему сидит на месте и скорбно молчит. Каифа уже хочет вызвать стражу, чтобы вынести тело. Вдруг труп издает какой-то звук и открывает глаза. Иисус выбирается из обморока, как Иона - из чрева кита. Он лишь помнит, что зал вокруг резко качнулся, подобно штормовой лодке, и ударил его своим бортом в висок. С противной слабостью в теле и соленым привкусом во рту он медленно поднимается с пола.

Члены Совета расступаются. Господь изверг обратно богохульника. И теперь нужно понять - почему он так решил. Страх и омерзение охватывают их одновременно. Они не знают, что им делать дальше с Иисусом. Пристойная оболочка суда, в которую облачаются человеческие расправы, лопнула, как мыльный пузырь. Если бы Иисус не упал в обморок, они бы растерзали его. Потом им было бы стыдно смотреть в глаза друг другу, но первобытная суть суда была бы осуществлена. Теперь же они не могут вернуться на свои места и продолжить заседание так, будто ничего не произошло. Священники не знают, что им делать.

Энергичный политик Каифа находит решение.

-Господь дал нам знамение, - говорит громко он, и все в зале внимают ему. - Этот человек подлежит смерти, но не от нашей руки. Он отверженный в обществе Израиля и не может быть убит рукой Израиля. Выродка должны казнить подобные ему.

-Да. Это так, - соглашается Совет.

Тот, кто повелевает небом и землей, не пожелал осквернять себя и свой народ убийством этого человека. Чудовище должно быть убито чудовищем.

-Призовите стражу, - приказывает Каифа, ибо дела о богохульстве Совет всегда рассматривает при закрытых дверях. Евангельская история о том, как Синедрион не мог найти свидетелей против Иисуса, в действительности подразумевает вовсе не безгрешность Мессии, а лишь принципиальную невозможность таких свидетелей. Подтверждающий богохульство сам богохульствует. Точно так же, спустя века, Церковь будет судить своих еретиков тоже не всенародно, но в закрытых инквизиторских комитетах. А вот сжигать их на кострах она будет публично.

В зал вбегают воины.

-Закуйте его в цепи и отведите в темницу. Ни есть, ни пить не давайте. И не смейте разговаривать с ним. Вам это запрещено. Если он захочет говорить с вами, бейте палкой по устам, - приказывает он им.

Стража уводит пошатывающего Иисуса в тюрьму. Младший член Совета, ведающий

судебными записями, подходит к Верховному Жрецу и спрашивает:

-Что мне записать в протокол?

-Не нужно протокола. Он - римский подсудимый. Завтра я передам его Пилату и добьюсь казни.

Секретарь удовлетворенно кивает, понимая, что Каифа освобождает их всех от бюрократических неудобств. Малый Совет начинает расходиться.

Каифа озабоченно задумывается. На рассвете тяжелые золотые ворота Святилища с грохотом откроются, и он во главе дежурной на эту неделю череды священников должен будет принести утреннюю жертву от народа Израиля во славу Господа. Эта процедура неизменна, как сам восход солнца. Лучших своих свидетелей Яхве имеет на заре. Как жаль, что Бог не поразил этого человека на месте. Сколько хлопот теперь из-за выродка. Каифа оглядывается на своего тестя, который всегда поддерживал его. Он уверен, что Анна и на этот раз одобрит его решение.

Старик медленно сползает со своего кресла, на котором безмолвно просидел все заседание, и уходит, не говоря никому ни слова. За порогом его встречает Малх и почти тащит на себе домой. Старик не может забыть услышанного. Его религиозное чувство гораздо чище и тоньше, чем у его приземленного зятя. Вера Анны в единого и всемогущего Бога глубоко оскорблена человеком, который был и, вопреки всему, остается симпатичен старику. Мир вокруг полон идолопоклонников. Они не знают Яхве, а Яхве не желает знать их. Язычники позволяют себе дикости и насмешки над Господом Израиля, но это ничего не значит. Однако в эту ночь перед судом стоял один из их народа и позволял себе ужаснейшее богохульство. Как стало возможным, чтобы один из сынов Израиля - и далеко не самый худший - открыто выступал против Бога в его святом доме?

Анна так и не оправится полностью после этого страшного суда. Он начнет медленно сохнуть - физически и умственно, превращаясь в слабоумного старца с пустыми глазами и вечно открытым слюнявым ртом. Через три года Анна умрет в полном маразме, и последняя струйка слюны стечет на бороду с его отвисшей челюсти.

Часть четвертая

ПИЛАТ

Пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат ненавидит Иерусалим. Этот город кажется ему унылым как гробница. Здесь не приживаются никакие античные вкусы. Иудеи безмерно гордятся своим Храмом. Они называют его оком мира, хотя одним из семи чудес света принято считать храм Артемиды в Эфесе. Но ведь они и своего бога считают самым лучшим. Рим охотно принимает в свой пантеон чужих богов: греческих, персидских, азийских. Даже среди высшего римского общества популярны культы Изиды, Митры и Кибелы. Но бога Яхве там нет. Евреи его ревниво стерегут, будто некое сокровище, которое у них хотят украсть. Эта теологическая жадность смешна и отвратительна Пилату.

В античном мире каждый народ имел своих богов. Боги были аттестатом национальной зрелости. Чем древнее был народ, тем почетнее были его племенные боги. Только полные дикари не имели своих богов, и все приличные народы презирали таких безбожников - атеистов. У этих варваров не хватало ума создать собственную духовность, которая служила бы им племенным инстинктом выживания. Пройдут тысячелетия - и племенных богов заменят племенные государства, а священным писанием их станут конституции. Но назначение всего этого будет прежним - инстинкт племенного выживания.

Двенадцать сыновей Иакова вошли в Египет, а через несколько сотен лет каждый из них оставил после себя несколько десятков тысяч мужского потомства. Не видя для себя будущего при фараоне Рамсесе, евреи покинули Египет, в который вошли при Аменхотепах. Они успели пережить период Эхнатона, который на короткий срок установил первый в истории монотеистический режим.

В синайской пустыне евреи остались не только без земли, но и без богов. И тогда народный вождь Моисей вспомнил древнего пастушьего бога, покровителя кочевых стад, которому поклонялся их предок Авраам. Этот покровитель полей и лесов был самым древним богом на земле. Греки называли его Пан-Вселенная, и поклонялись ему задолго до городских богов - олимпийцев Зевса, Аида и Посейдона, которых в свою очередь сменили уже философские категории - Апейрон, Ноус и Логос. Моисей назвал своего бога - Яхве, Суший. Это был племенной инстинкт выживания, законсервированный Моисеем на вечность. Чтобы спасти Яхве от участи Пана, он сделал его имя запретным, тайным и заменил бытовым титулом Адонай - Господин. Какой-нибудь греческий умник мог бы пошутить по этому поводу, что отныне псевдоним Сушего - Табу.

Но Яхве не терпел шуток. Бездомный бог нашел себе бездомный народ. Бог создавал нацию,

нация создавала Бога. Они шли по миру рука об руку. Евреи по привычке пытались чтить священного египетского тельца Аписа, но Моисей истребил из собственного племени эту заразу, которая лишала нацию самоидентификации и могла ее попросту растворить среди других народов, как это происходило с тысячами племен до и после евреев. Но и после него Израиль периодически пытался уже в Палестине кадить финикийским богам - Баалу и Астарте, и тогда пророки, эти страстные слуги племенного инстинкта выживания, возвращали народ к его Господу, чтобы не растаял он в человечестве, как кусок льда - в воде. Вслед за Эхнатом Моисей принес в мир единого Бога, а вместе с ним - религиозный фанатизм. Но еще долго весь античный мир жил в полной веротерпимости. Даже царь Соломон, построивший для Яхве первый храм, воздвиг чуть дальше Иерусалима за Масличной горой, которую из-за этого и прозвали горой Греха, на окраине долины Гинном храм Молоху, карфагенскому богу, и отдал одного из своих сыновей на сожжение в его славу. Там были устроены дубравы Тофет, и в них народ Израиля забывал своего Господа.

Но через триста лет пришел царь Иосия. Он разрушил капище, вырубил дубраву и усеял землю костями живых и мертвых, чьи останки хранились в катакомбах храма Молоха. И опять Израиль вернулся на путь благочестия. А потом были Селевкиды. А потом пришли римляне. Но Израиль больше не сбивался с пути. Он ждал Мессию. И пришел Мессия, который хотел своим гностическим Святым Духом разрушить сам инстинкт выживания - истинного Бога всех народов, ибо правы были евреи: только этому Богу и стоит поклоняться людям, если они хотят жить, чтобы жить. В христианской Европе тоже будут периодически появляться гностические секты монтанистов, катаров, альбигойцев, хлыстов, но Церковь их всех истребит и предаст забвению.

Римский прокуратор Понтий Пилат презирает замкнутую религию евреев, которую они противопоставили всему остальному миру. Едва ли он отдает себе в этом отчет, но подсознательно он понимает: можно поработить любой народ, но невозможно рассеять его, если он хранит верность своему племенному чувству. Сам Пилат не является коренным римлянином. Он - самнит. Триста пятьдесят лет назад племя самнитов возглавило италийский союз, который боролся с Римом за свою независимость. Они проиграли ту войну и были поработаны. Чуть более ста лет назад в результате новой Союзнической войны с Римом самниты победили... и получили равноправие. Ныне Пилат является римским всадником уже в третьем поколении, но его народа больше нет. Рим поглотил самнитов. С точки зрения племенного инстинкта выживания эта победа стала полным и окончательным поражением. Никто в мире теперь не услышит о гордом племени самнитов. Когда-нибудь не останется и великих римлян. Даже язык их станет мертвым. Но маленькое бездомное племя, вышедшее из Египта с одним лишь богом на руках, будет жить и переживет всех своих могущественных завоевателей: вавилонян, персов, македонян, римлян. Яхве держит свое слово.

Часто бывшие рабы становятся самыми убежденными империалистами, а бывшие чужеземцы - самыми яростными патриотами. Пилат - наивернейший солдат Рима. Он убежден, что Рим должен поглотить все племена и земли. Его можно назвать имперским космополитом. Антисемитизм Пилата является естественным продолжением его космополитизма. Он считает, что евреи должны быть ассимилированы или уничтожены. Если бы Рим дал ему соответствующие полномочия, он бы не задумывался. Приняв должность от Валерия Грата, он не стал менять Верховного Жреца, но не потому, что Каифа был ему симпатичен. Пилат считал бессмысленным менять одного еврея на другого. Все они – враги Рима.

Большую часть своего времени он предпочитает проводить в Цезарее, построенной по образцу всех имперских городов. Береговые ворота города украшает огромная статуя цезаря Августа. Здесь есть храмы любых богов, огромный ипподром, ристалище для гладиаторских

боев, общественные бани и туалеты, театр, гимназии риториков и софистов, школы эпикурейцев и стоиков, банки, нотариальные конторы, харчевни, блудилища - все, что угодно человеку.

Пилат живет в губернаторском дворце на холме с видом на море, где раскинулась прекрасная гавань. В Иерусалим он приезжает только по неотложным делам и на праздники. Тогда он останавливается в крепости Антония, контролирующей Храмовую гору. Другой форпост - дворец Ирода на Сионе - Антипа считает своей наследной резиденцией и тратит огромные деньги на его содержание. Пилату эти дополнительные расходы ни к чему. Конечно же, они легли бы в служебную графу, но лучше он присвоит эти деньги и купит на них имение на Адриатике. Как всяких чиновник во все времена, он путает казенный карман со своим собственным по самым естественным человеческим причинам, ибо не знает, где кончается в нем официальное лицо и начинается частное, и не намерен сводить себя с ума раздвоением личности. Он подписывает проекты стоимостью в сотни тысяч денариев. Было бы странно мелочиться ему в собственных расходах. Ни одному человеческому мудрецу не отделить власть от собственности даже теоретически, ни одному математику не вычислить эту точку разрыва. Наглое казнокрадство и взяточничество Пилата известно всей Иудее.

Но Верховный Жрец не жалуется на прокуратора в Рим, - и не потому что он симпатичен ему. Каифа считает бессмысленным менять одного римского чиновника на другого. Все они - воры. Пилат уже пятый по счету имперский наместник, но и до него все прокураторы делали то же самое. Первые губернаторы не задерживались на своей должности дольше трех-четырех лет. По многочисленным жалобам иудеев Август менял их регулярно, но новичок только с удвоенной силой набивал себе карманы. После смерти Августа к власти пришел Тиберий и стал назначать прокураторов на десятилетний срок. Синедрион счел за лучшее смириться с такой стабильностью.

Римская империя, как и всякая империя, переставшая быть для людей этнической родиной, гниет заживо. В основе общественной нравственности человека лежит патриотизм. Но невозможно для человека быть патриотом империи. Дворец не может быть милым, родным домом. Империя растлевает человека, заменяя его патриотизм имперской гордыней. Вполне закономерно, что все империи однажды разваливаются, как гнилой орех, от которого осталась одна скорлупа. Империя, каждый чиновник которой, начиная с императора, считает власть своей добычей, не может существовать долго.

К одному из таких стервятников в пятницу утром и должен идти Каифа. Еще затемно он является в священный двор, где его встречает толпа жрецов и левитов. Звездное небо стоит над возвышающимся Святилищем. Перед ним на трибуне алтарь, где горит огонь.

Верховный жрец совершает омовение, его облачают в алтарный наряд: во все эти рубахи, ризы, ефод, наперсник с погонами Урим и Туммим, тюрбан с диадемой, на которой начертан тетраграмматон JHVH. Каждое утро на протяжении восемнадцати лет он проходит эту процедуру и руководит ритуалом жертвоприношения. Было бы странно, если бы он испытывал при этом какое-то волнение. Каифа автоматически отдает приказы: бросить жребий, заколоть жертву, отпереть огромные ворота Святилища, от скрежета которых вздрагивает Мария на другом конце города, сжечь курения на алтаре, выбросив клубы дыма в небо. Священники приносят жертву всесожжения, левиты поют псалмы, паломники во дворах прилагают лбы к земле. Племенной инстинкт выживания зажжен в сердцах Израиля.

Каифа меняет алтарное облачение на повседневный наряд Верховного Жреца, берет в руки посох власти и переходит во внутренний двор. В зале заседаний Синедриона его уже ждут все участники ночного суда в его резиденции. Все, за исключением Анны. Первосвященник прислал своего постельничего сообщить, что ему нездоровится. Каифа подозревает, что его тесть просто не хочет участвовать в неприятной для всех них делегации к римскому прокуратору. В конце

концов, именно поэтому Анна не желал сам быть Верховным Жрецом, но всегда уступал это место своему зятю. Пусть он и расхлебывает эту кашу. Каифа лишь усмехается. Он не верит, что его тесть всерьез занемог от ночной истории. Его вера в Яхве не столь уязвима. Он проводит короткое совещание и велит начальнику стражи вывести из темницы, которая находится во внешнем дворе, Иисуса.

-Если он захочет говорить с вами, бейте его по устам палкой, - напоминает Каифа.

-Да, господин, - отвечает тот и спешит исполнять приказ.

Вместе с малым Советом Каифа выходит через Красотные ворота к внешнему двору, где с плит уже смыли вчерашние лужи крови. Народ по-прежнему топчется вокруг менял и торговцев скотом. Каифа сверху удовлетворенно взирает на восстановленный в его Храме порядок. Все должно идти своим чередом. В стабильности высшая цель бытия. Бог уже дал людям эту землю и жизнь. Чего еще желать от него? Только ненасытным этого мало. Они ждут Царства Божьего. Каифа - саддукей и не верит в воскрешение мертвых на Страшном Суде. Радуйтесь во все дни ваши, сказал Соломон, ибо они проходят. Каифа очень хорошо понимает мудрого царя-саддукея.

Его настроение слегка портится, когда он видит, как стражи, раздвигая толпу, ведут в цепях Иисуса, будто главное жертвенное животное этого дня. Каифа хмуро взглядывает на него. Ведь этот человек назвал Божий мир преисподней. А все остальное лучше и не вспоминать... Солнце полностью поднимается над портиком Соломона. Золотые двери и крыша Святилища начинают сверкать. И это великолепие жалкий выродок смел оскорблять! Каифа спускается по четырнадцати ступеням, с которых стражи согнали всех бродяг и увечных, чтобы они не коснулись его, и приказывает:

-За мной!

Процессия минует бойню, колодочное отделение, где недавно сидел нашрит Иамес, а теперь там пусто по случаю праздника, и приближается к Овечьим воротам в северной стене двора. Чуть левее находится лестница, с которой апостол Павел будет обзывать будущего преемника Каифы "стеной подбеленной". Именно по этой лестнице вчера спустилась римская центурия в Храм и устроила резню. Синедрион для общения с римской властью никогда не пользуется этой оскорбительной и кощунственной лестницей, будто ее вовсе не существует. Каифа в сопровождении свиты, узника в кольце стражи и толпы зевак покидает территорию Храма и, проходя мимо купальни Вифезда, в которой Зеведей пытался лечить свою водянку, направляется к парадному входу в преторию.

С башен крепости Антония давно заметили процессию и доложили трибуну Лисию. Он идет к парадному входу и там дожидается делегацию. Лисий - грек по происхождению. Он живет в Иерусалиме круглый год, хорошо знает город и местные обычаи. Его агенты и доносчики шныряют по всему городу, выявляя заговоры zelотов и настроения фарисеев. С саддукейской верхушкой он давно нашел общий язык. Ему помогает даже то, что он не римлянин, а как бы подневольный служащий, который с сожалением исполняет жестокие приказы оккупантов. Он охотно играет эту роль. Некоторые иудеи ему даже верят.

Пилат, как и Лисий, плебейского происхождения, но его дед - самнит за воинскую доблесть был переведен во всадническое сословие. Такие, как Пилат, начинают играть все большую роль в империи. После гражданских войн Мария, Суллы, Помпея, Юлия и Августа в ней почти не осталось родовитых римлян. И все же боевых заслуг Пилата было недостаточно, чтобы получить такую высокую должность. В этом ему помогла его жена Клавдия Прокула.

Прокула - чистокровная римлянка из сенаторского сословия, а ее первый муж, от которого она имеет двух сыновей, ведет свою родословную чуть ли ни со времен Нумы Помпилия. Этот патриций умер при темных обстоятельствах. Его прирезали в злачном месте на Авентинском холме в Риме, но это скрывалось. Официально он погиб за родину от рук заговорщиков.

Прокула, вышедшая вторым браком за Пилата, обеспечила ему аристократические связи среди людей, которые привыкли рождаться с властью. Но у него сразу не сложились отношения с ее юными сыновьями. Он терпеть не мог этих тощих, прыщавых вырожденцев. Аристократические отпрыски презирали отчима-плебея. Получив назначение в Иудею, Пилат попросил жену оставить их в Риме. Мальчики и сами не желали находиться под его опекой. Юные снобы считали повторный брак их матери ужасным мезальянсом. Но Прокула жила теперь, по крайней мере, с полноценным мужчиной, который не пил, не лгал и не распускал руки.

Необходимость несколько раз в году посещать Иерусалим была для Пилата самой неприятной должностной обязанностью. На этот раз с ним поехала Прокула, желая поучаствовать в иудейской Пасхе, которая представлялась ей народными гуляниями на празднике весны. Он вынужден был ей объяснить, что для женщины - иноземки это невозможно.

-Это не римские луперкалии,- подытожил он. - Даже я, прокуратор Иудеи, не могу участвовать в их празднике.

-Тогда я буду смотреть со стен крепости. Они делают там что-то ужасное?

-Насколько я знаю: режут ягненка и сжигают на алтаре.

-Только! - эта римлянка была разочарована. - Тогда почему такая таинственность? Ты уверен, что они не приносят в жертву младенцев?

-Абсолютно.

-Но ведь они что-то делают с новорожденными?

-Они обрезают им крайнюю плоть.

-Это увеличивает их мужскую силу?

-Не думаю. Это их племенное клеймо, по которому они узнают друг друга. Ведь другие народы не хотят подвергаться этому.

-Ну, если бы в этом была польза...

-Для евреев есть польза.

-И поэтому они скрывают своего бога?

-Так точно. Этот бог только для них. Присутствие постороннего оскорбляет его.

-Какой недружелюбный бог!- была разочарованна Прокула.- Но я вовсе не хочу оскорблять их бога! Быть может, я приму их веру?

-Это вряд ли, дорогая, - скептически заметил Пилат расшалившейся жене.

- Они тебе не нравятся.

Пилата это замечание позабавило.

-Было бы странно, если бы они мне нравились. Еврей может нравиться только еврею. Хотя женщины у них бывают красивые.

-Значит, ты не против их женщин? - усмехнулась она.

-Я думаю, у женщин вообще нет нации. Это им внушают мужчины.

-Но я - римлянка!

-Ты - своенравная женщина.

-Я - женщина Рима!

-Вот именно! Рим тебя сделал такой. А еврейские жены полностью покорны своим мужьям.

Пожалуй, это единственное, что мне нравится в их религии.

-Конечно! Ты хотел бы усадить меня за прялку.

-Самнитские женщины только этим и занимаются.

Прокула захлопала в ладоши.

-Ага, вот ты и попался на противоречии! Какие самнитские женщины, если у них нет нации?

-Ничего я не попался, - возразил он,- самнитские женщины - это жены самнитов.

-Где они, твои самниты? Все они теперь граждане Рима.

-Это так. Но кое-что мы еще помним, - помрачнел на мгновение прокуратор.

Ему не удалось отговорить Прокулу от турне по Палестине. К преторской центурии присоединились летняя губернаторская коляска и повозка, в которой ехали старая нянька Прокулы и евнух - камергер. Паломники на дорогах с любопытством и неодобрением взирали на эту кавалькаду, видя в роскошной коляске полуобнаженную, с непокрытой головой язычницу, будто царица Савская ехала совращать царя Соломона с пути праведного. И опять станет Израиль кадить чужим богам, которые не сохраняют народы от времени.

По прибытии в Иерусалим Прокула тут же взошла на юго-восточную башню крепости Антония, которая возвышалась даже над золотой крышей Святилища. Выше ее была только башня Фазаила на Сионе.

-Иерусалим - красивый город, - заключила она, вернувшись в дворцовые апартаменты крепости. - Почему тебе он не нравится?

-Здесь даже мухи мрут от скуки.

-Я видела амфитеатр и ипподром.

-Заросшие травой. Здесь все под запретом, - ворчит Пилат, изучая отчеты местного квестора, который почтительно стоит тут же, рядом с трибуном Лисием, начальником иерусалимского гарнизона.

-Все городские налоги выплачены своевременно, господин, - уточняет квестор, видя, что бумаги только раздражают прокуратора.

-Хорошо, - Пилат отталкивает от себя муниципальные свитки, и они катятся со стола.

Квестор суетливо бросается их подбирать.

Прокула тоже замечает плохое настроение своего мужа и обращается к трибуну, который невозмутимо ждет распоряжений.

-Вам тоже не нравится этот город?

-Я привык, госпожа, - вежливо отвечает Лисий.

-Я заметила какой-то беспорядок в Храме.

-Беспорядок был, госпожа, - подтверждает он. - Ранним утром. Но он был устранен. Вы видели лишь его последствия. Вам ничто не угрожает, госпожа.

Прокула удивленно поднимает брови. Она даже не предполагала, что ей может что-то угрожать среди этих людей, которые режут ягнят перед своим богом.

- Надеюсь, что так! - произносит Пилат. Он уже получил доклад трибуна об утренней операции в Храме и был вполне удовлетворен его решительными мерами. - А теперь, Лисий, прикажите подать нам вина и закусок.

Весь этот день проходит в унылой скуке. Пилат устраивает смотр гарнизону, принимает делегацию городских старейшин, которые что-то от него требуют, но он даже не желает вникать в это вечное недовольство иудеев и выпроваживает их ни с чем. Позже Лисий, накрывший шпионской сетью весь город, докладывает, что Синедрион ищет некоего Иисуса из Назарета, виновника храмовых беспорядков. Пилат и это пропускает мимо ушей. Ночью он плохо спит.

Утренний доклад Лисия не отличается разнообразием. Два солдата в ночном патруле были убиты. В городе полно зелотов, замечено оживление возле резиденции Каифы, но в целом все спокойно. Пилат вяло благодарит его за службу и отпускает. А через час Лисий сообщает ему, что Верховный Жрец просит аудиенции.

-Пусть войдет, - устало соглашается прокуратор.

-Господин, он не может войти в крепость и просит выйти вас.

-Почему?

-Его религия и сан запрещают ему это в Пасху.

-Запрещают в Пасху? Тогда пусть придет после Пасхи.

-Верховный Жрец говорит, что это срочное дело.

-Вы их разбаловали, трибун! Ведь это они хотят говорить со мной, а не я с ними. Почему я должен угождать их религии? - гневно ворчит он.

-Что мне передать им, прокуратор? - с холодной вежливостью спрашивает трибун.

-Ладно, не обижайтесь, Лисий. Я выйду.

Крепость Антония расположена на насыпной террасе северного склона Храмовой горы. Пандус и каменная лестница ведут к парадному входу в крепость. Внизу стоят Каифа, его свита, Иисус в окружении стражи и множество зевак. Мощные ворота распахиваются. Конвой солдат спускается по ступеням и выстраивается по обе стороны лестницы, лицом к лицу попарно, будто опоры для перил. На верхней площадке появляется недовольный Пилат. Сзади на шаг от него останавливаются трибун Лисий и старший центурион гарнизонной когорты Корнелий.

Пилат чуть поворачивает голову вправо и тихо спрашивает:

-Как его имя?

-Иосиф, - подсказывает Лисий.

-Я слушаю тебя, Верховный Жрец Иосиф Каифа, - громко по-армейски произносит он.

Толпа внизу затихает.

-Наместник, мы требуем твоего суда над этим человеком, - Каифа дает знак, и стражи выводят вперед закованного Иисуса.

Пилат равнодушно взглядывает на узника.

-В чем он обвиняется?

-Он возмущал народ в Храме и называл себя Царем Иудейским.

Еще ночью Каифа утвердился именно на такой формулировке обвинения, считая невозможным посвящать оккупанта, язычника и антисемита Пилата в истинные причины суда. Римскому прокуратору вовсе не нужно знать о богохульстве, которое его очень позабавит. Если только сам еретик не расскажет ему правду, ища у него поддержки. Достаточно ему нарушить национальную этику и выставить себя жертвой иудейского фанатизма, чтобы заслужить симпатию Пилата. Каифа ненавистным взглядом провожает Иисуса, которого двое солдат, забрав его у стражи, уводят в преторию. Теперь его не ударишь палкой по устам, и он может говорить все, что захочет. Напрасно Господь не убил его на месте! Зачем он дал им этот знак?

Пилат не возвращается в дворцовые апартаменты. Он допрашивает узника здесь же, неподалеку от ворот - в нижнем зале северо-западной башни, где разместились интендантские службы гарнизона. Конвой остается у дверей, Пилат садится за стол на курульное кресло, поодаль пристраивается писарь. Прокуратор хмуро оглядывает стоящего перед ним человека в цепях.

-Твое имя?

-Иисус из Назарета.

-Ты галилеянин?

-Да.

-Меня все называют «господин».

Иисус молчит. Не такого суда он ждал - от человека, с которым ему не о чем говорить. Синедрион должен был вывести его к городской стене и забить камнями. Но его обморок все спутал. И теперь он во власти тупого чиновника, который не дорос даже до потребности в Боге. Он мертвее мертвых.

-Может быть, плеть научит тебя почтительности?

-Не нужно...господин.

Пилат удовлетворенно кивает.

-Ты признаешь то, в чем тебя обвиняют?

-Я говорил в Храме и не стану отказываться от своих слов.

-Ты - Царь Иудейский?

-Мое царство не от мира сего.

-От какого же?

-От небесного.

Прокуратор морщится. Не хватало ему очередного пророка и шарлатана.

-Ты служишь Израильскому богу?

-Я служу Царству Небесному.

-Что же есть в твоём царстве?

Иисус некоторое время молчит, ища самое короткое определение тому, что вне языка.

-Там нет человека.

-Что же там есть? Одни боги?

-Там нет богов. Только чистый дух.

Пилат с легким любопытством смотрит на узника.

-Так ты софист? - он произносит это по-гречески.

-Софисты даже не приближались к истине, - отвечает по-гречески Иисус. - Я знаю истину.

-Похоже, ты образованный человек. Ты знаком с греческой философией?

-Да. Господин.

-Что ты говорил в Храме?

-Истину.

-За эту истину твои враги привели тебя сюда?

-У меня нет врагов.

Пилат опять морщится. За время службы он привык слышать от подсудимых самые глупые оправдания. Желая спасти свою жизнь, люди начинают громоздить бессмысленную ложь. Он разочарован.

-Кто же те люди, которые привели тебя сюда? - насмешливо спрашивает он.

Иисус невозмутимо отвечает:

-Они лишь делают то, что им должно делать.

-Конечно. Ведь они твои враги.

-У меня нет врагов.

Это вновь пробуждает любопытство Пилата.

-Кто же они?

-Они - человеки.

-А кто ты?

-Я свободен от человеческого.

-Это забавно.

В это время в зал входит Прокула. Солдаты при дверях почтительно вытягиваются. Аристократка гордо несет мимо них свою голову с римской прической. Следом за ней идет ее раб - камергер.

-Отпусти его, - велит она ему, и тот бережно спускает на пол белый пушистый клубок. Этот крохотный щенок, недавно оторванный от сосцов, бежит за своей новой хозяйкой, перекатываясь на коротких лапах, которые обещают стать когда-то мощными опорами.

Пилат жестом приказывает Иисусу отойти на несколько шагов и встает навстречу жене по древнему римскому обычаю. Кодекс джентльмена в европейскую культуру привнесли именно римляне. Рим начал свою историю с шайки разбойников. Эти мужчины были готовы драться со всеми за место на земле, но чтобы сохранить себя во времени, им нужны были женщины - это

стратегическое оружие древности. Только женщины могли продлить род воинов. Шайка разбойников напала на соседний город Сабин. Оттуда они тащили не золото или съестные припасы, но только женщин. Сабиняне стали готовиться к войне. Но римляне не хотели убивать отцов и братьев своих новых жен. Они поклялись им чтить их дочерей и сестер, как богинь. Всякого, кто оскорбит одну из них, они убьют сами. Племена породнились, избежав взаимного истребления, а римские женщины с тех пор приобрели чрезвычайные права.

Прокула с улыбкой приближается к мужу. Она бросает мимолетный взгляд на узника, видит его глаза и отворачивается поспешнее, чем ей позволяет статус высокопоставленной дамы. Так бессознательно и поспешно люди отворачиваются от мерзкого насекомого, от зияющей раны или от страшного чудовища. Человек не хочет видеть всего, чего не должно быть в его мире. Прокула быстро справляется с собою, еще не понимая, что заставило ее отвернуться от этого человека, и с улыбкой подходит к мраморному столу, где ее стоя встречает Пилат. Она поднимает с пола щенка и показывает ему этот белый шар, из которого выглядывают два черных глаза и нос.

-Посмотри, какой милый! - восхищенно произносит она.

Пилат вежливо смотрит на клубок шерсти, но не прикасается к нему.

-Ирод Антипа прислал мне его в подарок с сопроводительным письмом. Он сообщает, что эту породу разводят только для парфянских царей. Эти собаки охраняют их покои.

-Да, я видел их, - скучно соглашается он. - Эти псы вырастают почти до размеров осла и становятся невыносимы в доме.

-Неужели? Он будет такой огромный? - она с недоверием смотрит на крохотный комочек в своих руках. - Что ж, значит, у меня окажется сильный и надежный страж.

-Я уверен, Антипа надеется, что эта зверюга когда-нибудь перегрызет мне горло, - насмешливо замечает Пилат и щелкает щенка по носу. Тот жалобно фыркает.

-Перестань, - сердится женщина. - Он - прелесть. Я должна отблагодарить Антипу. Что бы мне послать ему в ответ?

-У меня допрос, - вежливо напоминает он жене, давая понять, что его не интересуют подарки.

-Я вижу. В чем вина этого человек?

Пилат кривится так, будто хлебнул прокисшего вина.

-В том, что он не человек.

Прокула с недоверчивым удивлением оборачивается в сторону Иисуса, встречает его взгляд и опять не выдерживает его.

-Он не похож на безумца, - неуверенно заявляет она.

-Да! Но на дурака и шарлатана он тоже не похож.

-Хотя что-то безумное в нем есть. Что ты с ним сделаешь?

Прокуратора этот вопрос удивляет.

-Отчего это тебя заботит?

-Лицо этого варвара, - она подбирает выражение, достойное ее статуса, - лицо это варвара меня тревожит...

-Почему?

-Не знаю. Я что-то чувствую. У него какие-то пронзительные глаза. Эти восточные люди иногда оказываются могущественными магами.

-Ты думаешь, он - маг?

-В нем что-то есть.

-Он утверждает, что его царство на небе.

-На небе или под землей, но таким людям иногда покровительствуют высшие силы. Их

лучше не гневить. Недаром мне ночью снились кошмары.

-Я тоже плохо спал.

-Вот видишь!

-Это здешний воздух, - отмахивается от ее догадок Пилат. - И что мне с ним делать? Я не могу отпускать преступников только потому, что тебя тревожат их лица.

-Он нарушил римский закон?

-Нет. В этом его не обвиняют.

-Тогда почему он здесь?

-Жрецы привели его, - отвечает Пилат, еще не понимая, куда она клонит, и видит ее ироничный взгляд.

-Жрецам понадобился римский прокуратор, чтобы казнить мага?

До сих пор он тщеславно полагал, что Синедрион пришел за его судом по естественным причинам, но теперь он задумывается. Иудеи вовсе не считают его суд высшим. Для них римский закон - насилие, ибо он не от их бога. Зачем же они пришли к нему?

-Я верну его им, - уверенно произносит он.

-Все жрецы - интриганы, включая наших авгуров,- одобрительно заключает Прокула.

Она передает щенка камергеру и уходит, не смотря больше в сторону узника. Пилат садится и жестом подзывает Иисуса. Звеня цепями, он подходит на несколько шагов к столу и останавливается.

-Объясни мне, как можно стоять перед судом, не имея врагов?

-Каждый сам себе выбирает врагов.

-Это верно. И ты никого себе не выбрал?

-У меня нет врагов.

-Значит, ты не враг Риму?

Но Иисус не хочет выразить верноподданность, к которой его подводит Пилат.

-Мой враг больше.

Эта смена показаний удивляет Пилата.

-Кто же это?

-Человек.

-Ах, да, я и забыл, что ты - софист. Твой враг - человек вообще, но никто в отдельности. Я слышал про таких мизантропов. Но ведь не за это жрецы привели тебя сюда?

-Об этом лучше спросить их.

-Я уже спросил! - начинает раздражаться Пилат. - Они сказали, что ты призывал народ к восстанию. Против кого?

-Против человеческого.

-Этим ты разозлил Синедрион?

-Я оскорбил их Бога.

Прокуратор усмехается. Он начинает что-то понимать. Он не намерен вникать в их иудейские разногласия, но ему ясно одно: Синедрион хочет убить этого человека не своими, а его руками, грязными римскими руками. Он еще раз внимательно всматривается в лицо Иисуса. Узник не прячет взгляд. Его лицо остается гордым и печальным. Ему начинает нравиться этот отступник, который сумел смертельно оскорбить Синедрион.

-Если ты являешься гражданином Рима, то можешь требовать суда Цезаря для себя.

-Я не гражданин Рима.

-Быть может, ты не из этого народа?

-Это мой народ.

-Твой народ требует твоей смерти. Назови мне хоть одну причину не убивать тебя.

-У меня ее нет.

-Кажется, ты ищешь смерти. Это так? Отвечай.

-Я хочу свободу.

-И смерть тебя освободит?

-Да.

Нет, этот человек - не маг. Но он - автор всей этой пьесы. Ведь для того, чтобы убить себя, совсем не обязательно делать это собственными руками. Достаточно разозлить окружающих так, чтобы они сделали это за тебя. И он их разозлил. Но почему они не убили его, а привели сюда? Они решили сделать римского прокуратора тупым орудием своей мести. Несносные, отвратительные иудеи! Добрый римлянин, если он устал от жизни, идет в свой дом, ложится в ванну и перерезает себе вены, никого не беспокоя. Остается только убрать за ним труп. Эти же иудеи разыграли целую греческую трагедию, в которой он, Понтий Пилат, должен исполнить роль театральной машины, а Синедрион будет наслаждаться зрелищем в оркестре. Пилат решительно встает с кресла.

-Ведите его! - приказывает он караулу.

Солдаты едва успевают вести за ним узника. Они выходят на площадку. Толпа внизу затихает.

-Я допросил этого человека и не нашел его вины перед римским законом. Но я узнал, что он из Галилеи. Пусть его судит тетрарх Ирод Антипа.

Не обращая внимания на ропот жрецов и народа, он уходит в преторию. Легионеры возвращают Иисуса храмовым стражам, как ненужную вещь.

Каифа в ярости смотрит на узника. Что же он наговорил такого Пилату, отчего тот в бешенстве его вернул? Этого никто не узнает. Каифа поворачивает на запад и идет вдоль древней городской стены по новым городским застройкам. От крепости Антония именно по этому ремесленному кварталу пролегает путь на Голгофу. Верховный жрец даже не оглядывается на свою свиту, стуча посохом по камням. Они проходят в сотне метров от места показательных казней. Белый известняковый бугор, на котором сейчас нет ничего, напоминает своей округлой формой купол человеческого черепа, зарытый по самые надбровные дуги в землю. словно это останки какого-то титана, державшего на себе небо, пока люди ставили алтари на горах и поднимали свои храмы - опоры для этого гравитирующего небосвода. А потом этот герой пал от изнеможения, в его черепе выдолбили несколько дыр и стали втыкать в них деревянные кресты с распятыми на них человечками.

Не таким Каифа представлял себе предпасхальный день. Он должен сейчас находиться в Храме, принимать почетные делегации от городов, доставляющих в храмовую сокровищницу свои дары, благословлять жертвенных ягнят и заседать в Синедрионе. Вместо этого он ходит от одного ненавистного порога к другому. О чем беседовали эти двое: безбожник с богохульником? Наверное, им не трудно было сговориться. Он сам свел их. А теперь нужно идти к идумейскому порочному царьку и просить его суда. Каифа уже сожалеет о своем решении передать Иисуса римскому суду. Сейчас он убил бы его собственными руками. А солнце, уже высоко поднявшееся над Святилищем, печет ему в спину, словно подгоняя его. Вся эта история должна закончиться до заката. К вечернему жертвоприношению Верховный жрец должен стоять у алтаря в священном облачении и знать, что Израиль чист для Пасхи.

Толпы паломников с удивлением взирают на странную процессию, состоящую из Верховного Жреца, коллегии священников и узника в цепях. Они поднимаются на Сион, минуют Геннатские ворота и оказываются в древней части города. Слева от них по пологому склону лежит Нижний город до узкой полоски моста через Тиропеон к горе Мориа, на которой сверкает золотом Храм. Справа - дворец Ирода с тремя огромными башнями Гипик, Фазаил и Мариамна.

Гвардейцы Антипы у массивных ворот дворца смотрят на процессию с недоумением. Каифа велит им доложить о своем желании говорить с тетрархом Галилеи.

Человеческое самолюбие обладает замечательным свойством быстро разрастаться и заполнять собою все пространство, когда его пересаживают в новую, более просторную посуду. Каифа не был законоучителем, как Гиллель, не был теологом, как Филон, не был нашритом, как Иохонан. Он был ничтожеством, которому случай и хватка помогли взобраться на вершину власти. И только должность возвышала его над остальными. Лишенный должности, он мгновенно стал бы никем. И тем больше он дорожил своим единственным знаком отличия. Его чудовищно разросшееся самолюбие, это корневая система души, питающаяся экскрементами власти, не желала расставаться со своим горшком. Он лишится должности через десять лет. Племянник Антипы Агриппа, ставший царем Иудеи при Калигуле, сместит его с этого места, которое он занимал почти тридцать лет, и Каифе будет казаться это ужасной несправедливостью, оскорблением самого Господа, которому он так усердно служил.

А пока он стоит у ворот дворца Ирода в роли жалкого просителя, - и ему это как кость в горле. Он, Верховный Жрец Яхве, терпит невыносимое унижение, дожидаясь, пока будут уведомлены царские уши о его прибытии. Наконец, им открывают ворота, и гвардейский сотник ведет их к дворцу. Они проходят через роскошный парк с фонтанами, цветниками и голубятнями, затем по мраморной лестнице через холлы попадают в тронный зал, где Антипа изображает из себя царя Израиля, которым не является. Придворные, музыканты, танцовщицы, карлики и дикие звери окружают его. Самолюбие Каифы наталкивается на тщеславие Антипы, как коса на камень.

-Что привело тебя ко мне, Верховный Жрец Иосиф Каифа? - самодовольно вопрошает он, поглаживая свою крашеную хной бороду, завитую в мелкие кольца, как у царей на ассирийских барельефах.

Каифа не назвал Пилату истинное преступление узника. Не намерен он сообщать его и этому идумейскому наследнику. Он повторяет свое обвинение.

-Этот человек возмущал народ в Храме и называл себя Мессией - царем иудейским. Он из Галилеи, тетрарх Ирод, и Понтий Пилат направил его к тебе.

-Он уже был у Пилата?

-Да.

-И он не осудил его?

-Это твой подданный. Прокуратор решил, что он не вправе осуждать за тебя.

Антипа задумывается. Он с детства привык жить среди интриг и политической борьбы. Ему известно, что вчера римлянами была учинена бойня. Это еще одна политическая ошибка Пилата. А теперь он посылает к нему виновника, который якобы инициировал это событие. Антипа не желает быть причастным к этому делу. Жаль, что у него испорчены отношения с проконсулом Сирии Вителлием из-за парфян, и он не может сообщить ему об очередной жестокости его подчиненного. Но он может через своего племянника Агриппу в Риме донести это до императорского двора. Старик Тиберий дорожит стабильностью в империи и не поощряет тех, кто раздувает конфликты. А Пилат жаждет войны в Иудеи.

-Кто он?

-Иисус из Назарета.

-Из Назарета? И чей он сын?

-Сын плотника Иосифа по документам.

Антипа весело смеется, и свита вторит ему. Каифа с ненавистью смотрит на эти хохочущие рожи.

-Вот не думал, что мой конкурент будет из плотников. Думаешь, он мне соперник? -

усмешливо спрашивает он Верховного Жреца.

-Он возмущал народ.

-Он делал это не в Галилеи, а в Иерусалиме. Вот если бы я был иизаильским царем, я бы его покарал. Но в Иерусалиме есть римский наместник. Отведите его к Понтию Пилату.

С огромным возмущением Каифа почти выкрикивает:

-Тетрарх Ирод! Ты должен провести суд над самозванцем.

-Сын плотника назвал себя царем. Если я буду судить каждого безумца на этой земле, у меня не останется времени на остальное. А ведь я царь по рождению.

-Он называл себя Мессией.

Антипа внимательно всматривается в равнодушного к их разговору узника.

-Сын плотника, не хочешь что-нибудь сказать? Я разрешаю.

Иисус молчит.

Каифа в ярости бьет его посохом.

-Говори!

Скопец безмолвствует. К тому же он не пил воды со вчерашнего ужина, и его язык присох к горлу.

-Ты много говорил в Храме. Почему сейчас молчишь?

Каифа бьет Иисуса посохом опять. Антипа досадливо морщится и вальяжно взмахивает своей пухлой рукой, униженной перстнями:

-Будь любезен, Каифа, избивай его в другом месте. У меня здесь празднуют Пасху. Мы веселимся.

-Но он называл себя Мессией!

Царь становится серьезен и говорит со значением:

-Хватит с меня одного мессии. Пусть этот будет ваш.

Каифа его понимает. Казнь Иохонана сильно испортила репутацию Антипы в народе. Казнь еще одного пророка, кем бы он ни был, ему не нужна. Он даже желает, чтобы это пятно легло на совесть Пилата или Синедриона. Покидая дворец, Верховный жрец бормочет:

-Проклятый сын Исава!

Он проделывает обратный путь к крепости Антония по другой дороге. Каифа не идет через Геннатские ворота и мимо Голгофы по городской окраине, но сходит напрямик в город на переполненные улицы. Его душит желчь от того, что он сам себе нашел это унижение. На рынке, у дворца Хасмонеев, в колоннаде горожане и паломники почтительно расступаются перед процессией и с любопытством смотрят ей вслед. Прошел уже слух, что это тот самый лжепророк, из-за которого произошло вчера кровопролитие в Храме. Самые жадные зеваки тянутся за этой странной группой. По дороге Каифа выстраивает в уме примерный план предстоящего разговора с Пилатом. Он понимает, что прокуратор откажется от повторного суда, если его не принудить. Но это нельзя делать во всеуслышание. Даже по отношению к заклятому врагу Каифа придерживается классовой солидарности: нельзя порочить власть на глазах простонародья. Принуждение должно пройти с глазу на глаз.

У ворот претории у Каифы начинается одышка. Пот течет по его телу. Он должен выиграть партию с противником, который никуда не торопится, а сам он в цейтноте. Какие неравные условия! Но ему необходима победа. Из ворот выходит грек Лисий и спускается вниз.

-Мне нужно поговорить с правителем, - едва отдышавшись, заявляет Каифа.

Трибун одним взглядом оценивает обстановку и дружелюбно говорит:

-Прокуратор не откажется от своего решения. Иосиф Каифа, почему бы вам самим не казнить этого преступника?

Но Каифа не может сказать правду и ему. Знай он заранее, к чему это приведет, он принял

бы другое решение. Не мог Бог желать унижений своему главному представителю на земле. Но теперь отступить поздно. Уничтожен даже протокол о допросе этого преступника. Бумаги Синедриона выглядят так, будто никакого Иисуса из Назарета вообще не было.

-Зачем тогда нам римский суд? - говорит он раздраженно.

Лисий пожимает плечами и уходит.

-Хорошо, я доложу прокуратору.

Вновь распахиваются ворота крепости, на лестнице выстраивается караул и появляется недовольный Пилат в сопровождении Лисия и центуриона Корнелия.

-Правитель! Тетрарх Ирод сказал, что преступление произошло на земле, подвластной тебе. Он не смеет производить суд в Иерусалиме.

-У вас есть закон. Судите его по своему закону, если считаете виновным.

-Правитель, я имею нечто сказать тебе и прошу тебя спуститься.

Пилат гневно хмурится и затем все же отдает приказ Корнелию. По его команде караул спускается вниз и оттесняет беспокойную толпу от Каифы и его Совета. Пилат спускается.

-Я слушаю тебя, понтифик.

-Этот человек должен умереть. Он возмущал народ, объявил себя Мессией и оскорбил Храм.

-Понимаешь ли ты, Каифа, что этому человеку достаточно оказаться за пределами Иудеи, чтобы он перестал быть преступником? Называющего себя Мессией в Египте или Азии никто не сочтет преступником. И, думаю, во всей империи есть много людей, которые не почитают ваш Храм. Разве это делает их виновными перед законом? Римский закон универсален. Его правосудие не может зависеть от места и времени. Поэтому вам оставлен ваш собственный суд. Для Рима этот человек не преступник. Возьмите его и судите по своему закону.

-Мы не можем никого предать смерти в Пасху, - хмуро отвечает Каифа.

-Дождитесь ее конца,- насмешливо советует Пилат.

-Этот человек должен умереть сегодня.

-Я догадываюсь, жрец, что причина в другом. Ты просто хочешь убить этого человека моими руками. И не прожигай меня взглядом, Каифа. Меня это не пугает.

-Он должен умереть, - глухо и упрямо повторяет тот. - Он - враг цезарю. Если ты не казнишь его, то ты тоже враг цезарю.

Пилат стискивает зубы. Власть Рима всегда основывалась на насилии, и каждый его чиновник привычен к крови. Со времен же порядков, заведенных Суллой и Юлием, убить человека стало проще, чем убедить. На разговоры нужно тратить слова и время, для убийства же достаточно одного кивка солдату - преторианцу или верному рабу - телохранителю. Но Пилат не может убить Верховного жреца Иудеи в мирное время. Он тихо выдавливая из себя:

-Человек, который даже не входит в римскую преторию, потому что она для него не чиста, смеет говорить мне, римскому всаднику, что я не верен цезарю? Я припомню это, жрец, тебе и твоему народу.

-Мы знаем, - так же тихо отвечает Каифа, - что ты ненавидишь иудеев, но наш Бог защитит нас от твоей злобы.

-Ваш бог? Все боги ныне в Риме. И если твой бог не там, тем хуже для него. Я клянусь тебе этим перстнем всадника, что отомщу за твою наглость!

Каифу это не пугает. Он сам переходит к угрозам.

-А я клянусь своим верховным посохом, что если ты не казнишь этого человека, то я наврежу тебе в Риме. Много жалоб о твоём казнокрадстве и взятках отправится туда. А еще будут посольства с жалобами на твою ненависть к иудеям. И я сговорюсь с царем Антипой против тебя.

Дыша друг на друга ненавистью, они стоят некоторое время в молчании, затем Пилат резко поворачивается и возвращается на верхнюю площадку. Он поднимает руки и толпа затихает.

-У вас есть обычай, по которому я отпускаю на вашу Пасху одного преступника. Хотите, я отпущу вам этого человека?

-Отпусти бар-Аббаса, - раздается чей-то крик, и толпа подхватывает его:

-Бар-Аббас! Бар-Аббас!

-Что сделать с этим человеком?

-Распни его!

-Распять вашего царя?

-Он нам не царь.

Каифа смотрит снизу на Пилата с мрачным торжеством. Он вырвал эту победу дорогой ценой. Пилат отдает приказ привести бар-Аббаса и приготовить рукомойник. Легионеры возвращаются от толпы на свои места вдоль лестницы. Двое из них ведут Иисуса и ставят на нескольких ступенях ниже площадки. Затем на эти же ступени приводят другого узника, бар-Аббаса. В это время два раба выносят серебряный таз, кувшин с водой и полотенце.

-Спрашиваю еще раз, кого вам отдать: Иисуса - Мессию или Иисуса бар-Аббаса?

Толпа кричит:

-Бар-Аббаса!

-Вот смотрите, - произносит Пилат, - я умываю руки по вашему обычаю. Вы приняли решение и кровь вашего царя на вас.

Раб поливает его руки водой над тазом. Пилат вытирает их и показывает народу. Эта месть выглядит наивной. Кое-кого в толпе она даже забавляет. Только Каифе понятен смысл этой процедуры. Пилат развязал себе руки. Если при этом он что-то с них и смыл, то это будущая кровь толпы, стоящей перед ним.

-Отпустите этого человека, - приказывает он.

Конвоиры отпускают галилейского сикария. Бар-Аббас спускается на ступеньку ниже и поворачивается к Иисусу. Он говорит на арамейском:

-Помнишь меня? Ты хотел умереть? Теперь будешь висеть на их кресте, - он кивает в сторону стражей, стоящих по бокам от Иисуса.

-Говори по-римски! - приказывает ему легионер.

Но бар-Аббас не обращает на него внимания.

-Лучше бы я зарезал тебя тогда. Умер бы быстро и от руки соотечественника. Теперь умрешь от рук этих собак.

Удар тупым концом копья в зубы заставляет его отшатнуться и отступить на ступень ниже. Вытирая кровь с губ, он выплевывает вместе с зубами арамейские проклятия. Ударивший его солдат чуть отступает в сторону от Иисуса, давая себе свободу, и презрительно скалится. Ему хочется, чтобы этот иудей публично оскорбил Рим или набросился на него, и тогда он, согласно воинскому уставу, с удовольствием насадит его на копье, как кусок мяса на вертел. Из толпы выбегают двое мужчин. Подняв руки и смиренно пригнувшись, они бегут по ступеням, крича на исковерканной латыни:

-Нет оружия! Нет оружия! Мы забрать его.

Легионеры на ступнях крепче сжимают свои копья. Корнелий за спиной Пилата кладет руку на меч и делает шаг вперед.

-Нет оружия! Забрать, забрать, - повторяют мужчины, не разгибая спин.

Они хватают под руки своего предводителя и с уговорами утаскивают вниз, спасая его честь от позорного отступления. Кажется, неожиданное освобождение не радует сикария. Спускаясь в толпу, бар-Аббас узнает знакомое лицо и, вырвавшись из рук своих спасителей, подходит к

нему.

-Иуда? - невнятно говорит он разбитым ртом. - Смотришь на своего миротворца?

Осунувшийся, с воспаленными глазами Иуда выглядит не лучше, чем он. Хромун с полным равнодушием молчит.

-Вот куда тебя привел твой друг. Почему ты не рядом с ним?

-Что тебе, бар-Аббас? Ты остался жив, он умрет. Иди, радуйся, - устало отвечает Иуда.

-Хочешь, чтобы я поблагодарил его?- бар-Аббас говорит громко, нарочно громко, не зная, на ком сорвать свою ярость. - Думаешь, он мне жизнь спас?

-Оставь меня.

-Пусть сдохнет! Он заслужил такую смерть!

Бар-Аббас привлекает к себе внимание, он жаждет реванша и готов сцепиться с первым встречным. Друзья чуть ли не силой уводят его вглубь толпы.

Пилат, наблюдая с площадки всю эту сцену, чуть поворачивает голову вправо к стоящему позади Лисию и спрашивает:

-Кто он?

-Галилейский зелот. Был захвачен в Храме при попытке напасть на караул.

Пилат мрачно произносит:

-Я меняю врага Рима на безобидного софиста.

-Прокуратор может не беспокоиться. Сегодня вечером этот человек будет убит в уличной драке.

-От руки римского солдата?

-Что вы, господин! Он поссорится со своими соплеменниками. Все видели, какой у него скверный характер.

Пилат удовлетворенно кивает. Помолчав, он добавляет:

-Ну, если вы так хорошо предсказываете будущее, трибун, то пусть он поссорится с ними за пределами этого города.

-Именно так и будет, прокуратор.

-Вы заслуживаете вознаграждение, Лисий, за отличную службу.

-Благодарю, прокуратор.

-И еще, Лисий. Необходимо ужесточить меры против непокорных. У них тут у всех скверный характер. Выплачивайте наградные солдатам за каждого убитого. Я отдам приказ квестору на выплаты.

-Будет исполнено, прокуратор.

Пилат еще раз удовлетворенно кивает головой, а затем громко произносит:

-Иисус из Назарета будет распят по римскому закону. На его кресте будет написано: Царь иудейский.

-Не пиши этого, правитель! - кричит Каифа снизу.

-Сделать, как я сказал!

Пилат поворачивается и уходит. Караул снимается с лестницы, ворота закрываются, поглотив всех, кто стоял на помосте. Наступает томительное ожидание. Каифа, несмотря на потерю своего священного времени, остается. Он не намерен присутствовать на казни, но желает удостовериться, что она действительно началась и только потоп может ее прервать. Он зашел в своей антиримской политике дальше, чем хотел, - и все это из-за плотника из Назарета. Теперь, после победы к Верховному Жрецу возвращается уверенность, что он сделал все правильно. Господь хотел именно этого: распять богохульника на кресте безбожников. Каифа взмок от усердия, но волю Божью выполнил.

К каменной лестнице подъезжает конная повозка. Профосы - палачи небрежно выгружают

из нее кресты на дорогу, заставляя толпу расступиться. Тяжелые балки с глухим стуком бьются о землю, поднимая дорожную пыль. Эти кресты не чета тем перекладинам, которые римляне, подавив где-нибудь в империи очередное восстание, сколачивают из всякой дряни и оставляют гнить вместе с трупами на них. Эти три орудия мучительной казни, перенятой римлянами у карфагенян в Пунических войнах, сделаны из корабельного леса, снятого с разбитых судов в Цезарее, и доставлены в Иерусалим для многократного использования. На каждом из этих крестов умер уже не один человек. Их вес достигает веса взрослого крепкого мужчины.

Вскоре ворота открываются. Одна центурия в полном составе выходит из крепости. Она теснит толпу и выстраивается цепью вдоль дороги, освобождая пространство для процессии. Казнь поручено провести центуриону Корнелию, уже немолодому ветерану германских войн. Он спускается в алом плаще, в шлеме с гребнем и останавливается на дороге. За ним выводят трех узников. Первым конвой сводит вниз двух галилейских zelотов, которые были схвачены вместе с бар-Аббасом. Они недоуменно озираются. Час назад их главаря увели, а теперь вместо него они видят человека в шутовском венце из терновника и дощечкой на груди с надписью: Царь иудейский. Их мужество резко падает. Бесцеремонно взваленные на них кресты сгибают их вдвое. Они проседают под этой тяжестью и совсем лишаются мужества. Из толпы к ним доносится призыв:

-Маккавей! Держитесь, братья!

Солдаты даже не пытаются искать в этой массе крикуна. И опять раздается патриотический девиз zelотов:

-Кто сравнится с тобой, Господи!

Корнелий хмуро оглядывает народ за оцеплением. Все эти смуглые бородатые лица кажутся ему одинаково враждебными.

Конвой ведет вниз Иисуса. В гарнизонной скуке солдаты слегка потешились над тем, кого им представили как царя. Его лицо разбито и, как всякое поврежденное лицо, выглядит вульгарно. Прежними остались только глаза Иисуса с каким-то особенным, сложным выражением. В первых рядах он видит мрачного Иуду. Некоторое время они смотрят друг на друга.

“Напрасно ты так сделал, - шепчет Иуда, хотя Иисус не может его услышать, - мы могли бы умереть вместе от римских мечей. Проклят повешенный на дереве. И ты избрал именно такую смерть”.

Кажется, Иисус ему улыбается. Или это мимолетное выражение боли? По разбитому лицу трудно понять.

-Прощай, брат, и радуйся! - кричит Иуда.

И теперь Иисус точно улыбается ему и кивает. Он не замечает, как два профоса подтаскивают к нему сзади крест и грубо взваливают его на спину ему. От неожиданной тяжести он падает на правое колено, брус глухо валится на землю. Профосы ругаются:

-Эй, царь! Держи свой крест! Тебе на нем висеть.

Старшина этих наемных палачей, в котором можно узнать самаритянина, грубо ругается на арамейском. Иисус медленно встает. Он не готовил себя к римской казни. Чтобы умереть, недостаточно быть готовым к смерти вообще. Тот, кто согласен умереть за честь, не согласен умереть за грош. Принявший смерть от меча, может испытывать отвращение к виселице. Род смерти тоже имеет значение.

“Напрасно ты это сделал, - повторяет про себя Иуда - ты избрал себе самую позорную и мучительную смерть”.

Профосы вновь взваливают тяжелый брус на спину Иисуса, и он едва стоит на ногах. Крест соскальзывает с его плеча и опять падает. Центурион Корнелий критически оглядывает фигуру

Иисуса и понимает, что этот истощенный человек не далеко унесет свое орудие казни. Он будет его ронять, падать сам, вновь подниматься и еле волочь ноги. Крестный ход затянется на долгое время. У Корнелия же есть приказ закончить казнь до заката.

-Возьмите крест сами, - приказывает он профосам.

Но эти развязные шпатские наемники шепчутся между собой, и самаритянин Манная нагло заявляет:

-Мы не нанимались носить кресты за ублюдками.

Корнелий стискивает зубы. Попробовал бы солдат ему так ответить!

-Сами вы ублюдки!

Но эти люди его не боятся. Им платит трибун Лисий. Пусть заплатит дополнительно. Центурион оборачивается к толпе за оцеплением и повелительно выкидывает руку вперед, указывая пальцем на одного их молодых мужчин, стоящих в первом ряду.

-Ты! Понесешь крест за царя!

Мужчина недоуменно озирается, но прежде чем он успеваает возразить, два солдата выдергивают его из толпы, как репу с грядки. Одним махом они ставят его на дорогу, и профосы взваливают на него брус с перекладиной. Это некий Симон, паломник из ливийской Кирены, входящей в римскую провинцию Африка. Поднимаясь с колена, Иисус говорит ему:

-Я сожалею, друг, что тебе придется нести крест за меня.

Такое сочувствие со стороны еретика, которому до смерти осталось два шага, еще больше обескураживает Симона. Он волочит за собой орудие казни, думая лишь о том, что это самая необычная Пасха в его жизни. Корнелий взмахивает рукой, и возглавляемая им колонна в окружении шести конвойных начинает движение вдоль оцепления.

Иуда неподвижно смотрит вслед уходящему Иисусу. В эту минуту он принимает окончательное для себя решение. Он не пойдет на Голгофу и не станет смотреть на позорнейшую казнь того, кто стал ему ближе брата. Он направится на юго-восток от Иерусалима, на окраину долины Гинном, к месту Тофет, где царь Соломон воздвиг храм Молоху, а царь Иосия его уничтожил, посеяв там кости. С тех пор иудеи прозвали это место "землей крови" и обходят его стороной. Именно в это проклятое безлюдье уйдет Иуда. Там он взберется на скалу и бросится вниз. Он разобьет свое увечное, ничтожное тело о камни, его внутренности вывалятся на землю. Его отверженная, усталая душа навсегда умрет и выпустит из клетки Святой Дух. Не нужно ему человеческое погребение. Впереди только Царство Небесное! Радуйся, друг, жизнь кончается.

В одной из верхних бойниц северо-западной башни, где проходил допрос Иисуса, стоит Понтий Пилат и смотрит вниз. Ему видна площадь перед преторией, заполненная возбужденной толпой, купальня Вифезда, окруженная калеками и больными, вся северная окраина города с царскими пещерами, Гнафейским памятником и гробницей Елены, царицы абиаденской. Процессия уходит налево от него, на запад к Голгофе, которая с этой башни просматривается лишь как белое пятно за земляными и тростниковыми крышами ремесленного квартала. Толпа тянется вслед за крестным ходом. На месте лишь остается какой-то мужчина. Затем он поворачивается и, прихрамывая, уходит в противоположную сторону.

Стук обуви на каменной лестнице заставляет Пилата обернуться. На смотровую площадку выходит Прокула. Камергер несет за ней белого щенка.

-Вот ты где! - произносит она, подходит к бойнице и заглядывает вниз. - Простолюдины всюду одинаковы. Им хочется зрелищ, а лучшее зрелище - смерть. Ты все же приговорил этого мага?

-Он не маг. Лишь софист.

-И за это его казнят?

-У Каифы к нему свой счет. Мне пришлось пойти навстречу.

-И каков же вердикт?

-*Crimen laesae majestatis*.

-Он оскорбил величие цезаря?

-Они так утверждали.

-Ты им веришь?

-Я не верю ни одному их слову! Но эти люди поклянутся под присягой, что так и было. Их бог разрешает им любую клевету, если ему это нужно.

-Политика, - насмешливо произносит Прокула.

Впрочем, ее уже совершенно не интересует судьба того узника. Его странные, больные глаза были каким-то наваждением. Пилат прав, во всем виноват здешний воздух. У них тут даже море стало мертвым. Она подзывает жестом раба и берет из его рук пушистый клубок.

-Ах, какой милый! Мой будущий страж и защитник.

Прокуратор смотрит на эти умильные игры с вежливым отвращением.

-Теперь я понимаю цезаря Августа, который порицал моду на собак и кошек. Римские женщины должны отдавать свои материнские чувства детям, а не тратить их на домашних животных, - произносит он.

-Но ведь ты сам запретил мне взять с собой моих сыновей, - дразнит женщина его и словно нарочно целует щенка в нос. - Мои мальчики остались в Риме.

-Здесь не твое поместье в Байях. Здесь вражеская земля. Этот народ склонен к неповиновению, интригам и саботажу, - заявляет Пилат. - Я каждый день жду от них бунта. Твоим мальчикам лучше оставаться в Риме.

Он лукавит, скрывая под заботой о пасынках свою физиологическую неприязнь к этим аристократическим отпрыскам. Даже внук императора Тиберия провел несколько лет в суровых германских лесах, где и получил от солдат ласковое прозвище *Калигула* - Сапожок. Но прокуратор даже не заботится о правдоподобии. Происходит обычная супружеская сцена, в которой один лжет, а другой делает вид, что верит, поскольку правда неприятна для обоих. В данном случае правда заключается в том, что он терпеть не может сыновей Прокулы, а они ненавидят его. Через три года закончится прокураторский срок Пилата. Он передаст должность некоему Марцеллу и отправится в Галлию служить квестором. Там он уже будет командовать только деньгами, но не людьми. А еще через год к власти придет Гай Калигула. Сыновья Прокулы, такие же испорченные негодяи, как этот новый император, преуспеют при его дворе и затравят отчима до смерти. В своей былой бедности они будут винить не отца, промотавшего перед смертью все состояние, но своего плебея-отчима, который не дал им должного содержания и ложился в одну постель с их матерью. Однажды загнанный вояка зайдет в свой дом, ляжет в ванну и перережет себе вены.

А пока Прокула, продолжая играть с щенком, небрежно замечает:

-Похоже, ты сам очень хочешь их бунта.

-Возможно, - соглашается он. - Хороший урок пошел бы им на пользу. Они забыли Помпея Магнума и своего царька, который шел в его триумфе по Риму с веревкой на шее. Мне хватило бы моего легиона, чтобы вразумить этот город.

Женщина передает щенка камергеру и устремляется к выходу, всем своим видом показывая, что ей не интересны кровавые мечты мужа.

-Не забудь, скоро обед, - бросает она на ходу. - Я не хочу ждать тебя за столом с твоим трибуном.

-Лисий - отличный солдат.

-Вот именно! Солдат!

Две пары башмаков дробно стучат по лестнице, теряясь в синкопе. Наступает тишина. Пилат возвращается к бойнице. Он нервно крутит на пальце всаднический перстень с именной печаткой в виде ромбовидного наконечника копья - *пилатуса* и смотрит на уходящую толпу. На лице его презрение и ненависть. Сверху эти люди видятся такими маленькими, что кажется: их можно раздавить одним римским башмаком.

Такое же презрение и ненависть испытывают в толпе к Иисусу. По вине этого человека произошла резня в Храме, а это доска с надписью на его груди позорит их всех. Процессия движется вдоль древней городской стены по пути, который Иисус уже проходил сегодня в конвое Каифы. На этот раз впереди идет центурион Тит Корнелий. Солнце за его спиной уже приближается к зениту. Время обретает для него ту же ценность, что и для Верховного жреца, который спешил вернуться в Храм. Солдаты были заранее накормлены обедом. К ужину они должны вернуться в крепость, а преступники - быть мертвыми.

Но для Иисуса время утратило всякое значение. Он движется по дороге так, будто уже вошел в свое Царство, где нет ни времени, ни пространства, ничего человеческого. Он не слышит криков, которые несутся из толпы. Но вот в него начинают лететь камни, те самые иерусалимские камни, которые и должны были убить его. Один из них попадает ему в висок. В глазах его темнеет, как перед обмороком в резиденции Каифы, и он едва удерживается на ногах.

Центурион оборачивается и видит, что узник лишь усилием воли сохраняет равновесие. Через мгновение Иисус продолжает шаг. По виску его медленно стекает струя крови. Корнелий с удовлетворением отмечает про себя, что этот человек держится с достоинством римского патриция. Он приказывает старшему декуриону, командующему оцеплением, поставить вокруг Иисуса четырех солдат и громко объявляет толпе:

-Всякий брошенный камень я буду рассматривать как покушение на жизнь римского солдата. Вы знаете, каково наказание за это.

И он уверенно продолжает свой путь. Дед центуриона был вольноотпущенник Суллы и по римскому закону получил родовое имя своего патрона - Корнелий, фамилию древнюю и знатную. Его отец служил Августу, он и его братья - Тиберию. В их роду все стали верными слугами империи. Ныне же времена изменились. Теперь всякий, у кого есть деньги, может купить себе римское гражданство. Он знает, что и в этой толпе паломников найдется множество таких граждан, которые палец о палец не ударили ради империи. Честного солдата это искренне возмущает и не прибавляет ему любви к толпе. Он готов к самым решительным мерам в случае неповиновения. Но ничего не происходит. Большая часть толпы состоит из евреев, съехавшихся на праздник со всей империи, и они не склонны к бунтам, в отличие от жителей Галилеи, где процветают антиримские настроения при сознательном попустительстве Антипы в его кознях против Пилата.

Меж тем толпа начинает редеть. Народ расходится, поняв, что ничего сверхъестественного не произойдет. Это позволяет, наконец, Марии Магдалине пробиться к самому оцеплению. Всю прошедшую ночь она и старик Нахум провели во дворе дома, из которого стремительно и таинственно один за другим ушли все его жильцы и сгнули во тьме улиц. Наутро Нахум отправился в город и услышал там множества слухов. Среди них были и те, что касались Иисуса из Назарета. Рассказывали, что он въехал в Иерусалим на молодом осле, как сказано в Писании, и обещал освободить Израиль от оккупантов. Нет, утверждали другие, он говорил не о царстве на земле, но о царстве на небе. Разве Мессия фарисей? Конечно. Мессия должен быть фарисей, а не zelot. Он будет судьей в воскресении. А быть может, это воскресший нашрит Иохонан? Нет, он из Галилеи, и он не Мессия. Мессия будет из рода царя Давида и неизвестно, откуда он придет.

Нахум вернулся с ужасной вестью: возлюбленный Марии арестован Синедрионом и отведен

на римский суд в преторию, а его господин Иуда бесследно исчез. Накинув платок на голову, Мария бросилась к форту Антония. Синедрион, римский суд! Эти высшие органы власти рассматривают только государственные преступления. Их обычный приговор - смерть. Еще вчера все складывалось хорошо. Иисус вернулся и был рядом. Почему она не послушала Нахума? Ей нужно было назвать учителя по имени, обхватить его ноги и никуда не отпускать. Она знает: ему очень не хватало в этой жизни любви. Но вот ее любовь, она рядом! И ее хватит на двоих. Почему она не назвала его по имени? Теперь ей казалось, что она виновата в происшедшем. Вдвоем они могли бы скрыться от его врагов.

Толпа возле крепости перекрыла ей дорогу к Иисусу. Она видела его стоящим на лестнице в терновом венце, видела, как его передают профосам, а затем безуспешно пыталась пробраться к нему сквозь толпу. И вот, наконец, она в нескольких шагах от него. Между ним и Марией только оцепление.

-Учитель! Иисус! - кричит она, называя его по имени.

Но он, уйдя в свое безвременье, ничего вокруг не слышит. Кровь течет по его виску.

-Иисус! Иисус! Иисус! - повторяет она свое заклинание с плачем.

Но заклинание уже не действует. Солдаты в алых плащах уводят его все дальше и навсегда. Она опоздала. Мария застывает в отчаянии.

Корнелий выставляет в цепь вокруг Голгофы лишь половину центурии. Остальные получают отдых чуть поодаль, в чахлой рощице. Сам он устраивается внутри оцепления на складном стуле под тентом, который ему сооружают из солдатских копий и плаща. Пока два других узника отлеживаются у подножия холма рядом со своими крестами, профосу поднимают наверх Иисуса и кладут на крест. Четверо из них наваливаются на его руки и ноги, самаритянин Манная, вооружившись молотком, ставит кованый гвоздь в середину запястья. Гвоздь легко проходит между костями, но встречает сопротивление в твердом корабельном дереве. Несколько профессиональных, плотницких ударов загоняют его в брус почти по шляпку. Пока Манная пригвозждает вторую руку Иисуса, ноги узника привязывают к нижней перекладине, чтобы при обмороке они не соскользнули вниз. Тогда распятый начнет быстро умирать от удушья. Затем, уперев основание креста в яму, профосы поднимают его, пока тот под собственной тяжестью не опускается на место, сотрясая пригвожденное тело. Иисус издает стон и возвращается в действительность от боли.

Вскоре два других креста встают рядом. И теперь Голгофа напоминает причудливый трехмачтовый корабль, на котором вместо парусов натянуты человеческие тела. Кажется, сейчас дунет ветер - и судно смерти отправится в плавание по морю боли. Трещат сухожилия, лопается кожа на ладонях, хрустят суставы. Повешенные инстинктивно ищут опору и встают на перекладину, снимая напряжение с рук. Один из них с ужасом смотрит на свои разорванные кисти. Шок избавил его на время от боли, и он чувствует то же, что и человек, у которого испорчен костюм, только во много раз сильнее.

-Что же они сделали? - горько бормочет он. - Как мне работать этими руками?

Очевидно, шок притупил и его сознание. Оно отказывается взглянуть в лицо смерти и понять невероятную истину: эти руки, которыми он держал хлеб, вино, женщин и оружие, ему больше не понадобятся. Он растерянно смотрит на хохочущих внизу профосов.

-Эй, приятель, - говорит Манная, - не горюй о руках. Когда ты умрешь, я отрублю их и найду им работу.

Распятый начинает хныкать.

-Что они говорят? - полоумно обращается он к Иисусу.

-Не слушай их, - глухо отвечает Иисус.

С третьего креста слышится ругань и проклятия:

-Самаритянская собака!

Манная находит доброе слово и для него:

-Эй, на кресте! Если не заткнешь свою пасть, я напою тебя уксусом вот из этого ведра. Тогда твой язык быстро прилипнет к глотке.

Профосы спускаются с холма, садятся под своей повозкой, на которой им предстоит увезти обратно кресты, и начинают шумно, без стеснения играть в кости - сначала на одежду смертников, а потом - на свой палаческий заработок.

Распятые на крестах повернуты лицом к городу, и солнце нещадно бьет им в глаза, обжигает лица и сушит рты. Через час оно уходит им за головы, но к этому времени на запах пота и крови слетаются насекомые. Слепни роем облепляют раны на руках, прочие впиваются в царапины и ссадины, набрасываются на лица смертников, не давая им ни минуты покоя. Распятый рядом с Иисусом мужчина начинает тихо напевать, продолжая мерно водить головой от одного плеча к другому, словно отмеряя свои последние часы. Но насекомые уже привыкли к этому маятниковому движению и даже не слетают с его лица, пытаясь выесть его глаза. На память ему почему-то пришла песня, которую обычно исполняют подруги невесты, провожая ее в дом жениха.

-Тебе не нужны ни румяна, ни пудра, ты прекрасна, как серна. Ты - запертый сад, запечатанный сосуд. Пусть придет твой возлюбленный в твой сад и выпьет твоего вина.

При упоминании вина его речитатив прерывается. Он приходит в себя, разжимает веки и начинает просить:

-Пить! Пить!

Но его никто не слышит.

-Пить! Дайте пить! - ревет узник с другого столба.

Корнелий слышит этот вопль и поворачивается к профосам, которым надоело играть в кости, и они задремали. Из-под повозки торчат только их ноги.

-Эй! - кричит он. - Воду на кресты.

Никто не поднимает головы. Эти наглые, не знающие дисциплины истязатели и палачи вызывают у центуриона отвращение. Хороший солдат не пойдет в палачи, вот и вербуют в бригады профосов всякий брод. Он встает со своего табурета, подходит к телеге и пинками будит их.

-Напоите их водой! - приказывает он.

Бригадир Манная спросонья что-то бурчит, и самый младший из профосов поднимается. Он потягивается, зеваает, затем достает из-под повозки кожаное ведро с остатками воды и палку с губкой на конце, делая все так неторопливо, что Корнелий не выдерживает. Его глаза загораются гневом. Он достает из ножен меч и плашмя бьет им наглого щенка по спине:

-Эй, бегом, пока я с тебя шкуру не спустил. И все вы! Встать, когда центурион с вами разговаривает. Я доложу трибуну Лисию, чтобы он отдал вас под плети.

Профосы поднимаются, протирая глаза. Глядя на их измятые лица, Корнелий вкладывает меч в ножны и произносит:

-Обнаглели, шакалы! Думаете, цена вам велика? Я вам напомню, сколько вы стоите.

Тот, что получил мечом по спине, взбирается на холм и поочередно поит смертников. Потрясенные мухи с жужжанием разлетаются, открывая распухшие лица, но вскоре вновь возвращаются на свои места. Смертник, который пел песню, почуяв воду, зубами впивается в губку, а насосавшись, в изнеможении отпускает ее. На короткое время к нему возвращается рассудок, и он осмысленным взором обводит всю окрестность: ремесленный квартал, крепость, Храм, древнюю городскую стену и башни дворца Ирода справа. Он смотрит на свои рваные руки. Отток крови вызвал их онемение, и он их больше не чувствует, словно они уже

ампутированы, как пообещал ему Манная. Царство Небесное приблизилось к нему и пронизывает его сердце истомой и холодом.

-Помолись за нас, друг, - тяжело ворочая языком, обращается он к Иисусу. -Может, Бог услышит тебя и простит нас.

Иисус, который тоже только что омочил горло, внятно отвечает:

-Говорю тебе, сегодня, еще до заката будешь со мною в Царстве Небесном.

В глазах смертника мелькает надежда.

-Разве Бог услышит тебя отсюда?

-Бог тебя покарал. Он властелин этого мира. А услышит Святой Дух. Жди. Будешь скоро свободен в его Царстве.

-Эй, что ты там говоришь? - доносится злой голос с третьего креста. - Скажи и мне.

Иисус не отвечает.

-Из-за таких, как ты, мы умираем. Обманываете народ. Нет никакого Царства Небесного! - хрипит он. - Не верь ему! Бар-Аббас тоже говорил о свободе. Где эта свобода? Бар-Аббас не умрет с нами, а мы умрем. Все лгут!

Надежда тухнет в глазах молодого висельника. Иисус устало ему говорит:

-Я никогда не лгу! Если бы я лгал, меня бы не было здесь, на этом кресте. Радуйся! Ныне будешь в Царстве Небесном.

Больше они не говорят. Молодой висельник опять уподобляется маятнику и начинает напевать.

-Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста. Набрал мирры моей с ароматами, поел сотов моих с медом, напился вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья. Пейте и насыщайтесь, возлюбленные.

Корнелий меж тем меняет караул.

Отстоявшие в оцеплении три часа солдаты идут в чахлую рощицу, их место занимает отдохнувшая смена. Среди них самой заметной фигурой оказывается длинный и удивительно худой парень. Он на голову выше самых рослых легионеров. Двухметровое копье достает ему до носа. Из-за такой неестественной худобы кажется, что он вот-вот сложится пополам, как карманный нож. Солдаты насмешливо называют его Дылда - *Лонгинус*. Этот горе-воин попал в армию по обычной римской мобилизации. От него старались избавиться все офицеры боевых подразделений: солдату, которого качало ветром, нельзя было доверить даже знамя. Он кочевал из когорты в когарту, пока не угодил на гарнизонную службу, где стал вечным дозорным на башне. Дылда встает в оцепление вокруг Голгофы и привычно замирает.

Возле холма к этому времени осталось лишь несколько десятков зевак. Среди них скорбит Мария. Она больше не пытается кричать: Иисус, - поняв, что это бесполезно. В этой многочасовой бесполезности она ощущает себя так, будто из нее по капле вытекает жизнь. Ее господин, ее учитель, ее Иисус умирает. Неподалеку от нее стоит плохо одетый мужчина с нечесаной длинной бородой и такой же гривой, покрытой платком. Это - нашрит Иамес. Он смотрит на распятого старшего брата - всезнайку, закаменев от горечи. Ему придется рассказать об этом их матери. Конец оказался даже хуже, чем он предполагал: римский крест, который они называют "cruz immissa". Этот будущий патриарх Иерусалимской церкви считает, что его брат совершил такой же бессмысленный подвиг, как и нашрит Иохонан, обличавший прилюдно царя Ирода Антипу. Чего они добились? В этом мире только Бог может говорить правду. Только ему позволено вершить справедливый суд.

Подъезжает повозка, и мимо Иамеса проходит мужчина лет пятидесяти. Дорогой хитон, украшенный золотом пояс, осанка и лицо - все выдает в нем знатного иудея. Иосиф из Аримафеи, член Синедриона напрямик направляется к сидящему под тентом Корнелию.

Ординарец выходит к нему навстречу.

-У меня послание прокуратора к вашему начальнику, - объясняет он и показывает маленький свиток в руках.

-Я передам его, - ординарец протягивает руку, берет свиток и несет центуриону.

Корнелий окидывает незнакомца оценивающим взглядом и срывает восковую печать, на которой оттиснуто факсимиле Пилата - наконечник дротика. Прокуратор приказывает центуриону Титу Корнелию, выдать подателю сей бумаги Иосифу из Аримафеи тело Иисуса из Назарета для совершения обряда погребения по иудейскому закону. Внизу приписка: закончить до заката. Корнелий еще раз оглядывает стоящего в нескольких шагах от него человека и произносит:

-Как только закончится казнь, я выдам вам тело Иисуса из Назарета.

Иосиф молча кивает и возвращается к повозке. Оттуда он жадным взором впивается в тот крест, на котором прибита доска с надписью: царь иудейский. Он - член Синедриона, но не входит в малый Совет, который судил Иисуса, и видит впервые его. Иосиф словно хочет открыть для себя какую-то загадку в этом человеке. И вспоминает прошедшую ночь.

В Иерусалиме у Иосифа был свой дом. Как деловому человеку и члену Синедриона ему часто приходилось посещать этот город и проводить в нем много времени. На Пасху он приехал в Иерусалим со всей семьей за несколько дней до праздника. В эту ночь все домашние уже спали, и сам он собирался уже отдыхать, когда слуга сообщил ему, что у ворот стоит некий Иуда, сын Симона Сикариота, и хочет его видеть. Иосиф был рад видеть двоюродного брата и друга.

-Пригласи его немедленно в дом, - приказал он, спешно набрасывая на себя халат.

-Господин, он не желает входить и просит, чтобы вы сами вышли к нему.

Он поспешил к воротам, гадая, что бы это значило. Двери его дома всегда были открыты для Иуды. Он отлично помнил, как сорок лет назад состоялось их знакомство. Однажды ночью в их дом тайно привезли мальчика. Он был в беспамятстве, а его левая нога выглядела так ужасно, что у юного Иосифа сжалось сердце. Родители объяснили ему, кто это, но строго-настрого запретили рассказывать об этом на улице. Как он понял тогда, царь Ирод Великий убил всю семью его кузена и хочет теперь убить его. Этот царь-чужак истреблял лучшие фамилии Израиля вплоть до младенцев. В глазах Иосифа искалеченный мальчик сразу же стал героем. Его нога загноилась, он был на грани гибели, пребывая в горячке и бреде. Когда он впервые открыл глаза и ясным взором осмотрелся вокруг, Иосиф был счастлив. Много месяцев Иуда провел в их доме в Аримафеи, а потом был так же тайно переправлен в Сирию. Они встретились во второй раз уже молодыми людьми, когда в Иудее установилось прямое римское правление, при прокураторе Копонии. Они подружились, хотя сблизиться с мрачным Иудой было непросто. Иосиф понимал все это: убийство семьи на глазах, болезнь и увечье, из-за которого Иуда даже не может войти во внутренние дворы Храма. И Бог отвернулся от него. С годами Иосиф стал старейшиной Аримафеи, а затем членом Синедриона. Иуда ушел к зелотам и стал комиссаром этой национально-революционной партии, истратив на нее большую часть своего наследства. В последнее время они виделись все реже, а потом Иуда и вовсе исчез, словно ушел в глубокое подполье. И вот теперь он стоял у дома Иосифа и не хотел войти в него.

-Мир тебе, брат, - Иосиф обнял и поцеловал своего кузена. - Пойдем в дом.

-Нет, поговорим здесь, - ответил Иуда.

Он был угнетен и мрачен, а просьба его оказалась невероятно странной. Он сказал, что утром казнят некоего Иисуса из Назарета. Иосиф должен позаботиться о его теле.

-Ради нашей дружбы я готов похоронить последнего преступника, - ответил Иосиф.

-Он лучше нас с тобой, брат. Тебе придется получить разрешение от Синедриона. Тебе это будет нетрудно.

-Почему ты сам не хочешь похоронить его, если он тебе так дорог?

-Я не смогу. И не спрашивай. Просто обещай, что сделаешь.

-Обещаю.

-Поклянись нашей дружбой.

-Клянусь. Да что с тобой, Иуда? Давай войдем в дом и поговорим.

Иуда отрицательно покачал головой. Он погрузился в себя, словно что-то вспоминая, а затем горячо заговорил:

-Нет, Иосиф, ты не должен его хоронить.

Иосиф только удивлялся такой перемене настроения. Но дальнейшее его просто поразило.

-Ты должен уничтожить его тело. Он не хотел иметь могилу, я помню. Да-да, он не хотел оставлять миру даже свой труп. Сожги его! Или отвези его к морю и утопи!

-Этого желал твой Иисус? Он безумен?

-Мир безумен, а не он.

-Для иудея нет худшей участи, чем не иметь места погребения. Кто он, твой Иисус? Не тот ли это человек, который назвал себя Мессией и возмутил весь город?

-Да! - мрачно подтвердил Иуда. - Но он не Мессия. Он больше!

-Брат, давай войдем в дом, - опять предложил Иосиф, полагая, что его кузен не в себе, если ставит кого-то выше Мессии, над которым только Бог.

Но Иуда вдруг с проницательной усмешкой произнес:

-Не считай меня безумным. Я обрел пронзительную ясность ума. Ведь ты саддукей и не веришь в воскрешение. Если нет воскрешения, зачем тело?

-Я верю в Писание и в загробную жизнь.

-Что ты знаешь о загробной жизни? Загробная жизнь! Это так по-человечески! Извини, я не хотел тебя обидеть.

-Брат, ты не можешь обидеть меня тем, что назвал человеком. Я и есть человек! - дружески пояснил Иосиф.

Иуда как-то странно кивнул головой.

-Конечно. Все мы люди. И все же, Иосиф, если не хочешь его сжигать, то просто брось его в какую-нибудь пещеру. Он хотел умереть в пещере. Сделай так.

-Бросить его тело в пещеру? Иуда, может, ты ненавидишь этого Иисуса?

-Ненавижу? - он очень удивился. - Пусть так! Назови, как хочешь, только сделай. Это проще, чем погребение.

-Так не поступают даже язычники. А они не знают истинного Бога.

-Я тоже не знаю Бога! Забыл? Я - отверженный.

-Может, ты все же войдешь в дом? Отдохни, успокойся. Завтра великий праздник. Останешься у меня. Тебя здесь никто не побеспокоит, - пытался уговорить его Иосиф, уже боясь отпускать его в таком состоянии.

-Нет, я не могу, Иосиф. Помни, ты поклялся! И подумай насчет пещеры. Теперь я его понимаю. Мне тоже хочется исчезнуть бесследно. Ничего не хочу оставлять этому миру! - Иуда торопился, словно хотел поскорее выговориться. - Людям стоит больше думать о своей смерти. Жизнь дает им десятилетия на размышления, но вряд ли они тратят на это год или хотя бы месяц. Им некогда. Они торопятся жить. А потом умирают с мечтой о продолжении своей никчемной жизни. Зачем у них была жизнь, если они не нашли времени подумать о смерти? И так - из поколения в поколение. Если бы люди научились думать о смерти, они перестали бы быть животными. Прощай, Иосиф.

Иуда судорожно обнял, поцеловал его и стал уходить.

-И еще, Иосиф. Что бы ты ни услышал обо мне, знай, что я умер с честью.

И он решительно устремился прочь.

В это самое время, как позже узнал Иосиф, в резиденции Каифы собирался малый Совет, состоявший только из священников. Это была абсолютно замкнутая каста, которая имела доступ к алтарю, к святилищу и к храмовой казне.

И вот Иосиф стоит теперь перед Голгофой и пытается понять, что связало его мрачного кузена с этим человеком, над головой которого висит вызывающая надпись: царь иудейский. Каким образом холодный, замкнутый Иуда превратился в сентиментального безумца? Что с ним сделал этот человек на кресте? Какие истины открыл ему? И кто же он такой, этот царь, который не хочет оставлять миру последнюю улику своего существования - могилу? Цари обычно требуют особых усыпальниц, они желают лежать в священных дубравах, им нужны гробницы на века. Этот же человек хочет умереть как зверь. К тому же он - и это неудивительно - богохульник, как сказали о нем члены Совета на утреннем заседании Синедриона. Словом, этот Иисус вызывает у Иосифа только неприязнь.

Он долго еще смотрит на распятого Мессию и постепенно смягчается. Человеческое сострадание вызывается мыслью о том, что всех стоящих сейчас у холма ждет продолжение их жизни. Они вернутся в свои дома, поужинают, вдохнут ночную прохладу и лягут спать под звездами. Этот вечер они проведут чуть лучше или чуть хуже, но это будет еще один из тысячи вечеров, которые повторялись и будут повторяться. Только у этих троих на крестах уже не будет никакого вечера, даже самого обыденного и скучного. Весь мир и он, Иосиф в том числе, будут жить, как жили прежде, но этих трех в нем уже не будет никогда.

Саддукеи знают: человек получает жизнь даром и умирает навсегда. Конечно, они чувствуют при этом то же, что и фарисеи: никакое человеческое преступление не заслуживает такого чудовищного наказания – вечной смерти, но воскрешение, в которое верили еще египтяне, мумифицируя свои трупы, кажется им очень сомнительным. Саддукеи не верят в повторную жизнь, но верят в бессмертие души и загробный мир. Странно, что Иуда хотел оскорбить его именно этим. Разве вера в бессмертие души - это позорно? Во что же верит сам Иуда? Какой бесчеловечной вере научил его этот отступник?

Иосиф слезает со своей повозки и подходит почти вплотную к оцеплению. Он надеется услышать хоть что-нибудь из уст распятого Иисуса. Перед ним стоит высоченный, как столб, безусый римский солдат и от скуки глупо улыбается. Чтобы не видеть его лица, Иосиф отступает в сторону и встает рядом с мужчиной, в юродивом облики которого легко узнать нащрита. Этот длинноволосый, неухоженный человек не похож на зеваку. По его напряженному взгляду Иосиф угадывает, что он смотрит на Иисуса.

-Вы знаете его? - вежливо спрашивает он.

Нащрит оборачивается к знатному иудею и коротко отвечает:

-Да.

-Вы его ученик?

-Нет.

-Я не враг ему, - поясняет на всякий случай Иосиф.

-Я тоже. Но я ему не ученик.

Иамес не хочет говорить. Иосиф оставляет его в покое и возвращается к своим мыслям. Пожалуй, есть какой-то смысл в том, чтобы, уходя навсегда из этого мира, забрать и свой труп. Конечно же, это невозможно для самого Иосифа. Погребение - не ради мертвых, но ради живых. Сказано: почитай отца и мать своих. Должно человеку с почтением хоронить своих близких и быть с почтением похороненным самому. Иосиф проводил своих родителей в последний путь. Его дети сделают для него то же самое. Но, похоже, этого Иисуса даже похоронить некому. Нет у него ни братьев, ни детей, ни жены, ни учеников и есть только единственный друг - Иуда,

который почему-то тоже не хочет хоронить его. Но ведь он попросил Иосифа не хоронить этого Иисуса по обряду, но уничтожить его труп. Почему он не делает это сам, если так ненавидит его? Иосиф не может знать, что в этот час переломанное и разорванное тело Иуды лежит уже среди камней в проклятой глуши, на Тофете.

В шестом часу казни на крестах происходит некоторое изменение. Человек, который напевал свадебные песни, окончательно лишился рассудка и тихо говорит, улыбаясь, сам с собой. Другой смертник, монотонно качая головой, с ненавистью смотрит на всех вокруг. Он ненавидит их за свои мучения перед смертью. Ему все равно, что такая казнь носит назидательный характер для живых. Он уже не в числе живых и все еще не среди мертвых. Ему не дают умереть.

Иисус открывает глаза. Раны на его руках разъедены насекомыми, плечевые суставы вывернуты и держатся только на сухожилиях, мышцы уже мертвы, кожа сожжена, но он больше не чувствует боли. Ему видятся лица его родных и близких, полные скорби и сострадания. Разум его путается. Он перестает отличать субъективную реальность от объективной, т.е. уже не может отчетливо выделить из мира своего самосознания ту часть, которая является общей для всех живых существ - носителей языка.

-Не смейте меня жалеть, - шепчет он.

Но они продолжают приближаться к нему и окружают его со всех сторон. Он узнает плачущую мать, скорбящего отца, удрученного Иамеса, рыдают Мария Магдалина и сестры из Вифании. А вот виноватые глаза Петра, вот мокрое от слез лицо Иоанна, искривленный рот Матфея, сочувственный взгляд Анны. Зеведей, Иаир, Цилла, Иохонан, Каифа, Антипа, Пилат. И еще, и еще - их становится все больше, невыносимо много вокруг него скорбящих, плачущих по своим душам людей. Им жаль себя, им жаль Иисуса. Нет лишь Иуды.

-Не смейте меня жалеть! - кричит им Иисус.

Но они только множатся и кружатся вокруг него. Их голоса сливаются в похоронный вой. Он поднимает лицо вверх и, собрав все силы, выкрикивает так громко, что вместе с криком из него вырывается и его смертная душа:

-Небо, Небо, зачем я был здесь?

И небывалая легкость вдруг приходит к нему, словно вместе с вырванной из себя душой он сбросил оковы, которые держали его целую жизнь. И время замедлилось - соразмерно последним ударам сердца, пока не остановилось вовсе. И мир стал стираться без остатка до абсолютно чистого нуля. И сын Неба в стремительном полете возвратился туда, откуда изошли все сыны человеческие. И не было больше человека, - ни его земли, ни его неба, ни его Бога.

Только безымянный Святой Дух.

Голова Иисуса буквально падает камнем на грудь, тело обвисает на кресте, как парус в наступившем штиле. Его предсмертный крик доносится до толпы. Иосиф тоже его слышит. Но трудно разобрать, что именно прозвучало в этой агонизирующей иудейской фразе. Был ли это призыв к Богу - *Элои*, к пророку *Илии*, который должен предшествовать Мессии, или к Небу - *Шамаим*?

Тит Корнелий внимательно смотрит на обвисшее тело Иисуса. Опыт подсказывает ему, что этот человек умер. Он оборачивается к оцеплению и кричит:

-Дылда, ко мне!

Тощий и длинный солдат неуклюже бежит к нему, плохо сохраняя равновесие. Он останавливается перед центурионом и неловко выбрасывает в приветственном жесте свою разболтанную руку. Видно, что он изо всех сил старается быть хорошим солдатом.

-Поднимись на холм, боец, и проверь, умер ли царь иудейский.

-Есть, командир! - юноша бросается исполнять приказ, но тут же останавливается.- А как

проверить? - недоуменно спрашивает он.

Центурион качает головой.

-Ударь копьем в ребра - и тогда узнаешь, жив он или мертв.

-Есть, командир!

Дылда - *Лонгинус* бежит к холму и пробует с маху одолеть его, но соскальзывает на гладком, отшлифованном ветрами камне и чуть не падает. Он виновато озирается на своих сослуживцев, подбирает копье, которое выронил, и уже не пытается показать себя бравым парнем. Солдаты в оцеплении хохочут, видя, как он на четвереньках взбирается вверх. Там он подходит к кресту, на котором висит Иисус, и неуверенно тыкает копьем в ребра распятого.

-Ты что, пощекотать его хочешь? - смеются опять в оцеплении.

Дылда ударяет чуть сильнее. Копье глухо бьет в кость, как по дереву.

-Как в бою! - кричат ему. - Бей по - настоящему!

Дылда зажмуривается и впервые бьет изо всех сил в человека оружием. Копье попадает под ребра и неожиданно легко уходит внутрь. Он испуганно отдергивает его назад, словно боясь, что тело поглотит все его оружие в себя, как в пучину. Из раны скупно проливается густая, почти черная кровь и легочная слизь. Иисус не подает признаков жизни. Спуск Дылды с холма вприсядку вызывает новый взрыв хохота среди солдат.

-Береги свой тощий зад, - кричат ему.

Подхватив свое окровавленное копье, он подбегает к центуриону с растерянным и жалким лицом, но очень старается сохранять достойный вид и добросовестно докладывает об исполнении приказа. Корнелий прерывает его рапорт и по-отечески приободряет:

-Хорошо, боец. И помни, ты его не убил, он уже был мертв. Но тебе - наука. В следующий раз у тебя получится лучше. Если уж ты оказался в армии, тебе придется убивать.

-Я хочу служить цезарю, командир.

- А теперь возвращайся в строй.

Солдат отдает честь, чуть не уронив при этом свое копье, и бежит к своему месту в оцеплении. Кажется, он вот-вот сложится пополам.

- Профосов ко мне!- громким голосом требует Корнелий.

Ставшие более расторопными, палачи оказываются перед ним.

-Перебейте голени двум другим преступникам.

Тут же двое из них вооружившись кувалдой, которой вбивали гвозди в кресты, взбираются на холм и профессионально выполняют привычную для них работу. Слышен хруст костей и душераздирающие вопли распятых. Тот из них, что напевал свадебную песенку, а последний час пребывал в обморочном состоянии на мгновение приходит в себя и опять теряет сознание, - теперь уже навсегда. Тела двух смертников провисают на руках, кости голеней вместе с ключьями мяса влезают наружу. Второй из них еще некоторое время кричит, а затем тоже лишается сознания. Их грудные клетки сдавливаются, начинается удушье и спазм сердца. Через несколько минут они перестают дышать. Казнь закончена. Корнелий встает с табурета и отдает приказ строиться. Солдаты из оцепления и из чахлой рощицы охотно собираются в походную колонну. Их ждут казарма, ужин и отдых. Резкий порыв ветра поднимает пыль и заставляет их плевать.

До заката еще пара часов. Но черная грозовая туча уже надвигается на Иудею от Средиземного моря, закрывая собою закатное солнце и весь небосклон. Все предметы вдруг лишаются своих теней и меняют цветовые оттенки. Голгофа, казавшаяся в солнечном блеске огромной глыбой белой соли, теперь становится грязно-серым холмом с кровавыми подтеками. Через час вокруг этого камня не остается ни души, дождь смывает с него грязь и кровь, и место это будет выглядеть совершенно невинно и обыденно. Иерусалим темнеет.

Корнелий подходит к Иосифу и, закрываясь алым плащом от очередной пыльной атаки, дружелюбно ему сообщает:

- Можешь забрать своего брата.

Иосиф хочет ответить: он мне не брат, - но сдерживается. К чему объяснения? Переждав порыв ветра, он лишь морщится, как от зубной боли, и коротко произносит:

- Благодарю, центурион.

Стоящий рядом нашрит как-то странно взглядывает на них, словно хочет что-то сказать. Иосиф вопросительно ждет.

- Мир вам, господин, - бормочет Иамес, поворачивается и уходит.

Он не открывает Иосифу и не предлагает ему свою помощь. Ему нельзя прикасаться к мертвым: он посвящен Богу. Но скоро, очень скоро именно этот человек, Иамес Праведный, брат Иисуса, возглавит христианскую общину Иерусалима и будет противником распространения новой религии среди язычников. Апостолы же начнут крестить всех подряд Святым Духом, которого так и не познали. Начнется самая грандиозная в истории кампания по раздаче святыни псам и жемчуга свиньям.

Иосиф и Корнелий тут же забывают о странном нашрите и оба смотрят на холм. Туда уже взобралась какая-то молодая женщина. Платок сполз с ее головы, и ветер треплет ее пышные волосы. Она обнимает ноги распятого Иисуса, будто не хочет их отпускать, судорожно цепляется за них и горько-горько плачет. Им обоим неловко смотреть на это искреннее горе. Центурион сочувственно прокашливается и говорит Иосифу:

- Наверное, твой брат был хороший человек, если по нему так убивается эта красивая женщина.

И опять Иосиф не опровергает его слов. Корнелий подзывает к себе Маннаю. Самаритянин неохотно покидает свою веселую компанию и вяло приближается.

- Снимите мертвых с крестов и отдайте царя этому человеку, - приказывает римлянин.

- Буря надвигается, командир. Пусть повисят до завтра. Утром отдадим, - хмуро предлагает он.

- У меня приказ: закончить все до заката. Ради иудейской Пасхи.

- Пусть тогда это человек нам заплатит, - нагло требует Манная, указывая на Иосифа. - Ради иудейской Пасхи.

- Выполняй приказ! Я еще разберусь с вами, шакалы! Пошел вон!

Бригадир профосов отходит. Корнелий провожает его гневным взглядом и, уже направляясь к своей центурии, которая в нетерпении ждет его на дороге, советует Иосифу:

- Тебе лучше заплатить им, если хочешь, чтобы они сняли твоего брата поскорее и не превратили в мешок костей при этом. Снять с креста можно по-разному.

- Я заплачу, - соглашается Иосиф.

Колонна скорым шагом уходит к крепости Антония. Следом за ней вражески наползает на Иерусалим огромная черная туча. Она идет так низко, что кажется, вот-вот зацепится за башни дворца Ирода, а затем накроет своей дланью золотую крышу святилища на Храмовой горе. И тогда ночь опустится на священный город.

Иосиф идет к своей повозке, берет из нее погребальную плащаницу и направляется к профосам. Те, забравшись опять под свою телегу, начинают беззаботно пировать. Фляга с вином переходит из рук в руки, закуска глотается вместе с грубыми шутками. Три трупа на крестах и рыдающая женщина их несколько не беспокоят. Они нарочно шумят и делают вид, что не замечают подошедшего к ним Иосифа.

- Да вы не знаете, олухи, что такое - настоящий боевой петух, - рассказывает им бригадир.

- Петух - не курица, - дразнят его приятели.

-Говорю вам, это орел! Он бросается на противника без страха и заклевывает его до смерти. Был у меня такой петух. Эх, какой был боец! Я его кормил мясом, вымоченным в вине. Дрался как бешенный. Мне за него огромные деньги предлагали. Я не соглашался. Какой петух был! Погиб в неравной схватке.

-Вот врет,- смеется один из его собутыльников.- Ты же сам рассказывал, что петуха твоя жена зарубила и суп сварила.

-А жену кто научил? Завистники!

Иосиф носком сандалии касается этого хвастливого самаритянина. Манная недовольно оборачивается.

-Я заплачу вам пять денариев, если вы быстро и аккуратно снимите Иисуса из Назарета.

-Это другой разговор, - тут же отзывается он и вылезает из-под телеги. - Заплати десять, по две монеты на каждого и получишь своего царя таким, что родная мать не отличит его от живого.

Это – наглое вымогательство, но Иосифу противно торговаться с этим стервятником.

-Снимайте, - холодно соглашается он.

-Ну, парни. Живо за работу! - тут же воодушевляется Манная.- Хватит рассиживаться. Скоро ливень хлынет. Снимайте царя первым. Да поаккуратнее.

Он услужливо улыбается Иосифу и обещает:

-Получишь своего царя как новенького.

И говорят, огромный восклицательный знак, изломанный негодованием, молнией рассек небо надвое.

И прошла по земле радостная весть: бог был убит.

